

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

**ЛИНГВИСТИКА
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА:
ТЕНДЕНЦИИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы международной
междисциплинарной научной конференции

Тверь, 12–13 октября 2023 года

Тверь
2023

УДК 81(082)
ББК Ш1я43
Л 59

Редакционная коллегия:

С.Н. Смирнов, канд. юрид. наук, доцент, *Л.Н. Скаковская*, д-р филол. наук, профессор, *Е.Н. Васильева*, канд. филол. наук, доцент, *А.А. Романов*, д-р филол. наук, профессор (ответственный редактор), *Л.А. Абросимова-Романова*, д-р филол. наук, профессор, *М.Л. Логунов*, канд. филол. наук, доцент, *Е.В. Малышева*, д-р филол. наук, профессор, *В.А. Маслова*, д-р филол. наук, профессор

Рецензенты:

В.В. Тулунов, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж;

Г.Г. Яковлева, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

Авторы представленных в сборнике докладов несут ответственность за правильность цитирования нормативных правовых актов и литературных источников, за высказанные ими в публикациях мнения, а также за содержание информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Положения, выводы и рекомендации авторов носят научно-исследовательский (дискуссионный) характер, выражают их личное мнение, которое может не совпадать с мнением и официальным подходом упомянутых в издании учреждений и организаций.

Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы : сборник научных трудов международной междисциплинарной научной конференции, Тверь, 12–13 октября 2023 г. / Отв. ред. А.А. Романов. – Тверь : Тверской государственный университет, 2023. – 444 с.

ISBN 978-5-7609-1816-1

Предлагаемый сборник включает доклады участников международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы» из Алжирской Народной Демократической Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Китайской Народной Республики, Республики Кыргызстан и Российской Федерации, состоявшейся 12–13 октября 2023 года в Тверском государственном университете. На конференции были всесторонне рассмотрены проблемы современной лингвистики, тенденции, доминирующие теории и новые перспективные направления в лингвистике первой четверти 21 века, обсуждены вопросы обеспечения лингвистической безопасности страны в политическом, социальном и индивидуально-психологическом аспектах манипулятивного воздействия на социум и индивида, затронуты дидактические и методические проблемы обучения иностранным языкам, а также вопросы исследований прагмалингвистических аспектов функционирования языка в условиях современной социальной деятельности.

Сборник адресован специалистам в области лингвистики, политологии, конфликтологии, психологии, филологии, судебно-лингвистической экспертизы, медиарекламы и журналистики.

ISBN 978-5-7609-1816-1

© Коллектив авторов, 2023
© Тверской государственный университет, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем издании представлены материалы Международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы», состоявшейся 12-13 октября 2023 года в Твери. Данная научная конференция, организованная кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики, кафедрой международных отношений и лабораторией современных коммуникативных технологий филологического факультета Тверского государственного университета, стала местом обсуждения широкого круга вопросов, связанных с исследованиями актуальных проблем современной лингвистики, и тенденций, доминирующих теорий и новых перспективных направлений в лингвистике первой четверти 21 века, которые проливают свет на глубинные процессы взаимодействия языка и мира, языка и культуры, языка и общества.

В сборник научных трудов по материалам Международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы» вошли доклады, прочитанные на пленарном заседании, круглом столе «Доминирующие теории и новые направления в лингвистике первой четверти 21 века», секционных заседаниях «Текст vs дискурс в когнитивном и социокультурном аспектах», «Лингвистика в системе комплексной безопасности общества», «Междисциплинарные исследования языковых единиц (предложение / высказывание – текст / дискурс) в информационном пространстве», «Функциональная лингвосомиотика: проблемы перевода, переводоведения и методы обучения языкам и культурам».

Тематическую направленность работы конференции задали выступления участников пленарного заседания: доклад в формате видеоконференции «К постановке проблемы патогенного текста» доктора филологических наук, кандидата психологических наук, профессора С.В. Мыскина и доктора филологических наук, профессора Е.Ф. Тарасова, доклад в формате видеоконференции «Маркемология как лингвистиколитературоведческая разновидность цифровой гуманитаристики» доктора филологических наук, профессора А.А. Кретова, доктора филологических наук, доцента О.Г. Артемовой, доклад «Интегративный подход к тексту должен стать доминирующей теорией XXI века» доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой, доклад в формате видеоконференции «Подходы к описанию словарного состава литературного языка» доктора филологических наук, профессора Ю.В. Кобенко, доклад «Медийно-просветительский дискурс» доктора филологических наук, профессора В.И. Карасика, доклад «Когнитивные мерности функционального потенциала коммуникативно-дискурсивного конструкта “запугивание”» доктора филологических наук, профессора А.А. Романова и доктора филологических наук, профессора Л.А. Абросимовой-Романовой, доклад в формате видеоконференции «Хештегирование как новая дискурсивная практика» доктора филологических наук

наук, профессора Л.Н. Синельниковой, доклад «Деятельность Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре в области совершенствования языковой политики» доктора филологических наук, профессора Л.Н. Скаковской.

В рамках заседания круглого стола «Доминирующие теории и новые направления в лингвистике первой четверти 21 века», соруководителями которого выступили доктор филологических наук, профессор Н.И. Клушина, доктор филологических наук, профессор Н.И. Миронова, доктор филологических наук, профессор А.А. Романов, были заслушаны доклады ведущих ученых Российской Федерации и зарубежных стран, которые в своих выступлениях затронули актуальные проблемы современной лингвистики (доктор политических наук, профессор О.Н. Савинова «Язык современных СМИ в цифровую эпоху», доктор филологических наук, профессор Н.И. Клушина «Стилистика цифровой эпохи: вызовы и перспективы», доктор филологических наук, профессор Г.Г. Слышкин «Лингвобезопасность и языковая рефлексия в обществе», доктор социологических наук, профессор Е.Я. Дугин «От «лингвистического поворота» к коммуникативной медиамодели», доктор филологических наук, профессор В.И. Коньков «Стиль и коммуникативные статусы текста», доктор филологических наук, профессор З.З. Чанышева «Средства создания медиаобразов участников конфликтов в дискурсивных картинах прокси-войн», доктор филологических наук, старший научный сотрудник Н.И. Миронова «База данных звучащей русской речи как инструмент исследования ошибок иностранцев, изучающих русский язык», доктор филологических наук, профессор В.Т. Малыгин «Визуальная поэзия Андрея Вознесенского»).

На заседании секции «Текст vs дискурс в когнитивном и социокультурном аспектах» (соруководители – доктор филологических наук, профессор Л.А. Абросимова-Романова, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО И.Д. Лельчицкий, доктор психологических наук, профессор С.Н. Махновец) были прочитаны доклады участников международной конференции в смешанном формате. К заседанию секции подключились участники из Донецка, Луганска, Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Тяньцзинь (Китайская Народная Республика) и других городов Российской Федерации и стран-участниц международной конференции. Были отмечены доклады очных гостей мероприятия – кандидата филологических наук, доцента Е.В. Выровцевой «Дискурсивная практика освоения знания в научно-популярных массмедиа: игра в возражение», кандидата филологических наук, доцента А.Н. Бертяковой «Предлоги в новом дискурсивном пространстве», кандидата филологических наук Е.Н. Арефьевой «Нейродидактические приемы активизации психических познавательных процессов при работе с художественным текстом на занятиях РКИ» (Ереван, Армения).

На заседании секции «Лингвистика в системе комплексной безопасности общества» (соруководители – доктор филологических наук, профессор Б.Я.

Мисонжников, доктор филологических наук, профессор А.А. Романов, доктор филологических наук, профессор Г.Г. Слышкин) прозвучали доклады ведущих российских и зарубежных лингвистов и молодых ученых из Москвы, Минска (Республика Беларусь), Твери, Санкт-Петербурга и других городов Российской Федерации и стран-участниц конференции. Доктор филологических наук, профессор Б.Я. Мисонжников в своем докладе «Метатекст и метадискурс как феномены когнитивной парадигмы» подчеркнул, что понятия метатекста и метадискурса дают возможность авторам научных трудов выстроить свою концептуальную схему, порой оригинальную и нестандартную, а рассмотрение данных понятий как явлений когнитивной парадигмы дает возможность с необходимой полнотой идентифицировать их в системе политико-социальных, духовных и культурологических отношений. В докладе кандидата филологических наук М.А. Васильченко «Локусный брендинг в аспекте современной медиакультуры» было отмечено, что современный человек формирует свою идентичность через потребление и причастность к сообществам брендов, следовательно, локусный брендинг влияет на представления о технологическом развитии и культуре различных стран.

На заседании секции «Междисциплинарные исследования языковых единиц (предложение / высказывание – текст / дискурс) в информационном пространстве» (соруководители – доктор филологических наук, профессор А.А. Богатырёв, доктор филологических наук, профессор А.Э. Левицкий, доктор филологических наук, профессор Е.В. Малышева) были представлены доклады участников из Воронежа, Волгограда, Екатеринбурга, Москвы и Московской области, Твери, Санкт-Петербурга, Сургута, Томска, а также Пекина (Китайская Народная Республика) и других городов. Доклад доктора филологических наук, профессора А.А. Богатырёва «Текст и «медiateкст» в ожидании перезагрузки: шумы и помехи в канале связи» был посвящен критическому рассмотрению динамики развития сущностных характеристик понятий текста и медiateкста, представленных в теориях зарубежных и отечественных исследователей второй половины XX и первой четверти XXI века. Доклад с элементами интерактивности старшего преподавателя Е.А. Кузнецовой «“Mindfulness” в языковом образовании» осветил концептуальные основы и методики практического внедрения в языковом образовании современного педагогического подхода. Незабываемое впечатление на всех присутствовавших оставил научный доклад доктора филологических наук, профессора О.Н. Морозовой и кандидата филологических наук, протоиерея, настоятеля храма Иосифа Волоцкого Тверской и Кашинской Епархии Русской Православной Церкви Г.А. Ульянича, посвященный коммуникативным аспектам мелодийной проповеди, который сопровождался авторским исполнением под гитару духовных песенных произведений.

Секция «Функциональная лингвосемиотика: проблемы перевода, переводоведения и методы обучения языкам и культурам» (соруководители – кандидат филологических наук, доцент Е.Н. Васильева, доктор филологических

наук, профессор Е.В. Малышева) объединила участников из Владивостока, Донецка, Москвы, Иркутска, Минска (Республика Беларусь), Нижнего Новгорода, Новосибирска, Симферополя, Тамбова, Твери, Томска и других российских и зарубежных городов, предоставив возможность ее участникам обсудить актуальные проблемы современной лингвистики, вопросы функционирования языка в поликультурном пространстве и дидактические и методические проблемы обучения иностранным языкам.

Таким образом, статьи авторов, освещающие вопросы функционирования языка в поликультурном пространстве, манипулятивного воздействия на социум и индивида, языкового сознания и переводческой когниции, прагмалингвистических аспектов функционирования языка в условиях современной социальной деятельности, обеспечения лингвистической безопасности страны в политическом, социальном и индивидуально-психологическом аспектах, выделения лингвистики в системе комплексной безопасности общества, исследования дидактических и методических аспектов обучения иностранным языкам, которые были всесторонне рассмотрены и изучены участниками Международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти 21 века: тенденции, итоги и перспективы», приводятся в содержании настоящего сборника в алфавитном порядке по фамилии авторов. Адресованный специалистам широкого круга гуманитарных дисциплин настоящий сборник призван дать читателю максимально полное представление об актуальных проблемах современной лингвистики. Практическое применение результатов исследования определяется возможностью их использования при чтении курсов по теории дискурса, основам теории коммуникации, прагмалингвистике, конфликтологии, политологии, психологии, филологии, судебно-лингвистической экспертизы, медиарекламы и журналистики, семиотике, лингвокультурологии, а также в практике написания выпускных квалификационных работ бакалавров, магистров, аспирантов.

*А.А. Романов,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
ответственный редактор сборника*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ АДВЕРБАТИВОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Статья посвящена стилистической характеристике ограничительных адverbативов, широко представленных в текстах публицистической направленности. В результате распределения собранных адverbальных единиц вычислена процентная доля каждой группы наречных лексем, закреплённых за определённым стилем. Выявлена ориентированность современных газетных текстов на научную лексику, которая переосмысливается и приобретает в медиатекстах публицистическую окраску. Делается вывод о зыбкости границ публицистического стиля, в который активно проникают слова, в частности наречные единицы, из других функциональных стилей.

Ключевые слова: медиатекст, публицистический стиль, адverbальная лексика, ограничительные адverbативы, стилистическая дифференциация, полистилизм

L.E. Adylova
(Simferopol, Russia)

FUNCTIONAL-STYLISTIC DIFFERENTIATION OF RESTRICTORY ADVERBATIVES IN MODERN MEDIA TEXTS

The article is devoted to the stylistic characteristics of restrictive adverbatives, widely represented in journalistic texts. As a result of the distribution of the collected adverbial units, the percentage of each group of adverbial lexemes assigned to a certain style was calculated. The focus of modern newspaper texts on scientific vocabulary is revealed, which is rethought and acquires journalistic coloring in media texts. The conclusion is made about the fragility of the boundaries of the journalistic style, which is actively penetrated by words, in particular adverbial units, from other functional styles.

Key words: media text, journalistic style, adverbial vocabulary, restrictive adverbatives, stylistic differentiation, polystylism

Введение. Как полагают лингвисты, язык СМИ сегодня занял господствующее положение среди всех стилей, ассимилировав в себе их ресурсы. По мнению Ю.Н. Караулова, это заставляет видеть в нём «совокупный образ национального языка, коллективным пользователем которого являются все россияне» [1, с. 12].

Г.Я. Солганик даёт следующее определение «господствующему» стилю: публицистический стиль – это функциональный стиль, обслуживающий широкую область общественных отношений – политических, экономических, культурных, спортивных и др. Используется в политической литературе,

средствах массовой информации (СМИ) – газетах, журналах, на радио, телевидении, в документальном кино [2, с. 312]. Характерными его чертами, отмечает исследователь, являются коммуникативная общезначимость, социальная оценочность языковых средств, принцип конструктивного конфликта экспрессивных и информативно стандартизованных единиц.

Публицистика медиaprостранства – та сфера применения языка, которая наиболее оперативно реагирует на новые лингвистические явления. По мнению В.Г. Костомарова, «без материалов, извлечённых из газет, сейчас становится всё более невозможным изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлений» [3, с. 10].

Ярче всего изменения, происходящие в современном русском языке, отражаются в словообразовании. Как отмечает Н.А. Николина, словообразование, последовательно используя морфемный инвентарь языка, служит источником новых наименований, необходимых обществу в тот или иной период развития, и тем самым выполняет определённый «социальный заказ», отражая динамику общественных процессов [4, с. 2]. В газете, ставшей сегодня средоточием языковых новаций, на основе существующих продуктивных словообразовательных типов образуются новые лексемы, активно пополняя словарный запас русского языка.

Выбор медиатекстового пространства в качестве источника нашего фактического материала объясняется высокой частотой распространённости изучаемого класса единиц в современных газетных текстах. Адвербиальные единицы для последующего анализа извлекались прежде всего из газетного кластера («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Известия», «РБК daily», «Труд–7», «Советский спорт», «Парламентская газета», «Коммерсант», «Новая газета», «Ведомости», «Новый регион 2») и новостных интернет-изданий (<https://ria.ru/>, <https://lenta.ru/>, <https://gazeta.ru/>, <https://rusargument.ru>, <https://vesti.ru>, <https://www.NEWSru.com>, <https://primeru.net/>).

Результаты исследования. Язык представляет собой полифункциональную систему. В число важнейших социальных функций языка, как отмечает Д.Э. Розенталь, входят общение, сообщение, воздействие [5, с. 12]. Для реализации данных функций образовались и оформились отдельные разновидности языка, в которых язык вступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей. Данные разновидности языка в науке, как известно, получили название функциональных стилей.

Публицистический стиль, к которому традиционно относились тексты массовой коммуникации, в последнее время, констатирует Г.Б. Овчарова, теряет свою целостность из-за функционально-стилистической разнородности и ярко выраженной социальной ориентированности информационных продуктов. Эту тенденцию сложно оценить как положительную или отрицательную – она отражает реальное положение вещей [6, с. 390].

Пространство массовой коммуникации, по мнению лингвистов, можно рассматривать как самостоятельную речевую сферу, которая остаётся открытой

для использования языковых средств из других функционально-речевых областей. Подобная открытость не разрушает сферу массовой коммуникации, а наоборот, является важным её признаком. Следовательно, при анализе языка медиатекстов, необходимо учитывать особое место стиля журналистских текстов в системе функциональных стилей русского языка.

Проанализировав фактический материал, мы обнаружили, что ограничительные адвербативы отличаются стилистическим многообразием. Мы распределили собранную наречную лексику по стилям речи и выявили, что в фактическом материале встречались слова, закреплённые за:

– научным стилем (*геологически, палеонтологически, антропологически, семиотически, кинематически, стереометрически, лингвистически, кибернетически, эмпирически, экспериментально, эвфемистически, химически, термически, статистически, семантически, гиперболически, астрологически, релятивистски, картографически, математически, биотехнологически, терминологически, фармакологически, модернистски, дуалистически, топонимически, апокалиптически, телепатически, беллетристически, апологетически, статически, сюрреалистически, теологически, тектонически, радиометрически, гидрологически, сейсмологически, неврологически, феноменологически*);

– официально-деловым стилем (*административно, законодательно, юридически, документально, нотариально, иерархически, финансово, конституционно, муниципально, электорально, регионально, плюралистически, парламентски, легитимно, организационно, формально, официально*);

– публицистическим стилем (*демократически, политически, пролетарски, идеологически, социально, прогрессивно, догматически, пропагандистски, агитационно, дипломатически, демографически, марксистски, национально, этнокультурно, коммунистически, экстремистски, стратегически, планоно, индустриально, пацифистски, оппортунистически, конформистски, конфессионально, антипутински, антисемитически, граждански, геополитически, исламистски, республикански, олигархически, антисоветски, шовинистски, фашистски*).

Кроме того, значительное количество адвербильных единиц стилистически интерпретировалось неоднозначно, поэтому данные наречия вошли в межстилевую лексику – лексику, не имеющую функционально-стилевой закреплённости и употребляющуюся в разных стилях. Например, *денежно, вокально, профессионально, амбулаторно, музыкально, литературно, умственно, стационарно, аварийно, телесно, фабрично, материально, научно, интуитивно*.

Таким образом, контекстные употребления с ограничительными наречиями, выделенные из публицистических жанров, включают адвербативы не только собственно публицистического стиля. Изученные нами публицистические тексты богаты стилистически нейтральной, официально-деловой и в особенности научной лексикой. Из всего количества проанализированных наречных единиц приблизительно 7% составили

официально-деловые лексемы, характеризующиеся логичностью, строгостью и объективностью выражения мысли. 17% составила стилистически нейтральная лексика, активно употребляемая во всех разновидностях языка. Большим разнообразием отличились собственно публицистические слова, составившие 23%. Наибольшее количество единиц – 53% – пришлось на адвербативы, закреплённые за научным стилем. Это свидетельствует о том, что научная лексика, обладающая непротиворечивостью и точностью, активно проникает в публицистический стиль и, переосмысливаясь, приобретает публицистическую окраску [5, с. 36].

Проделанный нами анализ актуальной наречной лексики подтверждает известный вывод о том, что язык публицистики характеризуется стилистическим разнообразием; публицистический стиль, являясь стилем с очень подвижными, зыбкими границами, открыт для сотрудничества с другими стилями и активно принимает языковые средства, преимущественно употребляемые в других стилях речи.

Выводы. Итак, важной особенностью языка современной прессы является полистилизм – использование в пределах одного газетного текста языковых единиц, относящихся к разным стилистическим пластам лексики русского языка. Многообразие стилистических средств в медиатекстах, использование нейтральных, официально-деловых, публицистических, научных слов, в частности ограничительных наречий, не приводит к хаосу, лексической пестроте, поскольку каждая лексема в медиатексте мотивирована задачами журналиста и подчинена функции воздействия – одной из основных функций публицистики.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 2001. – 144 с.
2. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – Москва, 1971. – 267 с.
4. Николина Н.А. Активные процессы в современном русском словообразовании. – Текст: электронный. – Москва: Московский государственный педагогический университет. – URL: <https://www.ruscenter.hu/uploads/content/hash76/107.pdf> (дата обращения: 24.05.2022)
5. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – Москва: Издательский дом «ОНИКС 21 век»: Мир и образование, 2001. – 381 с.
6. Овчарова Г.Б. Несколько слов в защиту языка СМИ // Журналистика в 2007 году: СМИ в условиях глобальной трансформации социальной сферы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Москва: Факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Е.Н. Арефьева
(Ереван, Республика Армения)

НЕЙРОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

В статье освещаются основные достоинства принципов нейропедагогики и нейродидактики, позволяющих персонализировать современное языковое образование. В процессе обучения русскому языку как иностранному одним из наиболее эффективных является нейродидактический подход. При организации занятий РКИ по чтению художественных текстов целесообразно учитывать функции различных блоков мозга. Автор предлагает варианты внедрения в процесс обучения нейродидактических приемов, способствующих развитию когнитивных процессов обучающихся. Представленные в работе учебные задания, направленные на активизацию функциональных блоков мозга, делают уроки чтения творческими и интерактивными, что способствует оптимизации процесса обучения.

Ключевые слова: нейропедагогика, нейродидактика, психические познавательные процессы, функциональные блоки мозга, обучение русскому языку как иностранному, художественный текст

E.N. Arefeva
(Yerevan, Armenia)

NEURODIDACTIC TECHNIQUES OF ACTIVIZATION OF PSYCHICAL COGNITIVE PROCESSES IN WORKING WITH THE FICTION TEXT IN RLF CLASSES

The article highlights the main advantages of neuropedagogical and neurodidactic principles that allow personalizing modern language education. Neurodidactic approach is one of the most effective in the process of teaching Russian as a foreign language. When organizing RLF lessons on reading fiction texts, it is advisable to take into account the functions of different brain blocks. The author of the article offers options for introducing neurodidactic techniques into the learning process that promote the development of students' cognitive processes. The learning tasks presented in this paper, aimed at activating functional blocks of the brain, make reading lessons creative and interactive, which helps to optimize the learning process.

Key words: neuropedagogy, neurodidactics, mental cognitive processes, functional blocks of the brain, teaching Russian as a foreign language, fiction text

Отправной точкой оптимизации образовательного процесса, наметившейся в настоящее время, является развитие когнитивных наук и их междисциплинарное взаимодействие. На стыке когнитивной неврологии, дифференциальной психофизиологии, нейропсихологии и педагогической

© Арефьева Е.Н., 2023

теории обучения возникла нейропедагогика (Educational Neuroscience). Эта прикладная нейронаука оказалась способной с максимальной эффективностью решать педагогические задачи, опираясь на «данные о мозговой организации процессов овладения различными видами знаний, учета и взаимовлияния ИПЛ (ИПЛ – индивидуальный профиль латеральности) учащихся и преподавателей в образовательном процессе» [12, с. 36]. Теоретическая база российской нейропедагогике была заложена в трудах Л.С. Выготского [3], А.Р. Лурии [10], Л.С. Цветковой [11]. На начальном этапе развития нейропедагогике перед исследователями стояли задачи создания теоретической и методической базы для педагогов, которые сталкиваются с трудностями, возникающими во время учебы у детей с особенностями развития [5, с. 11]. В трудах отечественных исследователей разрабатывались идеи, основанные на необходимости учета нейропсихологических особенностей учащихся в процессе обучения [1; 6; 15; 12; 16; 14; 2 и др.]. Разработка новых методов обучения с опорой на «знания об индивидуальных особенностях мозговой организации психических функций» [4, с. 298] делает нейропедагогике эффективным инструментом для оптимизации учебно-воспитательного процесса.

В преподавании русского языка получило развитие новое направление, углубившее когнитивные составляющие обучения и опирающееся на психолингвистику, – нейролингводидактика [13, с. 198]. В рамках нейролингводидактического направления упор делается на учет возрастных, личностных и индивидуальных особенностей обучающихся, что позволяет разрабатывать персонализированные модели, подстроенные под тип личности. Персонализированное обучение отвечает требованиям когнитивно-компетентностной образовательной парадигмы, в которой обозначилась переориентация с содержания образования на знания и навыки, которые должны получить студенты «на выходе» [9, с. 108]. При таком переосмыслении моделей обучения особое значение приобретает формирование набора профессионально релевантных компетенций студентов [19]. Наряду с гибкой образовательной траекторией, выстроенной с опорой на индивидуальные особенности обучающихся, в современной парадигме гуманитарного образования центральная роль отводится автономности и самостоятельной работе студентов в процессе обучения. Перечисленные требования обуславливают необходимость внедрения в процесс языкового образования нейродидактического подхода.

Рассмотрим основные принципы нейродидактики, которые могут с успехом применяться в процессе языкового образования:

- 1) невозможность автоматической передачи знаний от одного субъекта другому (знание создается заново в мозгу обучающегося);
- 2) создание моделей и разделений информации на категории;
- 3) мотивация и опора на личный опыт;
- 4) связь новой информации с имеющимися знаниями;
- 5) практикоориентированный характер обучения [18].

Интеграция в обучение русскому языку как иностранному (РКИ) основополагающих нейродидактических установок предопределяет активную роль студента и его ориентацию на собственные научные интересы и мотивированность [9, с. 110]. Учебная деятельность становится более продуктивной, если процесс обучения для студентов прозрачен и они осознают цели своих действий, а также место и роль каждого учебного действия в образовательном процессе. Осмысление нового проходит более эффективно, когда участники процесса обнаруживают связь нового материала с ранее изученным, а полученные знания находят применение в разнообразных контекстах и реальных ситуациях. Перечисленные достоинства делают нейродидактический подход привлекательным для преподавателей русского языка, обучающих иностранных студентов чтению и пониманию текстов русской литературы.

В данной статье мы рассмотрим возможности организации работы с художественным текстом в процессе обучения РКИ с точки зрения законов головного мозга. Такой подход позволяет выстроить персональные образовательные траектории обучающихся с учетом их индивидуальных психолого-педагогических возможностей [17, с. 608].

В плоскости обучения чтению на иностранном языке становится важным развитие психических познавательных процессов (восприятия, памяти, внимания, мышления, воображения), входящих в когнитивную сферу личности. При организации занятий по чтению художественных произведений, как и любого занятия РКИ, преподаватель должен учитывать знания о том, за какие когнитивные процессы отвечают различные функциональные блоки мозга (Вопросы нейрофизиологии и нейропсихологии освещены в работах Л.С. Выготского, А.Р. Лурии [3], [10], [7]).

Так, **первый блок головного мозга** (энергетический) регулирует тонус и бодрствование человека [17, с. 608]. Принимая во внимание функции энергетического блока мозга, преподаватель может переключать внимание с одного изучаемого объекта на другой, чтобы не допускать утомляемости обучающихся. Так, применительно к процессу восприятия художественного текста, в ходе семантизации незнакомой лексики рекомендуется чередовать различные когнитивные стратегии идентификации значения незнакомого слова [8, с. 124]. Например, на притекстовом этапе работы с текстом рассказа И.А. Бунина «Солнечный удар», студентам, владеющим русским языком на уровне С1, могут быть предложены такие задания: *«Соотнесите названия предметов и городских объектов (Предлагается подобрать описания к следующим названиям: ботвинья, сигарка, каланча, присутственные места, ступица, захолустье), о которых идёт речь в рассказе, с их описаниями»* или *«Подберите слово, которым раньше называли а) человека, который встречает посетителей гостиницы; б) молодых людей, которые только что вступили в брак; в) молодую девушку; г) мужчин и женщин из народа (Слова для справок: барышня, баба, мужик, лакей, новобрачный). Назовите синонимы, которые имеют эти слова в современном русском языке»*. При выполнении данного

задания одна часть значений новых лексических единиц может быть установлена с опорой на состав слова, другая часть – с привлечением экстралингвистических знаний.

Для того чтобы предотвратить снижение концентрации внимания в процессе работы с линейным текстом рекомендуется включать нелинейные тексты, требующие фокусировки и правильного распределения внимания (билеты, афиши, бланк телеграммы). В ходе определения элементов ситуации или миниситуаций текста (К основным компонентам ситуации текста относятся субъект, событие, место и время [8, с. 191]) рассказа «Солнечный удар» можно предложить студентам извлечь необходимую информацию из пассажирского билета на пароход и афиши пароходного общества или составить текст телеграммы, которую мог бы отправить поручик своей возлюбленной, и вписать его в бланк (изображения для подобной работы можно подобрать в интернете).

Второй блок головного мозга отвечает за прием, переработку и хранение экстероцептивной информации (зрительных, слуховых, тактильных, обонятельных, вкусовых ощущений). Чтобы избежать снижения эффективности восприятия новой информации, на этапе работы с незнакомой лексикой важно планировать смену речевой деятельности. В качестве упражнения, активизирующего этот блок мозга, можно предложить задание на соотношение названий предметов и картинок, например: *«Сделайте подписи к изображениям (Задание выполняется в ходе работы над рассказом «Солнечный удар». Изображения могут быть взяты из одноименного кинофильма (реж. Н. Михалков). На первой картинке изображен поручик, необходимо сделать подписи к предметам его одежды; на второй картинке – извозчик, нужно соотнести подписи с изображениями частей экипажа и одежды): 1) картуз, окóльши (картуза), китель, пúговицы, погóны; 2) пролётка, кóзлы, вóжжи, поддёвка».*

После этого возможно продуцирование собственного высказывания в ходе выполнения следующего задания: *«Используя подписи к изображениям, расскажите, кто такие поручик и извозчик, чем занимались эти люди по роду своей деятельности, как могли выглядеть, во что обычно были одеты и т.д.»*

Развитию второго блока мозга могут служить творческие приемы работы с лексикой, сконструированные следующим образом: *«Найдите лишнее слово в данных тематических рядах. Объясните свой выбор.*

- 1) подвенечный газ, галстук, холстинковое платье, шпилька;
- 2) бакенбарды, брови, эпюлеты, усы, стрижка ёжиком;
- 3) дёготь, ботвинья, чай с лимоном, укроп, кофе, огурцы;
- 4) миска, горшок, подзеркальник, поднос, чашка, самовар, рюмка».

Помимо этого, в целях активизации второго блока мозга целесообразно предлагать задания, с помощью которых акцентируются экстероцептивные зрительные, слуховые и осязательные ощущения. К примеру, подготавливая студентов к чтению рассказа Л.Н. Толстого «После бала» (уровень С1-С2), вместо пространственных комментариев с характеристикой различных видов танца, можно предложить обучающимся прослушать мелодии мазурки, польки,

кадрилы и вальса. Затем студенты угадывают вид танца по мелодии и высказывают предположения, какие элементы могут включать эти танцы. Подкрепить высказанные студентами предположения можно просмотром небольших видеофрагментов с танцами (видеоролики можно найти в интернете).

Для того чтобы у студентов сложились представления о некоторых реалиях, упоминаемых в рассказе Л.Н. Толстого, можно провести такой эксперимент: обучающимся предлагается закрыть глаза и прикоснуться к различным материалам (лайковая кожа, бархат, атлас, перо). После этого студентам предлагается догадаться, из каких материалов могли быть изготовлены предметы одежды, о которых идет речь в тексте (платье, башмачки, перчатки, веер), какого они могли быть цвета. Затем преподаватель демонстрирует изображения этих предметов, обращая внимание на цвет (плюсовый – коричнево-красный), его символику (белый цвет веера – невинность), трактовку образов (перо – легкость). В результате подобной работы словесные образы находят воплощение в зрительных, слуховых, осязательных читательских представлениях, что способствует глубокому пониманию основной идеи произведения и роли художественных деталей в тексте.

Третий блок головного мозга – блок программирования, регуляции и контроля – можно стимулировать, применяя приемы театрализации. Если произведение сложно инсценировать (как в случае с приведенными выше рассказами), можно внести элементы театрализации в задания на притекстовом этапе работы, например, таким образом: *«Изобразите действия, которые называют следующие глаголы: вставать, садиться, отворачиваться, щуриться, шататься, спотыкаться, цепляться (шпорой за шпору), братья (за возжжи), подложить (руки под затылок)»* (рассказ «Солнечный удар»). Подобные задания помогают поддерживать познавательный интерес в процессе лексической работы.

Таким образом, благодаря рассмотренным нами нейродидактическим приемам преподаватель РКИ может управлять психическими процессами обучающихся, апеллировать к их чувствам и эмоциям, что способствует созданию благоприятной атмосферы на уроках чтения. Организация обучения пониманию художественного текста с опорой на принципы устройства когнитивной сферы личности позволяет индивидуализировать учебный процесс и сделать его более продуктивным.

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Методология нейропсихологического сопровождения детей с неравномерностью развития психических функций // А.Р. Лурия и психология XXI века. Доклады II Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурии / Под ред. Т. В. Ахутиной и Ж. М. Глоzman. – М., 2003. – С. 181–189.
2. Бажанов В.А., Шкурко Ю.С. Современная нейронаука и образование: новые аргументы в пользу старых приемов // Педагогика. – 2018, № 8. – С. 29–38.

3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собрание сочинений: в 6 т. – Т.3. – Москва: Педагогика, 1983. – 368 с.
4. Емец Л.Г., Уварова Н.Н. Актуальность внедрения нейродидактического подхода в образовательный процесс // Мир науки, культуры, образования. – 2021, № 6 (91). – С. 297–299.
5. Ермолаева Ж.Е. Нейродидактика и диадное обучение детей-билингвов // Русский язык за рубежом. – 2022, № 6. – С. 11–16.
6. Клемантович И.П., Леванова Е.А., Степанов В.Г. Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний // Вестник Московского педагогического государственного университета. – 2021, № 3. – С. 8–17.
7. Костромина С.Н. Введение в нейродидактику: учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. – 182 с.
8. Кулибина Н.В. Методика обучения чтению художественной литературы. – М.: Флинта, 2018. – 303 с.
9. Куликова О.В. Нейродидактический подход как фактор повышения качества обучения иноязычному профессиональному общению // Вестник МГЛУ. – 2014, выпуск 14 (700). – С. 107–114.
10. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М, 1975. – 252 с.
11. Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихология и проблемы обучения в общеобразовательной школе. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 272 с.
12. Москвин В.А., Москвина Н.В. Нейропедагогика как прикладное направление педагогики и дифференциальной психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2001, № 4. – С. 34–39.
13. Хамраева Е.А. Нейролингводидактика как новое направление в преподавании русского языка как иностранного // Мегапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 22 апреля 2022 года. – М.: МПГУ, 2022. – С. 194–199.
14. Хризман Т.П. Развитие функций мозга ребенка: электроэнцефалографические исследования. – Ленинград: Наука, 1978. – 128 с.
15. Цветков А.В. Нейропедагогика для учителей: как обучать по законам работы мозга. – М.: Изд-во «Спорт и Культура – 2000», 2017. – 128 с.
16. Чурило Н.В. Нейропедагогика как основа эффективного образовательного процесса // Auditorium. – 2019, № 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuropedagogika-kak-osnova-effektivnogo-obrazovatel'nogo-protsesssa> (дата обращения 10.07.2023)
17. Шеина Л.П., Сат А.Б. Нейродидактика как основа современного языкового обучения: приемы концентрации внимания // Педагогический журнал. – 2023, Т. 13, № 1А. – С. 606–614.
18. Sabitzer B. Neurodidactics – a new stimulus in ICT and computer science education. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228411501_NEURODIDACTICS-A_NEW_STIMULUS_IN_ICT_AND_COMPUTER_SCIENCE_EDUCATION (дата обращения: 10.07.2023)
19. Sabitzer B., Antonitsch P. Of bytes and brain? Informatics education meets neurodidactics. – URL: https://www.researchgate.net/publication/263655483_OF_BYTES_AND_BRAIN_INFORMATICS_EDUCATION_MEETS_NEURODIDACTICS (дата обращения: 27.07.2023)

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Л.А. Ахмыловская
(Владивосток, Россия)

КРУГ ЧТЕНИЯ КАК ОСНОВА САМОСОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье представлен ряд книг, рекомендованных для самостоятельного чтения в процессе изучения иностранного языка студентами высших учебных заведений. Книги объединены тематикой целеполагания, упорства в достижении целей, исследовательского отношения к процессу образования. Автор делится некоторыми выводами о целесообразности применения читательских методик, предлагаемых представителями мировой литературы, переводчиками, педагогами. Актуальность материалов основана на приоритете профессионально-ориентированного и лично-значимого выбора. Представленные книги содержат опыт преодоления и самосовершенствования, способствуют развитию рефлексии и критического мышления, могут быть интересны студентам, аспирантам, преподавателям вузов.

Ключевые слова: круг чтения, исследовательское отношение, целеполагание, рефлексия, критическое мышление

L.A. Akhmylovskaja
(Vladivostok, Russia)

READING CIRCLE AS A BASIS FOR SELF-IMPROVEMENT IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

The article presents a number of books recommended for independent reading in the context of learning a foreign language by students of higher educational institutions. The books are united by the themes of goal setting, perseverance in achieving goals, and a research attitude to the educational process. The author shares some conclusions about the expediency of using reading techniques offered by representatives of world literature, translators, teachers. The relevance of the materials is based on the priority of professionally oriented and personally significant choice. The presented books contain the experience of overcoming and self-improvement, contribute to the development of reflection and critical thinking, may be of interest to students, graduate students, university teachers.

Key words: reading circle, research attitude, goal setting, reflexia, critical thinking

Процесс изучения иностранного языка предполагает анализ информации о языковых явлениях в контексте живой коммуникации. Осознанно осваивая язык, мы создаем личные смыслы, главным образом благодаря творческому взаимодействию. Приобретение новых фактов, навыков и умений включает соотнесение новой информации с реальностью и её самостоятельное осмысление.

Сторонники акмеологического подхода к образовательному процессу руководствуются необходимостью формирования исследовательского

пространства как в аудиторном групповом, так и в индивидуальном обучении [1, 12, 14]. Принять противоположный (формальный) подход – значит не использовать возможность расширения тезауруса и картины мира в целом. Ключом к адекватному решению проблемы обучающего чтения является актуальность получаемой информации. В дополнение к рекомендуемому тем или иным преподавателем учебнику неотъемлемой частью курса является личный круг чтения на изучаемом языке. Читательские методики, передаваемые нам лучшими представителями мировой литературы, переводчиками, педагогами остаются актуальными, в силу очевидного приоритета профессионально-ориентированного и лично значимого выбора. Они содержат бесценный опыт самосовершенствования, рефлексии, развития критического мышления [2; 8; 10].

Изучение русского языка как иностранного может быть непосредственно связано с гениальным трудом Л.Н. Толстого «Круг чтения» (1906, 1908). Этот двухтомник представляет собой дидактическое собрание афоризмов и рассказов на каждый день, расположенных по календарному принципу. Текст разбит на двенадцать месяцев, каждый день месяца состоит из тематически связанных изречений, принадлежащих великим мыслителям прошлого и современности. Каждая неделя года отделена от другой «недельными чтениями» – рассказами и выдержками из публицистических и религиозно-философских работ тех писателей и философов, с которыми Толстой был солидарен в вопросах этики [2].

Подход Л.Н. Толстого подобен и традиционному структурированию курса чтения, известному на гуманитарных факультетах как *домашнее чтение, индивидуальное чтение, аналитическое чтение*.

Цель статьи – рассмотреть значение круга чтения на изучаемом языке на примере нескольких книг, объединённых тематикой *целеполагания, упорства* в достижении целей, *исследовательского отношения* к процессу образования.

Объект исследования – примерный список книг для дополнительного чтения по выбору. *Предмет* исследования – процесс самонаблюдения и самоанализа в контексте чтения литературы на изучаемом языке.

Материалом исследования послужили книги, написанные англоязычными психологами, педагогами, переводчиками, актёрами. Ведущими *методами* являются метод включённого наблюдения и анализа процесса обучающего чтения. Чтение избираемой литературы на изучаемом языке – есть и цель, и средство обучения, что для студентов творческого вуза (и, в частности, для будущих актёров) ассоциируется с профессиональными терминами *задача, действие, действенная задача*.

Чтение связано с психическими процессами запоминания, мышления (сравнения, обобщения, анализа, синтеза, абстрагирования); внутреннего проговаривания, вероятностного прогнозирования. Психофизиологические механизмы чтения включают восприятие, установку звукобуквенных соответствий, понимание, осмысление. В чтении участвуют: зрительный, речемоторный и слуховой анализаторы. Как другие виды речевой деятельности

чтение включает три этапа: побудительно-мотивационный, аналитико-синтетический, исполнительный.

Получение профессионально и лично значимой информации – первостепенная, но не единственная *задача*. Осознанное чтение книги на изучаемом языке развивает языковую наблюдательность, студенты учатся внимательно относиться к оформлению своих мыслей и передавать их в монологической и диалогической речи, как устной, так и письменной.

Анализ прочитанного и развитие рефлексии позволяют студенту самостоятельно фиксировать образовательную деятельность, видеть, является ли процесс эффективным и удобным для него [10]. В личной траектории развития рефлексия, основанная на анализе прошлого, направляет нас к будущему.

Далее коротко представим несколько рекомендованных к самостоятельному чтению книг, объединённых тематикой *целеполагания, упорства* в достижении целей, *исследовательского отношения* к процессу образования.

Kato Lomb. How I learn languages. Като Ломб. Как я изучаю языки. Автор книг о языках, устном переводе и полиглотах, венгерская переводчица Като Ломб (1909–2003) – одна из величайших полиглотов 20-го века и одна из первых синхронных переводчиков в мире. Ломб работала на 16 языках в государственной, научной и деловой сфере. Книга «Как я изучаю языки», впервые опубликованная в 1970 году и вскоре кратко изложенная в Советском Союзе в газете «Труд», представляет собой сборник ярких рассказов, размышлений и практических рекомендаций для всех, кого интересуют иностранные языки. Ломб увлеклась лингвистикой, имея учёную степень по химии, приступала к изучению всё новых языков до глубокой старости; методики, которые она использовала, особенно полезны взрослым студентам [10].

Angela Lee Duckworth. Grit: The power of passion and perseverance. Анджела Ли Дакворт. Выдержка: сила страсти и упорства. В этом популярнейшем исследовании психолог Анджела Дакворт убедительно доказывает, что секрет выдающихся достижений заключается не в таланте, а в особой комбинации желания и настойчивости, которую она называет упорством. Почему одни люди добиваются успеха, а другие терпят неудачу? Делясь результатами многолетнего труда, Анжела объясняет, почему сам по себе талант не может быть залогом успеха. Выдержка, страсть и настойчивость в достижении важной цели является отличительной чертой всех, кто добивается высоких результатов в искусстве, науке, спорте, любой другой сфере деятельности.

Дакворт показывает, что выдержка может расти и набирать силу. Автор приводит истории учителей, военных, артистов, телеведущих, победителей учебных и профессиональных олимпиад и конкурсов. Изучая такие понятия, как самоконтроль и выдержка, Анжела Дакворт рассказывает, как они могут вести к академическим и профессиональным успехам [4].

Среди студентов вузов встречаются и те, кто приступает к изучению второго иностранного языка. Их могут заинтересовать специальные билингвальные издания, содержащие информацию о культуре той или иной страны и её лучших представителях [7]. Никого не оставит равнодушными написанный лаконично и доступно краткий экскурс в мировую историю. *Lasselles C. A short history of the world*. Книга охватывает период от Большого взрыва до наших дней и дает широкий обзор общепринятых версии исторических событий [9].

Jennifer Cook O'Toole – *Autism in Heels*. В возрасте тридцати пяти лет актрисе Дженнифер Кук О'Тул поставили диагноз “синдром Аспергера”, и впервые в ее жизни все, наконец, обрело смысл [3, с. 40–44]. Остроумная и откровенная книга О'Тул «Аутизм на каблуках» является важным дополнением к растущему объему литературы об особом опыте женщин с проблемами аутизма, долгое время игнорируемом исследователями. О'Тул погружает читателя в процесс самонаблюдения и самосознания человека в мире неаутичных людей, направляет к поискам смысла и идентичности. Она в доступной форме показывает, как восприятие проблемы меняется. Откровенные мемуары раскрывают специфику женского аутизма изнутри, отражают картину постоянной борьбы между тщательно продуманным образом и подлинным внутренним существованием. О'Тул редактирует анамнез остроумно и искренне, с любовью к другим, нетипичным и особенным, чей разум может «страстно творить, яростно анализировать и лихорадочно мечтать» [3, с. 76]. Это лишь начало разговора, который изменит правила игры, поможет тем, кто испытывает тревогу, расстройства пищевого поведения или переживает неустойчивые отношения. Дженнифер на основе собственного преодоления делится опытом самоисследования, самопознания, расширения возможностей.

Viktor E. Frankl *The Will to Meaning*. Виктор Э. Франкл автор целого ряда выдающихся работ в области психологии и психиатрии. Переживший Холокост Виктор Э. Франкл известен как основатель логотерапии, метода психотерапии, основанного на мотивации человека к поиску смысла своей жизни. В своих статьях, лекциях и выступлениях автор приводит множество примеров преодоления людьми самых сложных ситуаций, связанных с войнами, пленом, недугами; обсуждает основополагающие тезисы своей теории в контексте известных психотерапевтических направлений и описывает методы, которые он использует в борьбе с экзистенциальным вакуумом. Впервые опубликованная в 1969 году, переизданная в 1988, 1990, 2018 гг. книга «Воля к смыслу» объединяет статьи В.Э. Франкла по логотерапии и считается приоритетным исследованием в области смыслоцентрической терапии [5; 6].

Nedy Lamarr *Ecstasy and me: my life as a woman*. Хеди Ламарр. Экстаз и я: моя жизнь как женщины. Эта книга, впервые опубликованная в 1966 году, является автобиографией актрисы Голливуда, известной не только своей выдающейся кинокарьерой, но и своими изобретениями и исследованиями. Название книги отсылает к одному из первых фильмов Хеди Ламарр, вышедшему в 1933. В годы Второй мировой войны Ламарр разработала и

запатентовала метод противоракетной защиты. Разработанный ею способ защиты от торпед может, по оценкам специалистов, найти применение и в будущем. После крушения самолета малайзийской авиакомпании, в результате которого погибли 298 пассажиров (2014 г.), изобретение Ламарр вновь вызвало интерес, так как ракета, сбившая самолет, использовала систему, аналогичную предложенной ею более полувека назад. Известны также изобретения Ламарр, ставшие основой для первых мобильных телефонов. Подробные описания съёмочного процесса в разных странах мира, портреты коллег, в том числе и последователей К.С. Станиславского, отзывы актрисы о сценариях и ролях интересны как киноведческий материал, изложенный в доступной форме на живом, метафоричном английском языке [8].

Obama M. *The Light We Carry: Overcoming in Uncertain Times*. Мишель Обама. Свет, который мы несем: Преодоление в смутные времена. Возможно, не существует однозначных решений и ответов на главные вопросы, но автор книги верит, что каждый способен найти свой набор инструментов, который поможет сориентироваться в эпоху перемен, и сохранять внутреннюю стабильность. Мишель ведёт честный диалог с читателем, рассматривая проблемы, знакомые многим. Как построить прочные отношения? Как найти силу и единство в наших различиях? Какие инструменты использовать, чтобы справиться с чувством неуверенности в себе и завтрашнем дне? Что делать, когда трудности кажутся непреодолимыми? Книга предлагает серию ярких историй и пронизательных размышлений о переменных; напоминает, что, помогая другим, мы открываем собственные возможности и находим новые пути. Опираясь на личный опыт матери, дочери, супруги, друга, первой леди, опытного профессионального юриста, Мишель Обама делится принципами, которые позволяют успешно адаптироваться к переменам и преодолевать препятствия. Она подробно описывает самые ценные практики: умение начинать с чистого листа, постоянно расти личностно и профессионально, собирать круг надежных друзей и наставников. С юмором, искренностью и состраданием Мишель пишет о расовых и религиозных проблемах, учит преодолевать страх, находить силу в дружбе и общении, жить смело и открыто [11].

Poumpouras E. *Becoming Bulletproof: Protect Yourself, Read People, Influence Situations, and Live Fearlessly*. Эви Поумпурас делится уроками, извлеченными из практики государственной службы, знаниями и навыками, которые помогают быть готовыми к стрессовым ситуациям, разбираться в людях, влиять на позитивный исход в сложных ситуациях, быть свободными и бесстрашными. Стать пуленепробиваемым значит превратиться в более сильного, уверенного в себе человека. Эви Поумпурас — бывший агент секретной службы трех президентов и одна из пяти представительниц своей профессии, награжденная медалью за отвагу, демонстрирует, как можно преодолевать повседневные страхи, вести трудные разговоры, отличать тех, кому можно доверять, готовиться к разнообразным неожиданностям. Стать пуленепробиваемым значит стать более совершенной версией самого себя. Поумпурас показывает нам, что истинная сила заключается не в блестящей

спортивной подготовке; она в нашем сознании и воспитании души. Мужество предполагает умение противостоять злу, сопротивляться лжи. Психолог, педагог, исследователь, преподаватель университета Эви Поумпурас пишет о ценности лучших человеческих качеств: порядочности, искренности, умении не на словах, а на деле ценить и беречь дружбу, уважать личность и свободный выбор каждого человека [13].

Анализ представленных в статье книг для самостоятельного чтения на изучаемом языке позволяет сделать следующие выводы.

Работая с самостоятельно избираемым текстом, обучающийся:

- извлекает необходимую профессионально и личностно-значимую информацию, отделяя важные данные от второстепенных;
- формулирует собственное мнение и осмысливает свой личный опыт на иностранном языке;
- задаёт вопросы, ставит и решает проблемы в процессе коммуникации на иностранном языке.
- аргументированно излагает свои умозаключения;
- отделяет факты от предположений;
- выявляет причинно-следственные связи;
- творчески интерпретирует полученную информацию;
- развивает интерес и способность к самонаблюдению, самовыражению, самореализации.

Процесс чтения самостоятельно избираемой, личностно-значимой литературы на изучаемом языке способствует развитию критического мышления, воспитанию толерантности, доброжелательности и уважения к личности каждого человека; стимулирует потребность в новых знаниях и интерес к самостоятельным исследованиям.

Литература

1. Акмеология развития. Методологические и методические проблемы. – СПб: Общественная академия акмеологических наук, 2023. – 229 с.
2. Тулякова А.А. «Круг чтения» Л.Н. Толстого: генезис и поэтика. – М: ВЭШ, 2019. – 194 с.
3. Cook O'Toole J. – Autism in Heels. – NYC: Skyhorse, 2021. – 272 p.
4. Duckworth A. Angela Lee Duckworth. Grit: The power of passion and perseverance. – London: Vermilion. 2017. – 440 p.
5. Frankl V. Viktor E. Frankl The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy. Plume, 2014. – 176 p.
6. Frankl, V. – Dr. Viktor Frankl. Will to Meaning – URL: <https://youtu.be/ZO9NSnnQtoc> (дата обращения: 02.09.2023)
7. Katayama P.M. Talking about Japan. Tokyo: Kodansha Bilingual Books, 2014. – 360 p.
8. Lamarr H. Ecstasy and me: my life as a woman NYC: Bartholomew House, 2022. –318 p.
9. Lasselles C. A short history of the world. Tokyo: 2019. – 276 p.
10. Lomb K. How I learn languages – TESL-EJ, 2009 – 215 p. URL: Lomb_Kak-yazichayu-yazyki.aCM_OA.112550.fb2 (дата обращения: 08.09.2023)
11. Obama M. The Light We Carry: Overcoming in Uncertain Times. NYC: Viking Press, 2022. – 336 p.

12. Paperno I. “Who, what am I?”: Tolstoy struggles to narrate the self. – London: Cornell University Press, 2014. – 229 p.
13. Poumpouras E. Becoming Bulletproof: Protect Yourself, Read People, Influence Situations, and Live Fearlessly. – NYC: Atria Books, 2020. – 336 p.
14. Rakhuba L.F. The acme approach and its expediency in studying the notion “competitive specialist” // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Issue 4 (106), 2011. – P. 85–88.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СЕМАНТИКА ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

Статья представляет исследование, проведенное в свете решения общей лингвистической задачи – различения контекстов конфликтного дискурса и случаев их прагматического употребления. Показано возможное влияние просодических средств на изменение смыслов иллокутивной доминанты. Исследована семантика просодических средств для выявления способов использования просодических характеристик для возможной передачи эмоций и создания характерной атмосферы напряжения.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, семантика, иллокутивная доминанта, просодические характеристики

N.A. Belous
(Moscow, Russia)

SEMANTICS OF PROSODIAL CHARACTERISTICS OF VERBIAL MEANS IN CONFLICT DISCOURSE

Our article is a kind of research dealing with general linguistics goal to define a conflict discourse and its pragmatic appliance. We have shown the influence of prosodial means onto changing of semantic of illocutive dominants. We researched the meanings of prosodial characteristics for possible expressing of emotions and making the atmosphere of conflict discourse.

Key words: conflict discourse, semantic, illocutive dominant, prosodial characteristics

Наш интерес к просодическим средствам в рамках конфликтного дискурса (далее - КД) обусловлен тем фактором, что он является неотъемлемой частью нашей жизни, и люди часто выражают свои положительные и отрицательные эмоции и чувства через язык тела и голос. Множество русских и зарубежных лингвистов опосредованно касались роли «конфликтного дискурса» в человеческой коммуникации. Некоторые из этих исследований показали: а) что использование конфликтных риторических приемов, таких как ирония, сарказм и апелляция к эмоциям и чувствам других людей ведет к пониманию и компромиссам; б) использование контрастов и противопоставлений в конфликтном дискурсе позволяет коммуникантам выразить свое мнение и убедить собеседника в своей правоте; в) использование метафор и аналогий в конфликтном дискурсе может помочь понять точку зрения других людей; г) вербальная репрезентация негативных эмоций, таких как гнев, страх и раздражение, в КД помогает выразить свое недовольство; д) использование слов, указывающих на позитивные эмоции (радость,

удовлетворение и благодарность) в КД способствует выражению положительного отношения к ситуации.

Наше исследование проводится в свете решения общей лингвистической задачи – различения контекстов КД и случаев их прагматического употребления. Кроме того, мы показали возможное влияние просодических средств на изменение смыслов иллокутивной доминанты КД.

Мы исследовали семантику просодических средств в КД, чтобы изучить как просодические характеристики могут использоваться для передачи эмоций, создания атмосферы напряжения в КД. Задачи исследования семантики просодических средств в КД включают изучение следующих аспектов: 1. Изучение роли просодических характеристик в передаче эмоций и создании атмосферы напряжения в КД. 2. Анализ использования просодических характеристик реципиентами КД для репрезентации иллокутивной доминанты.

Объектом нашего исследования выступает КД, который мы определяем как такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, репрезентация которых содержит имплицитные или эксплицитные инвективы, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга. Определение было сформулировано в прежних наших работах на основании регулярных и регулятивных характеристик, выявленных посредством сплошной выборки. Настоящее исследование проводилось на основе 62 образцов устной репрезентации конфликтной интеракции в художественных фильмах. Предметом нашего интереса, описанного в этой статье, являются языковые средства представления «враждебности», их семантическая основа функционирования означаемого КД, на которую оказывают влияние просодические средства.

В целом можно сказать, что конфликт в лингвистическом контексте является неотъемлемой частью любого дискурса и представляет собой важный элемент его функционирования. Методологической основой исследования является концепция взаимосвязи личности и деятельности, система общенаучных и математических методов описаний сложных систем, а также принципы целостной организации языкового субъекта и его речевой деятельности, которые выявили вероятностную связь между лингвистическими и психологическими факторами языковой личности женщин. Были использованы анализ текста, чтобы выявить скрытые значения и намерения реципиентов; семантический анализ, чтобы определить семантическую связь и контекстуальное значение маркеров КД; морфологический анализ для изучения структуры предложений и выделения ключевых слов и фраз; синтаксический анализ для изучения структуры предложений и выделения синтаксической связи между словами и фразами; прагматический анализ для изучения использования языка в КД, чтобы определить, какие стратегии использовались для убеждения других людей; голосовой анализ, чтобы исследовать голосовые особенности говорящего, такие как тональность, скорость речи, высота голоса и

интонация, чтобы определить его эмоциональное состояние и настроение; отчасти - фонетический анализ для выявления ритма, громкости и интонации и акустический анализ для учета акустики окружающей среды для определения уровня шума и его влияние на речь говорящего; и экспериментальная проверка, чтобы проверить гипотезу о влиянии просодических характеристиках вербальных средств выражения КД.

Просодика была впервые описана в лингвистике в начале 20 века. Просодические средства представляют собой физические характеристики звука, которые могут влиять на то, как мы воспринимаем и интерпретируем слова и предложения. Как пишет А.М. Антипова, термин 'просодия' используется как общее название для сверхсегментных свойств речи, включающих высоту тона, длительность и громкость. «Понимание просодии как уровня противоположного сегментному даёт возможность более широкого охвата супрасегментных единиц» [1, с. 402] Семантика вербальных характеристик может быть рассмотрена с точки зрения гендерных особенностей, так как она связана с тем, как женщины выражают свои эмоции и чувства через речь. Вербальные средства могут иметь различные значения для homo loquens, что может приводить к различным интерпретациям и пониманию высказываний мужчин и женщин. Просодические средства играют важную роль в определении характера КД в любой языковой культуре. Знание просодических признаков помогает выбрать подходящий стиль общения и выразить свои мысли и идеи наиболее точно и эффективно в контексте конкретной культуры бытового или художественного повествования.

Пример анализа (Диалог из "Любовь и голуби" (советская лирическая комедия 1984 реж. В. Меньшова по сценарию В. Гуркина): P1- Надя, жена Васи Кузякина, 50 лет; P2 – Раиса Захаровна, любовница Васи, 50 лет; P1>P2; дом семьи Васи Кузякина; утро.

P1 - А я сижу, душу перед ей выворачиваю. Людка! Люд, слышь?! (Вошла Люда.)

P2 - Надя, не теряйте головы.

P1 - Ты гляди, че делается?

P2 - Вы намерены скандалить? Я пришла к вам как к взрослой, умной женщине...

P1 - Ах ты... Ах ты... (Негромко.) Сучка крашенная...

P2 - Почему же крашена? Это мой натуральный цвет. Ну, я так понимаю, что наша встреча подошла к концу. Спасибо за внимание. Мы обсудим с Василием создавшуюся ситуацию и результаты сообщим в письменном виде. До свидания, Люда. До свидания, Надя. Провожать меня не надо. Всего доброго, живите дружно!

P1 - Сейчас я тебя провожу, я тебя провожу...Собирается она...

P2 - (очень напугана, но пытается держаться спокойно, даже иронично). Что поделаешь. (Встала.) Нет в мире совершенства. (Надя налетает на Раису Захаровну.)

P1 - На вот тебе совершенство! Тебе это надо? На! Получай!

P2 - Девушки, уймите вашу мать! Тихо, тихо! Эх, зараза! "Людк, а Людк!" Тьфу, деревня!

Цель анализируемого КД – фиксировать условия взаимодействия между реципиентами по поводу некоторого ожидаемого одним из них (P2 - Раиса Захаровна) действия (*Надя, не теряйте головы.*) в рамках директивного иллюкутивного типа при использовании инструктивов (*Вы намерены*

скандалить? Я пришла к вам как к взрослой, умной женщине), суггестивов (Спасибо за внимание. Мы обсудим с Василием создавшуюся ситуацию и результаты сообщим в письменном виде.) и инъюнктивов (Девушки, уймите вашу мать! Тихо, тихо!) Дискурс начинался в рамках и информативно-дескриптивного иллокутивного типа, когда цель речевого действия Р2 - Раисы Захаровны была передать степень ее отношения к зафиксированному ею положению дел (ее любовная связь с мужем Нади) и вещей в мире, опосредованно, по ее мнению, затрагивающему интересы Р1 - Нади.

Однако, просодические средства способны поменять типовую разновидность иллокутивной функции и принуждают реципиента менять первоначальную тактику и применять иные стратегии, к которым переход происходит не благодаря семантики инвектива, употребленного Р1 (Ах ты... Сучка крашенная). И это очевидно, так как Р2 не понимает или признает очевидную для Р1 правду и старается удержаться в рамках информативно-дескриптивного типа (Почему же крашена? Это мой натуральный цвет.) И только тон голоса Р1 негромкий, с нарастающей импликацией гнева и агрессии, заставляет Р2 отступить, не реализовав иллокутивную цель типового речевого взаимодействия. Пример КД представляет собой обмен репликами между двумя реципиентами - персонажами фильма - Надеждой и Раисой. Он содержит элементы коммуникации, характерные для повседневного общения людей. В диалоге используются различные просодические характеристики, такие как интонация, темп речи, паузы, ударения, которые помогают передать эмоциональное состояние реципиентов КД.

Диалог из фильма "Любовь и голуби" начинается с фразы "Ой, че делается". Эта фраза передает эмоции и чувства героев и может использоваться для выражения удивления, возмущения или раздражения со значением: «Что-то в вашем вопросе меня смущает. Может, поговорим на другую тему?» Однако просодические средства нивелируют семантику глубинной структуры высказывания. Анализ семантических особенностей КД из фильма "Любовь и голуби" выявляет следующее: 1. В диалоге присутствуют обращения к разным персонажам по имени (Людка, Надежда). Это может указывать на то, что персонажи являются близкими родственниками или друзьями главных героев; однако просодические средства не оставляют сомнения, что в КД участвуют заклятые враги. 2. Употребление слова "сучка" является оскорбительным и неприемлемым для общения между людьми; но ритм и громкость его произнесения не сигнализируют об оскорблении, которое более эксплицитовано в прилагательном «крашена», что является сигналом о «чужом» в сообществе «некрашенных». 3. Использование слов "девушки", "уймите вашу мать" указывает на то, что реципиент находится под влиянием публики и обращаются к другим людям, однако интонация демонстрирует не обращение за помощью, а экспликацию отношения реципиента ко всей публике. 4. Фраза "Это ведь она" указывают на наличие конфликта между персонажами; и тому имеется и просодическое подтверждение. 5. Заключительная фраза "Сейчас я тебя провожу, я тебя провожу..." выражает намерение героини расправиться с

собеседницей уже невербальными средствами и ее громкость голоса не оставляет сомнения в ее решении.

В нашем исследовании были проанализированы образцы устных КД -:2 диалога меж женщинами из художественных фильмов. Анализ показал, некоторые женщины могут использовать более экспрессивные формы речи, такие как использование эмпатии или эмоциональной окраски слов, чтобы выразить свои чувства и мысли. Это может создавать впечатление о том, что они более открыты и уязвимы. Однако, это не всегда соответствует действительности. Кроме того, различия в использовании языка могут отражать культурные стереотипы и ожидания относительно ролей полов. Таким образом, описание семантики вербальных характеристик может быть важным инструментом для анализа гендерных аспектов КД. Просодические характеристики женских вербальных средств выражения конфликтного дискурса включают следующие особенности: 1. Использование эмпатии: Женщины часто используют эмпатию, чтобы показать свое понимание и сочувствие к другим людям. Они могут использовать интонацию голоса, мимику лица и другие невербальные сигналы, чтобы передать свои эмоции и переживания.

2. Эмоциональная окраска слов: Женщины используют более яркие и выразительные слова, чтобы передать свои чувства и эмоции. Они используют метафоры, аналогии и другие языковые приемы, чтобы усилить воздействие своих высказываний на слушателя.

3. Частое повторение фраз: Женщины повторяют фразы или выражения несколько раз, чтобы усилить их значение и подчеркнуть важность своих слов. Это может создавать ощущение монотонности и утомления у слушателей, но при этом сохранять эмоциональную интенсивность высказывания.

4. Использование мягких форм речи: Женщины используют более мягкие формы речи, такие как "я думаю", "мне кажется" или "может быть". Эти формы речи помогают им выразить свои мысли без использования сильных выражений и инвективной лексики, однако не исключают ее использование.

5. Избегание прямых обвинений: Женщины избегают прямых обвинений других людей, вместо этого используя косвенные обвинения или намеки. Это создает впечатление слабости и неуверенности в своих словах, но при этом позволяет сохранять эмоциональную напряженность высказывания.

Вышеуказанные просодические элементы помогают реципиентам свое передавать эмоциональное состояние и создавать атмосферу напряжения в КД. В целом, просодические характеристики женских вербальных средств выражения КД отражают их способность выражать свои эмоции и мысли или мягко, или эмоционально. Просодические характеристики как физические и/или голосовые проявления человека, которые связаны с его эмоциональным состоянием и КД как таковым проявлены в нашем корпусе примеров следующими показателями:

1. Тон голоса: Высота тона голоса указывала на уровень уверенности или страха. Низкий тон свидетельствовал о страхе или тревоге, а высокий — об уверенности или самоуверенности. (80\100%)

2. Интонация: Интонация изменяла смысл высказывания. Например, повышение тона указывало на удивление или раздражение, а понижение — на грусть или усталость. (60\100%)

3. Длительность пауз: Длительные паузы между словами или фразами указывали на размышления или нерешительность. Короткие паузы указывали на уверенность или решимость. (95\100%)

4. Темп речи: Быстрый темп речи указывал на возбуждение или нервозность, а медленный — на спокойствие или расслабленность. (50\100%)

5. Громкость: Громкая речь вызывала чувство давления или дискомфорта у реципиентов, а тихая — наоборот, создала ощущение комфорта и спокойствия. (60\100%)

6. Выражение лица: Выражение лица передавало эмоции и настроение говорящего. Но, не в 100% улыбка означала радость или удовлетворение, однако нахмуренные брови в 100% трактовались как недовольство или тревога.

7. Дыхание: Дыхание менялось в зависимости от эмоций и намерений реципиентов КД. Глубокое дыхание свидетельствовало о напряжении или стрессе (80\100%)

Даже эти немногочисленные примеры демонстрируют, как просодические характеристики персонажей могут влиять на их взаимодействие в КД. Наши результаты исследования семантики просодических характеристик вербальных средств в КД свидетельствуют о том, что роль конфликтного дискурса в человеческой коммуникации является важной и эффективной стратегией для достижения взаимопонимания. Женщины часто используют невербальные средства выражения иллюкутивной доминанты в конфликтном дискурсе, такие как мимика, жесты и тон голоса, чтобы влиять на мышление и восприятие других людей. Например, женщина может использовать улыбку, чтобы выразить понимание и поддержку, а затем использовать паузу, чтобы подчеркнуть свою мысль. Женщина также может использовать изменение интонации голоса, чтобы подчеркнуть свою эмоциональную окраску или сделать акцент на определенной части своего сообщения.

Семантика просодических характеристик имеет практическую ценность в области коммуникации и межличностных отношений. Она позволяет понять, какие просодические признаки связаны с определенными эмоциями и состояниями, а также как эти признаки могут быть использованы для передачи информации и убеждения аудитории. Кроме того, знание просодических особенностей помогает улучшить коммуникацию и повысить эффективность выступлений. Перспективы нашего исследования определяются тем фактом, что изучение конфликтных маркеров открывает возможности разработки целого ряда важнейших проблем функциональной роли КД в рамках «динамической модели диалогического общения» [6] в профессиональной и бытовой деятельности человека. Игнорирование значения просодических средств в

любом КД не может помочь коммуниканту передать свои эмоции и убедить собеседника в своей правоте. Результаты исследования просодических средств КД помогают понимать социальные взаимодействия и процессы коммуникации в конфликтных ситуациях. Исследование того, как просодические факторы влияют на восприятие времени и пространства в конфликтах, позволяет разработать более эффективные стратегии разрешения конфликтов.

Литература

1. Альжанова З. М. Просодия «вторичного» текста: (10.02.04): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.
2. Антипова А.М. Просодия текста: [сборник статей / редколлегия: А.М. Антипова (ответственный редактор) и др.] – Москва: МГПИИЯ, 1981. – 56 с.
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
4. Комарова И.А. Просодия текста в пении: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.19 / М., 2004. – 26 с.
5. Морозова О.Н., Максимова (Носкова) С.Э. Типология моделей эффективного общения // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: СГУТиКД, 2003.
6. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Агрессивные коммуникативные практики «мягкой силы» в политической дискурсии и контрдискурсии (на материале публичных интервью В.В. Путина) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 32–74. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).
7. Bayburin A.K. Some aspects of ethnographic studying of behavior// Ethnic stereotypes of behavior. L., 1985. - P. 7–21.
8. Connell R. W. The big picture: Masculinities in recent world history // Theorie & Society, 22, 1993. – P. 597–623.
9. Quasthoff U. Soziales Vorurteil und Kommunikation: eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. – Frankfurt am Main, 1973. – 312 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.Н. Бертякова
(Москва, Россия)

ПРЕДЛОГИ В НОВОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На примере функционирования предлогов *в*, *по* и *на* в предложно-падежной рамке существительного *телефон* рассматривается процесс формирования нормы употребления предлогов как результат изменения обозначаемой именем технической реалии.

Под новым дискурсивным пространством понимается любое вербальное произведение, любой результат общения современного носителя языка.

Ключевые слова: предлоги, новое дискурсивное пространство, варианты, вариации, языковая норма

A.N. Bertyakova
(Moscow, Russia)

PREPOSITIONS IN A NEW DISCURSIVE SPACE

On the example of the functioning of prepositions in, on and on the pre-case frame of a noun phone the process of forming the norm of the use of prepositions is considered as a result of the change of the denoted name technical reality.

By new discursive space means any verbal work, any result of communication of a modern native language.

Key words: prepositions, new discursive space, variants, variations, linguistic norm

В статье на примере функционирования предлогов в новом дискурсивном пространстве предпринимается попытка приблизиться к пониманию связи «мира вещей» с «миром языка» - одной из сформулированных В. Гумбольдтом загадок [3].

Под дискурсивным пространством понимается то, что академик В.Г. Костомаров называет текстом, т.е. «любое вербальное произведение, любой результат общения: высказывание, сообщение, обмен информацией и мнениями, продуктом порождения и предметом восприятия, процессом генерации и интерпретации» [4, с. 33].

«Именно при порождении текстов, пишет ученый, происходит таинственный перевод внеязыковой действительности в действительность языковую, а при их восприятии – возврат от языковой материи к внеязыковым сущностям» [4, с. 33].

Понятие «новое дискурсивное пространство» связано с представлением о пространстве коммуникации современного носителя литературного языка, в речи которого «появляются новшества, вначале – как ошибки, потом некоторые из них (немногие) становятся частыми, проникают в языковую систему и преобразуют ее» [6].

© Бертякова А.Н., 2023

Выбор предлогов в решении поставленной задачи неслучаен. Маркируя в отдельном сегменте высказывания базовое локативное значение пространственной модели взаимоотношения объекта и предикативного признака, предлоги в предложно-падежной рамке актуализируют семантическую сущность имени, склонную к трансформации в результате влияния внешней детерминанты, понимаемой в узком смысле как фактор, прогнозирующий новое состояние субстанции, ее новое содержание, нуждающееся в отображении языковыми средствами [1, с. 89]. При этом сами предлоги подвергаются в той или иной степени контекстуальной метафоризации.

Процесс формирования нормы употребления предлогов как результат изменения обозначаемой именем субстанции рассмотрим на примере функционирования предлогов *в*, *по* и *на* в предложно-падежной рамке существительного *телефон*.

В современном дискурсивном пространстве можно *играть в телефоне*, *находить и находиться в телефоне*, *смотреть в телефоне* и т.д. См. примеры:

(1) *Услышав, как зашумела вода в раковине, а значит, опасность миновала, Петров-младший появился на кухне и сел за обеденный стол, уткнув нос в телефон и играя в телефоне во что-то.* [А.Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016];

(2) *Я нахожу в телефоне номер и вызываю такси, запихивая последний кусочек сэндвича в рот.* [Антон Пайкес. Кансер // «Волга», 2014] [dawka_begemotik (nick)];

(3) *Теперь время пребывания в телефоне ограничивается до получаса в день.* [Форум: Стратегия в отношении телефонов и прочих девайсов (2012.11)];

(4) — *Числа я не помню. Надо в телефоне посмотреть. Она мне эсэмэс прислала: «окей».* [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)];

(5) *Причем все это происходит в телефоне, ему никуда не надо идти, включать телевизор, телефоны сейчас у нас в руках всегда.* [Вячеслав Суриков, Сергей Балдин. Невидимая сторона шоу-бизнеса // «Эксперт», 2015] и др.

В современном дискурсивном пространстве можно и *смотреть на телефоне*, *играть на телефоне*, *включать на телефоне*, *открывать на телефоне* и т.д. См. примеры:

(1) *Первого марта 2014 г., был, помню, выходной, погода слишком теплая для зимы и слишком холодная для весны, — словом, в самой что ни на есть полосе отчуждения между сезонами, — я гулял с детьми на площадке и заодно смотрел на телефоне новости...* [А.А. Ботев. Лимитрофный человек // «Волга», 2014];

(2) *Это именно его в основном толкали и подкалывали за его медлительность и мечтательность, поэтому Петров испытывал особую неприязнь и к мальчику, игравшему на телефоне, и к его буйным одноклассникам.* [А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016];

(3) Я посмотрел на диван, вскочил с него, не думая ни о чем, включил **на телефоне** фонарик, упал на пол на колени, заглянул под диван, осветил фонариком все пространство около дивана. [Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019];

(4) Теперь, посадив сына на школьный автобус, я захожу домой, сажусь за свой кухонный стол с утренним кофе и открываю приложение *AngelSense* **на телефоне**. [Алёна Лесняк. Мама следит за тобой: как цифровой контроль меняет отношения детей и родителей (2019.04)] и т.д.

Эти грамматические новшества – результат изменения семантики существительного *телефон* как отражение изменений самой технической реалии. Современный телефон – это, по сути, карманный компьютер, позволяющий коммуниканту при помощи интернета легко переключаться из реального дискурсивного пространства в виртуальное.

См. фразеологизм с предложно-падежной формой, маркирующие семантическую идею пребывания в виртуальном дискурсивном пространстве:

Они весь урок ходят по классу, выходят, когда хотят, кричат и **сидят в телефоне**. [Танах – это непросто // Новая газета, 2017.12.06].

Маркером происходящих в языке изменений является вариационная языковая единица, в сознании носителя языка воспринимается как лишняя, ошибочный языковой знак, однако именно в вариационном параллельном функционировании языковых единиц происходит адаптация вариационного знака быть единственно верной грамматической формой в тождественном глагольном контексте.

Под вариационной языковой единицей понимается формальная разновидность языкового знака, не обладающая или утратившая способность маркировать ситуацию, семантические нюансы.

Представляется целесообразным различать две разновидности вариационных единиц:

1. Семантические вариационные единицы. Значение одной единицы языка совпадает со значением другой единицы языка.
2. Фонетические или акцентологические разновидности одной и той же единицы языка. Ср., например, *матрас* и *матрац*, *творог* и *творог* и т.д.

Второй тип вариационных отношений может существовать в языке неопределенно долго и поддерживаться вкусовыми предпочтениями носителя языка или же участвовать в фонетико-ритмическом оформлении речи. Регламентация этих единиц языка (исключая вариационные единицы, участвующие в фонетико-ритмическом оформлении речи) преимущественно искусственна.

Первый тип вариационных отношений ограничен временными рамками и связан с периодом стилистического противостояния совпавших по значению языковых единиц. Именно эту вариационную языковую единицу следует рассматривать как единицу адаптации в речевой практике актуальных смыслов для современных носителей языка.

Эти изменения не регулируются волей человека, но являются результатом отражения в его сознании явлений и процессов объективной действительности в естественной последовательности их проявления, либо как процесс, связанный с выражением последовательности, иерархии его мыслей в определенной ситуации общения [2, 148-149].

Показательным примером реализации семантических потенций вариационного знака может быть становление грамматической нормы *говорить по телефону*.

«Вначале телефонная лексика, - пишет Максим Кронгауз, - обладала особой "изобразительностью". Именно телефон, а не человек издавал звон, то есть *звонил*. Человек же направлял звуки внутрь аппарата, то есть *говорил в телефон*». [5, с. 200]. Ср. примеры:

(1) *Говорил с Толстым Л. Н. в телефон*. [А.П. Чехов. Дневники (1899-1903)];

(2) *Трепов говорил со мной в телефон и рекомендовал Глянцева немедленно уволить*. [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1901)];

(3) *В то время, как я разговаривал с Дарским, позвонили в телефон, оказалось, звонил Великий Князь Сергей Михайлович*. [В.А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1902)] и др.

В сознании носителей языка данного периода развития языка актуализируется и семантическая идея, связанная с главным предназначением этой технической реалии - быть средством связи. Эта семантическая идея воплощается предлогом *по* в предложно-падежной рамке *по телефону*. В контексте глаголов *просить, телеграфировать, соединиться* и др. предлог *по* в отдельном сегменте мысли актуализирует значение существительного *телефон* в форме дательного падежа. См. примеры:

(1) *В 3 1/4 часа пополудни по телефону просили уведомить Алексея Сергеевича от имени Анатолия Евграфовича Молчанова о том, что Молчанов болен и лежит в кровати уже 3 недели...* А. П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову (1898)];

(2) *По телефону из Петербурга Из Лондона «Новостям» телеграфируют»: «Получено известие, что Девет соединившись с Ботой, теснит английскую армию*. [По телефону из Петербурга (13.05.1901) // «Московские ведомости», 1901];

(3) *Получила сейчас по телефону открытые письма от мама, Маши и папа*. [Т. Л. Сухотина-Толстая. Из дневника (1880-1910)];

(4) *Пошел в агентство и по телефону соединился с Чеховым*. [Б. А. Лазаревский. Дневник (1900)] и др.

«Замена предлога *в* предлогом *по* означает, по-видимому, что на смену конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и

связаться по почте и более современные — *разговаривать по скайпу* или *общаться по интернету (связаться по электронной почте)*» [5, с. 200].

Функционирование в дискурсивном пространстве этого периода развития языка предложно-падежных форм **в телефон** и **по телефону** в глагольных контекстах, семантически поддерживающих актуализацию предлогом различных значений имени, носит характер вариативных параллельных единиц.

В то же время в первой половине XX века наблюдаются и случаи параллельного употребления **в телефон** и **по телефону** в контексте глаголов *говорить* и *звонить*, что неизбежно приводит к их трансформации из вариативных в вариационные единицы языка. В вариационном параллельном функционировании языковых единиц происходит адаптация вариационного знака (в том числе и **по телефону**) быть единственно верной грамматической формой в контексте этих глаголов.

Ср. примеры вариационной параллели **в+вин.п.** и **по+дат.п.**:

(1) *Сегодня буду говорить в телефон с Дioneo и, может быть, увижу Джоджи-Поджи.* [К. И. Чуковский. Письма жене (1904-1916) // «Культура и время», 2002] и

(1.1) *Сейчас говорил из Питера по телефону с Гиляровским — в Москву.* [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1898)];

(2) *Потом бегу в холодную комнату к телефону и звоню в телефон Каплуну, в Горохр, в Политотдел Балтфлота и ко множеству людей, нисколько не похожих на Илью Муромца.* [К.И. Чуковский. Дневник (1920)] и

(2.2) *Тотчас же звонят по телефону в типографию, велят подать оригинал ответа и наводят справки.* [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1899)] и др.

В это же время за предложно-падежной формой **в телефон** в контексте глаголов эмоционального состояния, глаголов-зоофонов и др. закрепляется роль языкового знака, актуализирующего в высказывании иной, отличный от идеи связи смысл. См. примеры:

(1) *Бывшая балерина! Он плакал в телефон. После обеда пришла Зина Серебрякова — одна из наших последних союзниц в абсолютном неприятии войны.* [А. Н. Бенуа. Дневник (1917) // Бенуа А. Н. Дневник. 1916—1918. — М.: «Захаров», 2010. — 768 с. (3-е изд. — в 2016 г.), 2010|2001];

(2) — *Я с Богом воевал в ночи: на мне горят его лучи, — вспоминаете вы его стихотворение, а вот он, сухой, замкнутый, деловитый, повелительно-вежливым тоном кричит в телефон.* [Андрей Белый. Брюсов (1908)] и др.

(3) *Человек смеялся весело, от души, захлебываясь и хрюкая в телефон.* [М. М. Зощенко. Бледнолицые братья (1927)]

(4) *Наумов дежурит и прийти не может, в телефон еще более сюсюкает.* [М.А. Кузмин. Дневник (1911)] и др.

В (1) и (2) предложно-падежная форма приобретает роль знака, актуализирующего в высказывании эмоциональное состояние персонажа, (3) и (4) отношение автора к персонажу, а также используется им как художественный прием создания комического эффекта.

В подобном глагольном контексте, с актуализацией в высказывании иного, отличного от идеи связи смысла, предложно-падежная форма **в телефон** активно используется и в современном дискурсивном пространстве, но исключительно в ситуации неформального общения или поэтическом языке прозаического или поэтического произведения. Ср. примеры:

(1) *В пятницу, наутро после событий, по дороге на работу обгоняю парня, который кричит в телефон: «Я прямо сейчас выезжаю в Ниццу».* [Г. Делеринс. Жизнь, как подстреленная птица // «Огонек», 2016];

(2) *А брюнет потом в подъезде стоял, под лестницей, сладко пел в телефон...* [Г. С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы // «Волга», 2014];

(3) *А девочка из политехнического громко хвасталась в телефон на том русском языке, где слова давно утратили свой исходный смысл.* [Андрей Пермяков. Темная сторона света // «Волга», 2013];

(4) *Я на почту пришла говорить в телефон,*

что жива, что люблю.

[Б. А. Ахмадулина. «Этот берег -- только бред двух схватившихся зорь...» (1985)] и др.

В то же время в современном дискурсивном пространстве **в телефон** все чаще встречается в контексте глагола *говорить*, актуализируя утраченную ранее образность телефонной лексики, связанную с представлением о направленности речевого потока. Однако сегодня говорят не в телефонную трубку, а в микрофон, встроенный внутрь плоского телефонного аппарата. То есть приблизив его к губам. Можно с большой осторожностью, но все же говорить о вновь возникающей вариативности **по** + дат.п. и **в** + вин.п. Ср. примеры:

(1) *Отправляясь на посадку, он оглянулся, увидев обычную картину: кто-то ждал своих родных, говорил в телефон, обмахивался сложенной газетой, бродил без дела по залу, спал.* [В. А. Ярмолинец. Лев в Москве // «Волга», 2015];

(2) *Привалившись спиной к ажурным перилам мостика через пруд, томный молодой человек с еле заметной трехнедельной щетиной на бледных щеках говорит в телефон.* [Михаил Бару. Записки понаехавшего (2010)];

(3) *Лю с готовностью кивнул и снова заговорил в телефон по-китайски.* [Андрей Геласимов. Дом на Озерной (2009)] и др.

Таким образом, параллельное употребление предлогов в предложно-падежной рамке может носить вариативный характер. Обе параллельные формы в дискурсивном пространстве коммуникантов маркируют различные смыслы как результат актуализации предлогом в разных глагольных контекстах нюансов значения имени, прогнозируемых свойствами обозначаемой им реалии. Новое состояние обозначаемой именем субстанции, нуждающееся в дискурсивном пространстве носителей языка в отображении языковыми средствами, приводит к трансформации вариативной параллели в вариационную (ошибочную), однако

неизбежную в процессе формирования новой нормы как отражение связи «мира вещей» с «миром языка».

Литература

1. Бертякова А.Н. Предложно-падежная рамка как отражение семантических изменений имени // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. д-р филол. наук, проф. В.Н. Степанов; отв. ред. Л.В. Ухова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 88–93.

2. Бертякова А.Н. Вариационность языковой единицы как маркер ее стилистической неопределенности // Наследие Петровской эпохи в современной русской пареНЗ 14 миологии (в сопоставлении с европейской): монография / науч. ред. С.И. Николаев, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.Е. Якимов. – Кострома: Костромской государственный университет, 2021. – С. 145-151.

3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985; Избранные труды по языкознанию. – М., 1993. – 448 с.

4. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – Москва: Издательство АСТ : CORPUS, 2017. – 512 с.

6. Панов М.В. Язык и речь // Русский язык N19 (547), 1-15.10.2007. URL: Панов М. | Язык и речь | Журнал «Русский язык» № 19/2007 (1sept.ru) (дата обращения 1.09.2023)

7. Национальный корпус русского языка. URL: Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) (дата обращения 1.09.2023)

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ЦВЕТОВОЙ КОД КУЛЬТУРЫ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Цветовое кодирование отражает ценностные траектории в картине мира англоязычного лингвокультурного сообщества при помощи фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями. Актуальность изучения цветовой фразеологии обусловлена лингвокультурологическим подходом к системному исследованию взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка, особенностей восприятия и вербализации актуальных понятий посредством идиом с компонентами-цветообозначениями. Эмпирический корпус исследования включает такие группы идиом: с компонентом-цветообозначением в структуре; с цветовым компонентом не только в структуре, но и в толковании значения; с компонентом, обозначающим интенсивность цвета при отсутствии указания на сам цвет; с компонентом-цветообозначением в структуре и с компонентом, указывающим на интенсивность цвета, в толковании; с компонентом-цветообозначением и с компонентом, обозначающим интенсивность цвета в структуре идиомы. Описаны особенности происхождения идиом с цветообозначениями, установлена лингвокультурологическая значимость национально-культурного и интернационального компонентов. Система образов, актуализируемая идиомами с компонентами-цветообозначениями, основывается на национально-культурных особенностях отражения окружающей действительности в английском языке. Исследуемые идиомы, осложненные интернациональным компонентом, связаны с библейскими мотивами, античной мифологией, историческими фактами и традициями, литературой.

Ключевые слова: идиома, фразеологическая картина мира, цветовой код культуры, культурная коннотация

O.L. Bessonova, Yu.N. Eremenko-Grigorenko
(Donetsk, Russia)

COLOUR CODING IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW

The contribution addresses colour coding in English phraseology as cognitive mechanism, which reflects values hierarchy of the English-speaking cultural community. The focus is made on idioms with colour components. This seems to be relevant due to the linguo-cultural approach to the systematic study of culture and language interaction, of peculiarities of perception and verbalization by means of idioms with a colour component of concepts, which are significant for the cultural community. The empirical corpus incorporates the following groups of idioms: with a colour component in the idiom structure; with a colour component both in the idiom structure and in the definition of the idiom meaning; with a component denoting colour intensity without indication of the colour itself; with a colour component in the idiom structure and with colour intensity indication in the idiom definition; with a colour component and with colour intensity indication in the idiom structure. The idioms with a colour component are considered in terms of their origin. The linguo-cultural significance of the national-marked and international components is pointed out. The system of images, embedded in the idioms with a colour component, reflects the English speaking community national worldview. The international idioms are associated with biblical motives, ancient mythology, historical facts and traditions, literary heritage.

Key words: idiom, phraseological worldview, colour coding, cultural connotation

Исследование фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением с точки зрения реализации ими цветового кода культуры представляется актуальным в рамках лингвокультурологического подхода. Идиомы с компонентами-цветообозначениями являются важным пластом языковой картины мира, который обладает ассоциативно и символически насыщенной семантикой. Эти единицы содержат культурно значимую информацию и выражают различные национально-культурные коннотации посредством цветового кода культуры. Цветовой код культуры, основанный на зрительном восприятии и чувственном опыте, под влиянием экстралингвистических факторов рождает самые разнообразные ассоциации с тем или иным цветом, которые, в свою очередь, прочно закрепляются во фразеологическом фонде любого языка [15, с. 77].

Различные исследования цветообозначений (см. работы Е.М. Верещагина [5], А.П. Василевича [3], В.Г. Кульпиной [5], Н.Б. Бахилиной [2], Р.М. Фрумкиной [17], А.Вежбицкой [4], М.Б. Талапиной [16], Ю.В. Дюпиной [7], С.В. Кулинской [11], В.И. Карасика [8], О.А. Кудри [10]), в том числе работы, посвященные вопросам культурной символики цветообозначений (например, [1], [9], [12], [14]), а также труды, в которых цветообозначения трактуются как когнитивная категория [13], свидетельствуют о том, эти единицы языка являются культурным кодом, включающим совокупность многомерных смысловых образований [13, с. 185]. Они определяются как система «взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [6, с. 122].

Несмотря на разработанность проблемы изучения цветообозначений следует согласиться с тем, что идиомы с компонентами-цветообозначениями представляют собой особый тип единиц, при помощи которого во фразеологической системе эксплицируются особенности культурного кодирования картины мира лингвокультурного сообщества. Многоаспектность изучения цветообозначений свидетельствует об их ценности в реальной жизни как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива. В семантике цвета находят отражение как универсальные, так и этнические, социальные, исторические закономерности, поэтому исследование семантики идиом с компонентами-цветообозначениями возможно не только в универсальном плане, оно должно осуществляться для каждого языка.

Актуальность исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению английских идиом с компонентами-цветообозначениями как англоязычного цветового кода. Рассмотрение семантики идиом с компонентами-цветообозначениями, значение которых осложнено культурными смыслами, направлено на выявление глубинной связи между языком, мышлением и культурой. Предлагаемый подход позволяет раскрыть специфику фразеологической концептуализации и представить фразеологическую картину мира английского языка как инструмент отражения структуры человеческого сознания.

Эмпирический материал, который был подвергнут семантическому и лингвокультурологическому анализу, включает идиомы с цветовым компонентом, отобранные методом сплошной выборки из авторитетных словарей (Collins COBUILD Dictionary of Idioms [20], Oxford Idioms Dictionary for Learners of English [19], АБВУ Lingvo [21], Англо-русский фразеологический словарь под редакцией А.В. Кунина [22]). Набор цветовых компонентов в составе идиом определялся на основе теории лингвистического универсализма Б. Берлина и П. Кея [18], в рамках которой установлены универсальные базисные цветовые термины, развитие которых подчинено всеобщему эволюционному закону. На основании закона доказано стадийное развитие терминов-цветообозначений, отражающее строгую последовательность появления каждого слова, при этом выделены семь стадий (уровней) формирования основного набора базисных цветовых терминов. Таким образом, корпус языкового материала представлен 311 английскими идиомами с компонентом-цветообозначением, в том числе с компонентами: *black* (67), *blue* (56), *red* (55), *white* (42), *green* (19), *yellow* (17), *pink* (12), *orange* (12), *brown* (11), *gray* (10), *purple* (6).

Наибольшей фразеоактивностью характеризуются цветовые компоненты *black* (67 идиом или 22%), *blue* (56 идиом или 18%), *red* (55 идиом или 18%) и *white* (46 идиом или 15%). Низкая фразеоактивность характерна для компонентов *brown* (11 идиом или 3%), *gray* (10 идиом или 3%), *purple* (6 идиом или 2%).

Несмотря на то, что *black* и *white* являются цветообозначениями первого уровня эволюционного развития терминов-цветообозначений, *red* - второго уровня, а *blue* - третьего уровня соответственно, более высокая фразеологическая активность характерна для цветообозначений *black*, *blue*, *red* и *white*. Фразеоактивность *blue* является более высокой, чем у *white* и *red*, что свидетельствует о большей распространенности и выразительности семантики данного компонента. Низкая фразеоактивность *brown*, *gray* и *purple* подтверждает соответствие более поздним уровням формирования компонентов-цветообозначений (*brown* - шестой уровень, *gray* и *purple* - седьмой уровень).

Данные анализа цветового кода культуры свидетельствуют о тесной связи с предметным кодом культуры, который связан с представлением о человеке ((as) *black as coals* (или *sloes*) 'черные как угольки' (о глазах), (as) *red as a cherry* (или *rose*) 'румяный, с румянцем во всю щеку'; 'кровь с молоком'; as) *white as a ghost* (as a sheet, as ashes, as death или as a driven snow) 'бледный как полотно, смертельно бледный', as *brown as a berry* (of a person) - very suntanned (о человеке) 'очень загоревший'; *green about* (or around or at) *the gills* - looking or feeling ill or nauseous 'выглядеть плохо/ больным', *talk a blue streak* - to talk very much and very rapidly 'говорить очень много и очень быстро'; *brown thumb* 'быть плохим садовником, садоводом, не уметь выращивать растения') и его окружении (*white goods* 'постельное белье', *red box* 'красный кожаный ящик для официальных бумаг членов английского правительства', *blue chip* '1. синяя

фишка (в покере; имеет самую высокую стоимость), 2. путеводитель для автомобилистов, 3. тетрадь (в синей обложке) для экзаменационных работ»), что позволяет сделать вывод об антропоцентричности идиом с компонентами-цветобозначениями.

Анализ семантики идиом с компонентами-цветобозначениями показал, что в основном идиомы являются моносемантами: a black soul 'коварный человек, способный на низкие, предосудительные дела, поступки', red-tapist 'формалист, бюрократ, канцелярская крыса', blue-ribbon 'престижный, авторитетный, влиятельный, заслуживающий доверия'.

Идиомы с компонентом-цветобозначением white имеют положительную коннотацию, так как лексема white в английском языке ассоциируется с добром и честностью, чистотой, с позитивным образом человека, его успешной деятельностью (white hope 'перспективный человек', white-handed 'честный', whiter than white extremely white; morally beyond reproach, 'белоснежный', 'безупречный', white day 'счастливые, беззаботные времена, дни'). Однако, идиомы с white могут характеризоваться и отрицательной коннотацией, например, белый цвет воспринимается как высшая степень непорядочности в деловой сфере (to bleed white 'обобрать до нитки, выкачать все деньги', to white wash 'пытаться скрыть недостатки, обелить кого-либо', white dove show the white feather 'струсить, смалодушничать').

Идиомы с компонентом-цветобозначением black отличаются наиболее однозначной отрицательной коннотацией и выражают ассоциации со смертью, трауром, неизвестностью, мистикой, дьяволом, депрессией, колдовством (black art 'черная магия', black bottle 'яд', a black soul 'коварный человек, способный на низкие, предосудительные дела, поступки', black dog 'мрачный, депрессивный человек').

Идиомы с компонентом-цветобозначением red во многих языках имеют положительную культурную коннотацию и употребляются в значении «красивый, прекрасный» ((as) red as a cherry (или rose) 'румяный', 'с румянцем во всю щеку', 'кровь с молоком', red-hot mamma 'привлекательная женщина'). Однако, в исследовании установлена и отрицательная культурная коннотация идиом с компонентом-цветобозначением red, ассоциирующаяся с войной, агрессией, опасностью, запретом (to see the red light 'предчувствовать приближение опасности, беды', red-necked 'злой', 'агрессивный', to throw red meat to smb 'провоцировать кого-то', 'давать кому-то повод').

В процессе анализа установлено, что в английском языке идиомы с компонентом-цветобозначением blue могут иметь такие положительные значения, как «ожидание счастья», «постоянство, верность» (true blue 'истинный, подлинный', a blue-eyed boy 'любимец / фаворит', blue blood 'букв. голубая кровь, аристократическое происхождение'). Отрицательные ассоциации связаны с агрессией, грустью или несчастьем (give smb the blues 'наводить тоску, уныние на кого-либо', sing the blues 'жаловаться на свою судьбу, роптать, сетовать', blue study 'мрачные раздумья, тяжелые мысли').

Идиомы с компонентом-цветообозначением green характеризуются семантикой, связанной с образом зарождения новой жизни, с созидательной силой природы (have a green thumb ‘уметь хорошо выращивать растения’).

Идиомы с yellow в большинстве случаев выражают такие черты характера человека, как трусливость, малодушие, безволие и имеют отрицательную культурную коннотацию (to have a yellow streak ‘быть трусоватым’, to wear yellow hose ‘быть ревнивым’).

Результаты анализа позволяют утверждать, что положительная или отрицательная коннотация исследуемых идиом обусловлена символическим значением цветообозначения в составе фразеологизма. Цвет является культурной константой, которая отражает особенности развития языкового сообщества и кодирует национально-культурные ценности. Система образов, актуализируемая идиомами с компонентами-цветообозначениями, основывается на национально-культурных особенностях отражения окружающей действительности в английском языке. Например, идиома between the devil and the deep blue sea ‘в очень затруднительном положении, столкнувшись с принятием трудного решения’ в прямом смысле означает, что Великобритания окружена морями, т.е. находится в очень затруднительном положении.

Значения идиом с компонентами-цветообозначениями, осложненные интернациональным компонентом, связаны с библейскими мотивами, античной мифологией, историей, литературными фактами, аллюзиями. Анализ показал, что интернациональные идиомы широко известны, так как они представлены пословицами, которые носят назидательный характер и выражают многогранность жизни и быта людей, например, two blacks do not make a white ‘чужим грехом своего не искупишь’.

Цвет, являясь семантической универсалией, актуализируемый компонентом-цветообозначением в составе идиом, наполняет цветовой код культуры англоязычного лингвокультурного сообщества новыми коннотациями, тем самым расширяя границы межкультурной коммуникации.

Литература

1. Базыма Б.А. Психология цвета. Теория и практика. – СПб.: Речь, 2005. – 208 с.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
3. Василевич А.П. Наименование цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ практика. – М.: Ленанд, 2016. – 320 с.
4. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–292.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Знание, 1980. – 320 с.
6. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. – М.: «Гнозис», 2007.
7. Дюпина Ю.В. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. – 2013, № 1. – С. 220–221.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

9. Кармин А.С. Культурология // 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Издательство «Лань», 2003. – 928 с.
10. Кудря О.А. Лексико-семантическая классификация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект // Русистика, 2015, № 1. – С. 53–59.
11. Кулинская С.В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования: дисс. канд. филол. наук. URL: <https://www.disscat.com/tsvetooboznacheniya-natsionalno-kulturnye-osobennosti-funktsionirovaniya-na-materialefrazeo> (дата обращения: 05.12.2022)
12. Мартыанова Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. – 2013, № 4. – С. 56–66.
13. Новикова М.Л., Новиков Ф.Н. Культурные коды новой реальности мультилингвального пространства и межъязыковые контакты (сквозь призму исследования цветообозначений) [Текст] // Язык. Культура. Социум, 2021, № 6. – С. 184–190.
14. Прохорова А.М. Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях // Перспективы Науки и Образования. – 2014, № 1. – С. 252–255.
15. Рогулина Е.Э. К вопросу о национально-культурной семантике испанских фразеологизмов // Вестник Российского нового университета. Серия: человек в современном мире. – Москва. – 2018, № 3. – С. 75–82.
16. Талапина М.Б., Комарова З.И. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2011. – 220 с.
17. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
18. Berlin B., Kay P. 1969. Universality and Evolution of basic Color Terms. Berkeley: California University. P. 80. [online]. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019655.pdf> (дата обращения 09.09.2022).
19. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. URL: <https://elt.oup.com/catalogue/global/dictionaries> (дата обращения: 25.09.2022)
20. Collins COBUILD Dictionary of Idioms [Text] // HarperCollins Publishers, 1997. – 514 p.
21. АБВУ Lingvo. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения 30.09.2022)
22. Кунин А.В. Большой Англо-русский фразеологический словарь, 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2008. – 944 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ДИМИНУТИВНЫЕ И АУГМЕНТАТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ
ЛИЦА В РАЗНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Статья посвящена изучению семантических, структурных и лингвокультурологических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица в разных вариантах английского языка. Установлены критерии отбора территориально маркированных диминутивов и аугментативов из лексикографических источников. Американский, австралийский и британский английский отличаются наибольшим количеством диминутивных и аугментативных единиц. Определены общие и отличительные черты диминутивных и аугментативных наименований лица в разных вариантах английского языка. Описан семантико-прагматический спектр диминутивов и аугментативов в разновидностях языка. Выявлены структурные типы рассматриваемых единиц, установлен инвентарь экспрессивных суффиксов. Извлечен и интерпретирован страноведческий культурный компонент национально маркированных диминутивов и аугментативов.

Ключевые слова: диминутив, аугментатив, наименование лица, вариант английского языка, территориально маркированная лексика, британская лингвокультура, американская лингвокультура, австралийская лингвокультура

O.L. Bessonova, A.S. Ososkova
(Donetsk, Russia)

**DIMINUTIVE AND AUGMENTATIVE DESIGNATIONS OF A PERSON
IN DIFFERENT VARIANTS OF ENGLISH: SEMANTICS, STRUCTURE,
LINGUOCULTURE**

This article deals with the study of semantic, structural and linguocultural peculiarities of diminutive and augmentative designations of a person in different variants of English. A number of criteria for selection of regionally marked diminutives and augmentatives from lexicographic source have been established. American, Australian and British English have the largest number of diminutive and augmentative units. The common and distinctive features of diminutive and augmentative designations of a person in different variants of English are *ascertained*. Structural types of the lexemes under consideration are identified, inventory of expressive suffixes is found. Semantic and pragmatic spectrum of diminutives and augmentatives in the language variants is described. The country-specific cultural component of the nationally marked diminutives and augmentatives has been extracted and interpreted.

Key words: diminutive, augmentative, designation of a person, variant of English, regionally marked vocabulary, British linguoculture, American linguoculture, Australian linguoculture

Исследование проводилось по теме государственного задания (№ госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1)

1. Введение

В настоящее время в лингвистике отмечается повышенный интерес к изучению разговорных и сленговых номинаций в вариантах языка, поскольку такие лексические единицы отражают особенности эмоционального восприятия окружающего мира представителями разных лингвокультур. Интерес к исследованию именно диминутивов и аугментативов связан с их значительным образным, эмоционально-экспрессивным и оценочным потенциалом, что делает их маркерами языкового сознания говорящего.

Диминутивы и аугментативы представляют собой слово или словосочетание, выражающее субъективно-оценочное значение размера (малое/большое) и эмоциональное отношение (положительное/отрицательное) с помощью диминутивных/аугментативных аффиксов или дополнительных слов-маркеров категории. Выражаемая экспрессия охватывает оба полюса шкалы эмоциональных оценок, что объясняется двойственностью понятий «малое» и «большое». Семантико-прагматический потенциал диминутивов и аугментативов широк: диминутивы выражают ласку, близость или пренебрежение, насмешку, иронию и т.п.; аугментативы выражают восхищение, уважение или презрение, враждебность и т.п.

Методологическую основу исследования составляют труды Вольф Е.М. [1], Туранского И.И. [3], В. Дресслера и М. Барбареззи [7], К. Шнайдера [10]. Изучением диминутивности занимаются К. Дэвис [5], С. Манова, Л. Грештенбергер и К. Кореки-Крель [8], аугментативность является объектом исследования Куриловой С.Н. [2], М. Сарвар [9]. Следует отметить, что научный интерес составляют семантические, структурные и функциональные особенности диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском [4].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена необходимостью установления общих и отличительных черт семантики и структуры диминутивных и аугментативных наименований лица в разных вариантах английского языка. Такой ракурс исследования позволяет декодировать ментальность англоговорящих народов и извлечь страноведческую и культурологическую информацию.

В настоящей статье предметом исследования выступают семантические, структурные и лингвокультурологические особенности диминутивных и аугментативных обозначений человека в разных вариантах английского языка.

2. Материал исследования и методы

Территориально маркированные диминутивные и аугментативные наименования лица отобраны методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей английского языка [12; 14; 17] и словарей национальных разновидностей (вариантов) английского языка [11; 13; 15; 16] с учетом критериев, подразумевающих наличие у лексемы следующих показателей:

1. Маркеры, указывающие на человека (*a person, a person who, adjective+ person*);
2. Морфологический маркер:
- суффиксы (*-ie/-y/-ey, -s, -o, -ock, -kin, -een, -el, -ling, -ster*);
3. Синтаксический маркер:

- прилагательные в структуре словосочетания (*baby, big*);

4. Лексикографические пометы:

4.1 Эмотивные пометы (*a term of endearment, jocular, derogatory, slightly, contemptible*);

4.2 Стилистические пометы (*a term of familiarity, informal, colloquial, slang, offensive, taboo*);

4.3 Территориальные пометы (*UK, British, Northern Ireland, Ireland, Scotland, US, North America, Canada, Australia, New Zealand, South Africa, Nigerian, Guyana, Barbados, Zimbabwe, Caribbean, Bahamas, Jamaica, Fiji, Antarctica*).

Таким образом, на основании установленных критериев отбора сформирован корпус эмпирического материала, в который вошло 961 территориально маркированное наименование лица, в том числе 933 диминутива и 28 аугментативов. Для комплексного анализа английских диминутивных и аугментативных обозначений человека используются метод компонентного анализа, словообразовательный метод, лингвокультурологический анализ, описательный метод, элементы количественного анализа.

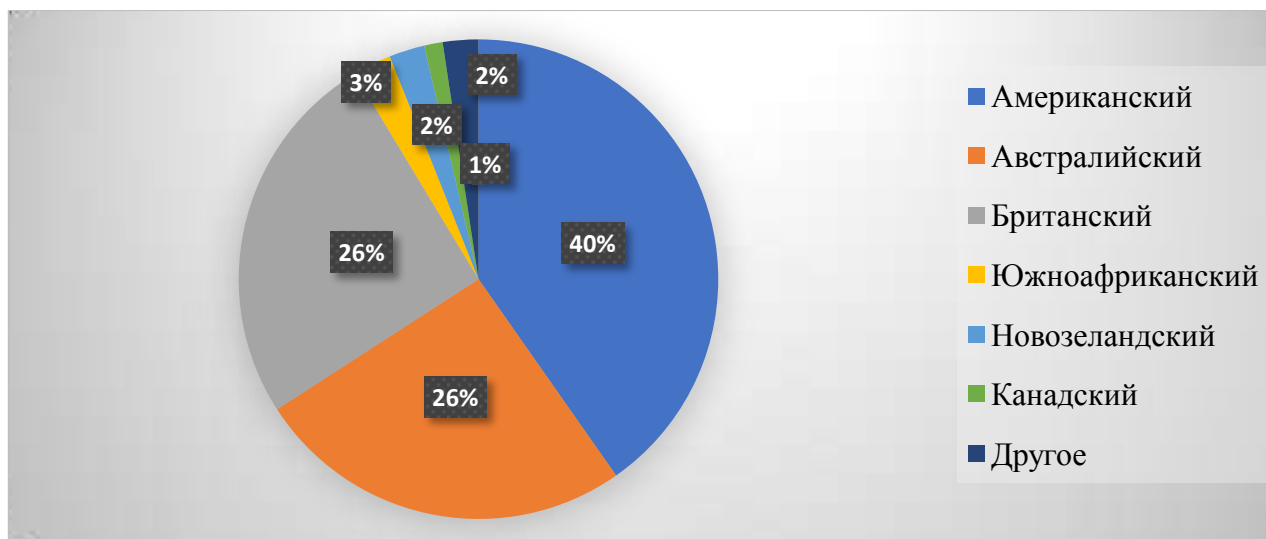
3. Результаты и дискуссия

Анализ материала исследования показал, что в эмпирическом корпусе территориально маркированных английских наименований лица наблюдается асимметрия, которая заключается в количественном преобладании диминутивов (97%) над аугментативами (3%). Данное явление интерпретируется В. Маерталером и В. Дресслером с точки зрения принципов естественной морфологии [6], согласно которым аугментативы являются более маркированными, когнитивно сложными и, как следствие, менее эволюционно предпочтительными языковыми единицами.

Корпус диминутивных и аугментативных наименований лица является достаточно разнородным и отмечен в 15 вариантах английского языка (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Количественная характеристика диминутивных и аугментативных наименований лица в разных вариантах английского языка

Как видно из диаграммы 1, ядро выборки относится к американскому варианту английского языка (387 ед., 40%). Околоядерную зону занимают диминутивы и аугментативы австралийского (246 ед., 26%) и британского английского (245 ед., 26%). Периферию изучаемого лексического пласта занимают единицы южноафриканского (25 ед., 3%), новозеландского (23 ед., 2%) и канадского английского (12 ед., 1%). Однократно или двукратно встречаются наименования лица из антарктического, нигерийского, ямайского, багамского, гайанского, барбадосского, тринидадского, зимбабвийского и фиджийского вариантов (23 ед., 2%).

Вышеперечисленные варианты английского языка происходят от стандартного английского, родиной которого является Великобритания. Формирование диалектов происходило в условиях колонизации европейцами новых территорий по всему миру. В этой связи формы английского языка имеют множество сходств на всех языковых уровнях, тем не менее обнаружены и некоторые различия. Рассмотрим более детально семантические, структурные и лингвокультурологические особенности диминутивных и аугментативных наименований лица в британском, американском и австралийском вариантах.

Диминутивные наименования лица выражают целый комплекс эмоциональных состояний. В британском английском диминутивы чаще выражают пренебрежение (*chitty* 'наглая девчонка' – *informal British, derogatory an impudent or arrogant young woman*), чем ласку (*ducksey* 'голубушка' – *a term of familiarity or endearment, informal, British darling, dear*). В американском английском установлено множество ласкательных форм (*babycakes* 'пупсик' – *US a term of endearment*), тем не менее превалируют презрительные прозвища (*niglet* 'негритенок' – *slang, US, offensive, derogatory, ethnic slur a black child*). В австралийском английском выявлен ряд уничижительных наименований (*skippy* 'англо-австралиец' – *Australia an Anglo-Australian*), и все же подавляющее большинство австрализмов с уменьшительными суффиксами лишено экспрессивности и выражает близость. Малочисленные аугментативные наименования лица являются неформальными прозвищами человека по какому-то признаку, чаще по важности (*big beast* 'важная птица' – *UK an important, powerful person*). Общим для рассматриваемых вариантов английского языка является ограниченность употребления эмоционально-оценочных лексем разговорным языком.

Установленные закономерности в выражении экспрессивности можно связать с национальным характером народов. Британцев часто описывают как людей консервативных, холодных и сдержанных в проявлении чувств. Также жителей туманного Альбиона называют напыщенными и говорят, что они демонстрируют превосходство над другими. Открытое выражение эмоций американцами часто ситуативно и определяется принятыми в обществе этикетными нормами. В этой связи, диминутивы как вербальные средства выражения дружелюбия не всегда эквивалентны искреннему внутреннему состоянию. Кроме того, принятый в американской культуре демократичный стиль общения позволяет американцам бесцеремонно использовать грубые,

циничные и непристойные слова, оскорбляющие адресата. Простые и дружелюбные австралийцы в изобилии употребляют диминутивы в неофициальной речи, чтобы создать неформальную обстановку общения и сблизиться с собеседником.

В анализируемых разновидностях английского языка диминутивные наименования лица образуются синтетическим и аналитическим способом. В британском, американском и австралийском английском синтетические диминутивы представлены суффиксальными (*bessie* ‘лучшая подружка’ – UK a best-friend), усеченными формами (*ref* ‘судьяшка’ – *offensive, Australian* a referee) и редупликативными единицами (*hotsy-totsy* ‘кряля’ – US an attractive young woman).

Чаще всего в образовании суффиксальных диминутивов в разных вариантах английского языка участвуют суффиксы *-ie/-y/-eu* и *-s*, придающие слову различные семантические и стилистические оттенки значения. Реже встречаются диминутивы с древнефранцузскими суффиксами *-et, -ette, -el*, древнегерманским *-ling*, древнеанглийским *-ster*, сленговыми суффиксами *-a, -roo*. Отличительной чертой ирландского английского выступает суффикс *-een*.

Аналитические диминутивные наименования лица представлены устойчивыми словосочетаниями. Рифмованные диминутивные словосочетания, построенные на рифме с подразумеваемой лексемой, служат символом британского английского. Часто забавная рифма основана на гипокористической форме имени известного британца, как в следующем примере, где звучит имя американского телеведущего родом из Лондона (*Jerry Springer* ‘Джерри Спрингер’ = *minger* ‘урод’). В австралийском английском также зафиксирован рифмованный сленг, однажды завезенный переселенцами в британскую колонию. Из следующего словосочетания понятно, что ирландское женское имя *Sheela* ‘Шила’ используется в значении любой ирландки в Австралии или любой женщины: *Charley Wheeler* ‘Чарли Вилер’ = *sheila* ‘девчонка’.

В британском, американском и австралийском английском аугментативные наименования лица представлены устойчивыми словосочетаниями с прилагательным *big* ‘большой’ в структуре (*big girl* ‘большая девочка’ (о женоподобном или трусливом мужчине)).

В рассматриваемых языковых знаках фиксируется культура и история народа. Так, в бритцизмах с диминутивным компонентом отражено имперское прошлое (*Rhodie* ‘родезиец’), административное деление Соединенного Королевства (*Welshie* ‘уэльсец’), религиозные верования (*billy* ‘протестант’), собственный менталитет (*posho* ‘аристократ’), отношение к соседствующим народам (*Froggie* ‘французишка’). В американизмах выражено территориальное деление Америки на штаты (*Zonie* ‘аризонец’), важная роль сельского хозяйства в экономике страны (*waddie* ‘ковбой’), политическая (*Trumpette* ‘Трампетка’) и военная ситуация (*Baghdad Betty* ‘Багдадская Бетти’). В австрализмах также находит отражение этнический состав населения страны (*abo* ‘абориген’),

важность фермерских хозяйств (*cow cocky* ‘владелец молочной фермы’), колониальное прошлое (*Pommie bastard* ‘британский ублюдок’), близость к океану (*surfie* ‘серфингист’). Аугментативные наименования лица в разных вариантах английского языка указывают на центральную роль влиятельности, успеха и денег в англоязычной культуре.

4. Выводы

Проведенный анализ структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей диминутивных и аугментативных наименований лица показал сходство британского, американского и австралийского английского, что обусловлено развитием диалектов от общего языка-предка. Различия, главным образом, находят выражение в лингвокультурном компоненте значения, что объясняется особенностями исторического развития государств.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2005. – 259 с.
2. Курилова С.Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018, № 3. Т. 16. – С. 88–101.
3. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.
4. Чударь А.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – Серия 1: Филология. – 2020, № 2(105). – С. 92–99.
5. Davis C. The morpho-phonology of an English diminutive // Proceedings of the Linguistic Society of America. – Vol. 8 No. 1. – 2023.
6. Wolfgang U. Dressler, Willi Mayerthaler, Oswald Panagl and Wolfgang U. Wurzel. Leitmotifs in Natural Morphology. – Vol. 10. – Amsterdam: John Benjamins, 1987. – 168 p.
7. Dressler W., Barbaresi M. Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages. – Mouton de Gruyter, 2011. – 690 p.
8. Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. Introduction: Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains (Trends in Linguistics. Studies and Monographs). – Berlin, 2023. – 26 p.
9. Sarwar M. A Study of Augmentativization in English and Bangla // JER Journal of ELT Research. – Vol. 3, No. 1. – 2018. – Pp. 68–77.
10. Schneider K. Diminutives in English. – Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2012. – 266 p.
11. Dictionary of South African English. URL: <https://www.dsae.co.za> (дата обращения: 10.09.2023)
12. Green’s Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com> (дата обращения: 10.09.2023)
13. The Canadian Oxford Dictionary / ed. By. K. Barber. – Oxford: Oxford University Press. – 1707 p.

14. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / ed. By T. Dalzell. – Routledge, 2007. – 740 p.
15. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases / ed. By M. Cryer. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010. – 192 p.
16. The Lingo Dictionary of favourite Australian words and phrases / ed. By J. Miller. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2010. – 342 p.
17. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles / ed. By L. Brown. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 3836 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ОСОБЕННОСТИ МАРКЕМНОГО СОСТАВА
ТРУДОВ АПОСТОЛА ИОАННА**

В статье описываются особенности маркемного состава всех текстов, созданных апостолом Иоанном. В письменное наследие апостола Иоанна входят пять книг Нового Завета – Евангелие от Иоанна, три Послания Иоанна и Откровения Иоанна (Апокалипсис). Во всем массиве текстов на основе метода маркемного анализа выделяются 50 ключевых слов – маркем. Маркемный анализ языка текстов на английском языке проводится с помощью компьютерной программы ProTemAI-Engl, которая позволяет добиться точности и объективности исследования. Распределение по семантическим группам выделенных маркем позволяет определить основные темы письменного наследия апостола Иоанна.

Ключевые слова: маркема, маркемный анализ, семантические блоки, ключевое слово, откровение, послание, Евангелие от Иоанна

U.V. Bogdanova
(Voronezh, Russia)**FEATURES OF THE MARKEM COMPOSITION OF APOSTLE JOHN
WORKS**

The article describes features of the markem composition of all texts created by Apostle John. The written heritage of Apostle John includes five books of the New Testament – Gospel of John, three Epistles of John and Revelations of John (Apocalypse). In the entire array of texts 50 keywords – markems are distinguished by the method of markem analysis. Markem analysis of the texts in English is carried out using the computer program ProTemAI-Engl, which helps to achieve accuracy and objectivity of the research. Distribution of the marked markemes by the semantic groups allows us to determine the main themes of the written heritage of Apostle John.

Key words: markem, markem analysis, semantic blocks, keyword, revelation, epistle, Gospel of John

В настоящее время наблюдается активное развитие цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities), создается методологическая база, разрабатываются принципы и уникальный инструментарий, позволяющие обрабатывать большой объем данных, получать объективные результаты, которые затем обобщаются и структурируются. Метод маркемного анализа, как один из способов формализации содержательного анализа текста, был разработан профессором А.А. Кретовым и успешно применяется для выявления маркемного своеобразия языка художественных произведений, исследования творчества отдельных авторов [1] и групп авторов [2], определения маркемно-генеологических связей между авторами и установления преемственности в литературе [3]. Маркемный анализ языка текстов на английском языке

проводится с помощью компьютерной программы ProTemAl-Engl, созданной на базе Воронежского государственного университета А.С. Гусельниковой, И.Е. Ворониной и А.А. Кретовым. Программа ProTemAl-Engl вычисляет индекс текстуальной маркированности (ИнТеМ) каждой словоформы в тексте. Для расчета индекса текстуальной маркированности применяется формула, которая выражает разность между весом словоформы по частоте и по длине. В результате компьютерной обработки всего массива текста выделяется 50 ключевых слов – маркем, соответствующих определенным грамматико-статистическим критериям отбора.

Проведение анализа языка библейских текстов на основе маркемологического подхода представляется интересной исследовательской задачей, способствующей выявлению ключевых слов, передающих основные понятия христианского мировоззрения.

Материалом исследования послужили тексты трудов апостола Иоанна Богослова на английском языке в Библии Короля Якова. Апостол Иоанн Богослов, один из ближайших учеников Иисуса Христа, является автором пяти книг Нового Завета – Евангелия от Иоанна, трех Посланий Иоанна и Откровения Иоанна (Апокалипсис). Евангелие от Иоанна раскрывает догматический и духовно-нравственный смысл евангельских событий: жизни, смерти, воскресения Христа. В описании знамений и чудес Иоанн приводит много фактов, о которых не говорят другие евангелисты – апостолы Матфей, Лука, Марк. В своих трех письмах Иоанн дает советы о христианской жизни, утешает и ободряет своих учеников и рассказывает об основных истинах христианской веры – любви, прощении, братском общении, победе над грехом, чистоте совести и вечной жизни. Апокалипсис Иоанна Богослова включает в себя откровение о судьбе народа Божьего, символическое описание борьбы между добром и злом, пришествие Христа, последний суд.

Общий объем исследуемого текста составил 35 643 словоформы. После обработки текстового материала программой ProTemAl-Engl из частотных списков полученных словоформ были выделены 50 маркем с максимальным показателем ИнТеМа и соответствующих критериям отбора. Маркема с наибольшим показателем индекса текстуальной маркированности (далее – ИнТеМ) является доминантной маркемой всего текста. Доминантной маркемой в исследуемом текстовом материале становится *unrighteousness* (ИнТеМ – 0.5499) – *неправедность*. Вице-доминантной маркемой в маркемном списке трудов Иоанна Богослова является *righteousness* (ИнТеМ – 0.4963) – *праведность*. «Неправедность» и «праведность» являются важными понятиями в религиозных текстах: *unrighteousness* – 1) «неправильное поведение, нарушение нравственных и моральных норм»; 2) «неспособность любить Бога, руководствоваться его законами, проявлять благочестивые добродетельные качества», *righteousness* – 1) «совершенная безупречность поступков, состояние совершенства, безгреховности»; 2) «установление правильных отношений между Богом и человеком, и между людьми, исполнение заповедей Божьих» [5]. Антонимичная пара *unrighteousness* –

righteousness, образованная доминантной и вице-доминантной маркемами, не только отображает взаимосвязь этих понятий, но и указывает на необходимость перехода человека от несправедливой жизни к жизни по заповедям, то есть необходимость изменения нравственного состояния человека [6, с. 96].

Дальнейшее распределение всех маркем по семантическим блокам происходило на основе их двухэтапной семантической классификации, разработанной О.Г. Артемовой и представленной в монографии «Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза» [3]. Первым этапом является разбивка дефиниции каждой маркемы на метаслова, второй этап связан с семантическим анализом метаслов, который и позволяет отнести выделенные маркемы к определенным семантическим блокам. В трудах Иоанна Богослова были выделены следующие семантические блоки маркем: **христианские символы, фундаментальные понятия, морально-этические, ментально-перцептивные, социальные, межличностные, эмоциональные, качественные.** Наибольшее количество маркем принадлежат блоку, получившему название – **христианские символы** (26), так как в него вошли слова, имеющие символическое значение, связанное христианским вероучением: *pharisees* – фарисеи, символ лживости (0.1902), *Jerusalem* – Иерусалим, символ соединения физического и духовного, земного и небесного (0.1722), *earthquake* – землетрясение, символ проявления силы Божьей (0.154), *wilderness* – пустыня, символ опустошения, зла (0.154), *antichrist* – антихрист, символ зла (0.154), *thunderings* – раскаты грома, символ проявления силы Божьей (0.1382), *darkness* – тьма, символ зла (0.1254), *sepulcher* – могила, символ тьмы, смерти (0.1295), *father* – Отец Небесный (0.0999), *circumcision* – обрезание, символ соблюдения завета между народом Израиля и Богом (0.0974), *bridegroom* – жених, символ Иисуса Христа (0.0857), *heaven* – Царство Божие (0.0805), *brimstone* – сера, символ наказания (0.0703), *spirit* – Святой Дух (0.0672), *miracles* – чудеса, нарушение по воле Бога естественного хода событий (0.0643), *throne* – престол, символ власти (0.0501), *lightings* – молнии как символ проявления силы Божьей (0.0455), *passover* – жертвенный агнец, искупительная жертва (0.0425), *temple* – храм, символ святости (0.0361), *earth* – земля как человеческий мир, противоположный Высшему миру (0.0327), *voice* – голос Бога, Богоявление (0.0166), *angel* – символ добра, чистоты (0.0156), *beast* – зверь как символ зла (0.0024), *light* – свет как символ чистоты, святости (0.0019), *prophet* – пророк как символ посвящения, святости (0.016), *Capernaum* – Капернаум в Новом завете приобретает символическое значение нераскаянности, неверия в Бога (0.002).

Следующим по количественному показателю становится блок маркем, обозначающих **фундаментальные понятия** (7): *commandment* – заповедь (0.3785), *resurrection* – воскресение (0.3125), *transgression* – нарушение заповедей, грех (0.2001), *stumblingblock* – препятствие (0.1485), *scripture* –

Священное писание (Ветхий завет) (0.1295), *foundation* – духовная основа (0.0459), *truth* – правда, истина (0.0175).

С незначительным отрывом представлены блоки **морально-этических маркем**, обозначающих ценностные, нормативные понятия (5) и блок **ментально-перцептивных маркем**, связанных с мыслительной деятельностью человека (5). В блок морально-этических маркем попадают следующие слова: *unrighteousness* – неправедность (0.5499), *righteousness* – праведность (0.4963), *fornication* – блуд (0.3249), *abominations* – мерзости, понимаемые в рамках христианского учения как грубое пренебрежение, установленных Богом ценностей (0.974), *blasphemy* – богохульство (0.002). В блок ментально-перцептивных маркем вошли слова *interpretation* – наставление (0.304), *understanding* – понимание (0.2001), *testimony* – свидетельство о Боге, подтверждение истины (0.1589), *doctrine* – учение, вероучение (0.0254), *witness* – свидетельство истинности, знание (0.0961).

Блок **социальных маркем** образуют слова, связанные с социумом, общественными нормами, законами, правилами поведения (3): *judgment* – суд (Божий) (0.1107), *condemnation* – осуждение, приговор (0.0974), *world* – мир как все человеческое общество (0.0408).

Далее следует блок маркем, указывающих на **межличностные отношения**, то есть на взаимоотношения людей между собой, взаимоотношения людей и Бога (2): *propitiation* – умилоствление, примирение (0.1789), *fellowship* – общение с Богом (0.1701).

Блоки **эмоциональных маркем** (слова, передающие эмоциональное состояние человека) и **качественных маркем** (слова со значением качеств человека, окружающего мира) представлены наименьшим количеством маркем – в каждый блок вошли по одной маркеме. Эмоциональные маркемы – *tribulation* – скорбь, несчастье (0.2121); качественные – *confidence* – уверенность (0.0805).

Проведенный маркемный анализ позволил вывить наиболее значимые темы всех письменных трудов апостола Иоанна Богослова, представленные прежде всего доминантной и вице-доминантной маркемой *unrighteousness–righteousness*. Антонимичная пара доминантной и вице-доминантной маркемы *unrighteousness – righteousness* (неправедность – праведность) передает тесную взаимосвязь этих морально-нравственных понятий, изменения нравственного состояния человека. В результате классификации всех маркем по 8 семантическим блокам, христианские символы, фундаментальные понятия, морально-этические, ментально-перцептивные, социальные, межличностные, эмоциональные, качественные, становится очевидным существенное преобладание маркем со значениями христианских символов (26 маркем из 50). Наблюдается широкое использование символов природы для обозначения и объяснения духовной реальности. Выделяются маркемы, обозначающие «природные явления», символизирующие проявление силы Бога – *earthquake, thundering, lightings*, и «природные объекты» – *wilderness, heaven* (небо понимается как царство духовных

реальностей, невидимых и бестелесных) – *earth* (земля обозначает собрание видимых и телесных символов, условных вещественных знаков). Маркемы со значением «физические явления», представлены антонимичной парой маркем, связанных с важными духовно-нравственными понятиями «добро» и «зло» *light – darkness*. Локативные маркемы представлены 2 городами, в которых произошли важные евангельские события. В библейском тексте эти города приобретают символическое значение – *Jerusalem* (символ соединения физического и духовного, земного и небесного), *Capernaum* (символ нераскаянности, неверия в Бога).

В трудах апостола Иоанна Богослова важное место занимают и маркемы, связанные с понятиями христианского вероучения: заповедь, воскресение, нарушение заповедей, грех, Священное писание (Ветхий завет), правда, истина.

Интерес представляют и ментально-перцептивные маркемы с семантикой разума, сознания. Так синонимичная пара *testimony* (свидетельство о Боге, подтверждение истины) – *witness* (свидетельство истинности, знание) подчеркивает важность для апостола Иоанна подтверждения истинности Божественной природы Иисуса Христа. Маркемы *interpretation* (наставление), *understanding* (понимание), *doctrine* (учение, вероучение) апеллируют к необходимости правильного объяснения ученикам основ христианского вероучения.

Лексемы *judgment, condemnation*, вошедшие в блок социальных маркем, являются языковыми синонимами с семантикой «осуждение, наказание» и характеризуют нарушения не только общественных нормам, законов, но и последствия несправедливой жизни, нарушение христианских заповедей. Маркемы с семантикой межличностные отношения указывают, прежде всего, на связь человека и Бога, на взаимоотношения людей и Бога: *propitiation* (умилостивление, примирение), *fellowship* (общение с Богом).

Представленные результаты формализованного содержательного исследования письменного наследия Иоанна Богослова на основе маркемологического подхода отражают важные догматические и духовно-нравственные смыслы, пути приложения христианского учения к явлениям личной и общественной жизни.

Литература

1. Артемова О.Г., Кретов А.А. Маркемный анализ творчества Ф.М. Достоевского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная квалификация. – 2022, № 2. – С. 109–122.
2. Кретов А.А. Сквозь призму маркем: Н.В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная квалификация. – 2009, № 2. – С. 12–21.
3. Кашкина А.В. Особенности маркемной лексики языка русской поэзии начала XX века // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения. Материалы Международной конференции. Воронеж. – 2012. – С. 103–106.

4. Артемова О.Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза: Монография. / под ред. проф. А.А. Кретьова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕС, 2020. – (Серия: Библиотека маркемологии. Т.4). – 596 с.

5. Большой Библейский Словарь. Электронный ресурс. URL: <https://bible.by/lexicon/btd/word/3411/> (дата обращения: 18.07.2023)

6. Богданова У.В. Маркемный анализ языка текстов посланий апостолов в Библии короля Якова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная квалификация. – 2023, № 2. – С. 93–103.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.А. Богатырёв
(Москва, Санкт-Петербург, Россия)

ТЕКСТ И «МЕДИАТЕКСТ» В ОЖИДАНИИ ПЕРЕЗАГРУЗКИ: ШУМЫ И ПОМЕХИ В КАНАЛЕ СВЯЗИ

Статья посвящена вопросам определения понятия текста в условиях прогрессирующей медиализации коммуникаций и обоснования и определения понятия медиатекста в соотношении с понятием текста.

Ключевые слова: текст, медиатекст, смысл, канал связи

A.A. Bogatyrev
(Moscow, St Petersburg, Russia)

TEXT AND «MEDIATEXT» WAITING FOR REBOOT: NOISE AND INTERFERENCE IN THE COMMUNICATION CHANNEL

The article is devoted to the issues of defining the concept of the text under conditions of progressive medialization of communications and justification and definition of the concept of mediatext in relation to the concept of the text.

Key words: text, mediatext, meaning, communication channel

Одним из центральных междисциплинарных методологических понятий европейской культуры традиционно выступает понятие текста [2]. Понятие текста само по себе достаточно многослойно и противоречиво, несет на себе отпечаток антиномий языка (таких как антиномия объективного и субъективного, эргона и энергии, индивидуального и социального, понимания и непонимания и пр.). В то же время у текста есть и свои антиномии, в частности касающиеся вопросов о единстве текста и смысла [24], о единственности и множественности смыслов текста, об истинном понимании текста, а также вопроса об авторстве и последней инстанции суждения о смысле. Схема динамики европейских представлений о праве на смысл и его авторитетное толкование представлено нами ниже.

Ступени узурпации авторства

1. Великий Отец, создатель, вседержитель и творец времени и мироздания (святоотеческая традиция толкования Священного Писания);
2. Авторитетный и (или) гениальный автор-пророк и поэт (литературоведческая и модернистская традиция);
3. Сам текст как система хранения и передачи информации рассматривается как источник смыслопостроения в определенной филологической / семиотической культуре (культурологическая традиция);
4. Потребитель сообщения равен или превосходит своим авторитетом

автора, продуцента, адресата и бенефициара текста. Все возможные прочтения верные и одновременно неверные (постмодернистская традиция). Стихия потребления модифицирует культуру рецепции.

5. Автоматизированная система сбора и анализа данных приписывает потребителям и продуцентам текста ценности и смыслы.

Представленная схема иллюстрирует европейский процесс эмансипации смысла от уникального автора и правообладателя и переход к современному массовидному сетевому сообществу коммуникаций, в котором обоснованность то или иного смысла текстового сообщения определяется количеством лайков и дизлайков, а не мерой достоверности / обоснованности / аргументированности. Существенным условием успешной тестовой коммуникации начинает выступать *текстуализация* сообщения реципиентом. В случае затруднения в том, чтобы стандартизировать сообщение, четко определить исходную ситуацию и контекст смыслообразования, предпочтительно рассматривать текстовидный знаковый массив не как текст, а как *текстоид* [3; с. 6, 8, 15]. На преобразовании текстоидов в тексты строится жанр загадки и технология отгадки.

Понятие текста в европейской традиции обрело высокую всеобщую значимость в связи с распространением христианства. Оно уже изначально было связано с осмыслением императивного Логоса, и шлифовалось веками. Начала христианской традиции благочестивого понимания смыслов богодухновенного текста как источника связи микрокосма человека и божественного макрокосма прослеживаются в трудах Оригена (~185 — ~ 253), других христианских писателей, Отцов Христианской Церкви. Повсеместно практикуется *исследование типологического смысла* библейского текста и текстового фрагмента, без свойственного закату двадцатого века ажиотажа и преклонения перед категорией интертекстуальности. Преемственность образов и смыслов в экзегетической и гомилетической деятельности на протяжении многих веков рассматривается как самоочевидная данность.

Исследования Н. Гартмана, Р. Ингардена в области феноменологии и рецептивной эстетики подтвердили многослойную природу текстовой деятельности и коммуникации уже в значительной мере в антропоцентрической парадигме исследований [6, с. 329; 8]. Структурный и деконструкционный анализ противоречивой природы текста как пространства созидания и разрушения читательских предвосхищений осуществлен Р. Бартом [15]. Существенное внимание формируемой в актах прочтения текста системы связей читательский ожиданий по отношению к тексту (экспектаций) и построения образных представлений читателя (визуальных, пространственных и прочих) о возможном мире текста уделяется в теории конкретизации [23].

Стандартизация европейского представления о тексте (в первую очередь на базе немецкого континуума национального языка и коммуникативной культуры) произведена В. Дресслером и Р. де Бограндом в 1981 году. Формирование и развитие самобытного представления о природе текста в отечественной традиции после М.М. Бахтина наиболее последовательно

осуществлялось в Московской школе психолингвистики на базе института языкознания РАН. Текст трактовался в широких категориях цельности, связности и эмотивности / эмоциональности [12]. Синтез лингвистической теории, философской эстетики, семиотики и феноменологии чтения послужил основой концепции текста как партитуры значений, содержаний и смыслов, опредмеченных *риторико-герменевтической программой текстопостроения* в контексте деятельности и культуры в Тверской школе филологической герменевтики под руководством Г.И. Богина (1929-2001) [5].

В плане синтеза эстетических и лингвистических представлений по настоящее время ключевой интерес представляют работы французского семиолога Р. Барта, развивающие концепцию «заякоривания» (фр. *anchorage*) и связи вербального и невербального образов (термины «*relay*», «*tagging*») [16]. Однако несколько не менее актуальной остается его концепция «больших кодов», развернуто представленная в известном исследовании «*S/Z*» [15]. Не вдаваясь в мелочные замечания и самостоятельные предложения, назовем те, которые сам Барт обозначил как пять обязательных – это (1) код загадки и разгадки, (2) код описываемых / пересказываемых действий событий, (3) символический, (4) семический (связь с другими текстами) и (5) «культурный» код отнесения к контекстам и стереотипам. Все тексты в онтологии Барта – поликодовые. Никаких не-поликодовых текстов не существует. Коды имеют обыкновение вступать во взаимодействие между собой [21]. Важным вкладом Р. Барта в развитие теории медиакommunikции, медиадискурса и медиатекста послужила предложенная трехслойная модель анализа одного – от слоя поверхностной репрезентации к оценочному («идеологическому») компоненту и основополагающему мифологическому слою [14]. В интерпретации Джона Фиска различаются в порядке погружения в означаемое текста следующие уровни означивания – (1) знаки, (2) мифы и коннотации, (3) культурная картина мира определенного общества [21; 22].

В плане классификации стратегий концептуального определения «медиа» мы можем выделить (1) номенклатурный подход к определению медиа (на основе списка медийных технологий, медиаканалов, форматов и жанров и медиа – радиопостановка на радио versus экранизация рассказа на телевидении); (2) средовой подход, основывающийся на выделении, описании и критике особенностей и возможностей различных медийных сред и условий коммуникации; (3) эстетический подход, исследующий формы и средства выразительности в различных медиасредах. Прагматический подход направлен на выявление сильных и слабых сторон медийных каналов и форм и изысканию ресурсов повышения эффективности их функционирования с точки зрения решения прикладных задач [24]. Исследователи медиа нередко комбинируют названные подходы. [21, с. 35, 36].

Обращение к распространенной схеме коммуникации К. Шеннона и У. Уивера [27, р. 7] еще более проблематизирует понятие о тексте сообщения. В текстовой проекции неясным остается, что именно попадает на «передатчик» и «получающее устройство» (англ. *transmitter, receiver*) – текст, сигнал, оболочка

сигнала, непосредственно информация, дезинформация, некий контент, шум или смысл. Одна из попыток *семиотической адаптации* линейной модели коммуникации предложена Марселем Данези [19, с. 54]. В ней знаки (!) перекодируются в коды, применяемые для формирования текстов (!), осмысляемых в различных контекстах. Иными словами, сообщение кодируется, текстуализуется и контекстуализируется (по прямой линии связи). При этом понятие «текст» (близко к традиции Р. Барта) трактуется как вязь из кодов, выражающая некое сообщение (букв. «specific “weaving together” of elements from a code (or codes) in order to express something») [19, с. 52; 9]. Удачно и интересно трактуется понятие «печатного слова» как способное называть (1) графическое воплощение текста, (2) план означаемого текста и (3) материальный носитель.

В концепции М. Маклюэна медийный текст получает недвусмысленное понимание в качестве «протеза», «заменителя *сенсориума*» индивида в системе коммуникации с миром явлений и людей, связей и причин [25, с. 42]. Опираясь на *теорию ампутации* М. Маклюэна, мы можем заметить, что (предсказуемое) оживление великолепных иллюстраций художников Алана Ли и Джона Хоу в киноэпопее П. Джексона «Властелин колец» не сделало их прекраснее, но, по крайней мере, на время просмотра «ампутировало» силу воображения визуальных пространственных образов у зрителей. Не меньший интерес представляет и известная интуиция Маклюэна о том, что целью СМИ выступает не информация, а шум. В трудах Ж. Бодрийера выявляются механизмы медиакommunikации как своего рода фабрики симуляции, иллюзий, «гиперреальности» [17]. Н. Фэрклаф выдвигает идею демократического контроля над СМИ на основе научно-разработанных инструментов критического анализа дискурса [20, р. 234-236].

В целом следует отметить общую тенденцию к эклектике, смешению различных категорий в выделении и определении медиатекста. Граммофонная пластинка (как источник мультимедийной информации) имеет не так уж много общего с ежедневной газетой (т.н. «медийным изданием»). А наше слуховое воображение и восприятие творчески работают при чтении диалогов персонажей в художественном тексте на бумажном носителе, которые дополняется визуальными образами на основе работы воображения.

А.В. Федоров в своем определении понятия медиатекста сближает до неразличимости понятия медийного и мультимедийного сообщения: «сообщение (телепередача, видеоклип, фильм и пр.), изложенное в любом виде и жанре медиа, и предназначенное для одновременного зрительного и слухового восприятия аудиторией» [13, с. 40]. Такое сближение оправдано приоритетной сферой интересов и личным путем ученого.

Достаточно широко хождение имеет допущение о том, что «медиатекст следует рассматривать как совокупность вербальных и медийных признаков» [7, с. 11]. Однако существуют основания к рассмотрению средств вербального общения как изначально не-медийных [19, с. 9]. Авторы И.М. Дзялошинский и М.А. Пильгун весьма справедливо указывают на то обстоятельство, что что

специфика медиасреды качественно меняет «традиционный» текст в зависимости от медийных свойств того или иного средства массовой информации (печатные, сетевые, радио, телевидение)» [7, с. 11]. В то же время приведенное определение вызывает вопросы. Имеется ли здесь в виду по «традиционным» текстом устное сообщение (оформленное голосом) или же письмо, написанное от руки чернилами, нацарапанное на глиняной табличке, высеченное на дереве или камне, остается, увы, непроясненным. Должны ли мы, при опоре на приведенное определение авторов, относить сетевые СМИ к печатным или непечатным, также остается не до конца ясным. Далее авторы предпринимают попытку описать своеобразие «текста в телеверсии», который «разворачивается в нескольких проекциях (вербальной, визуальной, аудиальной) и образует единое пространство, характеризующееся объемностью и многосложностью» [7, с. 11]. Следует ли нам в таком случае полагать, что роман Льва Толстого «Война и мир» в телеверсии характеризуется как объемный и многосложный текста на базе краткого и простого? Следует ли нам в таком случае полагать, что в романе Льва Толстого «Война и мир» категорически отсутствует намерение автора представить некоторые визуальные и аудиальные образы даже более более отчетливо, ясно, детально и точно, чем в экранизации?

Не отрицать отмеченную авторами роль «аудиальных характеристик, которые «осложняют» речевую ткань, выполняя особую роль в передаче информации» в радиотекстах. Отметим лишь, что усложнение аудиоряда можно попытаться объяснить целенаправленной деятельностью по сохранению и актуализации смыслов «традиционного текста» в радиоформате. Далее непроясненная «особая роль» трактуется как также безымянная «функция», которую «для текстов печатных СМИ ... выполняют графические средства, дополняющие собственно речевые» [7, с. 11]. Последнее противопоставление содержит затруднение. Можем ли мы назвать интонацию звучащей речи ее дополнением или же они образуют единое органичное целое? Графические средства печатного текстопроизводства (шрифт, леттеринг, перенесенная в печатный формат каллиграфия) неотделимы от орфографических, передающих «речь» (как синоним текста). Как можно заметить, объяснительная функция определения медиатекста опирается на абстракции безграфичного письма и беззвучной речи. При этом с собственно *обыденным представлением* о медиатексте (то же, что «картинка + слово», «звучащее из динамика слово», «видеофрагмент», «тот же текст, только в медиа», «текст в контексте») ничего не происходит.

Одним из признаков научного понятия является устойчивость его основного содержания при переходе из одного текста в другой, от одного исследователя к другому. Эта устойчивость позволяет вести дискуссию между сторонами и приходиться к обоснованным и приемлемым для обеих вовлеченных сторон выводам о статусе той или иной новации. Когда мы обращаемся к определениям медиатекста у других авторов, беспокойство о преемственности и содержательности определений не спадает. «Основные категории медиатекста –

медийность, массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродуктов), интегративность, или поликодовость и открытость.» [9, с. 13]. Отметим, что в рассматриваемом определении соединяются *универсальные* для широкого класса объектов (интегративность), ингерентные для всякого текста и по этой причине неспецифичные именно для медиатекста (поликодовость), *остенсивные* черты медиатекста («медийность») и предпочтительные для выделяемой сферы интересов отдельного исследователя (массовость), а также характерные для некоторого подмножества медиатекстов (открытость) в противоположность закрытым текстам (по Умберто Эко) – например, доказываемым в YouTube теоремам. Следует ли в свете представленного определения относить интернет-сообщения в закрытой группе ВК к медиатекстам и собственно почему, остается непроясненным.

Упомянутая в определениях медиатекста интертекстуальность (базовое, имманентное свойство текста [18]) не непременно означает «открытость». В означенной связи противопоставление «интертекста» тексту с одной стороны способствует бездумному умножению определений, с другой дублирует определенную часть процедур контекстуализации содержания и смысла сообщения, а с третьей выводит непосредственных субъектов общения за скобки рассмотрения и таким образом дегуманизирует модель медиакommunikации. В такой модели аллегория (как технология переодевания понятий) убивает символ (как источник пробуждения интенсивного интервального смыслопорождения). Более того – открытость и фaszинация текста, например в авангардной поэзии, нередко держится на смутной, трудноуловимой интертекстуальности. К таковым, например, можно отнести ‘Strange fits of passion have I known’ Вордсворда или стихотворение “Silent listeners” Уолтера де ла Мара.

Мишель Фелан трактует понятие *медиа-дискурса* в системе пяти терминов – (1) ре-репрезентация, (2) идентификация отправителя (3) технология производства, (4) массовое потребление, (5) внешнее регулирование [26]. В таком определении акцент вновь падает на поток текстов СМИ, а казуальные медиатексты (как акциденции и продукты медиадискурса) выносятся за рамки рассмотрения. Примечательно, что многие известные нам книги первоначально выходили в свет в печатных СМИ.

Многообразие моделей медиа-коммуникации на настоящий день отражает, как специфичность задач и интересов различных направлений, и подходов, так и отсутствие четкой методологической базы в трактовке понятия медиатекста, внятной связи с исследованиями текста как единицы знаковой деятельности и коммуникации, с достижениями классической лингвистики и семиотики. Как заметил бы Р.Г. Пиотровский, развитие отрасли знаний идет «Вавилонским» путем [10, с. 6].

Рост интереса к медийному началу в текстовой деятельности уже давно поставил в повестку рассмотрение понятия медиатекста, его ключевых черт и отличительных признаков. Существуют различные варианты сближения и размежевания концепта «media» с текстом. Отечественные исследователи

столкнулись с выбором – строить новое понятие на основе понятия текста или же отказаться от опоры на традицию и идти революционным путем в определении одного из основополагающих понятий медиакommunikации, по примеру М. Маклюэна. Медийность оказалась слишком широкой категорией в плане осмысления рецепции дискурсов, текстов и текстоидов в пространстве коммуникации, чтобы новое обобщение получилось поистине всеобщим и содержательным. На сегодняшний день мы можем предложить следующую возможную типологию подходов к определению медиатекста:

(1) Медийным объявляется *всякий погруженный в жизнь текст* – всякое высказывание, логос и / или эмоция, рассматриваемые в динамике ситуации и контекстов ее развития и интерпретации. Вербальное поведение сплетается с различными видами невербального, актуализируется в игре статусно-ролевого словесного и смыслового обмена.

(2) Медийным текстом объявляется так или иначе представленная и перевыраженная в тексте *жизнь – облеченная в слово или иные средства создания и трансляции представлений о мире* в динамике ситуаций и контекстов его развития и интерпретации. Различные виды невербального и социального, статусно-ролевого актуализируется в словесной игре и / или игре зрительных, пространственных, акустических и прочих образов.

(3) Медийным и «креолизированным» объявляется всякий текст, рассматриваемый в единстве функциональной (информативной) структуры и характера оболочки (фактуры) его оформления. Простым примером такого подхода может послужить внимание к выбору жанрового подходящего леттеринга, спейсинга и цвета для надписи на поздравительной открытке, сюжетных и (что может быть еще важнее) несюжетных, необязательных виньеток, картинок, украшений. (Такой медиатекст может быть как широко тиражируемым, так и уникальным, моментальным, исчезающим как надпись на торте). Анализируется связь слова и жанра с паралингвистическими и иконическими составляющими [1, с. 3, 5-9].

(4) (Поли)медийным объявляется всякий креолизированный текст, наполняющий сенсориум индивида одновременно в ряде семиотических каналов (не только кино, но и, например, авантекст – песня, исполняемая на сцене под музыкальный аккомпанемент, а также с применением сценических световых эффектов).

(5) (Поли)медийным объявляется всякое трансмедийное сообщение, представленное в различных каналах связи одновременно (реклама бренда по громкоговорителю, на рекламных плакатах и растяжках, нанесенная на фирменную одежду продавцов, на фирменную упаковку товаров и т.д.).

(6) Медийным объявляется всякий текст или текстоид, распространяемый по официальным каналам массовой информации (радио, телевидение, сетевые периодические издания и пр.).

(7) Медийным объявляется всякий текст или текстоид, распространяемый по официальным или неофициальным, разрешенным или запрещенным, формальным или неформальным каналам массовой информации от лица автора,

под псевдонимом, через бота или анонимно, (радио, телевидение, сетевые периодические и непериодические издания, «вирусные» сообщения, мемы, демотиваторы, различного рода граффити, распространяемые слухи и пр.).

Иными словами, медийным является всякий текст, анализ и оценка которого производится с учетом хотя бы одного из перечисленных выше признаков, *если* выделенный признак каким-либо *существенным образом* влияет на выявляемый / конструируемый / реконструируемый смысл. В противном случае употребление термина «медiateкст» является необоснованным и неуместным. Например, нарративы могут рассматриваться и как чистые (трасмедийные или надмедийные) повествовательные структуры и в связи с особенностями портретного прототипа персонажа, графической подачи в комиксах, характера освещения на сцене или съемочной площадке, игры актеров в фильмах, техники и стиля художника в книжных иллюстрациях, места в продуктивном ряду некоторого медиахолдинга и т.д.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная-коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие. – М.: Академия, 2013. – 122 с.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1986. – С. 273–280.
3. Богатырева О.П. Функционально-семантическая характеристика учебного языкового текста: на материале английского языка: авторефер дис. ... канд. Филол. наук: 10.02.04 / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 2006. – 20 с.
4. Богин Г.И. Типологи я понимания текста. – Калинин, 1986. – 86 с.
5. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин, 1989. – 70 с.
6. Гартман Н. Эстетика. – М.: Инлит, 1959 (1958). – 692с.
7. Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Медiateкст: особенности создания и функционирования. – М.: НИУ - ВШЭ, 2011. – 377 с.
8. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: ИнЛит, 1962. – 572 с.
9. Казак М.Ю. Медiateкст: сущностные и типологические свойства // Global Media Journal. Глобальный медиажурнал. Российское издание. – 2011, № 1. – Т. 2.
10. Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка. – Л.: Наука, 1979. – 112 с.
11. Современный медiateкст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. - Омск, 2011. – 414 с.
12. Сорокин Ю.А. Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. – С. 61–71.
13. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М.: МОО «Информация для всех», 2014. – 64 с.
14. Barthes R. Mythologies, Seuil: Paris, 1957. – 272 p.
15. Barthes R. S/Z. Essais, Paris, Éditions du Seuil, 1970, Tel Quel. – 278 p.
16. Barthes R. Image – Music – Text (1970) / Transl. by St Heath. – 1978. Hill and Wang. – 232 p.
17. Baudrillard J. Simulacra et Simulations. – Paris, Galilee, 1981. – 235 p.
18. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. L. – NY: Longman, 1981. – 290p.

19. Danesi M. Understanding media semiotics, 2nd edition, Bloomsbury, L-NY, 2018. – 312 p.
20. Fairclough N. Language and power / 10th impression. – L, Longman, 1996. – 259 p.
21. Fiske J., Hartley J. Reading television, 2003. L – NY, Routledge. – 178 p.
22. Fiske J. Introduction to Communication Studies Third Edition. Routledge, 2011. – 195 p.
23. Iser W. Indeterminacy and the reader`s response // Aspects of Narrative. – New York; London, 1971. – P. 1-45.
24. McQuail`s Mass Communication Theory. SAGE Publications Ltd. 2010. – 632 p.
25. McLuhan, Marshall. Understanding Media - The Extensions of Man (1964) The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London. – 1994. – 365 p.
26. Phelan M. What is media discourse? / Media discourse and analysis, Feb 17, 2016. – URL: <https://michellephelandkit.wordpress.com/2016/02/17/what-is-media-discourse/> (дата обращения: 01.09.23)
27. Shannon C. and Weaver, W. (eds) (1949) The Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: University of Illinois Press. – 125 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Е.А. Бурмакова
(Томск, Россия)

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИА-ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье представлен анализ риторического вопроса как средства реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политической медиа-журналистике на материале передачи "Tucker Carlson Tonight". Объем корпуса составляет 164 контекста. Риторический вопрос рассмотрен по ряду параметров: количественному составу в пределах одного дискредитирующего сообщения; тактикам, в рамках которых риторический вопрос служит средством манифестации дискредитации; способу выражения дискредитации с помощью риторического вопроса. Обнаружены случаи реализации как отдельных риторических вопросов, так и цепочек вопросов в диапазоне от 2 до 11. К числу задействованных тактик принадлежат следующие: обвинения, оскорбления, негативного прогнозирования. Риторический вопрос актуализирует дискредитирующие интенции эксплицитным и имплицитным способом.

Ключевые слова: дискредитация, речеповеденческая стратегия дискредитации, риторический вопрос, политическая медиа-журналистика; английский язык

E.A. Burmakova
(Tomsk, Russia)

RHETORICAL QUESTION AS A MEANS OF PERFORMING THE COMMUNICATION STRATEGY OF DISCREDITATING IN POLITICAL MEDIA

The article focuses on peculiarities of the rhetorical question implementing the communication strategy of discrediting in political media. The corpus drawn upon is 114 scripts of "Tucker Carlson Tonight", an American talk show and current affairs program hosted by a conservative commentator Tucker Carlson (January-June 2021). The rhetorical question is examined based on three aspects: the number of rhetorical question used within one message, discrediting tactics, where rhetorical questions act, explicit and implicit way of expressing discrediting by means of a rhetorical question. The number of rhetorical questions varies from 2 to 11. The discrediting tactics found are the following: accusation, negative forecasting and offensive tactics. A rhetorical question tends to perform discrediting intentions implicitly.

Key words: discrediting, communication strategy of discrediting, rhetorical questions, political media, English language

Современная политическая медиа-журналистика отличается высокой концентрацией применяемых речевых стратегий, призванных моделировать представления телезрителей о политической обстановке и управлять общественным мнением. Особая роль отводится речеповеденческой стратегии

дискредитации (*от фр. discrediter – подрывать доверие*) как инструменту достижения прагматических целей политиков и политических обозревателей.

Под речеповеденческой стратегией (РПС) дискредитации понимается линия агрессивного речевого поведения, объективируемая в речи при помощи тщательно обдуманного репертуара приемов, тактик и языковых средств с единой дискредитирующей установкой. К числу таких средств принадлежит и риторический вопрос, целью которого является привлечение внимания аудитории к наиболее значимым аргументам, заложенным в самом вопросе. Риторический вопрос (РВ) – утверждение, «сформулированное в форме вопроса к себе или другому участнику коммуникации, ответ на который не ожидается или не предполагается» [1, с. 76]. Характерной чертой РВ является «полярность», то есть, позитивный по форме вопрос выражает отрицательное суждение, а отрицательный вопрос – утверждение [2, с. 20]. РВ зачастую используется как эффективный прием в ораторском искусстве и публицистике, позволяющий выделить в потоке речи наиболее значимую информацию и сосредоточить на ней внимание аудитории [3, с. 123]. Вопросительная форма передачи утвердительного сообщения, придавая ему эмоциональность и эмфатичность, направлена на усиление впечатления и активизацию внимания, чтобы вовлечь адресата в «совместное» рассуждение, делая его более активным участником [4, с. 274].

Целью дискредитирующего РВ является не запрос информации и побуждение к ответу, а акцентирование внимания зрителей на слабых сторонах политических оппонентов и неудобных политических партий, утрирование фактов об их некомпетентности, что создает основу для негативного восприятия последних аудиторией в лице избирателей.

Источником материала исследования послужили скрипты 114 передач американского политического обозревателя Такера Карлсона за период с января по июнь 2021 года, общим объемом 424 страницы. Эмпирическая база исследования представлена 164 дискредитирующими администрацию Д. Байдена контекстами, в которых задействованы риторические вопросы.

В ходе анализа было обнаружено, что РВ, функционирующие как средство манифестации РПС дискредитации, неоднородны по количественному составу, по интенциональному основанию дискредитации и способу его выражения. Количество РВ, задействованных в рамках одного дискредитирующего сообщения, варьируется от одного до одиннадцати. К наиболее частотным случаям относятся случаи реализации одного РВ (82 случая; 50%). Цепочки из двух (47 случаев, 29%) и трех РВ (22 случая; 13%) характеризуются средней частотностью употреблений. Кроме того, зафиксированы единичные случаи последовательной реализации четырех (5; 3%), пяти (4; 2.5%), семи (3; 2%) и одиннадцати РВ (1; 0.5%).

Основанием для дискредитации посредством РВ в речи Т. Карлсона служит обвинение, оскорбление и негативное прогнозирование, что соответствует одноименным тактикам. Лидирующей тактикой является тактика обвинения (83 случая; 53%), суть которой заключается в изобличении

администрации президента США. Выявлено 29 случаев (18%) использования РВ дискредитирующей направленности в рамках тактики оскорбления. Тактика оскорбления реализуется путем уничижительных, оскорбительных высказываний, нацеленных на умаление интеллектуальных, нравственных и профессиональных качеств президента США Д. Байдена и представителей его администрации. Тактика негативного прогнозирования, выраженная РВ, насчитывает 52 случая употребления (32%). Дискредитация посредством данной тактики реализуется путем перепрограммирования сознания зрителей, убеждая их в отрицательном характере действий администрации Д. Байдена, которые в будущем приведут к негативным для граждан США последствиям.

Актуализация указанных тактик РПС дискредитации через средство РВ осуществляется как прямым (эксплицитным), так и косвенным (имплицитным) способом. Рассмотрим имплицитный и эксплицитный способ выражения дискредитирующего РВ более подробно.

1) При имплицитном способе дискредитации администрации Д. Байдена с помощью РВ аудитории сообщаются компрометирующие факты и обвинения в разного рода злоупотреблениях, аргументированные умозаключения о профессиональной непригодности и некомпетентности как самого президента, так и представителей его администрации в сочетании с прямыми оскорблениями в их адрес. Зафиксировано 19 случаев, что составляет 12 % от общего количества.

Ведущий обвиняет администрацию президента в нарушении Конституции США, а именно в нарушении неприкосновенности частной жизни *The government was spying on us?* Обвинительная интенция реализуется при помощи специальных вопросов, ответ на которые не так важен в момент речи, как сами обвинения-утверждения, например, *How can they continue to ignore what's happening in Chicago? Why did the White House shut down an investigation into COVID origins? Why do our leaders deny that?* В данном примере Администрация правящего президента Америки обвиняется в бездействии относительно урегулирования нестабильной ситуации в Чикаго, а также уличается в ложности заявления в период пандемии COVID-19.

Прямое обвинение воплощается в ряде негативных прогнозов о нарушении Конституции США, представленных 1 типом условных предложений: *If they can control what you write, why can't they control what you say and think and do?*

Эксплицитное оскорбление реализуется в РВ с помощью сниженных и экспрессивных лексических единиц отрицательной семантики, например, *How fake is Kamala Harris?*

Однако оскорбительная интенция может быть реализована путем РВ и без употребления лексики отрицательной семантики и экспрессивных лексических средств, что обусловлено самой природой РВ: *The question is, who's really in charge if Biden isn't?* Президенту Д. Байдену наносится оскорбление о несостоятельности президента осуществлять полномочиями главы государства.

2) Количество случаев употребления РВ, реализующих дискредитацию имплицитно, составляет 152 (93%) от общего количества.

При имплицитном способе манифестации дискредитации РВ содержат намеки, гипотезы, предположения о том, что представители администрации США во главе с президентом Байденом не соответствуют занимаемым должностям по ряду параметров. Такер Карлсон моделирует негативные сценарии и прогнозы из-за проводимой деструктивной внешней и внутренней политики нынешнего правительства, а также косвенно предъявляет обвинения в предвзятом отношении к определенной группе лиц, и проявлению фейворитизма к другой, а главным образом, в нарушении гражданских прав и свобод рядовых американцев. Имплицитная дискредитация реализуется в основном путем специальных вопросов как положительных, так и отрицательных: *How do sex changes in the military make this country safer? So why isn't there a criminal investigation into Tony Fauci's role in this pandemic?*

Дискредитация правительства США имплицитным способом также осуществляется путем имитации общения со зрителями: Т. Карлсон «спрашивает» свою аудиторию об отношении к той или иной проблеме, «интересуется» мнением телезрителей. Тактика негативного прогнозирования зачастую базируется на РВ, которые начинаются с *how long*: *How long can this continue before our country breaks apart? How long will this terrifyingly irrational exercise continue?*

Аналогичным образом реализуется и тактика обвинения: *How many potential terrorists have crossed the border in the last three months and not been caught? How many gang members? How many rapists and murderers?* Администрации Байдена имплицитно предъявляется обвинение в открытии границ и, как следствие, увеличению уровня преступности в стране.

When did the people who are paid to be rational, become corrupt religious zealots? В данном РВ ведущий наносит оскорбление косвенно, поскольку нет указания непосредственно на объект дискредитации, несмотря на наличие лексических единиц отрицательной семантики *corrupt, zealots*.

Согласно результатам анализа, в текстах передачи “Tucker Carlson Tonight” РВ служит инструментом дискредитации администрации Д. Байдена: умаление чести и достоинства президента США, лишение авторитета его администрации в глазах зрителей достигается объективизацией тактик обвинения, оскорбления и негативного прогнозирования. Доминирующей тактикой, реализуемой РВ является тактика оскорбления (более 50%). В рамках указанных тактик обнаружены различные по количеству случаи реализации РВ, максимально частотное среди которых – однократная реализация РВ. Дискредитация администрации Д. Байдена путем РВ осуществляется в основном имплицитным способом.

Таким образом, можно заключить, что риторический вопрос является самостоятельным средством актуализации РПС дискредитации в политической медиа-журналистике, поскольку он служит мощным инструментом привлечения внимания аудитории к изначально заложенным в нем негативным смыслам и

компрометирующим фактам, что свидетельствует о его дискредитирующем потенциале.

Литература

1. Кобенко Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2023. – 300 с.
2. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. – 2004. – С. 19–37.
3. Corbett Edward P.J., Connors R.J. Classical Rhetoric for the Modern Student. – New York: Oxford University Press, 1999. – 574 p.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – Москва: ИЛИЯ, 1958. – 460 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.А. Бынёв
(Тверь, Россия)

МЕМ И РЕГУЛЯТИВ КАК ОБЪЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО И НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема различных подходов к изучению коммуникативных единиц-репликаторов, создающих свои копии в ментальном пространстве участников речевого общения. Предлагается анализ мема и регулятива как коммуникативно-оперативных единиц распространения информации, а также механизмов их реализации в дискурсе. Цель исследования – дать определение понятию «мем», выявить сходства и различия мема и регулятива.

Ключевые слова: мем, регулятив, дискурс, коммуникация, медиа, ментальный вирус, меметика, фрейм

A.A. Bynev
(Tver, Russia)

MEME AND REGULATIVE AS OBJECTS OF HUMANITARIAN STUDY AND SCIENTIFIC RESEARCH

The article discusses the issue of different approaches to the studying of replicating communication units, making their own copies in speech participants` mental space. This work proposes an analysis of meme and regulative as communication operation units of information dissemination and their implementation mechanisms in discourse. The aim of the study is to define meme and reveal similarities and differences of meme and regulative.

Key words: meme, regulative, discourse, communication, media, mental virus, memetics, frame

Конец прошлого и начало настоящего столетия можно охарактеризовать как период зарождения медиа-среды (инфосферы), в которой создается новый вид реальности – реальности медийной дискурсии, предоставляющая новые, чрезвычайно эффективные инструменты формирования общественного мнения, что позволяет корректировать существующую социально-политическую действительность медийно-коммуникативными средствами. Таким образом, специалисты в области медийной манипуляции получают возможность вызывать социальные и политические изменения различной степени значимости: от смены неудобного режима в отдельно взятой стране («цветные» революции в Египте, Ливии, Тунисе, на Украине) до событий континентального масштаба (миграция беженцев в Европу из стран Северной Африки и Ближнего Востока).

Инфосфера является, по сути, питательной средой для культивации (или зарождения), развития и репликации мемов – медиа-вирусов (обманных

медийных посланий идей-стартеров, прошивающих сознание живущих идей), которые подобно биологическим или компьютерным вирусам способны заражать сознание человека, подчиняя частично себе его волю и контролировать его действия.

Впервые о «психических микробах» написал В.М. Бехтерев: «(они) хоть и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются чрез слова, жесты и движения окружающих лиц, чрез книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными» [1, с. 5].

Концепция мема была предложена биологом Ричардом Докинзом, который в 1976 году в своей книге «Эгоистичный ген» предположил, что кроме гена как биологической единицы эволюции существуют и другие репликаторы, которые зарождаются и развиваясь в информационно-коммуникативном пространстве, представляют собой не просто психических паразитов, но играют роль единицы эволюции другого порядка: эволюции человеческой культуры. В качестве примеров мемов Докинз приводит мелодии, идеи, моды, которые переходя из одного сознания в другое, используют его в качестве «машины выживания» подобно генам, использующим в качестве таких «машин» биологические организмы.

Идеи Докинза были подхвачены другими исследователями (Р. Броди, Д. Рашкофф, Д. Деннет, и др.) и окончательно оформились в меметику – науку о мемах, которая хотя и критикуется многими академическими учеными и имеет ряд нерешенных вопросов (Откуда берутся мемы? Кто их создает), а также не занимается некоторыми глобальными проблемами, такими как вопрос об истинности или ложности переносимой мемами информации, все же определенно представляет интерес для любого исследователя, занимающегося проблемами коммуникации в широком смысле этого слова.

Занимая умы биологов, психологов, социологов и когнитивистов, проблемы меметической (вирусной информации) не могут игнорироваться и лингвистами, особенно исследователями, изучающими проблемы дискуртологии, политической лингвистики, медиалингвистики и, как уже было отмечено выше, коммуникации вообще. Одним из первых лингвистов, описавших механизм распространения самореплицирующихся идей, стал А.А. Романов, который в своих работах, посвященных эффективной коммуникации, ввел понятие диалогического регулятива, реализующего себя в актах диалогической коммуникации. Являясь, как и мем репликатором (т.е. создавая в сознании участников диалогического общения свои копии), регулятив, однако, не обладает биологическими свойствами и эксплуатируемая последователями Докинза аналогия ген – мем – вирус, в этом подходе к исследуемой проблеме уступает место представлению о ее коммуникативной природе. При этом регулятив реализует себя на двух уровнях: поверхностно он может проявляться как в виде определенных языковых конфигураций (шаблонов, лекал,

стереотипов), а на глубинном уровне – в виде структурированного функционально семантического представления об опыте реализации языковых практик, встроенного в психику участника коммуникативно-информационного обмена.

Регулятив (как и мем) не просто привносит определенные смыслы в сознание коммуниканта, но и «программирует» его. По Р. Броди, если сравнить человека с компьютером, то наше сознание – это жесткий диск («hardware»), а мемы – программное обеспечение («software»). Взаимодействуя друг с другом, они образуют мемофонд, или «систему метарегулятивов, который, в конечном итоге, и определяет верования, убеждения, политические пристрастия, создавая мемо-регулятивную реальность.

Ниже приведены несколько различных определений понятия «мем»:

мем – это основная единица передачи культурной информации, то есть имитации...(это) мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [4, с. 295];

мем – это единица информации в сознании, чье существование влияет на события так, что большое число ее копий возникает в других сознаниях» [2, с. 23];

По Г. Плоткину, *мем* – это единица культурной наследственности, по аналогии с геном, внутренняя репрезентация знания;

По Д. Деннетту, *мем* – это идея, заразившись которой, ты будешь передавать ее дальше [3, с. 12].

Анализируя различные работы, посвященные *мемам* и *меметике*, можно выделить следующие свойства *мема*:

Мемы подобны генам и способны создавать свои копии, однако, реализуют себя они не в молекуле ДНК, а в человеческом сознании;

Мемы являются своеобразным «программным обеспечением», определяющим поведение человека;

Мемы обладают свойствами вируса: они способны незаметно внедряться в сознание, после чего «зараженный» становится не только носителем *мема*, но и способствует его дальнейшему распространению;

Мемы могут пониматься как метафора, описывающая механизм распространения информации по аналогии с процессами репликации, происходящими в молекуле ДНК;

Мемы иногда описываются как реально существующие биологические сущности, функционирующие в человеческом организме.

Совокупность обозначенных выше свойств в литературе принято называть *меметичностью* [6, с. 3].

Концепция *мема* и *меметика* как наука о *мемах* имеет ряд нерешенных проблем, что серьезно тормозит её дальнейшее развитие и вызывает критику со стороны многих исследователей:

1. Меметика не может существовать вне контекста аналогии ген - мем. Докинз изначально позиционировал мем как единицу культурной эволюции, новый репликатор, органично вписывающуюся в теорию Дарвина.

2. Докинз утверждает, что мемы следует рассматривать как живые структуры не только в метафорическом, но и в техническом смысле. Переходя от аналогий к реальным биологическим процессам, он встает на зыбкую почву, т. к. пока мы не имеем данных о протекании таких процессов в организме, аналогия «мем-ген» и «мем-вирус» - не более чем метафора.

3. Невозможность измерить *мем* как единицу культурной эволюции.

4. Непонятно откуда берутся *мемы*, и кто их создает [5].

Как было отмечено выше, обозначенные свойства мема, частично совпадают со свойствами диалогического *регулятива* – коммуникативной единицей, выделенной А.А. Романовым и представляющую собой «содержащуюся в «психосфере», по В. Гумбольдту, говорящей личности единицу информации, которая, попадая в определенные условия коммуникативно-социального взаимодействия, оказывает влияние на ход сценарно-обусловленных событий в процессе реализации типовой формы или сценарного фрейма дискурсивной интеракции (воздействия), способствуя тем самым как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц системы-дискурса, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») каждой говорящей личности и используемых индивидами в диалогической коммуникации по типовому (фреймовому) сценарию» [6, с. 7].

Для *регулятива*, как и для *мема*, характерны следующие свойства:

1. Информационность

2. Реплицированность

3. Каузативность изменения ментального содержания участников диалогического процесса.

При этом *регулятив* имеет ряд особенностей, присущих ему специфических свойств:

1. *Регулятив* имеет не биологическую природу, а опирается на «коммуникативную основу согласованного (т.е. не противоречивого), синергийного взаимодействия участников диалогической дискурсии в координатах «я – здесь – сейчас» [6, с. 10];

2. Создавая свои копии в сознании участников общения, *регулятив* принимает участие в построении дискурсивной реальности, зарождающейся в коммуникативном процессе.

3. Выбор тех или иных *регулятивов* способен обеспечить выполнение или провал коммуникативных задач, которые ставят перед собой участники общения.

4. Так же как и мем, *регулятив* является единицей «програмного обеспечения» сознания, но, в отличие от первого, реализуется только в процессе коммуникативного обмена.

Рассматривая два подхода (биологический и коммуникативный) к изучению информативно-оперативных единиц распространения информации и обобщая имеющиеся данные и гипотезы, необходимо попытаться сформулировать определение понятию *мем*, отвечающее целям и задачам

настоящей работы. В связи с отсутствием каких-либо объективных данных, подтверждающих существования *мема* как биологической сущности, в формулировке были отражены только коммуникативные параметры репликатора.

Мем – это коммуникативно-оперативная единица распространения информации, реализующая себя в ходе коммуникативного процесса, создающая свои копии в сознании участников общения, способная формировать, закреплять и изменять ментальные структуры репрезентации знания.

Таким образом, *мем* как функциональная единица социокультурного медиапространства является не только новым репликатором, но и основой инфосферы – поля игры с адресатом, понимание правил которой меняет представление о коммуникации.

Литература

1. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. Второе значительно дополненное издание – С. – Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1903. – 175 с.
2. Броди Р. Психические вирусы. Методическое пособие для слушателей курса. Пер. с англ. – М.: Центр Психологической культуры, 2001. – 192 с.
3. Деннетт Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания. Пер. А. Веретенникова. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: Corpus, 2015. – 512 с.
5. Малышева Е.В., Бынев А.А. Меметика: проблемы и перспективы // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Международной научно-практической конференции. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – С. 148–152.
6. Романов А.А., Романова Л.А. Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 1. – С. 1–14. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Ван Юэ
(Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)

КОНЦЕПТ «ХИТРОСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

С начала XXI века в связи с использованием Интернета и бурным развитием социальных сетей, все большее количество русских слов подвергается лексическим трансформациям, приобретая новые значения. В данной статье на материале Национального корпуса русского языка рассматривается репрезентация концепта ХИТРОСТЬ в дискурсе социальных сетей. На основе анализа лексикографических толкований и речевых контекстов со словом-репрезентанта «хитрый» создается полевая модель концепта ХИТРОСТЬ, которая позволяет более ярко представить языковую картину мира, лежащую в основе исследуемого концепта. Анализ сочетаемости прилагательного «хитрый» в текстах современных социальных сетей показывает тенденцию к удалению пейоративности, стереотипное восприятие определенной категории людей и этнических признаков русских, а также смещение описываемого объекта с человека на предмет.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; хитрый; ХИТРОСТЬ; социальные сети; полевая модель концепта; репрезентация; удаление пейоративности

Wang Yue
(Tianjin, People's Republic of China)

THE CONCEPT "TRICK" IN THE RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE OF SOCIAL NETWORKS (ACCORDING TO THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Since the beginning of the XXI century due to the use of the Internet and the rapid development of social networks, an increasing number of Russian words undergo lexical transformations, acquiring new meanings. In this article on the material of the National Corpus of the Russian Language the representation of the concept of TRICK in the discourse of social networks is considered. On the basis of the analysis of lexicographic interpretations and speech contexts with the word-representant "tricky" the field model of the concept of TRICK is created, which allows to present more vividly the linguistic picture of the world underlying the studied concept. The analysis of combinability of the adjective "tricky" in the texts of modern social networks shows the tendency to remove pejorativity, stereotypical perception of a certain category of people and ethnic features of Russians, as well as the shift of the described object from a person to an object.

Key words: linguistic picture of the world; concept; tricky; TRICK; social networks; field model of the concept; representation; removal of pejorativity

Введение

Концептуальные исследования являются актуальной темой в современной лингвистике. Концепт отличается от понятия тем, что он представляет собой не

только понимание вещи на основе рациональной логики, но и перцептивную интерпретацию и декодирование. Концепт представляет собой «предмет эмоций, симпатий, антипатий, столкновений. Концепты не только мыслятся, он и переживаются» (см. Ю.С. Степанов «Основная ячейка культуры в ментальном мире человека», 2004). Общеизвестно, что термин «картина мира» появился в начале XX века в работах Г. Герцена по физике (1914 г.) применительно к физической картине мира. Мысль о том, что создание картины мира является необходимым моментом для жизнедеятельности человека, и развивал А. Эйнштейн: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картины мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир, созданный таким образом картиной» [1, с. 40]. В общем, картина мира является перцептивным пониманием концепта в мозгу человека.

Основная часть исследования

Как известно, «термин <концепт> в качестве одного из ключевых понятий когнитивной лингвистики рассматривается российскими учеными в основном в рамках двух подходов: лингвокультурного и лингвокогнитивного. С позиций лингвокогнитивного подхода к изучению концепта была разработана его полевая модель, представленная в терминах ядра и периферии» [2, с. 184]. Чем дальше от центра концепта, тем больше вариаций интерпретации значения слова. В ходе работы с материалами НКРЯ в социальном дискурсе, включая Яндекс, VK, WhatsApp и другие популярные платформы социальных сетей, нами был создан пользовательский подкорпус по концепту «хитрый» объемом в 245 употреблений лексемы «хитрый» в документах. Исследование показывает, что из 245 примеров со словом «хитрый», взятых из Национального корпуса русского языка, 54 примера (22%) относятся к положительным значениям, например: «*Антон прислал огромную пачку работ за 20 минут до окончания приема — вот это хитрый ход*», 107 (44%) данных имеют отрицательную характеристику, например: «*Чужа что-то недоброе, Фридрих из Бранденбурга приказал своим бойцам чуть отступить — мало ли что, еретики народ **хитрый***», и в 83 примерах (34%) слово «хитрый» употребляется с нейтральными значениями, например: «*Это очень **хитрый**, с точки зрения термодинамики, вопрос, выходящий за гран. условия этого поста*». Что касается конкретных значений, то можно получить и создать полевую модель концепта ХИТРОСТЬ в контексте социальных сетей, в ядре которого находится «коварный», «плутоватый», «лукавый» – 51 пример (20,8%), и в ближней периферии находятся «тонкий», «хитроумный», и «изворотливый» – 34 примера (13,8%). В дальней периферии стоят «сложный» и «каверзный» – 20 примеров (8,2%), а в крайней периферии принадлежат к «предательскому», «фальшивому», «двоедушному» – 18 примеров (7,3%). Сопоставительный анализ показывает, что репрезентация концепта ХИТРОСТЬ в текстах социальных сетей отличается от его объективации в лексикографических источниках по следующим характеристикам:

Во-первых, оценочная семантика слова «хитрый» в текстах социальных сетей демонстрирует тенденцию к удалению пейоративности, что соответствует значению «плутоватый», которое лежит в ядре полевой модели концепта. Выражается в том, что в 245 примерах использования слова «хитрый» только 44% примеров относятся к отрицательным значениям, в то время как 56% примеров относятся к нейтральным и положительным значениям. Это свидетельствует о том, что использование слова «хитрый» в социальных сетях становится все менее отрицательным. Оно заменяется более приемлемыми в Интернете самоуничижительными или игривыми мемами. Например: *«Люди в современном обществе все чаще используют хитрые эмодзи»*. Здесь «хитрые эмодзи» не означает коварство или хитрость, а скорее снижает свою отрицательную составляющую и представляется в шуточной форме с помощью более ярких эмодзи. С одной стороны, использование хитрых эмодзи для общения или игры с мемами отражает социальный менталитет современной молодежи в Интернете, то есть стремление освободиться от тяжелого давления жизни и более расслабленно декодировать и кодировать получаемую в Интернете информацию. С другой стороны, «эстетика мема» является одной из формы выражения «дискурс-карнавал» поколения молодых людей в интернете. «Мощным средством передачи этого <дискурс-карнавал> являются социальные сети, которые широко распространяются на таких платформах, как VK или Yandex, через создание тем для реализации своей маркетинговой ценности» [3, с. 26]. Таким образом, тяжелый смысл концепта ХИТРОСТЬ постепенно сменяется юношеской игривостью. В сетевом общении нетизены, стремясь сделать сетевой язык отличным от традиционного и показать его индивидуальность и особенности, также вносят некоторые изменения в эмоциональную окраску значений слов, благодаря чему язык приобретает определенную художественно-эстетическую окраску. Например, *«Три столба 4pda: Хитрый хіті, особый екунос, мега оперли»*; *«Самса ≠ хитрый хими»*. В таких фразах сочетание слова «хитрый» с модными брендами мобильных телефонов и хакерами является хорошим примером демонстрации омоложения речи, тенденции ударения пейоративности и развития лексического значения с временем. Это отражается также в следующем примере: *«на сцене клуба выступают друзья Сергея - группы «Хитрый Мансь» и «Dilay», а также с Сергей ам почитает для вас свои стихи»*. Название музыкальной группы отражает популярную в настоящее время самоуничижительную ментальность. При таком случае зловещее и коварное значение, обозначаемое словом «хитрый», значительно снижается и увенчивается чувством игривого мема. На самом деле, уничижительные и положительные компоненты лексического значения всегда влияют на эмоциональную коммуникацию. Постоянное столкновение в мышлении и коммуникации приводит к тому, что люди перестают смотреть на вещи с точки зрения простых бинарных оппозиций похвалы и порицания. Слово «хитрый» постепенно

трансформируется в нейтральное значение, которое также отражает языковую картину мира людей за этим концептом и деконструирует их первоначальное мировоззрение. Нейтрализация оценочного значения помогает более рационально анализировать природу некоторых проблем, что также является отражением, привнесенным непрерывным развитием социальных сетей [4, с. 29].

Во-вторых, в русских социальных сетях слово «хитрый» часто используется для выражения стереотипного взгляда на определенную социальную или этническую группу хитромудрых людей, «характеристика которых подразумевает быстроту суждений, проницательность, находчивость и целый ряд других качеств» [5, с. 336]. Это соответствует значению «хитромудрый», который лежит в ближней периферии концепта ХИТРОСТЬ. В контексте выделяется признак «хитромудрый», который как особое свойство ума приписывается политикам в России. В собранных текстах встречаются сочетания слово «хитрый» с такими словами, как «Парламентский спикер» (5), «Путин» (3), «Сталин» (3), «Ленин» (1), «Кремль» (1) и т.д. Например, *«Внимательно изучив Регламент городской Думы, мы пришли к выводу, что хитрый парламентский спикер Ходырев умудрился протащить Генплан за счёт голосов думской оппозиции, как ранее и предполагал Абырвалг»; «Странные у вас тут темы, Путин хитрый»*. Все это связывает концепт ХИТРОСТЬ с категорией политиков, что также отражает языковую картину мира, которую русские представляют через слово «хитрый». Т.е. считается, что политики просто по природе хитры и умны, и они могут достичь своих целей неожиданными, или косвенными способами. «Можно сказать, что политики – это государственные деятели, чьи действия направлены на благо страны. Когда интересы страны и личные интересы политиков совпадают, они делают эту ложь более искусной и безупречной» [6, с. 115]. Таким образом, формирование впечатления о том или ином национальном лидере фактически зависит от субъективного восприятия людей, а также от распространяющего эффекта социальных сетей, и после постоянного распространения сообщений СМИ люди будут комбинировать собственные представления и формировать фиксированное впечатление и мнение о конкретном типе личности.

Помимо политиков, слово «хитрый» часто связывается со стереотипами о народе, которые, возможно сформировались еще до появления социальных сетей, но передаются от поколения к поколению, в результате сегодня люди используют слово «хитрый» для описания качества определенного народа, в том числе «евреи» (7), «еретики» (4), «сибирские» (3), «азиаты» (3) и т.д. Например, *«Мне мать сказала, что я еврей, потому что хитрый»; «Евреи – наруот хитрый и жадный. Христа продали за 30 серебряников»*. Русские имеют давнюю историю стереотипов в отношении евреев из-за того, что православная церковь при Петре I была настроена резко антисемитски, он считал, что: «евреи несут полную ответственность за распятие Иисуса» [7, с. 33]. Петр I проявлял яркую антипатию к евреям и отвергал любые попытки евреев поселиться в России, считая их плутами и жуками. Такое отношение к

евреям было характерно для всех царей. В России XVII–XVIII вв. евреи не могли занимать высокие социальные статусы и работать по таким престижным профессиям, как адвокаты, судьи, профессора и т.д. Хотя в современной России эта ситуация изменилась к лучшему, но долговременные языковые привычки способствовали тому, что упоминание евреев, также еретиков, ассоциируется с хитростью. Например, *«Чуя что-то недоброе, Фридрих из Бранденбурга приказал своим бойцам чуть отступить — мало ли что, еретики народ хитрый»*. Это относится к стереотипам о еретиках в языковой коммуникации. Русская культура имеет религиозные корни, поэтому еретики в глазах русского народа не имеют общей религии и отвергаются. Это неприятие и сопротивление отразилось и в использовании слова «хитрый» в речи. Стереотипы, связанные с хитростью, также нашли в сочетаниях со словами «азиат», «сибирский»: *«Сидишь себе дома, сычущешь под потолком, скроллишь двачик, вдруг под тобой проваливается пол, а какой-то хитрый азиат»*; *«Полгода назад один хитрый сибирский промоутер зактеразывал у меня крупную серию плакатов»*. Сквозь эти примеры просматриваются национальные стереотипы, скрывающиеся за языковой картиной мира.

В-третьих, анализ показал, что концепт ХИТРОСТЬ все чаще употребляется в сочетании со словами, обозначающими сложные, трудоразрешенные предметы, это соответствует значению «сложный», который лежит в дальней периферии концепта ХИТРОСТЬ. Наиболее распространенными являются словосочетания со словами «план» (7), «ход» (7), также с такими словами, как «август» (2), «коронавирус» (2), «Яндекс» (2), «плов» (1) и т.д. Это тесно связано со сложностью и многозначностью концепта ХИТРОСТЬ. Например, *«Как в Воронеже во время нерабочих дней накрыли очень хитрый бар»*. Здесь бар описывается как «хитрый» в смысле «каверзный» в связи с тем, что во время эпидемии бару удавалось хитро уходить от государственной политики путем проведения закрытых соборщ. Можно утверждать, что в этом примере бар каким-то образом приобрел духовность, подобную человеческой, т.е. предмет обладал динамическими качествами человека, чтобы избежать преследований и ограничений политики. Можно привести такой яркий пример: *«Хитрый коронавирус обманул три теста»*, где выбрано слово «хитрый» вместо других синонимов, например «лукавый», в связи со сложностью смыслового содержания концепта ХИТРОСТЬ. Еще есть случай, когда слово «хитрый» связывается с Яндексом: *«Хитрый яндекс! Ковид распространяется среди молодежи все активней – действующие пользователи могут улететь к праотцам, а так спокойней – сначала подписку на год, и делай что хочешь»*. Сочетаемость слово «хитрый» с этими словами означает, что в данном контексте эти вещи приобретают человеческий характер, некую духовность, одушевленность. В какой-то степени на это может повлиять антиантропоцентризм XXI века, который поставит вещи на один уровень с человеком. До этого времени человечество считалось хитрым, но с развитием науки и техники все

больше проблем становятся трудноразрешимыми для человечества, поэтому хитрыми могут быть не только люди, но и недоступные большие данные в Интернете, или коронавирус внутри организма, который много раз избежал обнаружения и т.д. Таким образом, сочетаемость прилагательного «хитрый» с неодушевленными существительными свидетельствует о том, что со временем у русских появляется новое восприятие на отношения между человеком и предметным миром. Это еще раз подтверждает, что язык представляет собой переосмысление ментальной картины мира человека.

Заключение

В заключение следует отметить, в качестве внешнего лексического выражения концепт ХИТРОСТЬ, прилагательное «хитрый» занимает одно из центральных мест в сетевой жизни русского человека. Было выявлено, что со стилистической точки зрения «хитрый» усиливает выразительность и экспрессивность речи. Это отражает, что русские часто используют нейтральное значение слова «хитрый» для выражения своеобразной игривости и шутливости в социальных сетях. Кроме того, в современном коммуникативном пространстве слово «хитрый» более склонен к изображению категорий хитромудрых людей с фиксированными характеристиками. Это в какой-то степени выражает исключительность русского человека по отношению к другим, что тесно связано с влиянием русского менталитета. Добавим, что «хитрый» также начинает сочетаться с существительными, обозначающими современные предметы, связанные с наукой и техникой. Анализ полевой модели концепта ХИТРОСТЬ позволит проследить его развитие в СМИ, выявить особенности его отражения и поможет проникнуть в русскую языковую картину мира.

Литература

- 1.Чепелова Т.П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие // Молодой ученый. – 2009, №. 5 (5). – С. 119–122. URL: <https://moluch.ru/archive/5/382/> (дата обращения: 06.08.2023).
2. Чжао Сыминь Концепт «Хитрость» в русском проverbsиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022, № 1 (164). – С. 184–188.
3. Доронина П.Д. О языке подростков в социальных сетях // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2017, № 3 (56). – С. 136–143.
4. Бульбенко Е.С. Базовые составляющие эмоциональных концептов «Коварство» и «Хитрость» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011, № 64 (10). – С. 26–29.
5. Агапкина Т.А. Благоверная царица хитра была мудра: об одной синонимической паре в русском фольклоре // Studia Litterarum. – 2020, № (2). Vol. 5. – С. 336–389.
6. Шапиева Д.З. Специфика формирования взгляда на политических лидеров России в начале XXI века в британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – 2013, №. (1). – С. 115–120.
7. Цао Цзяци "Русские пословицы с компонентом жук как фрагмент паремнологической картины мира (на фоне китайского языка)" // Вестник Чувашского

государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019, № 3 (103). – С. 197–203.

9. Большой толковый словарь русского языка // СПб.: Норинт С.А. Кузнецов. – 1998.

10. БАС: Словарь история слова: в 17 т. / под ред. В.В. Виноградова. – М.-Л.: Наука, 2010.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2002. – 907 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ЛОКУСНЫЙ БРЕНДИНГ В АСПЕКТЕ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ**

В статье рассматривается аспект формирования потребительской картины мира – локусный брендинг. Классическая книжная культура уступила место медиакulturе, сформированной под воздействием интернет-коммуникации. Поскольку большой процент коммуникации в медиа приходится на маркетинг, то можно говорить о взаимовлиянии медиакulturы и маркетингового дискурса. Это приводит к тому, что современный человек формирует свою идентичность через потребление и причастность к сообществам брендов. В частности, локусный брендинг влияет на представления о технологическом развитии и культуре различных стран.

Ключевые слова: страна происхождения, бренд, стиль, медиакultura

M.A. Vasilchenko
(Moscow, Russia)

**COUNTRY OF ORIGIN BRANDING IN THE ASPECT
OF MODERN MEDIA CULTURE**

The article deals with the aspect of formation of consumer picture of the world - locus branding. Classical book culture has given way to media culture formed under the influence of Internet communication. Since a large percentage of communication in the media is marketing, we can talk about the mutual influence of media culture and marketing discourse. This leads to the fact that modern man forms his identity through consumption and involvement in brand communities. In particular, locus branding influences perceptions of technological development and culture of different countries.

Key words: country of origin, brand, style, media culture

Одной из важнейших потребностей в жизни человека является потребность в построении собственной идентичности. Очевидно, что существует множество способов усиления собственного «Я» и удовлетворения потребности в самоактуализации. В философии выделяются как минимум два таких способа: так, в трудах Маркса [3] много внимания уделено значению полезного труда (что позже нашло подтверждение и в психологии), Сартр [5] указывает на важность приобретения вещей и окружения себя материальными объектами. Отметим, что уже во времена Сартра растущее массовое производство заставило обратить внимание на проблему консьюмеризма, что позже было отражено, например, в работах Бодрийера [1]. Социологи также указывают на то, что самое непосредственное отношение к идентичности имеет принадлежность человека к различным сообществам (по этническому, религиозному, политическому и любому иному принципу). Маркетинг новый

© Васильченко М.А., 2023

способ построения идентичности: потребление, причастность к сообществам бренда, неприятие членов сообществ конкурирующих брендов.

При этом распространение маркетинговой информации происходит при помощи медиа. По этой причине коммуникация в медиа часто принадлежит маркетинговому дискурсу. Как следствие, происходит взаимовлияние маркетинга и медиакультуры. Если до недавнего времени русскую культуру принято было считать литературоцентричной, т.к. именно литература влияла на развитие как национальной культуры, так и языка, то сегодня эта главенствующая роль явно принадлежит интернету [2]. Возникает медиакультура: именно при помощи медиа современный человек строит свое представление о мире, именно медиа строят прецедентно-ассоциативный ряд пользователей (в то время как памятники литературы получают все меньше внимания). В свою очередь, медиакультура в значительной степени продиктована маркетинговой коммуникацией. Любое социальное действие необходимо подтверждать потреблением: будь то благотворительность, приобретение брендированных товаров и пр. Потребление – это способ доказать и ощутить сопричастность. Таким образом, мы можем говорить о том, что под влиянием медиакультуры и маркетинговой коммуникации возникает потребительская картина мира, в рамках которой выстраивается идентичность, социально-одобряемое поведение, формируется личность.

Одним из примеров такого влияния является формирование представлений о стране-производителе. Отметим, что страна происхождения как элемент бренда изучается западными исследователями не один десяток лет, есть такие исследования и в России [4]. Этот элемент основан на стереотипах, то есть на поверхностных представлениях потребителя о качестве тех или иных товаров, производствах, экономическом и технологическом развитии страны. Иными словами, репутация страны как производителя накладывается на бренд, как продукт, изготавливаемый в ней. Важно, что страна происхождения – это характеристика именно бренда, часто она совершенно не совпадает с реальным местом производства. Кроме того, сложности регистрации товаров и услуг, а также аспект международного производства (например, изготовление товаров на территории той или иной страны с использованием импортных компонентов) зачастую вовсе не позволяют говорить о том, что тот или иной продукт принадлежит исключительно одной стране. Хотя данные факты известны широкой аудитории, страна происхождения остается эффективным инструментом продвижения бренда. При этом потребительская картина мира неизбежно влияет на общие представления об объективной действительности. Так, потребителям во всем мире известны немецкая бытовая техника и автомобили (вера в аккуратность и скрупулезность этой нации ставит немецкие товары в представлении покупателей на самую высокую ступень), американские цифровые технологии и электроника, корейская электроника и косметические товары. Российские же бренды используют этот элемент

обратным способом: российское происхождение бренда скрывается, в то время как сам бренд мимикрирует под иностранный.

В качестве примера, можно привести продукцию крупного российского производителя ООО «Градиент». Компании принадлежат такие марки, как *Vivienne Sabó*, *Influence beauty*, *Meine Liebe* и др. Так, *Vivienne Sabó* – известный и популярный бренд (в частности, благодаря туши для ресниц *Cabaret*, ставшей лидером по продажам в этой товарной категории в РФ) основан на «легенде» о французском происхождении бренда. По словам одного из создателей бренда Натальи Рогач, данная концепция была выбрана в ходе исследований, показавших, что большинство россиянок предпочитают французскую косметику. Личность бренда *Vivienne Sabó* использует стереотипный образ молодой парижанки, легкой, модной и жизнерадостной. То же касается бренда бытовой химии *Meine Liebe*, основанного на представлении о высоком качестве немецкой бытовой химии. Аналогично выстроены концепции брендов ООО «ДжиЭсЭс Косметикс», владеющего марками косметики *Zeitun*, *Beutific*, *Konner*, *Doctor Well*. В продвигающих сообщениях и айдентике брендов создавались легенды о ближневосточном, американском или немецком происхождении бренда соответственно. Авторы активно эксплуатируют эстетику восточного хамама, американского модного закулисья и т.д.

Среди пользователей даже появилось понятие «бренды-оборотни», так как «разоблачение» бренда негативно влияет на отношение к нему потребителя.

Однако существуют и бренды, в структура которых СП – это Россия. Наилучшим примером является бренд *Natura Siberica*. Он широко известен не только в РФ, но и за рубежом. Основным конкурентным преимуществом марки и, как следствие основной идеей бренда и других марок одноименного предприятия, всегда была натуральность. Понятия «натуральность» и «чистота» в бренде противопоставлены понятиям «опасная химия», «вредные вещества» и т.д. Натуральность бренд соотносит с понятиями «простота» и «безопасность», а также «забота» и «искренность». Отдельно отметим лексическую характеристику продвигающих сообщений – подражание научному стилю – полное название растений и других компонентов. Схожим образом русскость и натуральность связываются в брендах *Levrana*, *On Me*, *Smorodina*, *Siberina*, *Botavikos* и других. Именно как производитель натуральной косметики российские косметические бренды известны за рубежом.

На рынке также выделяется недавно появившийся бренд *Russian Beauty Guru*, запускающий промо-кампании с исключительно русскими номинациями: тональный крем «Молодость», тени для век и тушь для ресниц «Черная Москва», помады для губ «Русский нюд», набор для макияжа «Ай, да Пушкин!» с профилем и стихами поэта на упаковке. «Русская литература – наше наследие, которое нужно знать, и с гордостью передавать из поколения в поколение», – заявлено на сайте марки. Продвижение бренда интересно тем, что, акцентируя свою русскость, бренд избегает концепции натуральности, делая акцент на профессионализме сотрудничающих с брендом визажистов, превосходстве России в культурном и интеллектуальном плане. Пока случай RGB является

скорее исключением, но, возможно, в ближайшем будущем это будет более популярно на волне усиления патриотических настроений. Однако это по-прежнему будет недостаточно для формирования имиджа России как экспортера, да и на внутреннем рынке бренд еще сложно назвать крупным и способным конкурировать с иностранными концернами, размещающим в РФ производства.

Интерес представляет проект «Сделано в Москве», онлайн-площадка продвигающая бренды, производимые на территории столицы. Проект создан при поддержке правительства Москвы. На сайте демонстрируются потребительские товары различных категорий: одежда, обувь, еда, косметика, спортивные товары, товары для дома и пр. По словам создателей, целью было изменить представление о Москве только как о финансовом центре, и распространить информацию о московских брендах. Проект пользуется некоторой популярностью в соцсетях, имея около 40 тыс. подписчиков в *Telegram*. Можно заключить, что несмотря на обилие минирующих брендов, обилие иностранной эстетики в продвигающих кампаниях, намечается тенденция на акцентирование русскости в брендах.

В заключении, еще раз подчеркнем, что маркетинговая информация составляет большую часть от всей информации, потребляемой человеком. Поэтому продвижение идей и утверждение ценностных ориентиров достигает максимального эффекта именно в рамках маркетинговой коммуникации.

Литература

1. Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рипол классик, - 2022. – 256 с.
2. Клушина Н.И. О дигитализации языка // Русская речь. – 2018, № 6. – С. 52–56.
3. Маркс К. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. – М.: АСТ, 2020. – 160 с.
4. Паршин П. Б. Креатив в локусном брендинге: атрибуты и айдентика // Реклама. Теория и практика. – 2012, № 4. – С. 194–212.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: АСТ, 2009. – 928 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БРИТАНЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Языковая личность британцев представляет собой непрямой способ общения, выраженного с помощью недооценки. Недооценка реализуется с помощью лингвистических и экстралингвистических средств. Недооценка включает этико-психологический аспект, подразумевающий нравственность, поведение, характер, воспитание и уровень образования англичан. Недооценка представляет «код сдержанности» в речевом поведении носителей языка. Сдержанность заключается в проявлении как положительных, так и отрицательных эмоций и направлена на бесконфликтное общение. Содержанием недооценки является система речевых стратегий, позволяющих выявить не только стратегические намерения носителей языка, но и тонкий механизм межличностного общения в британской культуре.

Ключевые слова: языковая личность, недооценка, сдержанность, речевые стратегии

Е. V. Vlasova
(Odintsovo, Russia)**THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE BRITISH IN THE MODERN
COMMUNICATIVE SPACE**

The linguistic personality of the British is an indirect way of communication expressed through understatement. Understatement is realized with the help of linguistic and extralinguistic means. Understatement includes an ethical and psychological aspect implying the morality, behaviour, character, upbringing and level of education of the British. Understatement represents a "code of restraint" in the speech behaviour of native speakers. Restraint consists in the manifestation of both positive and negative emotions and is aimed at conflict-free communication. The content of the understatement is a system of speech strategies that allow us to identify not only the strategic intentions of native speakers, but also the subtle mechanism of interpersonal communication in British culture.

Key words: linguistic personality, understatement, restraint, speech strategies

Данное исследование посвящено анализу языковой личности британцев, характеризующейся непрямым способом общения, представленного недооценкой. Недооценка, выраженная с помощью лингвистических и экстралингвистических средств, направлена на сохранение дружелюбных отношений [1, с. 38]. Недооценка рассматривается в качестве лингвокультурологической категории, отражающей языковую личность британцев. Традиционными чертами характера англичан считают невозмутимость, бесстрастность, умение сохранять самообладание при любых

обстоятельствах, сдержанность в проявлении эмоций. Таким образом, недооценка представляет код сдержанности в проявлении положительных и отрицательных эмоций.

В речевом поведении британцев недооценка выражается с помощью лингвистических и экстралингвистических средств. Лингвистические средства выражения недооценки представлены эмоционально-оценочными наречиями, модераторами, синтаксическим умолчанием, стилистическими приемами (литотой и иронией). Экстралингвистические средства подразумевают поведенческую реакцию на ситуацию. Вышеупомянутые способы выражения недооценки представляют систему речевых стратегий – тонкий механизм коммуникативного поведения англичан. Речевые стратегии недооценки обусловлены национально-культурной традицией, в которых сдержанность носителей языка проявляется при выделении положительных и отрицательных аспектов коммуникативной ситуации.

Рассмотрим наиболее типичные стратегии недооценки, а именно стратегии *смягчения отрицательных эмоций*, нацеленных на снятие категоричности и неприятных чувств, на создание более вежливых форм отказа или сообщения не очень приятной для собеседника информации. Остановимся на стратегии критического отношения к себе или собеседнику:

1) Just so you can visualize me, I'm fairly skinny, fairly nondescript, wearing a black vest-top and skinny jeans. And I wear dark glasses all the time, even in the house. It's . . . Well. A thing. My thing, I suppose [2, с. 15].

Такого рода критика имеет место, когда адресант выражает свое недовольство, неодобрение, несогласие, так или иначе проявляя свое критическое отношение.

Перейдем к рассмотрению стратегии умолчания по этическим соображениям:

2) 'She should work. She likes work.'
Frank shrugs. 'Well. I expect she will. You know . . . .'
And again, the unspoken hangs in the air: When you get better [2, с. 13].

В данном контексте героиня пытается убедить брата в том, что их мама должна заниматься любимым делом, которое она забросила из-за болезни дочери. Брат пытается смягчить эмоциональное напряжение с помощью вставного оборота «ты знаешь», паузы, выраженной многоточием и заполнителя well. Юноша, жалея сестру, не желает открыто обсуждать её болезнь, и уходит от ответа. Сдержанность и молчание персонажа свидетельствуют об осознанном поиске адекватного средства выражения определенного прагматического задания.

Остановимся на рассмотрении стратегий *смягчения положительных характеристик или эмоций*, которые обусловлены национально-культурной традицией, в которой сдержанность англичан проявляется при выделении положительных аспектов коммуникативной ситуации. Рассмотрим стратегию оправдания, создания своеобразного «защитного механизма»:

3) – I'm sorry. I suppose I'm a bit sick after all [2, с. 78].

Данная стратегия проявляется тогда, когда вычленяются отрицательные элементы ситуации, имеющие непосредственное отношение к самому говорящему, то есть недооценка носит самонаправленный характер. При этом может оцениваться физическое состояние говорящего в момент эмоционального напряжения. В вышеупомянутом примере выражение *a bit sick* представляет собой разговорный стереотип, экспрессивность которого проявляется при сопоставлении реальных характеристик ситуации и заниженной эмоциональной реакции отправителя сообщения.

Анализ языковой личности британцев в современном коммуникативном пространстве помогает лучше понять национальный характер и традиции носителей языка, а также избежать неправильного понимания и серьезных трудностей при общении.

Литература

1. Власова Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина (на материале художественных произведений начала XXI века): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 153 с.
2. Kinsella S. *Finding Audrey*. - A Penguin Random House Company / UK, London, 2015. – 212 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ОБРАЗ МЕДИКА В НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье на материале немецкого языка рассматривается образ медика, репрезентированный в текстах интернет-комментариев в концептуальных метафорах. Определен статус дискурса, в рамках которого происходит личностно-ориентированное общение, как неинституциональный бытового типа. Использование методов когнитивной лингвистики позволило выявить наиболее частотные метафорические модели, в рамках которых происходит оценка личности и деятельности медика.

Ключевые слова: медицина, медик, неинституциональный дискурс, интернет-комментарий, концептуальная метафора, метафорическая модель

L.Y. Vlasov, Y.B. Fedeneva
(Yekaterinburg, Russia)

THE IMAGE OF A MEDICAL PROFESSIONAL IN NON-INSTITUTIONAL DISCOURSE (IN GERMAN)

In an article about German language materials, the effect of the image of medicine is presented in the texts of internet comments in conceptual metaphors on the basis of the materials in the German language. The status of the discourse within which person-oriented communication occurs is determined as a non-institutional everyday type. The use of cognitive linguistic methods allows us to identify the most frequent metaphorical models, within the framework of which it is possible to evaluate the current personality and activity of a medical professional. *act.*

Key words: medicine, physician, non-institutional discourse, internet comment, conceptual metaphor, metaphorical model

Сфера медицины – одна из самых важных в жизнедеятельности общества. В ней в концентрированном виде отражаются и все достижения, и все проблемы социума. Главной фигурой этой сферы является врач и - шире – медик. В отечественной лингвистике сложилась давняя традиция анализа образа врача, воплощенного в профессиональном, художественном или кинотексте [1; 2; 3]. Особое значение всегда придавалось этическим характеристикам и поведенческим стандартам языковой личности врача в процессе профессиональной коммуникации [4; 5].

Исследования в русле когнитивной лингвистики расширили представление о влиянии представителей медицины на общество и его культуру. Особенно активно сегодня изучаются лингвокультурные и аксиологические параметры концепта «врач/медик», выявляются национально специфичные стереотипы, укоренившиеся в общественном сознании относительно представителей этой

профессии [6; 7; 8].

Медик рассматривается как субъект профессионального сообщества, выполняющий предписанную ему обществом социальную роль в рамках медицинского дискурса [9; 10]. Л.С. Шуравина замечает: «Под медицинским дискурсом мы понимаем коммуникативную деятельность в сфере общения «врач-пациент», которая является составным элементом системы институциональных дискурсов и имеет универсальные и специфические дискурсивные признаки» [11, с. 66]. Типичными жанровыми моделями при институционально закреплённом общении являются, например, консультация или консилиум. Однако с активизацией Интернет-коммуникации можно говорить о неинституциональном варианте медицинского дискурса, или о дискурсе общественного мнения относительно сферы медицины. В.И. Карасик назвал такой тип дискурса личностно-ориентированным в его бытовой разновидности [12, с. 168]. Основной жанровой моделью такого типа дискурса стал Интернет-комментарий текста или видеосюжета на медицинскую тематику.

Сетевой, или Интернет-комментарий активно изучается современными лингвистами. И.Р. Танабаева считает его основной целью акцентирование внимания адресата на новых фактах, касающихся поднимаемой проблемы, оценивание данных фактов, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, а также получение какой-либо информации в ответ [13, с. 208]. Именно оценочная функция превалирует в подобного рода дискурсе, так как мнение пользователей Интернета относительно медиков и их профессиональной деятельности носит, безусловно, субъективный характер. А.А. Морозова и В.В. Федоров называют таких пользователей эмоциональными критиками и относят их к самому распространённому типу комментатора, который не нацелен на сообщение какой-либо информации, его задача - обозначить свое присутствие, поддержать активность [14, с. 36].

Очевидно, неинституциональный дискурс в разных сферах имеет типологически сходные черты, и для текстов комментариев на медицинскую тему будут абсолютно справедливы замечания Н.А. Красильниковой, исследователя бытового медийного политического дискурса: «Именно оценочная модальность, на наш взгляд, и представляет особый интерес для когнитивной лингвистики в неинституциональном политическом дискурсе, в особенности та, которая выражается в виде таких концептуально маркированных явлений (метафора, метонимия, эпитет, аллюзия, каламбур, паронимазия, прецедентные феномены и т. д.)» [15, с. 131]. Система концептуальных метафор, позволяющих смоделировать когнитивный образ медика, существующий в сознании жителей Германии, стала предметом данного исследования.

Обращаясь к экстралингвистическим условиям активизации неинституционального медицинского дискурса, нельзя не отметить, что одной из явных причин возросшего в общемировом масштабе интереса к системе здравоохранения стала пандемия COVID-19, которая поставила на повестку дня вопросы о важности и необходимости хорошо функционирующей и доступной

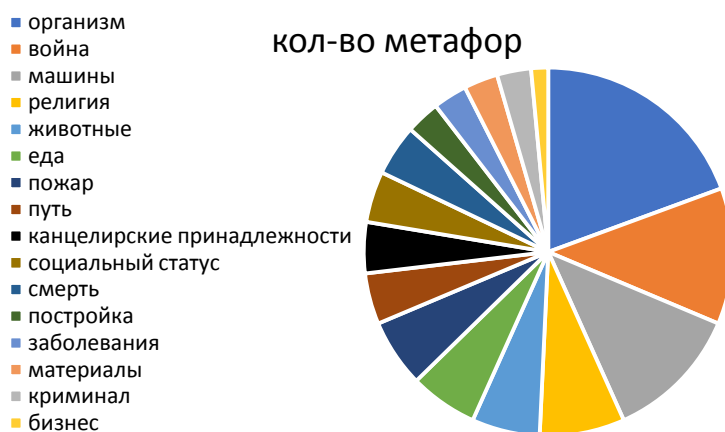
системы медицинской помощи. Кризис показал, что система здравоохранения нуждается в обновлении и усовершенствовании для более эффективного реагирования на подобные глобальные угрозы. Помимо этого, изменения в правительственной политике, экономический кризис, проведение реформ повлияли на интенсивность обсуждения вопросов здравоохранения гражданами Германии.

Интерес к системе здравоохранения сразу отразился на росте видеоконтента на платформе YouTube на разных языках, а также на количестве комментариев под этими видео, посвященных разным аспектам системы здравоохранения. Нами было проанализировано 125024 комментария под 25 видео, относящихся к здравоохранению Германии. На данное количество комментариев пришлось 300 когнитивных метафор. Из них 67 метафор служат номинациями медицинского персонала и его деятельности.

Анализ когнитивных метафор выявил следующий концептуальный ряд обсуждаемых тем вокруг профессии медика: 1) высокая нагрузка; 2) потеря эмоционального и физического баланса; 3) недооцененность профессии; 4) низкая заработная плата; 5) риски, связанные с работой; 6) долгое и трудное обучение в университете; 7) конфликты с руководством; 8) реформы здравоохранения; 9) профессиональное призвание и преданность профессии; 10) социальная значимость профессии.

Всего было выявлено 16 метафорических моделей.

Диаграмма 1.

Самыми продуктивными сферами-мишенями стали ОРГАНИЗМ (13 метафор); ВОЙНА (8 метафор); МАШИНЫ / МЕХАНИЗМЫ (8 метафор); РЕЛИГИЯ (5 метафор); ЖИВОТНЫЕ (4 метафоры); ЕДА (4 метафоры); ПОЖАР (4 метафоры).

Самой продуктивной сферой-мишенью стала модель ОРГАНИЗМ. Медики в понимании носителей немецкого языка являются людьми с «открытым ухом» («*offenes Ohr haben*») и «сердечной кровью» («*mit Herzblut*»). В этих метафорах свое отражения находят главные качества медиков, по мнению авторов комментариев: отзывчивость/готовность помочь и преданность/страсть к работе. Усталость и физическая истощенность медицинского персонала выражена такими метафорами, как «*похудеть до*

состояния скелета» («bis aufs Skelett abmagern») и «ползть по деснам («auf dem Zahnfleisch kriechen»). Если в русскоязычном пространстве есть аналогия для выражения истощения «одни кости да кожа», то вторая метафора существует только в сознании немцев. Полностью стереть зубы и дойти до десен в понимании немца значит очень сильно устать.

Самым распространенным образом стала фигура врача, «брошенного в холодную воду» («ins kalte Wasser geschmissen werden»). Данная метафора передает идею внезапной конфронтации молодых врачей с трудными или непредсказуемыми ситуациями (=холодной водой) в медицинском учреждении без достаточной подготовки или поддержки.

В целом в метафорических образах с помощью контекстных квалификаторов выражается положительная оценка врача-медика и проявляется тональность сочувствия.

Но не обошлось и без негативной оценки медицинского персонала и его работы: «Плохо то, что большинство врачей просто игнорируют и топчут ногами все права пациентов» («Schlimm genug dass die meisten Ärzte so gut wie alle Patientenrechte einfach ignorieren und mit Füßen treten»). Метафора «mit Füßen treten» образно передает эмоциональный аспект, описывая пренебрежение и неуважение по отношению к пациенту, что вызывает негативную реакцию у автора комментария.

Следующей по продуктивности сферой-мишенью стал концепт ВОЙНА. Медики являются «героями» («Ärzte sind Helden»), которые «борются за здоровье других людей» («für die Gesundheit anderer Menschen kämpfen») и «жертвуют собой» («sich aufopfern»). Метафора передает высокую оценку самоотверженного служения врачей и выражает им признательность.

Медики могут выступать и в качестве пострадавших от войны. Комментаторы называют медиков «жертвами экономических ограничений» («Opfer von ökonomischen Zwängen»), которых нужно «защитить» («retten»). Метафора указывает на то, что медики пострадали от негативных последствий экономических ограничений, вызванных неумелым администрированием, политикой и медицинскими страховыми компаниями.

Обширным источником переноса стала сфера машин / механизмов: «Врачи работают как машины» («Ärzte funktionieren wie Maschinen»). Данная мишень вызывает образ врачей, которые работают механически и бесстрастно, что противоречит их человеческой природе. Метафоры фигурируют в двух субсферах: 1) транспортные средства; 2) роботы/машины. Медики уподобляются поездам, которые должны исправно работать, чтобы не оказаться на «отстойном пути/тупике» («am Abstellgleis landen»). Роботов и медиков зачастую роднит бедность эмоций: по мнению комментаторов, в обоих случаях отсутствует эмпатия. Медики «только функционируют» («Pflegekräfte nur noch funktionieren»); «положить все эмоции и эмпатию в шкафчик при переодевании» («alle Emotionen und Empathie beim Umziehen mit in den Spind tun»). Медикам трудно не думать о работе в свободное время, они не могут «отключиться» («abschalten»), что говорит о большой психологической

нагрузке во время выполнения своих обязанностей. Работа в медицинских учреждениях «ломает» (*«kaputt machen»*): медики подвержены физическим и ментальным заболеваниям, которые становятся препятствием для выполнения трудовых обязанностей.

Достаточно продуктивной моделью можно назвать образ ПОЖАРА как среды, в которой медики вынуждены работать. Медики предстают «душами», которые были «сожжены» (*«ausgebrannte Seelen»*). Можно предположить, что они ассоциируются с лесом, который превращен в древесину. Их «расходуют на дрова» (*«verheizt werden»*), у них есть свойство «выгорать» (*«ausgebrannt zu werden»*), как у лесов. Все эти метафоры используются для описания чувства изнурения и истощения медицинского персонала, связанного с чрезмерной нагрузкой и напряжением на работе. У людей недостаточно времени для отдыха и восстановления, что оказывает негативное влияние на их состояние и эффективность работы.

Весьма традиционная для разных видов дискурсов модель ЖИВОТНЫЙ МИР в комментариях встречается довольно редко. Это и не удивительно: традиционно зооморфные метафоры реализуют резко отрицательную оценку обозначаемого. Очевидно, в отношении медиков такой аксиологический вектор не оправдан. Единичные метафоры рисуют, скорей, коллективный образ животного-жертвы. Так, медицинский персонал представляется как «послушные лемминги» (*«Gehorsame Lemminge»*). Эти животные из отряда грызунов стали известны благодаря документальному фильму Уолта Диснея «Белая пустыня». В киноленте демонстрировалось массовое самоубийство леммингов, получившее название «Марш смерти». Падение леммингов со скалы оказалось подстроенной сценой и не имела никакого научного обоснования. Но до сих пор под влиянием фильма у людей закрепилось стойкая ассоциация леммингов с опасной групповой динамикой.

Зооморфный образный перенос осуществляется при описании тех медицинских работников, которые без сопротивления, массово соглашаются на условия труда, которые приносят им ущерб. По утверждению комментаторов, немецкие врачи «выпотрошены» (*«ausgenommen werden»*): сходство выпотрошенного животного и медика заключается в изъятии у них жизненно необходимого ресурса, у медика – достойного заработка, а у животного – внутренних органов. Метафора передает ощущение несправедливости и необходимости более достойных условий и вознаграждения для врачей. Помимо этого, будущие медики, обучающиеся в медицинских вузах Германии, «прокусывают обучение» (*«sich durch das Studium beißen»*). Глагольная метафора характеризует медиков как сильных личностей, которые могут пройти трудное обучение в университете.

Непродуктивной, но яркой сферой переноса стала РЕЛИГИЯ. Медики предстают для авторов комментариев «ангелами» (*«ihr seid Engel»*) и ««Богамы в белом», которые являются простыми людьми» (*«die «Götter in Weiß» auch nur Menschen sind»*). Медики, как и ангелы, заботятся о людях, перенос происходит за счет одинаковых задач перед людьми. Во втором же случае автор делает

акцент на том, что деятельность медиков носить судьбоносный характер для пациентов, но они всего лишь люди, которые испытывают усталость, стресс, голод и страх, и, к сожалению, могут допускать ошибки.

Таким образом, образ врача / медика, традиционно значимый для языкового сознания представителей любой нации, получает многоаспектное рассмотрение в рамках когнитивной лингвистики, а фокус внимания исследователей сосредоточен не только на институционально закрепленных формах коммуникации, но и на новых жанровых моделях медицинского дискурса, таких, как комментарий Интернет-пользователей. Высказывания в комментариях не претендуют на истину, их предназначение – дать оценочно-эмоциональную характеристику медикам и их деятельности в национальной системе здравоохранения с точки зрения обывателя. Подобные тексты дают значительное количество материала для когнитивного анализа различных уровней языковых единиц. Особенно продуктивным оказывается анализ концептуальных метафор, моделирующих образ медика на когнитивном уровне и дающих этому образу различные, порой весьма эмоциональные, оценки. Такие исследования позволяют ярко проявить национальную специфику восприятия такой социально важной фигуры, как медик, определить, в какой мере рядовой член общества доверяет врачу, в каком состоянии, с его точки зрения, находится система здравоохранения.

Литература

1. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVII-XIX веков. – Москва: ОГИ, 2005. – 594 с.
2. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001, № 1. – С. 90-106.
3. Степанова Е.С. Аксиология мифа о врачах // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Лингвистика. – 2022, № 3. – С. 28–37. URL: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/280> (дата обращения 05.09.2023).
4. Аксенов И.Г. Медицинский этико-деонтологический текст в аспекте комплексного лингвокультурологического анализа: автореф. дис. . канд. филол. наук. – Москва, 2006. - 17 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01003011489.pdf?ysclid=lmc1mgo0yz48210424 (дата обращения 05.09.2023)
5. Багдасарян Т.М. Речевое поведение врачей-психотерапевтов: автореф. дис. . канд. филол. наук. - Ростов-н/Д, 2005. - 17 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevoe-povedenie-vrachei-psikhoterapevtov-na-materiale-angliiskogo-i-russkogo-yazykov?ysclid=lmc3vneh1f920672513> (дата обращения 05.09.2023)
6. Болокова Н.К. Лингвокультурологический анализ концепта «врач / медик» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 23 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004314180.pdf?ysclid=lmc3zo3qc1655486986 (дата обращения 05.09.2023).
7. Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А., Рюмшина Н.В. Доминанты идеального образа врача (концентр врач-больной в этико-деонтологической картине мира) // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (3), 2012. - С. 103-107. URL: <http://eprints.tversu.ru> (дата обращения 03.09.2023)
8. Керер К.А. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского

хирурга») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2019, Т. 19, вып. 2. - С. 149-154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyi-kontsept-vrach-v-otechestvennom-hudozhestvennom-meditsinskom-diskurse-na-materiale-proizvedeniya-d-pravdina-zapiski?ysclid=lmc49toe7q502611335> (дата обращения 05.09.2023).

9. Майборода С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. – 2017, № 1 (11). - С. 63 – 74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-diskurs-sovremennye-teoretiko-metodologicheskie-podhody-i-perspektivy-issledovaniya/viewer> (дата обращения 05.09.2023)

10. Волкова Е.В. Коммуникативное поведение профессиональной языковой личности врача в медиадискурсе (на материале телевизионных программ о здоровье). // Медиалингвистика, - 2022, № 9 (4). – С. 369–392.

11. Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013, № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. - С. 65–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-diskurs-kak-tip-institutsionalnogo-diskursa?ysclid=lmc4i3eilk331340515> (дата обращения: 07.09.2023)

12. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

13. Танабаева И.Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. – 2017, № 51. - С. 207 - 210. URL: <https://moluch.ru/archive/185/47375/?ysclid=lmc4kk1udu446559060> (дата обращения: 07.09.2023)

14. Морозова А.А., Федоров В.В. Медиамейкер как тип пользователя социальной сети: классификация коммуникативного поведения // Челябинский гуманитарий. – 2017, № 4 (41). - С. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediameyker-kak-tip-polzovatelya-sotsialnoy-seti-klassifikatsiya-kommunikativnogo-povedeniya?ysclid=lmc4f94f38843785288> (дата обращения: 07.09.2023)

15. Кrasilьникова Н.А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет // Политическая лингвистика. – 2012, № 4 (42). – С. 130–138.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ «ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ» НА СЛУЖБЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье утверждается, что ментальная безопасность российского общества и государства фундируется тем, насколько все граждане, особенно молодые, понимают значения и смыслы тех ключевых слов, которые именуют специфические цивилизационные ценности России. Поскольку своеобразие России как цивилизации – сохранение и упрочение именно «традиционных ценностей», то исходная задача русской лингвистической аксиологии – получить авторитетно фундированный список лексем, именующих эти ценности. Авторы демонстрируют возможность опираться на тот перечень традиционных ценностей, которые, с одной стороны, декларирует Русская Православная Церковь, с другой стороны, представлены в тексте Конституции России, в официальных документах Правительства Российской Федерации.

Ключевые слова: русское языкознание, лингвистическая аксиология, ментальная безопасность, русская литература, конституция, русская ментальность

V.V. Volkov, I.V. Gladilina
(Tver, Russia)

LINGUISTIC AXIOLOGY OF “TRADITIONAL VALUES” AT THE SERVICE OF RUSSIAN PUBLIC SAFETY

The article argues that the mental security of Russian society and the state is based on the extent to which all citizens, especially young people, understand the meanings and senses of those key words that name specific civilizational values of Russia. Due to the fact that the uniqueness of Russia as a civilization is the preservation and consolidation of “traditional values”, the initial task of Russian linguistic axiology is to obtain an authoritatively based list of lexemes naming these values. The authors demonstrate the possibility to rely on the list of traditional values that, on the one hand, the Russian Orthodox Church declares, on the other hand, are presented in the text of the Constitution of Russia, in official documents of the Government of the Russian Federation.

Key words: Russian linguistics, linguistic axiology, mental security, Russian literature, constitution, Russian mentality.

Главная задача русской лингвистической аксиологии – помочь всем гражданам Российской Федерации осознать значения и смыслы слов, словосочетаний и более пространственных речений, именующих и характеризующих те «традиционные ценности», которые составляют фундамент российской цивилизации. Эта задача – в контексте проблемы ментальной безопасности как ключевого фактора, обеспечивающего безопасность народа (общества) и государства, поскольку именно состояния общественного сознания определяют

успех любой цивилизации, а следовательно, должны составлять предмет особого интереса филологического образования [1]. Очевидность этого положения предельна, однако столь же предельна необходимость вновь и вновь к этому вопросу возвращаться, привлекая к его решению самые различные силы, в том числе силы русского языкознания как одной из важнейших для нашей страны гуманитарных дисциплин.

Об очевидности и кричащей значимости этой задачи афористически ярко сказал в свое время гениальный (ныне полузабытый и остро нуждающийся в возвращении) поэтической летописец Советской России Владимир Владимирович Маяковский:

«Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово...» [11, с. 261]

Мы оставили цитату из поэмы «Владимир Ильин Ленин» незавершенной не для того, чтобы создать некую интригу (едва ли найдется среди профессиональных русистов, кто не знает, какое слово, целиком из заглавных букв, – ПАРТИЯ – осталось недописанным), а для того, чтобы акцентировать ключевое положение данного материала: «сиять заставляя заново» нужно все слова, именуемые наши «традиционные ценности». Вопрос о перечне этих слов – это не только, как мы уже отметили выше, вопрос о ментальных (значит, и лингвоментальных) основаниях нашей цивилизации и государственности, но и вопрос о специфической ментальности русских людей – в социальном смысле понятия «русский», то есть об особой ментальности всех, независимо от этнической принадлежности, для кого гражданство Российской Федерации – не формально-бюрократический «паспортный» факт, а его духовная Родина – именно с заглавной буквы.

Искать эти слова можно, опираясь на самые различные источники, трактующие напрямую (в качестве своей основной задачи) или опосредованно «традиционные ценности» русской (= православной, восточно-христианской) цивилизации и, соответственно, ключевые особенности русского (= российского) национального характера (менталитета). Ограничимся указанием лишь на некоторые из такого рода возможностей.

1. «Традиционные» для христианства именованная добродетелей – в неразрывной связи с именованная пороков (= ценности и «антиценности» христианства): *смирение – гордыня / тщеславие, воздержание – чревоугодие / обжорство, целомудрие – блуд / прелюбодеяние* и др.).

2. Фундирующиеся христианством представления о русском менталитете, развиваемые в традициях православного богословия и русской религиозной философии, как в фундаментальной работе Н.О. Лосского (1870–1965)

«Характер русского народа» (1957), считавшего, что ядро русской ментальности может быть выражено именовани^{ем} одной-единственной традиционной ценности», именно – *религиозность*: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [10, с. 240].

3. Труды разных философов, непосредственно отсылающие к проблематике русской ментальности, в которых могут быть обнаружены четко выделенные ключевые слова, как, например, *соборность* у А.С. Хомякова (1804–1860): «...*собор* выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею *единства во множестве*» [14, с. 454–455]. Отметим еще многообразные философские работы, связанные с феноменом «русского пути» или «русской идеи», где выделенными оказываются такие ключевые слова, как *любовь* (В.С. Соловьев), *эрос* (Б.П. Вышеславцев), *преодоление смерти* (Н.Ф. Федоров), *очевидность* (И.А. Ильин), *вечность* (Л.П. Карсавин) и др. (подробный монографический обзор: [5]).

4. Работы филологов (прежде всего лингвокультурологов), ориентированные на выявление слов с национально-специфической семантикой, как, например, *воля, удаль, подвиг* у Д.С. Лихачева [9, с. 14–18] или на целостное реконструирование «ключевых идей» или «констант» русской языковой картины мира [6; 7].

5. Не исключена, на наш взгляд, ориентировка на списки так называемых «общечеловеческих ценностей», изложенных в документе ООН под названием «Всеобщая декларация прав человека», где в качестве ключевых выступают такие «общеприложимые», значимые для всех стран и народов понятия и фиксирующие их лексем^ы, как *жизнь, свобода, правосубъектность, равенство* [4], что побуждает к сопоставлениям «русской идеи» с ментальностями других народов, прежде всего европейских, включая некую «европейскую идентичность» [2].

Как видим, возможных источников множество, особенно если привлекать публицистику (политические дискурсы), суждения / высказывания политических лидеров, ключевые слова произведений классической художественной литературы, дискурсы «сетературы» и многоликих интернет-сообществ и т. д.

Из всех выборов, как наш взгляд, наилучший – действовать, обращаясь к наиболее авторитетным источникам: например, к тексту Конституции России и к безусловным национальным лидерам – духовным и политическим.

В январе 2015 года произошло знаменательное событие – первое в новейшей истории России выступление в Государственной Думе Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Ключевые ценности нашей цивилизации Патриарх соотнес с главными этапами отечественной истории: Древняя Русь – *вера*, а значит – высота духа и *святость*, Российская империя – *державность*,

Страна Советов – *справедливость* и *солидарность*, наши дни – прежде всего *свобода* и *достоинство*. «Чуть раньше, на 15-м Соборе, – пояснил Патриарх, – мы сформулировали еще более широкий перечень ценностей, лежащих в основе национальной идентичности. Кроме перечисленных, это – мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность» [13]. В этих освященных высоким авторитетом словах – главное, что подлежит специальному лингвоаксиологическому исследованию в целях последующего использования его результатов в целях духовно-нравственного и гражданского, патриотического воспитания молодежи.

Необходимость ясного, по возможности краткого (но развернутого), точного и однозначного ответа, в чем, по максимально возможным объективным секулярным (= внеконфессиональным, общеприемлемым) данным, состоит своеобразие русской / российской цивилизации, каков в конкретном «лексическом исчислении» круг отстаиваемых ею «традиционных ценностей», в современных геополитических условиях становится все более настоятельной.

В свете этой необходимости, думается, следует, елико возможно избегая субъективности, опираться на официальные государственные документы, в ряду которых наиболее значимым является текст Конституции России, включая конституционные законы о Гербе, Флаге и Гимне нашей страны. Не останавливаясь специально на содержащихся в Конституции и конституционных законах ключевых словах, их значениях и смыслах (см., в частности: [3]), отметим только, что на третьей странице обложки (имеем в виду официальное издание Конституции РФ в виде брошюры) наличествует следующее разъяснение символики Государственного флага России (воспроизводим с выделением курсивом, как в источнике): «*Флаг России имеет долгую историю. Впервые ввел его для русского флота и армии Петр I. Расположение полос на флаге отражало сложившуюся картину мира. Красный цвет соответствовал физическому миру (природе); располагавшийся выше голубой цвет – небесному миру; и, наконец, белый цвет – миру Божественному. Кроме того, эти цвета имели в России особенные, символические значения: белый – благородство, синий – честность, красный – смелость*» [8]. Очевиден объект дальнейшего лингвоментального исследования: *физическое (земное) – небесное – Божественное* (именно с заглавной буквы) в их сочетании с важнейшими воинскими доблестями (имеем в виду, что любой христианин – воин, каждый на своем месте): *благородство, честность, смелость*.

Помимо Конституции России, особого филологического внимания заслуживает недавно утвержденный Указом Президента Российской Федерации официальный документ, в котором представлен четкий список «традиционных ценностей», что отражено уже в самом названии документа: «*Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*». Цитируем: «К традиционным

ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [12]. Первичная «раскладка» этого неупорядоченного списка на отдельные группы представляется очевидной: например, ценности «вневременные», общезначимые, для всех времён и пространств (*жизнь, идеалы, милосердие, взаимопомощь...*) и ценности «актуализованные», особо значимые именно для нашей страны здесь-и-сейчас (*патриотизм, служение Отечеству, крепкая семья...*).

В заключение отметим: жаль, что в силу жанровой специфики цитированного документа в нем нет слова *Родина*, – правда, есть *Отечество*, причем с заглавной буквы, но *Отечество* – строго, *Родина* – теплее, и не случайно во многих знаковых стихах-песнях советских лет, по-своему эталонных по семантическому параметру «патриотизм», речь именно о *Родине*, о *родной* стране, например (далее цитируем без ссылок, ввиду афористической общеизвестности цитируемого): «Есть традиция добрая в комсомольской семье: / Раньше думай о Родине, а потом о себе» (И. Шаферан, «Комсомольская традиция»), «Забота у нас простая, / Забота наша такая: / Жила бы страна родная, / И нету других забот!» (Л. Ошанин, «Песня о тревожной молодости»).

Думается, именно исчисленные выше ключевые лексемы, освященные авторитетом нашей Конституции, нашего Патриарха и нашего Президента, в точности отражают не только ключевые особенности русского / российского национального характера, но и те «традиционные ценности», отстаивать которые перед лицом экзистенциальных – бытийных угроз необходимо каждому, кто признает нашу страну своей Родиной, своим Отечеством, – в глубоком осознании сокровенных смыслов этих слов и понимании ответственности задачи.

Литература

1. Волков В.В. Как объяснять и понимать именованья «традиционных ценностей»? // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей. – Ярославль, 2023. – С. 187–192.
2. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладилина И.В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019, № 1. – С. 69–80.
3. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладилина И.В. Теолингвистические компоненты в секулярных именованьях особенностей русского менталитета и российской государственности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021, № 1(68). – С. 105–114. – DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.105
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.09.2023)

5. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. – Москва: Молодая гвардия, 2018. – 333 с.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
7. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
8. Конституция Российской Федерации (с поправками от 14.03.2020 г.). Федеральные конституционные законы. – Москва: Мартин, 2020. – 64 с.
9. Лихачев Д.С. Заметки о русском. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
10. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 238–360.
11. Маяковский В.В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – Москва: Правда, 1988. – 768 с.
12. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 10.09.2023)
13. Патриарх Кирилл: 2015 год имеет особое символическое значение // Российская газета (Федеральный выпуск). 2015. № 12(6583). URL: <http://www.rg.ru/2015/01/23/patriarkh.html> (дата обращения: 10.09.2023).
14. Хомяков А.С. Философские и богословские произведения. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 592 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПСЕВДОИТАЛЬЯНСКИХ ОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи заключается в рассмотрении словообразовательных моделей псевдоитальянских онимов в немецком литературном языке. Анализ данных моделей обусловлен необходимостью выделения структурно-системных признаков исследуемых единиц.

Ключевые слова: псевдозаимствования, псевдозаимствованные онимы, сегмент псевдоитальянизмов, лексический и семантический способы словообразования, немецкий литературный язык

A.B. Volkova, Y.V. Kobenko
(Tomsk, Russia)

WORD-FORMATION MODELS OF PSEUDO-ITALIAN ONYMS IN THE GERMAN LITERARY LANGUAGE

The aim of the article is to consider the word-formation models of pseudo-Italian onyms in German literary language. The analysis of these models is conditioned by the necessity to highlight structural and systemic features of the studied units.

Key words: pseudo-borrowings, pseudo-borrowed onyms, segment of pseudo-Italianisms, lexical and semantic ways of word formation, German literary language

Отличительной чертой развития немецкого литературного языка (НЛЯ) является пополнение его словарного состава иноязычными заимствованиями. Начиная с периодов классической и постклассической латыни, немецкий язык как язык-реципиент вбирал в себя языковой материал престижных для его носителей языков-доноров, которые представляли свою значимость в определённые исторические периоды времени. Такая тенденция остаётся существенной для НЛЯ и в настоящее время, однако сам процесс заимствования иноязычного материала несколько изменился.

Значительный прирост иноязычной лексики привёл к тому, что заимствованный морфемный материал стал использоваться для создания новых лексических единиц в НЛЯ бесконтрольно. С одной стороны, сохранение коммуникативной значимости среди других европейских языков остаётся важным для НЛЯ, в связи с чем заимствование морфемного материала языков-доноров продолжается; с другой стороны, можно заметить, что НЛЯ стремится использовать и собственный языковой материал. Такое стремление объясняется тем, что для сохранения коммуникативной пригодности НЛЯ уже не может ограничиться одними заимствованиями, поэтому он повышает эффективность

собственного языкового материала посредством гибридизации. Об изменении процесса заимствования в НЛЯ говорит появление в нём единиц, образованных из иноязычных морфем языков-доноров, но при этом в этих языках либо не существующих, либо имеющих совершенно иное значение. Кроме того, данные единицы могут сочетать в себе морфемный материал разных языков-доноров. Так, к примеру, в НЛЯ слово *trampen* означает «путешествовать автостопом» и на первый взгляд может показаться, что оно полностью заимствовано из английского языка. Однако в самом английском языке такого слова не существует, значение «путешествовать автостопом» в нём передаёт глагол *to hitchhike*. При этом необходимо отметить, что в немецком слове *trampen* тем не менее присутствует заимствованный морфемный материал английского языка, а именно основа *tramp*, что с английского означает «бродяга, странствующий рабочий». Лексическая единица *trampen* образована посредством сочетания морфемного материала языка-донора и языка-реципиента (заимствованная в НЛЯ англ. основа *tramp* и нем. суффикс существительного ср. рода *-en*) и является *псевдозаимствованием* (нем. *Scheinentlehnung*). Наряду с данным обозначением также используются термины *вторичное заимствование* (нем. *Sekundärentlehnung*) [9, с. 49] и *апостериорное образование* [2, с. 91]. На рассмотренном примере можно проследить, что псевдозаимствования являются продуктами гибридного словообразования, соответственно явление псевдозаимствования служит доказательством высокой степени гибридизации словарного состава НЛЯ.

В то время как изучению апеллятивов в классе немецких псевдозаимствований в немецком языке уделяется достаточное внимание, разряд онимов данного класса на сегодняшний день ещё не получил широкого освещения, что влечёт за собой необходимость глубокого и последовательного рассмотрения данных лексических единиц. Таким образом, в центре нашего внимания находится явление псевдозаимствованных онимов (ПЗО) в НЛЯ. Под ПЗО понимаются «апостериорные единицы, образованные по принципу нарушенной обратимости и принадлежащие к классу *nomina propria*» [1, с. 93].

Целью данной статьи является рассмотрение способов словообразования псевдоитальянских онимов в НЛЯ, следовательно *объектом* настоящего исследования являются ПЗО сегмента псевдоитальянизмов в НЛЯ; *предметом* выступают способы словообразования рассматриваемых ПЗО.

Сегмент псевдоитальянизмов настоящего исследования состоит из 77 ПЗО. В состав данного сегмента входят следующие субклассы: прагматонимы (56 ПЗО, 72.73%), антропонимы подразряда фикционимов (12 ПЗО, 15.58%), тиронимы (4 ПЗО, 5.19%), эргонимы (2 ПЗО, 2.6%), зоонимы подразряда фикционимов (2 ПЗО, 2.6%) и 1 артионим (1.3%).

Данные ПЗО рассматриваемого сегмента образованы двумя способами: а) лексическим (76 ПЗО) и б) семантическим (1 ПЗО).

А. Основным лексическим способом словообразования выступает суффиксация (47 ПЗО, 61.04%), ср. *Sockina* (нем. *Sock* и ит. суффикс *-ina*), *Weissella* (нем. *Weiss* + ит. суффикс *-ella*), *Nussini* (нем. *Nuss* + ит. суффикс *-ini*) и

др. Кроме того, также встречаются сложные разновидности суффиксации, а именно: приложение + суффиксация (6 ПЗО, 7.79%), ср. *Signore Fuccicato*, *Magister Flausolini*, *Adelar Anwantzer*, *Totalo Flauti* и др.; суффиксация + контаминация (1 ПЗО, 1.3%), ср. *Vileda*. Другими лексическими моделями образования ПЗО сегмента псевдоитальянизмов с общим показателем 28.57% являются контаминация (12 ПЗО, 15.58%), ср. *Cambozola* (от фр. названия сыра *Camembert* и ит. названия *Gorgonzola*), *Toblerone* (от фамилии кондитера *Tobler* и ит. *Torrone*); словостяжение (7 ПЗО, 9.09%), ср. *Bellarom* (*bella* + *rom*); соположение (1 ПЗО, 1.3%), ср. *Le Gusto*; апокопа (1 ПЗО, 1.3%), ср. *Sinalco* и эпитеза + приложение (1 ПЗО, 1.3%), ср. *Gruppa l'ultima*. Эргоним *Gruppa l'ultima* является примечательным примером ПЗО, поскольку слово *Gruppa* образовано от искажения итальянского существительного мужского рода *Gruppo* путём замены итальянского суффикса мужского рода *-o* на итальянский суффикс женского рода *-a*. Очевидно, такая замена возникла ввиду ассоциативного в данном случае немецкого существительного женского рода *die Gruppe*. Кроме того, добавление звука «а» к первому слову *Gruppa* создаёт созвучие со вторым словом *l'ultima* и делает произношение данного онима удобным, поэтому эпитеза является одной из моделей образования данного эргонима в НЛЯ.

Б. ПЗО *Al Knackone*, образованный семантическим способом и являющийся исключением в ряду других рассматриваемых псевдоитальянских онимов, относится к классу антропонимов подряда фикционимов и имеет сложную модель образования – пародия + метаплазм. Данный оним обозначает одного из героев немецкоязычного комикса «*Disney*» о Дональде Даке, поэтому является именем говорящим (*Nomina Suggestiva*). Его имя по звучанию напоминает американского гангстера итальянского происхождения Аль Капоне, слово *Knackone* образовано от немецкого глагола *knacken*, что означает «взламывать».

Как упоминалось выше, наиболее частотной моделью словообразования рассматриваемых ПЗО является модель суффиксации, которая преимущественно используется для создания прагматонимов (38 ПЗО). Это можно объяснить тем, что посредством итальянского суффикса прагматоним в НЛЯ получает итальянское звучание, которое позволяет производителям определённой продукции привлечь внимание большего количества потребителей к выпускаемому товару. Стремление придать продукту некоторый итальянский «характер» вызвано тем фактом, что название продукции, звучащее на итальянский манер, вызывает у немецкоязычного населения ассоциации с хорошим уровнем жизни, высоким качеством товара и его изысканностью.

В заключении следует отметить, что рассмотренные в настоящей работе словообразовательные модели ПЗО сегмента псевдоитальянизмов в НЛЯ позволяют сделать данные лексические единицы «прозрачными». Во всех ПЗО, не зависимо от модели словообразования, прослеживается след иноязычности и схожесть с итальянским языком. Это позволяет сделать вывод о том, что образование псевдозаимствованных онимов в НЛЯ имеет подражательный характер.

Литература

1. Кабакчи В.В., Егорова К.А. Лексикография словаря ксенонимов. Язык и культура в эпоху глобализации: 2 Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.) – СПб.: СПбГЭУ, 2015. Ч. 1. – С. 56–63.
2. Кобенко Ю.В., Солодовникова О.В., Рябова Е.С. Системно-структурные особенности онимов в классе немецких псевдозаимствований // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2022, Вып. 1 (53). – С. 91–104.
3. Маринова Е.В. Латинское наследие и современные заимствования / Е.В. Маринова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII конгресса Междунар. некоммерческого партнёрства преподавателей рус. яз. и лит. (Гранада, 13–20 сентября 2015 г.). – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 143–147.
4. Митрофанова Л.А. Контаминационные производные в современном немецком языке с элементами-итальянизмами. Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-1. – С. 98–103.
5. Митрофанова Л.А. Италиянизмы и псевдоитальянизмы тематической группы «национальная кухня» в современном немецком литературном языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014, № 2 (4). Т. 16. – С. 956–959.
6. Нефедова Л.А. Иноязычная лексика современного немецкого языка (аспекты культурной интеграции). – М.: МПГУ, 2018. – 184 с.
7. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность. М.: Высш. шк., 1991. 97 с.
8. Сапожникова Л.М. Типы первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2017, № 2. – С. 139–145.
9. Munske H.H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem. Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Festschrift L. E. Schmitt, Hrsg. von H. H. Munske u. a. – Berlin-NY: Walter de Gruyter, 1988. – S. 46–74.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ОСВОЕНИЯ ЗНАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ МАССМЕДИА: «ИГРА» В ВОЗРАЖЕНИЕ

Исследуются научно-популярные массмедиа как каналы продвижения научного знания с учетом их полифункциональности, когда одной из доминирующих функций является развлекательная. Речевые тактики возражения рассматриваются в контексте организации дискурса, нацеленного на закрепление знания в языковой картине мира – индивидуальной и коллективной. Акторы научно-популярного дискурса для достижения этой коммуникативной цели обращаются к различным языковым средствам и речевым действиям. Среди них востребованным оказывается создание игровой ситуации на основе возражения, которая обеспечивает вовлечение адресата в эффективный диалог.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, возражение, игра, научное знание

E.V. Vyrovtsseva
(Saint Petersburg, Russia)

DISCURSIVE PRACTICE OF MASTERING KNOWLEDGE IN POPULAR SCIENCE MEDIA: A “GAME” OF OBJECTION

Popular science media are studied as channels for the promotion of scientific knowledge, taking into account their multifunctionality, when one of the dominant functions is entertainment. Speech tactics of objection are considered in the context of organizing discourse aimed at consolidating knowledge in the linguistic picture of the world - individual and collective. To achieve this communicative goal, actors of popular science discourse turn to various linguistic means and speech actions. Among them, it is in demand to create a game situation based on an objection, which ensures the involvement of the addressee in an effective dialogue.

Key words: popular science discourse, objection, game, scientific knowledge

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»

Научно-популярные издания на протяжении столетий занимали важное место в системе периодических изданий [5], научно-популярный дискурс по-прежнему развивается, осваивая новые каналы коммуникации и новые технологии. Решая коммуникативные задачи, СМИ данного типа, с одной стороны, остаются в русле традиций, предлагая аудитории увлекательный просветительский контент, а с другой стороны, трансформируются в условиях глобальной медиатизации, «во многом определяющей картину мира человека, формирующей установки и ценности» [12, с. 14]: «Задача научно-популярных каналов – показывая пути получения новых научных знаний, поддерживать

интерес читателей к пополнению знаний, чтобы читатель испытывал интерес к исследованиям, которые ведут ученые, чтобы он правильно оценивал роль науки в жизни общества, чтобы общество ценило научные достижения, понимало, что наука дает умение пользоваться знанием, способствует прогрессу» [8, с. 38]. Исследователи подчеркивают, что «стратегическая целеустановка научно-популярного дискурса едина и универсальна: сделать то или иное научное знание доступным и понятным для неспециалиста» [1]. Важно отметить, что «коммуникативные действия (речевые ходы), направленные на достижение этой цели» [1] определяются как речевые тактики. К ним относятся и возражение.

При этом главные редакторы постоянно подчеркивают, что успешность научно-популярного массмедиа основана на понимании и эффективной реализации именно развлекательной функции: «Научно-популярная пресса прежде всего развлекает, а потом уже несет полезность»; «Научно-популярные журналы занимаются не столько пропагандой науки, сколько мы развлекаем людей научными знаниями» [10, с. 30–31]. Все это обуславливает актуальность исследования такой проблемы: выбор способов и средств представления и распространения научного знания в специализированном дискурсе массмедийной коммуникации.

За методологическую основу изучения научно-популярных публикаций в изданиях разного формата были взяты три положения. Во-первых, освоение научного знания, его когнитивный переход из информации в знание, то есть его фиксация в языковой картине мира и системе представлений о реальной действительности [14], предполагает *вовлеченность* (Л.Р. Дускаева) адресата, его со-участие в коммуникации, его со-творчество [4]. Во-вторых, наиболее востребованной стратегией в научно-популярном дискурсе оказывается диалог, полемика, основанные на возражении и его преодолении, что исследовано и описано в коллективной монографии «Диалог-спор в научно-популярной коммуникации» [6]. Наконец, очевидно, что в условиях переизбытка информации и *усталости от языка* (М.В. Загидуллина) создание игровой ситуации как проявление креативности автора [15], который рассчитывает «на эмоциональный, а не только на интеллектуальный отклик читателя» [3] в процессе коммуникации, обеспечивает вовлеченность реципиента и «прагматическое воздействие» [13, с. 25] на него, а также гарантирует эмоциональный, а не только на интеллектуальный отклик. Основными методами были выбраны дискурсивный медиалингвистический и праксиологический анализ, позволяющие определить особенности функционирования медиатекста и эффективность коммуникации: «В центре внимания при создании медиатекста – регулятивно-управляющие праксиологические нормы, поскольку предмет анализа – оценка эффективности текста – соответствие полученного результата профессиональным целям и задачам» [7].

Материалом исследования стали публикации интернет-журнала «ПостНаука» (<https://postnauka.ru/>), *выпуски программ аудиовизуального*

формата «Научные расследования Сергея Малоземова» на телеканале НТВ (https://www.ntv.ru/peredacha/Nauchnoe_rassledovanie/) и «Редакция.Наука» (https://www.youtube.com/channel/UCDK8SFd2iuF_h4kklUoueJw).

Научно-популярные массмедиа стремятся ответить на все вопросы, которые может задать любой представитель общества, при этом включение их в систему досуговых СМИ делает обязательной развлекательную составляющую, которая взаимодействует с такой чертой научной картины мира, как «принципиальная опровержимость теорий» [14, с. 231]. Возражение как способ выражения несогласия, сомнения, недоверия, отрицания в научно-популярном дискурсе можно рассматривать как одну из основных речевых стратегий, нацеленных на преодоление коммуникативных барьеров в процессе продвижения нового знания.

Создание игровой ситуации языковыми средствами объясняется объединением принципов дискурсивных практик – научной и массмедийной (публицистической), формирующим особый способ речевого взаимодействия ее участников. Перлокутивный эффект при этом достигается разными средствами, которые и были выявлены в ходе анализа.

В формировании, своего рода обыгрывании, возражения активно участвуют цифры как убедительное, информационно насыщенное средство представления факта. В научно-популярном дискурсе цифра способна одновременно решать разные задачи: в качестве элемента фактологического материала в медиатексте участвует в представлении нового научного знания, точно и достоверно представляет научную информацию, а также эмоционально воздействует на адресата.

Например, в программе «Научные исследования Сергея Малоземова» «Отрицатели болезней» (НТВ, 30.04.2022) игровой эффект возражения основан на толковании числовых значений, адресату предлагается поучаствовать в подсчетах: *смертность в 2 % означает, что умрут 2 человека из ста, 2% – это в 20 раз больше, чем смертность от гриппа; 62 миллиона интернет-антиваксеров в Америке – это 32 миллиона долларов дохода; Полмиллиарда умерли от оспы во многом из-за страха вакцинироваться.* В последней фразе основной эффект воздействия – эмоциональный. Аналогичный способ вовлечения адресата используется в программе «Что если все пчелы умрут?» (<https://www.youtube.com/watch?v=xfddLrJLOFA>): *если пчелы исчезнут, то человечеству останется жить 4 года; люди с пчелами подружались больше 10 000 лет тому назад. По крайней мере в Древнем Египте, вот по археологическим раскопкам, по тем самым рисункам на папирусе известно, что пчел человек начал одомашнивать или дружить с ними примерно 10 000 лет тому назад (повтор усиливает экспрессивное воздействие); В медицине более 4 000 лет назад наши предки уже использовали мед в качестве лекарства, а примерно 2 300 лет назад Аристотель назвал мед хорошим средством от ран и воспаления глаз.* Такие примеры обращения к цифре позволяют говорить о традиционных для языковой игры функциях – маскировочной (эвфемистической) и психотерапевтической.

Другими востребованными приемами создания игровой ситуации можно назвать нарративность (часто в формате сторителлинга) и прецедентность. Причем оба этих способа предъявления научного знания так же основаны на совмещении принципов научного и публицистического дискурсов. Описание научного эксперимента, история научного открытия становятся и доказательным аргументом, и увлекательным рассказом. Прецедентность в роли ссылки на авторитетное мнение (эвиденциальность) убеждает в истинности представленной информации, а как включение в текст знаков (образов, символов) культуры оказывает экспрессивное воздействие и активизирует ассоциативное мышление адресата.

Приведем в пример цитату из опубликованного на сайте «ПостНауки» интервью «Квантовая физика остается для нас загадкой, хотя повсеместно используется в современных технологиях» (<https://postnauka.ru/talks/156896>): *Вы наверняка слышали (апелляция к адресату – как бы уравнивание позиций) о том, что в 2012 году в ЦЕРН (эвиденциальность) удалось (стилистически маркированная лексика) увидеть в экспериментах бозон Хиггса – последнюю частицу Стандартной модели элементарных частиц. Для этого физикам пришлось (эвиденциальность + нарратив) ускорить протоны до энергий в 120 ГэВ – это примерно в 10^{12} раз выше комнатной температуры (толкование, бытовое сравнение). Для экспериментов с холодными атомами же их нужно было охладить (нарратив) до температур меньше нанокельвина, то есть примерно в 10^{12} раз ниже комнатной температуры (повтор сравнения). Хотя кажется (апелляция к адресату), что в этих экспериментах исследовались совершенно не связанные феномены, наблюдаемые в разных физических системах и на радикально разных (повтор, эмоциональное усиление) энергиях (с разницей в 10^{24} раза! (восклицание как выражение экспрессии)), это были проявления одного и того же явления квантовой физики.* Выбранные автором речевые стратегии рассчитаны на вовлечение адресата в рассуждение, речевые действия намеренно усиливают интерес к научным фактам за счет возражения на потенциальные сомнения, недоверие потребителя информации.

Еще один яркий пример игрового вовлечения – нарративное повествование-объяснение научного феномена мудрость толпы (ПостНаука, <https://postnauka.ru/chapters/156261>): *В 1907 году Фрэнсис Гальтон (двоюродный брат Чарльза Дарвина, эрудит, создатель метода идентификации отпечатков пальцев, метеоролог и автор термина «евгеника» (апелляция к знаниям адресата, расширение их за счет культурного контекста)) написал письмо в престижный (оценочный эпитет) научный журнал Nature (прецедентное имя, факт) о своем посещении выставки животноводства и птицеводства в Плимуте (факт). Там он увидел необычный (оценочный эпитет) конкурс: участникам, заплатившим по 6 пенсов (цифра), предлагалось угадать вес выставленного напоказ большого откормленного быка, после того как его забьют и освежают. По окончании конкурса ученый взял 787 (цифра) заполненных билетов и выбрал из них в качестве среднего значения 1207 фунтов (547 килограммов) (цифра, уточнение). «Любая иная оценка*

рассматривалась большинством голосовавших как слишком высокая или слишком низкая», – пояснил он. Реальный вес животного составил 1198 фунтов (543 килограмма), что оказалось на удивление (экспрессивная оценка) близко к выбранному числу 17. Гальтон назвал свое письмо *Vox Populi* («Глас народа»), хотя сегодня такой процесс принятия решений более известен как мудрость толпы. Интересная история в данном случае обеспечивает внимание и включенность адресата, который увлечен повествованием и прецедентными культурными знаками, «значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» [11, с. 216]. Намеренно созданные управляемые ассоциации [9] в условиях игровой ситуации обеспечивают эффективность воздействия.

Очевидно, что игровая ситуация формируется как правило уже на уровне паратекста: многие заголовки публикаций научно-популярных массмедиа – это вопросительные (в том числе и риторические) конструкции. Приведем несколько примеров: *Можно ли доверять мудрости толпы*, *Радиация: яд или лекарство*, *Где искать вирусы?* (ПостНаука); *Куда уходит наше время? Почему мы не доверяем нейросетям?* (Редакция.Наука), *Дарвин ошибался?* (Научные расследования Сергея Малоземова). Они часто встречаются и на метатекстовом уровне, а их эффективность повышается за счет использования других средств диалогичности: личные местоимения и глаголы в форме второго лица, обращения, генерализация.

Включение ярких, экспрессивных, оригинальных высказываний из самых разных (не только научных) источников создает перлокутивный эффект за счет усиления публицистической составляющей научно-популярного медиатекста. В отличие от традиционной функции прецедентного имени, которое чаще всего является средством эмоциональной оценки и выражает субъективное отношение актора, в научно-популярном дискурсе прецедентность реализует сразу несколько функций: аргументации и выражения эвиденциальности (рациональная оценка), воздействия (эмоциональная оценка), эффективность которого зависит от степени включения адресата в игровую коммуникативную ситуацию, где все участники принимают правила игра и участвуют в ней на равных и с удовольствием.

Таким образом, представление нового знания в научно-популярном медиадискурсе требует специального оформления, привычной для информационно-воздействующего типа коммуникации «упаковки». Риторические техники возражения, обусловленные вполне очевидным сопротивлением адресата, от которого требуется трансформация (изменение, дополнение) устоявшихся представлений о мире и окружающей действительности, в научно-популярных медиа становятся и убедительным средством аргументации, и эффективным средством воздействия, способным не только привлечь внимание адресата, но и вовлечь его в диалог-игру, следовательно, в процесс освоения нового знания.

Литература

1. Басовская Е.Н., Воронцова Т.А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. – 2022, № 9(4). – С. 431–445. DOI: 10.21638/spbu22.2022.409 URL: <https://medialing.ru/sovremennyj-nauchno-populyarnyj-radiodiskurs-princip-dialogichnosti/> (дата обращения: 01.09.2023)
2. Васильева В.В., Выровцева Е.В. Суггестивный потенциал комического в новостном медиадискурсе // Комическое как коммуникативный ресурс в виртуальном пространстве: монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Ю. М. Коняева. – М.: ФЛИНТА, 2022. – С. 64–97.
3. Воскресенская М.А. Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации // Медиалингвистика. – 2022, № 9(4). – С. 288–308. DOI: 10.21638/spbu22.2022.401 URL: <https://medialing.ru/istoricheskaya-informaciya-v-sovremennoj-rossijskoj-presse-azyki-medijnoj-reprezentacii/> (дата обращения: 18.08.2023)
4. Выровцева Е.В. Концепт «новое знание» в научно-популярном медиадискурсе: постановка проблемы // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – Вып. № 3(50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – С. 169–172.
5. Громова Л.П. (ред). История российской научно-популярной прессы в социально-культурном контексте / под ред. Л. П. Громовой и Ю. Б. Балашовой. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – 272 с.
6. Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. – СПб.: Медиапепир, 2022. – 184 с.
7. Дускаева Л.Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. – 2019, № 6(1). – С. 4–18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101 URL: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (дата обращения: 25.08.2023)
8. Дускаева Л.Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Моск. Ун-та. – Серия 10. Журналистика. – 2023, № 1(48). – С. 30–65.
9. Зорин И. Игры, в которые играет... Мастерство манипуляций. – СПб.: Пиитер, 2018. – 180 с.
10. Ильченко Д.С. Содержательная модель успешного научно-популярного журнала (на примере журнала «Популярная механика») // Вестник Моск. Ун-та. – Серия 10. Журналистика. – 2018, № 2. – С. 26-53.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ. 2010. – 264 с.
12. Кузнецова Е.И. Медиатизация: эффекты медиареальности // Общество: философия, история, культура. – 2019, № 6. – С. 13–16. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.1> (дата обращения: 25.08.2023)
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
14. Чернобров А.А. Научная и «наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты // Сибирский педагогический журнал. – 2012, № 7. – С. 230–236.
15. Carter R. Language and creativity. The art of common talk. – New York: Routledge (2nd ed.), 2017. – 58 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Н. Гезайли
(Алжир, Алжирская Народная Демократическая Республика)

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И АФОРИЗМОВ С РУССКОГО НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

Настоящая статья посвящена исследованию перевода фразеологизмов и афоризмов с русского на арабский язык в свете когнитивного направления. Нами определены проблемы современного переводоведения в рамках когнитивного направления в современном русском языке. Нами проанализированы русские фразеологизмы и афоризмы с точки зрения лингвокультурных объектов. Мы пришли к выводу, что перевод фразеологизмов и афоризмов в рамках когнитивного направления предполагает, с одной стороны, семантическое моделирование данных языковых единиц, т.е. в анализе их понятийного компонента с целью выявления имплицитных моментов их содержания, которые затрудняют их правильное восприятие и употребление в языке реципиента, с другой стороны, в выявлении их культурно-ценностного потенциала с целью адаптации культурных концептов в языке перевода. От переводчика требуется достоверный анализ специфики ментальных структур вербального информирования у носителей языка реципиента.

Ключевые слова: фразеологизм, афоризм, когнитивный аспект, русский язык, арабский язык, язык реципиента, культурные концепты

N. Ghezaili
(Algiers, People's Democratic Republic of Algeria)

COGNITIVE ASPECT OF TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS AND APHORISMS FROM RUSSIAN INTO ARABIC

This paper is devoted to the study of the translation of phraseological units and aphorisms from Russian into Arabic in the light of the cognitive direction. We have identified the problems of modern translation studies within the framework of the cognitive direction in the modern Russian language. We have analyzed Russian phraseological units and aphorisms from the point of view of linguistic and cultural objects. We came to the conclusion that the translation of phraseological units and aphorisms within the framework of the cognitive direction implies, on the one hand, semantic modeling of these linguistic units, i.e. in the analysis of their conceptual component in order to identify the implicit moments of their content that make it difficult for them to be correctly perceived and used in the recipient's language, on the other hand, in identifying their cultural and value potential in order to adapt cultural concepts in the target language. The translator is required to provide a reliable analysis of the specifics of the mental structures of verbal information in native speakers of the recipient's language.

Key words: phraseology, aphorism, cognitive aspect, Russian, Arabic, recipient's language, cultural concepts

Статья посвящена исследованию способов перевода фразеологизмов и афоризмов с русского на арабский язык в рамках когнитивного направления.

В когнитологии язык рассматривается как система знаков, в которой происходит кодирование абсолютно всей поступающей информации. При когнитивной деятельности человека данная информация сначала умственно перерабатывается, образуя в результате структуры сознания или концепты, а затем вербализуется.

Перевод является наиболее древним способом обмена культурами между обществами и обогащения языка. Именно перевод способствует в какой-то степени удалению границ между языками и расширению его словарного состава. Ведь отсутствие в языке обозначения известного понятия или явления является крупнейшим препятствием для его передачи в речи. Это препятствие преодолевается или путем создания нового слова, или заимствования его из другого языка. Такое пополнение лексики любого языка происходит непрерывно.

Исследования в области переводоведения в когнитивном направлении восходят к концу прошлого столетия.

В настоящее время российские и зарубежные ученые не ограничиваются лишь исследованием лингвистического аспекта перевода, их всё больше интересует умственные процессы, происходящие при восприятии языкового знака. Следовательно, переводоведение ориентируется на когнитивистику, которая опирается на данные психологии.

Согласно точке зрения В.З. Демьянкова, главная задача когнитивной лингвистики состоит в «системном описании и объяснении механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов» [3, с. 17].

Следует отметить, что уже в 60-е годы прошлого столетия, т.е. в эпоху творческой практики советских переводчиков художественной литературы была выдвинута критиком И.А. Кашкиным идея "реалистического перевода". В его понимании такой перевод представлялся совершенным методом передачи иноязычных подлинников. По его словам, сторонники реалистического перевода «... стараются воспроизводить не отдельные слова, а именно реальность, которая содержится в тексте подлинника со всем его смысловым и образным богатством» [5, с. 126-127]. Как видно, реалистический перевод уже опирался на данные когнитивной деятельности переводчика.

Актуальные исследования в переводоведении рассматривают перевод с точки зрения мыслительной деятельности. А.Г. Минченков трактует его как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных в сознании на базе исходного текста» [7, с. 231].

Таким образом, когнитивный аспект перевода можно рассматривать как «совокупность механизмов, обеспечивающих образование интегративных структур, которые связывают когнитивные структуры языков оригинала и перевода» [6, с. 12].

Когнитивный аспект перевода понимается нами как сложный

мыслительный процесс восприятия языковых знаков в подлиннике, их интерпретация или раскодирование и, наконец, их передача на языке реципиента.

Русский литературный язык богат средствами и способами стилистической выразительности. Фразеологии и афористике, как запасу готовых средств выражения, принадлежит едва ли не первое место. В составе фразеологизмов и афоризмов русского языка можно найти как простые выражения, почерпнутые литературным языком из живого просторечия и устного народного творчества, так и цитаты или их обломки, употребленные без ссылки на источник или автора, которому они принадлежат или еще пословицы, поговорки, речения.

Словарный состав языка определяет возможности для выражения тех или иных понятий или предметов, для их точного и выразительного обозначения.

Фразеологизмы и афоризмы являются неотъемлемой частью лексической системы любого языка. Данные языковые единицы обладают прагматическим потенциалом, поскольку при их употреблении в речи мысль говорящего выражается не только точнее, но и более информативно, образно и – самое главное – значительно эмоциональнее. Однако факты действительности приобретают культурно-ценностное значение только в процессе их осмысления говорящими.

Семантика языковой единицы не ограничивается одним лишь лексическим понятием. В фразеологизме или афоризме имеется и семантический компонент, который соответствует кумулятивной, накопительной функции.

Вокруг каждого компонента, особенно центрального, ключевого, складывается целый ряд информации.

Безэквивалентные и фоновые языковые единицы представляют собой наибольшие трудности в переводе, т.к. в них запечатлена внеязыковая действительность, которая отмечает всё самое существенное в прошлом и настоящем русского народа, все его достижения на многовековом пути развития, его взгляды, оценки, суждения. Все элементы материальной и духовной культуры социума закрепляются в языке и представляются чрезвычайно важной для носителей данной культуры.

Безэквивалентные и фоновые фразеологизмы и афоризмы русского языка отражают специфику культуры русского народа, следовательно, они являются хранителями национально-культурной семантики.

Таким образом, фразеологизмы и афоризмы как знаки вторичной номинации обладают особым культурно-ценностным потенциалом. В них ярко выражены различные концепты. В содержании фразеологизма и афоризма присутствует так называемый культурный компонент, тот «сгусток культуры», та информация, которая относится к специфике географических и природных условий жизни народа – носителя языка, его истории, экономике, искусству, быту, общественному устройству, национальной психологии и

другим национальным особенностям.

Г.В. Токарев выделяет различные способы вербализации культурных концептов посредством таких культурных кодов как антропоморфный, акциональный, биоморфный, фетишный, анемический [8]. Совокупность базовых концептов культуры формирует национальную картину мира.

Когнитивная организация перевода фразеологизмов и афоризмов должна осуществляться на основе данных лингвистики об типовых особенностях данных языковых единиц и анализа специфики ментальных структур вербального информирования у носителей языка реципиента.

Такой подход требует от переводчика достоверное понимание заключенного образа в фразеологизмах и афоризмах, т.е. их внутренней формы.

Внутренняя форма особенно у фразеологизмов находясь на периферии трех семиотических систем, включает прямое или денотативное значение, коннотативное или образное значение и метаязыковое значение.

Внутренняя форма в одних фразеологизмах является прозрачной, следовательно, доступной для перевода и усвоения носителям языка реципиента, а в других она затемнена.

Фразеологизмы с внутренней формой представляют ее в виде образа, который появляется как ассоциативная связь между значением слов свободного употребления и значением оборота в целом. Можно заключить, что внутренняя форма выполняет роль посредника, т.е. образного представления фразеологического значения.

Подчеркнем, что внутренняя форма присуща лишь тем фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание, на его лексический состав и выполняющий на его фоне понятийный и метафорический эффект, например, *прийти в голову, вилять хвостом, махнуть рукой* и т.д. [2].

К числу фразеологизмов и афоризмов с культурным компонентом семантики принадлежат, прежде всего, безэквивалентные выражения, которые невозможно перевести. Они ценны с точки зрения лингвокультурологии, т.к. отражают самое специфичное в русской культуре.

Культурный компонент имеют фразеологизмы и афоризмы с коннотативным наполнением, которые не только сообщают информацию, но и оказывают эмоциональное воздействие. Так, например *путевка в жизнь* – это не просто «оказание поддержки в начале какой-либо деятельности», но и указание на одноименный популярный советский фильм [1].

Наконец, культурный компонент содержат фразеологизмы и афоризмы с фоновым наполнением, выражающие совокупность знаний, сопряженных со словом, и эта совокупность называется фоном. Например, *получить прокол* – это не только означает «сделать промах и получить за него наказание», но и отсылает к известным обстоятельствам вождения автомобиля в России [1]. Семантика компонентов, т.е. их внутренняя форма на основе которой развивается фразеологическое значение, имеет национально-культурную

значимость.

Культуроведческая ценность фразеологизмов и афоризмов выражается по-разному.

Во-первых, компоненты фразеологизма или афоризма могут отражать национальную культуру комплексно, т.е. всеми своими элементами, взятыми вместе. Например: *Нести вахту; Похвальная грамота; Бить в набат; Казанская сирота; Красный уголок; Сбрасывать со счетов; Чувство локтя; Мамаево побоище; Дорог хлеб, коли денег нет; В гостях хорошо, а дома лучше; Дело мастера боится; Век живи – век учись* и др. [2], [4].

Во-вторых, они могут отражать национальную культуру расчлененно, элементами своего состава. Например : *как аршин проглотил; во всю Ивановскую; на ять; косая сажень в плечах; погиб, как швед под Полтавой; Без блина не маслена, без пирога не именинник; Голодному Федоту и щи в охоту; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Москва не сразу строилась; Незванный гость хуже татарина; В Тулу со своим самоваром не ездят* и др. [4]

В-третьих, они могут отражать русскую национальную культуру своими «прототипами», т.е. свободными сочетаниями слов с прямым смыслом. Именно генетический прототип является хранителем и источником культуроведческой информации. Например, выражения о русской традиционной грамоте: *Начать с азов; Ни знать ни аза; От доски до доски; От корки до корки; С красной строки* и т.д. [2].

Русский и арабский языки относятся к совершенно разным языковым семьям, однако в обоих языках могут оказаться фразеологизмы и афоризмы, близкие не только по своей семантике и образности, но и по структуре.

В этой связи от переводчика требуется не только владение словарным составом, грамматическим строем и стилистическими особенностями языка реципиента, но и вообще мыслить на данном языке, учитывая тот факт, что фоны двух или более языков являются неполноэквивалентными.

Как правило, фразеологизмы и афоризмы, особенно с образной основой не имеют эквивалента в языке реципиента и потому с трудом поддаются дословному переводу. Тем не менее фразеологизмы и афоризмы с выводимой внутренней основой, носящей интернациональный характер, передаются из языка в язык без особых трудностей, сохраняя свою внутреннюю форму, например: *Вставлять палки в колеса – وضع العصى في الدواليب; Между двух огней – بين نارين; Глаз за глаз, зуб за зуб – العين بالعين والسن بالسن; Называть вещи своими именами – سمى الأشياء بمسمياتها; Читать между строк – قرأ ما بين السطور* и т.д. [9].

Данные фразеологизмы и афоризмы являются продуктом взаимосвязи и взаимовлияния различных народов.

Фразеологизмы и афоризмы с маркированными культурными концептами представляют наибольшие трудности для перевода с русского на арабский язык.

Вербальные знаки данной группы языковых единиц могут иметь

соответствия в арабском языке, но их лексический состав и образность могут полностью совпадать или полностью расходиться, состав может характеризоваться совпадением одной лексемы или различием лишь одного понятийного компонента, например: *Одним миром мазаны* – *من طينة واحدة* (Из одной глины); *Бить баклуши* – *نش الذباب* (Разгонять мух); *Родиться в сорочке (рубашке)* – *ولد في ليلة القدر* (Родиться в ночь предопределения) и т. д. [9].

Последний фразеологизм и его эквивалент в арабском языке означают быть везучим во всём, для славянских народов счастливая жизнь будет, если младенец родиться в сорочке, т.е. в плодном пузыре, а для мусульманских народов счастливый будет тот, кто родился в ночь предопределения, т.е. в один из последних дней Рамадана. Как видно, данные языковые единицы и их эквиваленты в арабском языке коннотативно насыщены, поскольку в них отражена психология, образ мышления, специфические условия развития материальной и духовной жизни данного народа.

Безэквивалентные фразеологизмы и афоризмы являются недоступными для перевода на язык реципиента, поскольку в них запечатлена внеязыковая действительность, например, *Турусы на колесах* – *كلام قفش* (вздор); *Лантем щипать хлебать* – *شظف الحياة* (Жить в нищете) и т.д.

В данном случае переводчику надобно прибегнуть к описательному переводу вместе с лингвокультурологическим комментарием особенно в рамках фразеографической деятельности.

Наше исследование показало, что большое количество русских фразеологизмов и афоризмов с трудом поддаются переводу на арабский язык в связи с тем, что данные языковые единицы как знаки вторичной номинации отражают маркированные культурные концепты.

Перевод фразеологизмов и афоризмов в рамках когнитивного направления предполагает, с одной стороны, семантическое моделирование данных языковых единиц, т.е. в анализе их понятийного компонента с целью выявления имплицитных моментов их содержания, которые затрудняют их правильное восприятие и употребление в языке реципиента, с другой стороны, в выявлении их культурно-ценностного потенциала с целью адаптации культурных концептов в языке перевода. От переводчика требуется достоверный анализ специфики ментальных структур вербального информирования у носителей языка реципиента.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., доп. и перераб., – М., 1990. – 246 с.
2. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И. Молотком. 3-е изд., стереоп., – М., 1978. – 544 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994, № 4. – С. 17.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 2-е изд., стереоп. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 535 с.

5. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод. – Вопросы художественного перевода. Сб. статей. – М., 1955. – С. 126–127.
6. Лузина Л.Г. Язык и национальная идентичность. Языкознание. М.: ИНИОН РАН, 2005. – 80 с.
7. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. – СПб.: «Антология», 2007. – 256 с.
8. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта "Труд" в русском языке). – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 12.
9. Фавзи А.М., Шкляр В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1990. – 614 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается мультимодальный дискурс как объект изучения лингвистических дисциплин в современном языкознании. Для изучения и анализа мультимодальной коммуникации предлагается введение понятия мультимодальный концепт как оперативной единицы обыденного знания. Рассматриваются некоторые особенности мультимодальной коммуникации, такие как одновременность речевого и воплощенного действия, аналепсис.

Ключевые слова: мультимодальный дискурс, дискурсивная практика, когнитивная лингвистика, концепт

V.S. Grigorieva
(Tambov, Russia)

MULTIMODAL COMMUNICATION: PROBLEMS AND RESEARCH PROSPECTS

The article considers multimodal discourse as an object of study of linguistic disciplines in modern linguistics. For the study and analysis of multimodal communication, it is proposed to introduce the concept of a multimodal concept as an operational unit of everyday knowledge. Some features of multimodal communication are considered, such as the simultaneity of speech and embodied action, analepsis.

Key words: multimodal discourse, discursive practice, cognitive linguistics, concept

Языковые действия, как правило, осуществляются в мультимодальных формах. И разговоры, и тексты не являются мономодальными коммуникативными акциями, а воспринимаются в виде мультимодальных практик и артефактов. Помимо языка важную роль в развитии значения в контексте играют модальности выражения, такие как жесты, мимика, поза и движения тела, голос, т.е., в основном, телесность [6; 16], а также письменные изображения, картинки, смайлики и многое другое [2; 7].

Исследование мультимодальных коммуникативных практик — также в результате визуального поворота в лингвистике — все больше определяет ландшафт лингвистических исследований. В этом контексте мы можем наблюдать в последние годы появление лингвистических (иногда пересекающихся) субдисциплин, теоретико-методологический аппарат которых специально ориентирован на мультимодальные коммуникативные форматы: например, анализ мультимодального взаимодействия [13; 11; 10; 12], мультимодальная когнитивная лингвистика [10; 5], мультимедиаальная

стилистика [14; 8; 15], в которой изучается функционирование в интернет-коммуникации знаков различной семиотической природы (вербальных и невербальных, буквенных и небуквенных), а также знаков различных кодов — цвета, шрифта, символов и т.п. С точки зрения лингвистической когнитивистики и прагматики возникает вопрос, какое место в этом развитии занимают когнитивно-прагматические темы, теории и объекты анализа.

Такая постановка вопроса вызвана не в последнюю очередь большим количеством «новых» мультимодальных данных, появившихся в ходе технического прогресса в последние годы. Прагматический анализ общения в WhatsApp, зум-записей, интернет-мемов, историй в Instagram или видеопостов на TikTok открывает новое понимание мультимодальной конституции центральных прагматических явлений, таких как юмор, экспрессивность, дейксис, вежливость или позиционирование. «Природа мультимедиального кода, опирающегося на синкретизм в создании текста и мультимодальность его восприятия, настолько сложна, что может приводить к непредсказуемым эффектам» [9, с. 20]. К перечисленным типам общения следует отнести также форматы взаимодействия в офлайн-сетях или различные проявления городского письма (публичные подписи, граффити, меловые проекты и т.д.), которые делают возможным освещение мультимодальной формы коммуникации с прагмалингвистической и когнитивной точки зрения.

В мультимодальную коммуникацию необходимо также включение внеязыковых фонационных средств, как и вообще всех тех явлений, которые изучаются паралингвистикой. Они могут описываться подобно средствам языковым, т.е. в единстве их плана выражения и плана содержания. Процесс языковой коммуникации, таким образом, может включать в себя использование средств вербальных, как основных, и средств невербальных как дополнительных или как компенсаторных. При этом следует отметить, что функции невербальных компонентов по своей природе более прагматичны, чем семантически.

Перечисленные виды коммуникации обуславливают актуальность рассмотрения коммуникативных ресурсов, используемых совместно для представления смысловых высказываний в контексте, мультимодальных конструкций, репрезентирующих тот или иной смысл и приобретающих конкретное значение в определенной коммуникативной ситуации. Разные способы представления знаний, их взаимодействие предполагают разработку конкретных методологических и теоретических установок изучения проблем мультимодальной прагматики и когнитивистики. Задача исследования мультимедийного кода языка видится не только в формулировании идеи новой отрасли лингвистики, аспектов ее изучения, но и в необходимости изучения смыслов, которые он может породить.

Представляется, что объединяющим фактором названных учений могла бы послужить разработка *мультимодальных концептов*. Под мультимодальным концептом мы понимаем в соответствии с определением концепта Н.Н. Болдыревым (см.: [1, с. 47]) оперативную единицу обыденного и/или

теоретического знания, в которой осмыслен и репрезентирован опыт межличностного взаимодействия человека, включая знания о мимике, жестах, тактильных действиях, телодвижениях, бытовом поведении индивидуумов.

В социальном взаимодействии мультимодальные ресурсы последовательно и одновременно координируются как на внутриличностном (индивидуальная картина мира), так и на межличностном (коллективная картина мира) уровнях. Мультимодальная координация может принимать различные формы. Различные ресурсы организации социального взаимодействия, представленные в интегративном формате диалогического общения, могут послужить разработке методики способов внесения речевого вклада в различных типах коммуникации.

Мультимодальный концепт материализуется в той или иной мультимодальной практике, изучение и классификация которых представляет собой обширное поле для современных лингвистических исследований. Разработка и описание моделей мультимодального общения, несомненно, будет способствовать его эффективизации. Разработка основных правил мультимодального общения связана с переосмыслением таких понятий как язык, текст, дискурсивная практика, социокультурное поведение и общение. С лингвистической точки зрения термин «мультимодальная дискурсивная практика» является описательным и онтологически более адекватным базовым понятием, рассматривающим не отдельные речевые действия, а социальное взаимодействие в целом. При этом формы инициации разговора, предоставления права говорить, завершения беседы являются основными строительными блоками социального взаимодействия. Практика характеризуется контекстно-зависимым использованием определенных лингвокоммуникативных форм как ресурсов решения фундаментальных задач построения взаимодействия и производства определенных речевых акций. Их телесно-воплощенный характер требует целостного анализа их образных и мультимодально скоординированных структур. В этой связи примечательно представление речевых клише, стандартных выражений речевого этикета в немецком языке в контексте с описанием и изображением национально-специфической мимики и жестов в немецко-русском словаре речевого общения М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского [3].

В совместном взаимодействии мультимодальные ресурсы последовательно и одновременно координируются, как на внутриличностном, так и на межличностном уровне. Мультимодальная координация может принимать различные формы. *Мультимодальные гештальты* возникают из координации разговора и других ресурсов, таких как взгляд, жест, движение тела и манипулирование объектами. Мультимодальные гештальты – это не просто комбинации нескольких средств: они демонстрируют временный порядок в отношении начала и продолжительности использования отдельных кодов коммуникации. В таких случаях различные ресурсы не развертываются точно одновременно, а частично дублируются; они адаптированы друг к другу в

паттернах, характерных для мультимодального гештальта. Из-за систематической асинхронности многочисленных используемых ресурсов, которая характерна для мультимодальных гештальтов, их границы часто нечеткие. Ресурсы, начало которых предшествует другим, могут проецировать дальнейшую траекторию всего гештальта, тем самым позволяя получателям инициировать ранние ответы до завершения действия, которое гештальт должен реализовать [17].

Основным пониманием социального взаимодействия является последовательный характер разговора во взаимодействии. Тем не менее, исследования мультимодального взаимодействия показали, что одновременные отношения между воплощенным поведением и разговором в равной степени конституируют действие во взаимодействии. Так, например, формат дискурсивной практики *Darf / Kann ich? Can I / May I? Могу ли я / Можно?* предполагает его использование для реализации различных интенций, таких как, например, запросы на разрешение, запросы на объекты и предложения. Используя его, спикеры приписывают получателям право принимать решение о будущем курсе совместных действий. Соответственно, можно было бы ожидать, что телесное действие, репрезентируемое высказыванием *Darf / Kann ich? Can I / May I? Могу ли я / Можно?* – производится только *после* завершения речевого акта. Просьба, ее представление и ее выполнение должны быть строго упорядочены по времени: (1) *Darf / Kann ich? Can I / May I? Могу ли я / Можно?* – говорящий запрашивает разрешение на предполагаемое действие, (2) получатель дает добро на предполагаемое действие, (3) запрашивающее лицо повторно подтверждает и производит предполагаемое действие. Однако действие, рассматриваемое в *Darf / Kann ich? Can I / May I? Могу ли я / Можно?* в подавляющем большинстве случаев не производится после отмашки получателя. Вместо этого говорящие часто уже инициируют или даже завершают воплощенное действие, адресованное в этом формате, одновременно со своим высказыванием. Примером могут служить действия студента, вошедшего в аудиторию и запрашивающего разрешение на уже осуществленное действие: «Можно войти?» Прагматично воплощенное действие предполагает, что его допустимость уже интерсубъективно установлена, в то время как вербальное действие точно направлено на получение интерсубъективного согласия. Таким образом, воплощенное проявление агентности предвосхищает или даже предполагает интерсубъективность допустимости действия. Лингвистический формат демонстрирует низкую деонтическую позицию, потому что получатель позиционируется как обязанный принять решение о дальнейшем курсе действий. Тем не менее, воплощенные действия говорящего во время реализации речевого действия претендуют на высокую свободу воли путем самоинициации или даже завершения действия, на которое испрашивается разрешение.

Рассмотрим еще одну особенность мультимодального дискурса. В мультимодальном взаимодействии широко распространен «бережливый синтаксис», то есть пропуск аргументов и словесных фраз, считающихся

обязательными в нормативных грамматиках. *Аналепсис* является дискурсивным явлением: фразы могут быть опущены, если у них есть предшествующие аналоги в предыдущем разговоре, который все еще структурно латентен, то есть доступен для собеседников. Иными словами, это обращение к ранее описанным в тексте событиям, фактам, явлениям. Можно утверждать, что аналепсис опирается на последовательность. Основными вариантами аналепсиса являются тематическое опущение (о тематической организации дискурса см.: [4]), аналептические ответные действия, например, *я буду, я делаю* в ответ на полярные вопросы. Аналепсис, многоточие и прономинализация дейктическими или анафорическими местоимениями зависят от доступности референтов в момент производства речевых действий к более ранним высказываниям, репрезентирующим знания реципиентов.

Проецируемость действия является еще одним интерактивным фактором, который имеет решающее значение для синтаксической сложности мультимодального общения. Например, в мультимодальном дискурсе наряду с более сложной синтаксической структурой, используются «минимальные» форматы для запроса, если запрашиваемое действие является проецируемым шагом. Производятся ли такие запросы невербально или речевыми действиями, зависит от того, насколько проецируемыми оказываются референты запроса. Степень проецируемости запрашиваемого действия для получателя в рамках совместной деятельности может быть проиндексирована синтаксической сложностью форматов, таких как, например, императивы. Синтаксическая сложность также может зависеть от диспозиции или ожидания предпочтительного ответа. Так, например, исследование форматов «*Хотите ли вы...?*», «*вы хотите...?*» и «*хотите...?*» показало, что более минимальные формы (без местоимений и знаменательных слов) маркируют предпочтительность утвердительного ответа.

Таким образом, можно констатировать, что форматы «*Darf / kann ich? Can I / may I? Могу ли я / Можно?*» демонстрируют пропуск и прономинализацию аргументов объекта, а иногда и словесных фраз. Такие опущения строятся на последовательной доступности и взаимной визуальной значимости референтов, а иногда и действий, которые, как правило, являются ожидаемыми.

Исследования мультимодального взаимодействия показали, что для социального действия характерна одновременность воплощенного поведения и разговора. Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости учета познаний при анализе разговора, поскольку они играют главную роль при анализе действий и проявлений понимания. Реконструкция выводов, касающихся возможного понимания и намерений говорящего требует абдуктивного умозаключения, которое включает знание намерений как предпосылок поведения говорящего и их интерпретации. Изучение когнитивных процессов организации диалога, его понимания открывает доступ к дополнительным значениям и мотивации коммуникации, ее скрытым предпосылкам. Для восстановления реальных оснований наблюдаемых речевых

действий необходимо детальное исследование социальных условий, мотивов и целей общения.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
2. Волоскович А.М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридизации // Вестник МГЛУ. – 2011, № 611. – С. 25–35.
3. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. – 331 с.
4. Григорьева В.С. Тематическая организация диалогического дискурса // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. – Ставрополь-Пятигорск. – 2006, № 4. – С. 151–156.
5. Григорьева В.С. Речевое общение в аспекте взаимодействия когнитивных и языковых структур // Когнитивные исследования языка. 2012, № 12. – С. 82–92.
6. Ирисханова О.К. Концептуализация социальных действий в глаголах и жестах // Когнитивные исследования языка. – 2023, № 3 (54). – С. 620–627.
7. Киосе М.И. Лингвокреативность вторичного дискурса: влияние фактора полимодальности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023, № 2. – С. 5–16.
8. Клушина Н.И., Николаева А.В. Введение в интернет-стилистику. – М.: Флинта, 2020. – 240 с.
9. Клушина Н.И. Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2020. – № 6 (84). – С. 19–25.
10. Полимодальные измерения дискурса. под общ. ред. О.К. Ирисхановой. / Сер. *Studia Philologica*. (2-е изд.) – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 448 с.
11. Прокофьева О.Н., Ирисханова О.К., Киосе М.И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса; под общ. ред. О.К. Ирисхановой. – М.: Издательский Дом ЯСК (сер. *Studia Philologica*), 2021. – С. 63–109.
12. Романов А.А. Управленческая коммуникация. – Тверь: АО Тверьэнерго, 1996. – 239 с.
13. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая имиджелогия. – Тверь: ТГСХА, ТИЭМ, 1998. – 244 с.
14. Тошович Б. Мультимедиаальная стилистика // Мултимедијална стилистика. – Бая Лука, 2018. – С. 131–152.
15. Чернявская В.Е. Медиаальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского университета, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialnyupovorot-v-lingvistike-polikodovye-i-gibridnye-teksty/> (дата обращения: 13.06.2023)
16. Deppermann A. Retrospection and understanding in interaction // A. Deppermann / S. Günthner (Hg.): *Temporality in Interaction*. – Amsterdam, 2015. – P. 57–94.
17. Deppermann A., Gubina A. When the Body Belies the Words: Embodied Agency With darf / kann ich? (May / Can I) in German // *Frontiers in Communication. Sec. Language Sciences*. 2021. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2021.661800/full> (дата обращения: 13.06.2023)

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

С.С. АВЕРИНЦЕВ О ЯЗЫКЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается центральная тема исследований классика современной филологии академика С.С. Аверинцева (1937-2004). Это освоение культурой нового христианского содержания и его отражение в формах языка. Этот процесс показан у С.С. Аверинцева как модель пара-фраза и пара-докса как формам трансцендирования сознания для открытости евангельской Вести. Благодаря этому язык приобретает новое внутреннее измерение как средство духовной «инициации».

Ключевые слова: С.С. Аверинцев, язык, культура, христианство

V.Yu. Darensky
(Lugansk, Russia)

S.S. AVERINTSEV ON THE LANGUAGE OF CHRISTIAN CULTURE

The article deals with the central research topic of the classic of modern philology, academician S.S. Averintsev (1937-2004). This is the assimilation of a new Christian content by culture and its reflection in the forms of language. This process is shown by S.S. Averintsev as a model of paraphrase and paradox as a form of transcending consciousness for the openness of the Gospel Message. Thanks to this, language acquires a new inner dimension as a means of spiritual “initiation”.

Key words: S.S. Averintsev, language, culture, Christianity

Язык – это, конечно, средство общения,
но это и средство инициации тоже.

*Аверинцев С.С. Язык как совместное
обладание эпох и поколений*

Центральной темой исследований классика современной филологии академика С.С. Аверинцева (1937-2004) была проблема освоения культурой нового христианского содержания и его отражение в формах языка.

В «Поэтике ранневизантийской литературы» С.С. Аверинцевым была показана модель пара-фраза и пара-докса элементов языческой культуры, которые благодаря такому преобразованию становятся формами само-трансцендирования сознания для открытости евангельской Вести. В качестве примера того, как это конкретно происходит, приведем характеристику С.С. Аверинцевым отношения Псевдо-Дионисия Ареопагита к слову: «только оспаривающие друг друга слова, только противоборствующие друг другу метафоры создают, так сказать, силовое поле, косвенно порождающее в уме

читателя нужный смысл или нужный образ. “Свет”, который есть “мрак”, и “мрак”, который есть “свет”, – это не просто отвлеченный тезис идеалистической диалектики, но одновременно всей силой гипнотизирующих повторов, тавтологий и прочих эмоциональных раздражителей навязанная воображению невообразимость, внедренное в психику человека противоречие, которое призвано «преобразить» эту психику. Слова должны усиливать друг друга интонационно и вытеснять друг друга содержательно и образно... перед нами самая последняя, сверхцивилизованная стадия тысячелетних путей античной риторики, ее приход к своему концу, к своему пределу – доведение себя самой до абсурда. Но одновременно это ее возврат к своему истоку и началу, к своей первоначальной наивности и невинности, к самому первобытному и первозданному, что только может быть, – к поэтике загадки» [5, с. 145-146]. Как видим, С.С. Аверинцев специально здесь выделяет особый парадокс, который можно назвать «парадоксом формы» – её крайнее усложнение неизбежно затем приводит к её предельному упрощению и архаизации. Но это позитивная архаизация, вскрывающая архетипические основания, на которых затем уже может основываться и вырасти новая культура.

Если речь идет о конкретном «механизме» восприятия христианского откровения, то здесь, как пишет С.С. Аверинцев, важнейшую роль играет сам язык Церкви. В статье «Язык как совместное обладание эпох и поколений» он писал: «Важно понимать и фиксировать мистериальный характер богослужебного текста. Язык – это, конечно, средство общения, но это и средство инициации тоже... язык православных песнопений, православного богослужения и православного богословия искони переполнен терминами, касающимися “мистагогической” реальности инициации» [7, с. 55].

Но как вырастает и структурируется этот новый тип христианской культуры? Он основан на трансформации традиционных форм культуры, прошедших позитивную архаизацию для нового синтеза, который представляет собой, как пишет С.С. Аверинцев, новое «сквозное единство по вертикали, сверху донизу: от самого общего до самого частного, от самого “умственного” до последней словесной конкретики. Уровни – потому и уровни, что это уровни целого, их различенность обусловлена взаимосоотнесенностью... В этой книге высказывались догадки о связи между самыми различными вещами: – между политической идеологией ранневизантийской державы – и теорией символа у Псевдо-Дионисия Ареопагита, а также между обоими этими феноменами и практикой метафоры у ранневизантийских поэтов... между “учительным” умыслом ранневизантийских гимнографов – и разработанной ими системой метрики и аллитерации... между бюрократическим миром константинопольских писцов – и повышенной чуткостью к графическому облику литературного текста... между антиномиями христианской доктрины – и строфикой Романа Сладкопевца с характерной противопоставленностью основного текста и рефрена... между определенными традициями античной

мыслительной техники, реактуализованными Византией – и появлением стиховой рифмы в “Акафисте”» [5, с. 243].

Этот синтез имеет самый трудный момент всей «конструкции». Поскольку здесь в рамках одной культуры синтезируются две уже ранее существовавшие и противоположные по своим содержательным принципам – античная и библейская. Эту противоположность С.С. Аверинцев определяет так: «греческий “космос” покоится в пространстве, выявляя присущую ему меру; библейский “олам” движется во времени, устремляясь к переходящему его пределы смыслу» [1, с. 38]. Поэтому «Библия преодолевала натуралистический магизм отнюдь не для того, чтобы расчистить место отвлеченному религиозному эсперанто платоников, перипатетиков и стоиков, “Бог Авраама, Исаака и Иакова” не походил на “бога философов и ученых”. Но недоразумению, выявившемуся во времена Клеарха и Феофраста, предстояла долгая жизнь. Оно будет значимо не только для александрийского еврея Аристула (II в. до н. э.), верящего в тождество учения Торы и платоновско-аристотелевской доктрины, и не только для грека Нумения Апамейского (II в. н. э.) с его знамениты вопросом: “Что есть Платон, как не Моисей, говорящий по-аттически?”» [1, с. 43]. Культурный синтез, осуществленный Новым Римом, состоял в том, что «люди Востока, желавшие вынести на всемирный эллинистический рынок идей сокровища своей отечественной мудрости, обязывались предварительно облечь эти сокровища в упаковку греческих словесных форм – и по возможности также мыслительных форм. Время требовало толмачей» [1, с. 44]. В качестве очень показательного примера разницы между древнегреческой «диалектикой», требовавшей точных дефиниций, и библейским мышлением, основанном на принципе подобия, С.С. Аверинцев пишет следующее: «Можно прочесть весь Ветхий Завет от корки до корки и не найти там ни одной формальной дефиниции; предмет выясняется не через определение, но через уподобление по типу “притчи” (евр. *masal*). Освященная тысячелетиями традиция построения высказываний продолжена и в Евангелиях: “Царство Небесное подобно” тому-то и тому-то – и ни разу мы не встречаем: “Царство Небесное есть» то-то и то-то”» [2, с. 337].

Собственно, этот синтез условного античного языческого «Запада» и библейского «Востока», осуществленный православным Новым Римом, был основной культурологической и историософской темой С.С. Аверинцева. Он писал об этой самой ранней христианской цивилизации Ближнего Востока так: «В начале первого тысячелетия нашей эры впервые проступают черты новой культурной общности, отличной от всего, что было раньше и что придет затем. Это была настоящая общность, четко идентифицируемая на типологическом уровне, осязаемая на уровне исторической эмпирии, – творчество сирийцев, коптов и сопредельных народов, пользовавшихся как собственными языками, так и греческим языком, доставшимся в наследство от эллинизма как средство международного общения, осуществляло себя в непрерывном сотрудничестве и обмене... В землях и городах, лежавших на границе между Римской и Персидской империями, воля к самобытности, отталкиваясь как от греко-

римского язычества, так и от иранского зороастризма, имела в христианстве желанного союзника» [4, с. 5-6]. Основную интенцию этой первой в мире христианской культуры С.С. Аверинцев определил так: «Культура “христианского Востока”, глубоко разочарованная неправдой, несвободой, теснотой, ощущаемой людьми той эпохи во всех земных делах, искала потустороннего; но она уравнивала эти свои порывы удивительно конкретным ощущением присутствия потустороннего в посюстороннем – вот здесь, рядом. Для сирийцев и коптов присутствие это было таким осязаемым, плотным, почти грубым, как едва ли для кого еще» [4, с. 15]. Это не «спиритуализм» в западном смысле слова – как уход от реальности в мистику – а наоборот, преображение мирского бытия и человека.

Работы С.С. Аверинцева по русской и современной западной культуре достаточно многочисленны. Одну из своих статей он посвятил «христианским писателям Германии, которые имели мужество последовательно противостоять духу мещанского шовинизма и конформистского “единомыслия” как в фашистском его варианте, так и в респектабельном псевдорелигиозном облики» [3, с. 114]. Как видим, общим признаком христианских писателей в XX веке С.С. Аверинцев и на Западе усматривает такое же точно противостояние «единомыслию» обезбоженного мира, как это в ещё более радикальной форме происходило в СССР. При этом он отмечает их очень трагическое положение вследствие невозможности создать «большой стиль» христианского искусства в том новом мире без Христа, который создал Запад в XX веке: «Интеллигентные новообращенные в Германии как раз и воплощают свою веру в своем творчестве, в несколько отвлеченной сфере чуть стилизованных образов... Перед нами достаточно различные писатели, но на словесной ткани их книг лежит общий отпечаток торжественного архаизаторства, благородного эпигонства, заставляющего вспомнить так называемое Бевронское искусство – попытки немецких монахов-бенедиктинцев второй половины прошлого века создать новый сакральный стиль путем обращения к египетским формам, к греческой архаике, к романскому средневековью. Мы увидим, как налет этот постепенно улечивается; и когда от него не остается ровно ничего, о “христианском направлении” уже невозможно говорить как о направлении литературном» [3, с. 113]. Здесь термин «Бевронское искусство» используется С.С. Аверинцевым как метафора «большого стиля» христианского искусства, который стал невозможным в секуляризованном обществе, но остается путь индивидуальных стилей передачи библейской Вести.

В заключение стоит отметить ещё один важный культурный парадокс, сформулированный С.С. Аверинцевым относительно сути существования христианской культуры уже в наше время. Он писал о том, что в современную эпоху «книги христианских поэтов и философов должны быть компенсацией утрат в области христианства как жизненной реальности»; но, с другой стороны, для христианской философии «специфическая опасность – искать не жизни во Христе, а, так сказать, христианского мировоззрения, что слишком

часто близко к понятию христианского “дискурса”. То, что рождается из чтения книг, изначально заражено “книжностью” и рискует остаться переживанием читателя, только читателя (как сказал однажды Поль Валери, “когда-нибудь мы все станем только читателями, и тогда всё будет кончено”») [6, с. 431-432]. Таким образом, христианская культура, особенно в эпоху секуляризации, *de facto* может становиться своего рода «компесатором» отсутствия христианской жизни. А с другой стороны, задача христианской культуры – провоцировать пробуждение христианской жизни, вторгаться в обыденность в качестве смысловой трансценденции. Благодаря этому язык культуры как носитель сакральных смыслов приобретает новое внутреннее измерение как средство духовной «инициации».

Литература

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13–75.
2. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 329–346.
3. Аверинцев С.С. Литература христианского направления в ФРГ // Философия. Религия. Культура: Критический анализ современной буржуазной философии. – Москва: Наука, 1982. – С. 104–134.
4. Аверинцев С.С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Москва: Наука, 1985. – С. 5-20.
5. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 478 с.
6. Аверинцев С.С. Христианская философия как проблема для себя самой // Человек. История. Весть. – Киев: Дух и Литера, 2006. – С. 427–441.
7. Аверинцев С.С. Язык как совместное обладание эпох и поколений // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции (Москва, сентябрь 1998 г.). – Москва: СФИ, 2002. – С. 47–55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ПРИНЦИПЫ ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В юрислингвистике принято выделять процессуальные (правовые) и методические принципы судебной лингвистической экспертизы. Правовые принципы производства экспертных исследований закреплены в Законе Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности». В связи с возросшими требованиями, предъявляемыми к качеству заключений эксперта, нами обоснованы методические принципы производства судебных лингвистических исследований экстремистских материалов. К методическим относят принципы надлежащего объекта экспертизы, недопущения выхода за пределы компетенции эксперта, комплексного анализа текста, приемлемых источников, однозначности выводов и отсутствия размытия понятий и доступности изложения экспертного заключения.

Ключевые слова: юрислингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, принципы производства судебной лингвистической экспертизы, экстремизм.

A.L. Dziadzinkin
(Vitebsk, Belarus)

**PRODUCTION PRINCIPLES FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE
ON CASES OF EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

In legal linguistics, it is customary to distinguish procedural (legal) and methodological principles of forensic linguistic expertise. The legal principles of expert research are enshrined in the Law of the Republic of Belarus «On Forensic Expert Activity». Due to the increased requirements imposed on the quality of expert opinions, we have substantiated the methodological principles of the production of forensic linguistic studies of extremist materials. The methodological principles include the principles of the proper object of expertise, the prevention of going beyond the competence of the expert, a comprehensive analysis of the text, acceptable sources, unambiguity of conclusions and the absence of blurring of concepts and accessibility of the presentation of the expert opinion.

Key words: legal linguistics, forensic linguistic expertise, principles of forensic linguistic expertise, extremism

В широком смысле принципы представляют собой организующие идеи, требования и правила, которыми следует руководствоваться в той или иной сфере. В таком случае принципы судебной экспертизы – это руководящие положения, регулирующие наиболее существенные стороны экспертной деятельности, а также требования, предъявляемые к самому экспертному исследованию.

В юрислингвистике принято выделять процессуальные (правовые) и

методические принципы судебной лингвистической экспертизы [2; 5]. Правовые принципы являются универсальными, т.е. характерны для любого вида экспертной деятельности. В свою очередь методические принципы определяют особенности производства экспертиз того или иного рода (в нашем случае – лингвистических).

Правовые принципы производства экспертных исследований закреплены в Законе Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» [6]:

1. Принцип законности (обязывает неукоснительно следовать установленному порядку назначения и производства судебной экспертизы, совершать процессуальные действия на основании закреплённых норм).

2. Принцип соблюдения интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица (запрещает применять методы, опасные для жизни и здоровья или унижающие честь и достоинство физического лица, деловую репутацию гражданина или юридического лица).

3. Принцип независимости судебного эксперта (исключает воздействие на него со стороны органов и лиц, заинтересованных в исходе исследования).

4. Принцип объективности, всесторонности и полноты проведения судебных экспертиз, допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении (определяет научную обоснованность и валидность методик, правомерность их применения, соответствие выводов эксперта современному уровню развития науки).

В связи с возросшими требованиями, предъявляемыми к качеству заключений эксперта, нами обоснованы методические принципы производства судебных лингвистических исследований экстремистских материалов.

Качество лингвистического исследования в первую очередь зависит от соблюдения принципа надлежащего объекта экспертизы [4, с. 234], в соответствии с которым:

1. Объект должен представлять собой вербальный или креолизованный текст, где используются средства белорусского или русского языков. В случае направления на экспертизу текстов на других языках, должны прилагаться соответствующие верифицированные переводы. При этом эксперт должен указывать, что исследованию подвергается именно перевод речевого произведения. На наш взгляд, выводы эксперта в таком случае не могут быть категоричными, так как на перевод текста влияет личность самого переводчика, осуществляющего перекодировку информации на другой язык.

2. Не могут быть объектами судебного лингвистического исследования по делам об экстремизме речевые произведения, которые:

- имеют одного адресата (вербальные правонарушения экстремистского толка носят исключительно публичный характер);

- представляют информацию в форме выраженного мнения (только информация в форме утверждения о фактах может иметь правовую квалификацию);

- являются историческими источниками (запечатлённые в документах, к примеру, факты Холокоста не являются сами по себе призывом к разжиганию вражды по национальному признаку, а лишь отражают реалии прошлого);

- отображают действительность в художественной форме (высказывания, содержащиеся в таких текстах, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции, обобщённость образов является препятствием для их референции с нормами антиэкстремистского законодательства).

3. Объём материалов должен быть оптимальным. Полагаем, что для одного эксперта количество страниц печатной продукции (это касается и расшифровки звучащей речи) не должно превышать двадцати, а количество единиц креолизованных текстов – десяти. Временной период подготовки заключения при таком объёме должен составлять не менее двух недель. Предложенные количественные показатели определены автором диссертационного исследования эмпирическим путём в результате систематического выполнения судебных лингвистических исследований на протяжении шести лет. В случае если объём материала значителен, то необходимо назначение комиссионной экспертизы.

4. В рамках одного постановления о назначении экспертизы на исследование должны направляться только однородные объекты. Если же эксперт вынужден одновременно работать, к примеру, с текстами-примитивами и видеоматериалами, то может произойти «смешение» методов анализа, что приведёт к снижению качества исследования.

5. Материал должен быть предоставлен в форме, позволяющей осуществить лингвистический анализ объекта. Технические шумы или низкое качество звука в аудио- и видеоматериалах не должны стать препятствием для исследования. Соответственно, на экспертизу следует направлять также расшифровку звучащей речи в печатном виде.

6. К тексту из сети Интернет должны прилагаться протокол осмотра объекта, а также «скриншоты» соответствующих страниц вместе со всеми имеющимися комментариями, чтобы эксперт мог определить широкий контекст.

7. Эксперт должен анализировать текст целиком. Если ему предоставлены фрагменты речевого произведения, то он обязан направить ходатайство об ознакомлении с дополнительными материалами.

8. Речевой материал должен быть направлен на исследование в форме, исключающей возможность его подмены (надлежащим образом упакован, снабжен пояснительными надписями и печатями). Тексты не должны содержать купюр, признаков монтажа или какого-либо другого воздействия.

Принцип недопущения выхода за пределы компетенции эксперта предполагает, что в ходе лингвистической экспертизы должны решаться только проблемы языкового анализа спорных текстов. Решение экспертом иных вопросов поставит под сомнение рассмотрение его заключения в суде в качестве источника доказательства.

Чтобы изначально устранить потенциальную проблему, инициаторы судебной экспертизы должны формулировать вопросы так, чтобы эксперт имел право на них отвечать исходя из характера своих специальных знаний. В связи с этим, не станет лишним предварительное обсуждение двумя сторонами перечня вопросов, который будет отражен в постановлении.

Отметим, что в компетенцию лингвиста не входит юридическая квалификация выявленных в ходе экспертного исследования фактов.

Важно разграничить полномочия эксперта, дающего заключение на основе специальных знаний, и субъекта, квалифицирующего речевой акт как правонарушение. Очевидно, что определение признаков экстремизма – это прерогатива правоохранительных органов. Следовательно, при обнаружении в постановлении вопросов «Содержатся ли в тексте признаки, указывающие на экстремистский характер действий гражданина?», «Могут ли высказывания квалифицироваться как экстремистские?» эксперт должен указать, что понятие «экстремизм» является юридической категорией, а правовая оценка текста находится за пределами компетенции лингвиста. По той же причине перед экспертом нельзя ставить вопросы, исходя из содержания конкретной статьи того же Уголовного кодекса, т.е. ответ на вопрос «Имеются ли в тексте высказывания, содержащие признаки правонарушения, предусмотренные статьёй 130 УК Республики Беларусь?» также будет находиться за пределами его компетенции. Эксперт-лингвист, к примеру, может выделить в конфликтном тексте оскорбительную характеристику, но не должен устанавливать сам факт оскорбления или же может определить лингвистические маркёры фейковой информации, но не имеет права формулировать вывод о наличии признаков дискредитации государства.

Эксперт-лингвист не должен вторгаться в сферу смежных областей гуманитарных наук.

Безусловно, лингвист может определить, имеются ли в речевом произведении высказывания, содержащие побуждение к тем или иным действиям, однако не вправе делать категорические выводы при ответе, к примеру, на следующие вопросы: «Способствует ли высказывание разжиганию вражды или розни?», «Направлена ли информация на побуждение адресата к совершению противоправных действий?». В связи с тем, что речевой акт может быть «неискренним», лингвистические методы не позволяют осуществить реконструкцию подлинных мотивов человеческой деятельности [1, с. 8]. Только психологический анализ способен установить, почему и для чего транслируется информация. Также лингвист не может решать вопросы, требующие специальных познаний в области истории, политологии, социологии и других гуманитарных наук. Приведём примеры подобных вопросов: «Используется ли в предоставленных материалах нацистская символика и атрибутика?», «Имеются ли в речевом произведении признаки антисемитизма (расизма) и т.д?».

Дискуссионным в юрислингвистике является вопрос о том, следует ли эксперту отвечать на вопросы, относящиеся к наивному лингвистическому знанию, которым обладает любой носитель языка. Мы однозначно полагаем, что при исследовании экстремистских материалов эксперт не должен делать никаких исключений. Во-первых, нет точных критериев содержания «наивного лингвистического знания», а во-вторых, только лингвист способен выявить имплицитные формы коммуникативного акта.

Исходя из того, что компетенция лингвиста не всегда является достаточной для всестороннего исследования экстремистских материалов, следует придерживаться принципа комплексного анализа текста. В результате специалисты разных профилей смогут оценить объекты с позиции собственных специальных знаний:

- лингвисты установят, что конкретно сказано, какой компонент значения выражен и какими языковыми средствами;
- психологи определяют направленность материала с точки зрения формируемых у адресата установок;
- историки, политологи, религиоведы соотнесут объекты исследования с доктринами экстремистских идеологий – нацизмом, расизмом, антисемитизмом, исламским джихадизмом и т.д.

Для подобного вида исследования предлагаем использовать в научном поле судебной экспертологии понятие «комплексная экспертиза экстремистских материалов».

Принцип комплексного анализа текста предполагает также и то, что высказывание, содержащееся в тексте, должно интерпретироваться с учетом максимального контекста. К примеру, если экспертизе подлежит совокупность вербальных и креолизованных текстов, принадлежащих одному автору, то кроме отдельного анализа каждого из объектов должна быть проведена их оценка на предмет связности и взаимозависимости.

Производство судебной экспертизы по делам об экстремизме должно осуществляться в соответствии с принципом приемлемых источников. В первую очередь ими являются словари [3], а также энциклопедические издания, справочные материалы и научные публикации.

В связи с тем, что на сегодняшний день утвержденного для использования в экспертной практике списка словарей нет, нами обоснованы критерии их применения при лингвистическом исследовании текстов экстремистского содержания.

1. Экспертами должны применяться не только нормативные словари, но и словари жаргонной и разговорной речи, в которых представлена лексика, находящаяся за рамками или на периферии литературного языка. К примеру, инвективные слова и выражения, характерные для экстремистского дискурса, в

академических словарях присутствуют редко, а такие лексикографические пометы, как «бранное», «вульгарное» и т.д. используются непоследовательно.

2. В процессе исследования необходимо использовать словари, в которых фиксируется «новая лексика», как возникшая непосредственно в белорусской или русской речи, так и заимствованная. Это связано с тем, что экстремистский дискурс, реализующийся в основном в Интернет-пространстве, является достаточно молодым социальным явлением.

3. Для подтверждения выводов эксперт обязан одновременно использовать несколько словарей, так как отсутствует какое-либо универсальное лексикографическое издание, претендующее на полноту отображения лексической системы современного экстремистского дискурса с учетом его постоянной изменчивости.

В случае если лингвист не может с помощью словарей истолковать значение слов, к примеру, в тексте религиозного характера, то следует обращаться к специализированным источникам. Однако данный анализ должен выполняться с участием профильного эксперта в ходе комплексного исследования экстремистских материалов.

Ни в коем случае эксперт при анализе спорного текста не должен ссылаться на интернет-ресурсы, созданные анонимными пользователями (к примеру, на Википедию). Данные ресурсы не являются верифицированными, что указывает на их неприемлемость в качестве источников исследования.

Можно выделить и такие методические принципы судебного лингвистического исследования, как:

- принцип однозначности выводов и отсутствия размывания понятий (в выводах эксперта не должно быть неопределённости; экспертное исследование нужно проводить только через вербализованную в тексте информацию; при использовании терминов следует отдавать предпочтение тем, которые являются общепринятыми);

- принцип доступности изложения экспертного заключения (вопросы, раскрываемые экспертом, нужно излагать в ясной форме; в случае необходимости целесообразно предоставлять справочную информацию; выводы следует формулировать так, чтобы они были понятны любому носителю языка).

Таким образом, ввиду отсутствия универсальной методики судебного лингвистического исследования экстремистских материалов, руководство указанными принципами при анализе спорных текстов позволит улучшить состояние экспертной практики, станет объективным критерием оценки качества заключения.

Литература

1. Бринёв К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Томского государственного университета. – 2013, № 376. – С. 7–13.
2. Галкин В.М. О принципах судебной экспертизы по уголовным делам // Труды ЦНИИСЭ. – М.: Изд-во ЦНИИСЭ, 1970. – Вып. 2. – С. 76–93.
3. Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики : матер. Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – С. 92–98.
4. Кирдун А.А. Принципы судебной лингвистической экспертизы // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов Международ. научно-практ. конф. (Минск, 24 января 2018 г.). – Минск, Академия МВД, 2018. – С. 233–234.
5. Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: сб. статей. – Нижний Новгород. – 2000. – 672 с.
6. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**КОНЦЕПТ «ИСПОРЧЕННОСТЬ»
В ДЕТСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА»**

В статье анализируются репрезентация концепта «испорченность» в сказочной повести «Чарли и Шоколадная Фабрика» Роальда Даля. Дается характеристика акциональных проявлений данного концепта. Описываются языковые и стилистические средства объективации исследуемого концепта. Представлено его авторское содержание. Раскрывается значение концепта «испорченность» в детской англоязычной литературе.

Ключевые слова: испорченность, избалованность, капризность, наказание, безнаказанность

Yu.A. Demkina
(Volgograd, Russia)

**CONCEPT "DEPRAVITY" IN CHILDREN'S ENGLISH-LANGUAGE
LITERATURE: BASED ON THE STORY "CHARLIE AND THE
CHOCOLATE FACTORY"**

The article analyzes the representation of the concept "depravity" in the fairy tale story "Charlie and the Chocolate Factory" by Roald Dahl. The actional characteristic of the analysed concept is given. The linguistic and stylistic objectification means of the concept are described. The author's content of the researched concept is presented. The meaning of the concept "depravity" in children's English-language literature is revealed.

Key words: depravity, pampering, capriciousness, punishment, impunity

Термин «концепт» не имеет в современной лингвистической науке единого толкования. А.П. Бабушкин под понятием «концепт» подразумевает «дискретную содержательную единицу коллективного сознания или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [1, с. 104]. В то же время, согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», концепт представляет собой некоторые «кванты знания», обобщающие весь опыт и результат познавательной деятельности человека [2, с. 156]. В связи с этим особый интерес для исследователя представляют концепты, которые на протяжении всей человеческой истории играли важную роль в общественном сознании, т.е. концепты, содержащие в себе понятия о правильном и неправильном поведении. Одним из таких концептов является концепт «испорченность».

Детская литература в целом и сказки в частности являются учебником

морали. Современный американский философ Аласдер Макинтайр в своей книге «После добродетели: Исследование теории морали» так пишет о сказках:

«Благодаря рассказам о злых мачехах, потерянных детях, добрых, но заблудших королях, волках, которые выкармливают мальчиков-близнецов, младших сыновьях, которые не получают наследства, но должны сами прокладывать свой путь в этом мире, и старших сыновьях, которые тратят свое наследство на разгульную жизнь и отправляются в изгнание, чтобы жить со свиньями, дети узнают, что такое ребенок и что такое родитель, каков может быть состав персонажей в драме, в которой они родились, и каковы пути развития мира» [5, p. 251].

По этой причине мы считаем, что концепт «испорченность», тесно связанный с понятиями морали, добра и зла, одобряющего и неодобряющего поведения, ярко выражен в детской литературе, в частности, в работах британского писателя Роальда Даля, например, в сказочной повести «Чарли и Шоколадная Фабрика».

По сюжету повести знаменитый шоколатье Вилли Вонка приглашает пятерых детей и их родителей посетить свою шоколадную фабрику, известную своими уникальными изделиями. В ходе экскурсии четверо из пяти детей попадают в неприятности из-за собственной избалованности. Пятый же, главный герой повести по имени Чарли, представляется как образцовый, неиспорченный ребенок и в качестве награды становится приемником Вилли Вонки.

Концепт «испорченность» в данном произведении отражается как в речи самих детей и их родителей, так и в характеристиках, которые им дают окружающие, но первый намек на характер этих героев читатель получает, как только знакомится с героями. Имена детей представляют собой ocasionальные антропонимы, т.е. имена, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные имена [3, с. 48].

Первый обладатель золотого билета Вонки носит фамилию Глуп (**Gloop**), которая буквально переводится как «недалекий, глупый, дурачок» и носит явную негативную окраску. Герой демонстрирует соответствие своей фамилии характеру, пытаясь напиться из шоколадной реки, в результате чего падает в нее.

Следующий персонаж носит имя Верука Солт (**Veruca Salt**). Имя девочки Верука переводится как «бородавка», а фамилия Солт – «соль», что создает образ неприятной, надоедливой особы, что героиня доказывает своим поведением, постоянно требуя моментально получить все, что ей хочется.

Третим обладателем золотого билета Вонки становится мальчик по имени Майк ТииВии (**Mike Teavee**), чье имя созвучно английскому названию телевизора. Данный персонаж не смог устоять перед изобретенным Вонкой телевизором, который может передавать настоящий шоколад на расстоянии. При попытке перенести самого себя тем же способом увлеченный телевидением мальчик уменьшается до крошечного размера.

Четвертым персонажем ребенком-посетителем фабрики становится Виолет Борегард (**Violet Beauregarde**), чье имя не является говорящим, однако намекает на ее дальнейшую судьбу. По ходу экскурсии девочка съедает экспериментальную жвачку, в результате чего становится похожей на чернику по форме и цвету. На этот последний факт читатель получает намек, т.к. имя Виолет переводится как «фиолетовый», т.е. цвет черники.

Единственным ребенком с неговорящим именем является главный герой повести Чарли Бакет, который представляет собой пример обычного, неиспорченного, «нормального» ребенка и потому носит обычное имя.

Как мы уже упоминали ранее, испорченность детей отражается в их речи. Так, например, Верука Солт, девочка требующая исполнять любой её каприз моментально, постоянно прибегает к повторению (**Where's my Golden Ticket! I want my Golden Ticket!**) и анафоре (**I want an Oompa-Loompa! I want you to get me an Oompa-Loompa! I want an Oompa-Loompa right away! I want to take it home with me! Go on, Daddy! Get me an Oompa-Loompa!**). Кроме того, для усиления эффекта своих требований она манипулирует родителями через истерики, крик, лежание на полу (**And she would lie for hours on the floor, kicking and yelling in the most disturbing way**). И лишь когда её требование удовлетворяется она снова становится «хорошей девочкой», улыбается и дает своим родителям ощущение счастливой семьи (**and now she's all smiles, and we have a happy home once again**).

Описывая характер девочки, автор использует повторение слов «Я хочу» и прием незаконченного предложения, чтобы дать оценку ее поведения со стороны взрослого, которую вкладывает в реплику дедушки Чарли Бакета. В очередной раз слыша повторяющееся «Я хочу», мужчина говорит, что она хочет хорошей порки, т.е. наказания (**'I want a boat like this! I want you to buy me a big pink boiled-sweet boat exactly like Mr. Wonka's! And I want lots of Oompa-Loompas to row me about, and I want a chocolate river and I want . . . I want . . .'** **'She wants a good kick in the pants,'** whispered Grandpa Joe to Charlie). Таким образом, автор демонстрирует, что испорченность детей является следствием безнаказанности.

Идея наказания как средства исправления испорченного поведения детей появляется в повести неоднократно. Так, например, когда Агустус Глуп падает в шоколадную реку вследствие своей беспечности, Умпа-Лумпы, подручные Вилли Вонки, исполняют песню, в которой описывают превращение мальчика после наказания из алчного животного, презираемого людьми в человека, любимого всеми (**This boy, who only just before was loathed by men from shore to shore, this greedy brute, this louse's ear, is loved by people everywhere!**).

В тексте повести герой Агустус Глуп неоднократно прямо и косвенно сравнивается с животным. Вместо «человек», «мальчик» или «ребенок» к нему применяются слова «тварь» (**beast**), «свинья» (**pig**), «животное» (**brute**), «отродье» (**brat**). Кроме того, его действия описываются словами, обычно применимыми к животным: «жрать» (**gorge**), «трескаться» (**guzzle**), «пасться» (**feed**). Отрицательная оценка подобного поведения усиливается через эпитеты

«жадный» (**greedy**), «отталкивающий» (**revolting**), «омерзительный» (**foul**), «несказанно мерзкий» (**unutterably vile**), «инфантильный» (**infantile**), «отвратительный» (**disgusting**), «противный» (**nasty**), «гадкий» (**repulsive**).

Через отрицательно окрашенные эпитеты автор также дает характеристику поведению других детей. Например, когда в газете появляется статья о Вайолет Борегард, бабушки Чарли награждают девочку эпитетами «отвратительная» (**beastly**), «гадкая» (**despicable**), «ужасная» (**dreadful**), «шокирующая» (**shocking**). Кроме того, в этом эпизоде Роальд Даль снова намекает на будущую судьбу героини, используя игру слов: **She'll come to a sticky end one day, chewing all that gum, you see if she doesn't.** Автор обыгрывает слово «**sticky**» («липкий»), которое с одной стороны в словосочетании «to come to a sticky end» означает «плохо кончить», а с другой стороны описывает консистенцию жвачки, которую постоянно жует девочка.

Другим примером игры слов, служащей для объективации концепта «испорченность» является комментарий самого Вилли Вонки, произнесенный в сторону одной из девочек: 'My goodness, she is a **bad nut** after all,' said Mr. Wonka. 'Her head must have sounded quite **hollow**'.

В первом предложении шоколатье использует фразу «**a bad nut**» («плохой орех»), что в контексте истории имеет прямое значение, т.к. Верука Солт попадает в неприятности, вбежав в комнату с белками, которые отделяли хорошие орехи от плохих и отправляли последние в мусоропровод. Именно так поступили зверьки и с самой девочкой, очевидно, приняв ее за гнилой орех. Однако у этого словосочетания есть и вторая сторона. Фраза «**a bad nut**» представляет собой искаженную идиому «a bad apple», означающую «плохой, испорченный человек среди хороших». Таким образом, через замену одного элемента идиомы автор дает характеристику девочке, одновременно ссылаясь на универсальное представление об испорченности (идиому) и на контекст конкретной ситуации.

Во втором предложении ('Her head must have sounded quite **hollow**') Роальд Даль снова использует сочетания прямого и переносного значения для объективации концепта «испорченность». Прямое значение лексемы «**hollow**» («пустой») относится к способу проверки белками орехов: они постукивали по ореху и по звуку определяли его годность. Очевидно, что если животные сочли девочку «плохим орехом», ее голова при постукивании издавала звук именно такого ореха, т.е. пустой. В переносном же значении слово «**hollow**» («пустой»), применяемое к описанию головы, обозначает глупого «пустоголового человека».

Кроме уже описанных нами выше средств выразительности концепт «испорченность» в повести также отражается в метафорах и сравнении. Примером последнего может служить фраза из песни Умпа-Лумпов: «Chewing and chewing all the while **like some great clockwork crocodile**». В данном предложении испорченный ребенок снова сравнивается с животным (на этот раз с огромным заводным крокодилом), т.к. механическими движениями челюсти во время жевания напоминает именно эту игрушку.

В качестве примера метафоры можно привести следующее предложение: "The nine-year-old boy was seated before an enormous television set, with his **eyes glued to the screen**". Глагол «**to glue**» («приклеивать») в контексте просмотра телевизора образно представляет то, как неотрывно Майк смотрит в экран и насколько сложно мальчику отвести от него взгляд.

Таким образом, можно сказать, что в сказочной повести «Чарли и Шоколадная Фабрика» концепт «испорченность» воплощается в детских персонажах, представляющих собой пример крайней избалованности, жадности, капризности, грубости и глупости. При этом причиной испорченного поведения является родительское потакание капризам детей, а средством исправления – наказание. В качестве средств объективации концепта Роальд Даль использует говорящие имена, эпитеты, метафоры, сравнения, анафору, повторение, аллегория, игру слов, а также «двойную экспозицию», подразумевающую одновременное подключение прямого и переносного значения слова.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – С. 104.
2. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с.
3. Яковенко Н.С. О некоторых особенностях окказиональных антропонимов в английских романах В.В. Набокова. // МНКО. – 2011, №2 С. 48–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-okkazionalnyh-antropimov-v-angliyskih-romanah-v-v-nabokova> (дата обращения: 24.08.2023)
4. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – L.: Puffin Books, 2007. – 156 p.
5. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. – L.: University of Notre Dame Press, 1984. – 251 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ОБЗОР СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена исследованию систем искусственного интеллекта в лингвистике. Описывая системы искусственного интеллекта в целом, авторы отдельно останавливаются на отличии систем искусственного интеллекта в лингвистике. Дается обзор существующих систем искусственного интеллекта, работающих в сфере языкознания. Исследуются преимущества и недостатки этих систем. Дана критика и преимущества систем искусственного интеллекта, при обработке естественного языка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, системы распознавания речи, машинный перевод, машинное чтение, нейронные сети, автоматический анализ текстов, автоматический синтез текстов

I.V. Dorofeeva
(Tver, Russia)

A REVIEW OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN LINGUISTICS

The article is devoted to the study of artificial intelligence systems in linguistics. Describing artificial intelligence systems in general, the authors specifically dwell on the difference between artificial intelligence systems in linguistics and in other spheres. An overview of existing artificial intelligence systems operating in the field of linguistics is given. The advantages and disadvantages of these systems are investigated. Criticism and advantages of artificial intelligence systems in natural language processing are given. Moreover, the authors discuss the future of artificial intelligence in linguistics.

Key words: artificial intelligence, speech recognition systems, machine translation, machine reading, neural networks, automatic text analysis, automatic text synthesis

«Создать человеческую ИИ-систему, в основе работы которой не было бы языка, просто невозможно, – говорит Джош Таненбаум, профессор когнитивистики и вычислительной техники MIT. – Это одна из самых очевидных характерных особенностей человеческого интеллекта».

Большинство современных людей, конечно, сталкивались с системами искусственного интеллекта (ИИ), поскольку искусственный интеллект уже давно прочно вошёл в нашу жизнь. Стиральные машины, роботы-пылесосы, смартфоны – всё это примеры использования искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта сейчас применяются в огромном количестве отраслей науки и экономики. Они внедряются везде, начиная от организации любого бизнеса, логистики, сфер медицины и образования до

сложнейших космических систем. И, надо отметить, что благодаря расширению возможностей компьютерной техники, увеличению объёма памяти компьютеров и использованию нейросетей, искусственный интеллект завоёвывает все больше позиций.

Еще в 70-х годах прошлого века в Стэндфордском университете была разработана система MYCIN, которая использовалась для диагностики бактерий, вызывающих тяжёлые инфекции, а также она давала рекомендации по применению необходимых антибиотиков.

Но, создание системы искусственного интеллекта в промышленности не идёт ни в какое сравнение с созданием подобной системы в лингвистике. Это происходит из-за того, что язык является очень сложным явлением.

«Главная же причина, на мой взгляд, проста – практически не исследовался язык как инструмент мышления, как главная составляющая любой интеллектуальной системы. Именно в нем скрыт ключ к решению практических задач и на это еще в 1978 году указывал академик А.П. Ершов. Нерешенность проблемы ЧТО ТАКОЕ ЯЗЫК – тормозила и будет тормозить все исследования в области ИИ до момента ее полного и адекватного разрешения». [1]

Но, вместе с тем, наблюдаются определенные успехи в сфере использования искусственного интеллекта в обработке естественного языка.

Недавно на веб-сайте Slator был опубликован список самых выдающихся компаний в сфере искусственного интеллекта, которые были созданы за последние 50 месяцев до 2023 года и которые внесли значительный вклад в разработку и развитие систем искусственного интеллекта в сфере обработки естественного языка. [2]

Подготовленный веб-сайтом Slator список компаний даёт возможность познакомиться с компаниями, которые добились значительных успехов в сфере языковых технологий ИИ.

Компании из списка «50 за 50» 2023 года разделены на следующие восемь категорий:

ИИ-агентство

Платформы языковых технологий

Создание текстов с помощью ИИ

Данные для ИИ

NLP-платформы

Дублирование на основе ИИ

Голосовые ИИ-инструментарии

Синтез видео

ИИ-агентство

ИИ-агентства предлагают технологии перевода и распознавания речи (ASR) с применением ИИ, работающие на основе платформ типа «эксперт-в-цикле-управления». Такие компании, как XL8 и Bering Lab, специализируются на определенных секторах – медиа/развлечения и право/финансы, соответственно.

Многие агентства, например **AI Communis**, **Devnagri**, и **Kanari AI**, разработали системы специально для определенной группы языков. Большинство применяют платформы типа «ПО как услуга» (SaaS), другие предлагают локальные решения или решения на базе облачных API.

Типичными представителями модели ИИ-агентства являются компании **Lilt** и **Unbabel**, основанные в 2015 и 2013 годах, соответственно.

Хотя некоторые поставщики языковых услуг (LSP), созданные до начала широкого применения ИИ в производственном процессе, позже сделали выбор в пользу подхода «приоритет ИИ» и трансформировались в настоящие ИИ-агентства, недавно основанные ИИ-агентства изначально создавались на основе указанного подхода. Были описаны такие компании, как: **AI Communis Сингапур 2020**, **Bering Lab Южная Корея 2020**, **Devnagri Индия 2020**, **Kanari AI США 2020**, **SLAIT США 2021**, **XL8 США 2019**,

Платформы языковых технологий предлагают высокотехнологичные решения, облегчающие процесс письменного и устного перевода. Эта категория включает платформы для устного перевода, например систему удаленного синхронного перевода (RSI) компании **Onda** или мультязычную платформу для видео-звонков **Viva Translate**. Сюда также входят поставщики систем автоматизации и управления процессом перевода, например, инструментарий автоматизации рабочего процесса на основе ИИ **Blackbird**.

Категория «Платформы языковых технологий» – самая немногочисленная в этом списке «50 за 50». Это вызвано не недостатком компаний, работающих в этой сфере, а скорее тем, что – это подавляющее их большинство были основаны до начала рассматриваемого периода в 50 месяцев и являются уже достаточно зрелыми участниками рынка. Сюда входят такие компании, как: **Blackbird.io США 2021**, **Blackbird.io США 2021**, **Viva Translate США 2020**, **Onda Германия 2020**

Создание текста с помощью ИИ

Инструменты для создания текста с помощью ИИ используют способности ИИ генерировать осмысленный текст на основе серии входных инструкций. Компании обычно предлагают решения для определенных типов контента, например, для маркетинга, социальных сетей, электронной почты или бизнес-коммуникаций. Системы многих компаний, включая **Cory AI** и **WriteSonic**, построены на базе больших языковых моделей (LLM), таких как **GPT-3**, а другие, например, **Typewise**, предлагают индивидуальные языковые модели.

Важность создания текстов с помощью ИИ для языковой индустрии подкрепляется тем фактом, что подобные системы предлагают пользователям возможность генерировать контент на нескольких языках – начиная от числа в 25 языков (**TextCortex AI**) и до «почти на любом языке» (**HyperWrite**). Поскольку переводческие компании теперь теоретически имеют возможность применять системы написания текста с помощью ИИ для мгновенной генерации контента на желаемом (целевом) языке и, таким образом, пропускать собственно этап перевода, мы подняли вопрос о том, являются ли такие системы угрозой или

новой возможностью для поставщиков языковых услуг в этой статье за сентябрь 2022 года. Инструментами для создания текста занимаются: **Copy.ai США 2020, HyperWrite США 2020, Typewise Швейцария 2020, CopySmith США 2020, Craftly.ai Канада 2021, Jasper США 2020, TextCortex AI Германия 2021, Writesonic США 2021.**

Данные для ИИ

Компании из сектора данных для ИИ занимаются сбором и разметкой (или синтезом) данных для обучения моделей. Все компании из списка «50 за 50» работают с текстовыми и/или голосовыми данными, но могут предлагать услуги и для других типов данных, включая видеоролики и изображения. Audio Bee, к примеру, создает наборы голосовых обучающих данных, применяемых для разработки систем распознавания речи (ASR). Компании осуществляют либо сбор и разметку реальных данных, либо, как в случае с Betterdata и Replica Analytics, производят синтетические данных из ограниченных наборов естественных данных, результатом чего являются их большие объемы и отсутствие проблем с использованием личной информации.

Такие компании зачастую рассматриваются в качестве поставщиков инструментов для работы с ИИ – что-то вроде «лопаты во время золотой лихорадки», позволяющей собрать, подготовить или создать данные, являющиеся основой обучения ИИ-моделей. В этот сектор входят следующие компании: **Betterdata Сингапур 2021, Audio Bee США 2020, MirryAI США 2021, Replica Analytics Канада 2019. Snorkel США 2019.**

NLP-платформы

Платформы для обработки естественного языка (NLP) либо предполагают разработку и предоставление доступа к своим собственным большим языковым моделям (LLMs), либо предоставляют пользователям доступ к LLM сторонних производителей, а также возможности их точной настройки. Некоторые системы, к примеру Gantry AI, дополняют первоначальную разработку и обучение моделей строгим процессом фильтрации. Платформа Adept.ai нацелена на синтез моделей-трансформеров с помощью существующих программных инструментов и API. NLP Cloud позиционирует себя в качестве готового решения, позволяющего компаниям получить доступ к широкому спектру открытых языковых моделей.

NeuralSpace – это SaaS-платформа, предлагающая инженерам различные API для NLP и специализирующаяся на малоресурсных языках Азии, Ближнего Востока и Африки. Немецкая платформа Kern AI помогает компаниям встраивать NLP в свои продукты и процессы, позволяя разработчикам создавать прототипы или внедрять полноценные производственные процессы с анализом и пониманием текстовых данных. Конкурент OpenAI, платформа Cohere, между тем, создала собственные LLM, доступ к которым можно легко получить через соответствующие API на множестве облачных платформ, что превращает дорогой и комплексный процесс в работу с обычным и простым пользовательским интерфейсом. Стоит упомянуть также **Cohere Канада 2021,**

Kern AI Германия 2020, NeuralSpace Соединенное Королевство 2019, NLP Cloud Франция 2021, Adept.ai США 2022, Gantry AI США 2020.

Дублирование на основе ИИ

Компании, работающие в сфере дублирования на основе ИИ, комбинируют новейшие достижения в синтезе и переводе речи. Хотя их продукты еще рано применять в телешоу, идущих в прайм-тайм на каналах Disney+ или Netflix, дублирование на основе ИИ позволяет сотням миллионов людей воспользоваться ранее недоступным им контентом в социальных сетях и на других платформах. VOISEED, к примеру, предлагает виртуальную студию для профессионального озвучивания на основе ИИ. Индийская компания NeuralGarage заявляет, что их продукт способен дополнить процесс озвучивания, применяя ИИ для улучшения синхронизации с движением губ и мимикой актеров, устраняя тем самым «визуальный диссонанс». Их соотечественники из компании Dubverse обещают дать пользователям возможность дублировать видеоролики на множестве языков «почти в реальном времени». Вы можете ознакомиться с интервью со-основателя Dubverse Ануджа Дхавана на SlatorPod.

Еще один индийский стартап Dubdub предлагает веб-инструмент на основе ИИ, который позволяет дублировать видео и аудиоматериалы на более чем 50 языках без всякой лингвистической подготовки. Непло зарекомендовала себя израильская компания Deepdub, предоставляющая услуги ИИ-дублирования крупным вещательным и медиа-компаниям и дистрибьюторам контента. Канадская компания Blanc создает комплексные алгоритмы перевода видеоматериалов, позволяющие пользователям озвучивать видео на любом языке. Сюда можно включить: **Blanc Канада 2020, Deepdub Израиль 2019, Dubdub Индия 2021, Dubverse Индия 2021, NeuralGarage Индия 2021, VOISEED Италия 2020.**

Голосовой ИИ-инструментарий

Компании данного сектора предлагают «виртуальные студии» для производства аудио посредством интеграции языковых ИИ-технологий в процесс автоматического создания медиа-контента. Aflorithmic, к примеру, позволяет превратить текст в «прекрасный голос» за считанные секунды. ElevenLabs предлагает ПО для синтеза голоса на основе ИИ для творческих работников и издателей, а во второй половине 2023 года планирует запустить услугу по дублированию на базе ИИ. Sanas, к примеру, создает технологию для преобразования речи с акцентом в реальном масштабе времени.

Murf AI позволяет пользователям вручную настраивать параметры голоса, включая высоту, скорость, временную привязку и ударение. Южнокорейская платформа Supertone предлагает аналогичные возможности, включая преобразование текста в речь, ASR, клонирование голоса и NLP, а также специфическую музыкальную ИИ-технологию, позволяющую синтезировать пение и транскрибировать слова песен. Перечислим компании, занимающиеся голосовым инструментарием: **Aflorithmic Соединенное**

королевство 2019, Eleven Labs США 2022, Sanas США 2020, Murf.ai США 2020, Supertone Южная Корея 2020.

Синтез видео

Языковая информация, безусловно, является ключевым компонентом видео. Компании, работающие в сфере создания синтезированного видео, предлагают «виртуальные студии» для создания видеоматериалов с помощью интеграции языковых ИИ-технологий в процесс автоматического создания контента. Elai предлагает платформу для производства синтезированного видео и API для генерирования роликов с цифровыми телеведущими, что, похоже, делает ее прямым конкурентом Synthesia, которая была основана в 2017 году, и, следовательно, не попала в наш список «50 за 50».

Fliki объединяет полный набор возможностей по преобразованию текста в речь и текста в видео в единую «виртуальную студию». Виртуальные персонажи компании Hour One говорят на 60 языках. Movio заявляет, что их пользователи смогут создать собственного виртуального персонажа всего за 3 минуты, и кроме того, их платформа способна преобразовывать текст в речь на более чем 20 языках, используя свыше 200 разных голосов. Wisecut применяет возможности ИИ по генерации контента и распознаванию речи для автоматического редактирования видеороликов. Colossyan и DeepWord также предлагают мультязычных виртуальных ведущих, Inworld AI обещает представить по-настоящему умных цифровых персонажей для видеоигр, а NeuralLoom даже называет своих ведущих «цифровыми сотрудниками». Британская Yeric разработала ИИ-инструментарий для создания, дублирования и персонализации видео. Наконец, Animatr AI дает пользователям возможность создавать короткометражные видеоролики, используя набор инструкций на английском языке. Сюда входят: **Animatr AI Канада 2022, Elai США 2021, Fliki США 2022, Hour One Израиль 2019, Movio LA США 2022, Wisecut США 2019, Colossyan США 2020, DeepWord США 2020, Inworld AI США 2021, NeuraLoom США 2020, Yeric Соединенное Королевство 2019.** [2]

Компании, работающие на платформах ИИ в России

«Сбер» решает и общественно значимые проблемы: расшифровывает рукописи Петра Первого и помогает ставить диагнозы с помощью нейросетей. Тестирует ИИ при подборе сотрудников – система анализирует резюме кандидата и определяет риск его быстрого увольнения.

Успехи положительно влияют на имидж компании. Консалтинговое агентство **Brand Finance** включило «Сбер» в топ-3 сильнейших брендов мира. Одна из причин высокой оценки – успехи в развитии инноваций.

Не отстаёт и «Яндекс». Компания одной из первых в России стала разрабатывать беспилотные автомобили и сегодня внедряет полезные ИИ-решения для бизнеса. У «Яндекса» есть собственные разработки, которые конкурируют с продуктами **Google и Amazon**.

Среди них Yandex SpeechKit – сервис распознавания и синтеза речи на нескольких языках. Вы наверняка знаете его по голосовой станции «Алиса».

«Яндекс» вывел технологию в массы – сегодня каждая компания может внедрить её в свою IT-инфраструктуру.

SpeechKit позволяет общаться с клиентами без участия операторов. Робот запишет клиента на услугу, узнает, доволен ли покупатель сервисом, и сделает серию холодных звонков. Система распознаёт речь, строит общение по скрипту и передаёт данные менеджерам. Это экономит время и не вредит конверсии – только 4% клиентов понимают, что общаются с роботом.

Лаборатория «СенсорТех» разработала устройство «Робин» – это умный помощник для незрячих. «Робин» сообщает о том, что находится вокруг, предупреждает о препятствиях и помогает обратиться к человеку на улице. Устройство «Чарли» помогает людям, которые имеют проблемы со слухом. Оно распознаёт устную речь и превращает её в текст. Компания сотрудничает с фондом «Сколково» — он помогает финансово перспективным проектам, консультирует по вопросам создания бизнес-модели и привлечения венчурных инвестиций. [2]

Заключение и перспективы

«В течение последних 50 лет восторженные исследователи часто возлагали большие надежды на то, что не за горами изобретение роботов, понимающих естественный язык, как это было предсказано в научно-фантастических фильмах. Однако на самом деле методы ОЕЯ в то время не обладали достаточной эффективностью даже для использования в простых приложениях. За последние пять лет ситуация сильно изменилась. Были достигнуты значительные улучшения в распознавании речи, и теперь говорить со своим телефоном – это привычное дело, особенно для молодёжи. Поисковые системы теперь гораздо лучше работают со сложными запросами. С помощью машинного перевода можно получить текст, который будет, по крайней мере, передавать сущность материала, даже если ИИ ещё не может заменить человека-переводчика. Компьютерные системы торгуют акциями и фьючерсами автоматически, исходя из эмоций в отчётах о компаниях. В настоящее время существует большой коммерческий интерес к внедрению технологий ОЕЯ в различных областях, особенно потому, что естественный язык представляет собой очень простой интерфейс для взаимодействия с мобильными телефонами. Мы уверены, что в краткосрочной перспективе увеличение количества информации и вычислительных мощностей, в дополнение к недавним достижениям в области машинного перевода и глубокого обучения, приведёт к дальнейшему усовершенствованию методов ОЕЯ. Однако по-настоящему сложные проблемы семантики, контекста и знания, вероятно, потребуют новых открытий в лингвистике и логическом выводе. В этом контексте стоит отметить, что развитие вероятностных подходов к языку – это не просто решение технических проблем: вероятностные модели языка также были использованы в теоретической лингвистике. Исследователи находят новые способы описания фонологии, понимания того, как человек работает с языком, и моделирования семантики

и прагматики. Многие лингвистические подходы сами становятся более эмпирическими и более количественными». [3]

Литература

1. Языковая проблема искусственного интеллекта. URL: <https://habr.com/ru/companies/payonline/articles/307666/> (дата обращения: 01.09.2023)
2. «50 за 50» - список компаний в сфере языкового искусственного интеллекта на 2023 год от веб-сайта Slator. URL: <https://russiantranslator.pro/rus/ai-language-companies-2023/> (дата обращения: 01.09.2023)
3. Достижения в машинной обработке естественного языка. URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/natural-language-processing> (дата обращения: 01.09.2023)

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ОТ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»
К КОММУНИКАТИВНОЙ МЕДИАМОДЕЛИ**

В условиях становления и развития цифровой цивилизации концептуальное обоснование медиамodelей представляется плодотворным подходом к разработке новой теории коммуникативной деятельности на основе преемственности теоретико-методологических положений, сформированных «лингвистическим поворотом», «дискурсивной моделью» и «коммуникативным поворотом». Модели медиакommunikации предполагают практическое применение гуманитарных технологий в развитии медиаиндустрии в условиях цифровых трансформаций.

Ключевые слова: коммуникативная медиамodelь, «лингвистический поворот», коммуникация, личность

E. Y. Dugin
(Moscow, Russia)

**FROM THE «LINGUISTIC TWIST»
TO COMMUNICATIVE MEDIA**

In the conditions of formation and development of digital civilization, the conceptual substantiation of media departments appears to be a fruitful approach to the development of a new theory of communicative activity on the basis of continuity of theoretical and methodological provisions formed «linguistic turn», «discursive model» and «communicative turn». Media communication models involve the practical application of humanitarian technologies to the development of the media industry in the context of digital transformation.

Key words: communicative media, «linguistic turn», communication, personality

Как известно, движение новых идей в среде научной общественности проходит несколько стадий: от недовольства и непонимания в виде полемики, откликов и, наконец, предметное обсуждение. В своем становлении теория коммуникации развивается в соответствии со этими этапами движения новых идей [4].

Разработка теории медиакommunikации, особенно в связи с выдвинутой ВАК новой номенклатурой научной специальности медиакommunikации и журналистика, вновь оказались на первой стадии дискуссии. Предваряя разговор о предмете теории медиакommunikации, обратимся к следующему уточнению дефиниции теории коммуникативной деятельности, под которой подразумевается «не метатеория, а начало некой теории общества, старающейся удостоверить свои собственные критические теории» [4, с. 19].

Мысль о теории коммуникативной деятельности как «о начале некой

теории общества» можно рассматривать в качестве методологического обоснования теории нового, цифрового общества, которое на наших глазах становится обществом массовой и одновременно персонифицированной коммуникации. Например, появление коммуникативных сообществ, групп пользователей - есть не что иное, как новые формы организации виртуальной и реальной действительности, создаваемые при помощи социальных сетей интернета, компьютерно - опосредованной коммуникации.

Раньше теоретические поиски рассматривала сферу информации и коммуникации в качестве производной составляющей экономических отношений. Теперь, в условиях четвертого уклада компьютерной революции, сами информационно-коммуникативные технологии становятся производительной силой, которые не только конструируют новые общественные отношения, но и определяют всю систему социальных, производственных, экономических отношений. Информационно-коммуникативные, цифровые технологии из одного из составляющих элементов цифровой экономики, превращаются в её основополагающий базис. Данное положение подтверждает хотя бы такой факт, что доходы от внедрения управленческих решений, принимаемых на основе цифровых методов, превышают доходы целых отраслей реальной, производственной экономики. Возможно, это происходит потому, что в создание новой медиасистемы вовлечена духовно-информационная составляющая общества.

Согласно методологическому положению о том, что «применение теории есть не внутринаучный, но одновременно и социальный процесс», теория коммуникативной деятельности «должна обеспечить возможность концентрации социального контекста жизни» [4, с. 19, 843]. В связи с цифровыми трансформациями становления компьютеризированной цивилизации коммуникативные сообщества, формирующиеся на основе сходных интересов посредством социальных сетей, представляют собой «комбинированную модель социальной кооперации».

Существенным фактором, оказавшим мощное влияние на развитие теории коммуникации, был «лингвистический поворот», который в свое время сообщил новую энергию поиска теоретико-методологических обоснований коммуникативной деятельности, а по сути дела, теорию общественного развития, нового витка цивилизации, выдвинув на лидирующие позиции язык, как ключевое средство общения.

Дальнейшее влияние на развитие «лингвистического поворота» в социальном познании мира оказал так называемый «дискурсивный поворот», который качественно обогатил и расширил возможности теоретического обоснования цивилизационного развития общества. Расширение, уплотнение процессов коммуникации происходит благодаря тому, что «внутренний мир» самосознания личности формируется в результате общения, межличностных или технологических, компьютерно - опосредованных форм коммуникации с другими людьми. Информационно-духовный мир не есть имманентно присущее свойство личности, становление и развитие «внутреннее Я» происходит в ходе

социального взаимодействия в обществе определенного типа. Необходимыми условиями развития «Я-коммуникации» служит общество, стимулирующее и культивирующее потребность личности в укреплении духовности и гармоничном развитии внутреннего мира.

Процесс конструирования «внутреннего мира» личности, развития определенного типа самосознания происходит в рамках «дискурсивной модели», алгоритм формирования которой заложен в основу концепции «дискурсивного поворота» британским философом и психологом Романо Горацио Харре, публикующийся под именем Ром Харре [Rom Harre]. Обусловленная культурным и социальным контекстом «Я - модель имеет дискурсивный характер – утверждал Ром Харре - и является продуктом определенного рода коммуникаций» [3, с. 500].

Как известно, само определение «дискурс» шире и многозначнее понятия «общение» благодаря тому, что включает в себя социальную составляющую наряду с лингвистическими характеристиками. Более того, дискурсивная модель действует в условиях социального развития, трансформации общественных отношений. При непосредственном содействии информационно-коммуникативных, цифровых технологий, лично-мотивированная коммуникация приобретает общественно-значимый, публичный характер. Иными словами - «дискурсивная модель» создает условия для продвижения коммуникации на уровень общественно значимой, социально-политической деятельности. Коммуникативная деятельность персонифицированного характера превращает личностно-мотивированное участие субъекта в «медийные публичные сферы, которые иерархизируют горизонт возможных коммуникаций и одновременно стирают его границы» [4, с. 830].

Новый этап в поиске критериев и обоснований для теории общества цифровой цивилизации можно обозначить как «коммуникативный поворот», формирование «коммуникативной медиамодели», которая дополняет и развивают «лингвистический поворот» и «дискурсивную модель» как теоретико-методологические конструкты до статуса *теории среднего уровня (the theories of middle range)*, служащей своеобразным посредником между теоретико-методологическими положениями, рабочими гипотезами и совокупностью эмпирических данных. Как известно, «теории среднего уровня должны не только объединять широкие теоретические положения с рабочими гипотезами, которые формулируются в ходе эмпирических исследований, но и предлагать алгоритм, гуманитарные технологии и реализацию идей, заложенных в теоретико-методологическую концепцию, в частности, служить основой для выработки коммуникативных стратегий тех или иных каналов медиасистемы» [1, с. 144; 2].

Исходя из предложенного понимания теории среднего уровня, «коммуникативный поворот» способствует формированию коммуникативной медиамодели, выступает в качестве методологического конструкта фиксирования и отображения тенденций медиатизации общества. Благодаря расширению масштаба и сфер применения технологий искусственного

интеллекта, коммуникативный поворот создает «комбинированную модель социальной кооперации», содействует выявлению взаимосвязей в системе «человек - машина» как одной из наиболее существенных свойств цифровой цивилизации.

В условиях становления и развития цифровой цивилизации концептуальное обоснование медиамodelей представляется плодотворным подходом к разработке новой теории коммуникативной деятельности на основе преемственности теоретико-методологических положений, сформированных «лингвистическим поворотом», «дискурсивной моделью» и «коммуникативным поворотом». Модели медиакommunikации предполагают практическое применение гуманитарных технологий в развитии медиаиндустрии в условиях цифровых трансформаций.

Литература

1. Дугин Е.Я. Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникативных медиасистем // Вестник Московского университета. 2017. Серия 10. Журналистика. – С. 3–23.
2. Дугин Е.Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций: научное издание. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 416 с.
3. Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. общ.- науч. фонд. Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, Т.IV. – 2010.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация; Том второй. К критике функционалистского разума / Юрген Хабермас; пер. с нем. А.К. Судакова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 880 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ РОБОТОТЕХНИКИ

Терминология робототехники является активно формирующейся подсистемой языка для специальных целей, поэтому нуждается в упорядочении, гармонизации и кодификации. Государственная языковая политика оказывает сильное экстралингвистическое влияние на эти виды терминологической деятельности через административную, образовательную сферы и медиасреду. Статья посвящена анализу административного аспекта регулирования терминологии робототехники. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты РФ, государственные и национальные стандарты (ГОСТ и ГОСТ Р), словарная, учебная и справочная литература, относящаяся к робототехнике.

Ключевые слова: языковая политика, терминология, робототехника, термин, стандарт, ГОСТ

A.S. Zaitseva
(Moscow, Russia)

MODERN LANGUAGE POLICY IN THE SPHERE OF ROBOTICS TERMINOLOGY

Being an actively developing subsystem of the language for special purposes, the terminology of robotics needs to be streamlined, harmonized and codified. The state language policy has a strong extralinguistic impact on all these types of terminological activities through the administrative sphere, education and media. The article deals with the analysis of the administrative aspect of the Russian robotics terminology regulation. The material for the research includes normative legal acts of the Russian Federation, state and national standards (GOST and GOST R), dictionaries, textbooks and reference books related to robotics.

Key words: language policy, terminology, robotics, term, standard, GOST

Русская терминология продолжает активно развиваться в XXI веке. Отличие от предшествующих этапов, однако, заключается в том, что на передний план вышли технико-прикладные направления профессиональной деятельности. Одной из интенсивно развивающихся прикладных наук в настоящее время является робототехника [1, с. 98].

Появление первых промышленных роботов в СССР относится к 60-м годам XX века. В 1972 году задачи производства машинных роботов были отражены в различных документах государственного планирования. Один из них – «Постановление Госкомитета СССР по науке и технике». Изначально термин «робот» имел следующую дефиницию: «автоматическая машина для осуществления механических действий подобных тем, которые производит человек, выполняющий физическую работу» [2, с. 3]. В 1973 году была

утверждена комплексная программа в области робототехники, объединившая усилия отраслевых ведомств, Академии наук и вузов. Программа считается реализованной: в 1975 году было создано и запущено в серийное производство 30 марок промышленных роботов, далее – еще более 100. Одновременно велась работа по стандартизации отечественных роботов по программе Госстандарта СССР [Там же. с. 15].

По данным В.Н. Казанцева, В.Д. Котенева и В.А. Павлова, первым государственным стандартом в отрасли стал ГОСТ 24836-81 «Устройства программного управления промышленными роботами», который регламентировал методы кодирования и программирования управляющих программ. Следующие ГОСТ 25204-82, ГОСТ 25230-82 и ГОСТ 25685-83 определяли технические характеристики и классификацию промышленных роботов и манипуляторов. В 1985 году ГОСТ 25686-85 «зафиксировал термины и определения основных понятий в области манипуляторов, автооператоров и промышленных роботов» [3, с. 224].

Первый терминологический ГОСТ 25686-85 «Манипуляторы, автооператоры и промышленные роботы. Термины и определения» кодифицирует стандартизированное определение термина «промышленный робот»: это «автоматическая машина, стационарная или передвижная, состоящая из исполнительного устройства в виде манипулятора, имеющего несколько степеней подвижности, и перепрограммируемого устройства программного управления для выполнения в производственном процессе двигательных и управляющих функций» [4].

Терминология робототехники развивалась вместе с самой отраслью. Производство «сложной техники потребовало единой и понятной терминологии, которая прошла все этапы упорядочивания и была кодифицирована в форме стандартов» [5, с. 229]. К работе привлекались специалисты Центрального научно-исследовательского и опытно-конструкторского института робототехники и технической кибернетики (ЦНИИ РТК), они приняли участие в разработке «28 стандартов и 8 рекомендаций по промышленным роботам и манипуляторам» [3, с. 224].

Один из основоположников отечественной прикладной науки по созданию автоматизированных систем, главный конструктор ЦНИИ РТК Е.И. Юревич с сожалением отмечает, что начиная с 1991 года финансирование и «развитие робототехники на государственном уровне прекратилось», а парк роботов сократился более чем на порядок одновременно с сокращением производства в стране в целом» [2, с. 15]. По мнению А.А. Уланова, «на современном этапе робототехника становится неотъемлемым элементом повседневной жизни; представляет собой одну из стремительно развивающихся отраслей промышленности» [6, с. 3]. Развитие новых технологий в XXI веке требует кодификации, стандартизации и гармонизации специальной лексики нового этапа промышленного развития.

Терминология робототехники, являясь, с одной стороны, частью системы языка, а с другой стороны, отражением развития научно-технического

направления, испытывает на себе влияние государственной языковой политики. С точки зрения Ю.Д. Дешериева, все «мероприятия в области языковой политики взаимосвязаны и неразделимы, а поскольку языковая политика является составной частью национальной политики, она в основных чертах зависит от общих принципов последней» [7, с. 616].

Языковая политика в области терминологии робототехники базируется на ряде нормативно-правовых актов РФ: Конституции РФ, Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» (в последней редакции от 30 апреля 2021 года № 117-ФЗ) и Законе Российской Федерации от 25 октября 1991 года №1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и др.

Одновременно с развитием отечественной робототехники происходит формирование соответствующей нормативно-правовой базы как одной из форм государственной языковой политики в области нормализации и кодификации терминологии.

В 2013 году был принят документ – Распоряжение Правительства РФ № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года» [8]. В нем в качестве приоритетных названы «новые алгоритмы взаимодействия робототехнических комплексов и человека» и «новые человеко-машинные интерфейсы, включая новые методы использования жестов, зрения, голосовых интерфейсов для управления компьютерными и робототехническими системами» [Там же].

В 2014 году Правительство РФ опубликовало «Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [8]. В нем указывается, что «создание биоподобных и антропоморфных робототехнических устройств повлечет за собой существенные сдвиги в структуре и формах занятости населения, применение роботов в системах, ориентированных на взаимодействие “человек-человек”» [Там же].

В 2020 году вступило в силу Распоряжении Правительства РФ № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [8]. В нем прямо подчеркивается «необходимость разработки и уточнения терминов и определений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники», «важность проведения работы по построению и гармонизации онтологии предметной области» [Там же].

В Распоряжении Правительства РФ от 5 ноября 2020 года № 2869 «О Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года» [8] отмечается, что приоритетными направлениями развития организационных инноваций в мире выступают применение концепции интернета вещей в промышленном производстве и внедрение промышленной робототехники. Подчеркивается, что промышленный робот является одним из средств интеллектуальной автоматизации производства, которое может быть использовано в зависимости от степени автоматизации и как вспомогательное, и как основное оборудование [Там же].

Анализ вышеперечисленных нормативно-правовых документов показывает, что робототехника отнесена к перспективным высоким технологиям; предусмотрено создание правовой, организационной и технологической инфраструктуры для развития промышленной робототехники; указывается на отсутствие однозначного понимания терминов «робот», «умный робот», «робототехника»; подчеркивается важность проведения работы по построению и гармонизации онтологии предметной области.

Сегодня порядок разработки национальных стандартов установлен в статье 26 Федерального закона от 29 июня 2015 года № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [9] и в ГОСТе Р 1.2–2016 [10]. Разработка стандартов в области робототехники осуществляется в соответствии с вышеназванными документами.

Основную работу по нормализации и кодификации терминологии робототехники выполняет технический комитет по стандартизации ТК 141 «Робототехника», созданный приказом Росстандарта от 01 сентября 2016 года № 1246 [11].

В настоящее время в области робототехники действуют 87 стандартов, большинство из которых относится к промышленной робототехнике. Их можно разделить на 4 группы. Первая группа – стандарты, разработанные в СССР и имеющие статус межгосударственных. Вторая группа стандартов включает в себя межгосударственные стандарты, разработанные в 90-е годы XX века. Группа представлена всего тремя стандартами. Третья группа – национальные стандарты РФ в области робототехники, разработанные в XXI веке. Группа включает в себя 6 стандартов. Четвертая группа – новый комплекс национальных стандартов «Роботы и робототехнические устройства». Это самая многочисленная группа, представленная 48 ГОСТами [11], из которых 4 являются терминологическими.

Проанализируем ГОСТ Р 60.0.0.4-2019 / ИСО 8373:2012 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения [12]. Термины сгруппированы в разделы, соответствующие основным тематическим группам робототехники. В Разделе 2 «Общие термины» кодифицированы базовые термины робототехники, такие, как «робототехническое устройство», «промышленный робот», «сервисный робот», «персональный сервисный робот», «профессиональный сервисный робот», «мобильный робот» и пр. Стандартизированное определение термина «робототехника» звучит следующим образом: «наука и практика проектирования, производства и применения роботов» [Там же]. Термин «робот» имеет дефиницию: «исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению» [Там же]. В целях гармонизации национальной и международной терминологии в стандарте приведены англоязычные эквиваленты терминов, например: «2.26 робот для совместной работы (collaborative robot): Робот, разработанный для непосредственного взаимодействия с человеком)» [Там же]. В стандарте

применены сокращения и даны их английские эквиваленты, например: «ВЧР – взаимодействие человек-робот (HRI, human-robot interaction) – обмен информацией и действиями между человеком и роботом, предназначенный для выполнения задания с помощью пользовательского интерфейса» [Там же].

В сноске к термину «робот» в ГОСТе указано, что ранее, в 2018 году, ТК ИСО «Робототехника» принял иное определение понятия «робот»: «Программируемый исполнительный механизм с определенным уровнем автономности для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования» [12]. Этот факт свидетельствует о высокой степени дискуссионности вокруг понятия «робот», о многообразии его авторских трактовок. Так, например, И.Р. Бегишев предлагает «ввести в научный и практический оборот авторский вариант определения понятий “робот” и “робототехника”», которые «наряду с основными понятиями в области технологий робототехники, могут быть использованы при подготовке проекта федерального закона “Об обороте роботов, их составных частей (модулей)”» [13, с. 61].

Принятие и введение ГОСТов нового поколения способствует гармонизации национальной и международной терминологии робототехники [14]. В 2020 году вышел справочник «Роботы и робототехнические устройства. Стандартизированные термины и определения». В нем представлено около 400 стандартизированных терминов, «гармонизированных с международными терминами робототехники» [15].

Важным направлением в процессе гармонизации национальной и международной терминологии является создание специализированных терминологических словарей. Например, в 2019 г. издан «Англо-русский толковый словарь по робототехнике и искусственному интеллекту» [16]. Издание содержит около 4 тысяч переводных терминов, используемых в робототехнике и в работах искусственному интеллекту, а также в связанных с ними прикладных областях.

Итак, исследование показало, что робототехника отнесена государством к перспективным высоким технологиям. На государственном уровне определены приоритетные направления развития отечественной робототехники. Отмечена важность проведения работы по построению и гармонизации онтологии данной предметной области. Это позволяет сделать вывод о ярко выраженном административном аспекте влияния государственной языковой политики на терминологию робототехники.

Литература

1. Зайцева А.С. Современный профессиональный язык робототехники (на примере терминологического гнезда «робот») // Научный диалог. – 2021, № 5. – С. 96–114.
2. Юревич Е.И. Основы робототехники: учебное пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. - СПб: БХВ-Петербург, 2021. – 304 с.

3. Казанцев В.Н. Состояние и проблемы стандартизации в области робототехники / В.Н. Казанцев, В.Д. Котенев, В.А. Павлов // Экстремальная робототехника. – 2014, № 1. – Т.1. – С. 224–228.
4. ГОСТ 25686-85 Манипуляторы, автооператоры и промышленные роботы. Термины и определения. URL: <http://clck.ru/33tRxH> (дата обращения 09.09.2023)
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
6. Уланов А.А. Современное состояние и перспективы развития рынка робототехники в мире и России: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2021. – 173 с.
7. Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под. ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 616.
8. Сайт ГСПИ. Государственная система правовой информации. URL: <http://clck.ru/RfYeK> (дата обращения 09.09.2023).
9. ФЗ 162. О стандартизации в Российской Федерации от 29.06.2015 № 162-ФЗ (последняя редакция). URL: <http://clck.ru/M37aa> (дата обращения: 09.09.2023).
10. ГОСТ Р 1.2–2016 Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные Российской Федерации. Правила разработки, утверждения, обновления, внесения поправок, приостановки действия и отмены. URL: <http://clck.ru/33tRzZ> (дата обращения: 09.09.2023).
11. ТК 141. Технический комитет по стандартизации ТК 141 «Робототехника». URL: <http://clck.ru/33tSYc> (дата обращения 09.09.2023)
12. ГОСТ Р 60.0.0.4-2019 / ИСО 8373:2012 Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения. URL: <http://clck.ru/33tS5v> (дата обращения: 09.09.2023).
13. Бегишев И.Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. – 2021, № 6. – С. 72–83.
14. Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности. Самара: Московский городской педагогический университет, 2018. – 112 с.
15. Лопота А.В. Роботы и робототехнические устройства. Стандартизированные термины и определения: справочник. – Санкт-Петербург: Гангут, 2020. – 62 с.
16. Пройдаков Э.М., Теплицкий Л.А. Англо-русский толковый словарь по робототехнике и искусственному интеллекту. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 261 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ВОСПОЛНЯЮЩАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОНТОГНОСТИКЕ**

В настоящей статье рассматривается проблема мнимого отсутствия производящих основ для слов, представленных в памятниках старославянского языка, говорится о важности восполнения подобных «пропущенных» звеньев, описывается действие восполняющей экспликации в комплексе с различными методами внутренней реконструкции языка и её значимость для всей словообразовательной системы старославянского языка, предлагается схематичное обозначение данной системы в двух вариантах: обобщённом и конкретизированном.

Ключевые слова: восполняющая экспликация, метод внутренней реконструкции, система языка, старославянский язык, словообразование

К.А. Zakarian, A.A. Kretov
(Voronezh, Russia)**THE REPLENISHING EXPLICATION
IN LINGUISTIC ONTOGNOSTICS**

This article deals with the problem of the imaginary absence of generating bases for words presented in the monuments of the Old Slavic language, speaks about the importance of filling in such "missing" links, describes the effect of the filling explication in combination with various methods of internal reconstruction of the language and its significance for the entire word-formation system of the Old Slavic language, offers a schematic designation of this system in two variants: generalized and concretized.

Key words: replenishing explication, method of internal reconstruction, language system, Old Slavic language, word formation

С конца XVIII века (вплоть до современности) многие учёные говорили о разделении языка и речи – В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр [4], [1], [9] – и представляли язык как одну большую потенцию. А раз это одна большая возможность, язык может как реализовываться в речи, так и нет. И нельзя сказать, что больше – язык или речь – поскольку как система языка не реализуется в речи полностью, так и речь содержит внесистемные явления.

Если говорить о таком древнем языке, как старославянский, то нельзя утверждать, что его система досконально изучена. Старославянский язык представлен во многих памятниках письменности (как глаголических, так и кириллических), существует большое количество словарей старославянского языка (например, Словарь старославянских слов по рукописям X-XI веков [10], 4-х томный Словарь старославянского языка, изданный Чешской Академией

наук [13]), но этих данных недостаточно, чтобы составить полное описание системы данного языка, ведь в памятниках и словарях могли не отразиться некоторые элементы системы. Но, согласно нулевому (пропедевтическому) постулату системной русской фонемологии «не воспринимаемое – не значит не существующее» [7, с. 10], нельзя отрицать существование элементов на основании их отсутствия в письменных источниках. Относительно производящих основ производных слов – вопреки сложившейся традиции – нельзя даже утверждать, что они отсутствуют в тексте: в тексте они присутствуют в составе основ производных слов. Это отмечал ещё О.Н. Трубачёв в статье «Этимологические исследования и лексическая семантика»: «Вот тут мы воочию и сталкиваемся с фактом, что словообразовательное производное сохраняет основу в ее семантически более древнем, как бы производящем состоянии, давно оставленном самой производящей основой» [11], а также Р. М. Цейтлин: «Первоочередными представляются следующие три типа анализа мотивированных слов СП. Во-первых, анализ словаря СП по группам слов, выделяемых по общему суффиксу, который вводит слово в тот или иной лексико-грамматический класс, словообразовательный тип и словообразовательную модель. <...> Во-вторых, анализ словаря СП по гнездам слов, объединенных в группы общим корнем (или корнями) <...> В-третьих, анализ словаря СП с целью восстановления тех лексем СЯ, *которые непосредственно в языке СП не зафиксированы, но имеют в них достоверные косвенные свидетельства своего существования в СЯ*» (где СП – старославянский памятник, а СЯ – старославянский язык) [12, с. 56].

Вычленение производных принципиально важно для выявления системы языка, так как именно в процессе словообразования хорошо видны запреты на сочетаемость морфем, фонем, а язык не столько система законов сочетаемости, сколько система запретов на сочетаемость. Так, лексико-семантическая онтогностика (одно из направлений новой научной дисциплины – лингвистической прогностики, оформленной в монографии А.А. Кретьова «Основы лексико-семантической прогностики») занимается именно **восполняющей экспликацией**, а именно – «теоретическим (и экспериментальным) выявлением полных инвентарей лексико-семантических единиц для данного состояния лексико-семантической системы конкретного языка» [6, с. 39]. Впервые этот термин вывели Б.Ю. Городецкий и В.В. Раскин [3], в дальнейшем он получил распространение в работах Палмайтиса и Топорова [8, с. 36-37]. Эти исследователи чётко разделяли экспликацию и реконструкцию: реконструкция – «теоретическое восстановление более ранних (предшествующих) состояний языка», экспликация же – «теоретическое восстановление данного состояния языка, всегда неполно представленного в текстах» [Там же].

Вычленение производных происходит методом «внутренней реконструкции» [6, с. 33]. Как отмечал Г.А. Климов в своей статье «Вопросы методики сравнительно-генетических исследований», «метод внутренней реконструкции охватывает целую совокупность совершенно различных по

своему характеру методов» [5, с. 50], в том числе метод «пропущенных звеньев». Это значит, что будут выявлены словообразовательные цепочки, в которых будут восполнены пропущенные звенья. Это даст возможность представить цепочки как часть словообразовательной системы.

На примере легко показать действие восполняющей экспликации. Возьмём слово сътажати $\{с\bar{ь}-тенг=и=а=т\bar{и}\}$. Так как словообразование происходит ступенчато, то достаточно просто восстановить производящее – тажати $\{тенг=и=а=т\bar{и}\}$. Данное слово не зафиксировано в текстах, однако оно содержится в производном слове и формально, и семантически: сътажати – приобрести, получить, тажати – тяжелеть. Соответственно, приобрета, как бы отяжелеть приобретённым.

Производным к тажати $\{тенг=и=а=т\bar{и}\}$ будет глагол тажити $\{тенг=и=т\bar{и}\}$, последовательно выводимый из глагола утажити $\{у-тенг=и=т\bar{и}\}$. Если бы данный глагол (тажити) не был представлен в текстах или не мог бы быть восстановлен, пришлось бы говорить об одном суффиксе ъ, но так как восстанавливается форма с суффиксом третьей степени глагольного действия -и-, то мы будем говорить о двух суффиксах: -и- и -а-. Впрочем, в случае тажити трудно говорить о восстановлении, так как в текстах-источниках данного словаря такой глагол действительно не зафиксирован, однако зафиксирован в текстах-источниках чешского словаря старославянского языка, а именно в тексте «Беседы на Евангелия» Святителя Григория Двоеслова [13, с. 560].

Таким образом, можно говорить о словообразовательной цепочке тажити – тажати – сътажати, как, впрочем, и о многих других цепочках, например, тажити – тажати – сътажати – сътажань – сътажание с восстановленным причастием сътажань. Множество цепочек объединяются в словообразовательное гнездо.

Работая с системой, важно помнить, что в ней всё взаимосвязано и подчиняется определённым законам. То есть изменения происходят в системе, а не в отдельных её элементах.

Рассмотрим действие восполняющей экспликации и системного метода на ещё одном примере. Существует следующая цепочка с пропущенным компонентом: блажити $\{болг=и=т\bar{и}\}$ – блажень $\{болг=и=е=н\_ь\}$ – ... – блаженьство $\{болг=и=е=н=ьск=тв\_о\}$. Исходя из того, что в системе рассматриваемого языка словообразование ступенчатое, то есть на каждом шаге прибавляется по одной морфеме справа от корня (в этом случае это будет суффикс) или слева (в этом случае это будет приставка), реконструируется форма блаженьскъ $\{болг=и=е=н=ьск\_ь\}$. Однако такая реконструкция должна быть принята системой. А в системе языка существуют иные цепочки: владычскъ $\{волд=ык=ьск\_ь\}$ – владычство $\{волд=ык=ьск=тв\_о\}$, апостольскъ $\{апостол=ьск\_ь\}$ – апостольство $\{апостол=ьск=тв\_о\}$, божьскъ $\{бог=ьск\_ь\}$ – божьство $\{бож=ьск=тв\_о\}$, разбойскъ $\{орз-бой=ьск\_ь\}$ – разбойство $\{орз-бой=ьск=тв\_о\}$, вльшьскъ $\{вълх=ьск\_ь\}$ – вльшьство $\{вълх=ьск=тв\_о\}$, епискоупьскъ $\{епискуп=ьск\_ь\}$ – епискоупьство $\{епискуп=ьск=тв\_о\}$, иереискъ $\{иэрэй=ьск\_ь\}$ – иереиство $\{иэрэй=ьск=тв\_о\}$,

крѣст'яньскъ {крѣст'яньскъ=ьск_ь} – крѣст'яньство {крѣст'яньскъ=тв_о},
 патриаршьскъ {патриархъ=ьск_ь} – патриаршьство {патриархъ=тв_о},
 презвитеръскъ {презвитеръ=ьск_ь} – презвитеръство {презвитеръ=тв_о},
 риторъскъ {риторъ=ьск_ь} – риторъство {риторъ=тв_о}, пророкъскъ {про-
 рокъ=ьск_ь} – пророкъство {про-рокъ=тв_о}.

В целом, можно говорить, что словообразовательная система старославянского языка представляет собой не что иное, как деривационное дерево, по своей форме являющееся неполным (асимметричным) треугольником Паскаля:

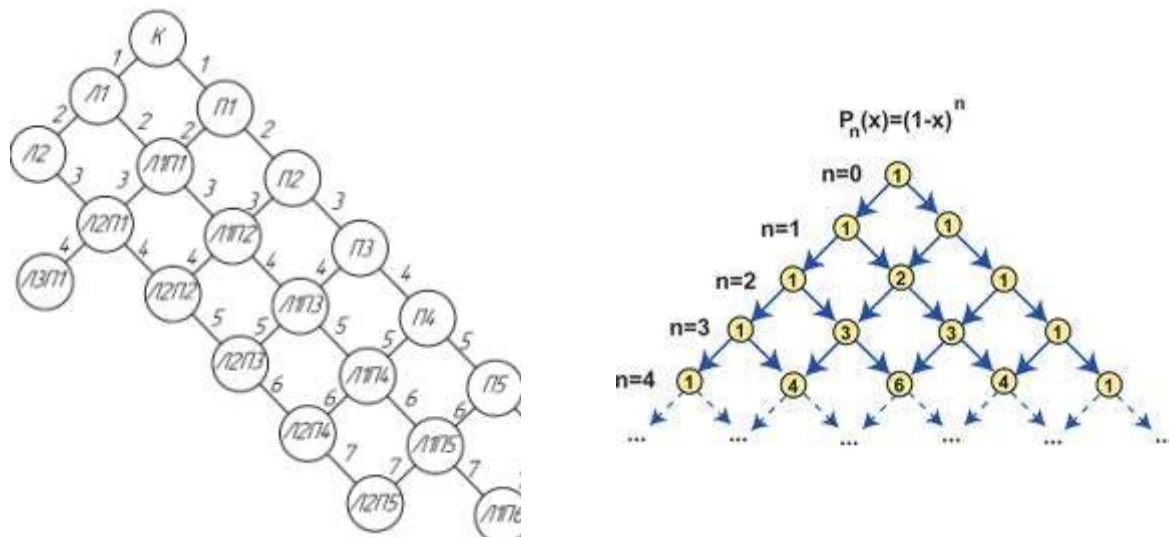
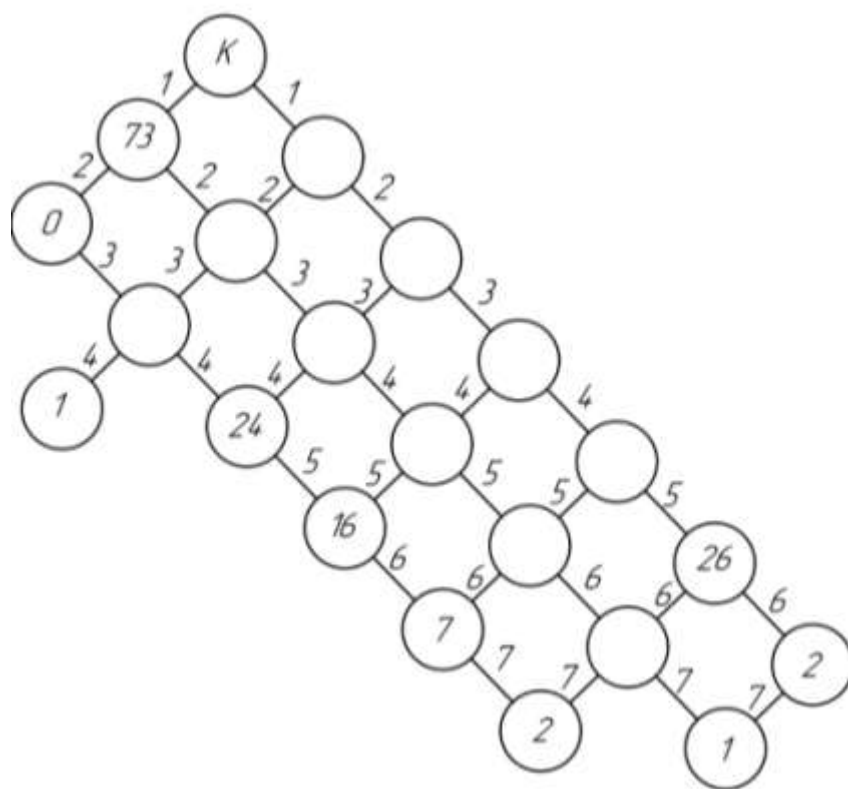

Рис. 1. Словообразовательная система старославянского языка и треугольник Паскаля.

Каждое число в данном треугольнике равно сумме двух расположенных над ним чисел. Продолжать треугольник можно бесконечно, а значит, его возможности бесчисленны и неисчерпаемы. Следовательно, неисчерпаемы и возможности системы языка.

Стоит отметить, что представленная на рисунке выше словообразовательная система является обобщённой. Это граф, рёбра которого – шаги деривации (первый, второй, третий, четвёртый, пятый, шестой и седьмой), а узлы – некоторый результат деривации, к которому можно прийти как по левой стороне – стороне префиксации (то есть прибавив приставку), так и по правой – стороне суффиксации (то есть прибавив суффикс). Соответственно, для конкретизации данной схемы будут задействованы обратные процессы – процессы депрефиксации и десуффиксации – по которым и будет происходить реконструкция и восполнение пропущенных звеньев.

Таким образом, каждый узел обобщённой схемы словообразовательной системы можно будет заполнить определённым количеством эксплицированных слов, получившихся на данном узле, как это представлено на рисунке ниже.

Рис. 2. Конкретизированная схема словообразовательной системы старославянского языка.

Данная схема ещё не завершена. Дальнейшее её заполнение – дело будущих исследований, однако сама возможность существования такой схемы говорит о том, что словообразовательная система уже настолько осознаётся в мельчайших своих аспектах, что может быть конкретизирована путём экспликации пропущенных звеньев с помощью известных типов словообразования и по описанным словообразовательным моделям с учётом чётких законов словообразования. Далее открываются широкие возможности для создания словаря восстановленной лексики старославянского языка. Это стало возможным благодаря тому, чему посвящено всё наша статья, – восполняющей экспликации старославянской лексики.

Литература

1. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по языкознанию. – Т. 1, 2. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963.

2. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия монографий / Под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1969. – Вып. 1. – 564 с.

3. Городецкий Б.Ю. Методы семантической инвентаризации ограниченного подъязыка. / Б.Ю. Городецкий, В.В. Раскин // Методы семантического исследования ограниченного подъязыка. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1971. – С. 64-208, 268-412. (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия монографий / Под общ. ред. В.А. Звегинцева, Вып. 5 "Автоматическая обработка речевой информации").

4. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – 464 с.
5. Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 87 с.
6. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики: монография // Библиотека лингвистической прогностики. – Т. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – 404 с.
7. Кретов А.А. Системная русская фонемология: монография; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. – 198 с.
8. Палмайтис М.Л. От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского / М. Л. Палмайтис, В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования, 1983. – М.: Наука, 1984. – С. 36-63.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / переводчик А. М. Сухотин; под редакцией Р.О. Шор. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 303 с. URL: <https://urait.ru/bcode/516045> (дата обращения: 12.05.2023)
10. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
11. Трубачёв О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М.: 1976. – С. 147-179. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubachev-76.htm> (дата обращения 12.05.2023)
12. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X-XI вв.. – М.: Наука, 1977. – 336 с.
13. Slovník jazyka staroslovenskeho / Hlavní redaktorka: Zde Hauptová. – Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1966-1977.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.А. Запруднова
(*Шанхай, Китайская Народная Республика*)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ПОНЯТИЯ «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»

В лингвистических исследованиях конца 20 – первой четверти 21 века наблюдается рост интереса к теории интертекстуальности. На современном этапе это одна из основных научных парадигм в лингвистике и литературоведении. Однако будучи молодым направлением, она по-прежнему требует уточнения как отдельных положений, так и системы терминов и понятий в целом. В настоящей статье предпринята попытка обобщить существующие подходы к определению интертекстуальности, изучить классификации текстов-источников, а также систематизировать подходы к выделению типологических форм интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекстуальность; теория интертекстуальности; текст; текстовые категории

A.A. Zaprudnova
(*Shanghai, People's Republic of China*)

ON THE BOUNDARIES OF THE NOTION OF “INTERTEXTUALITY”

In linguistic studies of the late 20th – first quarter of the 21st century, there is a growing interest in the theory of intertextuality. At present, this is one of the main scientific paradigms in linguistics and literary studies. However, being a young direction, it still requires clarification of certain postulates and the system of terms and concepts as a whole. This article attempts to generalize existing approaches to the definition of intertextuality, to study the classifications of source texts, as well as to systematize approaches to the identification of typological forms of intertextuality.

Key words: intertextuality; intertextuality theory; text; textual categories

Введение

Теория интертекстуальности относительно молодое направление в лингвистике и литературоведении, которое продолжает развиваться и разрабатываться с конца 1960-х годов. Исследования в рамках теории интертекстуальности вращаются в основном вокруг ключевого концепта филологии и теории литературы – текста, с определенным смещением фокуса внимания либо в сторону отношений автор-текст, либо в сторону отношений читатель-текст, либо в сторону отношений текст-текст.

Традиционно, в лингвистике под текстом было принято понимать «произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых

разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [1, с. 18-19].

Однако, в работах семиотиков Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды и др. текст стал рассматриваться не как изолированный самостоятельный продукт, а как «мозаика цитат», как «продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [2, с. 99]. Иными словами, текст перестал восприниматься как статичное произведение, произошло смещение акцента в сторону изучения его динамичности, возможности усиления его функционально-семантического потенциала за счет диалогических отношений с другими текстами.

Возникновение и развитие теории интертекстуальности

Первым вопрос о диалогичности текста поднял М.М. Бахтин, который писал, что в процессе создания текста автор не ограничивается лишь сферой своего субъективного, индивидуального сознания, а находится под воздействием «чужих», написанных до него, текстов, что позволяет ему вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания – несколько «чужих голосов». М.М. Бахтин дал этому свойству текста название «полифония» [3, с. 289].

Французский философ, лингвист и литературный критик Ю. Кристева предложила свой термин для описания диалогических отношений между текстами – «интертекстуальность» (фр. «L' Intertextualité»). В её понимании интертекстуальность – это «текстуальная интеракция внутри отдельного текста», перенос одной знаковой системы в другую знаковую систему, при котором происходит изменение и приращение смыслов [4, с. 42].

Термин, предложенный Ю. Кристевой, утвердился в лингвистике и литературоведении, и теория интертекстуальности получила дальнейшее развитие в трудах как отечественных (например, И.В. Арнольд, Н. А. Кузьмина, И.П. Смирнов, Н. А. Фатеева, М. Б. Ямпольский и др.), так и западных учёных (например, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Риффатер и др.).

При этом, существующие подходы к трактовке интертекстуальности можно разделить на две большие подгруппы. В широком смысле интертекстуальность понимается как базовое свойство, присущее всем текстам, как непреднамеренная реализация в тексте всего культурно-исторического опыта личности — вербального и невербального, накопленного как в пределах собственной, так и в отношении мировой культуры. Интертекстуальность в широком понимании изучали как представители постструктурализма Р. Барт, Ю. Кристева и др., так и философы постмодернизма Ж. Деррида и др.

Так, Р. Барт вслед за Ю. Кристевой опирался на определение текста как «ткани, сотканной из старых цитат», утверждая, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [5, с. 218].

В более поздних работах французских философов, начиная с Ж. Женетта, наблюдается постепенный переход к узкой трактовке понятия интертекстуальность, так как рассмотрение всякого текста как интертекста растворяет сами понятия текста и интертекстуальности и делает бессмысленной всякую коммуникацию.

Ж. Женетт вводит обобщающий термин «транстекстуальность» и рассматривает интертекстуальность наряду с архитектекстуальностью, паратекстуальностью, метатекстуальностью и гипертекстуальностью как наиболее специфичный и очевидный из пяти видов межтекстовых отношений, представленный отношениями соприсутствия между двумя или несколькими текстами [6]. Среди способов объективации этих отношений Ж. Женетт называет цитирование, аллюзию, плагиат. Представленная Ж. Женеттом классификация неоднократно перерабатывалась и дополнялась. Например, представленная Н. Фатеевой типология интертекстуальных отношений в значительной мере является переработкой классификации Ж. Женетта [7].

В настоящее время интертекстуальность признается одной из основных текстообразующих категорий и рассматривается как способ семантической организации текста, как средство усиления его связности, когерентности и информативности. Эту точку зрения можно найти, например, у В. Дресслера, который включает интертекстуальность в семь основных категориальных характеристик текста [8]. При этом, согласно современной трактовке, она представляет собой «слагаемое широкого родового понятия... имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формулируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующей литературе» [9, с. 12].

На порождение смысла, как основной функции интертекстуальности, указывают в своих исследованиях Р. Нордквист, Е.А. Баженова, Ю.С. Гаврикова и др. Что касается способов объективации, интертекстуальность реализуется посредством «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий или реминисценций» [10, с. 356].

В рамках узкого подхода к интертекстуальности изучается порождение новых смыслов за пределами исследуемого текста за счёт его диалогических отношений с предшествующими вербальными и невербальными источниками, систематизируются языковые сигналы или маркеры интертекстуальности, разрабатываются классификации текстов-источников, выявляются типологические формы межтекстовых взаимодействий и др.

Понятие интертекста

Если широкий подход рассматривал бы интертекст как корпус всех текстов вообще, то в рамках узкого подхода под интертекстом понимается совокупность *однородно интертекстуально маркированных* текстов, т.е. текстов, которые содержат отсылки к одному источнику или друг к другу, или,

словами Т. Ван Дейка, включающие одну пресуппозицию – отсылку к факту, который известен или предполагается известным адресату [11].

В интертексте принимающий текст семантически и функционально обогащается не только за счет текста-источника, но и за счет других текстов, использующих тот же текст-источник, и, в свою очередь, сам является источником обогащения для других последующих текстов-реципиентов.

Н. Пьеге-Гро отмечает, что с точки зрения структуры, ядром интертекста является «сильный текст», «культурный знак», не всегда являющийся фактически исходным текстом [12, с. 73]. При этом текст-источник (претекст, прототекст, исходный текст, текст-донор) не обязательно представляет собой конкретное литературное произведение. Согласно классификации текстов-источников Е.А. Козицкой, прецедентным текстом может выступать: а) конкретное литературное произведение (в т.ч. на иностранном языке); б) творчество какого-либо автора, воспринимаемое как идейно-эстетическая целостность; в) определенные обладающие «исторической общезначимостью» типы культуры; г) собственно национальная культура автора; д) «другая», отличная от своей, иноязычная культура; а также е) невербальные произведения, способные привносить в текст элементы «внехудожественной цитатности» [13, с. 16-17].

Д.Б. Гудков, говоря об интертексте и текстах-источниках, использует термин «прецедентные феномены» для обозначения элементов метатекста, которые осуществляют связь единиц интертекста. Д.Б. Гудков делит их на вербальные (феномены лингвистического плана) и поддающиеся вербализации (феноменам когнитивного плана). К вербальным феноменам он относит прецедентное имя и прецедентное высказывание. А к поддающимся вербализации – прецедентный текст и прецедентную ситуацию [14, с. 53-54].

Виды межтекстового взаимодействия

В отношении типологии межтекстового взаимодействия между текстом-источником и текстом-реципиентом, можно выделить следующие подходы: по характеру взаимодействия метатекста с тестом-источником (утвердительный/отрицательный); по уровню связи между метатекстом и тестом-источником и степени её прозрачности (явный/скрытый); по выполняемой функции; по типу отношений языковых единиц; по сфере действия.

Один из подходов был представлен самой Ю. Кристевой, которая выделяет три вида *взаимодействия метатекста с тестом-источником*, а именно: а) полное отрицание; б) симметричное отрицание (изменение существенных оттенков смысла); в) частичное отрицание [15, с. 256-257]. П. Тороп также даёт оценку характера взаимодействия метатекста с прототекстом и выделяет два типа: а) утвердительный; б) полемический [16, с. 39].

В рамках другого подхода интертекстуальные отношения между текстами классифицируются по *уровню связей и степени их прозрачности*. Так, Л. Дженни выделяет: а) сильную интертекстуальность (англ. strong) с явно выраженными, очевидными связями между текстами и б) слабую интертекстуальность (англ. weak) с предполагаемыми связями на уровне

семантических компонентов. Первая может быть представлена такими фигурами как цитата, аллюзия, плагиат и др., в то время как второй вид отношений представлен менее очевидными компонентами, такими как сюжетные идеи, семантические компоненты и др. [17, с. 104].

Фэйрклоу также разграничивает явный или скрытый уровни связи между метатекстом и тестом-источником, и для их обозначения вводит термины манифестированная интертекстуальность (англ. *manifest intertextuality*) и конститутивная интертекстуальность (англ. *constitutive intertextuality*) соответственно. При этом понимание манифестированной интертекстуальности у Фэйрклоу оказывается по сути близким понятию сильной интертекстуальности у Дженни, где исходный текст явно представлен и маркирован в тексте-доноре и которая прямо противоположна конститутивной интертекстуальности, так как последняя требует от адресата сосредоточиться на сложной структурной взаимосвязи между исходным и принимающим текстами [18, с. 118].

Б. Син также выделяет два вида интертекстуальности, а именно специфическую интертекстуальность (англ. *specific intertextuality*) и видовую интертекстуальность (англ. *generic intertextuality*) [19, с. 14]. Предлагаемая трактовка специфической интертекстуальности по большей части совпадает с трактовкой сильной интертекстуальности Л. Дженни и манифестированной интертекстуальности Фэйрклоу, так как реализуется за счет явных включений в текст-реципиент отрывков других текстов, как атрибутированных, так и неатрибутированных. Видовую интертекстуальность Б. Сина можно в свою очередь соотнести с конститутивной интертекстуальностью Фэйрклоу, или архитектстуальностью Ж. Женетта, так как она обозначает отношения, которые конкретный текст поддерживает с определенным жанром или стилем.

Функциональный подход, предложенный Э. Девитт, расширяет классификацию интертекстуальности до трех видов, включающих референциальную, функциональную и видовую интертекстуальность. Если референциальную и видовую интертекстуальность логически можно соотнести с двумя типами, выделяемыми Л. Дженни, Фроу, Фэйрклоу и Б. Сином, то функциональная интертекстуальность возникает, когда текст взаимодействует сразу с серией текстов, т.е. «является частью более широкой системы текстов, посвященных определенной проблеме, и находится под ее влиянием» [20, с. 57].

Н. Пьеге-Гро разработала типологию интертекстуальности, в основу которой положены *типы отношений языковых единиц*. Её типология интертекстуальных отношений включает: а) отношения соприсутствия, куда относит цитату, референцию, плагиат, аллюзию; и б) отношения производности, основными видами которой считает пародию, бурлескную травестию, стилизацию [21, с. 84].

В зависимости *сферы действия* Кук выделяет внутри-жанровую (*intra-generic intertextuality*) и кросс-жанровую интертекстуальность (*inter-generic intertextuality*). На материале рекламных текстов он доказывает, что отдельные жанры не существуют как самостоятельный жанр, но имеют «паразитическую»

природу и представляют собой комбинацию элементов других жанров [22, с. 12, 219]. Кук называет это явление внутри-жанровой интертекстуальностью. Кросс-жанровая интертекстуальность же была описана как появление голосов разных жанров в рекламе.

Заключение

Теория интертекстуальности – развивающееся направление в лингвистике и литературоведении. Ввиду этого системного подхода к трактовке и использованию вовлекаемых в теорию интертекстуальности понятий пока нет. Однако, можно обнаружить тенденцию к узкому пониманию термина интертекстуальность, что позволяет выделять её типологические формы и исследовать функции.

Проведенный анализ существующих классификаций показал, что в настоящий момент нет единой типологии межтекстовых взаимодействий. Предлагаемые исследователями классификации часто повторяют или уточняют друг друга, используя различные термины для обозначения близких или идентичных понятий.

Представленный обзор литературы может быть использован для уточнения терминологического аппарата и дальнейших исследований механизмов актуализации интертекстуальности и реализации межтекстового взаимодействия.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 128 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму: пер. с фр. / сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. — С. 427–457.
3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – 421 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
5. Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: Энцикл. справ. / Науч. ред., сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Интрада, 1999. – 320 с.
6. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Науч.мир, 1982. –76 с.
7. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
8. Дресслер, В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: реферативный сборник. – М., 1978. – С. 55–73.
9. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: С-Петербург. ун-т, 1985. — 193 с.
10. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 444 с.
11. Van Dijk T. Pragmatics, Presupposition and Context Grammar, 1976. URL: <https://discourses.org/articles/>. (дата обращения: 01.09.2023)

12. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности; Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова; пер. с фр. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
13. Козицкая Е.А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте: Пособие по спецкурсу. – Тверь: Тверской гос. университет, 1999. – 140 с.
14. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
15. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э.А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.
16. Тороп П.Х. Проблема интекста// Труды по знаковым системам 14: Текст в тексте. Тарту, 1981. – С. 33–44.
17. Jenny L. The Strategy of Form. In Todorov, T. (ed.). Carter, R. (trans.). French Literary Theory. Cambridge: CUP, 1982. – 239 p.
18. Fairclough N. Discourse: Text: Linguistic and intertextual analysis within discourse analysis. *Discourse & Society*, 1992, 3. – P. 193–217.
19. 辛斌 (Xin Bin) .语篇互文性的语用分析[J]. 《外语研究》, 2000(3), 14-16页.
20. Devitt A.J. Intertextuality in Tax Accounting: Generic, Referential, and Functional. In Bazarman, C. J. Paradis. (eds.). *Textual Dynamics of the Professiona*. – Madison: U of Wisconsin, 1991. – 336 p.
21. Cook G. *The Discourse of advertising* (2nd ed.). – London: Routledge, 2001. – 268p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**АКТУАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ПИСЬМЕННОЙ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГОВ**

В статье рассматривается формирование письменной переводческой компетенции у студентов нефилологов. Приводится определение понятия перевод. Выделяются составляющие переводческой компетенции. Даются виды предпереводческих и переводческих упражнений, необходимые для обучения данному виду деятельности.

Ключевые слова: письменная переводческая компетенция; составляющие переводческой компетенции; переводческие и предпереводческие упражнения; неязыковой вуз

Л.А. Ivanova, E.L. Lukomskaya
(Moscow, Russia)**ON THE IMPORTANCE OF THE WRITTEN TRANSLATION
COMPETENCE FORMATION AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES**

The article deals with the problem of the written translation competence formation at non-linguistic universities. A definition of the notion of translation is given. The components of the translation competence are singled out. The article provides examples of pre-translation and translation exercises aimed at teaching written translation.

Key words: written translation competence; translation competence components; pre-translation and translation exercises; non-linguistic university

В современную эпоху, стремительной интеллектуальной революции для качественной подготовки специалиста, способного уверенно действовать в инновационной информационной среде, готового извлекать, обрабатывать и передавать профессионально значимую информацию, особое значение приобретает курс научно-технического перевода, изучение которого позволило бы сформировать переводческую компетенцию будущих выпускников.

В современной науке имеется целый ряд определений перевода, которые отражают разные стороны этого многогранного феномена. Заслуживает внимание определение, данное Л.С. Бархударовым «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т.е. значения» [1, с. 15]

В данной работе под переводом мы понимаем прежде всего интеллектуальную деятельность, в результате которой достигается сравнительное равенство содержательной, смысловой, стилистической и функционально-коммуникативной информации исходного и переводного текста.

Необходимо подчеркнуть, что осуществление письменного перевода подразумевает владение учащимися переводческой компетенцией, т.е. совокупностью знаний, умений и навыков, позволяющих им решать свои профессиональные задачи [2, с. 15].

При формировании переводческой компетенции следует учитывать её базовые, а также специфические и специальные составляющие. Так, например, по Л.К. Латышеву базовой составляющей переводческой компетенции является язык со всей его лексической системой, грамматическими формами и правилами, способность употреблять язык в соответствии с существующей речевой традицией во всех его тематических и стилистических диапазонах – в переводе научных и технических текстов, художественной литературы и др.

К специфической составляющей относится владение определенными способами перевода, а к специальной – нужная для переводчика тематика и стилистический жанр.

При формировании базовой составляющей переводческой компетенции развиваются знания, умения и навыки, необходимые для любого вида перевода (письменный, устный), вне зависимости от жанра переводимого текста (научно-технический, деловой, публицистический и т.д.).

Формирование специфической составляющей переводческой компетенции связано с развитием знаний, умений и навыков, необходимых в каком-то одном виде перевода (письменный или устный).

С формированием специальной составляющей переводческой компетенции развиваются знания, умения, навыки, необходимые при переводе текстов определенного жанра и стиля: научно-технического, делового и т.д. Формируется способность осуществлять перевод в определенной предметной области.

Можно считать установленным, что перевод научного текста должен отвечать требованиям адекватности, эквивалентности, точности, ясности, чёткости и логичности изложения.

Чтобы перевод научного текста удовлетворял вышеуказанным требованиям, студенты должны овладеть определенными переводческими навыками и умениями, которые формируются на основе как языковых, так и экстралингвистических знаний, в процессе речевой деятельности.

Опыт преподавания иностранного языка в неязыковом вузе показывает, что обучение студентов неязыкового вуза письменному переводу научных текстов будет более эффективным при условии поэтапного перехода обучения от перевода научно-популярных текстов (как текстов с минимальной долей терминов и дефиниций, доступных для студентов любой специальности и с любым образованием) к научным текстам (как текстам с широким использованием терминологии и синтаксически сложных предложений, предназначенным для узкого круга специалистов) что обеспечивает формирование, с одной стороны, лексических, грамматических и речевых навыков, а с другой умений содержательного анализа текста (выделять в тексте основную мысль, ключевые слова, отдельные существенные факты текста;

извлекать основную информацию из текста; обобщать отдельные факты текста; соотносить отдельные части текста друг с другом и др.), умений передачи информации текста в форме реферативного и «полного» письменного перевода (осуществлять необходимые лексические и грамматические трансформации, используемые в языке перевода, находить верные вербальные эквиваленты в языке перевода согласно контексту, сопоставлять текст оригинала и текст транслата в результате перевода речевого произведения).

Система упражнений, направленная на формирование навыков и умений в письменном переводе научных текстов, строится с учётом принципов сознательности, последовательности, системности, доступности и повторяемости языкового материала. На первом (предпереводческом) этапе выполняется комплекс упражнений, направленных на формирование навыков и умений понимать текст, осуществлять содержательный анализ текста, извлекать необходимую информацию из текста, передавать информацию текста в форме реферативного перевода.

Предпереводческие упражнения имеют целью создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у студентов языковых и фоновых знаний, показать им решение типовых переводческих задач. [3, с. 17].

Среди предпереводческих упражнений целесообразно выделить упражнения на формирование общеучебных и собственно языковых умений. Типичным примером предпереводческого упражнения, формирующего собственно языковые умения, является упражнение на перефразирование с последующим переводом.

Этапами работы над лексикой при выполнении письменного перевода являются:

- уяснение значения слов и словосочетаний;
- собственно перевод;
- анализ перевода, проверка [3, с. 15].

На этом этапе при формировании умений и навыков письменного перевода научно-технических текстов, можно использовать следующие предпереводческие упражнения:

- лексические упражнения на тематическую лексику, включающие в себя термины, названия и т.д.; подбор эквивалентов активного словаря по изучаемым темам;

- грамматические упражнения, направленные на распознавание указанных грамматических явлений;

- лексико-грамматические упражнения могут включать в себя упражнения по выявлению несоответствий в текстах иностранного языка и переводящего языка, поиск эквивалентов как на иностранном, так и на русском языке. Также обучаемым предлагается найти в тексте обозначенное грамматическое явление и проанализировать способ перевода [4, с. 112).

В зависимости от типа упражнений и этапа тренировки упражнения могут выполняться в аудитории без предварительной подготовки или даваться как домашнее задание с последующей проверкой.

Говоря о предпереводческих упражнениях, прежде всего, имеются в виду упражнения на подбор переводческих эквивалентов лексическим единицам, объяснения клише, которые могут быть неизвестны студентам.

Переводческий этап направлен на формирование лексико-грамматических навыков и умений в письменном переводе научных текстов.

К переводческим упражнениям могут относиться:

- упражнения – микротексты научного характера по изучаемой на занятии теме для письменного перевода, где представлены различные переводческие трудности;

- упражнения – (статьи, аутентичные материалы), перевод которых позволяет судить о степени сформированности переводческих навыков и умений.

Согласно Н.Н. Гавриленко переводческие упражнения включают следующие виды:

1 этап. Предпереводческие упражнения		
	Виды упражнений	Группы упражнений
	Прочитайте статью. Ответьте на вопросы по статье (исключительно содержательного плана)	I. Первичная семантизация терминологии. Упражнения на поиск русскоязычной информации в области научно-технического знания и упражнения на русском и иностранном языках, предполагающие ознакомление со специальным знанием
	Дайте определения ключевых русскоязычных терминов	
	Найдите параллельную статью по теме на иностранном языке	
	Переведите незнакомые термины с помощью словаря. Переведите интернациональные слова и термины, используя механизм догадки	
	Выпишите из переводного текста термины, относящиеся к семантическому полю ключевого слова	
	Соотнести список терминов с соответствующими дефинициями	II. Вторичная семантизация терминологии. Упражнения на подбор и составление дефиниций
	Подобрать дефиниции самостоятельно (возможно, как домашнее задание)	
	Прочитайте текст о новой для вас области научно-технического знания	III. Упражнения, связанные с понятийным аппаратом изучаемой темы.
	Определите жанр данного текста, вместе с преподавателем уточните его основные особенности	
	По заголовку текста попробуйте определить его смысловое содержание	
	Проанализируйте композицию текста	

1	(выделите введение, основную часть, заключение)	
2	Составьте план текста, обращая внимание на основную информацию	
3	Подберите свои варианты для заголовка	
4	Найдите в тексте культуроведчески маркированные слова и имена собственные. Найдите их толкование.	
5	Порассуждайте, кому может быть направлен данный текст (уточнение характеристик адресата)	
6	Определите метод изложения (дедуктивный, индуктивный)	
7	Определите способ изложения (описание, рассуждение, повествование и полемика)	
8	Определите главную и второстепенную информацию	
2 этап. Операционный переводческий цикл.		
	Перевод безэквивалентной лексики различными способами (транслитерация, калькирование, подбор адекватной замены, описательный перевод, примечания – комментарии переводчика)	I. Упражнения на обучение переводу безэквивалентной лексики: терминология, имена собственные и реалии.
	Перевод конструкций из переводного текста с наиболее частотными грамматическими трудностями научно-технического функционального стиля (пассивный залог, безличные обороты, причастия прошедшего времени и др.)	II. Упражнения на снятие грамматических трудностей при переводе.
	Перевод указанных абзацев, содержащих различные грамматические трудности	
3 этап. Редактирование		
	Сравните два-три варианта перевода, какой из них Вам кажется более удачным, почему?	
	Найдите в неудачном переводе нормативные ошибки в употреблении русского языка, исправьте их	
	Сравните свой перевод с переводом профессионального переводчика, проанализируйте различия	
	Сравните свой перевод с переводами одноклассников, выберите лучший, аргументируйте	
	Найдите в переводе соседа по парте ошибки в переводе, классифицируйте их	

Изучив все предложенные упражнения, можно сделать вывод о том, что переводческие упражнения повторяют переводческий процесс, проходя все этапы перевода:

- Предпереводческий анализ текста
- Создание глоссария
- Черновой перевод
- Редактирование текста.

Методика обучения письменному переводу на нефилологических факультетах решает задачу овладения студентами переводческой компетенцией, которая развивается на основе системы упражнений, направленных на формирование следующих умений:

- эквивалентного перевода тематической лексики;
- преодоления грамматических трудностей перевода, возникающих у студентов вузов в связи с существующим несоответствием между объёмом грамматических знаний, которыми располагают обучающиеся к началу обучения письменному переводу и необходимыми грамматическими знаниями для осуществления письменного перевода;
- создания вторичного текста (перевода), максимально приближенного к оригиналу по стилю и жанру.

Курс письменного перевода научных текстов по специальности должен являться средством развития способностей творческого мышления как составной части критического мышления, поскольку специалист со знанием иностранного языка, опираясь на механизм памяти, осуществляет свою профессиональную деятельность на уровне интеллектуальной, личностной, социальной активности, при этом творческое мышление является основой для планомерной работы и сбора информации.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Латышев Л.К., Провоторов В.И., Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. Учебно-методическое пособие. – Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
3. Пумпянский А.Л. Упражнения по переводу английской научной и технической литературы с русского на английский. – Минск: Попурри, 1997. – 400 с.
4. Штульман Э.А. Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1971. – 143 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ПРИМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ КАК
СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ
ПОНИМАНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА**

Данная статья посвящена проблеме синтаксической интерференции, осложняющей понимание иноязычного текста. Подчеркивается, что в сочетании с низкой читательской грамотностью, влияние синтаксической интерференции еще больше затрудняет понимание. В статье описываются стратегии преодоления синтаксических трудностей, используемые обучающимися в ситуации учебного двуязычия при понимании иноязычного текста. Автор устанавливает связь между использованием тех или иных стратегий и качеством понимания прочитанного.

Ключевые слова: понимание иноязычного текста, коммуникативные стратегии, синтаксические трудности

А.S. Ivonina
(Surgut, Russia)**COMMUNICATION STRATEGIES AS MEANS OF OVERCOMING
SYNTACTIC DIFFICULTIES IN FOREIGN LANGUAGE TEXT
COMPREHENSION**

The article deals with the problem of syntactic interference, which complicates the comprehension of foreign-language text. It is emphasized that, combined with low reading competence, the influence of syntactic interference further complicates comprehension. The article describes strategies for overcoming syntactic difficulties used by students in a situation of educational bilingualism during foreign language text comprehension. The author establishes a link between the use of certain strategies and the quality of understanding the text.

Key words: foreign language text comprehension, communication strategies, syntactic interference

*Мозгу должно быть тяжело
(Т. Черниговская)*

Дети, которые читают книги, подобные «Гиннессу», обычно декодируют так гладко, что без нейровизуализации мы не увидим истинную картину событий. Но декодирование не означает понимание. Даже когда читатель осознает фактическое содержание, цель на этом этапе глубже: улучшение способности понимать различные возможности слова – иронию, метафоры, точку зрения – и читать «между строк».
(М. Вулф «Пруст и кальмар», в пер. Е.Ю. Мягковой)

Синтаксическая организация текста во многом определяет результат его понимания. Однако, в отечественной науке, синтаксическое устройство письменного текста как фактор, влияющий на качество понимания прочитанного, является недостаточно изученной проблемой. Между тем, современные зарубежные (Роджер С. Франц, 2014) и отечественные (Кнутов А.В., Чаплинский А.В., Алимпеев Д.Р., 2022) исследования подтверждают существование зависимости результата понимания текста от его синтаксической сложности.

Еще менее исследованной является проблема понимания иноязычного текста в ситуации учебного билингвизма, зависимость восприятия иноязычного текста от его синтаксической организации. Остаются открытыми вопросы, какого уровня понимания иноязычного текста возможно достигнуть в ситуации учебного билингвизма в условиях разного уровня читательской грамотности старшеклассников; существует ли связь между уровнем читательской грамотности на родном языке и уровнем понимания иноязычного текста, в какой степени синтаксическая сложность иноязычного текста влияет на качество понимания данного текста в условиях учебного билингвизма. Данные вопросы определяют актуальность нашего исследования.

Цель статьи: описать стратегии преодоления синтаксических трудностей в процессе понимания ИЯ текста и определить как использование тех или иных стратегий способствует более глубокому пониманию прочитанного.

Результат чтения текста – это понимание смысла текста, а извлечение смысла, в свою очередь, составляет основу читательской грамотности. По данным международных исследований PIRLS и PISA в 2015 году, отсутствие внимания к динамике развития читательской грамотности в основной школе приводит к тому, что у старшеклассников не только не происходит положительных изменений, но и реальна ситуация регресса [4]. Согласно исследованиям Ю.Н. Гостевой, М.И. Кузнецовой, Л.А. Рябининой, Г.А. Сидоровой, Т.Ю. Чабан 2019 года, затруднения понимания текста обучающихся связаны с неумением строить собственные умозаключения, объединять информацию из разных частей текста и самостоятельно её истолковывать, находить точную информацию среди тематически сходной, критически относиться к фактологической информации текста.

Перечисленные затруднения являются показателем того, что понимание текста происходит в основном на поверхностном, семантизирующем уровне. А те умения, которых не демонстрируют многие обучающиеся - умения видеть вариативность смыслов текста, делать собственные обобщенно-смысловые выводы о содержании текста, понять позицию автора и формулировать личное мнение на основе текстовой информации, относятся к более высоким типам понимания – соответствуют когнитивному и личностному уровням понимания текста (Г.И. Богин) [1, с. 238].

В случае с пониманием иноязычного текста на пути постижения смысла могут встать такие объективные препятствия как ограниченность лексических и грамматических знаний. Если читатель не знает того или иного слова и контекста ему недостаточно, чтобы адекватно подобрать его эквивалент на родном языке, то включаются определенные интеллектуальные механизмы, которые достраивают смысл текста и домысливают его содержание по аспектам, необходимым для создания целостной модели текста. Однако, в педагогической практике также встречаются случаи, когда перевод всех слов читателю известен, но смысл предложения все равно не ясен. В этой связи становится логичным вывод о том, что на понимание текста оказывает влияние и то, каким образом слова организованы в предложения, то есть синтаксическая организация текста.

Так, например Быстров Н.А., Красин А.А., Хворостова К.А., Врублевский Ю.О. отмечают, что для передачи дополнительной информации в русском языке используются придаточные предложения, а в английском причастные обороты и инфинитивы [2, с. 264-266]. Следовательно, при восприятии текста и развертывании его во внутренней речи в условиях отсутствия достаточного языкового опыта русскоязычный обучающийся, изучающий английский язык, будет прибегать не к естественным для английского языка грамматико-синтаксическим паттернам, а к привычным ему с самого детства шаблонам, присущим русскому языку. Такое поведение может привести к речепорождению, наполненному грамматико-синтаксическими кальками с родного языка, что может приводить к коммуникативным неудачам [6].

Различия в синтаксических нормах родного и иностранного языков в части построения предложений, порядка слов, использования предлогов и страдательного залога – все это приводит к синтаксической интерференции и, как следствие, препятствует пониманию.

Таким образом, чем легче для читателя оказывается лексические и грамматические средства языка, которыми оформлено «тело текста», тем быстрее и легче будет читателю его расшифровать. При таком положении дел, достаточно быстро достигается семантизирующее понимание текста.

Какова же природа когнитивного уровня понимания и критического уровня. Возможно ли в ситуации учебного двуязычия добиться глубокого и вариативного понимания текста?

Американский нейробиолог М. Вулф, чтобы проиллюстрировать всю сложность интеллектуальных процессов в процессе постижения смысла при чтении текста, обращается для примера к фрагменту романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [3, с. 221-223]. Еще до прочтения отрывка, контекстуальная информация, которая сообщается читателю, возбуждает ряд исполнительных процессов, связанных с предугадыванием, ожиданиями и планированием. Эти процессы настраивают реципиента на конкретный литературный жанр, место и время действия. Далее, в процессе репрезентации слова помещаются во «временное хранилище» (рабочую память), чтобы

«удержать» очень непростое знание – не только о значениях отдельных слов и фраз и их грамматических употреблений, но и о ряде сложных, иногда парадоксальных пропозиций в тексте. Значения этих концептов активируют долговременную память, чтобы найти общие фоновые знания, а также энциклопедические. Далее, во внутреннем диалоге читатель начинает выводить несколько гипотез относительно отношений между героями текста. Во время чтения отрывка, читатель контролирует свое понимание, чтобы удостовериться, что его выводы соответствуют имеющимся в долговременной памяти фоновым знаниям. Если же возникает несоответствие между тем, что прочитано и теми выводами, которые сделаны, реципиент перечитывает, чтобы пересмотреть свое понимание не укладывающейся в общую картину части или всего текста.

Таким образом, сталкиваясь с неразрешимой коммуникативной трудностью при чтении иноязычного текста, читатель вынужден искать способы восполнения смысловой лакуны.

Согласно А.А. Залевской [5, с. 78], при возникновении трудности, у читателя существуют определенные стратегии их преодоления. Эти стратегии описываются в книге как врожденные способности, хотя им можно целенаправленно обучать.

В книге зарубежного лингвиста Р. Эллис [7, с. 182-185] эти стратегии называются коммуникативными и делятся на две категории:

- стратегии редуцирования первоначального плана высказывания, т.е. попытки снять возникшую проблему посредством отказа от какой-либо составляющей своей коммуникативной цели;
- стратегии достижения цели, функционирующие в случаях, когда обучаемый решает сохранить первоначальный замысел высказывания и ищет для этого средства компенсации недостающих или неподходящих ресурсов (т.е. применяет компенсаторные стратегии).

В классификации стратегий зарубежного исследователя (Tarone. E. 1980), выделяются следующие типы коммуникативных стратегий: стратегии перефразирования (аппроксимация, словотворчество, подмена описанием); стратегии переноса (буквальный перевод, переключение кодов); стратегии избегания (уклонение от темы, отказ от продолжения высказывания).

Таким образом, согласно классификациям, обучающийся может применить либо продуктивные стратегии и добиваться достижения коммуникативной цели, либо стратегии избегания трудности, отказываясь от полноценного решения коммуникативной задачи, либо минимизируя усилия по её исполнению.

Поскольку процесс понимания иноязычного текста включает в себя развертывание текста и построение проекции воспринимаемого текста через его перевод на родной язык во внутренней речи, то при переводе иноязычного текста обучающийся также применяет «коммуникативные стратегии» для преодоления коммуникативных затруднений восприятия. Факт использования тех или иных стратегий при переводе иноязычного письменного текста на родной язык может свидетельствовать о том, какие фрагменты текста

представляли затруднение и каким способом обучающийся решал данные затруднения. Характер тех или иных коммуникативных стратегий выбранных для перевода сложных синтаксических конструкций текста может показать уровень понимания иноязычного текста читателем. Данный вывод мы делаем исходя из того, что описанные стратегии во многом соотносятся со стратегиями перевода, описанными в трудах Л.Л. Нелюбина, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова и других лингвистов. Кроме того, метод перевода как способа диагностики понимания текста используется в экспериментальных психолингвистических исследованиях современных лингвистов (Н.Н. Пешковой, И.В. Богословской, А.В. Громовой, С.С. Черновой).

С целью выявления стратегии перевода синтаксически сложных конструкций иноязычного текста, применяемых учащимися в ситуации учебного двуязычия, нами был проведен эксперимент, ход и результаты которого подробно описаны в материалах международной конференции «Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества» (г. Сургут, 2023). Коротко представим здесь суть эксперимента и его результаты. Учащимся требовалось перевести иноязычные тексты с целью передать то, как учащиеся поняли содержание текста. Одна группа испытуемых получила текст неадаптированного содержания, а другая группа переводила текст, синтаксическая организация которого была более адаптирована под нормы сочетаемости русского языка, страдательный залог заменен на действительный, сокращено количество зависимых слов. В получившихся инвариантах перевода наблюдалась следующая тенденция: варианты перевода адаптированного текста были менее разнообразны, чем текста оригинала. При переводе адаптированного текста в большинстве случаев были использованы стратегии переноса, т.е. буквального перевода с одного языка на другой, а также были случаи применения стратегии избегания, когда фрагмент предложения оставался не переведен. В вариантах перевода текста-оригинала испытуемые чаще применяли компенсаторные стратегии, такие как переводческие трансформации, замены, опущения, перевод был «вольным». Опыт показал, что при обработке, декодировании и переводе оригинального иноязычного текста, синтаксис которого значительно отличается от синтаксической нормы родного языка, у переводчика возникала необходимость использовать творческое мышление. Продуктивные коммуникативные стратегии активизировались в ситуации, когда необходимо было подобрать наиболее равноценный, при этом, и наиболее соответствующий норме родного языка эквивалент. В ином случае, когда синтаксис иноязычного текста приближен к синтаксису родного языка, не было необходимости углубляться в содержание текста с тем, чтобы осмыслить что имел в виду автор в том или ином предложении. Такое синтаксическое оформление воспринимается буквально, нет необходимости подбирать эквиваленты. Следовательно, чем больше синтаксическая организация иноязычного языка отличается от синтаксической нормы родного языка, тем вариативнее будут конечные переводы, тем глубже будет пытаться вникнуть в суть переводчик. Как следствие, это отразится на понимании текста. Понимание

более сложного, синтаксически сложно организованного текста, окажется более глубоким, нежели понимание текста, где синтаксис аналогичен родному языку. В последнем случае понимание будет более буквальным и менее творческим.

Таким образом, мы предполагаем, что достигнуть когнитивного и даже личностного уровней понимания в ситуации учебного двуязычия возможно, если будут соблюдены следующие условия: уровень предъявляемого текста соответствует уровню владения иностранным языком учащегося, уровень читательской грамотности достаточен, чтобы демонстрировать когнитивный и критический тип понимания, в ситуации учебного билингвизма отсутствуют синтаксические языковые опоры, намеренно облегчающие понимание текста.

Вывод

Понимание иноязычного текста может осуществляться на поверхностном или глубоком, критическом уровне. Уровень читательской грамотности на родном языке определяет возможность глубокого понимания текста на иностранном языке. При наличии достаточного уровня читательской грамотности и лексического запаса, пониманию текста могут препятствовать синтаксические трудности, приводящие к синтаксической интерференции. Для преодоления этих трудностей, обучающие вынуждены использовать коммуникативные стратегии. В процессе применения коммуникативных стратегий, то есть выбора тех или иных способов преодоления трудностей понимания, актуализируются творческие интеллектуальные процессы и происходит более глубокое понимание иноязычного текста.

Литература

1. Богин Г.И. Типология понимания текста // *Общая психолингвистика: хрестоматия* / сост. К.Ф. Седов. – М., 2004. – С. 230–258.
2. Быстров Н.А., Красин А.А., Хворостова К.А., Врублевский Ю.О. Грамматико-синтаксическая интерференция в речи русскоязычных студентов, изучающих английский язык // *Человеческий капитал*. – 2023, № 6(174). – С. 263–269.
3. Вулф М. Пруст и кальмар: нейробиология чтения // пер. Е.Ю.Мягковой. – Москва: КоЛибри, 2020. – 384 с.
4. Гостева Ю.Н., Сидорова Г.А., Кузнецова М.И., Рябинина Л.А., Чабан Т.Ю. Теория и практика оценивания читательской грамотности как компонента функциональной грамотности // *Отечественная и зарубежная педагогика*. Том I. – 2019, № 4.
5. Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия // *Учебное пособие для магистрантов*. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – 269 с.
6. Шимановская Л.А. Языковая интерференция и ее проявление в русско-английском переводе научной статьи по химической технологии // *Вестник Казанского технологического университета*. – 2014, №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-interferentsiya-i-ee-proyavlenie-v-russko-angliyskom-perevode-nauchnoy-stati-po-himicheskoy-tehnologii> (дата обращения: 28.08.2023)
7. Ellis, R. *Understanding second language acquisition*. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 327 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Языковая личность – один из главных вопросов, привлекающих внимание лингвистов сегодня. Особый акцент делается на том, каким образом адресант строит свое высказывание и какими принципами руководствуется. Очевидно, что способы выражения отношения адресанта и воздействия на адресата в юридической речи могут отличаться от таковых в научной речи в целом, что и послужило гипотезой для исследования. В результате был сделан вывод о том, что несмотря на научную принадлежность, юридическая речь не лишена экспрессивности и персонализированности. Особое внимание автора статьи привлекли мнения судей, несогласных с мнением большинства, поскольку они содержали наибольшее количество приемов, не соответствующих канонической научной речи.

Ключевые слова: юридическая речь, языковая личность, адресант, стратегии воздействия на адресата

E.G. Ilyicheva
(Saratov, Russia)

LINGUISTIC PERSONALITY IN LEGAL SPEECH

Linguistic personality is one of the main issues attracting the attention of linguists today, special emphasis placed on the principles the addressee making the utterance. Although the fact the ways of expressing the addresser's attitude and influencing the addressee in legal speech may differ from those in scientific speech in general, which served as a hypothesis for the study, the conclusions made were as follows. Legal speech is not devoid of expressiveness and personalization. Special attention of the author was drawn to dissenting judicial opinions, as they contained the largest number of techniques not corresponding to traditional scientific speech.

Key words: legal speech, linguistic personality, addresser, strategies of affecting the addressee

This article is aimed to study the legal speech, the main focus being on the principle of anthropocentrism, or human-centeredness. The principal character of the latter results from the fact that the central role in cognitive and speech activity belongs to a person [1, p. 13]. Reality can be represented in any language in the form of a projection, or matrix, but the linguistic picture received eventually is not an exact copy of the existing world. This is explained both by the influence of cultural peculiarities and the structure of some specific language. Human language used in order to study the inner mental nature of men transforms into a cognitive tool, a general cognitive mechanism and acts as a kind of knowledge "packaging" system.

The reality being reflected, the more significant aspect of some factual situation is actualized, and, as a result, the addresser chooses this or that construction in the language, being guided, first, by the intension, and, second, by specified

semantic roles of participants [2, p. 216]. The speaker's choice is also determined by the rules used to form constructions in the language under study [3, p. 125]. Perceiving a holistic image of an object or phenomenon, a person analyzes his/her impressions and forms a perceptual vision of a pattern. Further, the directly perceived object is compared with the image memorized or identified with some real-life object. A person being involved in an active cognitive process chooses the means of expression available in this or that language consciously [1].

The study of judgements of the Supreme Court of the United States revealed that informative two-member sentences prevailed (although some of them being parts of polypredicative syntactic units), which is quite logical and is the result of scientific speech in general, and legal speech, in particular, to be intended for the distant addressee, whose communicative reactions are certainly predictable, but are not obvious due to the lack of distinct communicative reactions, e.g.: *The Court has worked hard to define obscenity and concededly has failed* [5, p. 219]. However, linguo-creative research became possible, although it is not quite typical for scientific speech, but apparently takes place, since the subject of the study was not only general findings of the court and concurring opinions of judges, but also dissenting opinions, the language of which is characterized by great variety, emotionality and eagerness of an individual justice to express some general intent, still preserving his/her personal specifics.

This or that addresser presents the situation in such a way that the more significant focus of attention is set on its individual features. And despite the fact that event schemes are created at the language acquisition stage, "it is rather not language that determines a person's style of thinking and his or her world picture, but it is the world picture that determines the particularities of the words and constructions' meanings" [4, p. 69]. It is the addresser, in this context, a judge, who monitors information in a certain way and reflects cognitive activity results, highlighting the most important elements.

It is worth noting that the addresser expresses the attitude to the extra-linguistic situation or the interlocutor's statement by expressives, including evaluative and modal ones, as well as intensives. Cf.: *The Court thus proclaims itself sole arbiter of our Nation's moral standards—and in the course of discharging that **awesome** responsibility purports to take guidance from the views of foreign courts and legislatures. Because **I do not believe** that the meaning of our Eighth Amendment, **any more than** the meaning of other provisions of our Constitution, should be determined by the subjective views of five Members of this Court and like-minded foreigners, **I dissent**...* [5, p. 598], where both lexical and grammatical means of evaluation are used; *Despite its consistency on this point, the Court has found itself challenged in trying to define obscenity. Reflecting the exasperation experienced by the Court in trying to capture obscenity in an objectifiable manner was Justice Potter Stewart's observation, in *Jacobellis v. Ohio* (1964), that, even if he **could** not describe obscenity, "I know it when I see it. " After years of frustration, the Court in *Miller v. California* (1973) set forth a framework for defining and determining obscenity. In *New York v. Ferber* (1982), the Court determined that child pornography, even if not*

obscene under Miller, could be categorically prohibited without offense to the First Amendment [5, p. 214]; *Millions and millions of Americans regard it with an almost mystical reverence regardless of what sort of social, political, or philosophical beliefs they may have* [5, p. 259].

The assessment represented by expressives could be of emotional or verificational kind. The former indicates the emotions that the given situation made the addresser feel, and the latter determines the subjective location of the situation or one of its components on the rating scale, comparison with a standard being made. Cf: *Grand Central Terminal was designated as a “landmark,” for purposes of the New York law, because it provided an ingenious engineering solution to the problems presented by urban railroad stations as well as a magnificent example of the French beaux-arts style* [5, p. 550]; *The Court noted that “many things done with motives that are less than admirable are protected by the First Amendment”* [5, p. 206].

In addition to lexical means, such as evaluative words, estimation can be expressed by evaluative affixes, as well as syntactic means of conveying evaluation, such as inversion, or graphically, such as a double dash or exclamation mark. Cf: *Neither classic “fighting words” nor defamatory statements are immunized when they occur in a public place, and there is no good reason to treat a verbal assault based on the conduct or character of a private figure like Matthew Snyder any differently* [5, p. 213]; *Supporters of same-sex marriage have achieved considerable success persuading their fellow citizens – through the democratic process – to adopt their view* [5, p. 666]; *The American people have always been anxious to know what they shall do with us... I have had but one answer from the beginning. Do nothing with us! Your doing with us has already played the mischief with us. Do nothing with us!* [5, p. 148]. The last example is especially noteworthy because not only lexical and graphic evaluative intensification means but repetitions as well are used, which provide a greater degree of influence on the addressee.

Stylistic devices, such as epithets, similes, metaphors, metonymy, as well as irony or sarcasm, can also indicate assessment expressed, for example: *Today’s decision shows that decades of attempts to restrain this Court’s abuse of its authority have failed* [5, p. 668], where metaphor and sarcasm strengthen emotional impulse.

Subjective modality, which expresses the addresser's attitude to the statement content through use of modal verbs, their equivalents, modal words and verbs of desire, is also exemplified in judicial speech as one of the ways to influence the addressee. Cf: *In short, I am persuaded that the school district could (and did) permissibly exclude from its limited public forum proselytizing religious speech that does not rise to the level of actual worship* [5, p. 448]; *Westboro’s funeral picketing is certainly hurtful and its contribution to public discourse may be negligible* [5, p. 211]. *Because I wish to see all students succeed whatever their color...* [5, p. 148].

As another constructive tool to affect the audience in judicial speech, discussing questions addressed to oneself are often used, as the addresser contemplates in the process of decision making, or uses them as the means to indirectly focus attention on an important problem. Cf: *This statutory scheme provides the combatants held at Guantanamo greater procedural protections than have ever been*

afforded alleged enemy detainees—whether citizens or aliens—in our national history. *So who has won?* Not the detainees [5, p. 38]; There are other problems. Take witness availability. *What makes the majority think witnesses will become magically available when the review procedure is labeled “habeas”?* *Will the location of most of these witnesses change—will they suddenly become easily susceptible to service of process?* *Or will subpoenas issued by American habeas courts run to Basra?* ... The majority has no answers for these difficulties [5, p. 37-38]. In the last example, the series of questions is preceded by a problem statement and ends with having no unambiguous solution emphasized, which shows how reasonable is using the technique of discussing this topical issue with a distant addressee in judicial speech.

In general, the analysis of the empirical material showed a greater variety of style, syntactic and lexical features in dissenting opinions of judges who disagreed with the majority. Apparently, a dissenting opinion is one of the ways to express not only the author's personality, but also a meaningful way to influence the remote addressee's opinion, which is connected with the peculiarities of the case law system, where a dissenting opinion can be taken into account when considering cases with similar circumstances in the future. Cf: *The Court now holds that the First Amendment protected respondents' right to brutalize Mr. Snyder. I cannot agree* [5, p. 212]; *Today, however, the Court takes the extraordinary step of ordering every State to license and recognize same-sex marriage. Many people will rejoice at this decision, and I begrudge none their celebration* [5, p. 666].

Summarizing, it should be mentioned that the "human" factor issue in any language is still disputable in some aspects. Thus, it is still not determined whether the processes of thinking and speech production are sequential or concurrent, and what factors determine this correlation.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. – Тамбов, 2008. – С. 11–29.
2. Ильичева Е.Г. Конфигурация языковых и неязыковых знаний в гипотаксисных конструкциях английского языка // Вестник Саратовской юридической академии. – 2014, №5 (100). – С. 212-216.
3. Ильичева Е.Г. Особенности конструирования гипотаксисных отношений (на материале английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. 2010, №1 (11). – С. 124-128.
4. Болдырев Н.Н., Фурс Л.А. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами // Филологические науки. – 2004, № 3. – С. 67–74.
5. Contemporary Supreme Court Cases: Landmark Decisions since Roe v. Wade. Santa Barbara, Denver: ABC CLIO, 2016. – 746 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

МЕДИЙНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС

Рассматривается медийно-просветительский (популяризационный) дискурс, понимаемый как отдельный тип институционального общения, смыслообразующая цель которого состоит в распространении различной информации для удовлетворения любознательности широкой аудитории, сообщения важных сведений, актуальных для всех, и развлечения публики. Показано, что этот тип общения является сложным коммуникативным образованием и включает признаки медийного, педагогического, научного, рекламного и собственно развлекательного дискурса. Предлагается выделить его три функциональных подтипа – развивающий, инструктирующий и развлекательный. Первый подтип направлен на расширение кругозора аудитории, сообщение занимательной информации и опровержение распространенных заблуждений, второй подтип сводится главным образом к советам специалистов в области медицины и права, третий подтип представляет собой игровое распространение различной информации, достоверность которой может быть сомнительной.

Ключевые слова: просветительский дискурс, масс-медиа, информация, любознательность, коммуникация

V.I. Karasik
(Moscow, Russia)

MEDIA POPULARIZATION DISCOURSE

The paper deals with media popularization discourse treated as a type of institutional communication aimed at distribution and promotion of various information so as to satisfy public curiosity, deliver important instructions of behavior and entertain the audience. This type of discourse has a complex nature and includes the characteristic features of media, pedagogical, scientific, advertising and entertaining communication. Three functional subtypes of this discourse may be singled out: knowledge extension, survival instruction, recreation catering. The first subtype is aimed at public horizon broadening, curious information provision and wrong opinions correction, the second subtype is mainly focused on the instructions of specialists in medical and legal spheres, the third subtype is a ludic proliferation of various information with doubtful reliability.

Key words: popularization discourse, mass media, information, curiosity, communication

В ряду институциональных типов дискурса выделяется просветительский, или популяризационный, дискурс, его системообразующей целью является распространение знаний для широких масс. Просветительский дискурс (именуемый в разных работах как научно-популярный, популярно-медицинский, популярно-юридический) привлекал к себе внимание специалистов [1; 2; 5; 7; 11]. Этот дискурс расширяет знания о мире, его агентами являются как специалисты в той или иной области, так и любые

личности, считающие возможным поделиться с широким сообществом своими знаниями, не всегда достоверными. Тематика просветительского дискурса является весьма широкой, это знания о мире, выходящие за рамки того содержательного минимума, который сообщается в учебных заведениях, это занимательная информация о разных личностях и фактах, это обсуждением проблем, которые интересуют определенную часть общества и при этом порой не являются научно обоснованными.

Просветительский дискурс, как и другие типы институционального дискурса, возникает на базе обиходного общения в семье – дети задают вопросы о мире своим родителям и получают те или иные ответы, мы узнаем от знакомых определенную информацию и тем самым расширяем свой кругозор. Как и любой институциональный дискурс, просветительский дискурс является аксиологически маркированным, т.е. выражает определенные ценности, нормы и традиции поведения [3; 4; 6; 8; 9; 10].

Можно выделить несколько разновидностей медийно-просветительского дискурса. Во-первых, это популяризация знаний о мире, интересующих широкие массы населения. Для выполнения этой цели возникли научно-популярные издания, образцом которых является журнал «Наука и жизнь», это определенные рубрики в средствах массовой информации, теле- и радиопередачи. Во-вторых, это выступления специалистов перед аудиторией по актуальным вопросам нашего существования. Пандемия потребовала от медиков давать не просто знания о том, как вести здоровый образ жизни, правильно питаться, закаляться и т.д., но и практические рекомендации о том, что нужно делать в случае определенных заболеваний. Это особый тип знаний. Известно, что в эпистемологии противопоставляются разные типы знаний – объективные и субъективные, фундаментальные и ориентационные, субстанциональные и прикладные. Людям интересны выступления врачей и юристов перед широкими массами не для расширения кругозора, а для решения практических вопросов. В-третьих, можно выделить популяризационный дискурс, основной целью которого является развлечение широких масс. Специфика эпохи постмодерна состоит, как известно, в увеличении игрового компонента в нашем существовании, в равнозначности разных взглядов на мир, в тотальной карнавализации бытия. Тиражируемая информация в этом плане оценивается не как объективно значимое расширение знаний и не как необходимые сведения для выживания, а как вариант развлечения.

Просветительские публикации и выступления ученых перед широкой аудиторией нацелены главным образом не столько на тиражирование полученных знаний, сколько на постановку новых проблем. Такая цель объединяет научно-исследовательский, академический и научно-популярный типы дискурса. Примером подобных публикаций может быть статья двух российских авторов – А. Пиперского и А. Бердичевского «В переводе с небесного» (Русский Newsweek. №44, 27.10–02.11.2008. С. 52–54). Привлекает внимание подзаголовок: «Вслед за астрофизикой и астробиологией рождается

астролингвистика». Статья посвящена поиску контактов с разумными существами в космосе. В тексте сказано:

Недавно в Париже на конференции по поиску внеземной жизни Джон Эллиотт из британского университета Лидс Метрополитен представил компьютерную программу, позволяющую проверять космические сигналы на осмысленность. ... Простейший для анализа случай, говорит исследователь, если сигнал будет передан с помощью радиоволн (самый надежный и простой канал) и будет представлять собой последовательность единиц и нулей — двоичный код, используемый в компьютерах. ... В теории информации есть способ, который позволяет рассчитать так называемую частотность знаков (как часто они встречаются), определить уровень энтропии. Энтропия — мера случайности: она максимальна, когда все знаки встречаются с одинаковой частотой. Если же частотность у знаков разная, то энтропия уменьшается.

В этой публикации говорится о новом направлении в теории коммуникации, при этом показана межпредметная связь методов этой области знания с общей семиотикой и теорией информации. И хотя на сегодняшний день больших успехов у этого направления еще нет, стремление человечества выйти за рамки привычного опыта в познании мира заслуживает внимания и поэтому продвигается в популяризационном дискурсе.

В рамках первого направления просветительского дискурса можно выделить публикации или выступления специалистов перед широкой аудиторией, направленные на противодействие псевдонауке как явлению, наносящему вред всему обществу. Эта тема заслуживает отдельного освещения, но конспективно отметим, что поиск истины всегда сопровождается ошибками, повторение таких ошибок свидетельствует о предвзятости и тенденциозности, научная, педагогическая, политическая, религиозная и медийная коммуникация всегда является идеологически маркированной, т.е. отражает интересы определенного класса или группы, при этом оценка той или иной теории может быть зависимой от идеологических установок, и поэтому ярлык псевдонаучности может быть знаком самоидентификации. Стремительное развитие сетевого дискурса привело к возникновению любительских вариантов научного дискурса, любой пользователь сети может высказаться по интересующей его проблеме. Подобные выступления имели место и раньше, но в наши дни их стало значительно больше. Отметим, что в области математики, физики и химии любительских публикаций практически нет, а в сферах гуманитарного знания они стали заметным явлением.

Применительно к науке о языке и популяризации лингвистических знаний определенный вред лингвистике нанесли публичные выступления известного отечественного сатирика М. Задорнова. Показателен пример одного из его выступлений: «Слово «любовь» означает «люди Бога ведают» («лю» — люди, «бо» — Бог, «в» — ведают). А английское слово love (любовь) получилось в результате изъятия слога «бо». В итоге их любовь оказалась без Бога». Такое объяснение было бы допустимым в художественном тексте в качестве

произвольного фоносемантического толкования. Мы улыбаемся, читая подобные рассуждения в устах деда Щукаря в «Поднятой целине» М.И. Шолохова. Но медийное тиражирование таких и других рассуждений вызывает у широкой аудитории насмешливо-презрительное отношение к ученым и науке как таковой.

Если первое направление просветительского дискурса сориентировано на культурное развитие широких масс, построение научно обоснованной картины мира в коллективном сознании, на расширение кругозора людей и поддержку их любознательности, то второе направление удовлетворяет потребности граждан в получении инструкций, важных для ежедневного существования.

Весьма актуальной темой в наши дни является мошенничество по телефону. В публикации на эту тему на портале газеты «Комсомольская правда» мы можем узнать следующее.

Станислав Кузнецов, заместитель председателя правления Сбербанка, рассказал «РИА Новости», что ежемесячно со счетов граждан РФ мошенники похищают от 3,5 до 5 млрд рублей. Одна «удачная» операция в среднем приносит им 8 000 руб. Каждый воровской «колл-центр» делает в сутки 3-7 тыс. звонков, но обмануть удаётся не более 1% абонентов. Тем не менее цифры складываются астрономические.

Чаще всего мошенники представляются сотрудниками службы безопасности банков или правоохранительных органов. Звонящий сообщает о попытке взлома или блокировки банковской карты, подозрительных действиях в интернет-банке, пропущенном платеже по кредиту или угрозе штрафа по надуманному обвинению. На самом деле сотрудники служб безопасности банков никогда не звонят клиентам, а о подозрительной деятельности или других проблемах сообщают другими способами.

Какая ответственность предусмотрена за телефонное мошенничество?

Телефонное мошенничество попадает под статью 159 Уголовного кодекса РФ. В зависимости от тяжести и обстоятельств преступления за него могут быть предусмотрены штраф в размере до 500 000 рублей, принудительные, обязательные или исправительные работы, либо лишение свободы на срок до десяти лет со штрафом или без него (<https://www.kp.ru/expert/elektronika/moshennichestvo-po-telefonu>).

Эти сведения не расширяют наши знания о мире, но дают нам практические рекомендации для правильного поведения в сложной ситуации. Кроме того, впечатляет статистика: телефонное мошенничество превратилось в отрасль преступной индустрии. В определенной мере такая информация, касающаяся здоровья и благополучия населения, представляет собой важный материал для понимания современной эпохи. Медийно-просветительский инструктирующий дискурс становится действенным инструментом для поддержания индивидуальной безопасности.

В наши дни значительное место в медийно-просветительском дискурсе занимают публикации, основная цель которых состоит в развлечении публики. Как правило, такая информация создается и тиражируется в сетевом общении.

Самым простым видом развлекательного просветительского контента является информация о курьезных фактах:

Древнегреческий философ Хрисипп напоил своего осла вином, чтобы посмотреть, как тот себя поведет. Неуклюжее поведение животного так насмешило Хрисиппа, что он умер от смеха.

Показатель прочности бамбука в 11 раз превосходит тот же параметр у стали (https://dzen.ru/a/ZQs_OBIoRBkY9JWV).

Особенность подобной информации состоит в ее легкости для усвоения и занимательном характере сведений. Подобные факты публиковались давно и всегда пользовались успехом у читателей.

В отличие от карнавальных развлекательных сообщений в интернете можно найти сомнительную информацию, которая выдается за достоверную. Можно разграничить фактуальную и фольклорную информацию, если речь идет об известных героях или событиях прошлого. Специалисты ведут дискуссии по поводу того, является ли Уильям Шекспир автором известных произведений, опубликованных под его именем. В известной балладе ««Queen Eleanor's confession» (в переводе С.Я. Маршака «Королева Элинора») говорится о признании умирающей героиней своих грехов перед лицом своего мужа, хотя реальная Элеонора Аквитанская пережила его на много лет. Есть основания для противопоставления фактуальной и фабульной информации: показательны древнеегипетские и хеттские исторические хроники, в которых повествуется о битве при Кадеше в 1274 г. до нашей эры: египтяне написали, что одержали победу над хеттами после войны, продолжавшейся 18 лет, а хетты оставили записи, что победа принадлежала им. Есть старое английское изречение о подобных фабульных расхождениях: *Truth is the first casualty in war. – Первой жертвой на войне становится правда* (фраза приписывается разным авторам). В наши дни на первый план выходит противопоставление факта и фейка, под фейком понимается намеренное искажение фактов с корыстной либо развлекательной целью. Разновидностью фейков является псевдопросветительский дискурс. Это часто относится к популярным историям. Например, считается, что Ньютон открыл закон тяготения после того, как ему на голову упало яблоко. Заслуживает внимания следующий текст:

«Уже после смерти Ньютона, в 1752 году, биограф Уильям Стокли упомянул мельком о чаепитии в саду, во время которого Ньютон якобы сказал ему, что думает над вопросом: почему яблоки падают перпендикулярно вниз? Это упоминание, как анекдот, подхватил и рассказал Вольтер. На самом деле его теория тяготения развивалась постепенно, это можно заключить из его рабочих тетрадей. Какую именно роль играло в ней пресловутое «яблоко Ньютона», доподлинно неизвестно» (<https://dzen.ru/a/XIXVmwGfsGXnAirY>).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что развлекательный просветительский дискурс активно продвигается в медийно-сетевом общении, он вариативен, может быть направлен на то, чтобы доставить удовольствие адресатам либо только самому отправителю соответствующих сведений, в ряде случаев становится псевдопросветительским.

Подведем основные итоги.

Медийно-просветительский (популяризационный) дискурс представляет собой отдельный тип институционального общения, его смыслообразующая цель состоит в распространении различной информации для удовлетворения любознательности широкой аудитории, сообщения важных сведений, актуальных для всех, и развлечения публики. Этот тип общения является сложным коммуникативным образованием и включает признаки медийного, педагогического, научного и собственно развлекательного дискурса. Можно выделить его три основных подтипа – развивающий, инструктирующий и развлекательный. Развивающий медийно-просветительский дискурс направлен на расширение кругозора аудитории, сообщение занимательной информации и опровержение распространенных заблуждений, инструктирующий дискурс сводится главным образом к советам специалистов в области медицины и права, развлекательный популяризационный дискурс представляет собой игровое распространение различной информации, достоверность которой может быть сомнительной.

Литература

1. Аверин А.С. Жанровая специфика англоязычных популярно-юридических текстов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020, № 2. – С. 96–105.
2. Арсеньева Т.Е. Современный просветительский дискурс о русском языке как особый коммуникативный феномен // Вестник Томского государственного университета. – 2013, № 377. – С. 7–11.
3. Воркачев С.Г. Специфичность универсального: Идея справедливости в лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 299 с.
4. Дементьев В.В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 396 с.
5. Календр А.А. Жанрово-стилистические характеристики американского популярно-медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2018. – 23 с.
6. Леонтович О.А. Понятие позитивной коммуникации: конститутивные признаки и дихотомии // Позитивная коммуникация: колл. монография. – Москва: Гнозис, 2020. С. 8-34.
7. Полуикова С.Ю. Современный просветительский дискурс: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012, № 2. Т.1. – С. 106–109.
8. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. – Москва: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.
9. Романов А.А. Дискурс справедливости в социальной коммуникации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008, № 11. – С. 7–10. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 28.08.2023)
10. Слышкин Г.Г. Современный русский анекдот: функции и ценностные доминанты // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград, 2003. – С. 190–203.
11. Соловьева Ю.О. Новые формы популяризации правовых знаний в популярно-юридическом дискурсе и его жанрах // Жанры речи. – 2022, № 3(35). Т.17. – С. 205–2011.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ СЛОВАРНОГО СОСТАВА
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

В статье освещаются наиболее аппликативные подходы к описанию словарного состава литературного языка с точки зрения его системных свойств. Лексический строй рассматривается как многосоставное целое, обеспечивающее коммуникативную пригодность языковой системы в ходе её исторического преобразования. Дифференциация системных и функциональных свойств языка признаётся отправной точкой для его фрагментации. Выделяются семиотический, нормативный, генетический, реконструкционный, лимнологический и средовой подходы, общей чертой которых выступает сегментация словарного состава. Неоднородность систем языков обуславливает неоднородность подходов, подчиняющихся взаимосвязи дискретности и множественности элементов систем.

Ключевые слова: система языка, словарный состав, лексический строй, литературный язык, подход

Yu.V. Kobenko
(Tomsk, Russia)

APPROACHES TO DESCRIBING A LITERARY LANGUAGE STOCK

The article highlights the most applicative approaches to describing vocabulary of a literary language from the systemic point of view. The lexical stock is considered as a multi-component entity ensuring the communicative suitability of the language system in the course of its historical transformation. The differentiation of systemic and functional properties of the language is recognized as the starting point for its fragmentation. Semiotic, normative, genetic, reconstructive, limnological and environmental approaches are distinguished, their common feature is the segmentation of the vocabulary. The heterogeneity of language systems determines that of approaches, which are subject to the relationship of discreteness and multiplicity of system elements.

Key words: language system, language stock, vocabulary, literary language, approach

Словарный состав литературных языков существует, как известно, не монолитно, а в виде паноптикума разноуровневых, разнородных и разновеликих элементов, упорядоченных в головах носителей по предметно-понятийной (ономасиологической) отнесённости. Главная проблема описания системы языка и её составляющих (предметно-тематических областей, образующих подсистемы) состоит в том, что она невидима и нематериальна (в отличие от речи, которая имеет физические характеристики – звук, протяжённость, графику и т.п.), и все попытки теоретического конструирования языковых систем опираются на функциональные (несистемные) свойства её элементов, что отягощает существующие подходы не только умозрительностью,

но и выраженным функциональным детерминизмом. Диалектика системы и функции, единство их противоположностей и взаимообусловленность позволяют признать системный (невидимый) полюс языка абстрактным и коллективным, а функциональный – конкретным и индивидуальным. Указанные характеристики функционального полюса, или репертуара, делают его весьма неоднородным явлением, требующим разработки отдельных подходов к его описанию. Так, различают территориальные (диалекты, койне), исторические (историолекты, адстраты), социальные (акро-, мезо-, базилекты), исконные (креольский, пагуа) и другие разновидности функционального репертуара, которые изучает такая макродисциплина лингвистического цикла, как функциональная стилистика [1, с. 129]. Описанием же словарного состава литературных языков традиционно занимается лексикология как дисциплина преимущественно системного толка, оперирующая собственным набором подходов к фрагментации системного полюса. Строгое разделение системы и функции на практике фактически невозможно, поэтому данная процедура проводится исключительно для теоретических нужд. Тем не менее различие единиц языка и речи, предложенное фундаментальной советской лингвистикой сообразно с известной дихотомией соссорианства *langue vs. parole*, доказывает методологическую корректность данного разделения при описании наполнения обоих полюсов.

Фрагментация, или сегментация, представляет, по сути, наиболее массовый подход к описанию как словарного состава, так и функционального репертуара, границы между которыми выдерживаются лингвистами весьма условно. Собственно, подобное справедливо и в отношении грамматики как свода правил (грамматических, прагматических, или речеповеденческих, фонетических, риторических и пр.), которая непоследовательно причисляется то к системе, то к функции, образуя в реальности срединную зону между ними: элементы системы комбинируются в речи в соответствии с правилами, но инструкция никогда не является частью механизма, поэтому её корректно рассматривать обособленно от дифференцируемых полюсов, что не всегда подтверждается исследовательской практикой. Так, Ф. Дебус предлагает уровневую модель литературного языка, в которой словарному составу отведено место надстройки над ядерной структурой системы (фономорфосинтаксисом) и искусственным графическим уровнем, связанным с фонологией пресловутым переходом от фонемы к графеме [4, с. 188]. Уровневый подход обеспечивается выделением в структуре языковой системы единиц различного порядка (фонем, морфем, лексем и т.д.), которые объединяются в гомогенные множества – уровни, или ярусы [2, с. 14]. Таким образом, словарный строй логично понимать как часть системы языка, а не как всю систему, которая определяется по формуле Савицкого–Доладовой: $L = A + S$, где L (*langue*) – система, A – конечное множество элементов и S (структура) – способ их организации [3, с. 40]. Наличие в системе и на любом её уровне элементов представляется важным условием поддержания коммуникативной пригодности языка, ведь заменить часть значительно легче, чем целое. С тем же элементы лексико-семантического

уровня являются, так сказать, «физическими носителями» всей системы языка, так как именно словарный строй выступает экраном любых экстра- и интралингвистических изменений системы литературного языка. В сущности, любая речевая комбинаторика, ради которой и приходится выделять системный полюс, возможна благодаря переходу от дискретности к множественности (элементов к их множествам), и в этом смысле системными (как и структурными) характеристиками наделён и функциональный репертуар любого языка.

Под литературным языком понимается формация существования национального языка в определённый исторический период его исторического развития, признаками которой выступают селективность, обработанность, полифункциональность, гомогенность и наддиалектность. К сожалению, по-прежнему литературный язык в ряде случаев отождествляют с его образно-художественной функционально-стилистической разновидностью, с чем решительно нельзя согласиться. Литературный язык – это историческая разновидность системы языка, в то время как образно-художественный стиль – функциональная разновидность коллективного речевого репертуара, равная 1/5 всего инвентаря. Собственно, стиль как система отобранных средств не полностью свободна от системных свойств, что находит выражение, в первую очередь, в системе его качественных признаков (стилеобразующих чертах, жанрово-стилевой стратификации, выразительных средствах), однако является без остатка производной функциональной природы литературного языка.

Итак, словарный состав, или лексико-семантический уровень, функционирует как составная часть целой языковой системы и, безусловно, подчинена тенденциям её функционирования, поэтому системное и функциональное начала смешиваются друг с другом, не позволяя без остатка разделить все подходы на системные и функциональные. Данная работа не претендует на холистическую картину всех существующих подходов, а ставит себе скорее задачу отразить наиболее аппликативные. Таким образом, можно выделить: а) *семиотический*, б) *нормативный*, в) *генетический*, г) *реконструкционный*, д) *лимологический* и е) *средовый* подходы.

А. *Семиотический* подход отталкивается от ипостасей языкового знака: формы и содержания. Движение от формы к содержанию даёт семасиологический способ описания, предполагающий алфавитную организацию словарных элементов. Несмотря на удобство такой организации для поиска нужных слов, которую использует большинство лексикографических справочников, данный способ описания словарного состава является искусственным. Естественный же способ – ономасиологический, при котором форма находится через содержание. Такую организацию имеют все словари картинок, позволяющие отыскать даже такие обозначения, сигнификаты которых неизвестны рядовому пользователю (*эстакада*, *шерхебель*, *мауэрлат* и т.п.). Ономасиологический подход широко используется в практике преподавания иностранных языков, так как их изучать

по темам гораздо удобнее, нежели по организованным семасиологически спискам слов (словарям).

Б. *Нормативный* подход исходит из отношения словарного множества к текущей норме, итогом чего выступает выделение широких дескриптивных и прескриптивных участков словарного состава. Дескриптивная лексика и соответственно лексикография отвечает на вопрос «как говорят?», а прескриптивная – «как нужно говорить?». Первая чрезвычайно полезна для изучения языка в силу её узуальности, в то время как вторая, как правило, ориентируется на ретроспективную и зачастую потерявшую актуальность норму, признаваемую показательной.

В. *Генетический* подход предполагает разделение словарного состава по признаку исконности / неисконности: в центре словарной системы находится исконный состав (этноспецифические обозначения, числительные, местоимения: *лапоть*, *двадцать*, *они*); вокруг центра концентрически расположен дополнительный состав (как правило, хорошо адаптированные заимствования классов имён существительных и прилагательных, утратившие иноязычный облик: *стамеска* – *Stemmeisen* (нем.), *бежевый* – *beige* (фр.)); периферия представлена относительно самостоятельными и пересекающимися терминологическими сферами с высоким содержанием терминонеологизмов и слабоассимилированных заимствований. Норма в такой картине словарного состава, которая во многом достигается балансом между тенденциями к архаизации и неологизации, имеет центростремительный вектор, а неогенность – центробежный.

Г. *Реконструкционный* подход предполагает способность элементов всякий раз заново реконструироваться в речи при помощи грамматических правил, ср.: *rip + n + ing*, в соответствии с чем словарный состав подразделяется на реконструируемый и нереконструируемый (заучиваемый). К последнему относится так называемый фразео-паремиологический фонд языка, представленный различными структурными типами клише с различной степенью идиоматизированности.

Д. *Лимнологический* подход связан с функционально-стилистическим расслоением словарного состава и наличием следующих ограничений функционально-стилистически дифференцированной лексики: временных (архаизмы, историзмы, неологизмы), территориальных (территориальные дублиеты, диалектизмы, эндемическая лексика), социальных (арготизмы, жаргонизмы, вульгаризмы) и профессиональных (термины, номены, профессиональные жаргонизмы).

Е. *Средовый* – самый молодой подход, в основе которого лежит варьирование лексического состава в зависимости от типа сред, внутри которых обращаются (реплицируются) отдельные словарные элементы. Во многом он перекликается с типологией разновидностей функционального репертуара, состав которых будет в значительной степени определяться условиями существования той или иной среды, характером взаимоотношений пользователей, их социальными ролями, классовой принадлежностью,

происхождением и т.п. Средовый подход разработан американским этнологом Э. Сепиром как нексус лингвистики и антропологии, аппараты которых призваны органично дополнять друг друга при обследовании речи *homo loquens* (человека говорящего). Человек осваивает в ходе лингвогенеза язык своего окружения (окружающей среды), поэтому его речь можно рассматривать как симптом включённости в ту или иную разновидность социума с её историческими, социальными, политическими, экономическими и другими особенностями.

Нельзя серьёзно относиться к попыткам обоснования гендерного или так называемого антропоцентрического подходов к описанию словарного состава. Гендерный ограничивается сугубо номинативными практиками, а использование феминитивов (*actress, heroine, policewoman*) не делает мужчину женщиной. Антропоцентризм, от которого давно отrekliсь все науки, находит сегодня последнее прибежище лишь в лингвистике постструктуралистского образца, где тоже большей частью вводит в заблуждение: выделяемые агнонимы и таронимы (по сути – солецизмы и силлепсы) характеризуют не состав как часть языковой системы, а исключительно речь пользователя и поэтому должны изучаться не лексикологией, а стилистикой на правах выразительных средств.

Вышесказанное позволяет резюмировать, что неоднородность подходов к описанию словарного состава литературных языков обусловлена гетерогенностью их составов, реализующих принцип множественности дискретных элементов. Сегментирование составов понимается как базовая опция их описания безотносительно к возрасту и генетике языка.

Литература

1. Кобенко Ю.В. Функциональный репертуар как макродисциплинарный объект лингвистики // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Труновой Ольги Владимировны (г. Барнаул, 15 апреля 2022 г.). – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2022. – С. 125–131.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
3. Савицкий В.М., Доладова О.В. О противоречиях во взглядах на системность языка [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 1. – С. 35–44. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 07.09.2023)
4. Debus F. Onomastik // Lexikon der germanistischen Linguistik / H.P. Althaus et al. (Hrsg.) – 2. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – S. 187–198.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

В статье рассматривается проблема продуктивного коммуникативного обучения иностранному языку студентов технического вуза. Тенденции к практической направленности определяют внедрение продуктивного обучения в сфере преподавания иностранных языков, обеспечивающего высокое качество образования. Внедрение продуктивного метода в процесс обучения иностранным языкам студентов непосредственно связано с формированием их коммуникативной компетенции. В статье описаны аспекты языка, формирующие лингводидактическую модель продуктивного коммуникативного обучения. Автором рассмотрена продуктивная технология личного портфолио для обучения иностранному языку в техническом вузе в профессионально ориентированной коммуникативной парадигме.

Ключевые слова: продуктивная коммуникативная деятельность, профессиональная языковая компетенция, продуктивный метод, принцип двуязычия, социокультурное сознание, индивидуализация обучения, технология личного билингвального портфолио.

O.I. Koval
(Nizhny Novgorod, Russia)

EFFICIENT TECHNOLOGIES OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO NON-LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS

The article discusses the problem of productive communicative teaching of a foreign language to students of a technical university. Trends towards a practical orientation determine the introduction of productive learning in the field of teaching foreign languages, ensuring high quality education. The introduction of a productive method into the process of teaching foreign languages to students is directly related to the formation of their communicative competence. The article describes aspects of language that form the linguodidactic model of productive communicative learning. The author examines the productive technology of a personal portfolio for teaching a foreign language at a technical university in a professionally oriented communicative paradigm.

Key words: productive communicative activity, professional language competence, productive method, principle of bilingualism, sociocultural consciousness, individualization of learning, technology of personal bilingual portfolio

One of the main professional competencies of technical university students is effective command of a foreign language [1, p. 107-111]. Researchers in the field of modern methodology note that teachers are faced with the task of optimizing foreign language professional training for the effective formation of professional language competence of students [2, p. 21-25]. Since the development of modern methodological science is directly related to the theory of intercultural

communication, teaching foreign languages outside the intercultural context cannot contribute to achieving a high level of language training. Definitely, the main methodological directions of foreign language education are the formation of communicative competence, professional language competence, and the development of students' personal qualities [3, p. 81-85].

It is common knowledge, that the goals, objectives and content of teaching foreign languages are determined by the requirements of modern society, the global labor market and the personal needs of students. Along with this, concepts and educational standards that reflect the goals in the field of education are taken into account. Modern trends towards the practical orientation of language activity determine the introduction of productive learning in the field of teaching foreign languages, which makes it possible to ensure high quality education [4, p. 316-319]. It should be noted that within higher education the productive method is not fully implemented.

The introduction of a productive method into the process of teaching foreign languages to students is directly related to the formation of their communicative competence. The productive method ensures the formation of professional competence and develops students' communication skills. The introduction of a productive method in the field of learning foreign languages is associated with the following aspects of language: cultural conformity of education, the principle of individualization and differentiation of the educational process, the principle of professional orientation of education, the principle of self-determination and self-development of the student, the principle of self-regulation of the student, the principle of consciousness and creative activity of students, the principle of personal significance of education for the student, the principle of interlingual coordination, the principle of variability in the content of education, the principle of problem-based research orientation of education.

The principle of bilingualism involves the implementation of the educational process taking into account the comparative linguistic system. Undoubtedly, students must compare the language systems of their native and target languages in a professionally oriented communicative paradigm. In this regard, the teacher is faced with the task of planning the linguistic content of education along with the introduction of professional knowledge into the field of a bilingual educational environment.

In order to ensure effective communication, students' productive communicative learning must be carried out in the context of their future profession. Therefore, the content of training should include basic professional competencies.

The intercultural paradigm of learning foreign languages is determined by the fact that teaching a foreign language is directly related to the development of intercultural communication and sociocultural competence among students. As is known, sociocultural competence is a mandatory component of communicative competence and represents a complex of knowledge about cultural realities and national characteristics of the social and speech behavior of native speakers, and the ability to apply this knowledge in intercultural communication. In this context, the

teacher must provide support to students in overcoming cultural and language barriers that arise during learning, and provide sociocultural knowledge about the country of the target language.

Since the educational process is a productive pedagogical interaction, communicative activities should stimulate cognitive processes using a productive method [5, p. 62-64]. In this regard, the formation of productive thinking, creativity and academic independence are the main goals of a productive pedagogical process. It should be noted that the formed communicative activity of students is the basis of effective communication. Thus, constructing a training course in line with the development of communicative activity seems to be a priority task for the teacher.

It should be noted that the interaction between a teacher and a student makes it possible to simulate various ICTs, expanding students' learning opportunities, promoting their self-realization and creative self-development [6, p. 61]. In addition, involving students in productive language activities contributes to the development of such personal qualities as initiative, independence, responsibility, and self-realization. At the same time, stimulating effective communication also contributes to the formation of professional competencies necessary for future specialists [9, p. 165-174].

It is believed that the information space has extensive educational potential integrated into the global education system [8, p. 90]. However, analysis of the literature shows that the productive use of ICT for educational purposes has not been sufficiently developed, and in the future large-scale research is required to identify operating principles, criteria for selecting information resources, and creating new methods and technologies.

To create a methodological base for scientific research, we use a set of general didactic and methodological teaching principles:

1. Interdisciplinary principle, in which the content of knowledge from different fields is integrated into training [7, p. 230].

2. The principle of integration within the discipline, in which the interaction of various aspects of teaching a foreign language occurs: reading, writing, speaking and listening.

3. The principle of the relationship between classroom and distance learning, which reveals the features of off-line and on-line learning.

4. The principle of individualization of learning involves teaching foreign languages in such pedagogical conditions that would activate students, taking into account their individual characteristics and abilities that influence educational activities and learning outcomes. In this regard, the individualization of foreign language teaching should be focused on the development of the communicative competence of each student, depending on his real capabilities. Thus, the discrepancy between the level of educational activity and the initial level of language training of students can be overcome. Using individual and group tasks, the method of speech situations and communicative tasks, the teacher is able to ensure the formation of communicative competence regardless of the basic language level of students.

The developed methodological principles for teaching foreign languages underlie the productive linguodidactic technology of personal portfolio. Technology can be defined as a system of student learning activities under the guidance of a teacher, based on self-management, self-esteem and self-motivation, which allows for effective language learning. In addition, the technology is distinguished by the subjective position of students, regardless of age, social status and teaching environment, and the teacher uses special monitoring educational tools that ensure high educational results.

It should be noted that personal portfolio technology has the ability to improve students' professional skills and the quality of their autonomous learning, and also provides additional motivation for students to self-development. In turn, the effectiveness of the formation of autonomy depends on the active position of not only students, but also teachers, stimulating students to be included in educational activities as autonomous participants in the educational process.

Researchers identify the main functions of a personal portfolio: educational, evaluative and representative. In essence, the main sections of the portfolio can be presented in Russian and English and include language files, monitoring files, sociocultural communication files and personal achievement files. In the course of using personal portfolio technology, the level of development of students' communicative abilities in linguistic, sociolinguistic, discursive, and sociocultural competencies can be increased.

Thus, we can conclude that productive methods of teaching foreign languages, in particular the technology of personal portfolio, have great potential and are a necessary condition for the development of modern methodology in the educational process of higher education. Of course, a productive approach to teaching foreign languages makes it possible to implement a comprehensive educational process in line with the implementation of productive foreign language educational activities of a student as the main means of personal, intellectual and spiritual development, to form foreign language productive and activity competence and the linguodidactic competencies included in it, with the help of developed productive linguodidactic technologies.

Литература

1. Волкова В.В., Коваль О.И., Соловьева О.Б. Лексический аспект обучения иностранному языку в техническом вузе // Комплексное взаимодействие лингвистических и выпускающих кафедр в техническом вузе. Международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию РУТ (МИИТ). – Москва, 2021. – С. 107–111.

2. Гуро-Фролова Ю.Р. Мультимедийная презентация как средство повышения продуктивности образовательного процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № 3 (78). – С. 21–25.

3. Коваль О.И. Обучение профессионально ориентированному иноязычному общению студентов технических специальностей // Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 81-85.

4. Корнилова Е.С., Орлова Л.Г. Языковой аспект и межкультурная коммуникация // Великие реки 2015. Труды конгресса 17-го Международного научно-промышленного форума: в 3-х томах. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – 2015. – С. 316–319.
5. Пахомова О.В. Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку студентов не профильных направлений // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № S (82). Т. 4. – С. 62–64.
6. Седова Е.А. Краткосрочная программа для старших, вторых и вахтенных механиков «Деловой английский язык. Общие положения // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019, № 8. Т.13. – С. 59–62.
7. Соколова Е.Г. Междисциплинарная интеграция в обучении будущих бакалавров-юристов иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. Сб. научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2020 г. Вып. 67. Ч. 1. – С. 230-233.
8. Степанова А.С. Иноязычная профессиональная подготовка студентов как гуманитарный компонент высшего образования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № S (81). Т. 3. – С. 89-92.
9. Volkova V.V., Koval O.I., Soloveva O.B. Characteristics of strategies for teaching marine engineers professional communication at english lessons // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Соколова. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 165–174.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СТИЛЬ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТАТУСЫ ТЕКСТА

В работе вводится понятие коммуникативный статус текста: функциональный потенциал текста, определяемый его соотносённостью с координатами социального пространства-времени. Сравниваются коммуникативные потенциалы художественного и медийного текста. Анализируются тексты большого объема, стилиевая структура которых подобна стилиевой структуре речевой практики общества в целом.

Ключевые слова: медиатекст, функциональный стиль, коммуникативный статус, социальное пространство-время, фрактал

V.I. Konkov
(St. Petersburg, Russia)

STYLE AND COMMUNICATIVE STATUSES OF THE TEXT

The paper introduces the concept of communicative status of the text: the functional potential of the text, determined by its correlation with the coordinates of social space-time. The communicative potentials of the literary and media text are compared. Texts of large volume are analyzed, the stylistic structure of which is similar to the stylistic structure of the speech practice of society as a whole.

Key words: media text, functional style, communicative status, social space-time, fractal

Изучение функционального потенциала того или иного текста – один из основных типов лингвистического анализа, поскольку такой анализ ориентирован на практические потребности в самых разнообразных видах деятельности субъектов социума.

Подобный практикоориентированный анализ текста разрабатывался в течение долго времени в рамках стилистики. Любой текст может быть квалифицирован в плане его принадлежности тому или иному функциональному стилю. И даже если стилистическая квалификация вызывает споры, дискуссия всё равно ведётся в рамках категорий функциональной стилистики: выявляются подстили, изучается использование иностилевых элементов и т.д.

Между тем для анализа функционального потенциала текста важную роль играет характер связи текста с координатами социального пространства времени, фиксирующими, во-первых, время опубликования текста и, во-вторых, время его восприятия.

Учитывать обусловленность функционального потенциала текста с координатами социального пространства-времени принципиально важно прежде всего для медийного текста. В нашей работе мы среди трёх основных

разновидностей медийной речи, публицистический стиль, пиар и реклама, будем говорить о первой разновидности. Номинации *медийная речь* и *публицистический стиль* мы в данной работе используем для называния одной и той же разновидности речи, понимая при этом, что каждая номинация актуализирует различные аспекты называемого объекта.

Говоря о медийной речи, мы прежде всего должны обратить внимание на то, что медийный текст создаётся для *здесь* и для *сейчас*. Так, газетный материал навсегда привязан к месту и времени опубликования. Медийная речь прямо и непосредственно вписана в общую повседневную практическую деятельность общества, является её частью [1]. Именно этой особенностью обуславливаются её лексико-грамматическая специфика.

С течением времени большинство медийных текстов (публикации информационного и информационно-аналитического типа), будучи навсегда привязанными к месту и времени опубликования, теряют свою актуальность. Медийные материалы через какое-то время, которое для каждой публикации может быть своим, становятся просто носителями информации, которая в определённый момент времени может быть востребована представителями той или иной сферы научной деятельности, а может и не быть востребованной.

Представляется необходимым ввести понятие *коммуникативный статус текста* – функциональный потенциал текста, рассматриваемый в аспекте его соотносённости с координатами социального пространства-времени. Самый высокий коммуникативный статус информационно-аналитические медийные тексты имеют в момент опубликования. Их коммуникативный статус становится минимальным, когда тексты, по мере движения по шкале времени в прошлое, перестают быть частью общей практической деятельности социума.

Принципиально иной представляется коммуникативная судьба текстов художественной литературы, что обусловлено тем, что художественный текст формируется на основе категории образа. Категория образа является когнитивной по своей онтологии: образ – способ познания мира: художественный образ «выступает как способ осмысления мира и язык искусства, всеобщая характеристика художественного творчества» [4, с. 127].

Образ и, соответственно, художественный текст никогда не теряют свой когнитивный потенциал. Однако коммуникативный статус текстов художественной литературы с течением времени может существенно изменяться.

Текст художественного произведения может быть востребован в момент опубликования, и в этом случае он становится частью актуального контекста социума. В то же время сам факт опубликования вовсе не делает вхождение художественного текста в актуальный речевой контекст автоматическим. История знает много случаев, когда произведения приобретали актуальный статус спустя значительное количество лет после его опубликования. В качестве примера можно привести судьбу поэтического творчества Ф.И. Тютчева, которое стало восприниматься как творчество одного из наиболее значительных

русских поэтов только после появления в 1850 году статьи Н.А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» [2].

Художественные произведения, составляющие основу национальной культуры, постоянно меняют свой коммуникативный статус. Так, например, в связи с юбилеем достаточно часто происходит актуализация знаковых произведения писателя: делаются экранизации его произведений, появляются юбилейные материалы в печатных СМИ, тележурналисты берут интервью у специалистов, изучающих его творчество и т.д. Потом произведение может снова надолго исчезнуть из актуальной речевой практики общества. Но если медийный, например, информационный текст никогда не сможет вернуться в актуальный контекст социума, то коммуникативная судьба художественного произведения принципиально иная: его текст может много раз актуализироваться, по-новому вписываясь в изменившийся контекст эпохи.

Чрезвычайно важно обратить внимание при анализе медийных текстов в обозначенном аспекте на особенности существования в медийной среде произведений художественной публицистики, например, очерка.

В момент опубликования очерк достаточно часто воспринимается аудиторией в коммуникативном статусе информационно-аналитического текста с информационной доминантой. Так, очерк В.М. Пескова «Ночлег на мельнице», опубликованный в «Комсомольской правде» в 1976 году, в тех координатах социального пространства-времени вызывал чисто прагматический интерес. Читатели, чтобы увидеть работающую водяную мельницу, самостоятельно добивались до того места, где она находилась. Очерк вписывался в общую практическую жизнь социума как его органическая составная часть.

Сегодня в 2023 году коммуникативный статус названного очерка как информационного медийного текста существенно снизился. Содержание медийного очерка своей информационной компонентой (тогда водяная мельница находилась в таком-то месте и выглядела так-то) навсегда привязано к дате опубликования и неизбежно устаревает. Сегодняшний читатель интересуется когнитивным функционалом данного текста, который заложен в образной ткани текста, в частности в широких поликодовых контактах вербального образа водяной мельницы, с её образами в фотоискусстве, живописи, литературе и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что функциональный потенциал медийного очеркового текста обусловлен соотношением координат социального пространства-времени, которыми отмечено опубликование текста, с координатами социального пространства-времени, которыми отмечен момент чтения очерка читательской аудиторией.

Понятие коммуникативный статус может быть использовано и при квалификации функционального потенциала других языковых или речевых единиц. Так, например, принято считать, что поэтические тексты представляют собой разновидность художественной речи, говорят о *поэтическом творчестве*. Однако в некоторых случаях поэтический текст в определённых координатах

социального пространства времени может получать публицистическое звучание. О.И. Северская пишет о том, что «“новая социальная поэзия” обнаруживает в себе все признаки нового публицистического стиля: насыщенность идеологемами, ярко выраженную социальную оценочность, формируемую, в частности, иронией и цитатой, авторскую субъективность и направленность авторской позиции на адресата, воздействие на сознание и подсознание которого с помощью эксплицитно и имплицитно представленных в тексте экспрессивных языковых средств становится главной задачей» [5, с. 339]. Мы полагаем, что в подобных случаях можно говорить о том, что поэтический текст в определённых координатах социального пространства-времени получает статус публицистического текста.

Категорию коммуникативного статуса целесообразно использовать и при стилистическом анализе текста. Если текст представляет собой однородную стилистическую структуру, то его квалификация в стилистическом аспекте не вызывает трудностей. Однако в нашем повседневном речевом обиходе находится немало книг, огромных по объёму речевого материала, фрагменты которого разнородны в стилистическом плане. Приведём в качестве примера книгу З. Прилепина, посвящённую М.А. Шолохову [3], – исследование творчества писателя и его жизни – текста, который писатель создаёт сам, как и свои произведения.

По профессии автор является литературоведом, и мы видим в книге фрагменты, исполненные в научном стиле: *И сходство, и различия шукинского Разина и шолоховского Мелехова – очевидны. Обе героя настояны на одном: бесстрашном, неистовом поиске правды. Но Мелехов сомневается, а шукинский Разин с какого-то дня – уже нет, оттого, что, позвавший за собою людей, уже не имеет на это права. Оба мучаются на своих путях, греша оступаясь, и страшная рана у обоих разрастается ровно посередине души. Помимо этого, роднило Шукина и Шолохова природное знание русской смеховой культуры, пересмешиничество, порой весьма жёсткое* (с. 983).

Автор может свободно работать в сфере публицистической речи в его собственно публицистической разновидности: *Этому поколению уже не будут свойственны прежние, можно сказать – фронтовые – представления об иерархии и чести, какие имелись, скажем, у Симонова. Сентиментальный, манерный пафос, возведённый в основной приём – и необычайная безответственность жеста: вот черты, наиболее видные из тех, кто приходил на смену. Избалованные стадионной любовью «шестидесятники», не пережившие и десятую, а то и сотую долю прожитого Шолоховым и его поколением, выберут мерой весов себя. Позволят себе выставлять оценки тем, на кого должны были смотреть снизу вверх, намертво запечатав рты, полные трескучих речей* (с. 907).

Очевидно его умением создавать образ на основе изобразительного фрагмента: *Хоронили Шолохова, как он завещал, неподалёку от дома, возле лавочки, на которой он сидел, глядя на тихо текущий неподалёку Дон. Положили меж четырёх берёз, которые он посадил. Могилу рыли солдаты.*

Она получилась очень глубокой. Поначалу шла глина, глина, глина – и только когда добрались до белого, словно намытого песка, солдаты остановились. Над могилой поставили камень с одним словом: «Шолохов». Теперь он оказался за одним столом с теми, кого любил (с. 1062).

Немало в книге фрагментов, исполненных в информационном подстиле публицистической речи: *К сентябрю 1958 года агент службы разведки и безопасности Нидерландов Йопп ван дер Вилден организовал печать русского текста «Доктора Живаго» в издательском доме «Mouton Publischtrs» в Гааге. Книга вышла тиражом тысяча экземпляров. 200 книг сразу же переправили в штаб-квартиру ЦРУ в Вашингтоне, 435 были переданы сотрудникам и осведомителям ЦРУ во Франкфурте, Берлине, Мюнхене, Лондоне и Париже, а 365 отправили в Брюссель, где с 17 апреля по 19 октября приходила Всемирная выставка – для раздачи 365 предполагаемым читателям (с. 877).*

В книге представлены фактически все основные функциональные стили русского языка. По сути дела, стилевая структура прилепинской монографии повторяет структуру речевой практики общества в целом. В естественных науках такие объекты называются фракталами.

В зависимости от общественно-политической ситуации, определяющей во многом очертания коммуникативной ситуации, в которой оказываются читатели, книга может прочитываться по-разному. Может актуализироваться либо научная составляющая, либо публицистическая, либо художественная, и т.д. Мы говорим, что читатель может исходить из разных коммуникативных статусов читаемого текста, определяемых в значительной степени координатами социального пространства-времени.

Литература

1. Коньков В.И., Соломкина Т.А. Речевая структура медийной среды и место в ней сценической речи // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021, № 2. Т. 10. – С. 302–319.
2. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т. 11. Кн. 2. – Л.: Наука, 1990. – С. 32–61.
3. Прилепин З. Шолохов. Незаконный. – М.: Молодая гвардия, 2023. – 1087 с.
4. Фарман И.П. Образ // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – М.: Мысль, 2010. – С. 127.
5. Северская О.И. Субъект лирический или публицистический? (От чьего имени говорит новая социальная поэзия) // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. – Берлин: Peter Lang, 2018. – С. 325–341.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ
В КОНСТРУИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В ПУБЛИЧНОМ
ДИСКУРСЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Статья посвящена проблеме освещения патриотизма в СМИ и проблеме его дискурсивного конструирования на примере российских и британских СМИ. За основу взяты статьи части влиятельных СМИ в России и Великобритании, которые принадлежат разным частям политического спектра. Также рассматриваются речи публичных личностей. Из отрывков статей произведена выборка языковых средств. Результаты выборки представлены в сравнительной таблице и отражают частоту употребления тех или иных средств в СМИ двух стран.

Ключевые слова: патриотизм, дискурс, КДА, СМИ

A.Y. Krasnoyarov
(Moscow, Russia)

**COMPARISON OF LINGUISTIC TOOLS USED IN THE CONSTRUING
OF CONCEPT "PATRIOTISM" IN THE PUBLIC DISCOURSE
OF RUSSIA AND THE UK**

The article is devoted to the problem of presenting patriotism in the media and the problem of its discursive construing on the example of Russian and British media. It is based on the articles of influential media in Russia and the UK, which belong to different parts of the political spectrum. The article also analyses the speeches of public figures. A selection of language tools was made from e-cerpts of articles. The results are presented in a comparative table and reflect the frequency of use of certain tools in the media of the two countries.

Key words: patriotism, discourse, CDA, media

Концепт «патриотизм» является неотъемлемой частью социально-политического дискурса любого государства, ведь этот концепт регулятивный, то есть тот, основное место в содержании которого занимает ценностный компонент [1]. Такие концепты устанавливают культурные доминанты – идеалы мышления и поведения, присущие той или иной лингвокультуре. Геннадий Геннадьевич Слышкин пишет, что концепты-регулятивы представлены в прецедентных текстах [2]. То есть они буквально фиксируют определенную модель мышления и поведения, связанную с рассматриваемым концептом.

В конструировании концепта «патриотизм» разными акторами преследуются разнообразные цели, главной из которых, по мнению автора данной статьи, является идеологическая цель. Россия и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии являются одними из

наиболее активных игроков на международной арене и странами с богатой историей. Их народы всегда интересовала идея патриотизма, формирование которого часто являлось приоритетной задачей для государства и экзистенциальной проблемой для народов. Основной площадкой для формирования идей о патриотизме в новейшей истории выступают средства массовой информации, в то время как ранее патриотические идеи формировались и продвигались в основном через высказывания в выступлениях общественно-политических деятелей и в их письменных трудах.

На протяжении истории в конструировании патриотизма использовались самые разнообразные средства. Например, в своей работе «Дискурс, грамматика и идеология» исследователь Кристофер Харт описывает использование критического дискурс-анализа (КДА) в сочетании с моделью системно-функциональной грамматики (СФГ) и используемые в анализируемом тексте языковые средства. Основная идея работы Харта состоит в том, что с помощью семантики и грамматических и лексических средств создатель текста может продвигать определенную идеологию, и возлагать ответственность за процесс – один из элементов канонической семантической конфигурации наряду с участником и объектом – на того или иного участника.

Основные грамматические средства включают в себя номинализацию, использование страдательного залога и обезличивание участника процесса посредством генерализации или обобщения [3]. Немаловажным элементом дискурсивного конструирования является оценка, которая выражается на семантическом уровне, а реализуется на лексико-грамматическом. С помощью оценки говорящий косвенно выражает субъективное мнение в дискурсе, определяя ценности в отношении описываемого участника, процесса или объекта. Оценка по Мартину и Уайту подразделяется на три системы – отношение, включенность, градуирование [4], о которых будет более подробно рассказано на примерах.

Чтобы провести сравнительный анализ использования языковых средств для дискурсивного конструирования концепта патриотизм в российских и британских СМИ, рассмотрим некоторые отрывки из статей в наиболее влиятельных и популярных информационных агентствах в двух странах, а также высказывания общественно-политических лидеров.

23 ноября 2021 г. информационный портал Москва24 опубликовал новость о патриотическом волонтерстве. В статье приводятся цитаты заместителя мэра Москвы Натальи Сергуниной:

«Добровольцы вносят неоценимый вклад, помогая организовать важные для города события на самом высоком уровне. Участие в патриотических программах открывает широкие возможности для каждого. Например, волонтеры могут пообщаться с ветеранами и узнать больше о нашей истории, найти единомышленников и новых друзей»;

«Она уточнила, что в штабе по встрече прибывающих в Москву ко Дню Победы ветеранов с 3 по 9 мая работали более 200 волонтеров, в фестивале

"Спасская башня" – 300 волонтеров. Кроме того, хранителями огня на акции "Линия памяти" стали 100 волонтеров» [5].

Оценка подразделяется на три системы: отношение, включенность, градуирование. Система отношение позволяет выражать эмоции, моральную оценочность, реакцию. Включенность подразделяет высказывания на моно- и гетероглоссические, допускающие или не допускающие альтернативных точек зрения. Градуирование варьирует степень даваемой оценки с помощью работы с усилением или ослаблением оценки, а также заострением или смягчением фокуса на той или иной лексической единице. В данных отрывках мы можем видеть две из трех систем оценки.

- Отношение: *неоценимый вклад, важные события, на самом высоком уровне.*
- Включенность (гетероглоссия): *могут пообщаться и найти.*
- Градуирование: *более 200, кроме того.*

1 декабря 2021 г. на портале RT был опубликован текст журналистки Анны Шафран. Приведем несколько цитат из статьи.

«С точки зрения укрепления нашей государственности этот вопрос обретает поистине стратегическое значение. Принципиальное значение. Нас банально мало. Англосаксов много, китайцев много, индийцев много».

«Многоэтажные «человейники», которые активно строят и в Москве, и в регионах, — они банально неудобны и некомфортны для семей с детьми. Мы — самая большая страна в мире, неужели у нас мало территории для того, чтобы люди жили в своих домах с участками?».

«...также постоянный завоз мигрантов, для подавляющего большинства которых наша страна никогда не станет Родиной... Нам не впервой ставить себе амбициозные цели и добиваться их» [6].

- Отношение: *стратегическое, принципиальное значение, ставить амбициозные цели.*
- Градуирование: *банально мало, банально неудобны.*
- Безличная конструкция: *«человейники» строят.*
- Генерализация: *завоз мигрантов, англосаксов много.*

21 сентября 2022 года Владимир Путин выступил с речью о России и о патриотизме на концерте в честь празднования 1160-летия зарождения российской государственности.

«Никто и никогда не сумеет, не способен запретить или отменить нашу уникальную цивилизацию и богатейшую культуру... Быть патриотом – суть природы и характер российского народа. Сейчас в ходе специальной военной операции наши герои, солдаты и офицеры, добровольцы проявляют именно такие высшие человеческие качества» [7].

- Отношение: *наши герои, уникальная цивилизация, богатейшая культура.*
- Градуирование: *высшие человеческие качества.*
- Генерализация: *никто и никогда.*

Теперь проанализируем британские СМИ.

Информационное агентство The Telegraph в одной из новостных статей, опубликованной 5 января 2020 года, рассуждает о британском патриотизме и причинах провала лейбористов на выборах 2019 года, в частности, о действия Джереми Корбина. Вот некоторые отрывки.

«His readiness to intrigue with anti-British terrorists, his Cold War links to Czechoslovakia, his eagerness to follow the Kremlin line in the aftermath of the Skripal murders – all these things ensured that Labour’s support for a second referendum came to be seen as fundamentally unpatriotic».

«For Momentum, though, there is no acceptable form of British nationalism. The very concept is anathema. Irish nationalism? Fine. Palestinian nationalism? No problem. Venezuelan nationalism? ¡Viva la Revolución! But the United Kingdom is tainted by what the Left regards as original sin: it is powerful» [10].

- Отношение: *tainted, intrigue, eagerness, fine, no problem.*
- Включенность (монология): *there is no acceptable form.*
- Градуирование: *fundamentally unpatriotic.*
- Безличная конструкция: *the UK is tainted.*

Еще в одной статье Телеграфа автор разбирается в непонимании британского патриотизма. Он критикует журналистов BBC News (Би-Би-Си) за высмеивание одного из британских консервативных политиков, у которого в кабинете был портрет королевы и Юнион Джек.

«But they achieved the opposite. A minister sitting in front of a Union flag isn’t nationalistic or embarrassing. It is perfectly ordinary – like an epidemiologist punditing in front of their bookshelves. All they showed was that the BBC doesn’t understand patriotism» [9].

- Отношение: *embarrassing.*
- Включенность: *a Union flag isn’t nationalistic.*
- Градуирование: *perfectly ordinary.*

В июне 2019 года была опубликована статья на сайте новостного агентства The Guardian, в которой автор комментировал интервью с Гордоном Брауном.

«In jeopardy are both the unity and integrity of the United Kingdom and the shared values – tolerance, respect for diversity, being outward looking – that underpin what, for all its ups and downs, has been the most successful example of multinational co-operation anywhere in the world» [8].

- Градуирование: *the most successful example*
- Инверсия: *In jeopardy are both the unity and integrity.*

Данные, собранные в таблице, показывают количество использованных языковых средств, которые Кристофер Харт описывает в своей работе и которые являются основой критического дискурс-анализа.

Языковые средства \ Страна	Россия	Великобритания
Отношение	9	6
Включенность	1	2

Градуирование	5	3
Безличные конструкции	1	1
Инверсия	-	1
Генерализация	3	-
Итого	18	13

Данные показывают, что российские журналисты и публичные личности более склонны к использованию описанных в работе Харта конструкций. Наиболее популярным средством для них является оценка, представленная в частности через систему отношение. Такую же тенденцию можно проследить в языке британских СМИ.

Также можно заметить, что инверсия не является популярным выбором при освещении патриотических тем в России. Генерализация, напротив, встречается в российских СМИ крайне редко, а в представленных примерах не была обнаружена. В британских СМИ тенденция обратная по обоим показателям.

Литература

1. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация. – 2005, № 30. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_30_04karasik.pdf (дата обращения: 08.05.2023)
2. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – Москва: Академия, 2000. – 128 с.
3. Hart C. Discourse, grammar and ideology. – London: Bloomsbury, 2014. – 216 p.
4. Martin J.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 99 p.
5. Наталья Сергунина рассказала о развитии в Москве патриотического волонтерства. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/23112021/193181> (дата обращения: 06.05.2023).
6. Полмиллиарда русских – наша цель. URL: <https://russian.rt.com/opinion/934069-shafran-rossiya-putin-demografiya> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Торжественный концерт, посвященный 1160-летию зарождения российской государственности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69397> (дата обращения: 10.05.2023)
8. Gordon Brown: unity of UK at risk from 'hijacking of patriotism'. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jun/25/gordon-brown-unity-of-uk-at-risk-from-hijacking-of-patriotism-brexit> (дата обращения: 08.05.2023).
9. The BBC and Labour don't understand British patriotism. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/03/20/bbc-labour-share-nasty-problem-patriotism/> (дата обращения: 08.05.2023).
10. Why does Labour have such a problem with patriotism? URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2020/01/05/does-labour-have-problem-patriotism/> (дата обращения: 08.05.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**МАРКЕМОЛОГИЯ
КАК ЛИНГВИСТИКО-ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ
ЦИФРОВОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ**

В статье находят отражение возможности нового лингвистического направления – маркемологии, в фокусе которой находится выделение особой разновидности ключевых слов – маркем, имеющих особое значение при исследовании аксиологии текста. Практическое применение маркемологического подхода к анализу текста представлено на примере маркемного анализа языка английской художественной прозы XVII- XX веков. В представленном исследовании дан анализ маркемного состава языка в статике и динамике. Статический анализ позволил установить и исследовать маркемный состав языка художественных произведений в каждом из восьми полувековых периодов. В ходе динамического исследования нашла отражение эволюция маркемного состава языка английской художественной прозы исследуемого периода. Маркемно-генеалогическое исследование дало возможность визуализировать и проанализировать маркемные связи авторов, чьи произведения составили объект исследования.

Ключевые слова: маркемология, текст, маркемный анализ, маркемная генеалогия, цифровая гуманитаристика

A.A. Kretov, O.G. Artemova
(Voronezh, Russia)

**MARKETING AS A LINGUISTIC-LITERARY VARIETY
DIGITAL HUMANITIES**

The paper deals with the possibilities of markemology – a new linguistic prospect, which focuses on a special kind of key words – markemes – that have a special significance when studying the axiology of a text. Markeme analysis of the 17th-20th centuries English fiction prose language presents an example of markemological approach implementation to the text analysis. The study reveals static and dynamic markeme composition of the English fiction prose language. Static analysis made it possible to study markeme composition of literary works in each of eight half a century periods. Dynamic analysis shows the evolution of a markeme composition of the English fiction prose language in the researched chronological period. Markeme and genealogical study allowed visualizing and analyzing markeme links between the authors whose works constituted the study subject of the present research.

Key words: markemology, text, markeme analysis, markeme genealogy, Digital Humanities

Стремительное развитие сферы информационных технологий, начавшееся в конце XX века, а с ним и появившиеся возможности сбора, обработки и анализа больших данных, стали импульсом для развития всех научных областей, в том числе лингвистики. Результатом взаимодействия гуманитарных наук и цифровых технологий является не только цифровизация

гуманитарных исследований, но и их междисциплинарный характер, что, в свою очередь, обусловило появление такого направления как Digital Humanities (DH) – цифровая гуманитаристика. Одной из разновидностей DH является *маркемология* – новое лингвистическое направление, предлагающее один из способов объективации содержательного анализа текста, в первую очередь – художественного. Ее появление стало возможным благодаря развитию компьютерных технологий и интеграции достижений гуманитарных наук.

Маркемологический подход к анализу текста предполагает выделение особого вида ключевых слов – *маркем*, позволяющих определить ценностные ориентиры как одного автора, так и целой эпохи, проследить их эволюцию в творчестве отдельного писателя или группы писателей, а также определить степень важности места каждого автора в их воплощении.

Предложенный А.А. Кретовым метод отделения тематически нейтральной лексики от тематически маркированной поставил процедуру выделения ключевых слов на алгоритмическую основу, сводящую к минимуму влияние субъективного фактора и учитывающую информативность каждого слова на фоне всех остальных слов, представленных в данном тексте.

Маркемология предлагает решение целого спектра задач: получить информацию о художественном мире автора [13]; выявить его маркемную специфику [3]; охарактеризовать творчество автора по отношению ко времени [5]; исследовать эволюцию маркемной лексики на основе динамики маркем в нескольких хронологических срезах [6] и влияние социокультурных процессов на динамику маркем [7]. Маркемологические исследования, направленные на установление лингвостатистических генеалогических связей авторов всего исследуемого периода, позволяют обнаружить преемственность в литературе [8; 10]. Кроме того, предложен алгоритм маркемного анализа научных статей, позволяющий автоматизировать извлечение из них ключевых слов [10].

Результатом применения метода маркемного анализа становится формализованное содержательное исследование литературного текста с последующей визуализацией полученных данных в виде графиков, гистограмм, графов, кластеров, семантических сетей, генеалогических деревьев, карт и их содержательной интерпретацией [2; 12].

Научную состоятельность метода маркемного анализа подтверждают исследования, проводимые А.А. Фаустовым и его коллегами: М.Я. Розенфельд, И.Е. Ворониной, Н.Ю. Свиридовой [11; 14], которые доказывают возможность его применения как к письменной речи (тексту), так и к устной.

Маркемологическое исследование языка русской поэзии проведено в кандидатской диссертации А.В. Кашкиной «Маркемный состав языка русской поэзии» [4].

Исследования прозаических текстов с применением метода маркемного анализа представлены также двумя выпускными квалификационными работами по специальности 031301 – Теоретическая и прикладная лингвистика: «Маркемный анализ русской прозы конца XVIII – начала XXI века», выполненное в 2012 году студенткой Е.В. Мотовых (руководитель д. филол. н.,

проф. А.А. Кретов, рецензент д. филол. н., проф. А.А. Фаустов) и «Маркемный анализ романов Э.М. Ремарка и их русских переводов», выполненное в 2015 году студенткой О.В. Чернышовой (руководитель д. филол. н., проф. А.А. Кретов, рецензент канд. филол. н. А.В. Кашкина).

Маркемологическое исследование английской художественной прозы XVII-XX веков завершено в 2021 году [1]. Его целью явилось изучение маркемного состава языка прозаических текстов значимых для английских литературы этого периода писателей и выявление в языке английской прозы лексических единиц (маркем), вербализующих общие ценностные ориентиры каждой эпохи, их эволюцию и определение вклада каждого из авторов исследуемых текстов в социально значимую вербализацию этих ориентиров.

Материалом исследования послужили доступные в электронном виде художественные и (отчасти) публицистические и драматургические произведения 128 писателей, представляющих 8 полувековых срезов: по 16 писателей в срезе. Исключение из ограничений, наложенных на тип дискурса, было сделано только для писателей первой половины XVII – второй половины XVIII века. Включение в исследование публицистических (Бэкон, Гоббс, Локк), драматургических (Шекспир, Джонсон, Флетчер и др.), а в случае Дж. Мильтона – поэтических «фракций» текстов обусловлено значимостью их творчества для английской литературы и формирования ее языка, а также доступностью произведений этого периода в цифровом формате и его качеством. Общий объем исследованного материала – около 174 млн. словоупотреблений.

Применение метода маркемного анализа позволило:

1) установить доминантную и вице-доминантную маркемы в каждом из 8 срезов и в хронологическом периоде в целом, а также сквозные маркемы в языке английской художественной прозы исследуемого периода;

2) выделить устойчивые и изменчивые маркемы в языке английской художественной прозы;

3) осуществить семантическую классификацию срезовых и интегральных маркем с выделением *семантических блоков* маркем;

4) ранжировать семантические блоки и установить ключевой семантический блок – семантический блок **ментально-перцептивных** маркем. Вторым по значимости является семантический блок **эмоциональных** маркем;

5) в каждом срезе выделить связующие авторов маркемы;

6) установить и визуализировать в виде графа внутрисрезовые маркемные связи авторов максимальной силы. Содержательный анализ образованных в каждом графе маркемных связей показал наличие в каждом срезе от одного до трех центров аттракции. Наличие трех центров аттракции характерно для авторов первой половины 17-го века и обеих половин 18-го века, т.е. для Срезов 17-1, 18-1, 18-2. Два центра аттракции формируют авторы второй половины 17-го века (Срез 17-2), а также авторы обеих половин XX века (Срезы 20-1, 20-2). И только в каждой половине 19-го века (Срезы 19-1, 19-2) все авторы группируются возле одного центра аттракции. Ведущим автором, т.е.

аттрактором, Среза 19-1 является В. Скотт, творчество которого знаменует начало перехода от романтизма к реализму. Ведущим аттрактором Среза 19-2 является Ч. Диккенс – классик мировой литературы, творчество которого представляет вершину английской художественной прозы. Наличие единого центра аттракции, на наш взгляд, можно считать косвенным показателем консолидации общества на данном этапе его развития и наоборот – наличие нескольких центров аттракции свидетельствует о наличии в духовной жизни общества двух или более (по числу центров аттракции) систем ценностей и векторов развития. В английской прозе всего исследуемого периода выделены три центра аттракции, представленные XVII, XIX и XX веками.

В рамках рассмотренного материала данные центры аттракции соответствуют трем периодам в развитии языка английской литературы – первый (становление) охватывает XVII – первую половину XVIII века, второй (расцвет) – вторую половину XVIII – XIX век, третий (увядание) – XX век.

Опора на доминантные маркемы (с учётом вице-доминантных) позволила уточнить и содержательно наполнить данное членение, выделив эпоху **удовлетворенности**, эпоху **понимания**, эпоху **разочарования**, эпоху **ответственности**.

Период **становления** маркемного состава языка английской прозы охватывает две эпохи: эпоху **удовлетворенности** и эпоху **понимания**. Анализ доминантных и вице-доминантных срезовых маркем, показывает, что наступление эпохи **понимания** в Срезе 18-1 подготавливалось на протяжении всего 17-го века, в обоих срезах которого *understanding* является вице-доминантной маркемой. При этом, несмотря на смену эпох, последовавшую в Срезе 18-2 и выдвинувшую на первый план **разочарование**, на протяжении еще столетия **понимание** по-прежнему остается важным ориентиром для английских писателей. Так, в Срезе 18-2 *understanding* становится вице-доминантной маркемой, а в Срезе 19-1 ей на смену приходит семантически связанная с ней маркема *consciousness*. И только в Срезе 19-2 внимание авторов переключается с проблемы **понимания**, **осознания** на проблему **ответственности**, на что указывает появление в этом срезе *responsibility* в качестве вице-доминантной маркемы. Таким образом, период **расцвета**, наступивший в развитии маркемного состава языка английской прозы, являющийся, как свидетельствует доминантная маркема, эпохой **разочарования**, можно с опорой на вице-доминанты подразделить на 3 этапа: **осмысленное** разочарование; **осознанное** разочарование и разочарование, ведущее к пониманию **ответственности**. Таким образом, наступление в 20-м веке периода **увядания** и эпохи **ответственности** подготовлено процессами, происходившими в языке английской прозы второй половины 19-го века. При этом первую половину 20-го века можно охарактеризовать как **осмысленную** ответственность, а вторую половину – как ответственность, ведущую к **разочарованию**.

Учитывая цикличность в чередовании доминантных и вице-доминантных маркем, можно предположить возможность повторного наступления эпохи

разочарования в 21-ом веке.

Для характеристики результатов ранжирования английских писателей по типичности-оригинальности маркемного состава их языка введены понятия: писатели-нуклеары, медиары, маргиналы. У нуклеаров маркемный состав наиболее типичен для языка английской художественной прозы 17-20 веков. Маркемные системы маргиналов и супермаргиналов нетипичны для английской литературы, но они создают богатство и разноцветие языка английской художественной прозы. Писатели-медиары на шкале типичности-оригинальности располагаются между этими полюсами. При этом различаются медиары-плюс – со значением типичности выше среднего и медиары-минус – со значением типичности ниже среднего.

Установлено, что самым типичным для языка английской художественной прозы является XIX век, 19 (из 32-х) представителей которого являются нуклеарами. Самым нетипичным стал XVII век, в котором 13 авторов являются маргиналами, а два автора – супермаргиналами (Чапмен, Мильтон). Среди представителей XVIII и XX веков преобладают медиары – 25 и 21 автор, соответственно. Еще один супермаргинал выделен в Срезе 20-2 (Баллард).

Применение метода лингвостатистической генеалогии позволило построить и исследовать *маркемно-генеалогические* (МГ) деревья, визуализирующие проспективные и ретроспективные МГ-связи исследуемых авторов. В результате были получены два генеалогических дерева – дерево дивергентных Рекурсивных связей авторов и дерево конвергентных Прогрессивных МГ-связей авторов XVII – XX веков.

Ретроспективные МГ-связи позволили выделить МГ-род Шерли, объединивший 95 авторов, три изолированных *семейства*: *семейство* Бэкона (7 авторов), *семейство* Рэли (6 авторов), минимальное *семейство* Эвелина (3 автора), четыре *минимальных семьи* (9 авторов).

В результате проспективной М-генеалогии выделены три МГ-родословия: Голдинга (24 автора), О'Брайана (28 авторов) и Силлитоу (57 авторов). Также выделены изолированное минимальное *семейство* Грина (3 автора) и четыре *минимальные проспективные семьи* (8 авторов).

Установлены авторы, оказавшиеся маркемными «одиночками» при ретроспективной и проспективной Маркемной генеалогии.

Три автора – В. Скотт, Гринвуд, Конан Дойль – задействованы одновременно в образовании как ретроспективных, так и проспективных обоюдных связей, благодаря чему маркемный состав языка английской художественной прозы образует маркемно-генеалогическое единство.

Максимальной силой аттракции отличаются маркемные системы Бен, Конан Дойля, В. Скотта, Гаскелл, Кристи, Лэма, Холкрофта, обеспечивающие маркемную целостность, преемственность и своеобразие языка английской художественной прозы.

Целостность маркемного состава языка английской прозы обеспечивается также непрерывным накоплением интегральных маркем и их полным (или почти полным) принятием последующими срезами. Сложившись, в основном, в

первой половине XVII века, состав интегральных маркем стабильно, хотя и всё менее интенсивно прирастал до середины XX века.

С XVII по XIX века неуклонное накопление числа интегральных маркем обеспечивает складывание маркемного фонда языка английской прозы. По данным маркемологии XIX век можно назвать «золотым веком английской прозы», на оба среза которого приходится максимальное и приближающееся к максимальному количество интегральных маркем. Значительный и последовательный спад числа интегральных маркем в обоих срезах XX века свидетельствует о *кризисе, переживаемом английской художественной прозой в XX веке*: число интегральных маркем в этот период ниже уровня первой половины XVIII века и соответствует периоду *становления* английской художественной прозы. Данный факт можно рассматривать как свидетельство завершения классического периода в истории английской прозы и начала нового – постклассического – периода её развития.

Литература

1. Артемова О.Г. Маркемный анализ языка английской художественной прозы XVII–XX веков : дис. ... д. филол. наук : 10.02.04 / Артемова Ольга Григорьевна. – Воронеж, 2021. – 588 с.
2. Ефимова Т.В. Альтернативный способ визуализации содержания текста / Т.В. Ефимова, О.Г. Артемова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018, № 4. – С. 103–114.
3. Кашкина А.В. XVIII век в русской поэзии с точки зрения маркемного анализа // Образовательные технологии в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве: IV Междунар. виртуальная конф. по русистике, литературе и культуре: сб. науч. докладов. – Ереван: Лимуш, 2011. – С. 109–113.
4. Кашкина А.В. Маркемный анализ языка русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кашкина Александра Вячеславовна. – Воронеж, 2013. – 544 с.
5. Кашкина А. В. Маркемная специфика русской поэзии 60–80-х годов XX века / А.В. Кашкина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013, № 2. – С. 90–94.
6. Кашкина А.В. Русская поэзия в хронологическом аспекте // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014, № 1. – С. 36–39.
7. Кретов А.А. Динамика маркем в русской литературе XVIII – начала XX веков как отражение социокультурных процессов // Политическая лингвистика. – 2010, № 3 (33). – С. 141–150.
8. Кретов А.А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. / А.А. Кретов, М.В. Катов, А.А. Фаустов // Проблемы компьютерной лингвистики: сб. науч. трудов / под ред. А.А. Кретова. – Воронеж, 2010. – Вып. 4. – С. 114–125.
9. Кретов А.А. Маркемы и ключевые слова в научных текстах [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2012, № 28. – С. 1–13. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 9.09.2023).
10. Кретов А.А. Отцы и дети русской классической литературы (опыт маркемной генеалогии). Статья первая. Свидетельство авторов второй половины XVIII века // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания / гл. ред. А.А. Фаустов. – Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2019 (д). – Вып. 33: в 2 ч. – Ч. 1. – С. 134–138.
11. Розенфельд М. Я. Ассоциативная активность маркем (ключевых слов) и авторский лексический кругозор / М.Я. Розенфельд, А.А. Фаустов // Вестник Воронеж. гос. ун-та.

Серия: Филология. Журналистика. – 2018, № 1. – С. 49–51.

12. Селезнев Г.Д. Кластерный анализ массива маркем русских писателей / Г.Д. Селезнев, А.А. Кретов // Проблемы компьютерной лингвистики: сб. науч. трудов / под ред. А.А. Кретова. – Воронеж, 2010. – С. 272–279.

13. Фаустов А.А. Маркемный портрет А.П. Чехова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010, № 2. – С. 12–16.

14. Фаустов А.А. Сравнительный анализ активности ключевых слов : автоматизированный подход / А.А. Фаустов, И.Е. Воронина, М.Я. Розенфельд, Н.Ю. Свиридова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2017, № 1. – С. 175–180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ В
СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ
С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ)**

В рамках теории трансфера языковые единицы переходят из языка-источника в язык-реципиент напрямую или при помощи языков-посредников, что позволяет представить процесс заимствования как сценарий. Большинство заимствований из языков постколониального пространства в современный английский язык представляют собой языковые единицы с национально-культурным компонентом значения: в них акцентируется локальная, темпоральная, этническая и(ли) конфессиональная информация. Базовые сценарии перехода подобных языковых единиц включают: 1) автохтонный язык постколониального пространства > английский язык внешнего круга > английский язык внутреннего круга (с потенциальным расширением за счёт участия языков-посредников); 2) английский язык внешнего круга > английский язык внутреннего круга.

Ключевые слова: заимствование с национально-культурным компонентом значения, сценарий заимствования, язык-источник, язык-посредник, язык-донор, язык-реципиент

М.А. Kuzina
(Moscow, Russia)

**BASIC BORROWING SCENARIOS IN CONTEMPORARY ENGLISH
(ON THE SAMPLE OF CULTURE-LOADED LOANWORDS)**

Within the transfer theory of borrowing, language units of are transferred from a source language into a recipient language directly or via intermediary languages, which enables to represent a borrowing process as a scenario. The majority of loanwords from indigenous languages (used in the postcolonial area) into contemporary English are culture-loaded language units: they accentuate local, temporal, ethnical and/or religious information. Their basic borrowing scenarios include: 1) indigenous language in the postcolonial area > Outer Circle English > Inner Circle English (with possible expansion via intermediary languages); 2) Outer Circle English > Inner Circle English.

Key words: culture-loaded words, borrowing scenario, source language, intermediary language, donor language, recipient language

«World Englishes Paradigm» принято определять как лингвистическое направление, основанное американским социолингвистом индийского происхождения Б. Качру (B. Kachru), в рамках которого исследуются современные варианты (родные и неродные для их носителей) английского языка в мире [4]. В современной отечественной лингвистике для обозначения данного направления используется термин З.Г. Прошиной – «контактная вариантология (английского языка)». Круг проблем контактной вариантологии

весьма широк и включает изменения на всех языковых уровнях, вызванных языковыми контактами (*contact-induced changes*).

Результаты контактно-обусловленных изменений могут быть представлены через противопоставление: “MAT-borrowing” (заимствование материала, то есть matter, с реплицированием фоно-морфологической формы из языка-донора) vs. “PAT-borrowing” (заимствование модели, то есть pattern, с реплицированием значения и грамматической структуры) [5]. Подобное понимание сущности процесса заимствования характерно для теории трансфера, противопоставляемой теории аналогии: процесс заимствования представляется как переход разноуровневых единиц из одного языка в другой язык с последующей переработкой языкового материала [1; 3].

Заимствование материала и формы могут происходить при интенсивном языковом контакте, то есть продолжительном массовом двуязычии, например, на постколониальном пространстве, где английский язык имеет статус государственного языка (в Республике Индия) или статус официального языка (в Республике Кения и Федеративной Республике Нигерия) или может быть использован как официальный язык (в Исламской Республике Пакистан и Народной Республике Бангладеш).

Большинство заимствований из языков постколониального пространства в современный английский язык представляют собой языковые единицы с национально-культурным компонентом значения: в них акцентируется локальная, темпоральная, этническая и(ли) конфессиональная информация.

Заимствование **Gurkha** с вариативным написанием (**Gorkha, Ghurkha, Ghoorka, Goorka, Goorkha**) и этимологией в непальском языке было заимствовано в английский язык по следующей цепочке: [goraksa “стадо коров” > gorakha “государство/территория Горкха” > gorkha “житель государства Горкха”] [6]. Лексическая единица несет локально-темпоральную и этническую информацию и употребляется в двух значениях: “представитель доминантной этнической группы в Непале” и “солдат британской армии из числа непальских добровольцев, которые принимали участие в подавлении антиколониальных восстаний в британских колониях, а также в двух мировых войнах”.

Семантика заимствования **darshan** с санскритом в качестве языка-источника содержит религиозную (конфессиональную) информацию, относящуюся к философии индуизма: соответствующее слово-прототип в санскрите обозначает “видение / лицезрение Бога или любого объекта поклонения” [6].

Базовые сценарии перехода подобных заимствованных единиц включают: 1) автохтонный язык постколониального пространства > английский язык внешнего круга > английский язык внутреннего круга (с потенциальным расширением за счёт участия языков-посредников); 2) английский язык внешнего круга > английский язык внутреннего круга.

Первый базовый сценарий включает широкий спектр вариантов.

Вариант (1) – это короткая цепочка из языка-источника и языка-реципиента: **panga** [**panga** в плюрицентрическом английском в значении

“распространенный в Восточной и Центральной Африке тип тесака” < **panga** в суахили в значении “мачете, или длинный тонкий нож с односторонней заточкой”] [6].

Вариант (2) – это цепочка из языка-источника, языка-донора и языка-реципиента: [**sari** в плюрицентрическом английском в значении “традиционная женская одежда (из куска хлопка, шифона, органзы, (мисорского) шёлка шириной более 1 метра и длиной до 7–9 метров) на Индийском субконтиненте” < (1785) в хинди *sārhī, sārī* в значениях “одежда, (нижняя) юбка”) < в санскрите **sati** в значении “отрез, полоса ткани”] [2].

В вышеприведенных примерах языками-источниками и языками-донорами являются автохтонные языки постколониального пространства, а именно: санскрит, хинди, суахили.

В качестве подвариантов этих сценариев можно рассматривать цепочки со словами-прототипами со спорной этимологией (например, **chai** в последней онлайн-редакции Оксфордского словаря английского языка возводится к этимонам в китайском, русском, турецком, арабском, хинди, урду; при этом основное значение лексемы **chai** в современном английском языке – это традиционный по способу приготовления индийский чай, то есть чай, заваренный или сваренный на молоке с добавлением сахара и специй) [6]. Также к подвариантам относятся цепочки с европейскими языками, выступающими в качестве языков-источников или языков-доноров: **bazaar** с 5 языками, задействованными в процессе заимствования – [древнеиранский > персидский > турецкий (?) > французский / итальянский] – перешло в английский язык в конце XVI века непосредственно из итальянского (с большей степенью вероятности) или из французского (с меньшей степенью вероятности) [6].

Второй базовый сценарий представлен немногочисленными примерами: **Apollo 11 disease** (и сокращенная версия **Apollo 11**) служит для обозначения вирусной геморрагической формы конъюнктивита, эпидемия которой началась в Гане в 1969 году; так как местные жители связали начало эпидемии с прибытием образцов лунного грунта на Землю, то болезнь, вызванная по факту энтеровирусом и вирусом Коксаки, получила название от космического корабля “Аполлон-11”, приземлившегося на Луне 20 июля 1969 года с тремя членами американской лунной экспедиции. Возникнув в английском языке внешнего круга, данная единица заимствуется в английский язык внутреннего круга и употребляется в том числе в официальных медицинских документах и научных работах по офтальмологии.

Таким образом, в отличии от теории аналогии, подразумевающей копирование иноязычного материала собственными средствами языка-реципиента, теория трансфера предполагает переход языковых единиц из языка-источника в язык-реципиент напрямую или при помощи языков-посредников. Представление процесса заимствования как сценария позволяет разграничить два базовых сценария с некоторым числом подвариантов.

Литература

1. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
2. Кузина М. А. Проект «Словаря заимствований в современном английском языке в эпоху глобализации». – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. – 60 с.
3. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : Элпис, 2008. – 495 с.
4. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2013. – 632 с.
5. Matras Y. Introduction / Y. Matras, J. Sakel. – Текст: непосредственный // Matras Y., Sakel J. (eds.) Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. – Berlin : Mouton de Gruyter. – 2007. – P. 1–13.
6. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 11.01.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

«MINDFULNESS» В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

В языковом образовании за рубежом понятие «mindfulness» («майндфулнесс») бытует с 2010-х годов в двух контекстах. С одной стороны, «mindfulness» понимается как осознанный подход к обучению и учебе, который был обоснован в конце XX века американским профессором Эллен Джейн Лэнджер. С другой стороны, «mindfulness» трактуется как короткие созерцательные медитативные и дыхательные практики, которые лишены религиозных смыслов и могут выполняться, в том числе, в учебной аудитории. Несмотря на все еще недостаточную теоретическую и практическую базу, указанные практики и подход имеют большой потенциал и заслуживают внимания теоретиков и практиков в сфере языкового образования.

Ключевые слова: майндфулнесс, mindfulness, осознанность, осознанное обучение, языковое образование

Е.А. Kuznetsova
(Moscow, Russia)**MINDFULNESS IN LANGUAGE EDUCATION**

In language education the concept of “mindfulness” has been used since the 2010s in two contexts. On the one hand, “mindfulness” is understood as a mindful approach to teaching and learning, the one founded by Professor Ellen Jane Langer in the late 20th century. On the other hand, “mindfulness” is interpreted as brief non-religious contemplative meditative and breathing practices that can be performed in a classroom as well. Despite their yet poor theoretical and practical background, the mindful approach and practices have great potential and are sure to attract attention of theorists and practitioners in language education.

Key words: mindfulness, mindful learning, mindful teaching, language education

Понятие «майндфулнесс» (англ. «mindfulness») с конца XX века получило широкое распространение в Европе и Америке не только в психологии и медицине, но и в образовании, спорте, корпоративном управлении и повседневной жизни. В России это понятие начало входить в дискурс профессиональных сообществ в конце второго десятилетия XXI века и до сих пор не имеет однозначного перевода в связи с тем, что «не имеет прямого соответствия в русском языке» [5, с. 1702]. Наиболее распространённый перевод – «осознанность». Кроме того, предлагаются такие трактовки как «практика осознанной медитации» или «практика осознанного присутствия» [3, с. 356], а также «внимательность», «самоосознание», «психическая вовлеченность» и «безоценочное осознание» [5, с. 1702]. С другой стороны, ряд отечественных исследователей предпочитает не переводить это понятие и пользоваться английским термином.

В языке профессионального медицинского сообщества в северной Америке слово «mindfulness» закрепилось в 1990-х годах, после выпуска книги «Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness» («Жизнь в эпицентре: Использование силы Вашего тела и ума против стресса, боли и болезней»). В этой книге ее автор Джон Кабат-Зинн, сотрудник Массачусетского Технологического университета, рассказал о разработанной им восьминедельной программе снятия стресса под названием MBSR, то есть Mindfulness-Based Stress Reduction (дословно «Снижение стресса, основанное на подходе майндфулнесс»), и о тех впечатляющих результатах, которых он сумел добиться. Хотя при разработке программы профессор Кабат-Зинн отталкивался от духовных восточных медитативных практик, его подход лишен религиозных смыслов. Вот как сам автор определяет «mindfulness»: «intentional cultivation of nonjudgmental moment-to-moment awareness», то есть как намеренное культивирование безоценочной сиюминутной осознанности [9, с. 161].

Растущая популярность подхода «mindfulness» не только в профессиональной среде, но и в повседневной жизни подталкивает к более точному определению его сути. Снежана Александровна Замалиева, сертифицированный преподаватель программы MBSR и основатель первого в России Центра ментального тренинга в стиле «mindfulness», объясняет, что «по мере институционализации подхода осознанной медитации сформировалось множество различных интерпретаций ключевого понятия – майндфулнесс, – и множество конкретных техник, реализующих новый подход. Тем не менее, общим для разных интерпретаций остается акцентирование мысленной сосредоточенности и осознанном переживании текущего момента, сопряженной с готовностью принять происходящее без попыток активного вмешательства» [3, с. 358]. Ряд отечественных исследователей дает следующее определение: «Являясь емким и многоплановым понятием, осознанность понимается как черта, как состояние и способ бытия, которые позволяют субъекту быть включенным в текущий момент деятельности и осуществить сонастройку с самим собой и окружающими» [1, с. 108]. Что касается зарубежных специалистов, то, по мнению Людмилы Николаевны Горюновой и Татьяны Дмитриевны Усольцевой, большинство «рассматривают майндфулнесс как особое процессуальное качество внимания, которое характеризуется направленностью на текущий момент, открытостью к получению нового опыта и принятием (безоценочностью) текущего опыта» [2, с. 87].

В условиях нарастающей социальной нестабильности, ухудшающейся эпидемиологической обстановки и неуклонной технологизации всех сфер человеческой деятельности, вышеуказанные человеческие качества и способности представляются жизненно важными. На взгляд Юлии Сергеевны Лусковой и Павла Евгеньевича Григорьева, «практики развития осознанности имеют значительный ресурсный потенциал в саморегуляции: в развитии навыков релаксации, фильтрации ненужной информации, адекватного

восприятия актуальных потребностей организма, принятия себя, снижения депрессии и стресса» [5, с. 1708].

Несомненно, перечисленные навыки необходимы и для того, чтобы научиться или научить чему-то новому. Всего восемь лет после успеха книги доктора Кабат-Зинн, в 1998 году, снова в штате Массачусетс увидела свет другая книга, а именно «The Power of Mindful Learning» («Сила осознанного обучения»). Вклад ее автора Эллен Джейн Лэнджер, ныне профессора психологии Гарвардского университета, во внедрение подхода «mindfulness» в сфере образования, оказался настолько велик, что следующие поколения окрестили ее «mother of mindfulness» (дословно «матерью майндфулнесс»). В своей книге профессор Лэнджер развенчала семь мифов современного образования (например, что необходима зубрежка) и призвала изменить наш подход к обучению и учебе на более осознанный [12].

С легкой руки Эллен Джейн Лэнджер, понятие «mindfulness» в XXI веке вошло в обиход академического сообщества в северной Америке и далее получило распространение в Европе и южной Америке. Итоги двадцатилетнего бытования «mindfulness» в сфере образования подвела изданная в 2019 в серии «Oxford Bibliographies» 45-страничная библиография «Mindfulness and Education», составленная британскими специалистами Кэтрин Уэр и Фелисией Хапперт [20]. Примечательно, однако, что штат Массачусетс не утратил своего статуса колыбели «mindfulness»: именно там в 2009 году была опубликована еще одна популярная книга под названием «Mindful Teaching & Teaching Mindfulness: A Guide for Anyone Who Teaches Anything» («Обучая осознанно и обучая осознанности: Руководство для всех, кто обучает»). В этой книге Дебора Шеберлейн сформулировала преимущества осознанного подхода для обучающихся и для обучающихся. Среди преимуществ для обучающихся доктор Шеберлейн называет улучшение общего самочувствия, повышение стрессоустойчивости и оперативности реагирования на потребности учащихся и усиление способности к концентрации, к нахождению эмоционального баланса, а также к выстраиванию здоровых отношений на работе и дома. Что касается обучающихся, то этот подход, по мнению автора, поддерживает их готовность учиться, способствует академической успеваемости и активности на занятиях, повышает внимание и концентрацию, уменьшает тревожность перед контрольными мероприятиями, способствует самоанализу, самоупокоению и стрессоустойчивости. Кроме того, осознанный подход к обучению и учебе создает условия в аудитории, благоприятные для успешного взаимодействия обучающихся и обучающихся [19, с. 9].

Учитывая все вышесказанное, представляется неудивительным, что на осознанном подходе к обучению начинает строиться все больше образовательных программ по всему миру – в том числе, и в России. Отечественные исследователи Константин Эдуардович Безукладников, Наталья Сергеевна Попова и Борис Андреевич Жигалев, положившие осознанность в основу своей методики организации дифференцированного обучения учителей иностранного языка в рамках программы повышения квалификации, пришли к

следующему заключению: «...грамотно организованная дифференциация обучения на основе осознанности способствовала совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, повысила их мотивацию к саморазвитию и собственной профессиональной деятельности» [1, с. 106].

В языковом образовании за рубежом понятие «mindfulness» бытует с 2010-х годов в двух контекстах.

С одной стороны, «mindfulness» трактуется как «mindful learning», то есть осознанный подход к изучению иностранных языков. Данная трактовка, несомненно, основывается на разработках профессора Лэнджер. Так, Янг Ванг и Чао Лю подчеркивают значимость внедрения данного подхода в Китае, где студентам не свойственно рефлексировать над тем, каким образом происходит ими усвоение иностранного (английского) языка [21, с. 143]. На своих занятиях Янг Ванг и Чао Лю предложили студентам ряд заданий, включающих индивидуальную и групповую рефлексии как над содержанием заданий, так и над их формой. Кроме того, преподаватели ввели одноминутные сеансы медитации в рамках занятий, которые были призваны сосредоточить внимание студентов на настоящем моменте. Китайские исследователи отмечают, что, хотя первой реакцией студентов на новые активности в классе было повышение тревожности, в конце триместра изменилась не только обстановка в классе на более благоприятную, но и подход студентов к учебе на более вдумчивый [21, с. 152]. Им вторят иранские коллеги Фатимех Моафиан, Хушанг Хошима и Хавад Салехи Фадарди, утверждающие, что осознанный подход к изучению иностранных языков вовлекает студентов в учебный процесс, стимулируя их внимательность и разряжая напряженность [13, с. 1]. Британская специалист Марина Моцзон-МакФерсон, исследуя потенциал подхода «mindfulness» в языковом тьюторстве, среди достоинств подхода называет его фокус на человеке — его эмоциях, осознанности и намерениях — и высоко оценивает предлагаемые им техники активного слушания и безоценочной обратной связи. Исследователь иллюстрирует осознанный подход к обучению упражнением «OND exercise», где OND расшифровывается как «observe, notice, describe», то есть «наблюдать, замечать, описывать», применимым почти к любому заданию на занятиях иностранным языком [16, с. 103].

С другой стороны, «mindfulness» трактуется как «contemplative practices», то есть созерцательные медитативные и дыхательные практики. Американская исследователь Эми Дженкинс считает, что подобные практики позволяют как студентам, так и преподавателям снять психофизическое напряжение и сосредоточиться. Важно подчеркнуть, что вслед за доктором Кабат-Зинн современные специалисты в области образования не вкладывают в медитацию никакого религиозного содержания и рассматривают ее как один из подходов FАМ, то есть «focused attention meditation» [22, с. 102], а именно медитативную практику сосредоточения внимания. Так, Эми Дженкинс трактует медитацию как «an act of focusing one's thoughts completely and fully», то есть как акт полного мысленного сосредоточения [8, с. 36]. Короткие, от одной до трех

минут, медитации рекомендуется проводить в начале и/или в конце занятия. Вести практику может как сам преподаватель, так внешний специалист (как правило, в этом случае преподаватели пользуются видеозаписью практики). Язык медитации может быть как родным языком студентов (на низких уровнях владения языком), так и изучаемым на занятии. Результаты исследований немецкого специалиста Луизы Зейлхофер и турецкого коллеги Энджина Эврима Онема демонстрируют, что исследуемая группа студентов, которым предложены были короткие медитативные и дыхательные практики на занятиях иностранным языком, продемонстрировала лучшую успеваемость, чем контрольная группа [22, с. 105; 17, с. 143]. Иранские специалисты Ханиех Мохаддам, Афсанех Жанизадех и Бехзад Гонсооли добавляют, кроме того, что практикующие медитацию студенты тратят гораздо меньше внутренних ресурсов на освоение материала, чем ее не практикующие [15, с. 212].

Несмотря на большое количество позитивных отзывов практикующих преподавателей иностранных языков, «майндфулнесс» как осознанный подход к обучению и учебе имеет на данный момент свои ограничения. Недостаточное количество как теоретических, так и практических разработок оставляет решение о конкретных технологиях внедрения данного подхода в учебный процесс за преподавателями, которые не всегда готовы таковое решение принять, как справедливо отмечает турецкая специалист Сафие Ипек Куру Генен [11, с. 78]. В определенной степени исследователи обосновывают этот феномен самой природой подхода: «Онтологический смысл майндфулнесс состоит в том, что майндфулнесс не тиражируется, является уникальным и проявляется из личной позиции, смысл майндфулнесс невозможно передать как общее для всех знание» [2, с. 98-99]. Кроме того, скептическое отношение к «майндфулнесс» подпитывается неизжитыми стереотипами, согласно которым «майндфулнесс» предполагает сугубо личные духовные практики, которым не место в академическом пространстве. Тем не менее, учитывая уже доказанный потенциал осознанного подхода, хочется верить, что все больше зарубежных и отечественных теоретиков и практиков в сфере языкового образования обратят на этот подход свое пристальное внимание.

Литература

1. Безукладников К.Э., Попова Н.С., Жигалев Б.А. Дифференцированное обучение иностранному языку на основе осознанности: вопросы подготовки учителя // Вестник Томского государственного университета. – 2022, № 475. – С. 106–117.
2. Горюнова Л.Н.; Усольцева Т.Д. Организационно-методические аспекты применения практик майндфулнесс в работе с персоналом // Петербургский психологический журнал. – 2020, № 33. – С. 75–111.
3. Замалиева С.А. Майндфулнесс подход в современных организациях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016, № 12–22. – С. 356–360.
4. Казанцева Е.В. Технология майндфулнесс в контексте современного образования // Актуальные вопросы социальной педагогики и психологии. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 241–244.

5. Лускова Ю.С.; Григорьев П.Е. Методы развития осознанности (mindfulness) как ментального ресурса // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. – Москва: Институт психологии РАН, 2020. – С. 1701–1709.
6. Çiçek M.; Gürbüz N. Exploring the Impacts of Mindfulness Training for an EFL Teacher: Insights from a Narrative Inquiry Study // *Issues in Educational Research*. – 2023, № 33(2). – P. 471–487.
7. Houston T, Turner P.K. Mindful Learning and Second Language Acquisition // *Academic Exchange Quarterly*. – 2007, № 11 – P. 87–92.
8. Jenkins A. Guided Meditation in the English Language Classroom // *English Teaching Forum*. – 2015, № 53. – P. 35–38.
9. Kabat-Zinn J. *Mindfulness Meditation // Comparative and Psychological Study on Meditation*. – Delft: Eburon Publishers, 1996. – P. 161–170.
10. Kabat-Zinn J. *Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness*. – New York: Delacorte Press, 1990. – 453 p.
11. Kuru Gönen S. I. Mindfulness-based Practices for EFL Teachers: Sample Tasks and Insights to Cultivate Mindfulness // *Focus on ELT Journal*. – 2022, № 4(3). – P. 78–93.
12. Langer E. J. *The Power of Mindful Learning*. – Cambridge, MA: Da Capo Press, 1997. – 198 p.
13. Moafian F; Khoshsima H.; Fadardi J.S. Langerian Mindfulness and Language Learning // *Cogent Psychology*. – 2019, № 6. – P. 1–9.
14. Moghadam H.; Ghanizadeh A.; Ghonsooly B. (2020). Differences in EFL Learners' Burnout Levels and Receptive Language Skills with Regard to the Mindfulness-Based Instruction // *ExELL*. – 2020, № 8. – P. 185–219.
15. Moghadam H.; Ghanizadeh A.; Ghonsooly B. The Effect of Mindfulness-Cultivation Intervention on EFL Learners' Reflective Thinking, Positive Orientation, and Language Achievement // *Teaching English as a Second Language Quarterly*. – 2022, № 41(1). – P. 69–101.
16. Mozzon-McPherson M. Mindfulness and Advising in Language Learning: An Alternative Theoretical Perspective // *Mélanges CRAPEL*. – 2019. – № 40 /1. – P. 88–113.
17. Önem E. E. A Study on the Effects of Meditation on Anxiety and Foreign Language Vocabulary Learning // *Journal of Language and Literature Education*. – 2015, № 15. – P. 134–148.
18. Piscayanti K.S. Mindful, Authentic, Strong Voice: Constructing Mindfulness-Based Classroom Materials for EFL Poetry Learners // *The Proceedings of the English Language Teaching, Literature, and Translation (ELTLT)*. – 2022, № 1. Volume 11. – P. 130–138.
19. Schoeberlein D. R. *Mindful Teaching & Teaching Mindfulness: A Guide for Anyone Who Teaches Anything*. – Somerville, MA: Wisdom Publications, 2009. – 205 p.
20. Weare K; Huppert F. *Mindfulness and Education*. – Oxford: Oxford University Press, 2019. URL: <https://mindfulnessinschools.org/wp-content/uploads/2019/03/oxford-bibliography-mindfulness-and-education-Weare-and-Huppert-final-draft.pdf> (дата обращения 1.09.2023)
21. Wang Y.; Liu Ch. Cultivate Mindfulness: A Case Study of Mindful Learning in an English as a Foreign Language Classroom // *The IAFOR Journal of Education*. – 2016, Volume 4, № 2. – P. 141–155.
22. Zeilhofer L. Mindfulness in the Foreign Language Classroom: Influence on Academic Achievement and Awareness // *Language Teaching Research*. – 2023, Volume 27(1). – P. 96–114.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье описывается использование терминологической метонимии в немецком экономическом дискурсе. Приведены примеры некоторых основных моделей метонимии. Исследование проведено на основании Корпуса современного немецкого языка.

Ключевые слова: экономический дискурс, термин, метонимия, модели терминологической метонимии

A.Ju. Kutimskaja
(Irkutsk, Russia)

TERMINOLOGICAL METONYMY IN ECONOMIC DISCOURSE OF THE GERMAN LANGUAGE

The article describes the use of terminological metonymy in German economic discourse. Some basic models of metonymy are given as examples. The study was conducted on the basis of the Modern German Language Corpus.

Key words: economic discourse, term, metonymy, models of terminological metonymy

Современный экономический дискурс немецкого языка связан с обсуждением и анализом вопросов экономики, а также процессов в ее различных отраслях, таких как: макро- и микроэкономика, финансы, бизнес, торговля, инвестиции, банковское дело и подобных, связанных с ним областей. Такой специализированный тип дискурса ориентирован на предоставление информации, фактов и объективных данных экономической направленности и относится к информационному виду дискурсов, так как основной его целью является передача сведений. Акцент делается на конкретные материалы, основанные на фактах и данных документов или статистических исследований. В отличие от аргументативного дискурса, который обычно рассматривается как персуазивный и эмоциональный, информационный дискурс акцентирует свое внимание на предоставлении объективной и точной информации. Базовой моделью подобного типа дискурсов, по мнению В.С. Григорьевой, является «запрос информации – информирование» [2, с. 16].

Одним из двух основных механизмов смыслообразования в экономическом дискурсе немецкого языка является метонимия. Метонимию в современном когнитивном языкознании обычно рассматривают совместно с метафорой. По определению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафора – принципиальный способ постижения одного объекта действительности в

терминах другого, и ее главной функцией является обеспечение понимания. Метонимия, с другой стороны, выполняет, прежде всего, функцию референции, т. е. позволяет применить одну сущность для обозначения другой» [3, с. 36]. Разница между метафорой и метонимией в когнитивных исследованиях заключается в механизме переноса значения, а также связью между понятиями. Метафора основана на переносе значения на основе сходства или аналогии между понятиями, в то время как метонимия основана на связи или близости между ними. Согласно мнению Е.И. Головановой, «в основе метонимического переноса лежит когнитивный механизм перекатегоризации того или иного объекта мысли т. е. осознанного или неосознанного перевода его из одной когнитивной рубрики в другую» [1, с. 104]. Основными методами исследования терминологической метонимии являются анкетирование экспертов в области экономики и анализы текстовых корпусов. В нашем исследовании мы используем анализ корпуса современного немецкого языка DWDS.

Приведем некоторые примеры терминологической метонимии: **Deutschland AG** (Акционерное Общество Германия) – эта метонимия используется для обозначения экономической структуры Германии, в которой крупные корпорации, банки и государственные институты тесно взаимодействуют друг с другом. **Deutschland AG** указывает на интеграцию и взаимосвязь между государством и частным сектором экономики. Акционерное общество Германия включает в себя как государственные структуры, так и структуры частного бизнеса. Здесь подчеркивается корпоративность Германии как государства, члены которого несут ограниченную ответственность за происходящие в нем события. **Bankenrettung** (спасение банков) – этот термин используется для обозначения процесса спасения, реструктуризации или финансовой поддержки банков во время финансовых кризисов. Метонимия **Bankenrettung** указывает на конкретную деятельность, связанную с финансовым сектором экономики.

Blaue Wirtschaft (синяя экономика) – этот термин используется для обозначения экономической отрасли, связанной с экологическими технологиями и устойчивым развитием. **Blaue Wirtschaft** указывает на ассоциации с чистым небом и экологической ответственностью. **Arbeitnehmer** (работники) – эта метонимия используется для обозначения работников или трудящихся, влияющих на экономические и бизнес-процессы, она включает в себя различные категории работников, таких как: сотрудники, рабочие и служащие.

Для описания экономических процессов в современном немецком дискурсе можно выделить несколько основных моделей: например, «часть – целое». В рамках этой модели одна часть или ее атрибут используются для обозначения всей экономической ситуации или объекта. Например, термин «Министерство финансов» **Finanzministerium** может использоваться для обозначения действий и решений, принимаемых во всей экономике: «*Vor allem jedoch haben sich die Kritiker auf das einst als unfehlbar geltende Finanzministerium eingeschossen*». Термин «биржа» **Börse** также часто

употребляется для обобщенного названия всех бирж: *«Genau diese Idee aber lässt sich an der Börse bisher nicht verkaufen».*

«**Причина – следствие**». В данной модели одно явление или процесс используются для обозначения связанного с ними результата. Например, термин «инфляция» – **Inflation** – может использоваться для обозначения связанного с ним роста цен на товары или услуги: *«Ehrliche Arbeit machte sich bei fortschreitender Inflation immer weniger bezahlt».* Термин «фондовый рынок» **Aktienmarkt** может быть употреблен для обозначения всего экономического состояния или ситуации: *«Die Stimmung am deutschen Aktienmarkt ist zum Start der neuen Woche ungetrübt. Angesichts des vermutlich andauernden Lockdowns in Deutschland war der Dax nach den jüngsten Rekorden zwar schwächer gestartet, dank erneut sehr fester Autowerte konnte er seine Verluste aber abschütteln».*

«**Представитель – представляемое**». В рамках такой модели одно лицо или организация используется для обозначения всех связанных с ними экономических процессов. Например, упоминание названий таких компаний, как BMW, Daimler или Siemens, может служить для обозначения всей немецкой автомобильной или электротехнической промышленности: *«Erinnern Sie sich unserer Gewinne, Pastor Engelbrecht, RWE fast fünfundzwanzig Prozent plus, Daimler und Mannesmann ähnlich».* Приведем еще один пример: *«Die Wall Street sagt (hat eine Meinung)...»* название улицы Уолл-стрит символизирует финансовую индустрию и все, что с ней связано. Это выражение указывает на важность и авторитет мнения представителей финансовых кругов в экономических вопросах: *«Dank KI-Euphorie ist Nvidia-Aktie 2023 um 190 Prozent explodiert, der Börsenwert überstieg die Marke von einer Billion Dollar. Keine Frage, damit ist Nvidia heißer Favorit in Sachen „Top-Investment des Jahres“. Bis jetzt jedenfalls. Wie viel Luft hat der Titel nach der Wahnsinns-Performance noch? Wall Street hat eine klare Meinung».*

«**Материал – продукт**». Эта модель используется для обозначения экономических процессов, а также их результатов на основе производственных материалов. Например, «стальной сектор (экономики)» **Stahlsektor** может использоваться для обозначения промышленности, связанной с производством стали и ее отраслей: *«Sie litten laut Händlern unter besonders schwachen Vorgaben für den Stahlsektor aus Asien».* *«Der Rohstoffpreis steigt».* В этом примере слово **Rohstoffpreis** (цена на сырье) используется метонимически для обозначения цены на сырье и связанных с ним экономических процессов. Увеличение цены на сырье указывает на рост стоимости продуктов, которые производятся из этого сырья. Таким образом, **Rohstoffpreis** становится метонимическим обозначением процесса изменения стоимости сырья и его влияния на цены продуктов: *«Rohstoffpreise steigen im August wieder an».* В этом примере речь идет о сегодняшней экономической ситуации в Германии. Потребители понимают, что цены поднимаются не только на сырье, но и на все продукты, зависящие от переработки этого сырья. Скорее всего, речь идет о цене на нефть, от которой зависит цена на бензин.

Таким образом, проведенное нами исследование на материале немецкого языка показало, что использование терминологической метонимии в экономическом дискурсе служит для упрощения коммуникации между экономистами и непрофессионалами. Метонимия позволяет ясно и четко передавать сложные концепты, являющиеся специфическими для языка экономики. Несмотря на то, что концепты получают эмоциональную окраску, данный вид дискурса продолжает оставаться информационным и объективным. Он объединяет язык, мышление и понимание экономических и социальных процессов, происходящих в обществе.

Литература

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М.: «Флинта: Наука», 2011. – 224 с.
2. Григорьева В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. ... д-ра фил. наук. – Тамбов, 2018. – 349 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва: УРСС, 2004. – 252 с.
4. Börse // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/B%C3%B6rse> (дата обращения 25.07.23)
5. Finanzministerium // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/Finanzministerium> (дата обращения 25.07.23)
6. Inflation // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/Inflation> (дата обращения 25.07.23)
7. Daimler // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/r/?q=Daimler&corpus> (дата обращения 25.07.23)
8. Stahlsektor // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/?q=Stahlsektor&from=wb> (дата обращения 25.07.23)
9. Rohstoffpreis// Produktion.de. URL: <https://www.produktion.de/wirtschaft/rohstoffpreise-steigen-im-august-wieder-an-224.html> (дата обращения 25.07.23)
10. Wall Street // Der Aktionär. URL: <https://www.deraktionaer.de/artikel/aktien/nvidia-vor-naechster-rally-das-sagt-die-wall-street-20335043.html> (дата обращения 25.07.23)

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ВЛИЯНИЕ БЛОГЕРОВ-ЖУРНАЛИСТОВ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ**

В статье рассмотрены особенности влияния блогеров на общественное мнение. На примере видеоблога русскоязычной украинской журналистки Олеси Медведевой показана реализуемые ею коммуникативные стратегии. Рассмотрены средства влияния на общественное мнение, реакцию масс и отличия блогеров-журналистов от сотрудников традиционных средств массовой информации.

Ключевые слова: блогер, блог, журналистика, лидер общественного мнения, коммуникативная стратегия

Е.А. Kuyantseva
(Luhansk, Russia)**INFLUENCE OF BLOGGERS-JOURNALISTS ON PUBLIC OPINION
THROUGH COMMUNICATION STRATEGIES**

The article discusses the features of the Russian-language blogosphere. On the example of the video blog of the modern journalist Olesya Medvedeva, the specifics of the content and the communication strategies implemented by her are determined. The author examines the means of influencing public opinion, the reaction of the masses, and the differences between bloggers-journalists and employees of traditional mass media.

Key words: blogger, blog, journalism, mass media, opinion leaders, communication strategy

В настоящее время блогинг стал важной сферой медиакommunikации и серьёзным фактором, влияющим на общественное мнение. Блоги в нынешних реалиях являются инструментом влияния на массовую аудиторию. Блогеры – новые лидеры мнений, чье влияние на массовое сознание сильнее традиционных каналов передачи информации или официальных представителей власти.

В центр внимания нашего исследования попала украинская ведущая передачи «Ясно. Понятно» и YouTube-канале «Страна.иа» Олеся Медведева. До начала СВО журналистка в украинском медиапространстве считалась пророссийской и подвергалась жесткой критике со стороны «проукраинского» сегмента массовой аудитории. На наш взгляд, главной причиной такого отношения к Олесе Медведевой было содержание ее русскоязычного вещания, попытки сбалансированного анализа геополитической ситуации и не проявление агрессии по отношению к России в своих выходах в эфир. В других своих исследованиях мы отмечаем возрастание русофобии в медиаматериалах после 2014 года и делали попытки проанализировать характер этой эволюции.

Предметом данного исследования стали непосредственно

коммуникативные стратегии в материалах известного блогера как способ воздействия на общественное мнение аудитории.

Теоретико-методологической базой исследования для нас стали труды Попова А.А. [3], Соломатина Д.Д., Соловьева В.А. [5] и других ученых.

Новизна исследования состоит в недостаточном изучении коммуникативных стратегий, используемых блогерами-журналистами в их материалах, и с помощью которых меняется отношение общества к политическим и социальным вопросам.

Цель работы – выявление стратегий воздействия на общественное мнение в медиаматериалах Олеси Медведевой, особенностей их реализации и изучение реакции аудитории.

В течение 10-15 лет блоги, в которых ранее преобладала развлекательная функция и функция самопрезентации, стали своеобразной альтернативой официальным СМИ. Благодаря блогам у людей появляются более разнообразные каналы информации по интересующим их проблемам. Имидж блогера и его приобретенный высокий социальный статус позволяют выстраивать доверительные отношения между ним и миллионами поклонников/зрителей. Передаваемая блогерами-журналистами информация проходит через фильтр восприятия, а, значит, поступает к адресату не в «чистом», объективном виде, а через призму личного мнения.

Для влияния на аудиторию блогеру не обязательно принадлежать к профессиональным кругам или каким-либо другим способом подтверждать свои знания в заданной предметной области. Как отмечают Соломатин Д.Д. и Соловьев В.А., лидер мнений устанавливает достоверность и объективность своих сообщений в ходе непрерывного контакта с аудиторией [5, с. 92]. Блог, как самый открытый и доступный канал передачи информации, устанавливает связь между миллионами людей и делит на «ведомых» и «ведущих».

С другой стороны, Попов А.А. утверждает, что русскоязычная блогосфера с самых истоков приобрела черты «медийности», а не «дневниковости», как в англоязычных странах [3, с. 161]. Это связано с тем, что первые «говорящие» блогеры занимались журналистской или литературной деятельностью. К их числу можно отнести: генерального директора издательского дома «Коммерсантъ» Демьяна Кудрявцева, главного редактора журнала «Новый мир» Андрея Василевского, журналиста журнала «Огонек» Дмитрия Губина (онлайн-дневники в LiveJournal) и т.д.

На данный момент одной из самых влиятельных площадок является YouTube. Этот видеохостинг был основан в 2005 году как сервис для хранения, доставки и показа видео. В настоящее время его посещаемость составляет 2 млрд. активных пользователей в месяц.

Среди всех блогов особое место занимают личные страницы блогеров-журналистов, которые реагируют на актуальные события в политической и социальной жизни. В украинском медиополе до 2022 года большой популярностью пользовалась Олеся Медведева – журналистка YouTube-канала «Страна.ua», ведущая авторской передачи «Ясно.Понятно». Каждый

видеоролик – это реакция на действия политиков, изменения в законодательстве или в обществе после событий на политической арене.

Благодаря тому, что Олеся Медведева является профессиональным журналистом, в своем блоге она умело использует коммуникативные стратегии. Под этим термином Сковородникова А.П. подразумевает «выбор системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [4, с. 5].

Одной из основных коммуникативных стратегий в блогах Медведевой является информационная. Она заключается в передаче фактологической информации, т.е. трансляции знаний автора блога. Журналисты используют следующие формы: новость, сообщение, объявление. Эта стратегия используется в каждом видеоролике, т.к. ее видеоконтент имеет политическую и социальную направленность, посвящен актуальным событиям в украинском обществе.

Однако, в чистом виде информационную коммуникативную стратегию на YouTube-канале «Страна.иа» найти невозможно. В этом и состоит главное отличие традиционных журналистов от блогеров-журналистов. Первые освещают события от лица конкретного СМИ, чаще всего предстают безликими авторами и обязательно соответствуют требованиям редакционной политики, жанра или медиа [1, с. 281].

Блогосфера, наоборот, отличается тенденцией к персонификации информации. Блогеры создают публичный образ, от чьего имени освещают события, дополняя «сухую» информацию средствами выражения оценки.

Так, информационная стратегия соединяется с двумя другими: регулятивно-воздействующей и экспрессивно-апеллятивной. «Основная цель [регулятивно-воздействующей] стратегии – вызвать желаемые изменения в широком экстракоммуникативном контексте ситуации. Эта стратегия может быть реализована в виде четырех коммуникативно-речевых тактик: подчинение, контроль над инициативой, контроль над темой и контроль над деятельностью» [2, с. 402]. Часто это стратегия реализуется посредством различных форм волеизъявления: приказа, просьбы, совета и т.д.

Экспрессивно-апеллятивная (или эмотивная) стратегия позволяет блогеру выразить чувства, оценку, эмоции, коммуникативные интенции [2, с. 402]. Средства реализации: эмоционально окрашенная лексика, лексические категории, средства выразительности (преимущественно несобственно тропы: ирония, сарказм, астеизм, апосиопеза и др.). В совокупности эти стратегии позволяют эффективно влиять на общественное мнение.

В качестве примера используем видеоролик Олеси Медведевой на канале «Страна.иа» под названием «"Дядя, тебя отсюда вынесут". В Днепре сорвали урок патриотизма из-за русского языка».

Напомним, с 16 января 2021 года в соответствии со статьей 30 Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как

государственного» вся сфера обслуживания перешла на украинский язык. Если работники сферы обслуживания разговаривают с клиентами на русском или другом неприемлемом для него языке, клиент имеет право написать жалобу.

После вступления в силу этой статьи в Украине повсеместно стали разгораться языковые скандалы. Один из самых громких произошел в Днестре (до 2016 года – Днепропетровск). Об этом инциденте рассказала блогер Олеся Медведева: «Начнем со скандала в школе в городе Днепр. Представители военных вузов пришли к старшеклассникам агитировать поступать в эти самые вузы. Но в какой-то момент разговор перешел на оскорбления. Один из старшеклассников начал перебивать военных и требовать их перейти на украинский язык. Как вы понимаете, военные говорили по-русски. На военных с подачи родителей такого, знаете, активного школьника с активной жизненной позицией, пожаловались в военкомат. Как оказалось, родители этого парня – местные языковые активисты. Хо, как неожиданно!

Об этой истории, которая произошла 18 февраля в школе №11 города Днестра, поведал в сети отец 11-классника Олексій Пономаренко. Он написал, что гордится поступком своего сына, который, как видно, во-первых, огрызнулся и очень по-хамски общался с людьми, которые, как минимум, старше его. Во-вторых, с людьми, которые в статусе офицеров. И, в итоге, сорвал мероприятие по патриотическому воспитанию».

Далее журналистка зачитала пост того самого «Олексія Пономаренко» из Facebook, который процитировал фразу сына в отношении офицера: «Дядя, я сейчас такую беседу с тобой проведу, что тебя отсюда вынесут!»

Завершает свой видеоролик Олеся Медведева следующими словами: «К сожалению, такие инциденты, подобные, будут продолжаться и дальше. Мы, в свою очередь, будем их фиксировать, потому что говорить об этом важно. Показывать, что насильственные методы украинизации дают свое противодействие и порождают подобные инциденты, которые, конечно же, не идут на пользу Украине».

Журналистка внедряет эмотивную стратегию, активно используя средства экстралингвистики: разбавляет речь паузами, включает психологические проявления (вздохи, междометия). Среди используемых тропов – ирония («активный школьник с активной жизненной позицией», «как неожиданно»). Также намеренно произносит имя и фамилию националиста на украинском языке. В ее видеоролике информационная составляющая (непосредственно новость об инциденте в школе) дополняется субъективной, ожидаемо критической, в адрес старшеклассника и самого процесса насильственной украинизации.

Данный ролик набрал более 260 тысяч просмотров и более 3 тысяч комментариев. Большинство подписчиков канала «Страна.иа» были русскоговорящие граждане Украины, не поддерживающие новые изменения в законах страны после 2014 года. Видео вызвало общественный резонанс. «Концлагеря для русскоязычных – следующий этап развития незалежной Украины», «Скоро начнут выгонять из ВСУ за русский язык. В бой идут одни

мовнюки!»), «Мовнюки копают себе могилу!» и сотни других подобных комментариев появились под видео за несколько дней.

Обратим внимание, что реакцией зрителей на такие видеоролики становится появление негативно маркированных идеологем – «мовнюки». Теперь это не просто лексическая единица, а элемент идеологической системы. С одной стороны, идеологема имеет расплывчатое значение: неизвестно, «мовнюки» просто разговаривают на украинском языке, считают необходимым использовать его в обществе или радикально настроены против русскоговорящего населения? Но само звучание этого слова вызывает негативные ассоциации и его появление в этой ситуации показывает и отношение к происходящему у большинства зрителей Олеси Медведевой и их сплоченность в этом вопросе. Они в своих комментариях разделяют мнение журналистки. Особенно ярко это проявляется в обсуждении видеороликов, которые посвящены ситуации на Донбассе, взаимоотношениям Украины и России – важных вопросов социально-политической тематики.

Итак, реализация коммуникативных стратегий блогером-журналистом позволяет эффективно воздействовать на массовое сознание. Но стоит отметить, что это воздействие эффективно при условии общности интересов лидера общественного мнения и массовой аудитории. Олеся Медведева профессионально сочетает информационную, регулятивно-воздействующую и экспрессивно-апеллятивную стратегии. Как результат – возникает ответная реакция со стороны зрителей, накал общественных отношений. Это создает трудности для официальной позиции государства по важным вопросам, транслируемой через СМИ. Блогосфера открывает широкие возможности для журналистов, которые имеют возможность, хотя и не без трудностей и помех, выражать свои мысли и консолидировать вокруг себя единомышленников.

Литература

1. Болталин С.А. Феномен обезличенного авторства в печатных текстах современной российской журналистики // Вестник Чувашского университета. – 2008, № 4. – С. 281–286.
2. Олешков М.Ю. Интенция как основа коммуникативной стратегии в институциональном дискурсе // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-30 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 401–402.
3. Попов А.А. Характеристика коммуникативных стратегий, реализуемых в блогах журналистов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2013, № 6 (149). – Вып. 17. – С. 161–171.
4. Сковородникова А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологии лексикографии // Риторика–Лингвистика. Вып. 5: сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 5–11.
5. Соломатин Д.Д., Соловьев В.А. Блогинг как катализатор журналистики в медиасистеме России // Вестник науки и образования. – 2019, № 14-1 (68). – С. 91–99.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.А. Лавицкий
(Витебск, Республика Беларусь)

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье на материале такого противоправного деяния, как распространение заведомо ложной информации (клеветы), представлена авторская методика проведения соответствующего судебного лингвистического исследования языкового материала параметрической триангуляции. Суть предлагаемой методологической процедуры состоит в разработке алгоритмической модели, включающей последовательное изучение конфликтогенного материала на предмет соответствия его содержания характеристикам, идентифицирующим то или иное преступление, совершаемое вербальным способом.

Инновационность методологии заключается в привлечении методологических принципов триангуляции: использование нескольких методов для решения одной и той же задачи с последующим сопоставительным изучением полученных результатов, а также обращение к нескольким источникам данных.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, параметризация, триангуляция, клевета

A.A. Lavitski
(Vitebsk, Belarus)

FORENSIC LINGUISTIC STUDIES OF MATERIALS RELATED TO THE DISTRIBUTION OF FALSE INFORMATION

The article, based on the material of such an illegal act as the dissemination of deliberately false information (slander), presents the author's methodology for conducting an appropriate forensic linguistic study of linguistic material of parametric triangulation. The essence of the proposed methodological procedure is to develop an algorithmic model, including a sequential study of conflict-generating material to determine whether its content corresponds to the characteristics that identify a particular crime committed verbally.

The innovativeness of the methodology lies in the use of methodological principles of triangulation: the use of several methods to solve the same problem, followed by a comparative study of the results obtained, as well as access to several sources of data.

Key words: forensic linguistic studies, parameterization, triangulation, slander

Большинство правовых государств признают триаду чести, достоинства и деловой репутации важнейшими нематериальными субъективными правами человека. Этот факт находит отражение в национальных законодательствах, где покушение на обозначенные права личности фиксируется как уголовно и административно наказуемые деяния. Чаще всего предметом правового разбирательства в таких случаях становится текст (его содержание). Именно поэтому в последние десятилетия обозначенные выше юридические категории

получили осмысление в судебной лингвистической экспертологии.

Следует отметить, что честь, достоинство и деловую репутацию можно отнести к универсальным понятиям для правоприменительной практики, так как их сущностное понимание в национальных правовых пространствах большинства стран не отличается и по отношению к речевой деятельности рассматривается как экспликация в ее содержании недостоверной информации порочащего характера, то есть клевета. Так, например, белорусский Уголовный кодекс интерпретирует клевету (ст. 188) следующим образом: «Распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений (клевета) в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления». В российском уголовном законодательстве закреплено схожее понимание клеветы (ст. 128.1): «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Хотя в отличие от белорусского правового поля в Российской Федерации публичность клеветы является дополнительным отягощающим условием преступления, также как и использование для распространения не соответствующих действительности сведений служебного положения, а также «клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих» и «клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности либо тяжкого или особо тяжкого преступления».

Однако в целом представленные юридические диспозиции понимания клеветы свидетельствуют о том, что данное противоправное деяние имеет общелингвистическое значение и соответствует словарным определениям: «Порочащая кого-что-н. ложь» [1, с. 233] (Толковый словарь С.И. Ожегова), «Ложь, распространяемая с целью опорочить кого-либо или что-либо» [2, с. 318] (Толково-словообразовательный словарь русского языка).

Несмотря на отсутствие серьезных разногласий в понимании клеветы как противоправного деяния, исследовательского внимания требуют вопросы, связанные с проведением соответствующего вида судебной лингвистической экспертизы текста. И хотя эта прикладная подотрасль правовой лингвистики уже накопила достаточно серьезный опыт в изучении продуктов речевой деятельности на предмет наличия в их содержании признаков распространения недостоверной информации, с повестки дня еще не сняты проблемы методологии исследовательской работы, чему и посвящена настоящая статья, цель которой заключается в обосновании параметрическо-триангуляционного алгоритма проведения соответствующей судебной лингвистической экспертизы текста.

Основными категориями предлагаемой методологии являются параметризация и триангуляция. Первый метод достаточно активно используется в сфере судебной лингвистической экспертологии и позволяет уточнить критерии (параметры) соответствия конфликтогенного текста юридическим нормам противоправного деяния. Триангуляция же вообще не получила широкого распространения в лингвистике. Метод применялся в отдельных работах, но понимался достаточно абстрактно как «исследовательская стратегия, позволяющая рассмотреть изучаемый предмет с нескольких возможных точек зрения» [3, с. 281].

В современной науке триангуляция рассматривается в нескольких формах: 1) триангуляция данных (использование в одном исследовательском проекте различных типов данных); 2) триангуляция исследователей (работа в рамках единого проекта нескольких исследователей, получающих данные обособленно друг от друга); 3) теоретическая триангуляция (интерпретация данных на основе нескольких подходов); 4) методологическая триангуляция (использование для решения одной задачи нескольких методов) [4, с. 110]. В нашем исследовании ключевое значение имеет последний аспект, позволяющий объективизировать результаты специального экспертного изучения текстового материала. На практике это выглядит следующим образом: исследование предметной области, определяемое вопросами, поставленными на разрешение эксперта, реализуется несколькими методами и анализируется в сопоставительном аспекте полученных каждым из использованных методов выводов. В конечном итоге использование нескольких методов для решения одной задачи позволяет минимизировать фактор субъективности выводов эксперта. Получение различными методами противоречивых или неполных результатов является допустимым и позволяет специалисту делать в заключении указания на потенциальную возможность определять степень вероятностного соответствия текста определенному параметру.

Кроме того, интерес для лингвистической экспертологии представляет и триангуляция данных, на практике реализующаяся в использовании нескольких источников информации, необходимой для проведения специального судебного исследования продуктов речевой деятельности.

Перечень методов проведения судебной лингвистической экспертизы текста на предмет наличия в его содержании признаков клеветы устанавливается исходя из обозначенной выше диспозиции статьи уголовного кодекса и может быть вариативен. Рассмотренный нами выше пример понимания распространения заведомо ложной информации белорусским национальным законодательством позволяет определить параметры, соответствие которым идентифицирует конфликтогенное речевое высказывание как клеветническое:

1) фактологичность (то есть, распространяемая информация должна являть собой сведения о факт(е)ах и не быть субъективизирована мнением адресанта);

2) объектность (наличие указаний (имплицитных/эксплицитных) на личность или институт, в отношении которого или которой имплементируется содержание оспариваемого текста);

3) тип распространяемой информации (содержание должно содержать сведения, которые негативно характеризуют объект речевой агрессии или сообщают о совершении им преступления);

4) канал распространения потенциально ложной информации (установление характеристик данного параметра чаще всего входит в зону ответственности органов следствия и дознания, суда, хотя и могут быть изучены экспертом-лингвистом).

В настоящей работе мы не будем подробно останавливаться на обосновании перечня верифицированных методов судебного исследования текстового материала, которые используются при изучении каждого из обозначенных выше параметров, а только представим их перечень и дадим краткую характеристику использования в предлагаемом параметрическо-триангуляционном алгоритме экспертной работы. Однако, как мы уже отмечали выше, использование методов вариативно, и в представляемой методике они не являются ни исчерпывающими, ни облигаторными и могут быть установлены непосредственно специалистом, которому поручено исследование, или экспертной организацией, в которой работает специалист.

К методам, используемым при установлении соответствия содержания спорного текста параметру фактологичности, относятся логико-синтаксический, лексико-грамматический и контекстуальный анализ. Данные методы исследования, верифицированные в лингвистике, позволяют установить вид речевого высказывания (утверждение, вопрос и т.д.), выявить маркеры субъективизации содержания (указание на мнение автора, его неуверенность в соответствии содержания фактическому положению дел). В данном случае речь идет о таких языковых конструкциях, как *думается, я считаю, наверное, скорее всего, возможно* и т.д. Кроме того, возможно установление интенциональности конфликтного текста.

Изучение параметра объектного состава ориентировано на идентификацию личности, в отношении которой распространяется спорная информация. Исследовательский алгоритм в данном случае включает в себя использование методов автоматической интерпретации, логико-контекстуального и логико-центрического анализа. Последняя процедура изучения текста требует триангуляции данных, то есть обращения к нескольким лексикографическим источникам, включая словари и справочные издания жаргонизмов.

Изучение типа информации, с методологической позиции, требует проведения первичного генристического, лексико-центрического, логико-семантического анализа языкового материала и, при необходимости, дальнейшего изучения содержания текста методами ассоциативного эксперимента, логико-контекстуального / интертекстуального анализа.

Параметр канала распространения информации, как уже было отмечено, нечасто становится объектом исследовательского внимания эксперта, так как не требует использования специальных исследовательских лингвистических процедур и проводится на основе общенаучных методов систематизации и анализа.

Таким образом, одной из методологий проведения судебного лингвистического исследования материалов на предмет наличия в их содержании признаков клеветы является параметрическая триангуляция. Методология сочетает в себе подходы параметризации (установление качественных характеристик правонарушения, совершаемого вербальным способом) и триангуляции (количественно-качественное изучение данных характеристик, проводимое с использованием нескольких методов).

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2012. – 736 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 1. – М.: Дрофа, 2000. – 1232 с.
3. Чернышова Е.Б. Триангуляция данных как метод исследования оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Вестник Брянского государственного университета. – 2015, № 1. – С. 281–283.
4. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. – Chicago: Aldine, 1970. – 207 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Е.Ю. Лебединская
(Санкт-Петербург, Россия)

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ ИРОНИЧНОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ

В статье исследуются доминирующие жанровые модели ироничного переосмысления научно-популярной проблематики, распространенные в возражающих коммуникативных действиях. Исследование проведено на материале комментарийных откликов интернет-пользователей в сетевом сообществе научно-популярного издания «Наука и жизнь». Результаты исследования показывают, что в современном сетевом научно-популярном медиадискурсе комментарии пользователей в ироничной возражающей модальности обретают отчетливые жанровые формы. Выявленные нами жанровые модели способствуют определению доминирующих и, следовательно, коммуникативно релевантных лингвокогнитивных моделей переосмысления актуальной научно-популярной проблематики в общественном сознании. Среди них – примитивизация изложения, доведение до абсурда и обращение к прецедентной ситуации.

Ключевые слова: медиалингвистика, речевой жанр, медиадискурс, сетевое сообщество, ирония, возражение

E.Yu. Lebedinskaya
(Saint-Petersburg, Russia)

SPEECH GENRES OF IRONIC RETHINKING OF POPULAR SCIENTIFIC PROBLEMS IN THE NETWORK COMMUNITY

The article examines the dominant genre models of ironic rethinking of popular science issues, common in objecting communicative actions. The study was conducted on the basis of commentary responses from Internet users in the online community of the popular scientific publication “Science and Life”. The results of the study show that in modern networked popular science media discourse, user comments in an ironic objecting modality take on distinct genre forms. The genre models we have identified help determine the dominant and, therefore, communicatively relevant linguocognitive models for rethinking current popular science issues in the public consciousness. Among them are primitivization of presentation, reduction to the absurd and appeal to a precedent situation.

Key words: mediallynguistics, speech genre, media discourse, online community, irony, objection

Исследование выполнено при поддержке гранта «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации» (Соглашение с РНФ № 22-18-00184)

Траектории переосмысления научного знания в медиапространстве, как правило, представляют собой многокомпонентные интерпретативные цепочки,

© Лебединская Е.Ю., 2023

в которых на определенном этапе актуализируются возражающие смыслы как результат критического пересмотра предшествующей познавательной деятельности. В смысловой структуре возражения новое знание противопоставлено прецедентным воззрениям; широкий эвристический потенциал коммуникативного действия позволяет охарактеризовать возражение как ключевой этап продуктивного диалогического взаимодействия. На текстовой плоскости возражающая модальность реализуется посредством широкого диапазона языковых конструкций, включая косвенные способы выражения несогласия [2]. Ирония, трактуемая исследователями как косвенная трансформация суждения в высказывание с противоположной оценкой [6] и отрицание, пронизанное имплицитными маркерами негации [7], признается одним из эффективных инструментов, реализуемых в ситуациях непрямого возражения. Ироничный модус возражения интенционально организует продуктивные коммуникативные действия, обладающие значительным персуазивным потенциалом [4]. Заложены в речевой ткани ироничные импликатуры аккумулируют возможности возражающей интенции и способствуют эффективной реализации коммуникативных целей субъекта речевой интеракции.

Вариативный характер средств развертывания возражающих смыслов в ироничных речевых действиях, реализуемых в рамках сетевого научно-популярного медиадискурса, коррелирует с ключевыми категориями гипертекстового пространства, такими как поливекторность и полимодальность [5]. Широкие возможности медиареагирования усиливают диалогический тонус научно-популярной коммуникации. Интерпретация научного знания требует ориентации на гипотетического адресата –предполагаемые речевую компетенцию и фоновые знания [1]. Медиатексты становятся стимулами для многочисленных реплик-реакций пользователей, вовлекаемых в диалогическое взаимодействие. Особое коммуникативное значение возражения в онлайн-сообществе исследователи объясняют отражением «процесса познания заинтересованного непрофессионала», что «позитивно влияет на распространение и объяснение нового знания» [3, с. 144]. В современном научно-популярном сетевом медиадискурсе ответные реплики пользователей обретают отчетливые и повторяющиеся жанровые формы, отражающие закономерности переосмысления научных открытий в общественном сознании.

Целью данной статьи является намерение выявить и систематизировать наиболее коммуникативно релевантные жанровые модели ироничного переосмысления пользователями актуальной научно-популярной проблематики. Эмпирическая база исследования – комментарийные отклики пользователей под медиатекстами сетевого издания «Наука и жизнь» в социальной сети «ВКонтакте» (более 5000 комментариев пользователей). Хронологические рамки: 1 января – 1 сентября 2023 года. Доминирующие методы исследования: контент-анализ, дискурс-анализ и интенционально-стилистический анализ.

Результаты исследования демонстрируют, что наиболее частотными жанровыми моделями реагирования пользователей, выявленными в

исследуемом речевом материале, являются следующие жанровые формы, которые мы назовем «Примитивизация изложения», «Доведение ситуации до абсурда» и «Апелляция к прецедентной ситуации». Проведем подробный интенционально-стилистический анализ характерных примеров-иллюстраций из каждой модели.

ЖМ «Примитивизация изложения»

На новостное сообщение о реконструкции древней ДНК, обнаруженной в доисторической подвеске («Украшения с ДНК», Наука и жизнь, 05.05.2023), пользователь реагирует следующим комментарием:

зуб носила или делала в нем дырку женщина homo sapiens 18,5 тыс лет назад? познавательная история

В примере наблюдается примитивизация довольно исчерпывающего и детализированного изложения в медиатексте информации о научном открытии. Тенденция к редуцированной ретрансляции подчерпнутых сведений обнаруживается в транспозиции сложных синтаксических конструкций и речевых оборотов простыми и интерпретативно неосложненными. Так, многокомпонентное (полипредикативное) предложение, ориентированное на экспликацию сложных причинно-следственных отношений (*Оказалось, что этим человеком была женщина, жившая между 18 500 и 24 700 лет назад, причём ДНК указывала на то, что генетически она была близка другим людям, которые жили примерно в тоже же самое время, но намного восточнее*), заменяется простой и малораспространенной конструкцией, характерной для разговорно-обиходного дискурса (*зуб носила или делала в нем дырку женщина homo sapiens 18,5 тыс лет назад*). Субъективный, или обратный, порядок слов оттесняет термины (*homo sapiens*) и элементы цифровой информации (*18,5 тыс лет назад*) на второй план. Осложненные речевые обороты интерпретируются с помощью упрощенных когнитивных алгоритмов: *доисторическая подвеска, сделанная из оленьего зуба* (сочетание номинации с атрибутивной конструкцией в медиатексте) → *зуб* (единичная номинация в комментарии). Комментатор намеренно отдает предпочтение языковым единицам лексико-тематической группы, коррелирующей со сферой быта (*подвеска* → *зуб*; *изготавливать украшение* → *делать дырку*); на упрощение в данном случае указывает переход от более абстрактного к предметному мышлению. Вопросительная конструкция переводит модальность в ирреальный режим, что способствует интенсификации притворного удивления субъекта речи. Проанализированные грамматические маркеры задают направление интерпретации, концентрированно представленное в финальной реплике, организованной с помощью антифразиса (*познавательная история*). Прагматическая пресуппозиция, которой обладает адресат, подсказывает изменить оценочный знак на противоположный (инвертирование оценки: *познавательный* → *безынтересный*). Намеренно неточное словоупотребление (*научное открытие* → *история*) поддерживает создаваемый иронический эффект. С помощью иронического приема комментатор отказывается новому знанию в научной ценности, основываясь на

том, что структура подлинно научной деятельности предполагает познавательный, или эвристический, компонент.

ЖМ «Доведение ситуации до абсурда»

Новостное сообщение о результатах исследования научным коллективом эволюции шерстистых мамонтов по ДНК («Когда шерстистые мамонты стали шерстистыми», Наука и жизнь, 11.04.2023) стимулирует появление следующего комментария пользователя:

Жара была. Они уже подготовились. У них прогнозы были.

Грамматическим значением прошедшего времени определяется фактообразующая семантика, которая в сочетании с простыми и малораспространенными синтаксическими конструкциями конструирует констатирующую тональность текстового фрагмента. Такая тональность в совокупности с акцентирующей модальностью (частица-акцентуатор *уже*) формируют модус уверенности, который вступает в противоречие с парадоксальностью изображаемой ситуации, что порождает комический эффект. Например, комическая несообразность предлагаемой трактовки научной информации задается семантикой лексемы *прогноз*, имеющей «субъектом» мысли мамонтов, не обладающих высшей нервной деятельностью и не способных к *целенаправленному прогнозированию* ситуаций. Необходимое для абсурдизации текстового фрагмента семантическое размытие субъекта мысли осуществляется с помощью местоименной лексики (*они, у них*). Так осуществляется ироничное опровержение эволюционной научной версии, предлагаемой учеными и отраженной в медиатексте.

ЖМ «Апелляция к прецедентной ситуации»

Медиатекст о положительном влиянии голубики на организм («Голубика против жира», Наука и жизнь, 03.04.2023) стимулирует следующий ответный комментарий:

А что, ягоды годжи уже не в моде???

Словосочетание *ягоды годжи* становится маркером модных тенденций в питании (прецедентный феномен), влияние которого усиливается в комментарии частицами-интенсификаторами (*а, уже*). Вопросительная конструкция предстает показателем возможной смены модных тенденций.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что в современном сетевом научно-популярном медиадискурсе комментарийные отклики пользователей в ироничной возражающей модальности обретают отчетливые жанровые формы, которые требуют дальнейшего изучения и типологизации. Предлагаемая нами классификация жанровых моделей, выявленных в исследуемом речевом материале, способствует определению доминирующих и, следовательно, коммуникативно релевантных лингвокогнитивных моделей переосмысления актуальной научно-популярной проблематики в общественном сознании – примитивизация изложения, доведение до абсурда, обращение к прецедентной ситуации.

Литература

1. Болдырев Н. Н., Ефименко Т. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. – 2022, № 9 (4). – С. 355–368.
2. Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. – СПб.: Медиапaпир, 2022. – С. 94–108.
3. Иванова Л. Ю. Вариативность смысловых компонентов негации в Telegram-каналах о науке // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. – СПб.: Медиапaпир, 2022. – С. 144–149.
4. Уварова Е. А. Типологические характеристики новостного веб-сайта как поликодового текста: на примере информационного портала "The Onion": автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва. – 2019.
5. Рязанцева Т. И. О категориях гипертекста // Медиалингвистика. – 2019, № 6 (3). – С. 327–340.
6. Giora R. On irony and negation // Discourse Processes. – 1995, № 19. – P. 239–264.
7. Partington A. Irony and reversal of evaluation / Journal of Pragmatics. – 2007, № 39 (9). – P. 1547–1569.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Л.А. Линник
(Уфа, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

Расширение рамок исследования текста позволяет исследовать не только результат речепорождения, но и экстралингвистические компоненты, влияющие на сам текст, равно как и обусловленные им, в том числе автора и адресата. Автор и читатель медицинского дискурса также репрезентированы в научных текстах, включая аннотации медицинских статей, рассматриваемых нами как пространство коммуникации представителей научного сообщества. В результате исследования были установлены специфические особенности автора и читателя как коммуникантов в пространстве медицинского дискурса. Их можно идентифицировать как учёных, исследователей, врачей, экспериментаторов, способных к кодификации и декодификации узкопрофильных медицинских текстов, отличающихся эрудицией, активно включенных в современную медицинскую коммуникацию, тяготеющих к последовательности в изложении, компрессии информации с целью увеличения информационной и смысловой насыщенности, отдающих приоритет истине и познанию.

Ключевые слова: медицинский дискурс, дискурс-анализ, языковая личность автора, медицинская коммуникация, сигналы адресованности

L.A. Linnik
(Ufa, Russia)

LINGUISTIC PERSONALITY IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF MEDICAL DISCOURSE

Expanding the scope of text research allows us to investigate not only the result of speech generation, but also the extralinguistic components that affect the text itself, as well as those caused by it, including the author and the addressee. The author and reader of medical discourse are also represented in scientific texts, including annotations of medical articles, which we consider as a communication space for representatives of the scientific community. As a result of the research, the specific features of the author and the reader as communicants in the space of medical discourse were established. They can be identified as scientists, researchers, doctors, experimenters capable of codification and decodification of narrow-profile medical texts, distinguished by erudition, actively involved in modern medical communication, tending to consistency in presentation, compression of information in order to increase information and semantic saturation, giving priority to truth and cognition.

Key words: medical discourse, discourse analysis, author's linguistic personality, medical communication, addressability signals

Расширение рамок изучения и научных подходов в изучении текста, не только как результата речепорождения, но и как процесса коммуникации, самого коммуникативного пространства, включающего и субъектов общения, и

выдвигаемые к коммуникации требования и условия, и темы (макротемы, субтемы), интенции коммуникантов, стратегическую организацию пространства, включающую когнитивные и коммуникативные стратегии в их непрерывном взаимодействии, открывает для исследователей новые и более широкие перспективы, позволяющие заглянуть вглубь коммуникации, равно как и ее участников, что обуславливает актуальность исследований, посвященных дискурсу как многокомпонентному феномену, инкорпорирующему собственно языковые и экстралингвистические компоненты в их синергетическом взаимодействии.

Материалом для нашего исследования послужили аннотации медицинских статей на русском языке, собранные методом сплошной выборки из наиболее цитируемых статей (индекс цитирования принимался как маркер включенности дискурсивного пространства аннотации в научную коммуникацию).

В области языкознания традиционно медицинский дискурс идентифицируется как субдискурс научного дискурса либо как самостоятельный вид с собственными специфическими особенностями. В.И. Карасик, выделяя медицинский дискурс, пишет: «Применительно к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный» [1, с. 7].

Как субдискурс научного дискурса медицинский дискурс отличается институциональностью, что подразумевает наличие строгих требований и условий коммуникации, тщательного отбора языковых средств, специфической репрезентации (преимущественно имплицитной) коммуникантов, интенция на коммуникацию с целью приращения знаний, четкая обозначенность пределов номинации, точность и исключение вариативности интерпретации языкового знака, ясности, кодификация посредством общенаучной лексики, терминов и конструкций.

О собственно медицинском дискурсе Ф.Л. Косицкая и М.В. Матюхина утверждают: «Это сложноорганизованное дискурсивное, многомерное, неоднородное образование. Его коммуникативное пространство – это взаимозависимость, взаимодействие рекламного, медицинского академического дискурса, законодательного (правового) дискурса в области медицины, научного медицинского дискурса и собственно врачебного дискурса» [3, с. 15].

Специфическими чертами медицинского дискурса в пространстве медицинских статей (и аннотаций как их составляющей) являются коммуниканты – представители медицинского сообщества, выбор тематики коммуникации и, безусловно, тип кодификации, включающей не только общенаучную, но и общемедицинскую и специфическую для определенной узкой медицинской области терминологию (терминология генетики, гастроэнтерологии, кардиологии и др.), что и позволяет осуществить «отбор» участников медицинского дискурса, способных декодифицировать пространство смыслов дискурса.

Иными словами, медицинский дискурс, как и другие типы дискурса, можно представить в виде цепочки, взаимосвязанными элементами которой являются языковые коммуникативные единицы, принадлежащие преимущественно к широкому семантическому полю «медицина», а здесь и симптомы, диагнозы, методы диагностики и многое другое, и внеязыковые компоненты научной коммуникации, среди которых коммуникативная ситуация (профессиональное общение, тяготеющее к исследованию заболеваний и методов профилактики и лечения), авторы речевых актов и их адресаты в целом комплексе их когнитивных, психологических, профессиональных и др. характеристик, интенсивность коммуникации, ее композиционные особенности, обусловленные институциональностью данного вида дискурса, складывающиеся в многоуровневую систему взаимосвязей и взаимообусловленностей.

Несмотря на строгие правила и ограничения научного медицинского дискурса, исследователями научного регистра отмечаются характерные для современных дискурсивных репрезентаций демократизацию, персонификацию коммуникантов, диалоговость, способствующие экспликации личностей автора и читателя и позволяющие проанализировать языковую личность участника медицинского дискурса.

Пространство коммуникации медицинского дискурса представляется как созданный адресантом и адресатами, создателями дискурса, локум, относительно которого и формируется стержень общения, подкрепленного интенцией сомышления и научного сотворчества.

Институциональность и стандартизованность медицинского дискурса определяет репрезентацию языковой личности автора-исследователя, автора-врача, наиболее ярко, невзирая на доминирующую в русских текстах медицинских статей имплицитность, представленную в дискурсе (см. [2, с. 768]).

Дискурс создается не только автором, но и его читателями, адресантом и адресатами в процессе институционального взаимодействия. Е.М. Меркулова подчеркивает релевантность адресата: «Описание языковых стратегий и способов невозможно без учета фактора адресата. Согласно интерактивной теории дискурса, говорящий строит текст, опираясь на свои представления об адресате» [5, с. 12]. Именно к читателю «обращено произведение, языковые коды, идеологические нормы и эстетические представления которого учитываются для того, чтобы произведение было понято читателем... абстрактный читатель является носителем предполагаемых у публики фактических кодов и норм» [6, с. 61], что и делает адресата медицинского дискурса участником процесса сомышления, приращения знаний, а учитывая, что читатель, как и автор, принадлежит к профессиональному медицинскому сообществу, возможно, и продолжателем идей конкретной статьи в собственном исследовании уже в позиции автора, что обеспечивает преемственность, интенсивность коммуникации, последовательную генерацию смыслов.

При анализе аннотаций медицинских статей, по сути являющихся результатом компрессии информации, что предполагает участие адресата как ученого, владеющего профессиональным кодом и способного к развертыванию и

декодированию, с целью изучения языковой личности автора и читателя медицинского дискурса мы исследовали стратегическую организацию дискурсивного пространства аннотаций с целым комплексом когнитивных стратегий, имеющим ядерно-периферийную структуру [4, с. 82].

В результате проведенного исследования было выявлено, что для языковой личности автора медицинского дискурса характерны преимущество имплицитности при саморепрезентации, эксплицитность актуализируется в большей степени в случае оценки фактов, выражении эмоций (сожаление или радость), степени достоверности и предположений, автор сожалеет о недостаточности имеющейся информации (*к сожалению, в настоящее время мы не располагаем данными; к сожалению, упрощенное понимание проблемы остеохондроза позвоночника препятствует...*) и об отсутствии желаемого результата (*к сожалению, лишь в единичных случаях при метаболическом синдроме удастся добиться хорошего контроля АД*), испытывает радость при констатации здоровьесберегающих фактов (*распространенность курения среди женщин в российской популяции, к счастью, невелика*). Автор глубоко погружен в медицинскую коммуникацию, о чем свидетельствует детальное знание истории изучения заявленных проблем, ориентируется на информирование, в процессе генерации смыслов использует стратегии обобщения, сравнения, оценки. Автор дискурса репрезентирует актуальную для него систему ценностей с доминантой истины и здоровья как наиболее значимыми.

Для языковой личности «идеального» (предполагаемого) читателя, также представленного в дискурсивном пространстве аннотации медицинской статьи, характерны принадлежность к узкой медицинской специализации, о чем свидетельствует широкое использование узкоспециальных медицинских терминов, наблюдающий факты в системе взаимосвязей и обладающий критическим мышлением, способствующим выстраиванию причинно-следственных связей, тяготеющий к сравнению как методу познания и обобщению как способу организации информации, признающий ценность познания и истины, отдающий предпочтение рецепции, имплицитному диалогу, выходящему за рамки одной статьи и предполагающему продолжение уже в пространстве статьи, созданной читателем, через цитаты и развитие, обобщение, оспаривание, подтверждение идей автора.

Таким образом, можно утверждать, что пространство медицинского дискурса представляет собой область коммуникации автора и читателя, являющихся учёными, исследователями, врачами, экспериментаторами, способными к кодификации и декодификации узкопрофильных медицинских текстов, отличающихся эрудицией, активно включенные в современную медицинскую коммуникацию, тяготеющие к последовательности в изложении, компрессии информации с целью увеличения информационной и смысловой насыщенности, отдающие приоритет истине и познанию.

Коммуникацию автора и читателя в пространстве аннотации медицинской статьи можно определить как общение «по горизонтали», осуществляемое равными коммуникантами, позиция адресата в такой коммуникации, с одной

стороны, можно характеризовать как пассивную, а с другой, как обуславливает продолжение коммуникации и приращение знаний, что и является одной из основных целей научного дискурса, через расширение дискурсивного пространства посредством создания собственной статьи и аннотации к ней (диалог осуществляется с помощью цитирования и развития идей). Автор медицинского дискурса занимает активную позицию, результат его речепорождения внешне носит монологический характер, однако нацеленность на цитирование предполагает привлечение в научную коммуникацию читателя – представителя медицинского сообщества.

В заключение обозначим, что медицинский дискурс представляет собой пространство активного коммуникативного взаимодействия внутри профессионального сообщества, предполагающее диалог равных коммуникантов, принадлежащих данному сообществу и отличающихся высокой квалификацией, стремлением к познанию и приращению знаний, признающих истину как наивысшую ценность и использующих такие когнитивные операции, как обобщение и сравнение в качестве инструментов построения коммуникации. Имплицитность читателя и большая проявленность автора служат условием продолжения коммуникации в расширенном пространстве медицинского дискурса новых статей посредством цитации.

Литература

1. Карасик В.И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Архангельск – Волгоград: Перемена, 1994. – 34 с.
2. Касымова О.П., Линник Л.А. Медицинский дискурс в современной лингвистике // Вестник Башкирского университета. 2017б, № 3. Т. 22. – С. 767-773.
3. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. Французский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2017. Выпуск 3 (180). – С. 14–17.
4. Кудрявцева З.Г., Петросян М.М. Стратегии и тактики речевого воздействия в медицинском медиадискурсе // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве и профессиональной коммуникации: Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, Брянск, 29 октября 2021 года / Под редакцией И.Н. Никитиной, Н.В. Трошиной. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 81–90.
5. Меркулова Е.М. Языковые средства представления сторон военного конфликта в американском и российском дискурсах (на материале официальных текстов): автореф. дис. ... кандидат филол. наук. – М, 2013. – 31 с.
6. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Статья посвящена визуальной поэзии как одному из развивающихся жанров в современном мире. Будучи рождённой в древности, визуальная поэзия была модной и в средние века, и в Новом времени. Особый всплеск её развития во многих странах мира пришелся на XX век. В жанре виртуальной поэзии работали многие русские поэты. Особое место занимает творчество Андрея Вознесенского. Попытка проанализировать особенности его визуальной поэзии предпринимается в настоящей статье.

Ключевые слова: Визуальная поэзия, метафора, графика, вербальный, невербальный, фигурные стихи, изопы, палиндромы, кругомёты, видеомы

V.T. Malygin
(Vladimir, Russia)

VISUAL POETRY OF ANDREW ASCENSION

The paper is focused on the visual poetry as one of the developing genres in the modern world. Dating back to the Ancient times, visual poetry used to be popular both in the Middle ages and in the Modern age. It enjoyed its highest popularity in the 20th century worldwide. Many Russian poets tried their hand in this genre. The heritage of one of the representatives, Andrey Voznessenskiy, plays a special part in the poetry. The presented paper analyses some features of his visual poetry.

Key words. Visual poetry, metaphor, graphics, verbal, non-verbal, pattern poetry, izopes, palindromes, poetry circles, visual poetry

Визуальная поэзия появилась в древности. Изобретателями фигурных стихотворений считаются Александрийские поэты Симмий Родосский, Досиад и Феокрит. Первые графические произведения являли собой изображения яйца, крыльев и секиры.

Сегодня в этом жанре работают многие поэты: Сергей Сигей, Алексей Хвостенко, Дмитрий Авалиани, Александр Федулов, Сергей Бирюков, Валерий Галечьян, Света Литвак, Елена Кацюба, Константин Кедров, Дмитрий Зимин, Андрей Кирсанов и другие. Необходимо отметить, что элементы шрифтовой (визуальной) поэзии в настоящее время используют многие (возможно, большинство) современные поэты.

Зарождалась и развивалась визуальная поэзия на стыке поэзии, живописи, графики, пластики, скульптуры, архитектуры, фотографии, прикладного творчества.

Визуальный поэтический текст – результат двух видов деятельности: поэтической (вербальной, словесной) и изобразительной (невербальной).

В современном литературоведении до сих пор это художественное явление не имеет общепринятого устоявшегося термина. Произведения такого рода называют стихографика, графическая поэзия, видеопоезия, медиапоэзия, фигурные стихи. Нам представляется, что этот особый и своеобразный поэтический жанр стихов «под микроскопом» достаточно полно охватывает термин «визуальная поэзия». Вместе с тем, поиски более точной терминологии не прекращаются. Достаточно назвать, например, работы Дж. Адлера, Ю. Гика, К.А. Слуцкой, Н. Фатеевой, Т. Хархур, Ф. Мон, Л.П. Прохоровой, Е.С. Анисеевой, Э.В. Минаевой, Т.Л. Пономаревой, Е. Степанова, Б. Гринберга, К.П. Денкера, Р. Никоновой-Таршис.

В этой связи уместно вспомнить приведённый К.А. Слуцкой краткий обзор ряда других предложений. В автореферате своей диссертации она пишет: «На сегодняшний день типология текстов изобилует различной терминологией, обозначающей принципиально одинаковую сущность: тексты, сочетающие в себе вербальные и невербальные компоненты. Несмотря на многообразие терминов, называющих данное явление (Г.В. Ейгер и В.Л. Юхт (1974) - «поликодовые тексты», Р.О. Якобсон (1985)- «синкретические сообщения», Л.М. Большаянова (1987)- «лингвовизуальный комплекс», А.В. Михеев (1987) - «изоверб», А.А. Бернадская (2000)- «изовербальный комплекс»), на наш взгляд, наиболее точным является термин «креолизованные тексты», предложенный отечественными психолингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым (1990). По их мнению, это «Тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [21].

Описанию и анализу русской визуальной поэзии посвящены работы таких исследователей, как М. Гаспаров, Ю. Лотман, А. Квятковский, С. Сигей, С. Бирюков, Ю. Гик, Е. Степанов, В. Колотвин, М. Асылбекова и других. Тем не менее, функционирование невербального в современной поэзии исследовано, на наш взгляд, недостаточно. Некоторые современные исследователи считают визуальные стихотворения не поэтической формой, а совершенно отдельным видом искусства [12, с. 513]. Как отмечает Юрий Гик, «под визуальной поэзией понимают размытый культурный феномен, находящийся в богатом зазоре между литературой и визуальными искусствами. Точного и

удовлетворительного определения визуальной поэзии пока не выработано, хотя описание термина или его составляющих (конкретная поэзия, фигурная поэзия) уже можно найти в словарях ...» [7, с. 513].

Особую и очень заметную роль в развитии и в научном осмыслении сущности визуальной поэзии сыграл Андрей Вознесенский. Начало было положено им в 1970 году, когда вышла его книга «Тень звука» с первыми образцами новых примеров изобразительной поэзии, названных им самим «изопы» [4]. В дальнейшем поэт обогащает палитру стихотворений этого жанра всё новыми и новыми образцами визуальной поэзии с выразительными наглядными метафорами, представленными в плоскости. Высокая степень зримой метафоричности обусловили тот факт, что в среде литературоведов расхожим стало определение А. Вознесенского как «поэта говорящего зрения».

Визуальные произведения А. Вознесенского можно систематизировать по четырём основным формам:

- изопы (изобразительная поэзия): изобразительная метафора, наглядные, конкретные предметы;

- палиндромы (в форме какой-либо фигуры или траектории): зеркальная метафора;

- кругомёты (отдельные знаки и их комбинации, образующие «гусеничные» цепочки, состоящие из одного слова): круговая метафора;

- видеомы (композиции изображения и лексемы, которая гармонично вплетается в изображение): метафора-картина.

ИЗОПЫ

В уже упомянутой книге «Тень звука» А. Вознесенский писал:

«Изопы – это опыты изобразительной поэзии. В противовес эстрадной, чтецкой поэзии (ЧП) я попытался – чем чёрт не шутит! – написать «только для глаз»...изопы соединяют слова и графику, становятся структурными... Мне тоже захотелось порисовать словами, превратить словесную метафору в графически зримую... Я попытался графически дать некоторые стихи, которые в этой книжке набраны и обычным способом. Может, читателю будет интересно увидеть, как создавались они в авторском сознании, перед тем как стать четверостишиями... Предвижу упрёки в несерьёзности, забавах, играх со словами. Не думаю, что поэзия обязательно «должна быть глуповатой», но почему не быть ей иногда легкомысленной?» [4, с. 155].

Изопы – это, как правило, графика на чёрном или белом фоне, вербально многоуровневое стихотворение с изобразительной метафорой в основе.

Башня выстроена из метафор-предложений, метафор-словосочетаний и метафор-слов. Слова выстраивают купол башни, поэтому они подобраны очень точно по стилю и эмоциональному накалу (каждое последующее слово экспрессивней предыдущего) и по длине:

Я
башня
Сухарева
боярышня
суриковская
нессучившаяся

Из предложений и словосочетаний выстроены стены башни и фундамент: сверху вниз — от меньшей единицы к большей. Последние два предложения стихотворения стали для автора самыми (во всех смыслах) фундаментальными:

По Сухаревой башне рыдай, Иван Великий!
Над Москвой белеет овдовевший столп.

Эти высказывания остаются с автором и читателем после падения башни: они выстроены очень лаконично, предельно просто, вместе с тем финальная метафора «белеет овдовевший столп» максимально точно отражает, что именно произошло, как относится к этому событию автор, а также она задает пространство. О данном стихотворении также можно сказать, что оно целиком выстроено с помощью метафоричных языковых элементов разного уровня, и каждый символ в произведении поставлен на свое место неслучайно, каждый имеет определенное значение, задает состояние и работает на выражение главной художественной идеи.

ПАЛИНДРОМЫ

В переводе с греческого слово это означает «назад бегущий», «перевертень» [15, с. 171, 172]. Это моностих, зеркальная метафора в чёрно-белой гамме. Пример этой формы мы встречаем в сборнике А. Вознесенского 1990 года «Аксиомасамориска». Обложка оформлена следующим образом: в виде креста расположены слова, представляющие собой одно и то же слово. Вот образец палиндрома:

буквенная пыльца из А и О, мягких по форме очертаниями знаков. Внизу текст представлен в виде стихотворения в прозе. Важная визуальная особенность здесь состоит в том, что и шрифт становится с засечками – более заземлённым, чтобы связь с поверхностью земли была более плотной. Прозаическое изложение выбрано здесь для того, чтобы визуальное в нижней части композиции текст выглядел как опавшая пыльца, пыль, земля. Автор задаёт пространство, движение предметов в этом пространстве при помощи метафоры-текста.

Появлению этого кругомёта предшествовал конкретный эпизод из жизни лирического героя, который ехал на автомобиле и увидел вьющихся перед фарами стаек мошек. Герой рассмотрел в этой картине букет солнечных ромашек с золотой пылью. В сознании героя возникает метафора «кошмарной ромашки». Взаимодействие метафор разного уровня рождает новые философские смыслы, память вспыхивает, как испуганная, потревоженная стая мошкар, как пыльца с букета ромашек.

ВИДЕОМЫ

Этот вид визуальной поэзии также создал и развил А. Вознесенский. Видеоомы создаются в цвете и относятся к метафорам-картинам. Большую смысловую нагрузку несёт название видеоомы.

Главная особенность видеоом – вербальная составляющая в них заметно уменьшается, в видеоому включён уже не текст, а только одна лексема или буквенный знак. Сюда же относится и техника коллажа. Поэт считал, что в видеоомах концентрируется взаимодействие зрительного и духовного. Первая созданная Вознесенским видеоома была посвящена столетию Б. Пастернака: на плакате поэт изображается распятым на кресте. Посмотрим видеоому, названную Пастернака, фамилией поэта в родительном падеже. Это относит нас к подтексту: надгробье Пастернака, крест Пастернака:

В данной видеооме визуальный компонент и зрительный образ являются ключевыми: на черном фоне появляется крест с распятым поэтом, только он уже стоит на надгробной плите. Здесь раскрывается идея бумаги как носителя искусства, а вместе с тем и предательства, и гибели. Автор изображает крест с

распятым поэтом. Символизм и метафоричность произведения дополнены тем, что и надгробье, и крест выполнены из бумаги, на которых видны обрывки рукописей.

В визуальном творчестве А. Вознесенского категория видеом - одна из наиболее многочисленных. Здесь большая нагрузка и слова, и изображения. Метафора в видеомах многоуровневая.

В заключение отметим, что, как показывает наш анализ сущностных характеристик визуальной поэзии на примере творчества А. Вознесенского, визуальная поэзия получает всё большее распространение среди жанров поэзии нашего времени и требует дальнейшего исследования с применением различных методов исследования. При этом, несомненно, внимания заслуживает методологический подход, предложенный К.А. Слуцкой:

«Визуальная поэзия рассматривается как семантическая когерентность вербальных и невербальных компонентов. При этом выделяется ряд факторов (актуализация значения, иронизация, атмосферизация, неконгруэнтность, колорит), появляющихся в результате взаимодействия вербальных и невербальных составляющих и способствующих реализации одной из основных функций текста - эстетической» [10, с.7].

Анализ визуальной поэзии убедительно показывает, что в числе многих поэтов, отечественных и зарубежных, которым был не чужд этот поэтический жанр, фигура Андрея Вознесенского занимает значительное место.

В историю мировой культуры А. Вознесенский вошёл как поэт и художник новой формации, как большой мастер стихотворной метрики и метафоры, как яркий новатор визуальной поэзии.

Литература

1. Адлер Дж. Непрерывность традиций визуальной поэзии. Типология и систематика фигурных стихов // Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы: антология. – Калининград, 1998. – С. 16
2. Аполлинер Г. Каллиграммы Стихотворения мира и войны 1913-1916. 1918; переиздание. – Изд-во Терция, Кристалл, 1999.
3. Булатов Д. Точка зрения. Визуальная поэзия: 90-е годы // Калининград-Кёнигсберг: Симплиций. Визуально-поэтическая идея. Реконструкция архива. – 1998. – С. 11А.
4. Вознесенский, Андрей. Тень звука. Стихи. – М., Молодая гвардия, 1970. – С. 264
5. Гик Ю. Визуальная поэзия. Теория и практика. Ж. Черновик – 2004, № 19. URL: reading-hall.ru/publication.php?id=12664 (дата обращения: 01.09.2023).
6. Гик Ю. Визуальная поэзия в России. Тенденции. URL: <http://www.rastko.org.yu/rastko/delo/12330> (дата обращения: 01.09.2023).
7. Гик Ю. Наследие Дада в современной визуальной поэзии. URL: http://platform.netslova.ru/texty/gik_dada.html (дата обращения: 01.09.2023).
8. Гик Ю. Визуальная поэзия в России. Промежуточные итоги. Дети Ра №12, изд-во Евгения Степанова «Вест-Консалтинг», 2006. – 208 с.
9. Денкер К.П. Визуальная поэзия: проблемы и свобода жанра, 1998. – 130 с.
10. Денкер К.П. Экспериментальная поэзия. – Кёнигсберг, 1996. – С. 117.
11. Ильгова Д.А. Визуальная поэзия XX века в контексте интермодальности. Диссертация на соискание уч. степ. кандидата культурологии. – М., 2022. – 178 с.

12. Минаева Э.В., Пономарёва Т.А. Современная визуальная поэзия в поисках невозможного. Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). – 2011, № 2. Часть 2. – С. 512–521.
13. Мон Ф. Думая о пиле. – Точка зрения: антология визуальной поэзии. 90-е гг. – Кенигсберг, 1998. – С. 40.
14. Никонова-Таршис Р. Архитектура // Поэтика русского авангарда. Кредо. – 1993, № 3–4.
15. Прохорова Л.П., Аникеева Е.С. Визуальная поэзия как особый жанр. Вестник КемГУ. – 2008, № 2. – С. 169–174.
16. Словарь поэтических терминов URL: <http://rifma.ru/Poetic-3.htm> (дата обращения: 01.09.2023).
17. Слуцкая К.А. Особенности классификации конкретной поэзии // Вестник ИГЛУ. Сер. «Лингвистика». – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – Вып.2(10). – С. 156–162.
18. Слуцкая К.А. Семантическая когерентность вербальных и невербальных компонентов как способ реализации эстетической функции конкретной поэзии [Текст]/ К.А. Слуцкая /1 Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». – Челябинск: ЧелГУ, 2011. – Вып. 56. – С. 135–140.
19. Слуцкая К.А. Структурно-семантические аспекты русскоязычной и английской визуальной поэзии. АКД на соискание уч. степ. кандидата филологических наук. – Тюмень, 2011. – С. 23.
20. Слуцкая К.А. Особенности восприятия визуальной поэзии // Современные научные исследования и инновации. - Июль, 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/IQ29> (дата обращения: 01.09.2023).
21. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
22. Степанов Е. Визуальная поэзия в современной России. URL: <http://magazines.russ.ru/reviews/> (дата обращения: 01.09.2023).
23. Kostelanetz R. Dictionary of the Avantgardes. – Chicago: Review Press, 1993. – 245 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Рассмотрение различных массмедийных практик политической коммуникации дает возможность изучить и исследовать фрагменты развития конкретных социумов в тот или иной период их жизнедеятельности, а также позволяет раскрыть коммуникативные практики конкретного политика и проследить насколько актуальна политическая и общественная жизнь через призму массмедийного потока в индивидуальном или коллективном сознании, так как в выступлениях политиков с учетом гендерной специфики невербальной политической коммуникации уже заранее ожидается определенное доминантное для данной личности поведение как вербального, так и невербального порядка, так как любая государственная деятельность накладывает свой особый отпечаток на жизнедеятельность общества.

Ключевые слова: политическая коммуникация, общество, политика, самопрезентация, невербальные элементы, речь

E.V. Malysheva, E.N. Vasilyeva
(Tver, Russia)

**GENDER SPECIFICITY OF NONVERBAL POLITICAL
COMMUNICATION**

Consideration of various mass media practices of political communication gives an opportunity to study and study fragments of development of specific societies in a particular period of their life, as well as allowing to reveal the communicative practices of a particular policy and to trace the relevance of political and social life through the prism of mass media flow in the individual or collective consciousness, Since in the statements of politicians, taking into account the gender-specific non-verbal political communication, certain dominant behaviour of both verbal and nonverbal character is already expected in advance, because all public activities have a special impact on the life of society.

Key words: political communication, society, politics, self-presentation, nonverbal elements, speech

Среди проблем, интерес к которым не зависит ни от смены научных парадигм, ни от господствующих научных школ и направлений, важное место занимает проблема общения между людьми, затрагивающая различные аспекты и сферы коммуникативного поведения, все уровни взаимоотношений человека – от сугубо личных, интимных до межгосударственных, а их теоретическое осмысление занимает не только филологов, философов, психологов, социологов, но и широкие круги специалистов самого разного профиля. В лингвистике это нашло выражение в том особом внимании, каким пользуются у

исследователей сфера межличностного коммуникативного взаимодействия, в том числе дискурс как совокупность естественно-языковых практик говорящих субъектов, объединенных в коммуникативное целое вокруг типовой иллюкативной доминанты, диалог и диалогическая речь. Таким образом, в современном социальном обществе формирование образа политика – имиджа как сложного, многофакторного феномена, специфика которого связана «с особенностью политики как видом деятельности, ее местом в жизни людей и характером деятельности политического лидера или организации» [4], в сознании людей происходит благодаря влиянию средств массовой информации, которые, отчасти, способствуют пропаганде вербального и невербального портрета политика, его индивидуального набора средств публицистического языка и медийных способов представления себя в глазах «общественного сознания» [4], поэтому политик уже воспринимается как некий объект, идентифицирующий себя участником определенного акта политической коммуникации, а его стиль поведения необходимо рассматривать с точки зрения ожиданий аудитории, позволяющих определить и обнаружить некоторые особенности его массмедийного портрета.

Именно процесс речевого общения коррелирует с принятыми в обществе моральями, устоями, ценностями, нормами поведения и т.д., а коммуникативное поведение тесно связано с совокупностью «притязаний, претензий, обязанностей, ролей, которые непосредственно связаны с полом индивида» [3, с. 15]. Другими словами, самосознание индивидов как участников диалогической интеракции складывается из представлений «о себе самом, о своих правах и обязанностях перед противоположным полом и о своей социальной роли в деле защиты интересов своего и противоположного пола» [16, с. 10]. С таких позиций гендерный аспект коммуникации, отражающий полоролевой аспект диалогического общения, осмысливается в категориях мужественности и женственности [7; 14; 15; 18].

Примечательно, что в процессе реализации заданных биологией и приобретенных с помощью социализации гендерных ролей формируется наше гендерное поведение или гендерный стереотип поведения в обществе, под которым понимается «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения обоих полов и их отражения в языке» [4, с. 98]. Такой заданный стереотип поведения мужчин и женщин находит отражение в разнообразных проявлениях процесса коммуникации. Посредством вербальных и невербальных средств диалогического общения выражается отношение не только к участникам данного процесса, но и маркируются определенные рамки социального и полоролевого отношения.

Впервые понятие дресс-кода (от англ. dress code – «кодекс одежды») появилось в Англии более ста лет назад. Смысл такого явления состоял в том, чтобы понять зашифрованный язык костюма и платья, определяющий внешний вид человека, например, для понимания к какой профессиональной группе он принадлежал. Практика использования дресс-кода на официальных

мероприятиях в зависимости от времени и вида мероприятия также впервые была упомянута во время международного Венского конгресса 1814-1815 гг., который состоялся после победы союза европейских государств над наполеоновской Францией. Для неофициальных приемов, совещаний заседаний специальных комитетов, комиссий и бала необходимо было придерживаться определенного цвета ткани и типа одежды. С таких позиций формирование «кодекса костюма» как зашифрованного невербального послания участникам международной дипломатической конференции представляется возможным рассматривать в качестве предпосылок для формирования дипломатического протокола, который с точки зрения невербальной составляющей процесса диалогической интеракции представляет собой совокупность правил и условностей, соблюдаемых главами государств, дипломатическими представительствами и иными официальными лицами в процессе международного общения [5].

На протокольных мероприятиях официальным лицам независимо от пола необходимо придерживаться определенного стиля в одежде и манеры поведения (для мужчин, например, костюм темно-синего и темно-серого цветов, брюки классического кроя со стрелками, галстук без глянцевого блеска, однотонный, приглушенных цветов, носки длиной до середины икры и т.д.). Другими словами, образ человека как субъекта коммуникативной деятельности напрямую зависит от выбранной им социальной роли, анализ которой позволяет увидеть, проследить и изучить ряд особенностей и признаков личности [5].

Отметим, что некоторые политические деятели решаются добавить в канонический стиль одежды новые элементы. Так, например, любопытен невербальный портрет известного американского дипломата и политического деятеля – первой женщины в должности государственного секретаря США, постоянного представителя США при ООН М. Олбрайт (англ. Madeleine Korbelt Albright), которая еще в конце 1990 годов ввела новый подход к дипломатии, отвечая на вопрос о политике в отношении режима С. Хуссейна, шутливо подчеркнув: «Читайте мои броши!» [7; 8]. Действительно, в своей профессиональной деятельности государственный секретарь США М. Олбрайт постоянно использовала броши для сигнализации своего отношения к партнерам по переговорам или к обсуждаемой теме. Более того со временем броши стали неотъемлемой частью ее гардероба: «бабочки, божьи коровки и воздушные шары сигнализировали ее хорошее настроение; пауки, змеи и пчелы предупреждали об опасности; черепахи, крабы и раки обращали внимание на необходимость ускорить темп переговоров» [7]. В 2000 году на встречу с президентом Российской Федерации В. Путиным М. Олбрайт надела брошь в виде трех обезьян, закрывающих лапами глаза, уши и рот: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу». На вопрос президента о значении такой броши государственный секретарь США ответила, что она надела брошку с обезьянами «из-за его политики в Чечне». Позднее в своих мемуарах «Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт» призналась, что это «ее любимая ошибка» за всю дипломатическую карьеру [7; 8; 12].

Примечательна и «носочная дипломатия» канадского государственного и политического деятеля, премьер-министра Канады Дж. Трюдо (англ. Justin Pierre James Trudeau), чьи носки с изображением уток, черепов, персонажей «Звездных войн», кленовых листьев, Веселого Роджера и т.д. уже давно стали символом отступления от канонического эталона политического стиля официальных лиц. Кроме того, например, такая «носочная дипломатия» была даже поддержана президентом Филиппин Ф. Маркосом-младшим на Саммите АТЭС в 2022 году, который проходил в Бангкоке 18-19 ноября [22]. Еще одной известной политической фигурой, которая успешно использовала внешний вид как способ сделать заявление без лишних слов на официальных политических мероприятиях, стала фигура двенадцатого президента Республики Корея Мун Чжэ Ин (например, случай с галстуком с изображением ушастых тюленей – символом островов Токто) [22].

Широко известной личностью и запоминающейся фигурой на политической арене Великобритании XX века являлась М. Тэтчер (англ. Margaret Hilda Thatcher, Baroness Thatcher). М. Тэтчер была премьер-министром Великобритании в 1979-1990 годах. Она стала первой женщиной, занявшей пост премьер-министра европейского государства [4]. В формировании цветовой гаммы делового имиджа политика, как правило, прослеживаются синий и голубой цвета, которые являются цветами созидания, воображения и самовыражения. С синим цветом ассоциируется спокойствие, трудолюбие, скромность, интеллектуальность. Молодая М. Тэтчер даже на собственную свадьбу надела синий бархат [2; 4]. Интересен и другой акцент «невербального языка» тела политика – брошь на пиджаке (гепард или нежная орхидея), которая, отчасти, выдавала настроение премьер-министра. Также своеобразными атрибутами образа «железной леди» выступали короткие перчатки, разнообразные шляпы, жемчужная нить, блузки с красиво повязанными бантами. Любимым аксессуаром делового имиджа политика выступали сумки-ридикюли с короткими ручками, которые подбирались в тон цветовой гамме политического образа премьер-министра именно благодаря безупречному стилю и уверенной манере поведения премьер-министру М. Тэтчер удалось завоевать уважение на международной арене. Имидж политика даже в настоящее время западная пресса признает в качестве властного гардероба, который в свое время охарактеризовала сама М. Тэтчер как «всегда в соответствии с событием и ничего вызывающего» [2; 4].

Говоря о роли цветовой гаммы в формировании политического имиджа, о манере, об особенностях невербального поведения политического деятеля, о стиле одежды, следует отметить, общее значение цвета и специфику восприятия личности посредством аксессуаров внешнего образа политика, позволяющих особым образом усилить значимость, авторитетность политического лидера, его индивидуальность. Внешний «невербальный» облик политика является важным компонентом политического лидера, который особым образом подчеркивает статус политического деятеля и является важным и неотъемлемым средством

самопрезентации и самовыражения политика в современном социальном обществе.

Воздействуя на потенциального избирателя через различные каналы восприятия информации посредством теле / радиовещания или просмотров роликов в сети интернет, современные массмедиа способствуют формированию конкретного образа политика как участника акта политической коммуникации независимо от гендерной принадлежности с определенным стилем и манерой поведения [11; 13]. При этом необходимо подчеркнуть, что стиль поведения выступающего с точки зрения ожиданий потенциальных избирателей, позволяющих «определить и обнаружить некоторые особенности массмедийного портрета» [15; 16; 20; 21] политика, важно рассматривать как проявления вербальных и невербальных составляющих коммуникации в едином комплексе. Например, анализируя фрагмент выступления Д. Трампа (<https://President Trump addresses 2018 March for Life>), можно отметить, что в речи президента США присутствуют различные стилистические средства окраски речи, к которым часто прибегают политические лидеры: «*The March for Life is a movement born out of love: you love your families; you love your neighbors; you love our nation; and you love every child born and unborn, because you believe that every life is sacred, that every child is a precious gift from God*». В представленном фрагменте можно обнаружить присутствие повторов целого ряда слов – «you», «love», «every», «child», которые усиливают высказанную президентом мысль. Более того, если обратиться к невербальным компонентам, сопровождающим данное высказывание, то можно проследить следующие жесты, используемые политиком: взгляд в сторону аудитории (слова: you love your neighbors; you love our nation), соединение указательного и большого пальцев правой руки (слова: because you), открытая ладонь правой руки направлена в сторону аудитории, пальцы прямые, но рука двигается из стороны в сторону (слова: that every life is sacred, that every child is a precious gift from God). Речь Д. Трампа спокойна. Анализируя дальнейшее выступление, можно отметить, что политик выдерживает короткие паузы и периодически прибегает к использованию следующих жестов: открытая ладонь правой руки направлена в сторону аудитории, пальцы прямые, но рука двигается из стороны в сторону, соединение указательного и большого пальцев правой руки, открытая ладонь левой руки направлена в сторону аудитории, пальцы прямые, но рука двигается из стороны в сторону, открытая ладонь (руки меняются), но ладонь «ребром» по направлению к аудитории, демонстрация указательного пальца правой руки. Во время выступления Д. Трамп также обращается к слушающим – здоровается за руку (тактильный контакт), задает вопросы аудитории, использует короткие предложения. Именно за счет такого поведения политика и происходит сближение с аудиторией, а речь его становится более понятной каждому.

Обратимся к личности известного политического деятеля В.В. Жириновского, чье «неординарное» поведение активно пропагандировалось средствами массовой информации России – отражение конфликтов,

оскорблений, угроз и скандалов во время предвыборных дебатов: *«Вы, артисты, как последние проститутки ложитесь под любого руководителя за деньги!»*, *«Она не понимает этого, она законов не читает. У нее закон один - менять мужей каждые пять минут»* (цитата из программы «Поединок» от 01.03.2012). Примечательно, но именно такого провоцирующего и непосредственного поведения и ожидала аудитория от данного политика. И он оправдывал ее ожидания, особенно в ТВ программах, в которых высмеивались «пороки» как общества, так и отдельных политических фигур, ср.: *«Если Сталин прикинулся тихоней, а потом залил страну всю кровью, если Хрущев прикинулся тихоней, и мы сеяли везде кукурузу, если Брежнев был великий, и вся страна пьяная была и коррупция. Горбачев за демократию, и Советский Союз рухнул, Ельцин полупьяный»* (там же). Можно отметить, что в таких репликах В.В. Жириновский опирался на собственное видение политической истории, проясняя свою концепцию в форме собственных констатаций, а в ответ на очередные противоречащие его точке зрения высказывания оппонентов отвечал: *«Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть»* (там же).

Стоит отметить, что именно анализ вербальной и невербальной составляющих в коммуникативном поведении дает возможность исследователям выделить, например, коммуникативные маркеры речи (например, призывы к «гражданской смелости», «смене власти», «критике», «гражданским свободам, закону и порядкам», «решению конфликтов внутри страны»), выявить особенности вербального портрета личности, внешнего облика, черт поведения, что в дальнейшем позволяет определить доминантное для личности политика поведение как вербального, так и невербального порядка и определить черты психологического «рисунка» личности [20].

Любопытно отметить и тактильную сторону невербальной коммуникации, которая позволяет использовать различные невербальные стимулы (комплексные вербально-тактильные действия) в качестве дополнительных средств взаимодействия [11; 12], а различные «конфузные» видео или фотографии с протокольно-этикетных мероприятий (например, президент США Д. Трамп на приеме у королевы Великобритании Елизаветы II 4 июня 2019 года, первая леди США М. Обама на приеме у королевы Великобритании Елизаветы II 2 апреля 2009 года и другие), как правило, активно распространяются в сети Интернет, обсуждаются аудиторией-адресатом и в значительной мере оказывают влияние на формирование образа политика и его рейтинг.

Таким образом, формируя «направленное представление об объекте, совокупные речевые практики (дискурсии) политика / политиков в виде отдельного готового продукта – дискурса – обладают определенным механизмом создания такого представления с учетом их целевого (функционального, прагматического и манипуляционного) применения или воздействия» [15; 16; 21]. В выступлениях политиков с учетом гендерной специфики невербальной политической коммуникации уже заранее ожидается определенное доминантное для данной личности поведение как вербального,

так и невербального порядка, так как любая государственная деятельность накладывает свой особый отпечаток на жизнедеятельность общества, а «любой политический режим располагает своим собственным письмом» [2, с. 316]. По этой причине рассмотрение различных массмедийных практик политической коммуникации и дает возможность изучить и исследовать фрагменты развития конкретных социумов в тот или иной период их жизнедеятельности, а также позволяет раскрыть коммуникативные практики конкретного политика и проследить насколько актуальна политическая и общественная жизнь через призму массмедийного потока в индивидуальном или коллективном сознании («ментальности, ментальном пространстве, ментальном вместилище», по М. Джонсону). При этом, важно отметить, что «зашифрованный язык костюма», который лежит в основе дресс-кода протокольных мероприятий, успешно используют как мужчины-политики, так и женщины-политики, акцентируя внимание аудитории или политического оппонента на конкретном событии с привязкой к следующим дейктическим элементам: «Я/Ты - Здесь – Сейчас» в определенный момент речи [17; 19], так как актуализированное сообщение / вербально-невербальное послание конкретного политика соотносится с переменной «момент речи» и наряду с целевой функцией «зачем» характеризуется тематическим содержанием «что». Реализация такого сообщения / вербально-невербального послания находит свое отражение в типовом пространстве интерактивного взаимодействия, что позволяет утверждать, что помимо актуальной привязки к моменту речи «Я/Ты - Здесь – Сейчас» как конкретного события в определенный момент речи, есть определенный тип отношений между участниками политического взаимодействия, сложившийся на данный момент.

Литература

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 306–349.
2. Вспоминаем легенду: стиль Маргарет Тэтчер. URL: <https://www.elle.ru/moda/zvezdny-stil/vspominaem-legendy-stil-margaret-thatcher/> (дата обращения: 12.08.2023).
3. Губогло М.Н. Формирование гендерной идентичности. Эмпирический опыт молодежи России // Гендерные проблемы в этнографии. – М.: МФФ, 1998. – С. 14–46.
4. Имидж политического лидера в избирательных кампаниях в Монголии. URL: https://studwood.ru/1057209/politologiya/imidzh_politicheskogo_lidera_v_izbiratelnyh_kampaniyah_v_mongolii (дата обращения: 5.09.2023).
5. Как политические лидеры нарушают дресс-код и почему. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-02-18/kak-politicheskie-lidery-narushayut-dress-kod-i-pochemu/> (дата обращения: 5.09.2023).
6. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. - 200 с.
7. Мадлен Олбрайт и броши. URL: <https://ngasanova.livejournal.com/972410.html>. (дата обращения: 11.08.2023).
8. Мадлен Олбрайт – женщина, заставившая броши говорить. URL: <https://bazar-nostalgi.ru/toppages/intresting/madlen> (дата обращения: 15.08.2023)
9. Малышева Е.В. «Диалог без слов» или прикосновение как базовая единица диалогического взаимодействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации:

электронный научный журнал. – 2021, № 4. – С. 111–128. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).

10. Малышева Е.В. Уровни фреймовой организации комплексного вербально-тактильного конструктивного взаимодействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 41–56. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).

11. Малышева Е.В. Формирование образа политика у аудитории-адресата под воздействием видео-порталов СМИ // Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность межвузовский сборник научных трудов / под ред. Е.Н. Васильевой, Ю.В. Пономарёвой. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2023. – С. 176–179.

12. Малышева Е.В., Погребисская А.Л., Резникова Л.В. Невербальный аспект протокольно-этикетных взаимодействий политиков [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 3. – С. 154–173. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).

13. Малышева Е.В., Петухова Д.О. Особенности формирования имиджа женщин-политиков в современном мире // Студенческая наука к юбилею вуза. Сборник научных трудов по материалам 50-ой научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Тверь, 2022. – С. 610–612.

14. Матурана У. Биология сознания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95–142.

15. Романов А.А., Ходырев А.А. Управление персоналом: Психология влияния. – М.: Лилия, 2000. – 216 с.

16. Романов А.А. Политическая лингвистика. – М.-Тверь: ИЯ РАН, 2002. – 191 с.

17. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения // Повышение качества специалистов для АПК региона. Материалы 18-й юбилейной научно-методической конференции. – Тверь: ТГСХА, 2002. – С. 133–137.

18. Романов А.А. Телесное пространство личности и ее вербальные маркеры // Языковой дискурс в социальной практике. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 243–252.

19. Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ. С примерами из русского и немецкого языков. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 264 с.

20. Романов А.А., Малышева Е.В. Элементы патриотического дискурса в выступлениях современных политических деятелей // Национальный интерес, национальное самосознание и национальная безопасность: трансструктурность в контексте глобальных изменений: международный научный форум (10-12 марта 2020 года). – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова. – С. 213–215.

21. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Изд-во ГЕРС, 1998. – 205 с.

22. «Это стремление выделиться». Трюдо и его любовь к веселым носкам. URL: https://aif.ru/politics/world/eto_stremlenie_vydelitsya_tryudo_i_ego_lyubov_k_veselym_noskam (дата обращения: 5.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ТЕКСТУ ДОЛЖЕН СТАТЬ ДОМИНИРУЮЩЕЙ ТЕОРИЕЙ XXI ВЕКА

В статье показано, что взаимодействие разных наук при исследовании одного и того же объекта – тенденция времени. Интегративность – это важная мировоззренческая тенденция, реализуемая, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки активно используются при решении своих задач; а, во-вторых, – интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Снятие информационных барьеров между науками и направлениями одной науки дает мощный импульс для развития исследований.

Ключевые слова: интегративность, закон единства, принцип симфонии

V.A. Maslava
(Vitebsk, Belarus)

THE INTEGRATIVE APPROACH TO THE TEXT SHOULD BECOME THE DOMINANT THEORY OF THE XXI CENTURY

The article shows that the interaction of different sciences in the study of the same object is a trend of time. Integrativity is an important ideological trend realized, firstly, in the fact that the knowledge gained in various fields of science is actively used in solving their tasks; and, secondly, integrativity is also manifested in the breadth of research issues, which is determined by the complexity of such phenomena as language, society, culture, consciousness. The removal of information barriers between the sciences and the directions of one science gives a powerful impetus to the development of research.

Key words: integrativity, the law of unity, the principle of symphony

В традиционном научном мире приветствуется углубляющаяся специализация, которая навязывается уже в школе, поэтому люди все более утрачивают целостное видение мира, целостную культуру, а обширные знания в разных областях именуется дилетантизмом. В наш век всеобщей разбросанности знаний по отдельным отраслям важно знать, что возможно построение целостных систем [2]. На это указывал еще Аристотель: «Все науки имеют между собой нечто общее через общие им начала» [1, с. 277]. Но только во второй половине прошлого века родилась общая тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания.

Цель данного доклада – показать, что взаимодействие разных наук при исследовании одного и того же объекта – тенденция времени. Поэтому нужно менять параметры научного мышления в сторону интегрирования различных знаний.

© Маслова В.А., 2023

В науку все активнее проникает идея единства всего сущего в мире, т.е. формируется целостный образ мира, в соответствии с которым, начиная со второй половины XX века, объединяются разные области научных знаний. Данный феномен получил разную терминологию – синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность. Хотя некоторые ученые дифференцируют их (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), в общих чертах они синонимичны. Для нас важно то, что все они в той или иной степени называют целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения.

Интегративность как важная мировоззренческая тенденция выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; а, во-вторых, - интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Специализация исследований при интегративном подходе идет, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам». Снятие информационных барьеров между науками и направлениями одной науки дает мощный импульс для развития исследований. Такой подход обеспечивает многоаспектность при решении конкретной, одной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Современная лингвистика стремится к интеграции не только с психологией, социологией, культурологией, но биологией, квантовой физикой и другими науками, изучающими человека в разных его ипостасях. Например, связь с биологией: человека как биологический вид отличает от других видов язык. Поэтому в понимании механизмов языка могут помочь биологические данные.

Диалектика творческой взаимосвязанности бытия и слова, онтологии и филологии характерна и для мира, что в комплексе Ю.С. Степанов назвал *Воображаемой Словесностью* [4]. Через принцип симфонии, через идеи строгого синтеза, встречи и диалога, он приходит к необходимости интегрального подхода. В 80-е годы прошлого века в лингвистике заговорили о полипарадигмальности (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов), которая позволяет комплексно исследовать выбранный объект одновременно по разным направлениям в различных парадигмах лингвистического знания - речеведческих, психолингвистических, риторических и лингвокультурологических дисциплинах. Современная **семиотика** как междисциплинарная наука закладывалась еще в трудах философов Античности; на междисциплинарности основана и **когнитивистика**, в которую включаются когнитивная психология, культурная антропология, искусственного интеллекта, философия, нейронауки, лингвистика и др.; **синергетика** – это и методология, и подход, и научное направление, заключающееся в абсолютном принятии принципа целостности и системности. Особенно активно развиваются лингвокультурологические исследования,

которые посвящены изучению и описанию корреспонденции языка, сознания и культуры человека в их взаимодействии. Сегодня лингвокультурология существенно расширяет горизонты своих исследований. Вместе с когнитивной лингвистикой они образовали *лингвоконцептологию*, вместе с социальными науками – *социокультурный подход* к явлениям языка.

Триангуляция появилась ранее, но в гуманитарные исследования (психолингвистические, лингвокультурологические исследования) вошла недавно. О ней заговорил Е.Ф. Тарасов в 2010 г., потом его ученики – В.П. Синячкин, А. Палкин и другие. Триангуляционный подход в науках гуманитарного цикла (и в лингвистике в частности) подразумевает наличие разных векторов решения некоторой научной задачи в рамках одного исследования. В.А. Янчук назвал это узаконенной эклектикой, к которой было негативное отношение в советское время. Между тем эклектизм как таковой характерен для человека в ходе накопления им жизненного опыта, поэтому данное явление не следует отвергать безоговорочно.

Еще одно новое направление – **теория трансфера**. Термин *трансфер* пришел в лингвистику из психологии, когда, еще в 1905 г. от З. Фрейда. Польско-американский лингвист У. Вайнрайх использовал его в своей работе «Языковые контакты» (1953). В России в последние годы появилось несколько работ: Культурные трансферы: проблемы кодов: коллективная монография под ред. С.Г. Проскурина (Новосибирск, М., 2015); Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии (М.: Культурная революция, 2016) и другие.

Юрий Сергеевич Степанов в последние годы своей жизни особенно активно искал новые пути в гуманитарном познании. Один из таких путей он видел в целостном, синкретичном мировосприятии науки, искусства, философии, религии, мифологии, при котором открывается *Новая сфера знания*, для которой нет пока еще точного имени. Ю.С. Степанов рассматривает семиотику культуры и творчества в контексте создания всеобщей гуманитарной науки, именуемой им «Новой всеобщей антропологией»: «На наших глазах создается всеобщая гуманитарная наука, или новая всеобщая антропология, объединяющая разные виды искусств и разделы наук о них... Это – наука, объединяющая: философия, логика, словесность и поэтика, живопись, ваяние, зодчество и науки о них, музыка и музыковедение» [4, с. 17].

Ю.С. Степанов проповедывал творческий синтез теории интуиции, науки и искусства. Он был не за бесконечное углубление специальных знаний (хотя и не исключал этот путь), а за гармоничное слияние их, за синтетическое понимание жизни. И. Анненский: *Смычок все понял, он затих/ А в скрипке эхо все держалось.../ И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось.*

Таким образом, в XXI веке стало ясно, что язык – особая система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотическими, потому к ней можно применять достижения интегративных наук. Примеры: *Вышла*

из возраста домоганий и вошла в возраст недомоганий. С одной стороны, здесь простая языковая игра, с другой – философия жизни, объяснить которую могут лингвисты совместно с медиками и психологами.

Известно, что мир в целом подчиняется второму закону термодинамики: беспорядок увеличивается, а порядок уменьшается. Ему подчиняются замкнутые системы, какой можно себе представить язык. Статистические зависимости в языке, которыми так увлечена традиционная лингвистика, – блеф (это «бухгалтерия в лингвистике»). Несколько важнее и сложнее функциональные зависимости. Язык саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не соотносясь в причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф, группа продленного дня, дождь идет.* Логически непротиворечивое описание мира языком становится препятствием для получения новых знаний – отсюда метафоры, в том числе и научные.

Художественный текст (в большей степени – поэтический) ярче отражает вероятностные процессы в языке, а события, отображенные в нем, не всегда подчиняются принципу каузативности, поэтому ни прагмалингвистика, ни функциональная лингвистика здесь не помогут. Пример:

*В смертных изверясь,
Зачароваться не тцусь,
В старческий вереск,*

В среброскользящую грусть... (М. Цветаева).

На целостность мира и раньше указывали поэты. Так у Н. Рубцова есть такое четверостишие: *С каждой избою и тучею,/ С громом, готовым упасть,/ Чувствую самую жгучую,/ Самую смертную связь.*

В поэтическом тексте каждое слово, каждая фраза кажется особенной, словно они берут начало из самого сердца поэта, что подкупает читателя и переносит его в иной мир, где правят чувства и воображение. Красоту этого мира можно найти только в слове, тексте.

Поэтический язык имеет неопределенные границы, наличие подтекста, имплицативность, метафоричность, аллюзийность, игру смыслами и др. схожие признаки, исследование которых возможно с позиции интегративности, позволяющей увидеть некаузативные процессы. Истинный мир языка и мир поэзии лежит за пределами истолкований и причинности, происходит процесс сближения языка с самим человеком, и без интегративного подхода исследовать и интерпретировать поэтический текст возможно лишь очень поверхностно.

Человек создает для себя особую среду обитания, при этом осмысливает мир не только логически, но и воспринимает эмоционально. На основе этого человек создает продукты духовной деятельности, т.е. разные области постижения мира: мифологию, науку, искусство, которые тесно связаны. Даже наука и искусство как части культуры имеют сходные иллюзии и общую судьбу: гуманитарные науки ближе к поэзии, т.е. к искусству, чем к естественным наукам. Примером могут служить наблюдения

за обыденным языком, которые свидетельствуют о взаимосвязи языка музыки, языка поэзии и языка живописи: *светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии*. Широко известны следующие «синкретические» метафоры: *Хачатурян – Рубенс в музыке. Шедевры поэзии сделаны по-бетховенски*. Музыку С.Прокофьева сравнивают с фреской. На близость музыки и поэзии указывали романтики и русские символисты – Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок.

А. Фет, например, считал музыку не просто высшим видом искусства, на который должна ориентироваться поэзия, а философией жизни, вдохновения, творчества. Он утверждал, что поэзия и музыка нераздельны. К. Бальмонт также видел в музыке идеальное искусство, недостижимую в поэзии цель. О. Мандельштам верил, что музыка и поэзия строят мир: *Чтобы вырвать век из плена, / Чтобы новый мир начать, / Узловатых дней колена / Нужно флейтою связать*. («Век»).

Именно музыка есть первоисточник поэзии, она не менее важна, чем слово. Она вместе со словом запечатлевает в художественных образах многомерную и сложную картину мира, развивая в человеке творческое начало. Например, в стихотворении Ю. Левитанского «Музыка моя, слова...» (1991) есть такие строки:

*музыка моя, слова,
осень, яшень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева ....*

Кажется, что идет малоосмысленный перебор созвучных слов, создающих мелодику стиха. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что здесь смысловым центром является слово *осениться*, которое, с одной стороны, означает 1) покрыться, закрыться тенью и 2) внезапно появиться (осенила мысль), таковы данные толкового словаря. Скрытая энантиосемия (противопоставленность), сближая оба значения, объединяет их в стихотворении и сталкивает с созвучными словами, тем самым как бы сплетает единую ткань, в которой строится новый сложный неуловимый образ музыки сна, сквозь который сияют смыслы.

Названные механизмы-приемы рожают полутени смыслов, которые, сливаясь в одном образе, создают новый, неожиданный, оригинальный образ, адекватный выражаемому состоянию поэта. Сказанное подтверждает мысль П.А. Флоренского: «В корнях бытия – единство, на вершинах – разъединение».

На наших глазах, утверждает Ю.С. Степанов, возникает «единый мир информации, подобный единому миру природы вокруг нас» [3, с. 101]. Анализ современной поэзии показывает, как формируется своеобразный сплав науки с искусством, требующий, кроме научного, еще и художественного осмысления текста, художественного мышления.

Интегративность обеспечивает целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения. Идея интегративности в науках

оказалась соответствующей духу времени: назрела необходимость создания интегративного направления, объединяющего методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека и его сознания в языке, языка в человеке, культуре, обществе и им подобные.

Литература

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. – Том 2. – М., 1978. – 687 с.
2. Налимов В.В. Размышления на философские темы // Вопросы философии. – 1997, № 10. – С. 58–76.
3. Степанов Ю.С. Авангард наших дней: атмосфера и сеть // Язык и искусство: Динамический авангард наших дней. – М., 2002. – 212 с.
4. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга, 2010. – 168 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И НАНОТЕХНОЛОГИИ

Статья посвящена изучению заимствования как основной способ образования терминов в области информатики и нанотехнологии. В исследовании рассматривается роль данного способа в обогащении лексического состава подязыков информатики и нанотехнологии. Выявлено в статье, что в формировании лексики информатики и нанотехнологий участвуют два основных источника, которые можно обозначить как внешний и внутренний. Обосновывается мысль о том, что терминосистемы компьютерной технологии и нанотехнологий английского языка является основным источником для русского языка. Установлено, что калькирование и заимствование являются одним из следствий влияния английского языка на русский язык в терминологии обоих подязыков. На основе проведённого исследования автор утверждает, что большинство компьютерных и нанотехнологических терминов в русском языке возникли в результате межъязыкового и междисциплинарного заимствования и калькирования.

Ключевые слова: термин, нанотехнология, заимствование, компьютерная терминология, калькирование, словообразование

M.R. Miloud

(Algiers, People's Democratic Republic of Algeria)

BORROWING AS A METHOD OF FORMING TERMS IN COMPUTER TERMINOLOGY AND NANOTECHNOLOGIES

The paper is devoted to the study of borrowings as the main way of forming terms in the field of computer science and nanotechnology. The study examines the role of this method in enriching the lexical composition of the sublanguages of computer science and nanotechnology. It is revealed in the article that two main sources participate in the formation of the vocabulary of computer science and nanotechnology, which can be designated as external and internal. The author substantiates the idea that the term systems of computer technology and nanotechnology of the English language are the main source for the Russian language. It has been established that calculating and borrowing are one of the consequences of the influence of English on Russian in the terminology of both sublanguages. Based on the research, the author claims that most computer and nanotechnology terms in the Russian language arose as a result of interlingual and interdisciplinary borrowing and calculating.

Key words: term, nanotechnology, borrowing, computer terminology, calculating, word formation

В связи с научно-техническим прогрессом специальная лексика в русском языке составляет до 90% новых слов. Пополнение лексического состава русского языка новыми словами происходит постоянно и осуществляется по-разному.

М.А. Мартемьянова утверждает, что «в терминологии используются словообразовательные типы и модели, принятые в общелитературном языке, но их продуктивность в языке специальности иная, что обусловлено наличием у терминологии той или иной области знания определённого семантического и структурного своеобразия в организации терминологических единиц» [6, с. 20].

Наряду с этим М.А. Лобанова считает, что «продуктивными способами формирования компьютерной терминологии являются словообразовательное, синтаксическое, семантическое калькирование и семантическое заимствование. Термины-кальки тяготеют к однозначности, поскольку обладают прозрачным морфемным составом, который мотивирует их значение и отражает связь с оригинальным термином» [4, с. 7–8].

«Одним из важнейших результатов взаимодействия языков является заимствование, т.е. единицы, заимствованные русским языком из иностранных языков. Заимствованные слова в общем – это слова, перенесённые одним языком в другой в результате языковых контактов» [7, с. 175].

В настоящем исследовании мы рассматриваем заимствование и калькирование как важнейшие внешние способы формирования терминов информатики и нанотехнологий, поскольку в формировании компьютерных и нанотехнологических терминов участвуют два источника, внешний и внутренний. Внешний источник представлен единицами, вошедшими в русскую терминологию информатики и нанотехнологий из других языков и других научных сфер. Внутренний источник формирования русских компьютерных и нанотехнологических терминов представлен единицами, образованными в самом русском языке с участием собственных словообразовательных средств. Внешний источник представлен калькированием и заимствованием и, на наш взгляд, определённой частью лексики, характерной для общенаучного языка. Приведём несколько примеров наиболее распространённых научных терминов в компьютерной и нанотехнологической терминологии: *анализ, категория, критерий, объект, свойство, структура, подтип, система, тип*.

Накопленный нами опыт в области изучения терминологии информатики и нанотехнологий показывает, что большинство компьютерных и нанотехнологических терминов в русском языке возникли в результате заимствования и калькирования. Именно поэтому, появилось значительное количество параллельных наименований новых реалий, которые в свою очередь привели русскую компьютерную терминологию к бесконтрольности [8]. Про заимствование в компьютерной терминологии, О.А. Кармызова утверждает, что «заимствования составляют до трети всего словарного состава русской компьютерной лексики. Наибольшее количество заимствований содержится в лексике Интернета. В этой тематической области преобладают прямые заимствования. Меньшим количеством единиц представлены тематические группы «аппаратное, программное обеспечение, компьютерные игры, информационная безопасность». Здесь русские заимствованные термины представлены, в основном, кальками, среди которых доминируют структурные»

[2, с. 22].

Заимствование базируется на элементах иностранного языка и представляет собой самый лёгкий путь номинации в области информатики. При заимствовании компьютерных терминов чаще используется транслитерация, например, *processor* → *процессор*, *file* → *файл*, *hardware* → *хардвер*, *offline* → *офлайн*. В исследованных текстах компьютерных журналов, мы обнаружили значительное количество образованных таким образом заимствований терминов. В широко издаваемых узкоспециальных компьютерных журналах, таких как «Мир ПК», «Хакер» их больше.

Калькирование и заимствование, под которыми понимаются словесные вхождения из других языков способов, являются одним из следствий влияния английского языка на русский язык в области терминологии информатики и нанотехнологии.

О.А. Кармызова подчёркивает, что «заимствование из английского языка — ведущий способ пополнения компьютерной лексики русского языка. Закономерности употребления заимствований разных видов различаются в зависимости от типа текстов. Заимствованная компьютерная лексика русского и некоторых других языков, в частности, немецкого и испанского языков подвергается активной интернационализации, этот процесс имеет типологические особенности в данных языках» [2, с. 4–5].

М.А. Мартемьянова утверждает, что «терминосистема нанотехнологий характеризуется большим количеством заимствованных терминов. Русская терминосистема заимствовала терминологические единицы главным образом из английского языка, что объясняется лидирующим положением США, где исследования в области нанотехнологий стали активно развиваться с начала 1990-х гг. Уже сегодня в этой стране определён широкий спектр направлений фундаментальных и прикладных исследований, результаты которых публикуются на английском языке» [6, с. 12].

Одной из важных особенностей компьютерной лексики является межсистемное заимствование. Заимствованные термины из других областей знания занимают первое место в структуре компьютерной терминологии, из технических наук: например, *адаптер*, *обработать*, *фильтр*, *установка*; математики: например, *аргумент*, *функция*, *двоичный разряд*; физики: например, *частота*, *модуляция*, *импульс*; электротехники: например, *несущая частота*, *связь*, *селектор*; полиграфии: например, *шрифт*, *отступ*, *пробел*; грамматики: например, *префикс*, *суффикс*; экономика: например, *баланс*, *импорт*, *лицензия*; дипломатии: например, *протокол*; электроники: например, *курсор*, *указатель мыши*.

Что касается количества научных дисциплин, которые участвуют в решении научных проблем нанотехнологий, О.Б. Иванова выделяет 32 дисциплины. Являясь междисциплинарной, терминология нанотехнологий базируется на терминологию данных научных дисциплин [1, с. 11].

Вслед за Ивановой, М.А. Мартемьянова утверждает, что «нанотехнологии являются междисциплинарной областью. Терминосистема нанотехнологий

возникла в результате взаимодействия таких областей человеческого знания, как физика, химия, биология, микроэлектроника» [5, с. 58]. Например, из области химии были заимствованы такие термины, как: *catalysis* → *катализ*, *biosensor* → *биосенсор*; из биологии и микробиологии: *bilayer* → *бислой*, *biopolymer* → *биополимер*; из физики: *waveguide* → *волновод*, *dielectric* → *диэлектрик*; из электроники и микроэлектроники: *anodising* → *анодирование*, *actuator* → *актуатор*. Таким образом, главным источником формирования терминов подъязыка нанотехнологий является межъязыковое и междисциплинарное заимствование из английского языка.

В.И. Кодухов утверждает, что «калька — слово или выражение, построенное по образцу слова или выражения другого языка, например, насекомое (ср. лат. *insectum*), небоскреб (ср. англ. *sky-scraper*), вольнодумец (ср. фр. *libre penseur*)» [3, с. 195].

В анализируемом материале широко представленные термины-кальки, среди которых первое место занимают семантические кальки, т.е. исконные слова, использованные в переносном значении по образцу иноязычного слова. Примерами семантических калек в компьютерной терминологии являются такие термины, как *guest* → *гость*, *download* → *скачивать*, *decode* → *дешифровать*, *executable* → *выполняемый*, *desktop* → *рабочий стол*, в нанотехнологической терминологии такие термины, как *semiconductor* → *полупроводник*, *intermolecular interaction* → *межмолекулярное взаимодействие*, *ball mill* → *шаровая мельница*.

Сопоставляя компьютерные термины и нанотехнологические, мы приходим к выводу, что значительная часть компьютерных терминов образована семантическим калькированием. Нами было обнаружено, что образование новых терминов для обозначения новых понятий в нанотехнологическом подъязыке происходит в результате буквального перевода термина.

М.А. Лобанова утверждает, что «в большинстве языков мира компьютерная терминология является вторичной по отношению к компьютерной терминологии английского языка. Термины представляют собой переводческие кальки английских терминов, поскольку стремление ревнителей чистоты языка избавить национальный язык от англицизмов приводит к словообразовательному и синтаксическому калькированию» [4, с. 4].

Компьютерный и нанотехнологический подъязыки представляют собой разновидность языков для специальных целей, в котором самая важная роль отводится специальной терминологии. Изучение научной литературы и анализ современных терминов нанотехнологической и компьютерной сферы показывает, что термины англоязычного происхождения составляют большинство словарного состава русских нанотехнологических и компьютерных терминов. Сопоставление русских компьютерных терминов с нанотехнологическими показывает, что во всех из них находим влияние английского эквивалента. Английский язык является для данных подъязыков языком-донором.

Проведённый анализ нанотехнологических и компьютерных терминов позволяет утверждать, что русская терминология информатики и нанотехнологии не до конца сформирована, о чём свидетельствуют большое количество новых заимствованных терминов.

Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что главным внешним источником русских терминов подязыков информатики и нанотехнологии является межсистемное заимствование, т.к. большинство терминов данных сфер было взято из других областей, это определяется переходным инновационным периодом развития русской компьютерной терминологии и начальной стадией становления русской нанотехнологической терминологий.

Данная статья была исключительно подготовлена с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Литература

1. Иванова О. Б. Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках): автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2010. – 24 с.
2. Кармызова О.А. Компьютерная лексика: структура и развитие: автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж., 2003. – 24 с.
3. Кодухов В. И. Введение в языкознание. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1987. – 288 с.
4. Лобанова М.А. Построение кратких форм компьютерных терминов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – Вып. 2 (135). – М.: 2009. – С. 95–97.
5. Мартемьянова М. А. Основные способы образования терминов нанотехнологий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010, № 21. – С. 58–61.
6. Мартемьянова М.А. Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий): автореф. дис. канд. филол. наук. – Ижевск., 2011. – 22 с.
7. Милуд М.Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника». Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2018. – вып. 2 (38). – С. 173–180.
8. Милуд М. Р. Нанокomпьютерная терминология: Вопросы теории: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 125 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**МЕТАТЕКСТ И МЕТАДИСКУРС КАК ФЕНОМЕНЫ
КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ**

Понятия метатекста и метадискурса уже основательно исследованы, используются как устоявшиеся и апробированные категории. Они привлекательны в отношении своего креативного потенциала, дают возможность авторам научных трудов выстроить свою концептуальную схему, порой оригинальную и нестандартную. Эти понятия продолжают привлекать внимание ученых, получают зачастую новое дополнительное истолкование, представляя собой важнейшие феномены, т. е. чувственно воспринимаемые семиотические комплексы. Рассмотрение понятий метатекста и метадискурса как явлений когнитивной парадигмы дает возможность с необходимой полнотой идентифицировать их в системе политико-социальных, духовных и культурологических отношений.

Ключевые слова. Метатекст, метадискурс, метатекстуализация, герменевтика, феномен, когнитивная парадигма, семиотические комплексы

B. Ya. Misonzhnikov
(St. Petersburg, Russia)

**METATEXT AND METADISCOURSE AS
PHENOMENA OF THE COGNITIVE PARADIGM**

The concepts of metatext and meta-discourse have already been thoroughly researched, used as well-established and proven categories. They are attractive in terms of their creative potential, they enable the authors of scientific works to build their own conceptual scheme, sometimes original and non-standard. These concepts continue to attract the attention of scientists, often receive a new additional interpretation, representing the most important phenomena, i.e. sensually perceived semiotic complexes. Consideration of the concepts of metatext and meta-discourse as phenomena of the cognitive paradigm makes it possible to identify them with the necessary completeness in the system of political, social, spiritual and cultural relations.

Key words: Metatext, metadiscourse, metatextualization, hermeneutics, phenomenon, cognitive paradigm, semiotic complexes

Понятие метатекста, казалось бы, уже основательно исследовано, также основательно изучено, идентифицировано понятие метадискурса, и предметом анализа становится их корреляция. Особой проблемы при интерпретации этих категорий не возникает, они привлекательны в отношении своего креативного потенциала, дают возможность авторам научных трудов порассуждать, выстроить свою концептуальную схему, оригинальную и порой действительно перспективную. Наверное, не противоречит законам научной дискуссии и то, что иногда взгляды на указанные категории противоречивы и недостаточно конкретны. Тем не менее они тоже имеют право на существование и дополняют

общую картину индивидуальными штрихами и неповторимыми нюансами.

О метатексте стали активно рассуждать после публикации знаменитой статьи А. Вежбицкой, и в настоящее время данное понятие используется как устоявшееся и апробированное. Категория метатекста, т. е. какого-либо текста, повествующего о другом, или первичном, тексте, объединяет несколько понятий, которые не просто соотносятся с этой категорией, но сущностно с ней связаны, обуславливают необходимость ее создания и применения, хотя и являются по отношению к ней косвенными и вспомогательными. Прежде всего, конечно, цель, которую ставит перед собой субъект, продуцирующий метатекст. Эта цель на уровне воображения зачастую предвосхищает результат действия. От целеполагания зависит и характер объяснения тех или иных аспектов первичного текста, интерпретация и истолкование его по разным направлениям когнитивной практики – социальным, этическим, историософским, психоэстетическим и другим. Автор метатекста не только объясняет и интерпретирует другой текст или его фрагменты, но практически всегда оценивает его по содержательным и формальным параметрам. В некоторых случаях, например при рецензировании, своим заключением помогает корректировать текст, на бумажном носителе – абстрактно, а на цифровом носителе – реально, физически. Именно эти понятия – целеполагание, объяснение, интерпретация, аксиологическое позиционирование – имманентны метатекстуализации и позволяют выполнять в определенной мере универсальную герменевтическую функцию.

Аспекты герменевтики отражают основную суть метатекста. Исследователи Лю Сюецзюань и Ши Лэй отмечают, что метатекст «представлен в виде включенных в основной текст и организующих его замечаний, комментариев, уточнений, автором которых может быть как отправитель сообщения, так и его получатель» [6, с. 9]. Действительно, замечания, комментарии и уточнения являются своеобразными функционалами и интерпретативными инструментами, дополняющими, критикующими или утверждающими содержание первичного текста, но вряд ли они могут быть «включены» в основной текст, т. е. в семиотический континуум, включение в который любого инородного семиотического материала приведет к его неминуемой деформации. О включенности метатекста в семиотическую структуру первичного текста, по сути, ведет речь и Д.И. Павлов, указывая на то, что «метатекст является сложной системой внутри текста, становится его неотъемлемой частью, почти категорией, которая позволяет понимать многие тексты и объединять их в целые группы по наличию метатекстуального пласта. Метатекстуальные конструкции позволяют более глубоко проникнуть в авторское отношение к содержащейся в тексте информации, выявить его позицию по отношению к персонажам и т. д. С другой стороны, с помощью метатекста можно рассматривать интертекстуальные связи текстов с метатекстуальным пластом, т. е. рассматривать тексты со схожими метаконструкциями» [7, с. 22]. Хотя, конечно, любая парадигма относительна, и мы, безусловно, учитываем классическое высказывание Т. Куна о том, что

никакая полная система правил ученым вообще не нужна, и в связи с этим знаменитый мыслитель заявлял: «Однако пока парадигмы остаются в силе, они могут функционировать без всякой рационализации и независимо от того, предпринимаются ли попытки их рационализировать» [5, с. 80].

Метатекст позволяет понимать первичный текст, соотносится с ним по многим параметрам, но не существует «внутри» него, если речь идет о письменном вербальном тексте, и не становится «его неотъемлемой частью». Как раз наоборот – метатекст, существуя автономно, может быть физически навсегда уничтожен, утрачен безвозвратно, а первичный, или основной, базовый текст, продолжит свое существование. Соответствующая максима А. Вежбицкой «метатекст в тексте» не предполагает физическую и непосредственную интеграцию нового текста, или метатекста, в пространство основного текста. В письменном варианте на бумажном носителе это невозможно, а Вежбицкая ведет речь именно о бесписьменном представлении текста. Она подчеркивает: «А следовательно, в сознании слушающего возникает двухголосный текст. Не диалог, а двухголосье: воссоздаваемая („понимаемая“) последовательность предложений отправителя и собственный комментарий. Представляет ли это один связный текст? Разумеется, нет. Это не текст, а двутекст» [3, с. 403]. В варианте бесписьменной текстуализации, бесспорно, «комментатором текста может быть и сам автор» [3, с. 404], и в этом случае вполне справедливым будет суждение о том, что «часто переплетается собственно текст с текстом метатекстовым» [3, с. 421]. Все это дало основание сделать А.Н. Чернякову в общем-то приемлемый вывод о том, что «следует, очевидно, считать формулу Вежбицкой „метатекст в тексте“ скорее научной метафорой» [8, с. 10]. Впрочем, Вежбицкая говорит о совершенно конкретных вещах. Все сказанное доказывает, что процессы метатекстуализации сложны и требуют понятийной и терминологической определенности. В связи с этим можно привести достаточно точное и корректное высказывание Л.А. Борботько: «Основным предназначением метатекстов является анализ, комментирование, описание или презентация прототекста» [2, с. 20].

Тексты, которые предполагают истолкование и пояснение, могут существовать в любых областях познавательной практики. Не является исключением и публицистика, в которой встречаются довольно сложные произведения. При высокопрофессиональном метатекстовом сопровождении они могут обретать дополнительное значение, становиться более понятными читателю. Метатекст – а в жанровом отношении это, прежде всего, критическая статья, рецензия, комментарий, примечание, аннотация, предисловие, послесловие – может содержать множество стилистических нюансов, дополнительную информацию, выходить на высокий уровень обобщения. Метатекст порой оказывается не менее значимым, чем первичный текст. А может случиться и так, что метатекстовое – само собой разумеется, имагинативное – включение в корпус самостоятельного основного произведения, его семантического поля послужит толчком для развития и обогащения содержания, стимулирования дополнительного истолкования

сюжетике произведения. Оно формально не будет меняться, текст останется прежним, а содержательно, семантически, порой и психоэстетически он обретет нечто новое и оригинальное.

Иногда, а именно в случае особого социального значения первичного текста, может возникать эффект передачи, условно говоря, по горизонтали духовно-интеллектуальной энергии в виде своеобразного импульса, стимулирующего порождение целого ряда метатекстовых произведений. Так случилось, например, с публикацией Н.В. Гоголем «Выбранных мест из переписки с друзьями». В советское время это произведение было выпущено без сокращений издательством «Советская Россия» в 1990 г., и во вступительной статье, являющейся, к слову сказать, тоже метатекстом, В.А. Воропаев указывает на то, что «в отечественной литературе трудно найти другое произведение, о котором было бы высказано столько резких суждений, пристрастных оценок и полемических заявлений, как о последней книге Гоголя» [4, с. 3]. Объектом анализа большинства авторов становился оригинальный текст Гоголя.

Можно наблюдать и другой эффект метатекстуализации, который небезынтересен в отношении публицистической функциональной парадигмы, когда метапроизведения не просто взаимно коррелируют, но и инспирируют создание последующих текстов. Это видно также на примере соответствующих откликов на публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями». Одним из самых резонансных выступлений стала рецензия В.Г. Белинского, которая появилась в журнале «Современник» в 1847 г., а затем – его письмо Гоголю, отправленное в том же году из Зальцбрунна. Между ними – первое письмо Гоголя Белинскому и второе письмо, неотправленное. А затем, уже в ответ на письмо Белинского, – и третье. То есть выстраивается метатекстовая цепочка, звенья которой располагаются по вертикали с темпоральной закономерностью. Эти материалы представляют собой разные жанры – рецензию и письма, они публицистически крайне напряжены и драматичны: авторы текстов, особенно Белинский, допускают уничижительные обращения, Гоголь укоряет своего оппонента в том, что тот проявляет «личное озлобление». Это позволяет констатировать и то, что метатекстам могут быть свойственны не просто оценочные характеристики, но и с выражением сильных эмотивных состояний. Данную метатекстовую цепочку продолжают многочисленные научные исследования. Показательно и то, что в метатекстовой процесс активно включается и сам автор первичного текста, который может разъяснять некоторые положения ранее написанного им текста, комментировать их, дополнительно, а то и по-новому истолковывать. Возможен и случай, когда сам автор выступает как активный участник герменевтической акции, понимая, что в первичном тексте сказал что-то не совсем точно, непонятно для читателей.

Совокупность метатекстовых публикаций, значительный уровень их актуализации, связь с теми или иными социально-политическими, духовными, психоэстетическими и культурологическими сферами обуславливают

возникновение метадискурса, наделенного активной семантикой и затрагивающего важнейшие стороны жизни.

Категория метадискурса развивается как исходная концептуальная схема для многих исследовательских проектов и как уникальная парадигма интерпретируется очень широко и разнообразно. Пожалуй, пока не существует принятой дефиниции понятия, и это дает повод для того, чтобы снова вспомнить Т. Куна, который говорил, что «существование парадигмы даже неявно не предполагало обязательного наличия полного набора правил» [5, с. 75]. Придерживаясь принципов диалектической свободы в области научного знания, тем более гуманитарного, все же попытаемся хотя бы условно определить значение данной категории. Тем более что она является важной и к ней обращаются многие исследователи. Так, В.А. Шаймиев прямо задает вопрос: метатекст или метадискурс? И пытается – пожалуй, безуспешно – дать пояснение: «Рассматриваемые нами конструкции – это своего рода **и знаки, и шифтеры дискурса**. Они характеризуют речемыслительное произведение как дискурс, потому что включают в содержание первого прагматический ситуативный контекст. Нельзя, между тем, отрицать и наличие „чистого“ метатекста. Это конструкции с квалификативным значением – типа – это текст типа рассуждения (описания, повествования); характеризующие стиль, жанр, другие особенности текста» [9, с. 565].

Опираясь на хрестоматийную дефиницию дискурса, данную Н.Д. Арутюновой, выделим те качества, которые характеризуют именно метадискурс: совокупность с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, событийный аспект текста, неприменение к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно, обращение к прагматической ситуации и акцент на развитии ситуаций [1]. Таким образом, метатекст может быть идентифицирован как метадискурс, если ему имманентны указанные качества. Не отрицая наличия «чистого», по выражению В.А. Шаймиева, метатекста, отметим, что уровень дискурсности как диалектической категории может повышаться и понижаться, что будет зависеть от актуализации отмеченных качеств. Так, все метатексты, для которых первичным будет являться текст, репрезентированный как дискурс, могут идентифицироваться как метадискурсы, конечно, если они не сфокусированы на тех конструкциях с квалификативным значением, которые отмечает В.А. Шаймиев. Так, ситуативный контекст гениального произведения Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», не теряя актуальности, в то же время в силу объективных причин по уровню дискурсности будет менее показательным, чем ситуативный контекст какого-либо произведения политика на злободневную тему.

Один из примеров – комментарии к выступлению О. Шольца в телевизионной программе ZDF heute live в 2022 г., когда канцлер Германии декларировал новый этап отношения немецкого правительства к событиям на Украине и попытался обосновать «справедливость» поставок вооружения

режиму Зеленского. То есть тема разговора имела важнейший экзистенциальный характер. Передача была очень профессионально и продуманно организована: модераторами выступили известные журналисты П. Фрай и Б. Шаустен, входящие в руководящий состав канала и придерживающиеся консервативной политики партии ХДС. В атмосфере серьезной озабоченности состоялся – по внешним признакам – доверительно-проникновенный обмен мнениями, звучали трогательные обращения к принципам демократии и справедливости. Расчет на соответствующую когнитивную установку очевиден. Сценарий передачи был проработан до мелочей. Когнитивная парадигма воздействующего текста как феномена оказалась, несомненно, эффективной: часть аудитории за внешними факторами не сумела, или не захотела, разглядеть действительную суть происходящего. Но тема разговора была столь важной, что аудитория прореагировала мгновенно, лавиной пошли комментарии – всего 2447, которые публиковались на сайте канала. Поддержка позиции канцлера одними вызвала отторжение других, причем протестное отношение возрастало. Вот некоторые достаточно репрезентативные комментарии: «Я нахожу Шольца не таким уж и плохим... – Как только можно быть таким слепым? – Убедительный федеральный канцлер – Кто? Шольц? (сопровождается эмодзи, выражающим насмешку и досаду. – *Б.М.*) – Шольц это наша погибель – Для меня что-то новое заключается в том, что мир обеспечивают с помощью оружия – Я нахожу смешным, что мы для нашего канцлера нуждаемся в переводчиках (намек на активное участие в шоу модераторов. – *Б.М.*) – Оккупация Афганистана была правильной? Это он серьезно? – О расширении НАТО на восток не сказано ни слова – Также ничего и о Минских соглашениях – Правильно! По крайней мере, было два соглашения. Также ничего о запрете русского языка и 8 лет бомбардировок гражданского населения – «Осмысленное выступление с ясным пониманием вещей» и поставка оружия, явное противоречие! Непостижимо – Сомневаюсь в том, что с поставкой оружия будет с наименьшими потерями обеспечен выход из кризиса – Интересно, что он (т. е. Шольц. – *Б.М.*) так часто ссылается на США. Германия принадлежит США? Или! Может быть, весь ЕС? Ну нет, если сегодня скажешь нечто подобное, то прослывешь теоретиком заговора – Я спрашиваю себя, КТО ВСЕ ЭТО ОПЛАЧИВАЕТ!!! Спросил меня кто-нибудь, хочу ли я отказаться от русской нефти и газа? [10]. Примечательно, что значительное количество эмодзи, выражающих исключительно негативное отношение – насмешку, издевку, досаду, также участвует в продуцировании общего метадискурсного пространства. Как видим, оно может формироваться также на поликодовой основе.

Комментарии читателей по поводу актуального политического выступления, как правило, отличаются искренностью и непредвзятостью суждений, заинтересованностью в предмете разговора. Иногда это подробные и достаточно аргументированные материалы критического содержания. Их часто создают люди хорошо образованные, представители интеллектуального труда. То есть выстраивается система метадискурса. Может произойти и так, что

метадискурс обретет высокую самодостаточность и возвысится до уровня серьезного осмысления самых злободневных проблем. А нередко и превзойдет первичный текст по глубине выводов и литературным достоинствам. Это можно наблюдать, в частности, в сфере духовной, политической, социальной публицистики, когда предметом критического исследования становятся проблемы первостепенной общественной важности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/405/diskurs.htm> (дата обращения: 11.09.2023).
2. Борботько Л.А. О разграничении понятий «метатекст», «паратекст», «интертекст» и «сверхтекст» (на материале современных пьес) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2011, № 2. – С. 19–23.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / ред.-сост. А. Н. Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
4. Воропаев В.А. «Сердце мое говорит, что книга моя нужна...» // Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 3–28.
5. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
6. Лю Сюецзюань, Ши Лэй. Исследование типологии дискурсивов-адресаций в построении русскоязычного научного дискурса // Culture and Civilization. – 2022. Vol. 12. – С. 7–15.
7. Павлов Д.И. Функции метатекстуальных конструкций в тексте // Грани познания. – 2015, № 5 (39). – С. 20–22.
8. Черняков А.Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007. – 200 с.
9. Шаймиев В.А. Так метатекст или метадискурс? // Вестник Башкирск. ун-та. – 2012. – Т. 17, №1(I). – С. 563–565.
10. Bundeskanzler Scholz über seine Haltung zum Ukraine-Krieg. Was nun? – mit Analyse bei ZDFheute live. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ml6-13JKD8I> (дата обращения: 10.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**БАЗА ДАННЫХ ЗВУЧАЩЕЙ РУССКОЙ РЕЧИ КАК
ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОШИБОК ИНОСТРАНЦЕВ,
ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК**

В статье дается характеристика Базы данных звучащей русской речи, разрабатываемой на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Рассматриваются разные виды ошибок, информация о которых содержится в Базе. Это предсказуемые ошибки (падежное управление, словообразование и пр.), а также неожиданные ошибки, которые носят универсальный характер: не зависят ни от длительности изучения русского языка иностранными учащимися, ни от их родного языка. Даются рекомендации о путях дальнейшего развития Базы и рекомендации по подготовке упражнений для устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, ошибки в русской речи иностранцев, базы данных русской речи, корпусы ошибок иностранцев в русской речи

N.I. Mironova
(Moscow, Russia)

**DATABASE OF RUSSIAN SPOKEN SPEECH AS A TOOL
FOR STUDYING MISTAKES
OF FOREIGNERS STUDYING RUSSIAN**

The article describes the Database of Russian spoken speech samples, developed at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Various types of errors are considered, information about which is contained in the Database. These are predictable errors (case management, word formation, etc.), as well as unexpected errors that are universal in nature: they do not depend either on the time of learning the Russian language by foreign students, or on their native language. Recommendations on ways to further develop the Database and recommendations for preparing exercises to eliminate the identified problems are given.

Key words: Russian as a foreign language; errors in Russian speech of foreigners, databases of Russian speech, corpora of errors of foreigners in Russian speech

Одним из приоритетных направлений в лингвистике является разработка корпусов национальных языков, баз данных различного назначения, в том числе и корпусов ошибок иностранных учащихся в русской речи. Именно анализ и систематизация ошибок позволяют разработать рекомендации по их предупреждению в речи иностранцев, изучающих русский язык.

Специалистами Лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова разрабатывается База данных звучащей русской речи [6]. В первую очередь, она рассматривается как инструмент изучения

интерференции артикуляторных моделей различных языков, являющейся «существенным препятствием для овладения безакцентным языковым произношением» [6, с. 353]. База содержит записи речи носителей русского языка с нормативным литературным произношением, а также изучающих русский язык иностранных студентов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Они являются носителями четырнадцати языков разного строя: американского, английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, голландского, польского, чешского, финского, шведского, турецкого, китайского, корейского и японского языков. Кроме частотного словаря ритмических структур, база содержит образцы чтения изолированных слов и предложений и спонтанной речи (ответы на вопросы) дикторов.

В настоящее время в Базе представлены записи 25-и дикторов (шифр диктора содержит указание на пол (М, Ж) и длительность изучения русского языка (3): Австрия М (3), Америка М (3), Голландия М (3), Испания Ж (2), Испания М (6), Италия Ж (5), Италия М (3), Китай Ж (2), Китай М1 (1), Китай М2 (2), Китай М3 (5), Корея Ж (3), Польша Ж1 (7), Польша Ж2 (5), Россия Ж, Россия М, Турция Ж, Турция М (5), Финляндия Ж (7), Финляндия М (10), Чехия Ж (3), Швеция М (1,5), Япония Ж1 (1), Япония Ж2 (2), Япония М (2).

Каждый диктор отвечал на 30 вопросов, сначала зачитывая их, например, *Какое сегодня число?; Какой сегодня день недели?; Сколько сейчас времени?; Когда Вы родились?; Кто Ваши родители по профессии?; Где и как долго Вы изучали русский язык?; Чем Вы любите заниматься в свободное время?* и т.д.

База была создана для изучения интерференции, в первую очередь, на фонологическом уровне, но опыт работы с ней показал, что ее возможности значительно шире. Так, она позволила увидеть лексические, морфологические, словообразовательные и синтаксические ошибки, которые свойственны носителям языков разных систем и не исчезают даже при длительном (5–6 и более лет) изучении русского языка. Некоторые возможности использования Базы мы хотим показать на примере ошибочного использования числительных в русской речи иностранных учащихся.

Многие ошибки, определяемые сложностями морфологии, словообразования и синтаксиса русского языка, предсказуемы. Это ошибки на род и число существительного (*мой любимый блюдо; я слушаю китайские музыки*); на число глагола (*я очень любите ру...раси...российскую литературу*); словообразовательные ошибки (*«Сибирий цирюльник»; моя мать безработница*); речевые ошибки (*но она сейчас уже вышла на стипендию (пенсию)*); ошибки на падежное управление (*сегодня пятого марта; я хожу в спортзале два раза в неделе; гулять по городе; я буду работать мою специальность*) и другие синтаксические ошибки (*там всегда можно найти что-нибудь интересное делать; мне интересуется; мне очень повлиял; мне нравится сделать спорт и нарисовать*).

Причины ошибок на падежное управление русисты видят в многозначности русских предлогов: так, предлог «в» имеет 14 значений с винительным падежом и 7 – с предложным; «многие русские предлоги

способны соединяться более чем с одной предложной формой имени, при этом они выражают и пространственные, и временные, и причинные отношения» [1, с. 124].

Часто ошибка на падежное управление состоит в использовании начальной формы – именительного падежа имени (*я слушаю все типы музыка; много исторические достопримечательности; и люди мало*) вместо нужной падежной формы. Аналогичные ошибки характерны и для глаголов – здесь речь идет об использовании инфинитива вместо нужной грамматической формы (*когда я сама писать и говорить по-русски*).

Часть вопросов, на которые отвечали дикторы, предполагала использование в ответе специальных конструкций, содержащих числительные (*Какое сегодня число?; Какой сегодня день недели?; Сколько сейчас времени?; Когда Вы родились?*). Можно видеть, что в списке вопросов отсутствуют их контрастные пары, используемые при обучении (*Какого числа...?; Когда / В какой день недели?; Во сколько...?; Какой сейчас год?*).

Употребление числительных в нужной форме – проблемная зона и для носителей русского языка; даже известные журналисты на популярных медийных площадках часто делают подобные ошибки. Ученые объясняют это сложностью строения категории и различиями в падежном оформлении.

Самой показательной стала ошибка в ответе на вопрос *Какое сегодня число?*, состоящая в употреблении формы родительного падежа числительного вместо именительного. Одну и ту же ошибку допустили практически 50% дикторов (12 из 25-и): **Австрия М (3):** *Сегодня шестнадцатоГО апреля;* **Испания Ж (2):** *Сегодня пятОГО марта;* **Испания М (6)** *Сегодня одиннадцатОГО апреля, две тысяча семидесятого года;* **Италия М (3)** *Сегодня...эээм...восемь... не восьмой ...а? Де... девятый ноября...де...ноября да...;* **Китай Ж (2):** *Сегодня э... двадцать шестОГО марта;* **Китай М2 (2);** *Сегодня второй... второе апреля;* **Китай М3 (5):** *ПятОГО марта;* **Финляндия Ж (7):** *Сегодня двадцать шестОГО марта;* **Франция М (10):** *Ну сегодня это.. мм... не знаю вот я забыл.. двадцать...двадцать шестОГО марта;* **Чехия Ж (3);** *Сегодня восемнадцатОГО марта;* **Швеция М (1,5):** *Сегодня... пятОГО марта;* **Япония Ж1 (2):** *Сегодня двадцать шес... то-ОГО марта.*

Можно видеть, что дикторы ошибочно используют одну синтаксическую модель вместо другой: вместо ответа на вопрос *Какое сегодня число?* они отвечают на вопрос *Когда...?*. Причем ошибку можно рассматривать как универсальную; она не зависит ни от времени изучения русского языка (оно указано в скобках), ни от родного языка диктора. Попробуем разобраться в причинах ее появления.

Конструкции с числительными (*Какое сегодня число?; Сколько сейчас времени?; Который час?; В какое время...?; Сколько вам лет? Сколько стоит?* и под.) изучаются в рамках начального курса русского языка как иностранного (А1) после усвоения лексики с темпоральным значением (времена года, месяцы, дни недели; наречия); количественных и порядковых числительных (от 1 до 100 или более), винительного и родительного падежей имен [2; 3; 4; 5; 7; 8].

Сначала модели «обкатываются» на существительных, затем на числительных, причем часто основное внимание уделяется именно существительным или отдельным конструкциям с числительными, например *Сколько сейчас времени? / Который час?* Поэтому одной из возможных причин распространенности подобных ошибок можно считать недостаточное внимание, уделяемое именно конструкциям с числительными.

Модели *Какое сегодня число?* и *Когда...?* могут даваться по отдельности или одновременно. Так, в учебнике Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной [3, с. 95] конструкция *Какое сегодня число?* дается отдельно, а ответ на вопрос *Когда?* встречается лишь в тексте урока 11: *31-го декабря* [3, с. 94]. При этом в том же уроке параллельно даются рассматриваемые модели с именительным и винительным падежами, но на материале темпоральных существительных.

В учебнике Л.В. Миллер, Л.В. Политовой и И.Я. Рыбаковой [2, с. 52] конструкция *Когда...?* дается отдельно на базе названий дней недели и времени суток. Позже [2, с. 90] параллельно рассматриваются конструкции *Сколько сейчас времени? / Который час?* с числительными на примере определения времени, а также конструкции *Что...?* и *Когда...?* на основе имен существительных – названий времен года и месяцев [2, с. 99].

Конструкции ответа на вопрос *Какое сегодня число?* и *Когда...?* могут изучаться и параллельно, как в учебниках Т.И. Распоповой и С.И. Чернышова совместно с А.В. Чернышовой [4, с. 181; 8, с. 131].

Еще одной причиной многочисленности ошибок на использование числительных может быть трудность подбора текстов для закрепления / повторения конструкций типа *Сегодня (вчера было; завтра будет) первое сентября*. Она состоит в том, что подобные конструкции обычно встречаются в текстах определенных жанров (хрониках, дневниках), которые редко выбираются в качестве дидактических в процессе обучения РКИ.

База содержит и другие примеры затруднений дикторов при ответе на вопрос с числительными. Но природа ошибок здесь совсем иная. Они могут возникать там, где существует выбор между лексемами, связанный с ограничениями на лексическую сочетаемость. Это лексические ошибки на «привязку» ко времени суток (*пять минут третьего – пятнадцатого; четыре часа вечера – четыре часа дня*); на отсутствие существительных *часов* и *минут* даже там, где они необходимы (*пять тринадцатого*).

Подобные ошибки содержатся в ответе на вопрос *Сколько сейчас времени?: Австрия М (3): ...восемь минут ТРЕ – э ПЯТНАДЦАТОГО –го э ГОДА, э, ЧАСОВ; Америка М (3): Сейчас э-э десять пятого; Испания М (6): Эм, пятьдесят сорок два; Италия М (3): М-м...[что значит извините...а? что значит это...сколько сейчас времени...а три часа скажите...а да] а три часа...; Китай МЗ (5): Сейчас... два часа тридцать два; Корея Ж (3): Сейчас ...ам...четыре...м, четыре шесть ...; Польша Ж1 (7): Пять, э, тринадцатого; Япония Ж1 (2): Сейчас время? Сейчас, наверное, в че... в четыре... в четыре часа, в четы... в четыре часа вечера; Япония Ж2 (2): М... сейчас э... четыре часа... э... днем... дня.*

Это также ошибки в ответе на вопрос *Сколько Вам лет?*: **Австрия М (3)**: мне ДВАДЦАТЬ ТРИ ЛЕТ; **Голландия М (3)**: Мне двадцать пять...пять лет; **Италия Ж (5)**: Мне ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЛЕТ. Двадцать четыре года; **Италия М (3)**: А е а я... ДВАДЦАТЬ ДВА...; **Китай М2 (2)**: Мне... ДВАДЦАТЬ ДВА ЛЕ... ГОДА; **Польша Ж2 (5)**: Мне двадцать шесть лет. Когда. О, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ. Проблемы связаны с выбором существительного года или лет.

Большие трудности у иностранных студентов вызвал ответ на вопрос *Когда вы родились?* Это вполне понятно, учитывая составной характер числительного и особенности его склонения: **Австрия М (3)**: Я родился в тысяча девятьсот, э, восемьдесят девятоГО году, э, годОВ; **Испания Ж (2)**: Я родилась э-э-э... в... тысяча ДЕВЯНОСТО... девятьсот девяносто третьем году; **Испания М (6)**: э... в ТЫСЯЧ девятьсот девяностом году; **Италия Ж (5)**: Я родилась в тысяч... в тысяча, эм... девятьсот, э-э, СЕМЬ...ДЕСЯТ СЕМ... Э-эм... ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ; **Италия М (3)**: Я родильс... ам-м... ШЕСТЬ ШЕСТОГО э-э... люля в ТЫСЯЧИ ДЕВЯНОСТО... тысяча девятьсот девяностом году...; **Китай Ж (2)**: Я родилась в тысяча девятьсот девяносто ВТОРОГО ГОДА; **Китай М2 (2)**: Я родился в тысяча ВОСЕМЬСОТ восемьдесят ш... девятом году; **Польша Ж2 (5)**: Я родилась двенадцатого января в тысяча девятьсот восемьдесят ДЕВЯТОГО ГОДА; **Финляндия Ж (7)**: Я родилась в... м... пятого декабря тысяча девятьсот восемьдесят СЕМЬ... седьмого года; **Япония М (2)**: Я родился... в тысяча ДЕВЯНОСТ... девятьсот девяносто втором году.

Здесь мы сталкиваемся, в первую очередь, с ошибками на падежное управление; как обычно, трудности склонения составного числительного могут приводить к использованию начальной формы для его составляющих. Можно наблюдать и неразличение однокоренных числительных разного разряда.

Специфические ошибки в конструкциях с числительными могут сопровождаться и типичными ошибками: морфологическими, лексическими, синтаксическими.

Данные Базы позволили выявить наиболее частотные ошибки и ошибки, которые можно было бы назвать «универсальными», поскольку они свойственны большинству иностранных учащихся – носителей разных языков и не зависят от длительности их обучения русскому языку. Это позволило выявить проблемы в обучении РКИ (преимущественное внимание к темпоральным существительным в ущерб числительным) и определить темы, которые требуют более глубокой проработки (повторения в течение всего курса обучения, разработки контрастных упражнений / заданий на базовые модели предложений с числительными и т.д.).

Проведенный нами анализ ошибок иностранных студентов, изучающих русский язык, позволил наметить пути дальнейшего развития Базы данных звучащей русской речи, которая позволяет изучать интерференционные процессы различных языковых систем не только на фонологическом, но и на лексическом и грамматическом уровнях. Наш анализ показал, что База дает возможность использования различных методов структурирования. Так, можно приступить к созданию корпуса речевых ошибок иностранцев, изучающих

русский язык, который, при условии увеличения количества информантов и коррекции списка вопросов, позволит проводить анализ русской речи иностранных учащихся в разных аспектах: возрастном, гендерном, языковом, темпоральном и во многих других.

Литература

1. Ильина С.А., Иванова И.С. Учебное пособие «Начинаем учить предлоги и союзы. Предложно-падежные и союзные конструкции в речи» // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2013, № 4. – С. 124–128.
2. Миллер Л.В., Политова Л.В. Рыбакова И.Я. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих. Учебник. – СПб.: Златоуст, 2003. – 152 с.
3. Московкин Л.В., Сильвина Л.В. Русский язык. Учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов. – СПб.: СМИО Пресс, 2010. – 528 с.
4. Распопова Т.И. Время учить русский: Учебник русского языка для иностранных учащихся центров довузовской подготовки иностранных граждан. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 260 с.
5. Степаненко В.А., Нахабина М.М., Кольовска Е.Г., Плотникова О.В. Привет, Россия! Русский язык как иностранный: базовый уровень (А 2): учебник. – М.: Кучково поле, 2021. – 320 с.
6. Фролова О.Е., Кедрова Г.Е., Крейчи С.А., Потемкин С.Б., Байрамова Ф.О. База данных звучащей русской речи как инструмент изучения интерференции артикуляторных моделей различных языков // Ученые записки физического факультета Московского университета. – 2014, № 5. – С. 353-1-353-7.
7. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс: учебник. Часть 1.1. – СПб.: Златоуст, 2022. – 176 с.
8. Dolmatova O., Novacas E. Точка. Ру. Учебник (А 1). – М.: Бюлер О.А., 2017. – 152 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ
МЕЛОЛИЙНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ
ПРАКТИК ПРОПОВЕДИ**

В работе описывается функциональная специфика мелодийной направленности духовных практик-проповеди. Представлены основания для причисления мелодийных практик проповеди к публичным медийным средствам передачи информации в структуре композитного дискурсивного конструкта «мелодийная духовная проповедь». Развиваемый подход к мелодийному дискурсу-проповеди как к особому медийному средству позволяет интегрировать в одной и той же коммуникативной системе дискурсивного взаимодействия и текст, и звук и изображение в виде «мозаичного медийного комплекса» или «медийного дискурс-конструкта».

Ключевые слова: взаимодействие, дискурс, дискурс-конструкт, духовная проповедь, коммуникация, конструкт, медиа-практика, мелодия, практика

O.N. Morozova, G.A. Ulyanich
(Tver, Russia)**CULTURAL AND SPIRITUAL DIRECTION IN THE STUDY
OF THE MELOLIC ORIENTATION
OF COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE SERMON**

The work describes the functional specificity of the melodic orientation of spiritual practices and sermons. The reasons for the inclusion of melodic practices of sermons to public media means of information transmission in the structure of composite discursive construct «melodic spiritual sermon» are presented. The developed approach to melodic discourse-sermon as a special media means allows to integrate in the same communicative system both text and sound and image in the form of «mosaic media complex» or «media discourse-construct».

Key words: interaction, discourse, discourse-construct, spiritual sermon, communication, construct, media practice, melolia, practice

В работах по теории коммуникации отмечается, что определяющее место коммуникативного взаимодействия – в различных его аспектах: предпонимания, понимания, сотрудничества или согласованного общения, то есть синергии, «сорботничества» – уже заложено, если опираться на идею «регулятивного (согласованного) общения, что в основании самой коммуникации как целенаправленной связи между её участниками» [6; 7; 8; 9]. Поэтому если подходить к этому процессу с точки зрения использования сообщений (посланий) как средства массовой коммуникации “расширения

человека» особенно в связи с современным этапом развития социума и влиянием таких сообщений на общество научно - технического потребления (НТП) и на отдельного человека в нём, то в первую очередь заслуживают особого рассмотрения идеи, высказанные в этой области многими видными исследователями проблем теории коммуникации и, прежде всего, Карлом Ясперсом, Гаролом Иннесом и Гербертом Маршаллом Маклюэном.

В этом плане значительный интерес представляет идея Карла Ясперса, выделявший в мировой истории отдельный этап – «научно - техническую эру», которая, по его мнению, была подготовлена уже в конце средневековья и получила в XVII столетии свое духовное обоснование, а в XVIII веке оформила своё полное развитие. Но только в XX веке научно-техническая эра сделала головокружительный скачок, который теперь, благодаря НТП, формируется «осевое», а не локальное время, конституируя (формируя) общую историю для всех культур. Но, выделяя технику в отдельный движущий механизм развития, К. Ясперс понимает её при этом как важнейший элемент нашего времени, влияющий на мировое развитие, на эволюцию, на всемирную историю, на культуру.

Особую роль в технологии бурного развития такого «осевого времени» сыграло, по мнению ряда исследователей, отношение между ролью письма в возникновении и становлении динамичных социальных систем (Р. Барт, Г. Иннес, Г.М. Маклюэн и др.). И хотя многие ученые уделяли этой проблеме пристальное внимание, для нашего направления в описании культурно-духовной специфики коммуникативных практик проповеди важное значение приобретают результаты исследований Г. Иннеса и Г.М. Маклюэна, теоретически обосновавших и проводивших тщательный анализ влияния массовой коммуникации на социальное развитие, особенно в контексте появления того, что сегодня нередко именуется, – пусть и с достаточной долей условности, – современностью.

Главной чертой таких исследований является фиксация акцента на связи доминирующих в определенный исторический период средства массовой коммуникации и их трансформациях во времени и пространстве. Представляется, что точнее всего подошел к решению этого вопроса Г.М. Маклюэн, который был, пожалуй, одним из первых, кто привлек внимание к вопросу особой роли роли массовой коммуникации в обществе, и первый концептуально показал возрастающее воздействие средств массовой коммуникации на все стороны социального развития общества и на становление разума и чувств самого человека [1; 2; обращаем внимание, что в разных изданиях книг Г.М. Маклюэна переводчиками и издателями предлагается различное написание имени автора, то – как Г.М. Маклюэн, то – как Г.М. Мак-Люэн].

Отметим, что теоретические изыскания Г.М. Маклюэна базируются на ряде сформулированных постулатах, которые создают целостную основу его теоретических воззрений. Вероятно, что Г.М. Маклюэну удалось одному из первых выделить из всей суммы технологий воздействия на массовую

аудиторию *технологию средств коммуникации*, отведя ей роль решающего фактора в общественной жизни. Важное значение получило его утверждение о том, что, не зная, как влияют средства коммуникации, невозможно понять характер изменений, происходящих в обществе и культуре.

Отсюда и главная идея работ Г.М. Маклюэна, которая заключается в том, что средства массовой коммуникации оказали и оказывают решающее влияние на историческое развитие человечества. Все революционные сдвиги в развитии общества, культуры, сознания и психологии людей технологически детерминированы техническими средствами информационных связей. Поэтому автор заключает, что в историческом плане развитие цивилизации есть, прежде всего, появление и развитие все более совершенных средств коммуникации [см.: 1; 2].

С этих позиций Г.М. Маклюэн выделял три этапа истории цивилизации:

– первобытная дописьменная культура, которую определяют естественность и коллективность образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира, *благодаря устным формам связи и передачи информации*;

– письменно-печатная культура, которая утверждает дидактизм, индивидуализм и национализм;

– современный этап, когда происходит возрождение естественного слуховизуального многомерного восприятия мира и коллективности на новой электронно-визуальной основе с помощью замещения книжно-печатных языков общения радиотелевизионными средствами массовых коммуникаций.

Наибольшую критику у Г.М. Маклюэна вызывает именно «письменно-печатная эпоха». Действительно, если *устная культура* характеризуется эмоциональностью, разнообразием ощущений и переживаний, то *письменная культура* отмечена исключительной холодностью, однообразностью эмоций. Автор утверждал, что в работе человеческого сознания нет и следа линейности или последовательности, но, навязанная печатной культурой, именно такая цепь стала для человечества индикатором логики и рассудка.

Г.М. Маклюэн полагал, что письменность и печать – у автора они упоминаются вместе и взаимозаменяются, потому что дело, начатое первой технологией, завершила вторая технология – ответственные за появление того типа сознания, которое теперь называется западным типом мышления, за появление культуры западного типа. Автор отмечает, что благодаря печати стало возможным массовое образование и в этом плане книга есть первая машина-учитель.

Автор приходит к выводу, что печатная технология создала массовый рынок информационной продукции, что, в свою очередь, высветило роль печати в формировании массового распространения («массовизации») литературы. Но изобретение электричества разрушило, как считает Г.М. Маклюэн, «Галактику Гуттенберга». И причина кроется, прежде всего, в том, что в электрическом мире всё происходит одновременно, ибо в этом мире нет жесткой хронологической последовательности.

По Г.М. Маклюэну, уже во второй половине 20-го века человечество стало жить в *пост-письменном* электронном мире, в котором мы все ищем образы коллективных форм познания, мифологизируя их. Поэтому миф был средством доступа к таким коллективным состояниям духа в прошлом. В своём исследовании Г.М. Маклюэн использует понятие *макромифа*, как *динамично-смысловой структуры общения* людей друг с другом и *миром в целом*. Кстати сказать, подобной же *динамично-смысловой структурой* являются и языки, а также их производные в виде вербальных практик, в том числе и духовных практик проповеди, которые с полным основанием можно к *средствам публичной массовой информации*.

Причастность к таким языкам и мифам придает современным формам СМИ характер коллективного мифотворчества. Обосновывая своё утверждение, Г.М. Маклюэн тем самым придает СМИ значение особой мифотворческой силы, способной покорять своими структурно-языковыми средствами массы людей и объединять их вместе, погружая в мир новой чувственно - осязательной слухо - визуальной пост - письменной культуры.

Основная мысль Г.М. Маклюэна сводится к тому, что средства общения – в самом широком смысле этого слова, включая книги, кино, средства связи и другие формы общения между людьми – не только и не столько передают информацию, определенные сообщения, но и *сами по себе активно влияют* на индивидуальное и общественное сознание.

При этом автор отмечает, что развитие и расширение современных общественных институтов непосредственно связано с огромным ростом процессов опосредованного опыта, которые были привнесены этими формами коммуникаций. Знакомство, произведенное опосредованным опытом, может зачастую приводить к чувству «инверсии реальности».

Г.М. Маклюэн утверждает, что реальная вещь или событие, при их рассмотрении, кажутся имеющими меньше конкретной значимости, *нежели то, как они оказываются представленными в средствах массовой коммуникации*. Возможно создание *гиперреальности*, где знак или образ являются всем. Кроме того, может складываться такая ситуация, в которой человечество в некоторых отношениях трансформировалось в «мы», сталкиваясь с проблемами и возможностями, при которых нет «других».

Теоретические воззрения Герберта Маршалла Маклюэна оказали большое влияние на изучение процессов коммуникации и других средств и форм общения между людьми, которые не только и не столько передают информацию в виде определенных сообщений, но и сами по себе активно влияют на индивидуальное и общественное сознание. Особенно это стало наглядно проявляться десятилетиями позже, особенно в связи с развитием телевидения и других электронных средств передачи информации (интернета, например), хотя гораздо раньше Г.М. Маклюэн уже указывал на смену способа мышления (т.е. когда линейное мышление стало вытесняться «мозаичным»; ср. также в этой связи идею А. Моля [3, с. 45] о «мозаичной» культуре, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих целостных конструкций фрагментов»), на

изменение ориентации от зрительных образов к слуху и тактильности, на возрождение мифа как основного структурирующего принципа сознания и т.д.

Безусловно, идеи Г.М. Маклюэна придали импульс современным исследованиям культуры масс-медийного пространства, выделив влияние «средств общения» на изменение способов мышления и социальной организации. Пожалуй, можно констатировать, что с того времени масс-медиа коммуникации становятся объектом пристального внимания философов, социологов, культурологов, филологов, в частности, Ж. Бодрийера, П. Вирильо, С. Жижека, У. Эко, т.е. тех мыслителей, которые подняли исследование медийной (в том числе и виртуальной) реальности (гиперреальности, по Г.М. Маклюэну) созданной с помощью телекоммуникационных технологий, с уровня интуитивных представлений до аналитико-теоретического уровня и проследили рождение симулякров разных видов, а также их влияние на связанность пространства как основы социальной реальности человека, где, как отмечает исследователи коммуникации, любое социальное отношение возникает и поддерживает свое существование благодаря информации.

Отдельные каналы получения информации (вербальные, визуальные, аудио и т.д.) были подробно описаны Р. Арнхеймом, Р. Бартом, Ю.М. Лотманом, В.А. Подорогой, Г.Г. Почепцовым (мл.), У. Эко и др. Вместе с тем, подход к мелодийному дискурсу как к *особому медийному средству* позволяет интегрировать в одной и той же системе текст, звук, изображение в виде «*мозаичного*» медийного комплекса» или «*медийного дискурс-конструкта* [11], совмещая их в коммуникативно-культурном пространстве духовных практик исихазма как «мозаичное» единство, а не механистически «сложенные» из множества соприкасающихся, но не образующих единую конструкцию в виде отдельных мозаичных фрагментов, по А. Молю [см.: 3, с. 45].

Как отмечает В.А. Подорога [5, с. 45], такое совокупное действие может привести к рождению «новой чувственности», способной к протезированию всего спектра повседневных ощущений. И эта чувственность, по мнению философа, не восполняет нехватку реальности, а примиряет с избытком реального: это чувствительность к более яркому, более зримому, более громкому, чем люди привыкли в прежней повседневной жизни. И если раньше чувственное восприятие создавало образы реальности, то сегодня с помощью новых медийных технологий «новая чувственность» готова воспринимать даже образы подделанной реальности.

Очевидно, что идеи Г.М. Маклюэна побудили одних ученых полемизировать с ним, а других стать искренними последователями и продолжателями его идей относительно творческой роли коммуникативных сообщений как эффективного средства информационного воздействия на пути приближения к финальной стадии «расширения человека во-вне, то есть, стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества, как примерно ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [1, с. 5]. В этой связи Г.М.

Маклюэн ставит вопрос: Будет ли расширение сознания, которого так долго добивались специалисты, занимающиеся рекламой различных продуктов, «полезным делом - вопросом, допускающий множество ответов». Но, «не рассмотрев всю совокупность расширений человека, мы вряд ли сумеем ответить на такого рода вопросы», потому что «любое расширение, будь то кожи, руки или ноги, оказывает воздействие на весь психический и социальный комплекс» человеческих отношений [там же, с. 5].

Вот почему творчество (в широком понимании этого термина) как процесс, влияющий на «всю совокупность расширений человека», по Г.М. Маклюэну, и как основополагающий принцип духовного саморазвития человека каузирует (побуждает к) постоянную готовность пересматривать старое и рассматривать новое информационное содержание в виде протожанровых разновидностей, например, духовной практики проповеди сквозь призму настоящего момента как осознанную функцию социального взаимодействия и воздействия.

В таком контексте духовные практики мелодической дискурсии в виде музыкальной проповеди с определённым «аффективным / аффицированным зарядом», «определённой интенсивностью глубины его аффицированности» [10] и влиянием на саморазвитие адресата как индивида обладают «памятью жанра», основная цель которого – *воздействие на слушателя, несущее одновременно* информацию о предмете сообщения и *выражающее отношение* к нему проповедника, которое *облекается* как в музыкальную, так и в поэтически украшенную форму.

Иначе говоря, такая *духовная практика* может рассматриваться, по М. Маклюэну, определённым *видом* информационного послания. При этом важно учесть, что *одним из базовых условий* действенности *музыкальной проповеди как духовной практики* есть право *проповедника* (автора мелодического дискурса) на *выбор коммуникативно-информационного пространства* своего музыкального произведения. И в этом заключается её основное отличие от церковного (т.е. локального, ограниченного пространством храма) протожанра проповеди, где такое право определяется соответствующим ритуалом и священным саном, функционально опирающимся на множество ритуальных «прав»: моральное, социальное, юридическое, интеллектуальное и другие.

Литература

1. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
2. Мак-Люэн Г.М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. Пер. с англ. А. Юдина. – Киев: Ника-Центр; Эльга, 2004. – 431 с.
3. Моль А. Социодинамика культуры. Пер. с франц. Изд. 3-е. – М.: изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.
4. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 220 с.

5. Подорога В.А. Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – С. 310–335.

6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогической коммуникации. – М. - Тверь: Ин-т языкознания ан СССР, 1988. – 183 с.

7. Романов А.А. Лингвопрагматическа модель речевого управления диалогом: Системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: Ленанд / УРСС, 2020. – 264 с.

8. Романов А.А., Малышева Е.В. Место и роль вербально-тактильных коннекторов в формировании комплексных регулятивных конструкций диалога // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 22-23 ноября 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), С.В. Мыскин, В.П. Синячкин. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2019. – С. 33–43.

9. Романов А.А., Малышева Е.В. Особенности построения и реализации вербально-тактильного регулятива в дискурсивном пространстве английского диалога // Человек в современном коммуникационном пространстве: коллективная монография; отв. ред. Е.А. Ваняцкая. – Иваново: ЛИСТОС, ФБГОУ ВО «Ивановский государственный университет», Лаборатория коммуникативного поведения человека, 2020. – С. 118–146.

10. Романов А.А., Романова Л.А. Медиальная природа эмотивного дискурса в коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Междунар. научн.-практ. конф. – Тверь: ТвГУ, 2011. – С. 217–230.

11. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелолойный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – М. - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2014. – 163 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПАТОГЕННОГО ТЕКСТА

В статье раскрывается авторский подход к анализу проблемы патогенного текста. Психолингвистика, психология сознания и патопсихология взяты в качестве методологических оснований структурирования знаний о патогенном тексте. Патогенный текст понимается как речевое сообщение, не содержащее интенцию на сотрудничество, совместную деятельность. Авторы вводят два вида патогенного текста: деструктивный и симулятивный.

Ключевые слова: патогенный текст, деструктивность, симулятивность, совместная деятельность, дискурс

S.V. Myskin, E.F. Tarasov
(Moscow, Russia)

TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF PATHOGENIC TEXT

The article reveals the author's approach to the analysis of the problem of pathogenic text. Psycholinguistics, psychology of consciousness and pathopsychology are taken as methodological bases for structuring knowledge about pathogenic text. A pathogenic text is understood as a speech message that does not contain an intention for cooperation, joint activity. The authors introduce two types of pathogenic text: destructive and simulative.

Key words: pathogenic text, destructiveness, simulation, joint activity, discourse

Речевое общение в любой общности имеет такое же значение, что и совместная деятельность. В современном мировом сообществе, раздираемом идеологическими противоречиями, радикально возросла роль речевого общения, которое принимает форму информационно-психологической войны. В связи с этим многие задачи изучения речевого общения оказались в высшей степени проблематизированными. Одной из таких стала проблема *патогенного текста*, эвристическая значимость решения которой экстремально возросла в последние полтора года.

В дальнейшем анализе патогенного текста можно исходить из следующих положений. Речевое общение является итогом усилий людей организовать совместную деятельность как активность для решения проблем, не поддающихся усилиям единичного деятеля. Одним из первых видов коллективной деятельности, видимо, была загонная охота. Кроме того, многие природные материалы при их переработке в продукт, пригодный для удовлетворения потребностей человека, требуют совместной деятельности, которая может быть организована только при помощи речевого общения. В последнем ведущую роль занимает язык, хотя употребляются и другие, так

называемые вторичные знаковые системы.

Речь используется, во-первых, в качестве инструмента регулирования поведения сотрудничающих людей, с целью вовлечения их в совместную деятельность, а, во-вторых, как средство ориентирования в самой совместной деятельности: цели, орудиях, способах использования орудий, времени, месте, интенсивности совместных усилий. Не вызывает возражений утверждение, что сущностная характеристика речи в генетической и функциональной перспективе может быть осмыслена как средство организации совместной деятельности, которая и есть способ бытования человека в социуме. Следовательно, можно считать, что организационная функция речи, обеспечивающая выживание человека, является исходной, стандартной.

Патогенный текст – это речевое общение, не мотивирующее объект речевого регулирования не сотрудничество. Среди патогенных текстов можно выделить речевое общение с открытой директивностью. Это диффамация (распространение порочащих слухов) и клевета (изображение и распространение порочащих сведений). А диффамация и клевета есть результат осмысления некоторых фактов, имеющих отношений к объектам речевого воздействия при помощи ценностных представлений конкретного общества. В терминах психологии сознания при помощи диффамации и клеветы создается образ человека с отрицательными характеристиками. Этот образ используется как инструмент регулирования поведения конкретного человека, т. к. последний в своем поведении и деятельности учитывает наличие таких сведений о себе.

Очевидно, что патогенный текст имеет прямое отношение к человеческому знаковому поведению, которое трактуется как агрессия – «индивидуальное или коллективное поведение, действие, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба либо уничтожение другого человека» [2, с. 13]. Эрих Фромм, один из самых компетентных исследователей феномена агрессии утверждает, что агрессия экзистенциально присуща классовому обществу, где система эксплуатации чужого труда основана на силе, страхе и подчинении. Деструктивность и жестокость, по Э. Фромму, – это следствие существования человека в капиталистическом обществе [3]. Э. Фромм в своей знаменитой работе «Онтология человеческой деструктивности» (первом немецком издании, которое появилось в 1973 году) ввел понятие злокачественной агрессии, цель которой является разрушение, и доброкачественной агрессии, цель которой защита от насилия. За злокачественной агрессией он закрепил специальное обозначение – деструктивность. По Э. Фромму, деструктивность – это неотъемлемая характеристика жизни современного человека, являющаяся следствием конформизма и страха перед сложностью бытия. Он отмечает, что исторический опыт демонстрирует разрушительный характер насилия, на котором основано человеческое общение. Без большой натяжки можно

человеческую деструктивность, по Э. Фромму, идентифицировать с патогенными текстами, которые суть злокачественная агрессивность, направленная на разрушение человеческого общества.

П. Штомка, анализируя современное капиталистическое общество, полагает, что в этом обществе деструктивности всегда имели место определенные патологические явления в области общественного сознания [4, с. 315]. Он предлагает шкалу общественного отчуждения, в которой формы внешнего человеческого поведения индексируют по нарастающей патологии общественного сознания: стереотип – предрассудок – сегрегация – дискриминация – преследование – экстерминация (истребление, искоренение), которые он описывает в терминах: односторонние обобщения, уничижительная оценка, изоляция, уклонение от контактов, ограничение шансов, враждебное насилие, физическое уничтожение [там же, с. 318].

Формой существования патологий общественного сознания является, прежде всего, знаковое поведение человека и, вероятно, в первую очередь, патогенные тексты. Интернет, создавший новую атмосферу человеческого общения, которая характеризуется отсутствием жесткого контроля формы и содержания речевых действий коммуникантов, что привело к резкому росту симулятивного поведения и изготовлению «фейков», как средства информационно-психологической войны.

Для понимания симуляции можно воспользоваться афористическим определением Ж. Бодрийяра: «Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреальности» [1, с. 6]. Симуляция – это процесс построения в сознании объекта речевого воздействия некоторого фрагмента образа мира, понимание которого должно вынудить его к действиям (или к готовности совершить действия), желательным для субъекта речевого общения. Практика симуляции и конструирования симулякров («фейков») – это большая часть производства речевых сообщений в интернете. Сюда же нужно отнести производство идеологических текстов, цель которых также построение представлений, замещающих реальные. Следовательно, симулятивные тексты, значительное число которых суть идеологические тексты, могут быть также отнесены к патогенным текстам по критерию отсутствия интенции на организацию совместной деятельности.

Таким образом, к патогенным текстам по критерию отсутствия интенции к организации совместной деятельности могут быть отнесены, во-первых, деструктивные тексты, а, во-вторых, симулятивные тексты. Форма существования первых – деструктивный дискурс, а вторых – симулятивный дискурс.

В заключение можно высказать надежду, что исследование проблемы патогенного текста будет способствовать прогрессу в понимании психолингвистических механизмов речевого общения.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [пер. с фр. А Качалова]. – М.: ПОСТУМ, 2017. – 320 с.
2. Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – 1312 с.
3. Фромм Э. Онтология человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2015. – 736 с.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка, пер. с польск. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2010. – 664 с. + 32 с. цв. вкл.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**МИМЕСИС В СЕТЕВОМ ГИБРИДНОМ МЕДИАТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ «ИКСОВ» КАНДИДАТОВ
В ПРЕЗИДЕНТЫ США 2024 г.)**

Статья посвящена миметическому (подражательному) аспекту функционирования гибридного медиатекста в Интернет-пространстве. На материале 200 текстов предвыборных публикаций в социальной сети «X» (ранее – Twitter) кандидатов в президенты США 2024 г. предпринимается попытка выявить роль мимесиса (подражания) и средства его реализации в сетевом гибридном медиатексте. Мимесис является основой особого «миметического» типа сознания, который возник на одном из этапов антропогенеза и в рудиментарном виде сохраняется по настоящее время, способствуя адаптации человека к новым условиям цифровой среды. В результате исследования было установлено, что в сетевом гибридном медиатексте мимесис является текстообразующим механизмом, обеспечивающим основу для гибридизации элементов различных разновидностей дискурса, жанров, форматов и т.д. В материале исследования были выявлены пять основных видов мимесиса, которые способны усиливать друг друга для повышения эффективности сообщения, например, за счет усиления эмотивности; приведена номенклатура вербальных и невербальных средств их реализации.

Ключевые слова: гибридизация, мимесис, медиатекст, цифровой человек, эмотивность

Е.П. Murashova
(Moscow, Russia)**MIMESIS IN THE ONLINE HYBRID MEDIA TEXT
(AN ANALYSIS OF PRE-ELECTION “X’S” OF 2024 U.S. PRESIDENTIAL
CANDIDATES)**

The article is devoted to the mimetic (imitative) aspect of the functioning of the hybrid media text on the Internet. Having analyzed 200 texts of pre-election posts on the social network “X” (former Twitter) of 2024 U.S. presidential candidates, the author attempts to reveal the role of mimesis (imitation) and means of its realization in the online hybrid media text. Mimesis is the basis for the special “mimetic” type of mind which emerged at a certain stage of anthropogenesis and in its vestigial form exists until now, facilitating human adaptation to the new digital context. As a result of the research, it has been found that in the online hybrid media text mimesis is a text-forming mechanism constituting a ground for hybridization of elements of various discourses, genres, formats, etc. In the material under analysis five main types of mimesis have been determined which can reinforce each other to increase the efficiency of the message, e.g. via intensified emotivity, and also verbal and non-verbal means of realizing mimesis have been set out.

Key words: hybridization, mimesis, media text, Homo digitalis, emotivity

В настоящее время на фоне повсеместной глобализации и цифровизации общественной жизни наметилась тенденция к гибридизации

институционального дискурса, во многом обусловленная стиранием и размыванием границ между социальными практиками. Конвергенция каналов и технологий коммуникации, в том числе новейших цифровых, смешение элементов различных функциональных стилей, жанров и разновидностей дискурса, иноязычные заимствования являются наиболее очевидными проявлениями гибридности современного институционального дискурса, в том числе дискурса СМИ.

Несмотря на значительный интерес к технической стороне гибридации медиадискурса в лингвистике, ее когнитивные основания и функциональные аспекты были исследованы недостаточно. В настоящем исследовании предпринимается попытка выявить роль и средства реализации мимесиса (подражания) в гибридном сетевом медиатексте.

В качестве материала исследования выступают 200 текстов англоязычных предвыборных публикаций в социальной сети «X» (ранее – Twitter, заблокирована в РФ с марта 2022 г.), иначе – «иксов» (ранее – «твитов»), кандидатов в президенты США 2024 г. Выбор материала обусловлен его ярко выраженным гибридным характером, который проявляется прежде всего в смешении элементов разных семиотических систем (естественного языка, статичного и динамичного изображения, звука), разновидностей дискурса (политического, медиа- и интернет-дискурса) и жанров (комментарий, интервью, рекламный видеоролик и мн. др.).

Гибридность текста «икса» определяется несколькими взаимосвязанными факторами: во-первых, гибридной сущностью платформы «X», сочетающей в себе технические, функциональные и лингвистические признаки социальной сети и микроблога; во-вторых, соображениями языковой экономии в условиях ограниченности объема сообщения, обусловленной как правилами пользования платформой (до 280 символов), так и психологическими особенностями восприятия (микроконтент воспринимается легче «лонгридов») [4]; в-третьих, усилением тенденции к подражательству в условиях цифровой трансформации общества.

Понятие «мимесис» (с греч. «подражание», «воспроизведение»), берущее свое начало в античной эстетике, используется в философии искусства и культурологии для обозначения одного из «основных принципов творческой деятельности художника», который заключается в подражании искусства природе [3, с. 1315]. В античные времена мимесис получил две основные трактовки: как техническая категория в учении Демокрита, который считал основой любой человеческой деятельности подражание природе, а затем как эстетическая категория в трудах Платона и Аристотеля, которые транспонировали понятие в область искусства. Считается, что собственно эстетическая концепция мимесиса была разработана Аристотелем. Ее суть сводится к тому, что мимесис необходим в искусстве по двум естественным причинам: во-первых, человеку по его природе в большей степени, чем другим живым существам, свойственно подражание, и, во-вторых, подражание

доставляет человеку удовольствие – с одной стороны, через акт творения по подобию, с другой стороны – через акт узнавания подобного [1, с. 44].

Одним из современных авторов, постулирующих идею о миметичности человеческого сознания и человеческой культуры, является канадский психолог и теоретик культуры М. Дональд. В монографии «Истоки современного сознания», посвященной когнитивной эволюции человека, он пишет от том, что переход от примата к *Homo sapiens* маркируется образованием миметической прослойки гоминидной культуры, получившей свое название на основе доминантного способа репрезентации действительности [6, р. 162]. Миметическая культура возникла в результате формирования у *Homo erectus* навыков мимесиса и в рудиментарном виде обнаруживается в современной культуре и современном сознании, которое, в свою очередь, является гибридным ввиду сочетания в нем черт сознания предыдущих этапов антропогенеза [6, pp. 6, 16]. Таким образом, современное сознание в концепции М. Дональда – это гибрид рудиментов когнитивной эволюции человечества.

Современный этап когнитивной эволюции характеризуется становлением цифрового общества и появлением новой формации человека – «человека цифрового» (англ. – “*Homo digitalis*”), который может быть либо «цифровым аборигеном» (англ. – «*digital native*»), либо «цифровым иммигрантом» (англ. – «*digital immigrant*») в зависимости от степени его адаптированности к цифровой среде [7]. В поиске своей идентичности цифровой человек прибегает к мимесису, что является одним из путей реализации «самозванства» и «сотворения себя» [5]. В рамках философии постмодернизма мимесис объясняется с применением понятия «симулякр» и рассматривается как порождение нового, постмодернистского типа мышления, характеризуемого как многомерное, плюралистичное, ризоматическое и номадическое [2]. Изучение соотношения терминов «мимесис» и «симулякр» не входит в круг задач настоящей работы, намечая перспективный вектор будущего исследования.

Анализ материала исследования показал, что в 30% текстов предвыборных «иксов» кандидатов в президенты США 2024 г. представлены различные виды мимесиса, который, как правило, реализуется путем гибридизации единиц в пределах разных уровней языка.

В проанализированном материале нами были обнаружены следующие основные виды мимесиса:

1. **Дискурсивный мимесис.** Для предвыборной кампании 2024 г. характерно смешение вербальных признаков институционального и персонального разновидностей дискурса, главным образом общественно-политической терминологии и разговорной лексики, сложного и простого синтаксиса. Дискурсивный мимесис позволяет кандидату интимизировать коммуникацию с избирателем и таким образом завоевать его доверие. Еще одним средством дискурсивного мимесиса в анализируемом материале является цитирование популярных СМИ, главным образом авторитетных национальных газет, журналов и новостных сайтов, что направлено на придание сообщению аргументативного веса. Например, в «иксе» действующего президента США

Джо Байдена (@JoeBiden) от 06.09.2023 содержит сочетание признаков персонального (бытового) дискурса, реализуемого посредством простого синтаксиса (*We are. = We are building.*) и разговорной лексики (*guy, damn*), политического дискурса, представленного терминами *Infrastructure Promise* и *“Infrastructure Decade”*, и медиадискурса, репрезентируемого цитатой противопоставленных по смыслу заголовков из журнала NY Magazine и сайта новостного канала NBC News. Заголовки оформлены в виде двух вставок, каждый из которых наложен на соответствующую часть фотографии-«диптиха», изображающей Д. Трампа слева и Джо Байдена справа, что в совокупности создает эффект визуального контраста. Следует отметить, что Джо Байден обезличивает конкурента, самостоятельно не называя его имя (*The last guy*).

The last guy didn't build a damn thing. We are.

Trump Admits Infrastructures Promise Isn't Happening. NY Magazine

Biden Details 'Infrastructure Decade' That Will Create 'Millions' of American Jobs. NBC News (<https://x.com/joebiden/status/1699511561868451870?s=46&t=Yye4ExStPitfEcqFjSNRHQ>)

2. Жанровый мимесис. Имитация жанра является частотным приемом привлечения внимания и апелляции к эмоциям в анализируемом материале. Наиболее яркий пример жанрового мимесиса в публикациях, приуроченных к предвыборной гонке 2024 г., содержится в «иксе» Д. Трампа (@RealDonaldTrump) от 25.08.2023, стилизованном под объявление о розыске преступника «Wanted» (рус. – «Разыскивается»). В центре объявления размещен вирусный «магшот» (фотография преступника) Д. Трампа, сопровождаемый несколькими надписями – указанием на жанр фотографии (*MUGSHOT*), названием преступления, в котором обвиняется кандидат (*ELECTION INTERFERENCE*), призывом не сдаваться (*NEVER SURRENDER!*) и личным сайтом, продублированным в поле написания «икса» (<https://x.com/realdonaldtrump/status/1694886846050771321?s=46&t=Yye4ExStPitfEcqFjSNRHQ>).

Надписи набраны заглавными буквами и представляют собой предложения с неполным синтаксисом, что в основном типично для плакатного стиля. Эмотивность сообщения реализуется за счет его стилизации под объявление о розыске преступника и минималистичности оформления (черные надписи на белом фоне, отсутствие декоративных элементов). Вероятно, жанровый мимесис в рассмотренном примере призван вызвать у пользователя когнитивный диссонанс на основании того, что в объявлении о розыске преступника фигурирует фотография экс-президента.

3. Форматный мимесис. Форматный мимесис, в отличие от дискурсивного и жанрового видов мимесиса, подразумевает имитацию формата или инструмента, принадлежащих одной и той же платформе коммуникации. Например, «икс» А. Хатчинсона (@AsaHutchinson) от 21.08.2023 предметным содержанием и языковым оформлением напоминает не публичное, а личное сообщение: кандидат пишет о том, что выполнил свое обещание покататься на аттракционе «Slingshot» на ярмарке Айовы, которое дал в случае, если будет допущен до участия в дебатах, и прикрепляет подтверждающие кадры

любительской съемки. Использование местоимения *you* и хэштега с указанием конкретной ярмарки (*#IowaStateFair*) способствует диалогизации сообщения, сокращая дистанцию между кандидатом и избирателем. Простой синтаксис придает сообщению дополнительную неформальность.

I made you a promise.

I said that if you all helped me reach the debate stage, I would ride the Slingshot at the #IowaStateFair.

A deal is a deal and I keep my promises.

(<https://x.com/asahutchinson/status/1693441179814109414?s=46&t=Yye4ExStPitfEcqFjSNRHQ>)

4. Идиостилистический мимесис. Идиостилистический мимесис, или подражание авторскому стилю, как правило, содержится в «иксах»-ответах конкуренту. «Икс»-ответ обычно представляет собой мини-диалог: репост публикации конкурента и адресованное ему сообщение в поле набора. В ряде «иксов» была обнаружена аналогичность визуального оформления сообщений и синтаксический параллелизм. Так, «икс» К. Кристи (@GovChristie) от 16.08.2023 состоит из репоста публикации в социальной сети Truth Social, в которой Д. Трамп критикует его за вовлеченность в скандал Bridgewater, обвиняет во лжи и оскорбляет посредством аффективной лексики: «унылый, жалкий недотепа» (*a sad, pathetic slob*) и «отмороженный лузер» (*Stone cold loser!*). Вместо того, чтобы аргументированно опровергнуть каждый пункт обвинения, К. Кристи выбирает стратегию имитации авторского стиля обвинителя, используя оскорбление «трус» (*coward*): *Whatever... see you at the debate in Milwaukee or not, coward* (<https://x.com/govchristie/status/1691559439260602803?s=46&t=Yye4ExStPitfEcqFjSNRHQ>).

5. Ретро-мимесис. Под ретро-мимесисом в настоящей работе понимается подражание явлениям и событиям прошлого. Чаще всего апелляция к прошлому реализуется с помощью исторических дат, имен собственных, а именно имен исторических личностей и названий исторических событий, а также цитат. Так, «икс» Р. Кеннеди младшего (@RobertKennedyJr) от 26.08.2023 представляет собой цитату Р. Кеннеди старшего, сопровождаемую фотографией ее автора и логотипом предвыборной кампании «KENNEDY 24»: *HAND IN HAND WITH FREEDOM OF SPEECH GOES THE POWER TO BE HEARD, TO SHARE IN THE DECISIONS OF GOVERNMENT WHICH SHAPE MEN'S LIVES. -ROBERT F. KENNEDY* (<https://x.com/robertkennedyjr/status/1695261783110586762?s=46&t=Yye4ExStPitfEcqFjSNRHQ>). Эффект мимесиса достигается прежде всего за счет использования наряду с цитатой логотипа текущей предвыборной кампании, что имитирует вовлеченность в нее исторической личности.

Разные виды мимесиса, представленные в политическом медиатексте, взаимосвязаны, могут дополнять и усиливать друг друга для усиления эффекта воздействия на избирателя – в основном эмотивного и/или аргументативного.

В результате исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, в сетевом гибридном медиадискурсе мимесис играет роль

текстообразующего механизма, обеспечивающего основу для гибридизации элементов различных разновидностей дискурса, жанров, форматов и т.д. Мимесис биологически ингерентен человеческому сознанию и является одним из средств адаптационного процесса поиска идентичности в условиях цифровой среды. Во-вторых, в сетевом гибридном медиатексте были обнаружены пять взаимосвязанных видов мимесиса, реализуемых посредством гибридизации единиц в пределах разных уровней языка, – дискурсивный, жанровый, форматный, идиостилистический и ретро-мимесис. В-третьих, для каждого вида мимесиса можно выявить ряд характерных для него средств вербальной и невербальной реализации.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. – Ленинград: Academia, 1927. – 120 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
3. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 1 / Гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. – 1392 с.
4. Мурашова Е.П. Гибридизация как проявление языковой экономии в политическом медиадискурсе // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: Материалы XII международной научной конференции (Гомель, 21 октября 2022 г.). – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 224–229.
5. Романов А.А., Романова Л.А. Дигитальная коммуникация в цифровой парадигме: горизонты ожиданий [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, №1. – С. 36–63. URL: http://tverlingua.ru/archive/063/4_63.pdf (дата обращения: 09.09.2023).
6. Donald M. *Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition*. – Cambridge, MA & London: Harvard University Press, 1991. – 413 p.
7. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants, Part 1* // *On the Horizon*. – 2001. – Vol. 9, Issue 5. – P. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
8. X: социальная сеть. URL: <https://x.com> (дата обращения: 09.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ЭКОЛОГИЧНОСТЬ СТАТЕЙ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ
НА ТЕМУ ЭКОЛОГИИ И ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Вопрос экологичности является актуальным в различных областях знаний. Лингвистическая экология исследует экологичность языковых средств, способствующих экологичности или неэкологичности коммуникации. Данная статья освещает результаты исследования эмотивов, выступающих средствами создания вектора экологичности/неэкологичности экологических статей британской прессы. В результате выяснено, что большая часть статей негативно влияют на аудиторию, вызывая отрицательные эмоции. Сделан вывод о том, что необходимо изменять подачу информации в прессе для того, чтобы сохранить психическое здоровье человека и делать общение экологичным.

Ключевые слова: экологический дискурс, экологичность коммуникации, эмотив, эмоция, лингвистическая экология

M. I. Nagornov
(Moscow, Russia)

**ECOLOGICALITY OF BRITISH PRESS ARTICLES
ON ENVIRONMENTAL ISSUES**

The issue of ecology is relevant in various fields of knowledge. Linguistic ecology studies the ecologicality of language means that contribute to the creation of ecological or non-ecological communication. This article highlights the results of studying emotives, acting as a means of creating a vector of ecologicality / non-ecologicality in environmental articles of the British press. As a result, it was found that most of the articles have a negative impact on the audience, causing negative emotions. It is concluded that it is necessary to change the presentation of information in the press to preserve the mental health of a man and make communication ecological.

Key words: ecological discourse, ecologicality of communication, emotive, emotion, linguistic ecology

Введение

В настоящее время не только собственно экологи выступают с призывом обратить внимание на ухудшение состояния окружающей среды и разрушительные последствия изменения климата. Развиваются экопедагогика, популярность приобретает экопсихология и экофилософия. **Актуальность** данного вопроса доказывает и происходящая экологизация гуманитарной науки, целью которой становится «экоцентрический поворот в сознании современного человека» [3]. Ученые говорят о триаде взаимодействующих феноменов: экологии языка, экологии человека и экологии эмоций. Понятия экологической культуры, экологической воспитанности и обученности, экологизации жизни человека, экологического сознания / мышления /

© Нагорнов М.И., 2023

интеллекта, параметров экологичности эмоциональной коммуникации становятся значимыми в лингвистических исследованиях, что продиктовано «потребностью общества в восстановлении экологического равновесия в сфере речевой коммуникации, нарушения в которой ощущаются носителями языка и фиксируются учёными» [там же]. Так, на стыке эмотивной лингвистики, валеологии и экологии была создана отдельная дисциплина – лингвистическая экология (лингвоэкология, языковая экология, экология языка, экологическая лингвистика), которая изучает влияние разнообразных факторов на функционирование языка, разрабатывает способы защиты языка от разного рода негативных воздействий. Экологическая лингвистика представлена в работах как зарубежных, так и отечественных учёных (Э. Хаугена, А. Филла, В. Тампе, А. Тэнсли, М. Хэллидейя, П. Финке, Л.Г. Казарян, Ю.Н. Караулова, В.Ф. Нечипоренко, В.В. Иваницкого, В.С. Миловатского, А.П. Сквородникова, В.К. Журавлёва, Л.И. Скворцова, В.И. Шаховского, Н.Г. Солодовниковой, Л.Б. Черезовой и др.)

Средства массовой информации, в частности периодические издания, имеющие онлайн версии, выдвигают на передний план вопрос об охране окружающей среды. Для информирования общественности все чаще используются публикации статей экологической тематики, каждое издание имеет специальную колонку, посвященную проблемам экологии и изменению климата. Посредством информации в этих разделах происходит экологизация жизни человека, экологическое обучение и воспитание наряду с информированием и воздействием.

Однако, не всегда эффект такой экологизации положителен. Согласно выводам В.И. Шаховского «выявлена роль СМИ в изобретении неэкологичных креативов, провоцирующих негативное воздействие на психоэмоциональную сферу коммуникантов и на сам язык» [4, с. 3].

Цель исследования – выяснить, какие языковые средства способствуют созданию экологичности или неэкологичности текстов прессы, связанных с экологической тематикой и какова степень лингвистической экологичности таких статей.

Объект исследования – языковые средства создания вектора экологичности/неэкологичности текстов прессы.

Предмет исследования – особенности использования эмотивов как средства создания вектора лингвистической экологичности/неэкологичности статей британской прессы на тему защиты окружающей среды.

В рамках проведенного исследования было проанализировано 40 статей на экологические темы, опубликованных за 2023 год. В работе использованы следующие **методы**: описательный метод, сопоставительный метод, метод количественных подсчетов, метод стилистического анализа.

Основная часть

Экологическая тематика занимает одну из первых позиций в текстах британской прессы. Издания освещают различные экологические проблемы: глобальную проблему вырубки лесов, загрязнение атмосферы и почвы

опасными веществами, загрязнение Мирового океана, сокращения биологического многообразия на планете; широкое освещение находят природные бедствия, катаклизмы.

Для анализа британских экологических статей были выбраны следующие онлайн версии качественной британской прессы: *The Independent* [6], *The Guardian* [7], *The Economist* [8]. В них есть специальные рубрики, освещающие экологические проблемы и стихийные бедствия: например, “Environment” и “Climate crisis” в газете *The Guardian*, “Climate and Environment News” в британском интернет-издании *The Independent*, “Climate change” в *The Economist*. Данный факт демонстрирует степень сознательности британской общественности в отношении экологии. Проблемы экологии и климата волнуют людей. Британцам важно знать и понимать, что происходит в мире, они пытаются разобраться с текущими экологическими проблемами, насколько это возможно.

Следующая деталь, характеризующая британский экологический дискурс как экологичный, связана с употреблением слова *green* в устойчивых словосочетаниях и коллокациях, значение которых в толковом словаре имеет положительные семы. Приведем несколько примеров, значения для *green* в данных словосочетаниях взяты по словарю Collins COBUILD Advanced Learner’s Dictionary [9]:

- green group, green Tories, green party (“The Green Party is a political party that is particularly concerned about protecting the environment.” [9]);
- green energy (“green energy is power that comes from sources that do not harm the environment and are always available, such as wind and sunlight.” [9]);
- green economy, green technology, green politics, green space, green agenda, green deal, green commitments risks (*green* в следующих значениях – “Green issues and political movements relate to or are concerned with the protection of the environment”, “If you say that someone or something is green, you mean they harm the environment as little as possible” [9]).

В настоящее время лексемы “eco-friendly”, “green”, “go green”, “ozone-friendly”, “non-polluting” основательно закрепились в массовом сознании. Они представлены на страницах выбранных британских изданий и свидетельствуют о культурной и образовательной функции исследуемых статей, следовательно, о привлечении к информации большей численности в целях предотвращения экологических катастроф. Данные выражения являются эмоциогенными, так как вызывают ряд эмоций, в основном положительного характера – кластера enjoyment/удовольствие (peace, pride). П. Экман пишет, что эмоции данного кластера связаны с действиями и вызываются поступками, демонстрирующими человеческую доброту, сострадание, чувство связи с другими людьми, местами, животными, природой, делом, духом. [5]

А.В. Зайцева, говоря об экологической коммуникации, утверждает, что «в большей степени она направлена на формирование экологического сознания реципиентов и закрепление норм взаимодействия человека с окружающей средой» [1, с. 7], нежели на простое информирование. Текст статьи,

освещающий экологическую проблему, «может послужить основой для предстоящего события экологического характера» или способом его предотвращения [2, с. 211]. Так в статье об экстремальной жаре из *The Economist* читатели получают совет, касающийся поведения и мер, которые нужно предпринять в тяжелых условиях: “There are things to do as soon as the mercury rises. Get homeless people to cooling stations; encourage people to look in on elderly neighbours and relatives (the old, especially women over 80, dominate the excess deaths associated with heatwaves); make it possible for those who must work outside to do so very early in the morning; put hospitals on an emergency footing. The appointment of chief heat officers empowered to co-ordinate such things in American cities, and farther afield, is a welcome trend.” [11] В тексте описаны те действия, которые демонстрируют сострадание, заботу, доброту, взаимопомощь, понимание, готовность помочь ближнему. Текст в целом имеет положительную эмоциональную тональность.

В следующей статье представлена эмоция гордости за действия по установке солнечных батарей наряду с информацией о том, что происходит и какова причина возрастающего количества солнечных батарей: “British households are making more green energy upgrades than ever before after installing a record number of solar panels and heat pumps in the first half of the year, according to the industry’s official standards body.” [12] Выражения “green energy upgrades”, “solar panels and heat pumps” вызывают положительные эмоции, сам текст выполняет и экологическую функцию – распространить и продвигать экологические знания и решения, что является первостепенной задачей экологического дискурса.

Представленные выше примеры демонстрируют эмотивную экологичность текстов. По словам Н.Г. Солодовниковой «это означает, что: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели; 2) эта реализация произошла через использование этичных эмотивов; 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него» [3]. Однако можно заметить, что эти условия чаще не выполняются в исследуемых текстах. Большинство статей проанализированных британских изданий не отвечают этим требованиям и, следовательно, неэкологичны. В них отсутствует изначальный положительный импульс, этичная и эстетичная языковая реализация. В большей степени вызываемые эмоции — это тревога и страх, гнев и злость, грусть, неприятное удивление и негодование.

Для иллюстрации обратимся к примерам из *The Guardian*, раздел “Climate crisis” от 16.08.2023 [13]. Из заголовков 17 публикаций, которые представлены на общей странице 13 содержат негативный посыл для аудитории. Неэкологичность данной страницы газеты, как и каждой отдельной статьи, формируется как за счет перечисления ряда негативных явлений, событий в мире, так и за счет большой плотности отрицательно оценочной лексики, называющей, выражающей или описывающей эмоции авторов:

Climate crisis is accelerating, scientists warn, after unusually warm July breaks Australian records; Maui residents and officials implore tourists to stay away; Alarm at exodus of climate voices on Twitter after Musk takeover; Biden's climate bill leaves workers behind in shift to electric cars, union says; Shortage of experts and low pay 'major barriers to UK's net zero future'; Long delays at Panama Canal after drought hits global shipping route; Healthy diet in UK at risk from Mediterranean droughts, experts say; So, what's on the program at Labor's national conference?; Aerial view of the devastated town of Lahaina; The Guardian view on Hawaii's lethal wildfire: lessons to learn from a catastrophe; Even in Greek towns razed by wildfires, people don't blame the climate crisis. That must change; As temperatures soar and wildfires burn abroad, summer dread is returning to my body; Sunak's anti-green drive tells us this: we're heading for the stupidest general election yet.

Эти заголовки являются одновременно и эмоциогенными, поскольку каждая из обозначенных проблем значима как в когнитивном, там и в эмоциональном плане. Вектор неэкологичности направлен одновременно и на читателей, и на власти, политику государств и т. д. Смысловые валентности представленных заголовков создают «бесконечное ассоциативное поле негативной информации, обладающее мощной эмоциональной энергетикой неэкологичности, воздействующей на психику читателя» [4, с. 158–159].

Обратимся к статье [10] и проанализируем ее на плотность эмотивов. Так, слово high (highest July temperatures, high temperature(s), high pressure, record-high, temperature...higher than average) является контекстуальным эмотивом, оно употреблено 8 раз и имеет в контексте значение «напряжение, угроза, опасность, риск, нестабильность». Слова hot/heat встречаются 3 раза (winters get hotter, have been getting hotter because of global heating, heatwaves) и warm встречается 16 раз (Australia's warmer winter is not being directly caused by the heatwaves, unusually warm July, capital cities except Canberra were warmer than average, it was the ninth warmest July for average temperatures, June, July and August have been increasingly warm, "We've warmed Australia by almost one-and-a-half degrees Celsius...", "We're warming the planet at record speed and we're warming Australia really quickly as well." и другие).

Нейтральное, часто положительное в плане возникающих эмоций прилагательное warm также может рассматриваться как контекстуальный эмотив, т.к. приобретает в тексте негативные значения надвигающейся опасности, угрозы, которые порождают эмоции кластера страха и гнева. В совокупности с грамматическими и стилистическими средствами вышеупомянутые слова становятся контекстуально эмотивными. Например, использование сравнительной и превосходной степени прилагательных подчеркивает увеличение негативных природных явлений или высшую степень опасности и угрозы (примеры выше); использование перфектной и длительной формы глаголов выделяет результат или последствия действий, причина не устранена, она ведет к развитию и усугублению бедствия, нестабильности (Hobart's Ellerslie Road weather station has experienced temperatures consistently

higher than average for much of the year, Australian winters – and temperatures across the globe – have been getting hotter because of global heating, We've warmed Australia и другие); параллельных конструкций и анафоры (We're warming the planet at record speed and we're warming Australia really quickly as well), многочисленных простых повторов, повторов усилительных наречий (clocked their highest temperatures ever, unusually warm, really high pressure, the extent of the warmer conditions historically, consistently higher than average, increasingly warm, we're warming Australia really quickly), наречий количества (many weather stations, all capital cities, most of the past month, the more warming we'll see), пространства (across the country, across Australia, across the globe, most of Australia, across greater Sydney).

В.И. Шаховский считает, что «целый кластер отрицательно заряженных эмоций провоцируется самими реалиями жизни. Но не только ими. Важной является сознательная вербальная упаковка этих событий, а также дозированная подача таких упакованных в слова событий» [4, с. 160], которые находят отражение в публикациях. Слова, в которые авторы статей вербально «упаковывают» негативные явления и события, становятся вредоносными в эмоциональном плане. Авторы не используют экологическую функцию языка. Созданный негативный психо-семантический текст негативно влияет на психику человека.

Современные СМИ содержат много негативной информации. Развитие данной тенденции наиболее очевидно на примере интернета, интернет-версий печатной прессы, в частности. Происходит навязывание и провоцирование негатива, из-за чего сложно отыскать нужную информацию. Привлечение внимания и усиление эмоциональной вовлеченности аудитории происходит за счет эмоций страха, тревоги, гнева, за счет создания напряженной, негативной психологической атмосферы. Такие стратегии прессы помогают управлять поведением аудитории. Люди отвлекаются от своих злободневных проблем, будучи захваченными событиями, происходящими в жизни других. Тем самым, их бдительность к местным проблемам ослабевает. Их недовольство и вовлеченность в дела местного значения перекрываются по эмоциональности с событиями в других уголках планеты. Страх, ужас, шок, гнев, негодование отвлекает людей от другой информации, эти эмоции начинают руководить и манипулировать людьми.

Как видно из представленных примеров, баланс между экологичной и неэкологичной коммуникацией сдвинут в сторону негатива. Из проанализированных 40 статей более 30 – примеры неэкологичной коммуникации. Негативный язык влияет на здоровье читателей, ведет к нарушению психики. Необходимо восстановить баланс положительной и отрицательной лексики в передаваемой информации, стремиться к использованию таких языковых средств, которые способствовали бы созданию атмосферы доброжелательности.

Выводы

Инструмент прессы – язык. Он может и должен способствовать налаживанию взаимодействия между автором статьи и массовой аудиторией. Для этого в языке существуют ряд грамматических, лексических, стилистических средств. Часто средства языка становятся манипулятивными приемами, которые ведут к созданию неэкологичных текстов.

Экологические проблемы и ситуации являются злободневными, требующими решения. Их представление читательской аудитории должно вести к возникновению интереса, появлению мотивированности изменить свое отношение к окружающей действительности, поменять свои привычки и сделать все возможное, чтобы человечество имело будущее.

Анализ статей экологической тематики в современной британской прессе показал, что большая часть информации, представленная в них, подается неэкологичным языком, используемые средства и эмотивы вызывают негативные эмоции у читателей: беспокойство, страх, ужас, гнев, раздражение и другие. Неэкологичная эмоция порождает неэкологичную ситуацию. Соответственно, положительный результат от такого рода коммуникации не может быть достигнут.

В настоящее время лингвисты [1; 2; 3; 4] предостерегают от того, что позитивная лексика постепенно выйдет из употребления. В этой связи авторам статей, которые написаны для широкой аудитории на злободневные темы, каковой является тема защиты окружающей среды и изменения климата, необходимо пересмотреть свою языковую стратегию. В целях повышения экологичности общения необходимо соблюдать баланс негативной и позитивной информации через использование соответствующих языковых средств.

Литература

1. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2014. – 253 с.
2. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2007. – 219 с.
3. Солодовникова Н.Г. Роль эмоций в экологическом конструктивизме // Языковое бытие человека и этноса. 2017, № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-emotsiy-v-ekologicheskom-konstruktivizme> (дата обращения: 16.08.2023).
4. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
5. Enjoyment. Paul Ekman Group. URL: <https://www.paulekman.com/universal-emotions/what-is-enjoyment/> (дата обращения 16.08.2023).
6. The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения 16.08.2023).
7. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения 16.08.2023).

8. The Economist (<https://www.economist.com/>) (дата обращения 16.08.2023).

9. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/green#green__1 (дата обращения 16.08.2023).

10. Climate crisis is accelerating, scientists warn, after unusually warm July breaks Australian records. URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2023/aug/16/climate-crisis-global-warming-july-weather-australia> (дата обращения 16.08.2023).

11. How cities can respond to extreme heat. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/07/20/how-cities-can-respond-to-extreme-heat> (дата обращения 16.08.2023).

12. UK homes install 'record number' of solar panels and heat pumps. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/aug/14/uk-homes-install-record-number-of-solar-panels-and-heat-pumps> (дата обращения 16.08.2023).

13. Climate crisis. URL: <https://www.theguardian.com/environment/climate-crisis> (дата обращения 16.08.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ЭКОЛОГИИ В СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

Усиление влияния СМИ на общество привело к тому, что сегодня масс-медиа являются ключевым инструментом оказания влияния на общественное сознание. При этом манипулятивное воздействие СМИ настолько велико, что обнаруживается, в том числе, в отношении тем, требующих трезвой и объективной оценки, какой, например, является глобальное потепление. Анализ практического материала демонстрирует, что статьи, посвященные вопросам изменения климата, становятся сегодня площадкой для политического противоборства. Результатом является выдвигание на передний план краткосрочных политических интересов в обход требующих безотлагательного решения экологических вопросов. Ключевые инструменты продвижения ангажированных политических идей в подобных статьях - искажение фактической информации, мультимодальные способы продвижения фейковой информации, негативизация образа, создание мифов.

Ключевые слова: политическая манипуляция, медиа войны, СМИ, фейк

E.A. Nikonova
(Moscow, Russia)

ECOLOGICAL ISSUES AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL MANIPULATION IN MASS MEDIA

There is obvious trend of mass media manipulation intensification. As a result mass media today is the main instrument of influencing public opinion. The power and scale of mass media influence is so that it affects even those topics that represent unprecedented importance for the whole world and must be objectively and unemotionally covered. Such topic is global warming, which has become a platform for political confrontation. This leads to the global warming getting the second role in the texts dedicated to the topic. The instruments of influence used in such texts are factual information misrepresentation, multimodal instruments of fakes' promotion, creation of negative images, myths.

Key words: political manipulation, media wars, mass media, fakes

Сегодня наблюдается усиление роли СМИ во всем мире, что привело к тому, что воздействие информацией стало одним из ключевых инструментов достижения политических целей как на локальном, так и на международном уровнях. В результате медиа война является перманентно закрепившимся на международной информационной арене процессом, обеспечивающим доминирование определенной точки зрения. Также привычным становятся такие инструменты ведения медиа войн как вброс, утечка, дезинформация, ложь, манипуляция, фейк-ньюс. Не будет преувеличением заявление о том, что

воздействие через каналы СМИ касается сегодня всех областей жизни общества. Тем не менее, есть основания полагать, что когда общество сталкивается с беспрецедентными угрозами, которые могут привести к катастрофическим последствиям, СМИ делают выбор в пользу «золотого стандарта» журналистики, подразумевающего объективность, аргументативность, взвешенность [1]. Так, например, в острую фазу пандемии COVID-19 СМИ делали попытку убедить общества в пользе вакцинации, избегая при этом эмоциональных оценок и манипуляции, что было связано с тем, что на данном этапе «создание и распространение вакцины было важнее экономических, политических и любых других мотивов» [Там же]. Представляется, что вопросы, связанные с экологией, а в частности с глобальным потеплением, также являются темами, представляющими для международного сообщества наиболее актуальные угрозы и требующие безотлагательного решения. Однако исследование показало, что статьи в СМИ, посвященные вопросам климата и экологии, становятся универсальной платформой для продвижения политических интересов различных акторов. Так, например, в последнее время в фокусе внимания СМИ находится вопрос таяния льдов в Арктике. «Новая» Арктика сегодня привлекает к себе пристальное внимание международного сообщества, поскольку здесь процесс глобального потепления идет гораздо более быстрыми темпами, чем в других уголках мира, в результате чего природные ресурсы становятся все более доступными, а регион перспективнее. Это привело к тому, что Арктика превращается в арену для геополитического противостояния [3]. Так, западные СМИ используют различные инструменты воздействия – искажение фактической информации, мультимодальные способы продвижения фейковой информации, негативизация образа, создание мифов – для «очернения» действий России в регионе. Например:

He was also getting a glimpse of something else: possible warning signs for Russia's plans to *aggressively* expand its *industrial and military* footholds across the country's resource-rich Arctic – one of the world's fastest-warming region [2].

В данном примере автор говорит о возможных признаках того, что Россия хочет расширить свое влияние на Арктику. При этом информация подается как фактическая, однако автор не может ее подтвердить или опровергнуть, в связи с чем прибегает к слову “possible”, что позволяет ему снять с себя ответственность за потенциально неверную информацию. Кроме того, автор подчеркивает характер продвижения России в арктическом регионе как агрессивный (“aggressively expand”) и упоминает желание страны усилить там военное присутствие (“military footholds”). В результате создается образ России как страны-захватчика.

Итак, исследование показало, что в статьях экологической тематики наблюдается выдвигание на передний план вопросов, касающихся краткосрочных политических интересов, в обход требующих безотлагательного решения экологических проблем.

Литература

1. Никонова Е.А. Специфика реализации оценки в англоязычных медиатекстах (на примере рубрик “analysis”, “opinion”, “editorial”) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 3. – С. 48-61. – DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-48-61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49214777> (дата обращения: 30.07.2022).

2. Khurshudyan I., Freedman A. an oil spill in Russia’s Arctic exposes problems in Moscow’s big plans for the Far North // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2020/07/28/an-oil-spill-russias-arctic-exposes-problems-moscows-big-plans-far-north/> (дата обращения: 30.07.2022)

3. Young Oran R. Constructing the “new” Arctic: the future of the circumpolar north in a changing global order // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – Vol. 12. – № 5. – Pp. 6–24. URL: <file:///C:/Users/Катя/Downloads/constructing-the-new-arctic-the-future-of-the-circumpolar-north-in-a-changing-global-order.pdf> (дата обращения: 30.07.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ВЕРБАЛЬНЫЙ ИНДЕКС МЕНАСИВНОСТИ
РОССИЙСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА**

В исследовании описаны особенности реализации предвыборных практик-угроз в российском политическом дискурсе. Практики-угрозы рассматриваются как вербальные регулятивные действия, оказывающие определенное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата. В работе впервые апробирован авторский термин «вербальный индекс менасивности» программных материалов как инструмент политического влияния их авторов. Полученные результаты закладывают методологическую базу политической менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики.

Ключевые слова: предвыборная коммуникация, политический дискурс, менасив, политическая менасология, угроза

O.V. Novoselova
(Tver, Russia)**VERBAL INDEX OF MENACIVITY
OF RUSSIAN PRE-ELECTION DISCOURSE**

The article deals with the pre-election threat-practices in Russian political discourse. Threat-practices are considered as verbal regulatory actions that have a certain pragmatic and emotional effect on the mass addressee. This is the first article to propose the author's term "verbal index of menacivity" of program materials as an instrument for the political influence of their authors. The results of this study develop the methodological basis of political menasology as a special branch of linguistic pragmatics.

Key words: pre-election communication, political discourse, menasive, political menasology, threat

Отечественные и зарубежные лингвисты регулярно обращаются к изучению актов менасивной дискурсии как «инструмента социального влияния» [9] в предвыборной коммуникации и публичных выступлениях политических деятелей [1; 2; 10]. В настоящее время ученые проанализировали манифестационные, семантические и функциональные характеристики менасивов (также высказываний-угроз, практик-угроз) в речах политиков [см. обзор работ в: 8]. Однако, несмотря на значительное число работ, посвященных описанию высказываний-угроз, а также доминирующий фон лингвистического поворота к «использованию естественно-языковых практик в виде совокупности действий, а не значений» [6; 7], вне поля зрения исследователей остались количественные показатели «удельного объема» практик-менасивов для того, чтобы побудить массового адресата проголосовать за политика, но не запугать его при этом возможными негативными последствиями.

В контексте сказанного важно отметить, что подсчет общего числа менасивных высказываний в программных материалах кандидатов на пост Президента РФ не позволил сделать вывод о «необходимом» количестве практик-угроз в программе политика как эффективного средства политической борьбы за голоса избирателей [3; 4]. При этом следует констатировать, что в обозначенных исследованиях принималось во внимание только общее количество менасивов в предвыборной программе политика и не учитывался объем такой программы, измеряемый в количестве слов. Следовательно, назрела необходимость обратить внимание на соотношение количества слов в предвыборных программах политиков-кандидатов и количества слов, использованных ими для маркировки высказываний-угроз. В частности, перспективно выяснить количественные показатели «удельного объема» менасивных высказываний в российском предвыборном дискурсе 2018 года и в программных материалах каждого из кандидатов на пост Президента Российской Федерации.

Проведенный анализ показывает, что предвыборные программы кандидатов на пост Президента Российской Федерации 2018 года характеризуются различным объемом, измеряемым в количестве слов. Применение компьютерной программы Word, в частности, вкладки «Статистика» позволяет автоматически определить, что общий объем программных материалов участников российской предвыборной дискуссии составляет 40449 слов. При этом 5300 слов из общего дискурсивного массива используется для маркировки 229 менасивных высказываний. На основе имеющихся сведений представляется возможным определить количественный показатель «удельного объема» высказываний-угроз в российском предвыборном дискурсе или вербальный **индекс менасивности**, представляющий собой соотношение количества слов программных материалов политиков и количества слов, с помощью которых они маркируют высказывания-угрозы. Для вычисления *индекса менасивности* предвыборного дискурса уместно предложить следующую формулу:

$$\text{Индекс менасивности} = \frac{\text{количество слов в программных материалах предвыборного дискурса}}{\text{количество слов, с помощью которых маркируются менасивные высказывания}} \times \text{всех участников предвыборной гонки}$$

Представленная формула отражает связь (соотношение) между количеством слов в дискурсивном пространстве предвыборной коммуникации и количеством слов, использованных для маркировки менасивного намерения всеми участниками такой коммуникации. Как следует из формулы, индекс менасивности находится в обратно пропорциональной зависимости от количества слов, использованных политиками для поверхностной манифестации высказываний-угроз. Другими словами, чем выше индекс менасивности предвыборного дискурса, тем меньшее количество слов является коммуникативным маркером высказывания-угрозы.

Согласно произведенному расчету, индекс менасивности российского предвыборного дискурса 2018 года составляет 7,63. Такой показатель означает, что примерно *каждое 7,63 слово* российского предвыборного дискурса является коммуникативным маркером высказывания-угрозы. В контексте сказанного важно обратить внимание на то, что в рамках настоящего исследования индекс менасивности предвыборного дискурса рассчитан по текстам программных материалов всех участников политической гонки и, следовательно, представляет собой среднее значение.

Предложенную формулу можно адаптировать для вычисления индекса менасивности предвыборной программы каждого из участников политической гонки:

$$\text{Индекс менасивности предвыборной программы политика} = \frac{\text{количество слов в предвыборной программе политика}}{\text{количество слов, с помощью которых политик маркирует высказывания-угрозы в предвыборной программе}}$$

Если обозначить индекс менасивности предвыборной программы политика через iM , количество слов в его предвыборной программе через q^w , а количество слов, с помощью которых он маркирует высказывания-угрозы, через q^{th} , то формула вычисления индекса менасивности будет иметь следующий вид:

$$iM = \frac{w}{th}$$

Представленная ниже таблица содержит сведения о количестве слов в программных материалах каждого из кандидатов, о количестве слов, использованных кандидатом для поверхностной репрезентации высказываний-угроз, а также показатели индекса менасивности предвыборной программы каждого из кандидатов (таблица 1):

№ п\п	Кандидат	Количество слов в предвыборной программе	Количество слов, маркирующих менасивные высказывания	Индекс менасивности
1	Владимир Путин	4251	225	18,89
2	Павел Грудинин	1185	83	14,27
3	Григорий Явлинский	21680	1836	11,80
4	Ксения Собчак	4482	754	5,94
5	Владимир Жириновский	1650	281	5,87
6	Борис Титов	1160	239	4,85
7	Сергей Бабурин	3738	873	4,28

8	Максим Сурайкин	2303	1009	2,28
---	-----------------	------	------	------

В предложенной таблице кандидаты расположены в порядке уменьшения индекса менасивности их предвыборных программ. Как следует из таблицы, первую позицию занимает Владимир Путин, так как индекс менасивности его послания Федеральному Собранию (заменившее политику предвыборную программу в 2018 году) имеет самый высокий показатель – 18,89. Это означает, что примерно каждое 18,89 слово программных материалов политика является коммуникативным маркером менасивного высказывания.

Зафиксированные данные дают основание считать, что предвыборный дискурс Владимира Путина можно рассматривать как проблемный в большей степени, чем дискомфортный, ибо по сравнению с другими кандидатами политик не только реже использует менасивы (в его послании 12 высказываний-угроз, меньше только в программах Павла Грудина и Бориса Титова), но и маркирует их незначительным количеством языковых средств. Следовательно, можно полагать, что эффективность прагма-эмоционального воздействия Владимира Путина на избирателей заключается в использовании незначительного количества вербальных единиц (слов) для маркировки менасивного намерения *в рамках объема* его программных материалов. С учетом того, что Владимир Путин победил на выборах (Результаты, 2018, web), можно предположить наличие определенной тенденции в российской предвыборной дискурсии 2018 года: **чем выше** показатель индекса менасивности предвыборной программы политика, **тем эффективнее** прагма-эмоциональное воздействие его программы и реализованных в ней высказываний-угроз на избирателей.

Обозначенная тенденция подтверждается тем, что вторую позицию в таблице 1 занимает Павел Грудинин, программные материалы которого имеют индекс менасивности равный 14,27. Примечательно, что политик занял второе место по итогам выборов Президента Российской Федерации. Также нельзя не обратить внимание на то, что предвыборная программа Павла Грудина маркирована незначительным количеством слов – 1185. При этом примерно каждое 14,27 слово его программы использовано для поверхностной манифестации коммуникативного менасивного намерения. Получается, что высказывания-угрозы Павла Грудина охватывают больший объем содержательного пространства предвыборной программы, чем высказывания-угрозы в послании Владимира Путина. Тем не менее, сказанное не означает, что Павел Грудинин задействует большее количество языковых средств для маркировки менасивов. Наоборот, Павел Грудинин использовал только 83 слова для поверхностной манифестации высказываний-угроз. Однако, на фоне незначительного объема программных материалов Павла Грудина количественный показатель «удельного веса» его менасивов, маркированных 83 словами, достаточно высок. По всей вероятности, можно заключить, что менасивное воздействие предвыборной программы Павла Грудина оказалось

слишком интенсивным для побуждения избирателей проголосовать за него на выборах.

Третью позицию в таблице 1 занимает Григорий Явлинский с самой внушительной по количеству слов предвыборной программой и с индексом менасивности равным 11,80, означающим, что примерно каждое 11,80 слово его программы функционирует как маркер высказывания-угрозы. Такая ситуация представляется вполне логичной, так как в программе внушительного объема, содержащей 21680 слов, политику необходимо использовать значительно большее количество высказываний-угроз для того, чтобы оказать запланированное менасивное воздействие на избирателей.

Складывается картина, что у перечисленных трех кандидатов – Владимира Путина, Павла Грудина, Григория Явлинского – показатель индекса менасивности программных материалов превышает показатель индекса менасивности российского предвыборного дискурса 2018 года (7,63), свидетельствуя о том, что политики использовали *минимальное количество* языковых средств для поверхностной манифестации высказываний-угроз с целью оказания запланированного менасивного воздействия на избирателей в рамках объема своей предвыборной программы. Продолжая рассуждения в выбранном ракурсе, обратим внимание на то, что показатели индексов менасивности программных материалов Ксении Собчак и Владимира Жириновского являются наиболее близкими к показателю индекса менасивности российского предвыборного дискурса 2018 года (т.е. наиболее близкими к среднему значению) и составляют 5,94 и 5,87 соответственно. При этом программа Ксении Собчак маркирована 4482 словами, из которых 754 слова используются для маркировки высказываний-угроз, а в программе Владимира Жириновского зафиксировано 1650 слов, из которых 281 слово является маркером того или иного высказывания со значением угрозы.

Показательно, что предвыборная программа Ксении Собчак, маркированная 4482 словами, является наиболее близкой по количеству слов к посланию Владимира Путина, насчитывающему 4251 слово. Однако индекс менасивности предвыборной программы Ксении Собчак намного ниже индекса менасивности программных материалов Владимира Путина (см. таблицу). Иначе говоря, программа Ксении Собчак характеризуется значительной интенсивностью менасивного воздействия и агрессивной направленностью. В результате Ксения Собчак удалось набрать 1,67% голосов избирателей и занять четвертое место по итогам выборов. Как следует из таблицы 1, Ксения Собчак расположена в ней на четвертой позиции, что подтверждает высказанное предположение о наличии определенной зависимости прагма-эмоционального воздействия предвыборной программы политика от индекса менасивности его программы.

Конечно, несколько неожиданным является индекс менасивности программных материалов Владимира Жириновского с показателем 5,87, означающим, что примерно каждое 5,87 слово предвыборной программы политика является маркером высказывания-угрозы. В этой связи уместно

напомнить, что согласно ряду проведенных исследований Владимир Жириновский активно задействует значительное количество высказываний-угроз как агитационно-воздействующего ресурса в предвыборной коммуникации [7]. Показатель индекса менасивности программных материалов 2018 года во многом противоречит политическому имиджу Владимира Жириновского как политика, который регулярно использует высказывания-угрозы в своей политической деятельности [7, с. 284-290]. В итоге Владимир Жириновский занял третье место на выборах 2018 года, набрав примерно 5,66% голосов избирателей. Политик не оправдал ожиданий избирателей в количестве менасивов и в количестве коммуникативных маркеров высказываний-угроз, так как был недостаточно агрессивен или «неожиданно толерантен» на фоне других кандидатов на пост Президента Российской Федерации 2018 года.

Таким образом, предложенный термин «индекс менасивности» открывает широкие возможности для описания воздействующего потенциала высказываний-угроз в условиях политической коммуникации, а также развивает методологическую базу политической менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики. Разработанный показатель может быть использован для описания вербального поведения языковой личности, использующей менасивные высказывания для решения коммуникативных задач.

Литература

1. Карасик В.И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018, № 1. – С. 32–49.
2. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Политический менасив как неэтикетное речевое поведение // Гуманитарный вектор. – 2018, № 1. Т.13. – С. 121–129.
3. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискурсии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 73–85. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 01.09.2023).
4. Новоселова О.В. Роль менасивного конструкта в предвыборных дебатах [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022а, №4. – С. 16-25. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).
5. Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
7. Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.
8. Романов А.А., Новоселова О.В. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США. – М.: Флинта, 2023. – 240 с.
9. Davis J.W. Threats and Promises. The pursuit of international Influence. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2000. – 222 p.
10. Dijk T.A. van Society and discourse: how social contexts influence text and talk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 299 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

И.О. Онал
(Новосибирск, Россия)

**МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА ТУРЕЦКОЙ ОППОЗИЦИИ)**

В статье исследуется роль концептуальной метафоры в реализации манипулятивных стратегий в предвыборном дискурсе на фоне кризисной ситуации. Анализируются метафорические модели, актуализируемые в выступлениях представителей оппозиционного блока партий Турецкой республики (Millet İttifakı), с точки зрения их участия в процессе манипуляции. Показано, что в кризисном предвыборном дискурсе турецкой оппозиции метафора задействуется в основном для дискредитации правящей партии и правительства и глорификации оппозиции; при этом наиболее востребованными сферами-источниками метафорической экспансии являются «Строительство» и «Путь».

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, манипуляция, кризисный дискурс, предвыборный дискурс

I.O. Onal
(Novosibirsk, Russia)

**METAPHOR AS A MEANS OF MANIPULATION
IN POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON CRISIS DISCOURSE OF THE TURKISH OPPOSITION)**

The article explores the use of conceptual metaphors in implementing manipulative strategies in the pre-election discourse amidst a crisis situation. The metaphorical models applied in the speeches of the representatives of the opposition bloc of parties of the Turkish Republic (Millet İttifakı) are analysed from a manipulative standpoint. It is shown that in the pre-election crisis discourse of the Turkish opposition metaphors are primarily utilized to undermine the ruling party and government, whilst glorifying the opposition. The two most widely used source domains for metaphors are "Construction" and "Way".

Key words: manipulation, manipulation strategy, conceptual metaphor, crisis discourse, pre-election discourse

В настоящее время неоспоримым фактом является возрастание роли средств массовой информации в формировании общественного сознания. Среди различных сфер общественной деятельности наиболее подвержена влиянию СМИ политика. Массмедиа не только принимают активное участие в опосредовании взаимодействия различных субъектов и объектов власти, но и вовлекаются в процесс формирования политики, обладая мощным манипулятивным потенциалом. Согласно Т. ван Дейку, манипуляцию в медийной коммуникации следует рассматривать как «дискурсивную социальную практику доминантных групп, направленную на воспроизводство

их власти» [10, р. 364]. Под языковой (или речевой) манипуляцией, в свою очередь, понимается «специфическое поведение, осуществляемое путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [4, с. 42]. Таким образом, любая дискурсивная стратегия может считаться манипулятивной при условии сохранения у объекта манипуляции иллюзии свободы выбора решений и независимости.

По мнению ряда исследователей, одним из важных средств манипулирования общественным мнением является концептуальная метафора [3, 5, 6 и др.], которая трактуется как «устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции общества» [1, с. 11]. Совокупность метафор одного концептуального поля образует т.н. «метафорическую модель», призванную сформировать у реципиента определенные стереотипы, построить выгодную говорящему картину мира в сознании слушателя. Метафора является одним из наиболее эффективных способов намеренного оказания психологического воздействия на электорат с целью достижения политически выгодного результата наряду с другими средствами выразительности – гипербола, сравнение, ирония, аллюзия, риторический вопрос, парцелляция и др.

Среди дискурсивных стратегий, которые могут быть использованы в качестве манипулятивных, можно выделить следующие: стратегии редуцирования (упрощение актуальных проблем) и имплицирования (сокрытие истинных смыслов) [5], стратегии «на понижение» и «на повышение», стратегия театральности [6], стратегии дискредитации и легитимации [7], стратегия глорификации [9] и др. Стоит также отметить, что в зависимости от способа воздействия на аудиторию выделяются рациональная (приведение аргументов, доказательств), эмоциональная (апеллирование к чувствам и эмоциям) и смешанная стратегии [8]. Представляется, что метафора относится к средствам реализации смешанной стратегии, поскольку воздействует на реципиента как на рациональном, так и на эмоциональном уровне.

Материалом данного исследования послужили тексты выступлений лидеров оппозиционного блока «Национальный альянс» в период с февраля по март 2023 г., когда риторика всех турецких политических деятелей разворачивалась вокруг кризисной ситуации – землетрясения, произошедшего в стране 6 февраля 2023 г. Поскольку выбранный временной период предшествует президентским и парламентским выборам в Турецкой республике, которые были запланированы на май-июнь 2023 года, политический дискурс в указанный промежуток времени может быть охарактеризован не только как кризисный, но и как предвыборный.

Анализ фактического материала показывает, что наиболее частотной сферой-целью в выступлениях лидеров оппозиции являются правительство Турции, президент страны и система правления в целом; метафоризации также подвергаются оппозиционеры, турецкий народ и сама Турция.

Метафора в высказываниях оппозиционеров, прежде всего, используется для реализации стратегии дискредитации, а именно, для создания отрицательного образа действующего президента и его соратников, которые в риторике оппозиционеров предстают как представители преступного мира, как монарх и его свита, как учащиеся, «завалившие» экзамен или как разрушители. Рассмотрим контексты, в которых реализуются указанные метафоры.

1. «Президент и его соратники – бандиты, грабящие страну».

Beşli çeteler koca hazineyi soyuyor (**Банда из пяти человек** (имеются в виду руководители крупных предприятий, приближенные к Р.Т. Эрдогану – И.О.) **грабят казну**) (К. Кылычдароглу).

Ситуация с землетрясением породила массу критических замечаний от оппозиции в адрес руководства страны, представители которого обвинялись не только в бездействии, но и в использовании бедствия в целях наживы: *Yangını söndürmenin değil yangından mal kaçırma peşinde olanların da elbette farkındayız* (**Конечно, нам известны и те, кто стремится не тушить огонь, а под его прикрытием заниматься контрабандой**) (М. Акшенер);

2. «Президент и правительство – монарх и его приближенные, живущие в роскоши и угнетающие турецкий народ».

В риторике лидера турецкой оппозиции К. Кылычдароглу резиденция действующего президента вербализуется с помощью лексемы *saray* (дворец), приближенные президента – *saraylı* (придворные); дворец при этом описывается как непривлекательное и опасное место: *Zulüm kokar o sarayın dar koridorları* (**Узкие коридоры этого дворца пахнут жестокостью**). К. Кылычдароглу призывает избирателей пойти по «пути Кемаля» (т.е. его собственному пути) и помочь «свергнуть угнетателей»: *...bugün zalimlerin tahtlarını yıkmaya çok yakınız, buna inanın* (...сегодня мы очень близки к свержению угнетателей с престола, поверьте).

3. «Руководство страны – студенты/ученики, не выдержавшие экзамен»:

Büyük bir sınav gerçekleşti. Bu sınavda çaktılar. (**Произошло великое испытание. Они провалили этот экзамен**) (А. Бабаджан).

4. «Руководство страны – разрушители, из-за неумелых действий которых механизм-государство не может слаженно работать».

Осуждая нерасторопность органов власти в первые дни катастрофы, А. Давутоглу заявляет, что «в системе президентского правления произошло короткое замыкание»: *Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi kısa devre yaptı!*

Более того, электорату внушается мысль о том, что и само землетрясение могло бы быть менее разрушительным, если бы власти уделяли больше внимания превентивным мерам: *...depremin merkezi Pazarcık ve İslahiye'dir ama liyakatsiz ellerin neden olduğu bu büyük felaketin merkezi Beştepe'dir* (...центр землетрясения – Пазарджик и Ислахийе. но центр этого великого бедствия, вызванного неумелыми руками, находится в Бештепе (Бештепе – название резиденции президента – И.О.)) (М. Акшенер).

Бедствие, постигшее турецкий народ – разрушительное землетрясение – используется оппозиционерами как благоприятный контекст для актуализации метафоры разрушения в отношении кризиса власти, в существовании которого они стремятся убедить электорат: *Yaşanılan bu acı tecrübenin devletin kurumlarının çöktüğünün göstergesi olduğunu belirtti. (Этот горький опыт является показателем того, что институты государства рухнули)* (А. Давутоглу).

Параллельно со стратегией дискредитации активно используется стратегия глорификации самих оппозиционеров, которые описываются как врачи или спасатели, проводники или строители – т.е. люди, взявшие на себя миссию по спасению Турции и её граждан как от природных бедствий, так и от руководства страны, ведущего её к гибели.

1. «Оппозиционеры – спасатели», «Оппозиционеры – медицинские работники», «Турция – человек».

В рамках данной модели используется сочетание социоморфной метафоры с антропоморфной, поскольку Турция предстаёт в роли человека, страдающего от разрушений и от неразумных действий правительства:

Sevgili halkım, yaşadığımız büyük felaketin yaralarını sarmaya çalışıyoruz (Мой дорогой народ, мы пытаемся залечить раны пережитой великой катастрофы) (К. Кылычдароглу); *Hem devleti ayağa kaldıracamız hem demokrasimizi ayakta tutacağız* (А. Давутоглу) (*Мы поднимем государство на ноги, а также удержим на ногах демократию*);

2. «Оппозиционеры – строители», «Турция – дом, строение»

Использование артефактной метафоры для репрезентации государства – довольно частое явление в политическом дискурсе. При этом, как правило, одна из сторон берёт на себя роль строителей/ творцов, обвиняя оппонентов в попытках разрушить созданное. Риторика турецких оппозиционеров направлена на формирование положительного образа лидеров оппозиции, которые готовы восстановить страну, разрушенную не только землетрясением, но и неумелыми действиями правящей верхушки:

Biz <...> o güzel, görkemli, şahane Türkiye'yi yeniden inşa edeceğiz (Мы восстановим (заново построим) прекрасную и великоленную Турцию) (А. Давутоглу).

Представление образа страны как дома также помогает политикам убедить электорат в совпадении их целей и интересов в стремлении к восстановлению общего «жилища».

В выступлениях лидера оппозиции К. Кылычдароглу были задействованы метафоры, объективирующие не только оппозиционный блок в целом, но и конкретных личностей:

3. «Т. Карамоллаоглу – источник света, который необходим, чтобы вывести страну из темноты»:

Bu bilge, Türkiye'nin yolunu aydınlatmaya devam ediyor (Этот мудрый человек продолжает освещать путь Турции) (К. Кылычдароглу – о Т. Карамоллаоглу);

4. «Лидер оппозиции (К. Кылычдароглу) – опытный и бескорыстный проводник», готовый помочь заблудившимся путникам пройти к светлому будущему при условии, что они готовы вместе с ним преодолевать препятствия и невзгоды:

Bay Kemal'in yol arkadaşıdır ızdıraplıdır, uzun ve ince bir yoldur, tehlikelerle doludur (Дорога с г-ном Кемалем — это болезненный, долгий и узкий путь, полный опасностей).

Метафоры общего дома, как и общего пути, актуализируемые в выступлениях оппозиционеров, также участвуют в реализации т.н. стратегии интимизации, т.е. сокращения дистанции между политическими деятелями и обычными гражданами, доверие которых они стремятся завоевать.

Таким образом, в кризисном предвыборном дискурсе турецких оппозиционеров выделяются две доминирующие манипулятивные стратегии, для осуществления которых задействуется метафора: 1) стратегия на понижение (или стратегия дискредитации) в отношении правительства, президента и его соратников; 2) стратегия на повышение и стратегия глорификации в отношении оппозиции и турецкого народа; при этом квантитативный анализ показывает, что в исследуемом материале метафора чаще используется средство реализации стратегии дискредитации. Создание ярких образов с помощью метафор помогает политикам убедить реципиентов в справедливости своих слов и сформировать у них необходимые представления о человеке или объекте как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Среди наиболее востребованных метафорических моделей в риторике турецких оппозиционеров следует назвать метафору строительства и метафору пути, которые (как показывают предыдущие исследования) не менее активно используются и представителями правящей партии, включая главу государства.

Литература

1. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 7–21.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
3. Зарипов Р.И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014, № 2. – С. 147–160.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. – М., 2009. – 224 с.
5. Карамова А.А. Манипулятивный потенциал политической метафоры / Международный научно-исследовательский журнал. – 2015, №7–4 (38). – С. 44–45.
6. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
7. Недзельская А.Б., Борискина О.О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021, № 2. – С. 73–82.

8. Полуйкова С.Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010, №. 4. – С. 63–67.

9. Тагильцева Ю.Р. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений // Лингвистика информационно-психологической войны: монография / А.А. Бернацкая [и др.]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. – Кн. II. – С. 308–331.

10. Dijk van T.A. Discourse and manipulation // Discourse and Society. – 2006. – Vol. 17 (3). – P. 359–383.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНКЛЮЗИВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ**

В статье рассматривается проблема использования технологии инклюзивного образования при обучении иностранному языку в вузе. Методика и система дидактических средств при обучении иностранному языку предполагают использование индивидуального подхода к каждому обучающемуся, однако студенты с ОВЗ в большей степени нуждаются в особом подходе и адаптации методов и материала обучения. Этому способствует алгоритмизация формирования умений и навыков. В рамках использования инклюзивной технологии обучения преподавателю приходится использовать различные стратегии и инструменты с учетом степени ОВЗ студентов для улучшения условий и качества их обучения в смысле доступности усвоения учебного материала, возможности осуществлять все виды контроля и формирования у них соответствующих компетенций.

Ключевые слова: иностранный язык, технологии инклюзивного образования, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), адаптация, алгоритмизация

**IMPLEMENTATION OF INCLUSIVE EDUCATION TECHNOLOGY
WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A UNIVERSITY**L.G. Orlova, E.S. Kornilova
(Nizhny Novgorod, Russia)

The article deals with the problem of using inclusive education technology in teaching a foreign language at a university. The methodology and system of didactic tools for teaching a foreign language involve the use of an individual approach to each student, but students with disabilities are more in need of a special approach and adaptation of teaching methods and materials. This is facilitated by the algorithmization of the formation of skills and abilities. As part of the use of inclusive learning technology, the teacher has to use various strategies and tools, taking into account the degree of students' LHO, to improve the conditions and quality of their learning in terms of accessibility of learning material, the ability to exercise all types of control and the formation of their respective competencies.

Key words: foreign language, inclusive education technologies, limited health opportunities (LHO), adaptation, algorithmization

За последние десятилетия в обществе изменилось отношение к обучающимся с ограниченными возможностями здоровья. Были приняты законы, позволяющие таким лицам иметь возможность получать образование и обучаться в обычных образовательных заведениях любого уровня.

В словаре указывается, что «инклюзивное (*франц. inclusif – включающий в себя, от лат. include – заключаю, включаю*) или включенное образование – термин, используемый для описания процесса обучения детей с особыми

потребностями в общеобразовательных (массовых) школах» [12].

К гражданам с ОВЗ относятся лица, «имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии: глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата и другие, в том числе дети-инвалиды, инвалиды...» [7]

Проблема инклюзивного обучения в образовании включает два основных аспекта – создание инклюзивной среды и разработку методического обеспечения процесса освоения иностранного языка учащимися с особыми трудностями обучения. Инклюзивная среда предполагает создание материальных условий для возможности обучения студентов с ОВЗ непосредственно в аудиториях вуза вместе с другими студентами. Поэтому потребовалось дооборудовать учебные корпуса пандусами для колясочников и кнопками вызова помощи.

Разработка специального методического обеспечения будет способствовать доступности изучаемого материала для студентов с ОВЗ и полноценного включения их в образовательный процесс. При изучении иностранного языка в вузе рекомендуется адаптировать как сам учебный материал, так и способы работы с ним. Существуют разные степени ОВЗ, поэтому преподавателю необходимо учесть это при организации работы таких студентов. Здесь мы подошли к другому аспекту этой проблемы – готовность преподавателей обучать студентов с ОВЗ в рамках одной учебной группы. Для реализации модели интегрированного инклюзивного обучения преподавателям вузов постоянно предлагают прохождение курсов повышения квалификации по инклюзивному обучению.

В нашем вузе обучается очень небольшое число студентов с ограниченными физическими возможностями. Тем не менее преподавателям приходится учитывать особенности таких студентов при обучении своей дисциплине.

ОВЗ у студентов могут быть различны и разной степени тяжести, поэтому к каждому студенту требуется особый индивидуальный подход. К этой же группе следует отнести студентов с девиантным поведением. Оно встречается у студентов с «незрелой» личностью, у которой затянулся подростковый период развития, а также это может быть недостатком семейного воспитания. Методика и система дидактических средств при обучении иностранному языку предполагают использование индивидуального подхода к каждому обучающемуся, однако студенты с ОВЗ в большей степени нуждаются в особом подходе и адаптации методов и материала обучения. Этому способствует алгоритмизация формирования умений и навыков. Простая последовательность действий для работы над материалом при формировании каждого вида умений – наилучший способ адаптации учебного материала для его усвоения. Это способствует структуризации мыслительного процесса, приучает рассуждать последовательно, помогает делать выводы. При изучении иностранного языка текст является структурно-смысловой единицей, на основе которого актуализируются понятийная структура и лексико-грамматические средства

языка для ее выражения и понимания [5, 9]. На основе текста развиваются и формируются основные навыки в рецептивных и репродуктивных видах речевой деятельности [10]. Поэтому прежде всего необходимо адаптировать учебный текст с сохранением его главной информации, а затем сократить наполняемость упражнений в предтекстовых и послетекстовых заданиях [2, 6].

В процессе обучения иностранному языку опытный преподаватель всегда не просто демонстрирует правильный образец выполнения любого задания, а выполняет его вместе со студентами. Особое внимание следует уделить формированию фонетических навыков, которые лежат в основе изучения иностранного языка, способствуют правильной артикуляции и произнесению английских слов и способствуют верной передаче мысли на английском языке и ее правильному пониманию собеседником. Также рекомендуется подбор индивидуальных посильных для выполнения заданий, не только привлечение дополнительного материала, который был бы интересен для обучающихся, а также различных форм работы с ним [8, 11].

Снятие возможных трудностей в процессе изучения материала является прописной истиной в методике обучения иностранному языку. При обучении студентов с ОВЗ вероятных трудностей может быть больше, их необходимо проработать вместе с обучаемым.

При реализации инклюзивного обучения необходимо развить у студентов с ОВЗ все навыки в сфере иностранного языка для формирования лингвистической компетенции – овладеть навыками чтения, говорения, аудирования и письма. Рекомендуется создавать на занятиях благоприятный психологический климат. Использование информационно-коммуникационных технологий позволяет сделать занятие интересным для всех студентов, в том числе и с ОВЗ [1, 4]. Они призваны также помочь обучаемым освоить материал, который представлен в вузе в виде модулей (Бытовой, Учебно-познавательной, Социокультурной и Профессиональной коммуникации), в процессе работы с которыми формируются коммуникативная, лингвистическая и профессиональные компетенции, а также вторичная языковая личность [3]. Материал для изучения достаточно интересный и познавательный, задача преподавателя адаптировать его для лучшего усвоения студентами с ОВЗ. Однако следует быть предельно аккуратным в сокращении материала и соблюдать тезаурусно-целевой подход для формирования словаря-минимума по каждому модулю обучения. В противном случае у студентов с ОВЗ не будут сформированы соответствующие компетенции.

Адаптация учебного материала может выражаться в сокращении:

- учебных текстов, чтобы уменьшить нагрузку и оставить больше времени на закрепление материала и наиболее функциональных слов;
- заданий, направленных на усвоение ключевых понятий, усиливающих концентрацию внимания;
- письменных заданий;
- объема итоговых и творческих заданий и т.п.

Все виды заданий должны быть упрощены и стать более наглядными. Например, для письменных упражнений рекомендуется подготовить специальные формы-шаблоны, которые требуют минимального заполнения (вставить пропущенное слово и т.п.); дублировать задания, написанные на доске, на индивидуальных карточках; подготовить мини-конспект для каждого грамматического материала.

При выполнении тестовых заданий необходимо либо увеличить время для выполнения теста, либо использовать укороченный или упрощенный вариант теста для студентов с ОВЗ. Таким образом у них будут равные шансы с другими студентами группы показать хорошие результаты.

За время моей практической работе в вузе у меня было несколько студентов с ОВЗ небольшой степени. У одной студентки было заикание (логоневроз). Причем в процессе работы на занятии во время чтения текстов или выполнения устных упражнений у студентки проявлялось доступное для понимания заикание, поэтому она участвовала в аудиторной работе наряду со студентами группы. Проблема возникала, когда студентка готовила монологические высказывания. Во время ответа она настолько волновалась, что невозможно было ее понять. Сначала я ей предложила заменить свой устный ответ на письменный. Однако здесь должно проверяться монологическое высказывание, то есть устная речь, а не письменная. В монологическом высказывании студент демонстрирует не только владение смысловой или содержательной стороной текста, но и правильным произношением и произнесением английских слов, интонационным рисунком английского языка. В процессе обучения выяснилось, что при тренировочных ответах другой студентке из группы, волнение у студентки с заиканием проявляется в меньшей степени. И ее речь становится достаточно понятной. Я пришла к выводу, что принимать ответы у этой студентки должна другая студентка из этой группы, а не я. Таким образом практика подсказала решение этой ситуации.

Другой случай в моей профессиональной деятельности – студентка с проблемой слуха. Дети с нарушениями слуха находятся в списке лиц с ОВЗ на первом месте. Видимо это заболевание было у студентки врожденным, поэтому ее речь была особенной из-за нечеткой артикуляции некоторых звуков не только английского, но и русского языков. У нее был слуховой аппарат, она садилась за передние парты в аудитории и всегда внимательно следила за моей артикуляцией. Когда я обращалась к этой студентке, я старалась говорить медленнее и более четко. Объем учебного материала для этой студентки был уменьшен, чтобы она могла его освоить. Потеря слуха у студентки была скорректирована слуховым аппаратом, поэтому она могла обучаться и осваивать программу по иностранному языку вместе с другими студентами.

В обоих случаях из моей практики речь идет скорее о студентах с некоторыми трудностями обучения, которые пересекаются с характеристиками инклюзивного образования. Таким образом проблемы этих студентов были решены с наименьшими изменениями в программе дисциплины, поскольку степень ограничения физических возможностей у них была минимальной.

Инклюзивное образование способствует формированию у студентов вуза в процессе обучения таких общечеловеческих ценностей, как взаимопомощь, толерантность и взаимное уважение.

Таким образом в рамках использования инклюзивной технологии обучения преподавателю приходится использовать различные стратегии и инструменты с учетом степени ОВЗ студентов для улучшения условий и качества их обучения в смысле доступности усвоения учебного материала, возможности осуществлять все виды контроля и формирования у них соответствующих компетенций.

Литература

1. Волкова В.В. Выбор технологий для формирования профессиональных компетенций на занятиях иностранного языка у студентов технических специальностей // Великие реки - 2020. Труды 22-го международного научно-промышленного форума. 2020. – С. 189.

2. Гуро-Фролова Ю.Р. Формы организации лексического материала для его эффективного освоения будущими специалистами водного транспорта / Гуро-Фролова Ю.Р. // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2015, № 42. Т. 42. – С. 124-127.

3. Гуро-Фролова Ю.Р. Формирование профессиональных и социокультурных компетенций в условиях модульного обучения // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд.техн.наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч.2. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 26–29.

4. Коваль О.И. Внедрение современных методов обучения на занятиях иностранного языка в неязыковом вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов VIII международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч.2. – С. 34–39.

5. Орлова Л.Г. Корнилова Е.С. Работа с текстом как основа развития лексических и грамматических навыков (на материале английского языка) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. XII международная научно-практическая конференция, посвященная 90-летию Вольского военного института материального обеспечения. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип ВВИМО, 2018. – Ч. 8. Актуальные проблемы психологии и педагогики. – С. 21–24.

6. Орлова Л.Г., Корнилова Е.С. Система упражнений для студентов специальности «кораблестроение» при работе с текстом на английском языке // Великие реки – 2018: труды конгресса 20-ого Международного научно-промышленного форума. Н. Новгород, ВГУВТ, Выпуск 7, 2018. – С. 1–5.

7. Официальная терминология. Академик.ру. 2012. URL: <https://inkluziv.irooo.ru/терминологический-словарь/> (дата обращения: 07.09.2023).

8. Пахомова О.В. Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку студентов не профильных направлений // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. - Вольск, Т. 4. 2021, № 5 (82). – С. 62–64.

9. Соколова Е.Г. Текст как основа обучения иностранным языкам студентов нефилологического профиля // Вестник ВГАВТ. ФГБОУ ВО «ВГУВТ», 2017, № 51. – С. 240–245.

10. Соловьева О.Б., Седова Е.А. Применение контекстного подхода в обучении иноязычному профессионально ориентированному общению студентов технического вуза//Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Материалы седьмой международ. заочн. научн.-практич. конф. – Саратов; Вольск, 2013. – С. 121–126.

11. Степанова А.С. Использование видеоресурсов на занятиях по иностранному языку как средство повышения мотивации студентов // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции «Современные научные исследования: актуальные проблемы и тенденции». «Речной Форум 2019», 2019. – С. 624-629.

12. Энциклопедия ньюсмейкеров. 2012. URL: https://official.academic.ru/8083/Инклюзивное_образование (дата обращения: 07.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ О КОРОЛЕВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

В данной статье анализируется роль и место Королевы Елизаветы II в политическом интернет-дискурсе. Отмечается, что политический мем выступает одной из современных форм существования политического интернет-дискурса. Анализируя интернет-мемы о Королеве Елизавете на русском, английском и испанском языках авторы представили их тематическую классификацию.

Ключевые слова: политический интернет-дискурс, политический мем, Елизавета II

Yu.V. Ponomareva, E.A. Ishchenko
(Tver, Russia)

**FEATURES OF THE FUNCTIONING OF INTERNET MEMES IN THE
POLITICAL NETWORK DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF INTERNET
MEMES ABOUT THE QUEEN OF GREAT BRITAIN)**

This article analyzes the role and place of Queen Elizabeth II in the political Internet discourse. It is noted that the political meme is one of the modern forms of the existence of political Internet discourse. Analyzing Internet memes about Queen Elizabeth in Russian, English and Spanish, the authors presented their thematic classification.

Key words: political internet discourse, political meme, Elizabeth II

Роль политической личности в интернет-дискурсе является актуальным и весьма обсуждаемым вопросом нескольких наук и научных направлений: психолингвистики, мировой политики и международных отношений, теории коммуникации, имиджологии и других. Таким образом, обращение к данному вопросу ставит данное исследование на стык этих наук и предполагает междисциплинарный подход.

Любая политическая коммуникация, происходящая в реальной жизни или на пространстве виртуальной интернет-сети, так или иначе оказывает влияние на судьбы людей, на общественное мнение и отношения между странами внутри глобального мирового пространства. Важно понимать и особенность современной интернет-коммуникации, в которой технология Web 2.0 позволила существовать ее особому виду. UGC (user-generated content) в данном случае сделал и политическую интернет-коммуникацию двусубъектной. Интернет-мем является ее прекрасным примером, ведь он может быть создан и сконструирован самим политическим субъектом (или его командой), и пользователями сети интернет. Причем цели, задачи и результат создания мемов

в этих случаях будет совершенно разным.

При определении термина «политический интернет-дискурс» мы отталкиваемся от определения дискурса Н.Д. Арутюновой и Д.В. Шапочкина. Под дискурсом мы понимаем: «широкое обобщающее понятие, включающее в себя такие неравнозначные понятия как текст и речь. При этом, под «дискурсом» подразумевается сам когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, а под «текстом» – конечный результат процесса речевой деятельности. В целом дискурс — это единство когнитивных и языковых структур, он подразумевает когнитивное осмысление и непосредственно анализ. Соответственно, текст тогда становится дискурсом, когда при его рассмотрении стараются охватить не только лингвистико-семантические структуры, но и скрытые ассоциативные связи, установить корреляцию между употреблением слов и определенным социальным контекстом» [5, с. 54].

Политический интернет-дискурс, как особое явление, нами определяется вслед за Н. П. Сиркия и может быть выделен в особую сферу функционирования различных единиц, имеющую следующие специфические черты:

- неинституциональность (выход за рамки статусно-ролевого общения);
- сокращение дистанцированности между политиками и широкими массами;
- различное соотношение «информативности» и «фатики» (возможность создания абсолютно неправдоподобного текста);
- динамичность (быстрый отклик на различные события, метафора, как основополагающий инструмент);
- театральность (причем, на наш взгляд, именно современная театральность, когда происходит смешение функций актера, как субъекта, и зрителя, как объекта) – интернет-пользователь может давать быструю оценку, характеристику политическим деятелям и их действиям;
- смысловая неопределенность, фантомность и изотеричность, проявляющаяся в целях оказания на реципиента воздействия [3].

Политический мем, как одна из форм существования политического интернет-дискурса, нами понимается довольно широко: это медиамем, созданный как для продвижения политической позиции (в этом смысле они роднятся со слоганами, политическими речевками и клише) и имеющий функцию психологического воздействия, так и вирусная информационная единица, использующая политического лидера, событие политического характера, в качестве своего семантического ядра, помогающая высказать интернет-пользователям свою точку зрения или позицию на событие, происходящее в мире.

Важно отметить, что выбор политической фигуры для нашего исследования продиктован несколькими факторами.

Королева Елизавета II, взошедшая на престол в 1952 году и правившая Великобританией и Северной Ирландией и Королевством Содружеств на протяжении 70 лет, стала самым долгоправившим и старейшим главой

государства в мире. При этом важен не только этот и не столько этот факт, сколько то, что «за годы ее правления сменилось миропонимание, мироощущение нескольких поколений людей, произошла глобальная трансформация системы международных отношений, а в Великобритании, да и во всем мире, все привыкли к предсказуемости и стабильности в политическом курсе королевы» [2, с. 202]. То есть, фактически, она оставалась неким гарантом стабильности не только для своего Королевства, но и для всего мира: «В действительности роль гаранта, выполняемая монархом, очень важна. Смена многочисленных премьер-министров, которых королева Великобритании застала на своём веку, свидетельствует о том, что этот механизм работает без перебоев, а человек, который гарантирует бесперебойность определённых политических процессов, несомненно, важен» [4].

Уже здесь мы находим поводы для карикатурности и мемности, как способов выражения абсурдности ситуации. В быстро демократизирующемся мире, стремящемся к сменяемости политических элит, как гаранту беспристрастности и адекватности управления современными государствами, гарантом стабильности и устойчивости остается Королевская особа - представитель той формы правления, которая в современном мире считается неким атавизмом и пережитком прошлого. Вся напыщенность и некая чрезмерная официозность жизни королевской семьи очень часто становится поводом для создания стереотипных мемов, или их референтом.

Именно к такому подвиду мемов можно отнести смешанный, аудиовизуальный мем «The Queen loves cows». В коротком видео Королева предстает абсолютно искренней и по-детски радующейся появлению коров. В данном случае ядром мемообразования стало то самое нарушение институциональности: поведение Королевы вышло за рамки поведения королевской особы и продемонстрировало ее абсолютно человеческие стороны.

Стоит отметить, что основной массив интернет-мемов о Елизавете II составляют именно *смешанные* с точки зрения семиотического критерия медиамемы: *аудиовизуальные медиамемы* и *креолизованный текст* (классификация Кузнецова И.С. [1, с. 98]). А семантическим ядром огромного количества мемов являются либо полное соответствие поведения и проявления эмоций Королевы своему статусу, либо те моменты, когда они входят в абсолютный диссонанс. Таким образом, на популярных интернет-порталах для создания креолизованных текстовых мемов мы можем выделить 2 главных семантических направления способов их создания.

В роли референта политических интернет-мемов Елизавета II выступает и в *персонифицированных мемах*, генерирующихся как *реакция на внешность (имидж) или продолжительную жизнь Королевы*. Пользователи интернета в таких медиамемах выделяют приверженность, или даже явную любовь, к определённому стилю одежды, наличию обязательных для Королевы аксессуаров (сумочки и шляпы), пристрастие Королевы к однотонным, но ярким по цветовой гамме костюмам (Рис. 3).

Рис. 2, 3. Мемы о Королеве Елизавете II [6].

Особого внимания удостоился почтенный возраст Королевы. Несмотря на явное уважение и даже преклонение перед ее возрастом, интернет-пользователи, тем не менее очень часто создают мемы о том, что Королева пережила огромное количество знаменитых людей и ее уже давно ждет Господь на Небесах.

К этой тематической группе очень близко примыкает и значительная по количеству группа мемов о том, что у других, более молодых, членов королевской семьи либо осталось совсем мало времени для того, чтобы побыть во главе ее, либо не останется вовсе. Особенно многочисленна группа персонифицированных мемов о взошедшем на престол после смерти Елизаветы II, Карле III (Чарлзе), посвященная долгому ожиданию Чарльзом возможности встать во главе королевской семьи и королевства.

Рис. 3,4. Мемы о принце Чарлзе [6]

Анализируя мемы о Елизавете на русском, английском и испанском языках, мы можем также выделить их региональные особенности. При значительном семантическом совпадении, в русскоязычных мемах довольно часто имя Елизаветы употребляется в политическом контексте, понятном в большинстве своем только русскоговорящим интернет-пользователям: в мемах Елизавета встречается или сравнивается с В.В. Жириновским, М.С. Горбачевым, актером Б.В. Ключевым и др.

Испаноязычный интернет-дискурс также характеризуется своими региональными коннотативными особенностями. Большой массив мемов

описывает то, что Королева не смогла сделать. Например, за 70 лет правления Королевы сменилось 8 президентов США, 5 Пап Римских, появление и крах Берлинской стены, но она никогда не сможет увидеть победу Атлетико Мадрид в Лиге Чемпионов или как Мбаппе сыграет за мадридский футбольный клуб (Рис. 5,6).

Рис. 5,6 Мемы о королеве Елизавете II [7]

Именно в испаноязычных креолизованных интернет-мемах довольно остро поднимается тема взаимоотношений Принцессы Дианы и Королевы Елизаветы. Все представленные мемы весьма категоричны в своем отношении к королеве Великобритании, отличаются отрицательной эмоционально-оценочной лексикой, саркастическими фразами. Например, при встрече Диана называет Елизавету II “свекрушенька” и тд.

Рис. 7,8 Мемы о королеве Елизавете II и принцессе Диане [7]

Помимо роли референта политических интернет-мемов, Королева становится и участником некоторых аспектов так называемого политейнмента (англ. Politainment – political + entertainment), при котором политический процесс, политическая ситуация преподносятся как шоу. Одним из ярких и устоявшихся примеров такого явления является игра на саксофоне кандидата в президенты Б. Клинтона на Arsenio Hall’s TV Show в 1992 году.

Таким же politainment-контентом стал видеоролик с Королевой Елизаветой, принимающей в своей резиденции на юбилейном для себя чаепитии медвежонка Паддингтона, персонажа, который тоже часто становится ядром формирования интернет-мемов. В данном случае Королева предстала максимально близкой к обычному британцу фигурой, доброжелательной,

терпеливой. В мемном видео были использованы стереотипные представления о британцах, как нации: Королева в своей сумочке носит бутерброд с джемом, любит чай. Этот ролик открыл шоу, посвященное юбилею Королевы. В тот день Елизавета из-за плохого самочувствия не смогла присутствовать лично, но благодаря видео, все зрители ощущали ее присутствие, она как бы смотрела шоу из окна замка со всеми вместе.

Таким образом, политическая личность, Королева Елизавета II в мировом политическом интернет-дискурсе играет особую важную роль. Она становится поводом для создания мемов о себе, которые базируются на смеховой природе несоответствия высокого положения монаршей особы и того, что она, тем не менее, обычный человек, со своими эмоциями и слабостями. Смеховая природа интернет-мема, как части смеховой культуры (по М.М. Бахтину), позволяет простому пользователю интернета через смех стать частью большой общности, уйти от обыденной жизни и проблем. «Каждая эпоха мировой истории имела свое отражение в народной культуре. Всегда, во все эпохи прошлого, существовала площадь со смеющимся на ней народом», именно такой современной площадью стало интернет-пространство, а человек все также создает и будет создавать себе возможность посмеяться, в данном случае, над монаршей властью и Королевой Елизаветой, проявляя при этом огромную симпатию к ней.

Литература

1. Кузнецов И.С. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. – Москва: Эксмо, 2022. – 208 с.

2. Пономарёва Ю.В. HME2: HerMajesty, Elizabeth II – Королева Елизавета II в памяти пользователей интернета // Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.Н. Васильевой, Ю.В. Пономарёвой. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2023. – С. 202–206.

3. Сиркия Н.П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Известия ВГПУ. – 2018, №7 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-vs-politicheskiy-internet-diskurs-shodstva-i-razlichiya-kognitivnyy-aspekt-1> (дата обращения: 01.09.2023).

4. Хархордин О. Постреволюционный век и монархия // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/postrevolyucionnyj-vek/> (дата обращения: 03.09.2023).

5. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 292 с.

6. Королева Елизавета II и мемы // Pikabu. URL: <https://pikabu.ru/tag/Королева%20Елизавета%20II%20Мемы/hot> (дата обращения 09.09.2023)

7. Лучшие мемы о смерти Королевы Великобритании Елизаветы II. URL: <https://www.tuexperto.com/2022/09/08/los-mejores-memes-sobre-la-muerte-de-la-reina-de-inglaterra-isabel-ii/> (дата обращения: 09.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**МЕДИАТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ «ЗЕЛеной ПОВЕСТКИ»**

В статье рассматриваются главные понятия медиакommunikации. Проанализированы основные теоретические подходы к их определению и изучению. Выяснено, что медиатекст выступает центральным предметом, а медиадискурс – объектом изучения медиалингвистики. Обнаружено, что изменчивость технологических условий влияет на способы текстообразования в медиасреде. Отличительной чертой медиадискурса является его информационно-воздействующее свойство, а также диалогичность. Поликодовый медиатекст выступает средством реализации медиадискурса «зеленой повестки» в англоязычных СМИ.

Ключевые слова: медиатекст, поликодовый медиатекст, зеленая повестка, медиадискурс, медиалингвистика, медиакommunikация, СМИ

A.R. Reznikova, O.L. Bessonova
(Donetsk, Russia)

**MEDIA TEXT AS A MEANS OF 'GREEN AGENDA' INFORMATION
IMPLEMENTATION**

The article discusses the main concepts of media communication. The main theoretical approaches to their definition and study were analyzed. It was found out that the media text is the central subject, and the media discourse is the object of media linguistics. As the study shows, the variability of technological means affects the ways of text formation in the media environment. A distinctive feature of the media discourse is its informational and influencing properties, as well as dialogueness. The polycode media text acts as a means of implementing the media discourse of the "green agenda" in English media.

Key words: media text, polycode media text, green agenda, media discourse, media linguistics, media communication, mass media

В настоящее время в условиях медиатизации общества лингвистические исследования медийной среды становятся востребованными и значимыми. Работы ученых в области медиалингвистики фокусируются на изучении использования языка в медиакommunikации, в частности особое внимание уделяется установлению организованного понятийного аппарата научной дисциплины. Следует отметить, что этот аспект исследования представляется актуальным ввиду того, что в медиалингвистике остаются проблемы, не подвергшиеся изучению, а также дискуссионные и противоречивые [5, с. 8].

Объектом нашего исследования выступают поликодовые медиатексты дискурса «зеленой повестки», представляется необходимым дать определение основным медиаведческим понятиям, рассматриваемых в работе: **медиатекст** и **медиадискурс**.

Значительную роль в изучении медиатекста и медиадискурса сыграли работы Т. ван Дейка, А. Белла, Т.Г. Добросклонской, Г.Я. Солганика, Т.В. Шмелевой, Н. Фейрклафа, Л.Р. Дускаевой, Н.Д. Арутюновой.

В трактовке базовых понятий медиалингвистики опираемся на исследование Т.Г. Добросклонской, в котором **медиатекст** понимается как «дискретная единица медиапотока», контекст которой дает возможность объединить различные виды медийного контента (от газетной статьи до рекламы в сети Интернет) [2, с. 39]. Иными словами, медиатекст может считаться гиперонимом ко всем типам текстов, функционирующих в СМИ.

Алан Белл уточняет, что понятие медиатекста может иметь более широкое толкование, сочетающее не только «традиционное понимание текста как последовательности слов, написанных или напечатанных на бумаге», но и «голосовые качества, музыку, визуальные образы» [2, с. 39]. Важно подчеркнуть, что технологические изменения в медиа отзываются и в текстообразовании: «речевая материя «отливается» в тех «формах», которые ей создают каналы коммуникации» [5, с. 21].

Медиатекст как носитель разнородной информации создается в разнообразных композиционно-речевых формах, с применением техник различной семиотической природы (паратекстовых, вербальных), а также оказывает действенное речевое воздействие [5, с. 77].

В связи с тем, что эмпирический материал нашего исследования составляют поликодовые медиатексты печатных и электронных СМИ, необходимо рассмотреть медиатекст сквозь призму **дискурсологического аспекта**. Так, структурная классификация медиатекстов представляется Л.Р. Дускаевой следующим образом: **гипермедиатекст** (все медиатексты, размещенные в гипертекстовой среде), **совокупный медиатекст** (тексты отдельной газеты или журнала), **макромедиатекст** (тексты одного номера или газетного выпуска), **сверхмедиатекст** (совокупность текстов разных СМИ, объединенных общностью темы) [5, с. 75–76].

Смещение фокуса исследовательского внимания с главенствующей роли текста в коммуникации на то, что он является далеко не единственной ее частью, а также стремительное развитие медиасреды положили начало формированию лингвистического направления **медиалингводискурсологии**. Данное направление подходит к изучению медитекстов в широком ключе: изучается медийное поле и медиапоток в целом, а текст как целостная единица представляет интерес в контексте связи с другими текстами [5, с. 20].

Основываясь на определении **дискурса** как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими... факторами; ... речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137], уточним, что данная трактовка термина применима и к медиадискурсу. Следует выделить особенные свойства **медиадискурса**, как то: информационно-воздействующая деятельность; диалогичность; речевое позиционирование автора; речевое позиционирование

текстов в обрамлении паратекста, создаваемом семиотически разнородными средствами [5, с. 55–59].

Медиадискурс упорядочивает коммуникативные ситуации: дискурсивное пространство СМИ понимается как область того, что «может или должно быть сказано или понято, а также «говорится» и «понимается» [4]. Кроме того, диалогичность медиадискурса проявляется в передачи сообщений, мнений, высказывании предложений и реакций на них.

Объектом настоящего исследования являются англоязычные поликодовые медиатексты (далее – ПМ), посвященные тематике «зеленой повестки». Отобранный эмпирический материал показывает, что медиатексты, реализующие медиадискурс «зеленой повестки», характеризуются жанровым и тематическим разнообразием. В частности, в ходе анализа установлено, что преобладающим жанром является информационный (как краткие новости рубрики *News in brief*, так и новостные статьи), аналитический, рекламный; жанры карикатуры и обложки – отличительные черты ПМ.

Медиадискурс «зеленой повестки» составляют медиатексты, освещающие различные темы, как то: переход от невозобновляемых (уголь, нефть, газ) к альтернативным источникам энергии (ветряная, солнечная), антропогенное изменение климата, инвестиции в экологически чистую энергетику, нейтрализация углеродного следа, производство и популяризация электродвигателей и проч.

В качестве примера рассмотрим медиатекст качественной англоязычной прессы, а именно – поликодовый медиатекст газеты *The New York Times* от 23.04.2022, который принадлежит к рекламному жанру. Данный ПМ состоит из вербального и визуального компонента. Иконическая часть представлена изображением трех разноцветных контейнеров для сортировки мусора, на каждом из них надпись *paper / plastic / glass* и знак переработки отходов (три круговые стрелки). Позади контейнеров виднеется голубое небо и зеленый газон. Вербальная часть ПМ выражена надписью: “*87% of consumers believe recycling helps the environment*” и размещена в верхней части рекламного ПМ на фоне неба и выполнена в бело-голубой цветовой гамме. Внизу расположена подпись-призыв: “*Make a difference: buy recycled packaging*”, справа от нее логотип компании Pratt Industries (девиз ‘*Pratt 100% recycled*’ на фоне трех круговых стрелок). Это австралийско-американская частная компания по производству бумаги, упаковки и вторичной переработке. Также в этом блоке представлены адрес веб-сайта и QR-код для доступа к дополнительной информации о работе и миссии компании.

Таким образом, анализируемый ПМ отражает тему переработки отходов и рекламирует услуги по покупке переработанной упаковки. Отношения между вербальным и визуальным компонентами текста взаимообусловлены, равноправны, интерпретируются в совокупности друг с другом. Переработка мусора представляется позитивным решением для сохранения окружающей среды, что подчеркивается посредством визуальной части (чистое небо и сочная трава). Примечательным является факт использования символа переработки в

качестве товарного знака компании Pratt Industries, что вполне логично, однако подобный случай дублирования данных символов и на контейнерах, и в логотипе в рамках одного рекламного ПМ может способствовать формированию у читателя стойкой ассоциации между этими двумя эмблемами. Предположим, что, видя знак переработки, человек может вспомнить о компании, производящей переработанную продукцию и, например, купить их переработанную упаковку, что и является позитивным результатом рекламной кампании.

В заключение следует сказать, что понятийный аппарат медиалингвистики как научной дисциплины еще находится в стадии формирования. Предпринятая попытка рассмотреть подходы к определению базовых терминов показала, что данный вопрос привлекает внимание многих ученых, что подтверждается многочисленными работами по проблеме исследования. Результаты работы над данной статьей позволят сформировать основные позиции категориального аппарата для проводимого нами научного исследования. Медиадискурс «зеленой повестки» актуализируется в том числе и поликодовыми медиатекстами, которые отражают актуальные для современного западного общества темы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта-Наука, 2008. – 203 с.
3. Завацкая В.В. К определению понятия медиатекст // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2020 года – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 92–95.
4. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010, № 12(83). – С. 13–21.
5. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 440 с.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

А.А. Романов, Л.А. Абросимова-Романова
(Тверь, Россия)

**КОГНИТИВНЫЕ МЕРНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА КОММУНИКАТИВНО - ДИСКУРСИВНОГО
КОНСТРУКТА «ЗАПУГИВАНИЕ»**

С появлением стремительного развития обмена интерактивно-информационными потоками в социальной сфере общества возрос интерес к феномену состязательных коммуникативных практик, что повлекло за собой порождение (генерацию) новых форм массовой коммуникации, реализуемых с целью дезруптивного (разрушительного) воздействия на выбранного в качестве объекта нападения и атак соперника. В этих условиях получили широкое признание всевозможные типы, виды и подвиды (разновидности) агональных коммуникативных практик, в том числе и вербально-агрессивных практик "словесного боя", которые нацелены на достижение безоговорочной победы над своими соперниками, оппонентами, противниками или конкурентами с использованием всевозможных средств вербальной эристики. В докладе рассматривается появление современной тенденции прагматического воздействия баттл-дискурсии, расширяющей коммуникативно - функциональное пространство проявления её новых разновидностей. Важная роль в этом процессе отводится когнитивным мерностям, распределяющим менасивное давление в соответствии с векторной направленностью "боевого" воздействия. Приводятся краткие характеристики выделенных когнитивных мерностей менасивного воздействия в батальной дискурсии.

Ключевые слова: Баттл-конструкт, демонстративное поведение, дискурс, запугивание, менасивная коммуникация, когнитивная мерность, самопрезентация, туннельный знак

A.A. Romanov, L.A. Abrosimova-Romanova
(Tver, Russia)

**COGNITIVE DIMENSIONS OF FUNCTIONAL POTENTIAL
COMMUNICATIVELY - DISCURSIVE CONSTRUCT
«INTIMIDATION»**

With the emergence of the rapid development of the exchange of interactive information flows in the social sphere of society, interest in the phenomenon of competitive communicative practices has increased, which has led to the emergence (generation) of new forms of mass communication, implemented for the purpose of a disruptive (destructive) impact on the targeted attack and attacks of the opponent. In these circumstances, all kinds of types, types and subspecies (varieties) of agonal communicative practices, including verbal-aggressive practices of "verbal combat", which are aimed at achieving an unconditional victory over their rivals, opponents, opponents or competitors using all sorts of means of verbal erection. The report examines the emergence of a modern trend of pragmatic impact of battle-discourse, expanding the communicative - functional space of manifestation of its new varieties. An important role in this

© Романов А.А., Абросимова-Романова Л.А., 2023

process is given to cognitive dimensions distributing menasive pressure in accordance with the vector orientation of "combat" action. Brief characteristics of the selected cognitive dimensions of menasive action in battle discourse are given.

Key words: battle construct, demonstrative behavior, discourse, intimidation, menacing communication, cognitive dimension, self-presentation, tunnel sign

Отмеченная в последней четверти прошлого века тенденция человека к активной реализации доминирующих форм «демонстративного типа поведения» [7; 9, с. 28–68; 11, с. 68–87] в глобальном информационно - коммуникативном пространстве проявила себя в полной мере уже в начале XXI века, названного исследователями веком «самопредъявления» или демонстративной «самопрезентации» [6, с. 5] говорящего субъекта («антропоцена») миру в целом и всем другим, окружающим его в этом мире [от англ. “self - presentation” в значении «представление себя другим», «самоподача», «самопрезентация», «самопредставление»]; подробнее о термине «самопрезентация», а также «управление впечатлением» см.: 1; 4].

Демонстрация человеком миру своей значимости, исключительности и идентичности – в широком смысле этого термина – приобрела в первой четверти XXI века глобальный масштаб в виде интенсивного выхода на авансцену одной из наиболее распространённых и востребованных в геополитическом социально - информационном пространстве форм *конфронтационно-состязательного* бытования языка. Такие формы бытования языка находят своё выражение в реализации вербально - батальных практик в составе когнитивно-дискурсивных единств “боевой” (*батальной, состязательной, бескомпромиссной, эристической*) коммуникации или когнитивно - коммуникативных дискурсивных *конструктов* (также – дискурсивных конструктов, дискурсивных баттл-конструктов), используемых в интенсивной борьбе за ментальную сферу своего противника, соперника vs противников, соперников с целью оказать на него / них влияние, чтобы изменить его / их поведение.

В предлагаемой работе предпринята попытка проследить проявление конфронтационных vs боевых форм-практик, используемых участниками в батальной коммуникации на примере когнитивно - коммуникативных конструктов со значением «запугивание» и выявить их прагма - функциональный дрейф в состязательных условиях сценарной реализации различных форматов профессиональной деятельности их участников. Решение поставленной задачи обуславливает необходимость обозначить в первоочередном порядке семантический объём функционального потенциала такого дискурсивного баттл-конструкта с тем, чтобы примерно очертить лимнологические параметры его функционального дрейфа. Под когнитивно - коммуникативным конструктом понимается дихотомическая инвариантная конфигурация, вербально конгруированная и конгруируемая со структурами сознания в ментальном пространстве человека как говорящего (*homo loquens*) и когнитивного агента. Вербальное конгруирование базируется на

дихотомическом принципе контрарных отношений «когнитивных мерностей» (значимых свойств, черт, признаков), которые расположены по всей протяженности оси семантического объёма когнитивно - коммуникативного конструкта (или метаконструкта) как «туннельного знака» – от самых крайних точек комфорта до дискомфорта.

Представляется, что такая конструктивная конфигурация является наиболее адекватным ментальным смысловым инструментом или способом «истолкования мира», «толковательным актом» [6, с. 7] ментальной репрезентации «специфического языка мышления», в трактовке Дж. Фодора, который участники агонального (боевого, состязательного) взаимодействия используют в процессе менасивной (от лат.: *minatio, minationis, minax, minor versus angro, terreo, horrifico* – «угроза», «угрожать», «угрожающий», «пугать», «запугивать») каузации для представления и описания типовых фрагментов знания носителей языка о лимнологических параметрах (когнитивных vs семантически значимых измерениях или мерностях) комплексного содержания вербального когнитивно - коммуникативного баттл-конструкта «запугивание», включающего такие семантические мерности или свойства (признаки, семы, черты) как «запугать / запугивать, угрожать, пугать, вызывать волнения, породить опасения, наводить страх, ужас, ступор». Лингвокогнитивная корреляция (связь) между конкретным проявлением комплексного акта менасивной каузации и эмоциональным состоянием адресата такого направленного воздействия находит своё отражение в вербальном и авербальном проявлениях конкретных диспозиций модальностей Я-инициатора менасивного воздействия и Я-адресата такого воздействия.

Теоретико - методологическим посылом в работе выступает деятельностное понимание коммуникации как целенаправленной связи между участниками батальной интеракции, которое обуславливает применение синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов при использовании инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики и психосемиотики. Избранный подход коррелирует с принципом антропоцентризма и помещает в фокус лингвистического анализа языковую личность как в качестве субъекта речевой деятельности, так и в качестве когнитивного агента языкового сознания, способного принимать различного рода решения.

Гиперонимический признак «туннельность», присущий когнитивно-дискурсивному (вербальному) знаку баттл-конструкт, позволяет наделить этот комплексный знак целым набором таких семантических признаков, как «акциональность», «гиперонимическую интегративность», «каузативность», «регулятивность», «инструментальность», «динамичность», «локутивность», «реляционность», «тактико - стратегическую инициативность», «рациональную обоснованность», «результатирующую целенаправленность» и также «эмоциональную окрашенность». Перечисленные признаки получены путём семантического анализа лексикографических дефиниций слов, относящихся к лексико-семантической группе с менасивным значением «пугать / запугать» и

производных от них лексем «беспокойство», «боязнь», «волнение», «испуг», «опасение», «страх», «тревога», «трепет», «угроза», «ужас» и т.п.

Набор семантических признаков у когнитивно - дискурсивного знака-конструкта туннельной направленности со значением «запугивание» позволяет рассматривать их в функционально - прагматическом плане как знаки, которые «становятся *психологическим орудием, как средством воздействия на психику и поведение*» и «оказываются *направленными на социальные перемены*» [3, с. 107; п/ж – наш] не только в масштабах глобального мирового пространства, но также и в отдельных его частях. А такие признаки как «орудийность» и «регулятивность», присущие гиперониму «туннельность», способствуют выработке у названного когнитивно - дискурсивного баттл - конструкта соответствующих лимнологических параметров менасивного воздействия – от *интенсивной глубины* семантического охвата воздействия *до широты* стратегического выбора векторной направленности такого воздействия – *на кого, с какой целью, когда, с какой мерностью и с каким результирующим эффектом*. Туннельный баттл-конструкт способен при помощи конкретных дискурсивных актов или практик «*распространять* меметико-вирусную» или «разрушительную» информацию [9; 10; 11] в виде дискурсивных «орудийных стимулов»-посланий и *воздействовать* на психику как отдельного, так и коллективного адресата, «повышая и безмерно расширяя возможности его поведения» [3, с. 107]. Такое расширение помогает превращать вирусное информационное пространство в «глобальную инфосферу как информационную территорию» [8], что позволяет не только контролировать протекающие в ней самой процессы, но и оказывать также – благодаря дискурсивным практикам – самое активное влияние на восприятие массовым и индивидуальным адресатом создаваемой при помощи инфосферы *дискурсивной реальности* со всеми её свойствами и особенностями.

Дискурсивный туннельный знак как «психологическое орудие» в «системе средств формирования человеческого сознания», как «орудийный» элемент инфосферы оказывается «включенным в процесс поведения» массового и индивидуального адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации и способен «видоизменять всё протекание и всю структуру психических функций» такого потребителя, «определяя своими свойствами строение нового ... искусственного ... инструментального акта». При этом нужно учесть, что «искусственные (инструментальные) акты ... суть те же естественные», которые «могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним» [3, с. 103–104]. В процессе *погружения* адресанта как запугивающего и адресата как запугиваемого в туннельное пространство индивидуальной дискурсивной реальности своих практик и дискурсивной реальности совокупных практик баттл-конструкта, а также в процессе *нахождения* их в этой конвергентной реальности осуществляется выработка нового переформатирующего (перепрограммирующего) поведения не только у коллективного (массового); и индивидуального

адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации, но и у инициатора такого воздействия.

Векторная направленность изменений поведения служит определенным навигатором в таком процессе туннельной реализации дискурсивно-коммуникативных практик туннельного конструкта, который (т.е. вектор-навигатор) указывает участникам боевого управляемого взаимодействия направление регулятивного (*совместного*, но не обязательно *согласованного*) продвижения участников конфронтационной дискурсии по временной «оси семантического пространства туннельного дискурса» в рамках выбранной им сценарной реализации дискурса-конструкта «запугивание» с тем, чтобы реально предложенная отправителем (или инициатором демонстративного воздействия) для внедрения и имплантирования совокупность означающих форм-практик могла служить путем дальнейшей регулярной – во времени и пространстве протяженности – медийной раскрутки (в том числе и меметической ритуальности) основанием (основой) для расширения (векторная модель *Б*) или сужения (векторная модель *А*) набора *параметров* их когнитивной мерности. Конкретная последовательность расположения параметров когнитивной мерности (или когнитивных мерностей) на временной оси значений агонально - дискурсивного взаимодействия *зависит* в определённой степени *от* стратегической направленности движения дискурсивных практик, используемых участниками боевой интеракции в туннельном пространстве коммуникативного дискурса - конструкта. Количественный показатель таких когнитивных мерностей также зависит от стратегической направленности и целевых установок запугивающего как инициатора менасивного воздействия.

Когнитивно-дискурсивный баттл-конструкт (или дискурсивный метаконструкт) «запугивание» как туннельный коммуникативный знак реализует в функционально-семантическом и когнитивно - дискурсивном плане менасивно - демонстративный тип поведения участников агонально - интерактивной (боевой) коммуникации и нацелен на достижение *доминирующего влияния* над своим оппонентом или соперником, чтобы *а)* ослаблять силы оппонента в его противостоянии агрессивно нацеленным атакам запугивающего инициатора, *б)* подавлять волю оппонента к сопротивлению и, *в)* формируя у оппонента состояние абсолютной беспомощности, потерянности, незащитности и полного подчинения, приводить его к абсолютной покорности. Процесс достижения доминирующего влияния одного участника батальной интеракции над другим участником обуславливает тактико - стратегическое применение ими различных «источников власти» и её инструментов менасивного воздействия, вплоть до военной силы [12; 13; 14], чтобы поддерживать, усиливать для запугивающего или со стороны запугиваемого, наоборот, ослаблять *степень* менасивно-агрессивного влияния. То есть выбор тактик и стратегий в использовании когнитивных мерностей воздействия или защиты от него будет зависеть от того, насколько участники боевой коммуникации могут применять гибкое

регулятивное управление (или воздействие) своими инициативными и реактивными действиями-практиками. При этом соперники руководствуются не только характером противоборства друг с другом, но они принимают во внимание формирующиеся или уже сформированные отношения между самими участниками батальной интеракции и общественное мнение в окружающем их мире.

Целесообразно принять во внимание, что в данном случае *регулятив* или *регулятивное действие* в виде его единичного надстроечного проявления рассматривается в (модели) батально-конструктивной коммуникации как интерактивно - интегративная комплексная единица конфронтационного взаимодействия, то есть как вербально-организующая, вербально-формирующая, вербально-контролирующая, вербально-направляющая, вербально-планирующая и вербально-прогнозирующая единица боевой интеракции, выступающая в роли когнитивно-прагматической *скрепы* целевой *связи* и *взаимосвязи* используемых в батальной коммуникации действий-практик, которые реализуют все участники батального интерактивного обмена относительно друг друга. В этом смысле «*когнитивно - коммуникативный* или *когнитивно-дискурсивный регулятив*» как когнитивно-дискурсивная единица представляет собой содержащуюся в «психосфере» (термин В. Гумбольдта) говорящей личности *квант* (объёмную, *мерную единицу*) информации, *которая*, попадая в определенные сценарные условия реализации типового коммуникативно - социального взаимодействия, оказывает влияние на ход сценарно - обусловленных событий в процессе реализации типовой формы (или сценарного фрейма) боевой интеракции (в нашем случае – *интеракции доминирующего воздействия*), способствуя тем самым как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, *так и* генерированию упорядоченного множества регулятивных единиц системы-дискурса, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») каждой говорящей личности и используемых индивидами в агонально-эристической коммуникации по типовому (фреймовому) сценарию [9, с. 10, 11; 15].

Схематически когнитивно-коммуникативный конструкт (также: метаконструкт) «*запугивание*» может быть представлен в виде следующей протяжённости векторного движения влево или вправо по линии-оси объёма или шкалы когнитивных мерностей от *нулевой* (нейтральной) *точки* оси туннельного дискурса-конструкта, которая представляет в определённый момент времени *действующую норму* ментального состояния («эмоциональную установку» говорящего субъекта как когнитивного агента в социуме:

0 <----|-----|-----|-----|-----|-----> Д

Лексикографический анализ дефиниций лексико - семантической группы вербальных единиц с гиперонимом «запугивать» способствовал выделению следующих *когнитивных* (семантических) *мерностей* или значимых признаков: 0 (нейтральное состояние) – волнение – беспокойство – тревога – опасение – испуг – страх – боязнь – ужас – Дискомфорт (потеря нравственных критериев / покорность), фиксирующих нарастающую интенсивность воздействия волн

эмоциональности – от признака нулевой релятивности (“реляционности”, нейтральности) или нейтрального состояния атакованного интерактанта, который ещё не затронут (не аффицирован) эмоциональным волнением / переживанием, связанным с менасивным воздействием, к результирующему признаку гипертрофированной менасивности – к “потере нравственных критериев”, к потере собственной идентичности, т.е. к полному «дискомфорту». В специфике такого постепенного (поэтапного) движения находит своё экспонентное уточнение семантический функционал коммуникативного конструкта «запугивание»:

Нейтральное состояние / комфорт	Волнение	Тревога / беспокойство	Опасение	Страх	Испуг	Боязнь	Ужас / полная паника	Потеря нравственных критериев / покорность	Дискомфорт
0	1	2 / 3	4	5	6	7	8	9	10

Условные обозначения:

– стрелка с рисками отметок от нуля до десяти обозначает направление движения от отметки 0 (ноль) к дискомфорту (отметка 10), в русле которого осуществляется эмоциональный (при-)рост волнового наката деструктивных ощущений у атакованного адресата-оппонента;

– 0 (ноль) символизирует точку отсчета эмоционального состояния адресата-жертвы, незатронутого менасивной аффицированностью практик со значением «запугать»;

– этапные точки 1–8 репрезентируют рост (волновой накат) эмоциональных ощущений и переживаний у атакованного адресата (жертвы) по оси дискурсивно-когнитивного конструкта «запугивание», который (рост) причинён менасивными манипулятивными практиками с иллюкутивной направленностью «запугать», чтобы приучить атакованную жертву рассматривает себя как орудие чужих желаний, чужой воли;

– этапные точки 8 / 9 обозначают точку перехода аффицированного эмоционального состояния наивысшего переживания и страха, при котором жертва агрессивных менасивных атак теряет нравственные критерии своей жизнедеятельности, стойкости и не отождествляет адекватно свою идентичность, а демонстрирует готовность к абсолютной покорности.

– этапная точка 10 обозначает точку наступления дискомфорта, в которой создаются такие условия жизнедеятельности человека, которые не обеспечивают удобства, спокойствия и безопасности для его места пребывания, чтобы принимать самостоятельные решения.

Примечательно, что любую этапную точку эмоционального воздействия и переживания на оси семантического континуума (пространства) коммуникативного конструкта «запугивание» можно рассматривать как одну из возможных диспозиций модальности Я-жертвы и контрарно ей (модальности) соотносить с диспозицией модальности Я-запугивающего агрессора. Это означает, что практически любая коммуникативная практика со значением «запугивать», дискурсивно реализованная в боевой менасивной интеракции, может представлять собой Я-агрессора и Я-жертвы агрессии на континууме содержания коммуникативно - дискурсивного конструкта «запугивание», в то время как сам коммуникативный конструкт «запугивание» охватывает лишь «туннельно-менасивное» пространство дискурсивных практик со значением «запугивать» в виде простой фреймовой конфигурации.

Диспозиция модальности Я-говорящего субъекта представляет собой то, что создается в процессе и посредством дискурсивной интеракции по ходу и мере реализации её условий, когда запугивающий (отправитель) и запугиваемый (адресат воздействия) идентифицируют себя как личности и обозначают свои цели и желания. В этом плане диспозиция модальности становится действенным элементом (действием - практикой) социально - коммуникативной интеракции и жизненного сценария её участников [13; 14; 15]. Каждая диспозиция имеет свойство проявляться в когнитивном, обыденном и дискурсивном поведении вполне определенным образом в виде той или иной коммуникативно-дискурсивной практики. Важно иметь в виду, что конструктивная манифестация дискурсивного (вербального и невербального) поведения вполне рельефно может отражать взаиморасположение модальностей Я когнитивного объекта, т.е. адресата [подробнее см.: 15].

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 376 с.
2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: «Либроком», 2013. – 144 с.
3. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 103–108.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. Уч. пособие. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
6. Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 182 с.
7. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 544 с. URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 10.07.2023).
8. Мисонжников Б.Я. Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. – СПб.: «Янус», 2005. – С. 240–254.
9. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

10. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. – 191 с.
11. Романов А. А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.
12. Романов А.А., Романова Л.А. Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс]// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 2. – С. 1–32. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.09.2023).
13. Романов А.А., Романова Л.А. Агональная эристика политической дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные характеристики [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 1–21. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.09.2023).
14. Романов А.А., Романова Л.А. Роль инструментария дискурсивной эристики в контексте различных информационных противостояний и противоборств [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 2. – С. 121–152. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.09.2023).
15. Романова Л.А. Принцип контрастности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. «Акмеология образования». – 2005, № 2. Т. 11. – С. 36–43.
16. Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. – 192 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

О.Н. Савинова
(Нижний Новгород, Россия)

ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ СМИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются изменения языка СМИ в цифровую эпоху как отражение процессов, происходящих в обществе и медиа. Активно развивающаяся Интернет-среда оказала огромное влияние на трансформацию национальной медиасистемы, развитие медиаконвергенции и мультимедийности. Верховенство критерия рыночной рентабельности над художественно-эстетическими и культурно-просветительскими критериями привело к изменениям журналистского текста, а также языка СМИ. Автор размышляет о путях сохранения культурной преемственности, русского языка, классического наследия отечественной литературы в условиях новых вызовов времени.

Ключевые слова: русский язык, СМИ, культурная преемственность, социокультурный дискурс

O.N. Savinova
(Nizhniy Novgorod, Russia)

THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA IN THE DIGITAL AGE: SOCIOCULTURAL ASPECT

The article considers the changes in the language of the media in the digital age as a reflection of the processes taking place in society and media. The actively developing Internet environment has had a huge impact on the transformation of the national media system, the development of media convergence and multimedia. The supremacy of the criterion of market profitability over artistic, aesthetic, cultural and educational criteria has led to changes in the journalistic text, as well as the language of the media. The author reflects on ways to preserve cultural continuity, the Russian language, the classical heritage of Russian literature in the face of new challenges of the time.

Key words: Russian language, media, cultural continuity, sociocultural discourse

Обладая огромными возможностями, медиа являются эффективным транслятором и регулятором культурного влияния на общество. Но с наступлением информационной цивилизации их роль в этом процессе проявляется достаточно противоречиво. Верховенство критерия рыночной рентабельности над художественно-эстетическими и культурно-просветительскими критериями, с одной стороны, и выросшее новое поколение потребителей информации, привыкшее к цифре, к клиповому мышлению, к информационному «фасфуду», с другой, привели к изменениям журналистского текста в сторону более краткого, а также запустили активные процессы изменения языка СМИ. В эпоху цифровизации наблюдаются не только новые форматы медиатекстов, но и изменяется сам язык коммуникации:

его отличают такие характеристики, как демократичность и жаргонизм. Новая лексика бурным потоком хлынула на страницы газет, в теле- и радиоэфир. Сняты все запреты на использование стилистически сниженных, эстетически безобразных слов и выражений. Насыщение речи вульгаризмами превратилось в признак доверительного общения, языковая раскованность приблизилась к языковой распушенности. Филологическая общественность призывает к тому, чтобы русская речь в СМИ приближалась к образцовой, обращает внимание на лексику, фразеологию, произношение, ударение, интонацию.

Анализируя значительные изменения в массмедийной коммуникации, ученые-лингвисты, высказывают опасения о том, что «...повсеместное влияние интернета не увеличивает возможности языка, а, скорее уменьшает их из-за регулярных нарушений норм» [1, с. 108].

Отметим, что проблема языка современных СМИ перешагнула рамки филологии и приобретает в последние годы масштабы общественного звучания. Это объясняется тем обстоятельством, что в современных реалиях газеты, радио, телевидение, и особенно интернет практически вытеснили собственно чтение художественной литературы. Медиапространство составляет сегодня основную сферу, в которой «живет» современный русский язык, и потому проблема языка СМИ представляет для нашего общества глобальную культурную духовную значимость. За последние годы существенным образом изменился язык публицистики. Относиться к этому можно по-разному. С одной стороны, СМИ сегодня обсуждают проблемы, которые ранее не были предметом общественного диалога. С другой стороны, в СМИ пришли новые люди, которые по-новому ставят проблемы, по-новому их решают, по-новому устанавливают планку нормативности, литературности. Но дело в том, что речь идет не только об ошибках произношения, а о нечто еще более важном: СМИ внедряют в массовое сознание новые социальные стандарты, зачастую сомнительного характера.

Ретроспективный анализ изменений языка СМИ, культурной повестки медиа в целом показывает, что эти вопросы поднимались и ранее, на каждом новом этапе развития отечественной журналистики и литературного процесса. Например, известный исследователь истории печати Б.И. Есин отмечал, что в России в XVIII веке газеты активно выполняли культурно-просветительскую функцию не столько в силу особого характера самой печати, сколько в силу состояния общества, аудитории того времени [3].

Тема языка газетной периодики затрагивается в датированном 1840 годом стихотворении М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель»:

С кого они портреты пишут?

Где разговоры эти слышат?

А если и случалось им,

То мы их слышать не хотим [4].

А.И. Герцен, по воспоминаниям современников, обсуждая петербургские газеты в беседе с И.С. Тургеневым как-то заметил: «Вот кому я бы отрубил пальцы-это петербургским фельетонистам! Эти молодцы просто коверкают

русскую речь, без всякой надобности вставляют аляповатые иноземные слова; эмоции, пертурбация т.п. По-моему, из русских писателей лучше всех язык у тебя, Тургенев, и у Лермонтова» [6].

Как видим, критические замечания в адрес языка газетных публикаций высказывались и ранее. Но только ли вина в этом самой прессы? Наверное, отчасти да, но только отчасти.

Журналистика как живой организм, отражает все изменения той среды, в которой она рождается и действует.

В наступившую эпоху новых информационных технологий литературно-публицистический арсенал оказался за бортом современных изданий, активно развиваются процессы аберрации некоторых функций журналистики, в частности, культурно-образовательной, гипертрофированно развита функция релаксации; исчезают некоторые публицистические жанры, при этом активно востребован так называемый шаринговый контент.

Вопросы языка и социокультурной повестки современного медиапространства в целом выдвинулись в число актуальных и стали в центре обсуждения на научно-практических конференциях различного уровня, предметом дискуссий экспертов, политиков, медиаисследователей.

Профессор Бережная М.А. как-то на заседании одной из секций Петербургских чтений высказала мысль, что современная пресса должна «разговаривать» с современным читателем на понятном ему современном русском языке, который вобрал в себя и новообразования, и заимствованные англоязычные слова и др. Сложно представить себе, чтобы современная молодежь разговаривала на языке Державина и Пушкина.

Тем не менее, культурная преемственность, на наш взгляд, продолжит сохраняться, прежде всего в социокультурной повестке прессы. В условиях новых вызовов, когда поставлены под угрозу безопасность русского мира, в обществе четко сформулирован запрос на сохранение национальных корней, национальной культуры, языка, исторической памяти.

Проведенный на кафедре журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского анализ повестки региональных изданий городов-миллионников Приволжского федерального округа позволяет сделать вывод о том, что общественный запрос на материалы социокультурной тематики продолжает быть актуальным. Нами анализировались такие издания, как «Нижегородские новости» «Ленинская смена» (Нижний Новгород) «Республика Татарстан», «Казанские ведомости» (Казань), «Самарская газета», «Пульс Поволжья» (Самара), «Нива», «Звезда» (Пермь). Мониторинг показал, что социокультурный дискурс, связанный с проблемами социально-нравственного, культурного, семейно-образовательного характера, присутствует в их повестке. На страницах сайтов поднимаются вопросы, связанные с изучением факторов, влияющих на формирование мировоззрения современного человека – роли современного театра, кино, искусства. Уделяется внимание традиционным семейным ценностям, воспитанию и образованию детей, проблемам отношения к старшему поколению [5].

Разумеется, региональная пресса – не «башня из слоновой кости» и процессы, происходящие в современном медиапространстве, не могли не сказаться на изменениях как контента, так и языка местной прессы и читательских предпочтениях, особенно среди молодежи.

В связи с этим для нас было интересно мнение и самой молодежи, в частности, студентов кафедры журналистики по вопросу изменения языка современных СМИ, а также сохранения богатого наследия отечественной классики для современного поколения. Свои размышления по этой проблематике им было предложено оформить в виде творческого проекта на тему: «Продвижение отечественной классики среди молодежи». В результате были получены достаточно интересные и самостоятельные размышления и предложения. Темы многих работ затрагивали такие аспекты, как продвижение классической музыки, произведений русских писателей, театральных постановок отечественной классики и др. Почти более половины студентов высказались за необходимость выпуска на современных мультимедийных носителях текстов классических произведений, аудио-записей театральных постановок по произведениям русских писателей, выпуск рекламных материалов, продвигающих классику для юношества; организацию творческих встреч, лабораторий, семинаров для студентов гуманитарных факультетов, творческих конкурсов.

Что касается языка современных СМИ, то критически относясь к жаргонизмам и нарушениям норм произношения, многие все же высказались за то, что в целом, язык современных медиа прост в общении и им понятен.

И все же нельзя не замечать, что социокультурная ситуация постепенно меняется, особенно после известных событий, связанных с СВО. Признаком культурной преемственности стало формирование гуманитарных проектов, использование языка прежних эпох и стилей в новом искусстве. В социокультурной сфере сокращается развлекательный контент, в СМИ постепенно начинает превалировать проблемно-просветительская тематика.

Вместо заключения подчеркнем, что СМИ, как живой организм, отражают все изменения той среды, в которой они функционируют. Очень многое не воспринимается современниками, привыкшими к литературному языку. Со временем некоторые нововведения уйдут; придут новые носители языка, что-то будет переосмыслено, но великий живой русский язык останется языком межнационального общения, языком великого народа с глубокой историей.

Сегодня коллективный Запад повсеместно стал «отменять» русскую литературу, музыку русских композиторов, русский язык. Мы не будем уподобляться недалёковидным политикам и вспомним французского писателя А. Доде, который образно сравнил язык с полноводной рекой, в которой кипит жизнь. «Река уносит на пути много мусора – люди все в нее кидают, но не мешайте ей течь: она сумеет отобрать самое ценное» [2].

Литература

1. Дегальцева А.В., Сиротина О.В. Функционирование русского языка в цифровую эпоху: активные процессы и коммуникативные риски // Языки и культуры в цифровую эпоху. – Нижний Новгород, 2022. – 436 с.
2. Доде А. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. – М., 1985. – 313 с.
3. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России. – М., 1981. – 15 с.
4. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. стихотворений. В 2-х томах. – Л., 1989. Т.2. – 43 с.
5. Савинова О.Н., Кам Ваво С.В. К вопросу об уходе публицистики из современного информационного пространства (по материалам официальных сайтов прессы региональных изданий ПФО) // Знак: Проблемное поле медиаобразования. №2 (44) 2022. – С. 67–75.
6. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. – М., 1988. – 196 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ПЕРЕВОД РЕАЛИОНИМОВ СТАРИННЫХ ПРОФЕССИЙ В
ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» НА АНГЛИЙСКИЙ,
ФРАНЦУЗСКИЙ, ТАТАРСКИЙ ЯЗЫКИ**

Статья посвящена особенностям перевода общественно-политических реалионимов, обозначающих профессии, в рамках анализа стратегий, использованных в английском, французском, татарском переводах повести Николая Гоголя «Тарас Бульба». Сопоставительный анализ трехязычных транслятов переводчиков Изабель Хэпгуд, Луи Виардо, Ахмета Файзи производится с точки зрения использования критериев доместикизации и форенизации, а также конвергентной/дивергентной стратегий перевода. Применение приведенных стратегий обеспечивает реализацию критериев эквивалентности и адекватности перевода. В фокусе – вопрос целесообразности выбора переводческих стратегий в пользу приобщения к культуре реципиента или отчуждения от нее посредством прямых заимствований и восприятия новых реалий. Рассматривается также целесообразность передачи профессиональных терминов с учетом дифференциации стилистических регистров, примененных автором в тексте оригинала.

Ключевые слова: доместикизация; конвергенция; реалионимы; стратегии перевода; форенизация

L.M. Safina, Yu.V. Kobenko
(Tomsk, Russia)

**TRANSLATION of REALONYMS of ANCIENT PROFESSIONS IN N.V.
GOGOL'S STORY «TARAS BULBA» INTO ENGLISH, FRENCH, TATAR
LANGUAGES**

The article is devoted to the peculiarities of the translation of socio-political realonyms denoting professions, within the framework of the analysis of strategies used in the English, French, Tatar translations based on the story «Taras Bulba» by N. V. Gogol. A comparative analysis of trilingual translations by translators Isabelle Hapgood, Louis Viardot, and Ahmet Fayzi is carried out from the point of view of using the criteria of domestication and foreignization, as well as convergent/divergent translation strategies. The use of the above strategies ensures the implementation of the criteria for equivalence and adequacy of translation. The focus is on the question of the reasonability of choosing translation strategies in favor of familiarization with the recipient's culture or alienation from it through direct borrowings and perception of new realities. The feasibility of transferring professional lexicology is also considered, taking into account the differentiation of stylistic registers used by the author in the original text.

Key words: domestication; convergence; realonyms; translation strategies; foreignization

Художественно-образный язык повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», отличается особым колоритом, отражающим повседневную жизнь, социальный уклад жителей Малороссии. Названия старинных профессий и

сословных групп, такие как *плугари, гречкосеи, овцепасы, броварники, пивники, кашевары, кожевники, корчмари, крамари, виноделы, бровари, пивовары, бражники, шинкари* [2, с. 47], являются профессиолектами-реалионимами группы выразительных средств, решающими экспрессивную задачу подражания языковым особенностям определенной иноязычной социокультурной среды.

Согласно классификации Ю. В. Кобенко приведенные примеры можно отнести как к группе выразительных средств с различными ограничениями, включающими профессиолекты, так и к группе иноязычных слов, представленной экзотизмами или реалионимами [5, с. 99].

Реалионимы представляют собой безэквивалентную лексику или самостоятельный круг слов, обозначающих предметы или явления материальной культуры, национальные особенности, обычаи, обряды, исторические факты, не имеющие эквивалентов в других языках [8, с. 275].

Переводы реалионимов тесно связаны со стратегиями доместикации и форенизации в рамках терминологической диады Л. Венути. Доместицированная версия адаптирует текст под читателя перевода, обеспечивая максимальную узнаваемость иноязычного слова. Форенизированная версия, напротив, намеренно нарушает привычные для принимающей культуры понятия и каноны, заимствуя реалионимы из языка оригинала [9, с. 51].

Применяя классификацию А.М. Люксембурга, отметим, что категория «гражданские должности, профессии, звания, титулы» относится к одной из пяти проблемно-тематических групп реалионимов из текста оригинала, а именно общественно-политические реалионимы [5, с. 21]. В рамках сопоставительного анализа рассмотрим реалионимы-украинизмы: 1) пивники, 2) броварники, 3) плугари.

«Эй вы, **пивники, броварники!** полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, **плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы!** полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои желтые чеботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» [2, с. 47].

1. пивник (мн. ч. «пивники») – продавец, торговец пива [3, 2 т, с. 92].

Американская писательница и переводчица Изабель Хэпгуд в рамках стратегии доместикации с помощью экспликации перевела лексему составным словом *beer-sellers* («продавец пива»), что конвергентно оригиналу повести [12, с. 45].

Французский переводчик Луи Виардо перевел данное слово как *buveurs* [13, с. 13], применив стратегию доместикации и отчасти калькирования: к основе глагола boire (пить) в форме причастия прошедшего времени bu добавляется суффикс мужского рода eur, означающий в составе имени существительного субъект деятельности. Однако перевод *buveurs* в значении «пьющий человек», «любитель выпить», «пьяница» (вульг.) [1, с. 149] дивергентен оригиналу, так как не подразумевает социального или профессионального статуса обозначаемого лица. Более того, используя разговорную, пренебрежительно окрашенную лексику

переводчик ошибочно трансформирует денотатов в разряд потребителей, а не производителей-поставщиков горячительных напитков, то есть искажает значение реалии неверно подобранным реалионимом.

Татарский переводчик Ахмет Файзи перевел лексему посредством доместикации, используя родственное понятие «*аракы куучылар*» [11, с. 9], что в переводе означает «винокур» [10] – «тот кто занимается винокурением, то есть производством кустарным способом спирта, водки» [3, с. 179]. Существует также разговорное слово представленного перевода – «самогонщик». Данный перевод лишь частично конвергентен первоисточнику, так как понятие «винокуры» в повести Н.В. Гоголя представляет собой самостоятельный исторический реалионим-профессиолект.

2. броварник (мн.ч. «броварники») – 1) власник броварні; 2) робітник броварни – пивовар [7, т.1, с. 237]

В английском переводе применена стратегия доместикации, где использовано составное слово *beer-brewer* [12, с. 45] в значении «пивовар», конвергентное исходному тексту.

Французский переводчик использовал стратегию доместикации и опущения лексемы «броварники» [13, с. 13] в своем тексте в пользу «пивников», вероятно, посчитав, что идущие подряд реалионимы, если не синонимичны, то представляют единое лексико-семантическое поле.

В татарском варианте наблюдается форенизация с помощью калькированного дословного перевода: «*сыра кайнатучылар*» [11, с. 9] – «те, кто варят пиво» [10].

3. плугарь («плугар» укр.) – пахарь за плугом; крестьянин, работающий на вспашке полей [3, с. 203]; той, хто оре землю плугом [7, т. 6, с. 595]

В данном случае переводчица использовала доместицированный эквивалент *ploughman* [12, с. 45] – сельский житель; пахарь [6, с. 510]. Во французском варианте использована доместицированная экспликация *gens de charrue* [13, с. 13] – люди плуга, крестьяне [1, с. 186].

Ахмет Файзи применил доместицированный эквивалент «*сабанчы*» [11, с. 9] – пахарь, плугарь. Данное понятие образовано от татарского «сабан» - плуг [10] и производного суффикса – чы (че), который в татарском языке в составе имени существительного образует название профессии.

Характерно, что приведенные слова в повести, выражающие подчинение дифференциации общества по отношению к профессиональной деятельности, Н. В. Гоголь использует в двух стилистических планах, изменяя их структуру в зависимости от вектора повествования [4, с. 352].

По замечанию А. И. Карпенко, для передачи речи персонажа в лице главного героя повести автор избирает прием стилизации народной думы, закладывая в язык Тараса слова-украинизмы. Таким образом, при помощи языковой типизации Гоголь отражает реалии изображаемого времени – символы эпохи [4, с. 352].

В авторской повествовательной речи стилистическое употребление аналогичных лексем подчинено литературно-эстетической норме писателя: не

«пивники», а «пивовары», не «броварники», а «бровари», не «плугари», а «пахари» и т.д. [2, с. 47].

«И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. *Пахарь* ломал свой плуг, *бровари* и *пивовары* кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгош посылал к черту и ремесло и лавку, бил горшки в доме.» [2, с. 47].

В данном примере стилистический регистр в английском переводе практически не поменялся, за исключением замены приведенного ранее слова *ploughmen* на более нейтральное *husbandman* [12, с. 45], в семантику которого входят значения «землепашец», «виноградарь». Приведенные переводы доместицированы и конвергентны оригиналу.

«Hey, ye *beer-seller* and *beer-brewers*! [...], Ye *ploughmen*, ye sowers of buckwheat, cease to follow the plough and to soil your yellow buskins in the earth [...]. Tis time to win kazak glory!»... «and these words acted like sparks falling on dry wood. The *husbandman* broke his plough, the *beer-sellers* threw away their casks, the *brewers* destroyed their barrels...» [12, с. 45].

Аналогичную картину наблюдаем во французском и татарском переводах.

«Eh! Eh! Vous autres *buveurs* [...], allez à la conquete de l' honneur et de la gloire chevaleresque. Et vous autres *gens de charrue*, planteurs de blé noir, gardeurs de moutons, [...]. Il est temps d'aller a la quète de la gloire cosaque. Et ces paroles étaient semblables à des etincelles qui tomberaient sur du bois sec. Le *laboureur* abandonnait sa charrue; le *brasseur de bière* mettait en pièces ses tonneaux et ses jattes...» [13, с. 13].

В первом случае Луи Виардо в словах рассказчика заменил субъективное, экспрессивно окрашенное *buveurs* на литературно-нейтральное *brasseur de bière* [13, с. 13] в конвергентном источнике значения «пивовар» [1, с. 139]. Перифрастический реалионим *gens de charrue* в значении «люди плуга», «плугари» [1, с. 186] далее в повествовании был заменен на стилистически нейтральное слово *laboureur* [13, с. 13] в значении «пахарь», «земледелец» [1, с. 612], конвергентное оригиналу.

Татарский переводчик фактически продублировал приведенные ранее лексемы, не разграничивая стилистическую авторскую дифференциацию в тексте оригинала.

«Әй сез, *аракы куучылар*, *сыра кайнатучылар*, житәр сезгә сыра кайнатырга, мич башында аунырга, симез тәнегез белән чебеннәр туйдырырга! Рыцарьлар данын һәм дәрәжәсен яулап алырга барыгыз! Сез, сабанчылар, карабодай чәчучеләр [...]! Казак данын яудап алырга вакыт!» – дип кычкырн житә иде. Бу сузләр коры агач өстен очкын булып төшә. *Сабанчы* узенен сабанын жимерә, *аракы* һәм *кайнатучылар* узләренен кисмәкләрен ыргыталар, мичкәләрен ваталар.» [11, с. 9].

Исследование показало, что во всех трехязычных переводах повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» при передаче реалионимов, обозначающих старинные профессии, доминирует стратегия доместикации, дающая представление читателям о более привычных в его понимании предметах и явлениях. В рамках обозначенной стратегии переводчики применяли калькирование, экспликацию и опущение украинизмов. Таким образом, было приведено 9 примеров, по большей

части конвергентные друг другу и оригиналу. Дивергентность, в том числе частичного характера, наблюдается в двух случаях, свидетельствующих о расхождении с исходным текстом. Обозначенное количество примеров перевода зафиксировано в разговорной речи персонажа, где употребление почеркнутых слов-украинизмов художественно оправдано. Проанализированы примеры использования профессиональных лексем в авторской повествовательной речи на предмет трансформации стилистического регистра, учтенной переводчиками в трех из восьми случаев. Характерно, что употребление писателем экзотизмов в качестве фольклорного источника обогащает выразительные, речевые средства художественного текста произведения. Отказ от форенизирующей стратегии со стороны переводчиков, когда реалионимы полностью заимствуются, в ряде случаев не способствует пополнению функционального репертуара транслятов, препятствуя взаимодействию и взаимопроникновению иноязычных культур.

Использование приведенных стратегий может служить реализацией критериев эквивалентности и адекватности перевода.

Литература

1. Гак В.Г., Ганшина В.А. Новый французско-русский словарь. – Москва: Издательство «Русский язык», 2000. – 1195 с.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений, т.2. Миргород. – М., 1937. – 763 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [В 2 т.]. – М.: Рус. яз., 2000. – 1210 с.
4. Карпенко А.И. Народные истоки реалистического историзма, стиля и языка эпопеи Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: дис. канд. фил. наук. – Черновцы, 1962. – 478 с.
5. Кобенко Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики: учебник/ Ю. В. Кобенко. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. – 296 с.
5. Люксембург А.М. Реалии в немецком медиатексте. Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. – Ростов-на-Дону: Логос, 2008. – 203 с.
6. Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. – М: издательство «Альта-Принт», 2009. – 864 с.
7. Новий українсько-російський російсько-український словник: 60000 слів. – Київ: Аконт, 2008. – 575 с.
8. Раренко М.Б. Художественный перевод. Терминологический словарь-справочник. РАН, Институт научной информации по общественным наукам / М.Б. Раренко, Е.О. Опарина, Н.Н. Трошина. – Москва, 2014. – 378 с.
9. Сафина Л.М., Кобенко Ю.В. Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского, татарского языков) // Вестник ТГПУ; 2023. Вып. 3 (227). – С. 48–57.
10. Татарско-русский онлайн-словарь: сайт. URL: <https://tatar-republic.ru/> (дата обращения: 10.09.2023)
11. Файзи А.С. Тарас Бульба. Повесть / Н.В. Гоголь. Казань, 1973. – 65 с.
12. Isabel F. Hargood. Taras Bulba «A tale of the cossacks» translated from the Russian of Nicolai V. Gogol. – New York, 1915. – 284 p.
13. Viardot L. Tarass Boulba / N.V. Gogol Paris, 1853. – 230 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО
СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИЮ
И КУЛЬТУРЕ В ОБЛАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ**

В статье приведён краткий анализ деятельности профильного Комитета «верхней палаты» парламента в деле защиты и поддержки русского языка, обеспечении соблюдения норм современного русского языка, противодействия излишнему использованию иностранной лексики.

Ключевые слова: русский язык, заимствования, языковая политика, закон

L.N. Skakovskaya
(Tver, Russia)

**ACTIVITIES OF THE COMMITTEE OF THE FEDERATION
COUNCIL OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN
FEDERATION ON SCIENCE, EDUCATION AND CULTURE IN
IMPROVING LANGUAGE POLICY**

The article provides a brief analysis of the activities of the relevant Committee of the «upper house» of the parliament in the protection and support of the Russian language, ensuring compliance with the norms of modern Russian language, counteracting the excessive use of foreign vocabulary.

Key words: Russian language, borrowing, language policy, law

Русский язык как государственный язык Российской Федерации является основой единения народов, фундаментом национальной идентификации, культурной и исторической памяти.

Президент Российской Федерации Владимир Путин и Глава палаты регионов Валентина Матвиенко неоднократно подчеркивали, что русский язык — основа несущей конструкции всего русского мира. Следовательно, сегодня первоочередной задачей каждого из нас должно стать сохранение русского языка, чье колоссальное значение в международном сотрудничестве и общении не вызывает никаких сомнений. Ведь языковая культура в немалой степени определяет авторитет страны на международной арене.

В России создана необходимая законодательная база, направленная на защиту и поддержку русского языка как государственного языка Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации, принят ряд основополагающих документов, предусматривающих меры по сохранению

и развитию русского языка в России и его продвижению за рубежом.

Федеральным законом от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ были внесены изменения в следующие статьи Федерального закона от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [2].

1) Устанавливается, что при использовании русского языка как государственного в сферах его обязательного употребления должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка, которые зафиксированы в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Порядок формирования и утверждения списка таких словарей, справочников и грамматик, требования к их составлению утверждаются Правительством Российской Федерации.

2) Федеральным законом закрепляется правило, согласно которому при использовании русского языка как государственного не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке.

3) Федеральным законом уточняется перечень сфер обязательного использования государственного языка Российской Федерации. В частности, это сферы образования, государственных и муниципальных информационных систем, информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг) [2].

Как отметила Председатель СФ Валентина Матвиенко, Федеральный закон – посыл к тому, что, у нас есть государственный русский язык, он должен иметь статус и он должен быть защищен [4].

В связи с многовековой историей России и ее многочисленными тесными контактами с разными восточными и европейскими государствами, в русском языке появилось много слов, пришедших к нам от других народов. Такие заимствования помогали обозначить появляющиеся в отечественной культуре понятия и явления, которые не имели русского аналога. Наиболее ярко это проявилось в эпоху Петровских преобразований, когда возникла срочная необходимость внедрения технических, военных и административных новшеств. Так, благодаря заимствованиям, в русском языке появились, к примеру, слова «матрос», «офицер», «алгебра», «флаг» и многие другие. Употребление подобных слов иностранного происхождения было оправдано с практической точки зрения.

Однако в современных реалиях возникла отрицательная тенденция употребления заимствований ради лишнего пафоса в своей речи. Выразительное, живое русское слово неоправданно заменяется англицизмами. Подобные злоупотребления отрицательно сказываются на развитии и сохранении богатств родного языка, который постепенно подменяется чужим. Следуя гипотезе лингвистического детерминизма, язык влияет на мышление и его рамки. Исходя из этого, нетрудно сделать вывод, что подмена слов родного

языка неизбежно приведет к подмене понятий, представлений, а в более далекой перспективе и принципов у говорящих на таком языке людей.

К примерам заимствованных слов-паразитов можно привести следующий перечень: «экспириенс», а по-русски просто опыт; «дедлайн»-крайний срок сдачи работы; «фейк»-ложь, «тренд»-модное направление, «пролонгация»-продление, «коуч» и «тьютор» вытеснили прекрасное русское слово «наставник»; «спич»-речь; «стартап»-новый проект; «фрилансер»-самозанятый.

Этот список можно продолжать до бесконечности. Но хотелось бы вспомнить слова замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого: «Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» [6]. Поэтому, чтобы сохранить ясность наших ориентиров и всегда мыслить четко и точно, нам необходимо заботиться о сохранении богатств нашего великого русского языка, избегая неоправданных с лингвистической точки зрения заигрываний с англицизмами.

Совершенно очевидно, что принятый в феврале закон не сможет в один день решить вопрос использования иноязычных слов в нашем языке. Но послыл закона очевиден: нужно как можно меньше иноязычных слов, которые имеют аналоги в русском языке, употреблять в своей речи, тем более, когда мы используем государственный язык как официальный в государственной практике.

В декабре 2014 года Президент России подписал Указ об основах государственной культурной политики. Новая редакция документа была опубликована 25 января 2023 года [1].

Свое отражение в документе нашли и ключевые предложения Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре в области защиты русского языка, других языков народов Российской Федерации, отечественной литературы.

В указе говорится о необходимости защищать и поддерживать русский язык как государственный, обеспечивать «соблюдение норм современного русского языка», противодействовать «излишнему использованию иностранной лексики» [1].

Отмечается важность привлечения литераторов к пропаганде чтения и культурного просвещения граждан, а также «эффективное использование уникального российского культурного наследия в целях духовно-нравственного воспитания россиян.

Об этом говорилось и 6 июня 2023 года, в День рождения А.С. Пушкина и Международный День русского языка, когда в Совете Федерации Комитетом по науке, образованию и культуре был организован круглый стол «О совершенствовании государственной политики в области защиты, поддержки и продвижения русского языка» [5].

Участники мероприятия согласились с тем, что поддержка русского языка является важнейшей национальной задачей, решать которую необходимо, в том числе, в целях обеспечения безопасности нашей страны. Это особенно

актуально сегодня, когда в ряде стран на государственном уровне ведется борьба с русским языком, русской культурой.

В ходе мероприятия было обращено особое внимание на происходящее сужение области применения русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья. Ощущается нехватка квалифицированных кадров — преподавателей русского языка, владеющих современными методиками обучения. Необходимо активнее развивать систему мер, направленных на продвижение русского языка и образования на русском языке в государствах — участниках СНГ, странах дальнего зарубежья с учетом разработок отечественных и зарубежных педагогов, так как за последнее время число обучающихся на русском языке в странах СНГ сократилась более чем вдвое — с 11 до 5 миллионов в школах, колледжах и вузах [5].

Участники выразили единое мнение о необходимости увеличения бюджетных мест для подготовки учителей русского языка и литературы, количества уроков русского языка в школе, особенно в старших классах, включения дисциплины «русский язык и культура речи» в список обязательных предметов в колледжах и вузах, популяризации русского языка, литературы, культуры [5].

Дискуссия о госполитике в области продвижения русского языка, которая прошла в Пушкинский день России, наглядно показала огромный интерес к этой теме. Именно поэтому Комитет СФ по науке, образованию и культуре в период осенней сессии проведёт парламентские слушания на тему «Совершенствование государственной политики в сфере сохранения, развития и продвижения русского языка: состояние, проблемы и пути решения».

В современном мире роль языков определяется не только и не столько численностью носителей. Функциональная нагруженность языка, то есть его способность удовлетворять потребность человека в получении образования, информации, социальном и профессиональном взаимодействии, — гораздо более важный фактор в определении его конкурентоспособности. И здесь хотелось бы вспомнить выражение великого писателя Константина Паустовского: «Нет таких звуков, красок, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения» [3].

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 Об утверждении Основ государственной культурной политики. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 05.09.2023).
2. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон О государственном языке Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028?ysclid=lobo110y6v862185581> (дата обращения: 01.09.2023).
3. Константин Паустовский. О величии Русского Языка URL: <https://proza.ru/2015/01/28/1683> (дата обращения: 08.09.2023).

4. РИА Новости. Совфед одобрил закон о госязыке, регулирующий употребление иностранных слов. URL: <https://ria.ru/20230222/gosyazyk-1853829241.html?ysclid=lobo2bfх60181452972> (дата обращения: 05.09.2023).

5. Совет Федерации. В Совете Федерации рассмотрели вопросы совершенствования государственной политики в области защиты и продвижения русского языка. URL: <http://council.gov.ru/events/news/145416/> (дата обращения: 05.09.2023).

6. Статья Русская мысль. Проза.ру. URL: <https://proza.ru/diary/margarita82/2019-07-09?ysclid=lobob1wlah952178712> (дата обращения: 11.09.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

Е.Г. Соколова
(Нижний Новгород, Россия)

РАЗВИТИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается проблема развития черт поликультурности у студентов неязыкового вуза в условиях современного коммуникативного пространства в контексте перехода мирового сообщества к многополярному миру. Автор исследует вопрос возможного решения проблемы посредством иноязычной подготовки будущих специалистов к международной профессиональной деятельности. В качестве лингводидактического решения предложен культурно ориентированный подход к обучению, направленный на формирование иноязычной поликультурной компетенции. Дано определение искомой компетенции, представлены ее компоненты. Приведен пример модели обучения в соответствии с предлагаемым подходом.

Ключевые слова: языковая личность, культурная идентичность, поликультурный, компетенция, профессиональная субкультура, модель обучения

E.G. Sokolova
(Nizhniy Novgorod, Russia)

THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' MULTICULTURAL LINGUISTIC PERSONALITY AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

The article deals with the problem of multicultural traits' development among students at a non-linguistic university in the conditions of modern communicative space in the context of the world community transition to a multipolar world. The author studies the issue of a possible solution to the problem through the foreign language training of future specialists for international professional activity. As a linguodidactic solution, a culturally oriented approach to FLT aimed at the formation of the foreign language multicultural competence is proposed. The definition of the considered competence and its components are presented. An example of a learning model in accordance with the proposed approach is given.

Key words: linguistic personality, cultural identity, multicultural, competence, professional subculture, learning model

In the current period of transition from a globalized world order to a multipolar one, the issue of the multicultural development and upbringing of future specialists remains relevant for the process of linguistic education in the higher education system. Russia's new international economic cooperation requires universities to further prepare students for working in the international labor market. Full-fledged training of future specialists is impossible without linguocultural education. Teaching students a professionally oriented foreign language contributes both to their professional development and the development of their cultural identity, traits of a

multicultural linguistic personality [5, p. 399], [9, p. 137], [10, p. 122].

For a theoretical substantiation of the issue, let us turn to the theory of intercultural communication. According to this theory, foreign language professional communication is the interaction of different ethnic cultures in general and professional subcultures in particular. Thus, for effective international cooperation, a specialist needs knowledge of the linguistic and cultural specifics of the foreign professional subculture of colleagues, the ability to identify and take into account this specificity in the process of interaction.

We consider it important to note that the development of such a high level of professional and cultural identity, a multicultural worldview among students of a non-linguistic university is not an easy task [1, p. 136-137]. The reason for this methodological problem of professional linguistic education lies not only in the general conditions of foreign language training, but also in the insufficient development of a linguodidactic and methodological base for the realization of such a learning goal. Existing teaching methods and technologies, including modern ones, often do not consider the multicultural aspect of the professional activities of non-linguistic universities graduates [6, p. 63], [7, p. 89].

We believe that this contradiction is especially relevant for future water transport engineers (ship mechanics, navigators, shipbuilders, etc.). The field of activity of these specialists often involves work on foreign ships, in foreign waters, interaction in multinational multicultural crews [2], [3, p. 65-57]. We would like to draw the attention of practicing teachers to these areas of training, since it is necessary to strive to develop in engineering students not only foreign language skills of professional communication outside the conditions of multiculturalism, but also the skills of oral intercultural communication.

We offer some theoretical and practical linguodidactic solutions to this problem. First of all, it is important to have a clear idea of professional multicultural competence and its structure. Summarizing numerous interpretations in modern scientific researches, it is possible to consider this competence as the ability of a specialist to productive intercultural interaction in the professional community, based on the possession of multicultural knowledge, skills and abilities of a communicative, linguocultural and professional nature, as well as on professionally significant personality traits. In the structure of this competence, the main components are communicative, linguocultural, professional and personal [4, p. 50].

From a practical point of view, the next step in solving the problem is to determine the elements of the training content. In our opinion, this task does not require time-consuming steps. It is advisable to leave the traditional, well-developed basis for the content of training and supplement it with the missing multicultural components, based on the generalized structure of the competence.

So, for example, the basic components of the FLT content can include such components as the motives of intercultural communication in the professional sphere, culturally marked lexical and grammatical material, topics and situations of intercultural communication in the professional sphere, foreign language

communicative strategies of a profile orientation, professionally significant personality traits.

The practical implementation of the multicultural component in the process of foreign language training of future specialists requires the use of a methodological model for the multicultural competence formation, focused on teaching professionally oriented oral intercultural communication. By analogy with the model developed by us for students of a non-linguistic university of law specialties, we find it effective to use such pedagogical technologies as discussion, professional and multicultural case studies, an intercultural information project, and a business game [8, p. 199-200].

As the work experience with students of engineering specialties shows, a special system of exercises for the development of foreign language skills of oral intercultural communication in the professional field is effective. This system contains orienting, preparatory and speech exercises, aimed at the formation of skills of differentiation, comparison of linguistic and cultural factors of professional communication, the development of the ability to apply knowledge and skills in the practice of communication in a foreign language.

Литература

1. Баранова Е.В. «Иностранный язык»: значение предмета гуманитарного цикла в системе высшего образования и воспитания современных студентов // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов. – 2017. – С. 134–137.

2. Волкова В.В., Новик В.Ю. Проектно-исследовательская деятельность на уроках иностранного языка как эффективное средство профессиональной ориентации студента // Сборник по материалам трудов 21 междунар. конгресса "Великие реки". – 2019. – Вып. 8. – С. 137.

3. Гуро-Фролова Ю.Р. Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации в смешанных экипажах // В сборнике: Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 63–70.

4. Коваль О.И. Развитие межкультурной коммуникативной толерантности студентов неязыкового вуза // Профессиональное лингвообразование. Материалы пятнадцатой международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2021. – С. 49–51.

5. Орлова Л.Г., Корнилова Е.С. Формирование вторичной языковой личности у студентов инженерных специальностей //18-ый Международный научно-промышленный форум «Великие реки» 2016. – Труды конгресса. – Т.2. – Н. Новгород: НГАСУ, 2016. – С. 397–400.

6. Пахомова О.В. Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку студентов не профильных направлений // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № S (82). Т. 4. – С. 62–64.

7. Седова Е.А. Мультимедийная презентация как средство формирования интегративной мотивации обучения иностранному языку студентов младших курсов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2018, № 8. – Т.12. – С. 88–90.

8. Соколова Е.Г. Комплекс аналитических упражнений по формированию межкультурных навыков и умений у будущих бакалавров-юристов // Вариативность и

стандартизация языкового образования в неязыковом вузе. Сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции. (21-22 апреля 2020 г.) / Науч. ред. М.В. Золотова. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2020. – С. 197–201.

9. Соловьева О.Б. Предметно-языковое интегрированное обучение в неязыковом вузе: за и против // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2020, № 5. Т. 3. – С. 136–138.

10. Степанова А.С. Проблемы и риски цифровизации в образовании // Языковая, этническая и социокультурная идентичность личности в условиях цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2021. – С. 121–127.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

О.Б. Соловьева
(Нижний Новгород, Россия)

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В статье рассматривается необходимость применения инновационных форм и методов в процессе обучения иностранному языку студентов нелингвистических вузов. Автор описывает методы и технологии, используемые на занятиях. В статье дается описание примера применения проектной технологии на специальности «Экономика». Автор убедительно обосновывает необходимость применения рассматриваемых методов. Использование интерактивных методов, проектной технологии, цифровых образовательных ресурсов способствует интенсификации учебного процесса.

Ключевые слова: иностранный язык, неязыковой вуз, интерактивные методы, интенсификация учебного процесса

O.B. Soloveva
(Nizhny Novgorod, Russia)

THE ROLE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO NON-LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS

The article discusses the need to use innovative forms and methods in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic universities. The author describes the methods and technologies used in the classes. The article describes an example of the use of project technology in the specialty "Economics". The author convincingly substantiates the need to use the methods in question. The use of interactive methods, project technology, digital educational resources contribute to the intensification of the educational process.

Key words: foreign language, non-linguistic university, interactive methods, intensification of the educational process

Ритм современной жизни, скорость обработки информации, профессиональные требования, предъявляемые к специалистам требуют обновления содержания учебного процесса в вузах, разработки и применения новых технологий, обеспечивающих интенсификацию обучения. Предусматривается широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий [1].

Интенсификация процесса обучения предполагает достижение цели обучения с минимальной затратой сил обучаемых и преподавателей с учетом таких показателей как качество обучения и экономия времени. Инновации – нововведения, предполагающие комплексное использование новой техники и

переустройство образовательной практики на пути повышения ее эффективности. К инновационным методам относят методы, обуславливающие активизацию учебно-познавательной и практической деятельности, например, интерактивные методы, при применении которых обучаемые вместо объекта учебного процесса становятся субъектом взаимодействия, а информация становится не целью, а средством для освоения действий профессионального иноязычного общения. То есть, учебный процесс организован таким образом, что организующим звеном деятельности обучающихся является их взаимодействие с учебным окружением, направленное на овладение новым опытом [2].

Интерактивные методы классифицируются по наличию в образовательном процессе: а) модели профессиональной деятельности; б) роли.

Согласно первому признаку интерактивные методы обучения делятся на *неимитационные* и *имитационные* методы [3]. Неимитационные методы, к которым, например, относятся семинар-дискуссия, проблемная лекция, научно-практическая конференция, «мозговой штурм», защита курсовой или дипломной работы, не предполагают построения моделей изучаемого явления, процесса или деятельности. Активизация здесь достигается за счет отбора проблемного содержания обучения, применения технических средств, диалогического взаимодействия преподавателя и студентов. Коммуникативные навыки обучаемых формируются в процессе построения доказательств, формулирования собственного мнения в понимании проблемы, принятия решений [4]. В основе имитационных методов лежит моделирование, т.е. воспроизведение в учебных условиях процессов, происходящих в реальной действительности. Это позволяет отразить в учебном процессе различные виды профессионально ориентированного взаимодействия.

В соответствии с признаком наличия ролей имитационные методы делятся на игровые и неигровые. К неигровым методам относится кейс-метод или метод анализа конкретных ситуаций [5]. Обучаемым предлагается осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. Проблема не дается в готовом виде, а формируется преподавателем, исходя из условий реальной учебной ситуации (соотнесение содержания учебного материала с уровнем подготовки группы в целом и каждого обучаемого в частности) [6]. Кейс-метод дает студентам возможность проявить инициативу, почувствовать самостоятельность в освоении теоретических положений и овладении практическими навыками. Анализ ситуаций довольно сильно воздействует на профессионализацию студентов. Через учебные ситуации воссоздаются реальные профессиональные [7].

К игровым методам относят ролевые и деловые игры. Игровой аспект учебной деятельности способствует формированию умений межличностного взаимодействия в ходе игры, выработке навыков сотрудничества и принятия коллективных решений.

Одним из способов активизации деятельности обучаемых является проектная технология. Проект – это комплекс поисковых, исследовательских, графических и других видов работы, выполняемых студентами самостоятельно (или под руководством преподавателя) с целью практического или теоретического решения значимой проблемы [8]. Для этого требуется не только знание языка, но и владение определенным объемом предметных знаний, владение творческими, коммуникативными и интеллектуальными умениями.

Проектная форма работы является одной из технологий, позволяющих применить накопленные знания по предмету, расширить их. Обучаемые получают опыт практического использования языка. Работая со справочной литературой, словарями, компьютером, студенты получают возможность прямого контакта с аутентичным текстом. Создается языковая среда, способствующая возникновению естественной потребности в общении на иностранном языке.

Следует отметить особую роль проектной технологии в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза. Данный вид работы позволяет сочетать аудиторную и внеаудиторную формы работы с приоритетной ориентацией на внеаудиторную самостоятельную деятельность студентов. Обучаемые с разным уровнем языковой подготовки могут участвовать в работе в соответствии со своими возможностями. Проблемность и разнообразие форм и видов данной технологии предполагает наличие межпредметных связей.

В качестве примера приведем проектную работу студенток 3 курса специальности «Экономика».

При подготовке проекта мы руководствовались следующими требованиями:

- наличие значимой в исследовательском плане проблемы;
- практическая и познавательная значимость предполагаемых результатов;
- самостоятельная (парная) деятельность студентов;
- консультативная роль преподавателя;
- структурирование содержательной части проекта;
- использование исследовательских методов, предусматривающих определенный алгоритм действий: определение проблемы и задач исследования; анализ информации; определение источников информации; сбор, систематизация и анализ полученных результатов; обсуждение способов оформления результатов.

На подготовительном этапе нами была определена тема «Лондонская фондовая биржа и мировой финансовый кризис» (“The London Stock Exchange And Global Financial Crisis”). Целью работы было исследование проблемы влияния мирового финансового кризиса на функционирование Лондонской фондовой биржи. Данная тема позволила объединить языковой, профессиональный и страноведческий аспекты обучения. Были обозначены сроки работы и осуществлен поиск материала с помощью Интернет-ресурсов.

Второй – основной этап был посвящен обработке и анализу найденного материала. Студенты выполнили перевод, составили план и подготовили реферат и устные доклады на английском языке.

Конечные результаты были предоставлены в форме доклада и презентации в программе Power Point.

В процессе работы над проектом студенты получили возможность осуществить исследовательскую работу в рамках заданной темы, расширили профессиональный кругозор, получили новые знания и умения самостоятельной работы. Было отмечено повышение уровня личностной и творческой активности, мотивации, возрастание познавательного интереса.

Проектное обучение развивает: 1) исследовательские умения (умения анализировать проблемную ситуацию, выявлять проблемы, осуществлять отбор необходимой информации из литературы, проводить наблюдение практических ситуаций, фиксировать и анализировать их результаты, строить гипотезы, осуществлять, обобщать, делать выводы); 2) умения работать в команде (происходит осознание значимости коллективной работы для получения результата, роли сотрудничества, совместной деятельности); 3) коммуникативные умения (умение не только высказывать свою точку зрения, но и выслушать, понять другую, в случае несогласия уметь конструктивно критиковать альтернативный подход для того, чтобы в итоге найти решение, синтезирующее, удерживающее позитивы каждого предложения). [3] Проектный метод помогает развивать языковые и интеллектуальные способности, интерес к изучению языка, потребность в самообразовании. Предполагается достижение определенного уровня языковых, страноведческих, социокультурных знаний, коммуникативных умений и речевых навыков, позволяющих осуществлять иноязычное общение. Проектное обучение позволяет интегрировать учебный и воспитательный процессы.

Интенсификации процесса обучения иностранному языку в техническом вузе способствуют также мультимедийные инновации, которые определяются как «информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация и др.), реализующие интерактивный диалог пользователя с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации». К ним относятся разнообразные цифровые образовательные ресурсы, такие как презентации в Power Point, обучающие программы, электронные учебники, учебные Интернет-ресурсы [9].

Применение информационных технологий, использование интерактивной доски позволяют сочетать аудио- и видео- наглядность, что обеспечивает эффективность восприятия и запоминания учебного материала, экономии учебного времени. С помощью программы Power Point можно создавать учебные материалы для реализации конкретных учебных задач. В зависимости от уровня подготовленности обучаемых преподаватель может варьировать объем представляемого материала, степень наглядности, наличие интерактивных компонентов. Изучение иностранного языка с помощью

Интернет-технологий дает возможность обучаемым работать с аутентичными аудио-, видео- и печатными материалами. Интернет-ресурсы – неистощимый источник разнообразной информации (страноведческой, предметной).

Процесс обучения с применением интерактивных методов обучения, проектной технологии, мультимедийных средств способствует: 1) увеличению объема усваиваемого материала, глубине его понимания; 2) возрастанию познавательной активности и творческой самостоятельности обучаемых; 3) уменьшению временных затрат на получение знаний, формирование навыков и умений; 4) возможности индивидуализации обучения; 5) реализации воспитательного аспекта. В отличие от традиционных методик обучаемому отводится главная роль на пути к усвоению знаний, при которой преподаватель является активным помощником, организует, направляет и стимулирует учебную деятельность.

Таким образом, использование в учебном процессе новых информационных технологий, инновационных форм и методов обучения является эффективным путем интенсификации учебного процесса.

Литература

1. Баранова Е.В., Соколова Е.Г. Грамматический аспект обучения английскому языку студентов 1-го курса специальности «Судовождение» // Баранова Е.В., Соколова Е.Г.//Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Соколова. Санкт-Петербург, 2021. – С. 83–93.
2. Волкова В.В. Лексический аспект обучения иностранному языку в техническом вузе / В.В. Волкова, О.И. Коваль, О.Б. Соловьева // Комплексное взаимодействие лингвистических и выпускающих кафедр в техническом вузе: Международная научно-практическая конференция посвященная 125-летию РУТ (МИИТ), Москва, 27 мая 2021 года. – Москва, 2021. – С. 107–111.
3. Гуро-Фролова Ю.Р. Иностранный язык как средство межкультурной коммуникации в смешанных экипажах // В сборнике: Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 2021. – С. 63–70.
4. Новик В.Ю. Педагогическое сотрудничество как условие формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Сборник по материалам 4 научно-практической конференции с международным участием «Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества» 2018 г. – С. 460-465.
5. Орлова Л.Г. Корнилова Е.С. Повышение эффективности работы с лексикой на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе // Труды Международного научно-промышленного форума «Великие реки». – 2018, ННГАСУ, 2019. – С. 4.
6. Пахомова О. В. Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку студентов не профильных направлений // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021, № S (82). Т. 4. – С. 62–64.
7. Седова Е.А. Обучение монологической речи студентов нелингвистического вуза посредством метода кейсов (на примере специальности «Эксплуатация судовых энергетических установок») // Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы.

Материалы I научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Соколова. – Санкт-Петербург. 2021. – С. 175–185.

8. Степанова А.С. Иноязычная профессиональная подготовка студентов как гуманитарный компонент высшего образования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021, № S (81). Т. 3. – С. 89–92.

9. Volkova, V. V. Characteristics of Strategies for Teaching Marine Engineers Professional Communication at English Lessons / V.V. Volkova, O.I. Koval, O.B. Soloveva // Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2021 года / Под общей редакцией С.С. Соколова. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 165–174.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СТОРИТЕЛЛИНГА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье анализируется применение метода сторителлинга в обучении иностранным языкам. Автор дает характеристику этого обучающего метода в рамках группы ситуационных методов интерактивного обучения, описывает результаты, достигаемые в процессе его использования. Анализируются такие элементы метода сторителлинга, как определение образовательной цели, выбор темы и персонажей, рефлексия. Автор резюмирует важные преимущества использования сторителлинга в учебном процессе.

Ключевые слова: сторителлинг, ситуационный метод, интерактивное обучение, мотивация, творческая активность

A.S. Stepanova
(*Nizhny Novgorod, Russia*)

THE APPLICATION OF THE STORYTELLING METHOD IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article analyzes the application of the storytelling method in teaching foreign languages. The author characterizes the teaching method within the group of situational methods of interactive teaching, describes the results achieved in the process of its use. Such elements of the storytelling method as the definition of an educational goal, the choice of a topic and characters, and reflection are analyzed. The author summarizes the important advantages of using storytelling in the educational process.

Key words: storytelling, situational method, interactive learning, motivation, creative activity

Сторителлинг как метод обучения принадлежит к ситуационным методам интерактивного обучения, то есть к методам, основанным на анализе или моделировании определенных ситуаций, несущих в себе учебное содержание.

С помощью метода сторителлинга, как и других ситуационных методов в целом, возможно достижение таких личностных результатов, как формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками и взрослыми в процессе образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, творческой и других видов деятельности.

Сторителлинг позволяет также достичь метапредметных результатов обучения, например, умения оценивать правильность выполнения учебной задачи, собственные возможности ее решения, а также предметных результатов обучения, поскольку через анализ ситуаций до учащихся доносится большое число предметных знаний.

Сторителлинг – метод обучения, суть которого состоит в том, что знание преподносится в виде определенной истории, обладающей сюжетом. Вместо набора фактов и информации учащимся предоставляется история, в которой фактологический материал представлен в виде компонентов сюжетного действия.

Сторителлинг обладает сильной мотивационной составляющей, поскольку истории увлекают своим сюжетом, они выразительны, представляют более персонализированное знание, связанное с личным опытом. Если у истории есть яркий сюжет, то знание, связанное с ситуациями, описанными в этом сюжете, лучше запоминается. Стремления предугадать перипетии сюжета, стимулирует мыслительную и творческую активность учащихся.

Важно отметить, что по-настоящему интерактивным методом обучения сторителлинг становится в том случае, когда учащиеся не просто воспринимают какую-либо историю, но и принимают активное совместное участие в ее сочинении. Необходимость совместно выстраивать непротиворечивый сюжет заставляет учащихся самостоятельно искать новое и дополнительное знание, анализировать факты, выявлять логические противоречия. Совместная работа над историей также формирует коммуникативные навыки.

Сторителлинг осуществляется в несколько этапов: определение учебной цели, выбор темы, отбор основного учебного содержания, выбор структуры сюжета, выбор персонажей, сочинение истории, рефлексия.

Определение образовательной цели, как и в других случаях, основано на том, какое место сторителлинг занимает в рамках учебного процесса. Данный метод интерактивного обучения наиболее целесообразно использовать на уроке-рефлексии.

Выбор темы истории основан на том содержании обучения, которое должно быть преподнесено с его помощью.

Отбор основного учебного содержания предполагает, что будет составлен план того, какие аспекты изучаемой темы обязательно должны войти в рассказываемую историю. Учащимся следует предоставить развернутый содержательный план, чтобы им было легче ориентироваться в том, какое содержание следует использовать при составлении истории. При этом нужно ограничиться именно планом, а не описывать содержание целиком, чтобы учащиеся сами находили недостающую информацию, а не использовали готовый материал.

Выбор структуры сюжета предполагает, что будут обозначены основные пункты, которые должны быть в рассказываемой истории. Сюжет традиционно содержит несколько объемных компонентов: экспозицию, где обозначается время и место действия, ключевые персонажи; завязку, то есть событие, которое провоцирует начало сюжетного конфликта; конфликт, за счет которого нарастает действие, кульминацию, развязку.

Наиболее частые варианты сюжетов описываются несколькими ключевыми схемами. Вот примеры таких схем.

«Мономиф» (или иначе путешествие героя) - структура повествования, которая встречается во множестве как фольклорных, так и литературных произведений. В мономифе герой призван покинуть родной дом и отправиться в трудное, полное опасностей путешествие. Герой движется из знакомого места и привычной жизни в неизвестность, полную загадок и опасностей. По ходу повествования ему приходится разрешать различные сложные проблемные ситуации.

«Гора» служит для отображения драматизма и напряжения в истории. Это похоже на мономиф, потому что помогает построить историю, описывающую наступление определенной череды событий. Отличие в том, что здесь не обязательно будет счастливый финал. Первая часть истории служит завязкой, затем следует основное повествование, которое чередой событий и препятствий подходит к кульминации и затем к завершению истории.

«Вложенные циклы» - схема сюжета, при которой истории рассказываются внутри других историй. Дополнительные истории раскрывают сюжет основной истории. Первой историей начинается рассказ, затем осуществляется плавный переход к другой истории.

«Сюжетный реверс» - техника, в которой история начинается, казалось бы, с предсказуемого сюжета. Но затем, совершенно неожиданно для аудитории, сюжет нарушается, и история начинает развиваться по иному сценарию.

Существуют и другие варианты построения сюжета, а также архетипические схемы различных историй. Более подробные представления о типичных сюжетах можно найти в работах структуралистов, в частности, Проппа.

Выбор персонажей необходимо произвести в самом начале, вместе с выбором структуры сюжета. В истории должен быть персонаж - герой или героиня истории. У всех персонажей должны быть свои особенности характера, которые будут отражаться в рассказанных событиях. Главный герой обязательно должен вызывать симпатию. Учащимся предлагается придумать описание персонажа, однако учитель задает общее представление о нем.

Сочинение истории выглядит так, что учащиеся по очереди или в процессе совместного обсуждения предлагают содержательное наполнение схемы сюжета. Для того, чтобы было возможно сделать содержание разнообразным, учащимся необходимо самостоятельно работать с различными источниками информации.

Рефлексия предназначена для определения удачных и неудачных аспектов рассказанной истории.

Наиболее важные преимущества использования сторителлинга в учебном процессе можно резюмировать следующим образом.

Истории мотивируют, веселят и могут помочь развить позитивное отношение к иностранному языку и его изучению. Они могут вызвать желание продолжать обучение.

Рассказы тренируют воображение. Студенты могут лично участвовать в рассказе, поскольку они отождествляют себя с персонажами и пытаются интерпретировать повествование и иллюстрации. Этот творческий опыт помогает развивать собственные творческие способности.

Прослушивание историй в аудитории – это общий социальный опыт. Чтение и письмо часто являются индивидуальными занятиями, в то время как рассказывание историй вызывает общую реакцию смеха, грусти, волнения и предвкушения, что не только доставляет удовольствие, но и может помочь укрепить уверенность студента в себе и способствовать социальному и эмоциональному развитию.

Студентам нравится слушать повторяющиеся истории. Это частое повторение позволяет усваивать определенные языковые элементы, в то время как другие закрепляются. Многие рассказы также содержат естественное повторение ключевой лексики и структур. Это поможет запомнить каждую деталь, чтобы студенты могли постепенно научиться предвидеть, что произойдет дальше в истории. Повторение также поощряет участие в повествовании. Следование смыслу и прогнозирование являются важными навыками в изучении языка.

Сторителлинг позволяет преподавателю вводить или пересматривать новый словарный запас и структуры предложений, знакомя студентов с языком в разнообразных, запоминающихся и знакомых контекстах, что обогатит их мышление и постепенно войдет в их собственную речь.

Прослушивание историй развивает у студентов навыки слушания и концентрации в том числе посредством визуальных подсказок (например, картинок и иллюстраций), большую роль в этом процессе играют также предварительные знания о том, как работает язык, а также их общие знания.

Таким образом, сторителлинг можно назвать универсальным средством обучения, применение которого особенно актуально при изучении иностранных языков.

Литература

1. Baranova E.V. The interaction of humanitarian and technical components in the system of technical university students' education // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № S (81). Т. 3. – С. 19–23.

2. Volkova V. V. Characteristics of Strategies for Teaching Marine Engineers Professional Communication at English Lessons // Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2021 года / Под общей редакцией С.С. Соколова. – Санкт-Петербург, 2021. – Р. 165–174.

3. Гуро-Фролова Ю.Р. Psychological and pedagogical problematic aspects of foreign language distance teaching // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021, № S (82). Т. 4. – С. 17–19.

4. Коваль О.И. Выбор и обоснование критериев успешности и результативности модели профессионально-ориентированного обучения иностранному языку (ПООИЯ) на неязыковых факультетах // Вестник Волжской государственной академии водного

транспорта. Выпуск 40. – Нижний Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ», 2014. – С. 143–155.

5. Новик В.Ю. Совершенствование обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // *Материалы Всероссийской конференции «Формирование личности специалиста в условиях современного образовательного пространства»*. – Нижний Новгород: НА МВД России. – 2010. Т.2. – С. 144–148.

6. Пахомова О.В. Игровые технологии в процессе обучения иностранному языку студентов не профильных направлений // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. – 2021, № S (82). Т. 4. – С. 62–64.

7. Седова Е.А. Обучение монологической речи студентов нелингвистического вуза посредством метода кейсов (на примере специальности «Эксплуатация судовых энергетических установок») // *Актуальные вопросы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в морском вузе: проблемы и перспективы. Материалы I научно-практической конференции.*-Санкт-Петербург, 2021. – С. 175–185.

8. Орлова Л.Г., Корнилова Е.С. Развитие навыков монологической речи на английском языке у студентов неязыковых вузов // *Великие реки – 2018: труды конгресса 20 Международного научно-промышленного форума.*- Н.Новгород, ННГАСУ. – 2018. Т.2. – С. 261–264.

9. Соловьева О.Б. Предметно-языковое интегрированное обучение в неязыковом вузе: за и против // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. – 2020, № S. Т. 3. – С. 136–138.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ
ИГРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Рассмотрены особенности передачи языковой игры за счет окказионального словообразования в англоязычном дискурсе СМИ. Отмечается, что лексические новообразования характерны для языка СМИ, так как обеспечивают большую выразительность, делают текст ярким и запоминающимся, служат своего рода маркером авторского стиля журналиста. Окказионализмы лежат в основе так называемой словообразовательной игры, которая предполагает активацию существующих знаний, как у продуцента, так и реципиента языковой игры. Выделены разные виды словообразовательной игры; приведены примеры, иллюстрирующие словообразовательный потенциал языковой игры в англоязычном медиадискурсе.

Ключевые слова: языковая игра, окказионализмы, язык СМИ, дискурс, словообразование

A.A. Stepanova, N.A. Gunina
(*Tambov, Russia*)

**LANGUAGE PLAY THROUGH WORD FORMATION IN ENGLISH MEDIA
DISCOURSE**

The paper considers the role of word-building in creating language play in mass media discourse. It is noted that creating occasionalisms is typical of the mass media discourse, as they provide greater expressiveness, make the text vivid and memorable, and serve as a distinguishing feature of the author's style. Occasionalisms underlie the so-called word-formation language play, which involves the activation of the existing knowledge, both in the producer and recipient of the new lexeme. Different types of word-formation language plays are exemplified to illustrate the word-formation potential of this linguistic phenomenon in English-language media discourse.

Key words: language play, occasionalisms, media language, discourse, word formation

Словообразовательная игра является довольно распространённым приемом, используемым в медиадискурсе. Комический эффект и дополнительная экспрессивность создаются за счет создания нового слова, которое вызывает ассоциации с известной лексической единицей. По мнению Е.Г. Жидковой, «основной функцией окказиональной языковой игры в газетном дискурсе является попытка смягчить некоторую официальность, придать непринужденный характер изложению, изменить интонацию, внести элемент оживления» [1]. Окказиональные новообразования всегда являются результатом словотворчества, возникают спонтанно и не отражены в словарях. Их экспрессивно-игровой характер отмечали разные исследователи [2, 3].

Источниками языковой игры, в основе которой лежат различные словообразовательные модели, являются функциональные стили, где они

наиболее распространены, а именно публицистический стиль и художественная литература. Язык СМИ наиболее подвержен различного рода изменениям в силу своей подвижности. Так, например, некоторые исследователи отмечают, что в последнее время появляются новые способы и приемы, которые формируются как под влиянием языковых, так и неязыковых факторов [5].

По мнению некоторых исследователей, окказиональные образования создаются несколькими способами, среди которых можно отметить как продуктивные, так и непродуктивные модели аффиксального типа, словосложение и конверсию [4, с. 189]. Обратимся к наиболее популярным словообразовательным моделям создания новых слов.

Одним из самых распространенных способов образования окказиональных единиц является аффиксация. По мнению Е.С. Кубряковой, новые словные номинации «создаются благодаря созданию новых значений в процессах регулярной полисемии или словообразования. Подавляющее число новых слов – это дериваты: сложные слова, аффиксальные производные, аббревиатуры и т.п. Удельный вес этих единиц составляет в развитых современных языках до 70 % слов» [6, с. 319].

Приведем примеры образования окказионализмов по типу:

- аффиксации: *lop-sidedly, look-after; Russianness, ungood*. Данный способ образования окказионализмов может быть представлен префиксацией, суффиксацией, а также сочетанием префиксации и суффиксации:

- словосложения: *an anti-everything-wrong organization, forevermate* (a friend forever), *cock-and-bull; Oldspea; perfect-woman-in-many-women design; sexcrime* (sexual immorality); *goodsex* (chastity);

- конверсии: *Michelangeloing* (глагол от имени собственного), *magicked* (глагол от прилагательного);

- редупликации (сложение элементов, обеспечивающее эксплицитную и имплицитную экспрессивность, а также оценочность): *lovey-dovey, muckety-muck, fairywairy*;

- комбинации сокращенных основ (окказиональная аббревиация): *INGSOC* (вымышленная социалистическая партия, также известная как английский социализм и наиболее известная как Ингсок, является вымышленной политической партией тоталитарного правительства Океании); *TMZ* (Thirty Mile Zone – ироничное название Голливуда, в связи с введением требования контролировать съемки, происходящие в студиях в радиусе 30-мильной зоны);

- голофразис (образование окказионализмов на основе предложений): *I-know-who-you-are-and-I-love-you; friends-become-staff*;

- контаминации (соединение двух узуальных основ): *Dementor = dement + tormentor; Wizengamot = wizard + witenagemot; to be splinched = split + inch*.

Источником словообразовательной игры могут быть композиционных структур, образованные соединением двух и более лексем. Подобные

новообразования характеризуются информативностью, экспрессивностью, и эмоциональностью. Также они могут быть образованы сложением компонентов, один из которых является окказиональной лексической единицей. К их числу можно отнести такие новообразования, как *Bogoffland* (от *bog off* – отвалить, отстать), *spruware*, и т.п. Подобные виды языковой игры, безусловно, экспрессивны и оценочны по своей природе.

Рассмотрим пример из британской прессы, в котором языковая игра обеспечивается за счет использования окказиональной лексики, созданной разными способами:

*The first, a Guatemalan 65%, was one of those chocolates that I think of as quite **busybody** and **showy-offy**: lots going on and it was a bit too fruity, floral 'look at me' – practically tap dancing on the table* (The Guardian, 1 March, 2020) // *Первым был 65-процентный гватемальский шоколад - один из тех сортов, которые я отношу к категории навязчивых и чересчур эффектных: всего в нем слишком много – и слишком фруктовый, и слишком «манящий» - так и просится пуститься в пляс (здесь и далее перевод наш).*

В данном примере использованы два новообразования, относящиеся к разным типам: грамматическому (*showy-offy*) и лексическому (*look-at-me*). Как уже отмечалось ранее, создание окказионализмов является одним из способов передачи игры слов с целью привлечения внимания читателя к описываемым событиям или явлениям. Также окказиональные образования служат средством экономии языковых средств, так как позволяют создавать более емкие и экспрессивные высказывания.

Другой особенностью передачи игры слов в прессе является комплексное (одновременное) использование нескольких средств. Так, например, существительное *busybody*, обозначающее излишне любознательного человека, используется для описания качеств шоколада, что позволяет, с одной стороны, наделить неодушевленный предмет человеческими характеристиками, а с другой стороны придать тексту образность и эмоциональность. Для перевода нами был выбран способ замены окказионализма эквивалентными узуальными словами: *showy-offy* (чересчур эффектный), *look-at-me* (манящими). Выбор этих единиц при переводе позволяет передать смысл без семантических потерь, но при этом игра слов была утрачена.

В англоязычном медиадискурсе преобладают окказионализмы аффиксального типа. Приведем лишь некоторые из них.

*“...no business is immune from the lure of **workaholism**”* (The Guardian, 25 September, 2015) // *нет ни одной компании, которую бы обошел стороной трудоголизм.*

*Each **celebrality** show might seem weirder or sadder than the previous one, but they're not really covering any new ground* (The Vulture, 8 July, 2011)// *Каждое **реалити шоу с участием знаменитостей** может показаться более странным или печальным, чем предыдущее, но на самом деле в них нет ничего нового.*

We can't be lulled into a false sense of security. Trumpism is far from over (The Guardian, 16 November, 2022)// *Нас нельзя усыпить ложным чувством безопасности. Трампизм еще не искоренен.*

Лексема *workaholicism* является производным словом от *workaholic* и образована суффиксальным способом, *celebreality* образована сложением корневой морфемы *celeb-* и лексемы *reality*, а окказионализм *Trumpism* также образован суффиксальным способом (*Trump+ -ism*). При этом в последнем примере очевидно наличие отрицательной коннотации. Значения окказиональных новообразований легко выводятся из составляющих его элементов.

Рассмотрим несколько примеров словотворчества, характерных для «коронавирусной эпохи»:

Inside the White House's Coronapocalypse // (Vanity Fair, 27 March, 2020)
// *Коронапокалипсис в Белом доме.*

8 tips for working from home during Coronageddon // (Citizen, 25 March, 2020) // *8 советов по работе на дому во время Коронавирусного Армагеддона.*

Оба примера являются заголовками из англоязычной прессы, в каждом из которых присутствует окказионализм, образованный соединением основ *Corona* и морфем легко узнаваемых лексем – *apocalypse* и *armageddon*. Семантика обеих единиц указывает на серьезность и опасность ситуации с коронавирусной пандемией. Как правило, Апокалипсис и Армагеддон обозначают одно и то же - «конец света» - страшное бедствие, которое положит конец привычной жизни на земле.

Аналогичным образом были образованы и другие окказионализмы: *coronacation* (*corona + vacation*), *coronials* (*corona + milenials*), *covexit* (*covid + exit*), *coronacoma* (*corona + coma*), *covidivorce* (*covid + divorce*).

Таким образом, можно отметить активное использование словотворчества в СМИ для передачи игры слов и создания необходимого стилистического эффекта. Осознанные отступления от языковой нормы приводят не только к созданию новых единиц, но и реализации определенных авторских идей. Окказионализмы нарушают общепринятую симметрию языкового знака и позволяют добиться эффекта парадокса, столь необходимого для передачи языковой игры.

Литература

1. Жидкова Е.Г. Типы семантической трансформации слов при языковой игре (на материале газет). URL: http://www.lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2009/russian/lexis/zhidkova.pdf (дата обращения 10.09.2023).
2. Замальдинов В.Е. Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ // Вестник Академии наук Чеченской Республики, 2020, № 2 (49). – С. 116–120.
3. Лаврова Н. А. Языковая игра: современные исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010 - № 6. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-sovremennye-issledovaniya> (дата обращения: 11.09.2023).

4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика, Жест. – М.: Наука. –1983. – 240 с.

5. Янченкова, И.С., Карпова А.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2018, № 2(32). – С. 64–71.

6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. - 560 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ.
ЭЛИМИНАЦИЯ И ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

Процесс перевода складывается из серии выборов, определяемых как ориентацией на ту или иную стратегию, так и предпочтением того или иного конкретного языкового варианта. В процессе определения переводческой стратегии предпочтение может быть отдано либо подчёркиванию национально-культурной специфики оригинала (экспликация), либо нивелированию национально-культурной специфики (элиминация). Именно этим путём решается проблема преодоления культурной части лингвоэтнического барьера в переводе.

Ключевые слова: стратегии культурно-прагматической адаптации, элиминация культурного содержания, экспликация культурного содержания

N.V. Timko
(Odintsovo, Russia)**STRATEGIES OF CULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION.
ELIMINATION OF CULTURAL CONTENT, EXPLICATION OF
CULTURAL CONTENT**

The translation process consists of a series of choices determined both by orientation to a particular strategy and preference for a particular language option. In the process of determining the translation strategy, preference may be given either to emphasizing the national-cultural specificity of the original (explication), or to leveling the national-cultural specificity (elimination). It is in this way that the problem of overcoming the cultural part of the linguistic-ethnic barrier in translation is solved.

Key words: strategies of cultural and pragmatic adaptation, elimination of cultural content, explication of cultural content

Элиминация национально-культурной специфики

Близким к уподобляющему переводу является элиминация национально-культурной специфики, заключающаяся в том, что при переводе реалии её национально-культурная специфика опускается:

Aus einem offenen Fenster gegenüber quakte ein Grammophon den Hohenfriedberger Marsch (Remarque E. Drei Kameraden).

Из открытого окна напротив доносились квакающие граммофонные звуки военного марша (пример из: [1, с. 151]).

Вместо немецкой реалии «Hohenfriedberger» переводчик, адаптируя текст, использует прилагательное «военный», в котором национально-культурная специфика немецкой реалии опускается, то есть элиминируется. Такая

культурно-прагматическая адаптация основывается на игнорировании (“камуфлировании”) в переводе инокультурной реалии.

Возможной причиной этого является то, что переводчик по каким-либо соображениям считает знание, передаваемое этой реалией, несущественным для представителя культуры, на язык которой выполняется перевод. Такая позиция переводчика представляется оправданной в тех случаях, когда иноязычные реалии не являются широко известными в культуре читателя ПТ (как, например, имена британских издателей в следующем английском высказывании):

It snowed in Warley the night I left, just a light powdering, a present from Raphael's and Tuck's and Sharpe's to make the girls eyes sparkle...

В ночь, когда я покидал Уорли, выпал снег. Он лишь слегка припорошил улицы – это был как новогодний подарок, чтобы заставить глаза девушек гореть ярче... (пример из: [2, с. 15]).

Ещё одной причиной элиминирования национально-культурной специфики в переводе может являться стремление переводчика избежать «конфликта культур», который может возникнуть при буквальном переводе. Поэтому целью переводчика является приближение переводного варианта к моделям, близким культуре, на язык которой выполняется перевод.

Например, известно, что в английской культуре женщина, вступая в брак, принимает не только фамилию (last name), но и имя (first or Christian name) своего мужа, что совершенно неприемлемо для русской культуры. Поэтому в переводе эта особенность английской культуры элиминируется, так как указание на женщину, которая носит мужское имя, было бы непонятным русскому читателю:

When she thought of herself it was always as Mary Pease, not Mary Jordache, or Mrs Axel Jordach.

Мысленно она всегда называла себя мэри Пэйс, а не Мэри Джордах или миссис Джордах (пример из: [2, с. 18]).

При переводе названий некоторых специфических элементов английского жилища переводчики также склонны элиминировать национальнокультурную специфику оригинала:

William got up and went through the French windows to the garden (Mansfield K. Marriage a la Mode).

Уильям встал и через стеклянную дверь вышел в сад.

В английском тексте используется реалия «French window», означающая большое двустворчатое окно, доходящее до пола, которое служит одновременно дверью. В русском варианте перевода, адаптированном под русскоязычного читателя, подбирается соответствие («стеклянная дверь»), в котором сохраняются практически все признаки этой реалии: и окно (так как стеклянное), и дверь. Таким образом, русский приближённый аналог «стеклянная дверь» становится минимально культурно дистанцированным от английского «French window». Если бы переводчик сохранил национальнокультурную специфику оригинала (вышел через французское окно

в сад), вряд ли сообщение было бы вообще адекватно воспринято читателями ПТ.

...if she didn't meet him that evening in Pulman's Bush, he'd come to the front door and ask the reason why (Mansfield K. *The Doll's House*).

...если она вечером не придет в роуцу Пульмана, то он явится прямо к ним в дом и спросит, почему она не пришла (пер. Т. Беляевой).

Данный пример иллюстрирует некоторые особенности английского дома, и в частности, входа в дом. Об этом свидетельствует реалия «front door». Указание на конкретный тип двери имеет большое смысловое значение в данном примере, так как в жилых домах английского типа есть две двери – front door и back door (для прислуги, разносчиков и посыльных). В переводе опускается сама культурная информация и передаётся лишь несомый ею смысл: бесцеремонность вторжения в дом без приглашения.

Let's have'em down and give'em a bone (K. Mansfield. *Sun and Moon*).
Давайте возьмём их в столовую и дадим им что-нибудь поклевать (пер. Т. Беляевой).

В данном примере, так же как и в предыдущих, представлено специфическое устройство английского дома, в котором наверху только спальни, а все остальные помещения – на первом этаже. Поэтому понятие down(stairs) (внизу, спустившись по лестнице) подразумевает гостиную, столовую и кухню. В данном случае контекст конкретизирует понятие и становится ясно, что речь идёт о столовой. Данный приём можно рассматривать также как метонимическую трансформацию, когда вместо наименования помещения используется указание на его местонахождение. Приведём ещё примеры, когда часть информации элиминируется (приём, напоминающий генерализацию). При этом элиминируется не весь объём культурной информации, заключённой в реалии, а лишь её часть:

1. *A grey Jaguar coupe drove away as we reached the house.*

От дома, когда подъехало наше такси, отъезжал серый «ягуар» (пример из: [2, с. 25]).

2. *As Don Carleone stood greeting guests, a black Chevrolet sedan came to a stop on the far side of the paved mall.*

Хозяин дома всё ещё стоял в дверях, встречая гостей, когда на той стороне мощёной площадки остановился чёрный шевроле (пример из: [2, с. 17]).

Для англо-американской культуры престижной представляется не только марка автомобиля, но и модель автомобиля, тогда как для среднего русскоязычного читателя признаки coupe, sedan малоинформативны.

Экспликация национально-культурной специфики

Экспликация представляет собой «развёртывание» содержания безэквивалентной лексической единицы, то есть непосредственное объяснение её в тексте перевода:

1. *Top marks at Dartmouth.* – *С блеском учится в Дармутском университете.*

2. *She met him at the Yale last fall.* – Она познакомилась с ним прошлой осенью в Йельском университете.

При переводе этих английских высказываний на русский язык их сокращённые упоминания «разворачивается», и имплицитная информация об их образовательной принадлежности разворачивается в слово «университет». Сокращённое упоминание реалий предполагает наличие экстралингвистических знаний у получателя текста как представителя той или иной культуры. Эти знания могут относиться к области художественной литературы, искусства, кинематографа, социологии и др.:

1. *It was the sense of being always involved in a charade upon Hard Times.* – Было ощущение, что всё это вроде инсценировки романа Диккенса «Тяжёлые времена», в котором ты обречён принимать участие.

2. *The whitebearskin rug on the parquet floor was, I suppose, strictly MetroGoldwyn-Mayer, but I fitted in.* – Шкура белого медведя на полу вызвала у меня в памяти фильмы производства «Метро-Голдвин-Майер», но и она не звучала диссонансом.

В таких примерах в английском языке отмечены определённые вехи английской культуры без указания того, являются ли они произведениями художественной литературы, кинокомпанией (как в приводимых примерах), представителями искусства и т.д. В переводах на русский язык переводчик адаптирует информацию об этих реалиях для носителей ПЯ, поясняя, что в первом случае речь идёт о книге, а во втором – о фильме.

Литература

1. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
2. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 46 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ЛАУДАТИВ» В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В статье представлен иллюстративный материал как доказательство тенденции к усилению частотности использования категории «лаудатив» в процессе коммуникации с целью достижения необходимого прагматического эффекта. Анализируется информационно-коммуникационное пространство, в котором регулятивная функция лаудатива выступает как возможный способ упреждающей когнитивной безопасности. Вследствие некоторых социокультурных трансформаций в условиях новой коммуникации лингвокогнитивная категория «лаудатив» реализуется в таких допустимых формах, как самоодобрение, самопрезентация, самовосхваление, что не свойственно традиционной русской культуре.

Ключевые слова: лаудатив, субъект лаудации, регулятивная функция, упреждающая когнитивная безопасность

I.V. Utkina
(Tver, Russia)

LINGUOCOGNITIVE CATEGORY «LAUDATIVE» IN THE CONTEXT OF THE COGNITIVE SAFETY OF THE COUNTRY

The article presents illustrative material as proof of the tendency to increase the frequency of using the category «laudative» in the communication process in order to achieve the necessary pragmatic effect. The information and communication space is analyzed, in which the control function of the laudative acts as a possible way of preventive cognitive safety. Due to some socio-cultural transformations in the conditions of new communication, the linguocognitive category «laudative» is realized in such acceptable forms as self-approval, self-presentation, self-praise, which is not typical of the traditional Russian culture.

Key words: laudative, subject of laudation, control function, preventive cognitive safety

Современная лингвистика характеризует состояние общества первой половины 21 века, оперируя понятиями «речевая агрессия», «деструктивное речевое поведение», «патогенные тексты» и т.п. Еще в VI в. до н.э. древнегреческий мыслитель Гераклит Эфесский сказал: «Един предмет, состоящий из двух противоположных, но если разделить его, противоположности обнаруживаются» [1, с. 133]. Опираясь на диалектическую философию, обратим внимание на коммуникативные категории, противоположные агрессии, одной из которых является лаудатив. Лаудация (от латинского глагола «laudare» – хвалить, восхвалять) в современной коммуникации обладает большим потенциалом и выступает инструментом регуляции и манипуляции. Под лаудативными высказываниями мы понимаем высказывания, содержащие положительную оценку и имеющие целью одобрить, похвалить, прославить, превознести кого-либо или что-либо.

Лаудативные высказывания выступают в качестве речевых действий в диалогическом общении и обладают определенной направленностью на достижение конкретного результата, а также являются средством для достижения поставленных целей в интеракции при осуществлении деятельности говорящего по воздействию на объект. Лаудатив как лингвокогнитивная категория известен с древних времен, однако описание данной категории в современном контексте позволит найти конструктивные решения для обеспечения когнитивной безопасности страны.

Говоря о когнитивной безопасности, мы исходим из понимания того, что сегодня «безопасность – это уже не только обеспечение ответных мер по предупреждению стихийных, социальных, политических, военных, информационных или иных опасностей, это и превентивная, упреждающая безопасность, стратегия которой должна основываться на природоподобных и нано-технологиях» [5, с. 294]. Процессы познания, осознания, обработки информации, поступающей из внешнего мира, восприятия и выработки умозаключений, решений, формирующих свое отношение к событиям, людям, явлениям непосредственно связаны с мышлением и языком. Следовательно, достижение упреждающей когнитивной безопасности возможно с опорой на лингвистические исследования категорий, напрямую связанных с информационным, ментальным, поведенческим, духовно-нравственным, культурно-историческим пространством человека. Специфика управления данными процессами обусловлена особенностями коммуникативно-социального поля и необходимостью выделения единицы информации, обладающей влиянием в процессе интеракции, единицы речевого и неречевого человеческого поведения. В качестве такой единицы А.А. Романовым предлагается «регулятив», «материальными проявлениями которого в речевом общении являются средства его распространения как на уровне языковой системы (языковые единицы), так и за ее пределами (на уровне языкового сознания)» [6, с. 189]. Комплексная реализация регулятива в коммуникативном процессе, а также «учет и знание функциональной специфики регулятивов в коммуникативном (интерактивном) процессе открывает широкие возможности для понимания многих процессов и проблем как в плане планирования речевого воздействия вообще, в плане предотвращения нарушения норм и правил (любого порядка) речевого (и не только) поведения, так и в плане управления человеческими ресурсами» [6, с. 192].

Информационно-коммуникативное пространство, в котором происходит обмен регулятивными действиями, сегодня характеризуется новыми формами и правилами интеракции субъектов, в том числе и речевого общения. Отметим, что лаудативные речи и высказывания, инициированы адресантом, субъектом, автором похвалы, и являются по сути ответным на совершаемые поступки или полученные достижения объекта похвалы (не всегда адресата). В настоящее время индивидуализм превалирует над коллективизмом и личность приобретает качества, необходимые для достижения успеха и признания в современном обществе. Такими качествами являются умение производить положительную

самооценку, независимость от мнения окружающих, внимательное отношение к себе и своим потребностям. Согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу [5] безопасность жизни и здоровье занимают вторую иерархическую ступень после еды. Современный человек беспокоится о своём здоровье и безопасности, как никогда раньше. Популярность книг, публикаций, ток шоу, посвященных этой части жизни личности набирает обороты. Причем методы позитивной психологии, направленные на лечение физических болезней, всё больше популярны. Так, в одной из книг М.Л. Шульц «Всё будет хорошо!» предлагается для лечения физического заболевания следующая психологическая установка «Я сама себе нравлюсь, я одобряю собственное поведение». Подобная ценностная самоориентация, фокусирование на себе проявляется во многих сферах человеческой жизни и провоцирует возникновение форм речевого взаимодействия, отвечающих нормам современного информационно-коммуникативного пространства, ориентированного на ценности индивида более, чем на коллективные, общественные. Одной из таких «новых нормальных» форм, которую выбирает современный человек для реализации в процессе коммуникации не только социальных потребностей, но и потребностей в уважении и признании является самоодобрение, самовосхваление. Однако нельзя категорично утверждать, что, восхваляя себя по тем или иным причинам, человек не учитывает ценности общества. И. Гофман справедливо отмечает, что «когда индивид представляет себя перед другими, его «исполнение» будет реально проявлять тенденцию к воплощению и подтверждению собственным примером общепринятых ценностей данного общества в гораздо большей мере, чем это делает его поведение в целом». [2, с. 68] Ориентированность на нормы, диктуемые обществом, и «поддержание своего представительского переднего плана» обусловлены «некоторой идеализацией высших слоев и стремлением части людей продвинуться с низших позиций на более высокие» [2, с. 69]. Самовосхваление – это особая форма самопрезентации, направленная на создание положительного впечатления о себе всеми возможными способами, в число которых входит не только преувеличение собственных заслуг, достоинств, но и приписывание себе самому качеств, которыми согласно навязанному стандарту социального статуса, должен обладать индивид в том или ином обществе.

В русской культуре лаудация, в которой субъект является объектом, т.е. самовосхваление, традиционно оценивается обществом как нарушение принятых норм речевого поведения. В лаудативной речи наименование субъекта, производящего лаудативное действие, является своего рода вербализированным заключением о линии речевого поведения партнера. В русском языке для номинации лаудатора, хвалителя, используются слова, которые имеют негативную коннотацию, усиливающуюся при совпадении субъекта и объекта лаудативного действия: самохвал, бахвал, хвастун. Например, *«Автор, умерь свой восторг, помолчи и оставь это на догадку читателей. Не уподобляйся без нужды тем несносным самохвалам, которые выпрашивают или, лучше сказать, отягощая слушателей чтением своих*

сочинений, похвалу из них вымучивают и после проповедают, что они до небес оными превознесены были». В данном примере наблюдаем, что со словом «самохвал» используется прилагательное «несносный» в значении «крайне неприятный; надоедливый, утомительный». Лаудативные тексты, адресованные субъекту лаудации, т.е. самому себе «отягощают слушателей». Негативное восприятие совершаемого лаудативного действия, направленного на лаудатора, объясняется и преемственностью культурных традиций. С.В. Козловский, исследуя былинные сюжеты отмечает, что хвастовство в древнерусском героическом эпосе служило инструментом изменения, подтверждения или повышения своего социального статуса: «Хвастовство является средством удержания/приобретения социального статуса, поощряется только на пиру, являясь его необходимой составной частью; вне пира это неизбежно приводит к поражению хвастуна» [4, с. 123].

В 21 веке происходит формирование информационной экономики и отмечается динамичное развитие медиарынка, пропагандирующего необходимость самопрезентации посредством распространения в массы положительной информации о себе, не всегда соответствующей действительности. Лаудативная информация как инструмент воздействия на массовое сознание распространяется в медиaprостранстве, потому правомерно рассматривать интернет-лаудацию как процесс манипулятивного воздействия, который «подразумевает применение особых способов подачи информации» [7, с. 126]. Одним из приемов интернет-лаудации, известным еще со времен античности является обожествление восхваляемого объекта. Так, для номинации объекта лаудации используются слова, имеющие общий семантический компонент «божественное начало, не поддающийся сравнению с кем-либо»: *богиня, бог, ангел, ангелочек, идол, икона стиля, праведник* и т.п. Например, в комментариях к посту визажиста, который с помощью фото и текста демонстрирует результат своей работы читаем «*Аня, ты богиня красивых небанальных дневных мейков*) » реакция адресата лаудации «*Вот тут я опешила... Сама постоянно люблюсь на твои макияжи, крутые тени и удачные сочетания оттенков. Поэтому тройне приятно такое прочитать, спасибо, Ксюша*». Ответный лаудативный шаг совершается для того, чтобы усилить похвалу в свой адрес и семантически передает смысл «*Да, я такая*». В интернет-лаудации самовосхваление, самоодобрение воспринимается как норма поведения, принятая в интернет сообществе, принимающем всех в той роли и с той маской, которую выбрал себе участник интеракции. Фраза в чате «*в юбках карандашах я богиня, джинсы – ужас*» не корректируется ответными репликами, так как воспринимается участниками общения как разрешенное. Приведем еще один пример, подтверждающий, что восхвалять себя имеет право не только божество, как это было в древности. «*Убожество!*» — *У, божество: это пишется раздельно! Любую вашу индивидуальность можно повернуть на 360 и сделать прекрасной личной фишкой; любую фразу можно поместить в другой контекст и она поменяет смысловую нагрузку*»). Этот пост, размещенный в соцсетях, в полной мере передает ситуацию, сложившуюся в

современном коммуникативном пространстве, где самовосхваление воспринимается как искусство самопрезентации.

В давние времена человек выражал благодарность божествам, судьбе, предкам, благодаря которым объект лаудации наделен талантом, мужеством, смелостью и другими качествами, заслуживающими прославления, тем самым как бы отстраняя похвалу. В настоящее время восхваляется и прославляется человек, его способности, качества, действия без апелляции к «высшим силам», иными словами, можно сказать, что лаудации подвергается «человек в человеке», а не его божественное начало. Тщательный отбор слов и синтаксических конструкций дает возможность манипулятору (инициатору распространения лаудативной информации) сформировать определенное мнение о человеке. Подобная информация является дезориентирующей, т.е. согласно определению А.И. Юрьева «неправильно определяющую собственное местонахождение в историческом процессе, экономическом состоянии, отношениях с иными народами и государствами» [8, с. 107].

В русскоязычном культурно-коммуникативном пространстве для отстранения похвалы служит «спасиБо». Подмена понятий «самовосхваление», «хвастовство» «бахвальство» актуальными в современном информационном пространстве понятиями «самореклама», «самопиар» привело к стиранию границ нормы и ослаблению связи с историческими культурными нормами и ценностями. Лингвокогнитивная категория «лаудатив» в контексте когнитивной безопасности может выполнять роль регулятора и нейтрализатора внешнего воздействия. Самоодобрение и самовосхваление не принято и воспринимается русскоязычным обществом как проявление отрицательных качеств личности, выражающей одобрение относительно себя, однако в информационно-коммуникативном пространстве 21 века умение себя подать, показать свои сильные стороны – это качества, необходимые современному человеку, стремящемуся к успеху, признанию и финансовой независимости, потому хвастовство и самовосхваление воспринимаются как неотъемлемая составляющая интеракции не только в бизнес-сфере и политике, но и в других.

Литература

1. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
3. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. – 300с.
4. Козловский С.В. Хвастовство в социальной практике Древней Руси IX – XIII вв.//Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В.Пузанов. СПб.-Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001. – С. 113–124.
5. Маслоу А.Г. Мотивация и личность; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина] . – 3-е изд. – Москва: Питер, 2013. – 351с.

6. Романов А.А. Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, издательство «Агросфера», 2006. – 436 с.

7. Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В. Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – С. 126–131.

8. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию: монография. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. – 227 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФАМАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕНАСИВНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены изменения подходов государства к явлению семантической диффамации. Произведен анализ изменения нормативно-правовых актов, имеющих отношение к семантической диффамации. Выявлены новые положения, направленные на борьбу с семантической диффамацией. Рассмотрен характер угроз дестабилизации общества по средствам семантической диффамации.

Ключевые слова: Семантическая диффамация, манипулятивное воздействие, угрозы дестабилизации общества

Y.Y. Utkin
(Tver, Russia)

SEMANTIC DEFAMATION AS A WAY OF MENASIVE DESTABILIZATION OF SOCIETY

This article examines the changes in the approaches of the state to the phenomenon of semantic defamation. The analysis of changes in normative legal acts related to semantic defamation is carried out. New provisions aimed at combating semantic defamation have been identified. The nature of threats to destabilize society by means of semantic defamation is considered.

Key words: Semantic defamation, manipulative influence, threats of destabilization of society

Враг хитер и коварен, ребята
Не пора ли лупить
супостата?!
Он же нашу стащил Благодать!!!
Враг хитер и коварен, ребята,
–Так что Рая всем нам не видеть!
Парамон Перегрин

Информационное взаимодействие между людьми связано с передачей смыслов, проявляющихся в процессе коммуникации с помощью речи, что задает условия для понимания или непонимания информации. Регулятивность в данном процессе маркируется различными языковыми средствами и может проявляться комплексно. На семантическом уровне игра со смыслами является средством введения в заблуждение, возникновения размытости/ несовпадения реальности с передаваемым сообщением, формирования искаженного

информационного пространства. Подобное расхождение дает возможность, не изменяя реального экономического, политического, социального процесса, нарушить порядок и стабильность общества путем использования семантической диффамации. Порождение и распространение искаженных смыслов и недостоверной информации – это один из способов менасивной дестабилизации общества. Манипулятивное воздействие посредством языковых и психологических механизмов производится с целью создания автоматической реакции на описываемые события, явления. А.А. Романов подчеркивает, что «стереотипная реакция нередко формируется при помощи механизма некритического восприятия информации, которое обуславливается применением различных коммуникативных приемов и суггестивных стимулов, обеспечивающих соответствующее (запланированное или «запрограммированное») поведение как отдельного индивида, так и группы людей или масс» [8, с. 26].

Говоря о явлении семантической диффамации, мы ранее многократно подчеркивали необходимость более серьезного внимания к проблеме диффамации в современном обществе как средству манипуляции, обеспечивающему «запрограммированное» поведение массы людей, однако следует отметить, что в настоящее время этот вопрос мало исследован. Диффамационные элементы в различных своих проявлениях насквозь пронизывают информационную сеть Интернет, где свобода в распространяемой информации ни коим образом не предполагает контроля за ее достоверностью. Появление онлайн-версий у влиятельных бумажных изданий вызвало и безграничное, по сути, расширение публикационного пространства, привело к появлению большого количества комментирующих текстов [5].

Если ранее мы говорили о том, что крайне сложно доказать взаимосвязь фейковой информации с неблагоприятными правовыми последствиями [7], то начиная с 2020 года ситуация стала изменяться и продолжает меняться, хотя в целом комплексный подход к угрозам, которые могут быть вызваны семантической диффамацией, в настоящее время по-прежнему не сформирован.

На законодательном уровне за последние три года произошло изменение нормативного регулирования и наказания за распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, что отражено в изменениях в Уголовном кодексе РФ. Следом за появлением в Уголовном кодексе России статей 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан; 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [1], вводящих ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации по видом достоверных сведений. В марте 2022 года в Российском законодательстве появляется тематическая градация, т.е. определены темы, соответствующие сферам жизнедеятельности, которые не следует использовать в качестве суггестивного инструмента, распространяя недостоверную информацию. Так, в статье 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо

ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» [1] говорится о публичном распространении информации под видом достоверной, при этом информация должна иметь отношение к применению Вооруженных Сил Российской Федерации либо действиях органов государственной власти, направленных на реализацию своих полномочий за пределами территории России. Таким образом, в совокупности с ранее появившейся в Уголовном кодексе России статьей 207, говорящей о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, на текущий момент в правовой науке сформировалось определенное правовое поле, в котором напрямую предусмотрена ответственность за распространение недостоверной, либо иной заведомо ложной информации.

Законодательно признается, что вопросы, ранее находившиеся в поле интересов лингвистов, требуют государственного регулирования и контроля. В июле 2022 года появилась Статья 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства» [1]. Во втором пункте Статьи 280.4 УК РФ, более тяжелом по составу преступления и ответственности за него, отдельно прописаны средства массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», как инструмент распространения противоправной информации. Таким образом государство на законодательном уровне установило более тяжелую ответственность если деятельность направленная против безопасности Российской Федерации реализуется по средствам или с использованием СМИ, что также соответствует текущей тенденции, направленной на формирование модели правового регулирования семантической диффамации и предупреждения менасивной дестабилизации общества.

В продолжение вышесказанного об изменении государственных подходов в вопросе информационной безопасности остановимся на отдельных элементах Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» который в п.25 относит на современном этапе к национальным интересам Российской Федерации: развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия [3]. Особенно следует обратить внимание на то, что безопасность информационного пространства коррелирует с такими базовыми постулатами как сбережение народа России, защита конституционного строя, независимости и территориальной ценности государства, укрепление законности, охрана всех форм собственности и развитие взаимодействия гражданского общества и государства.

В широком смысле понятие безопасности информационного пространства содержит в себе не только технологические требования к

защищенности информации, баз данных, систем и т.п., но и безопасность от диффамационного воздействия. Именно диффамационные явления и есть те источники мягкой силы, через которые можно воздействовать на общественное мнение, аккуратно подменяя понятия, внося дезориентацию среди граждан.

Как следствие информационная безопасность уже отнесена к стратегическим национальным приоритетам. Говоря о текущих угрозах современной России, отдельно следует выделить п. 44. Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», говорящего об опасности усиления со стороны Международных террористических и экстремистских организаций пропагандистской работы и работы по вербовке российских граждан, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи. А также отдельно говорится об участии в распространении недостоверной информации, организации незаконных публичных акций глобальных интернет-компаний, что несомненно подчеркивает значимость текущих проблем и предполагает выработку активной позиции противодействия распространения недостоверной информации.

В продолжение развития проблемы распространения недостоверной информации п. 52 Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», говорит о распространении недостоверной информации, в том числе заведомо ложных сообщений об угрозе совершения террористических актов. Таким образом, выделены наиболее опасные для государственного устройства виды диффамации.

В данном Указе Президента в п. 57 «Достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач:

1) формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

2) развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

10) развитие сил и средств информационного противоборства;

12) совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления» [3].

Таким образом, целых четыре подпункта на законодательном уровне определили механизмы и направления противодействия угрозам дестабилизации общества.

Отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает появление пункта о развитии сил и средств информационного противоборства, то есть Указ Президента точно и четко определяет потребность противодействия

дестабилизации общества в информационной сфере и в процессе ретранслирования информации.

Отдельно следует отметить, что с 2016 года в нашей стране действует новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г, в соответствии с которой информационная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [2].

В настоящее время все чаще и увереннее в российском общественном мнении формируется потребность в распространении правдивой, достоверной информации. Известие ложь – это важнейшая задача, пронизывающая все остальные задачи [6]. Независимые средства массовой информации не всегда отображают реальное общественное мнение, зачастую рассматривая его как объект манипулирования в коммерческих и политических интересах [4].

В мае 2022 года в Москве проходил круглый стол, организованный Парламентским Центром «Комплексная безопасность отечества» совместно с Благотворительным фондом «Надежда. Вера. Возрождение» на тему: «Готова ли страна к информационной войне?» Участники круглого стола обсудили проблемы текущего состояния информационного противодействия, решили обратиться к руководству страны с предложениями по выработке мер, направленных на усиление информационного противодействия. В частности, в качестве одного из предложений было: разработать программы повышения квалификации для руководителей, педагогических работников (всех уровней) и проведения их обучения по единой федеральной программе повышения квалификации в сфере воспитания патриотизма, обеспечения информационной безопасности и противодействия информационным атакам, повышения информационной грамотности.

Таким образом, можно сделать вывод, что государство в целях регулирования речевого поведения и использования языка, сформировало часть правовой базы, которая должна стать отправной точкой для создания моделей противодействия угрозам дестабилизации общества, посредством семантической диффамации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения 01.09.2023).
2. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
3. Указ Президента Российской Федерации от 02. Июля 2021г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

4. Баранов С. В. Гражданское общество и национальная безопасность: политический анализ. – М.: Граница, 2014. – 176 с.
5. Мисонжников Б.Я. Комментарий в структуре медиапубликации как субъект формирования метадискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 4. – С. 267–282. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).
6. Стерлигов А. Н., Батанов И. А. Осознание национально-государственных интересов и государственное устройство России. – М., 2022. – 94 с.
7. Уткин Ю.Ю., Уткина И.В. Распространение фейковой информации: об изменении механизмов реагирования государства в 2020 году [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 3. – С. 214–220. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения 01.09.2023).
8. Человек лживый/ НОМОМЕНДАХ: игра с личностью или игра со смыслами / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.-Тверь: Золотая буква, ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2004. – 159 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ МЕДИАОБРАЗОВ УЧАСТНИКОВ
КОНФЛИКТОВ В ДИСКУРСИВНЫХ КАРТИНАХ ПРОКСИ-ВОЙН**

Статья посвящена описанию лингвистических средств создания медийных портретов участников конфликтов из лагеря «чужих» в дискурсивных картинах прокси-войн. В работе ставится цель обобщить использование средств выразительности и установить зависимость создаваемых образов от идеологической позиции издания, ситуативно-контекстуальных условий и социально-исторических традиций в отношениях между сторонами конфликта. Эмпирический материал отобран из популярных медийных изданий на английском языке. В процессе анализа примеров использован метод дискурсивного анализа, компонентный анализ семантики лексических единиц, процедуры смысловой интерпретации содержания. В результате исследования установлены эмоционально-аксиологические коннотативы, использованные при конструировании медийных образов участников прокси-войн из блока «чужих».

Ключевые слова: прокси-война, международный конфликт, субъективизация медийной картины прокси-войн, эмоционально-аксиологические коннотативы, портреты участников конфликтов из блока «чужих», манипулирование массовым сознанием

Z.Z. Chanysheva
(Ufa, Russia)

**MEANS OF DRAWING MEDIA IMAGES OF CONFLICT PARTICIPANTS
IN DISCURSIVE PICTURES OF PROXY-WARS**

The research is devoted to describing linguistic means of creating media images of conflict participants from the THEM block in discursive pictures of proxy-wars. The article aims at summarizing expressive means used and establishing dependence of character portrayal on the ideological position of the media source, situative-contextual conditions and socio-historical traditions in mutual relations between the conflicting sides. The empirical material was selected from popular English media sources. The analysis uses the method of discursive analysis, componential analysis of meanings of lexical units, procedures of semantic content interpretation. The investigation results in describing emotive-axiological connotatives used to create media images of proxy-war participants from the THEM block.

Key words: proxy-war, international conflict, subjectivization of proxy-war media picture, emotive-axiological connotatives, images of conflicting participants from the THEM block, manipulating mass consciousness

Лингвистические средства всегда активно использовались в медийной картине политических столкновений «своих» и «чужих», но в настоящее время в период усиления информационной агрессии, сопровождающей конфликтные ситуации в геополитических отношениях, их роль возросла многократно. В условиях усиления глобальной конфронтации актуальность приобрели прокси-

© Чанышева З.З., 2023

войны, более известные как войны чужими руками, освещение которых, как правило, носит субъективный характер и всё чаще становится эффективным инструментом манипулирования общественным сознанием. Исследование прокси-войн имеет богатую традицию в зарубежной и отечественной политической лингвистике и политологии (K.W. Deutsch 1964, A. Mumford 2013, Z. Ivanov 2020, F. Bryjka 2020, В.М. Капицын 2018, В.Ю. Микрюков 2015, В.М. Родачин 2019, Л.Н. Тимофеева 2022, Н.В. Стариков 2017), подтверждающую, что такие войны превратились в важный детерминант военных конфликтов в XXI веке [1, с. 62]. Не будет преувеличением подчеркнуть весомую роль лингвистических средств на службе прокси-войн не только потому, что они участвуют в субъективной интерпретации вооружённых конфликтов, несущих угрозу глобальной и национальной безопасности стран, но также не менее активно используются в создании выразительных медийных образов участников геополитических столкновений.

Наиболее известным является подход к пониманию сути прокси-войн с точки зрения *external involvement in internal war*, то есть ситуации внешнего вмешательства во внутренний конфликт, предложенный американским политологом K.W. Deutsch, определяющим её как “an international conflict between two foreign powers, fought out on the soil of a third country, disguised as a conflict over an internal issue of the country and using some of that country’s manpower, resources and territory as a means of achieving preponderantly foreign goals and foreign strategies” [6]. В данном определении следует акцентировать следующие аспекты прокси-войны: её представляют как (а) международный конфликт между двумя иностранными державами (добавим уточнение: и их коалициями), (б) на территории третьей страны, (в) с использованием её живой силы и ресурсов, (г) под маской разрешения внутренней проблемы этой страны, но на самом деле (д) пытающимися достичь собственных целей. Указанные признаки прокси-войны отражаются в иных номинациях прокси-войны: война чужими руками, марионеточная война, опосредованная война, гибридная война, война по доверенности и др. Как бы ни отличались обозначения этого явления, ясно одно: внешнее вмешательство в эту войну преследует цель направить удар против своего стратегического противника, используя третью страну как посредника (прокси). В ходе затяжной войны, подготовленной, организованной и спонсируемой внешней стороной, решаются задачи ослабления врага, истощения его ресурсов, укрепления позиций «своих» против «чужих», перетягивания на свою сторону нейтральных «других» стран.

Исследование характера геополитических конфликтов в настоящее время показывает использование прокси-войн с целью реализации экспансии одновременно по нескольким направлениям, обеспечивая увеличение сферы своего влияния и контроля и расширение масштабов межгосударственных столкновений до уровня межконтинентальных и мировых. В этих условиях неизбежно возрастают тревога за будущее, беспокойство о личной и коллективной безопасности, страх перед неотвратимой опасностью, что вызывает недовольство и раздражение людей. В общественном мнении растёт

дефицит доверия к политике государств, не оправдывающей надежды на возможность выживания.

В этих условиях язык превращается в мощный инструмент манипулирования, когда в массовое сознание внедряются идеи о необходимости военных конфликтов, военно-техническом превосходстве «своих» и слабости «чужих», а недоверие к властям пытаются преодолеть с помощью лингвистических ухищрений. Популярность приобретает один из ловких приёмов, используемый для снятия страха. Эту задачу выполняют разные нейтральные по смыслу номинации для замены пугающей военно-политической лексики и создания положительной оценочной модальности. По этой причине на уровне содержания лексических единиц происходят различные немотивированные преобразования. Так, например, вместо слова *война* часто используют заменители: военные учения, военные игры, специальная операция, этническая зачистка, принуждение к миру. Подобные замены становятся обычной практикой, когда в военном лексиконе известные лексемы, обозначающие смертельно опасные виды оружия, вытесняются менее пугающими выражениями, например, в английском языке: *bombs* > *explosive devices* (взрывные устройства), *cluster bomb* > *cluster munitions*, *multiple bomblets* (кассетные боеприпасы). Создаются непонятные для массового читателя названия оружия *steel rain* (стальной дождь), *unitary warhead* (бомба с унитарным зарядом), *cluster duds* (кассетная неразорвавшаяся унитарная боеголовка), *glide bombs* (планирующие бомбы). *Storm Shadow missile* (малозаметная крылатая ракета).

Новые военно-политические номинации схожи с эвфемизмами в том, что используются для нейтрализации негативных смыслов и придания необходимой эмоциональной окраски словам, но в геополитическом контексте они имеют более значительную функциональную нагрузку, выполняя политкорректную, маскировочную и манипулятивную функции, замещая слова с негативными коннотациями. Помимо этого, они преследуют цели консолидации общества, укрепления доверия к власти и поддержки проводимой государством политики.

На политической арене практически никогда не прекращалась конфронтация «своих» и «чужих», но сегодня она развернулась с особой силой. Изменение характера прокси-войн, разнообразие их участников (*non-state actors* – негосударственные участники, *private military companies* – частные военные компании (ЧВК), расширение масштабов, подключение экономических блоков и межгосударственных объединений свидетельствуют о пополнении арсенала средств в борьбе с «чужими». Военные конфликты получают необходимый лингвистический аккомпанемент в предвзятом освещении в медийной коммуникации конфликтных событий и их участников в зависимости от позиции изданий и оценки действий в столкновениях «своих» и «чужих». Дискурсивная картина прокси-войн, в которой авторы прибегают к лексическим ухищрениям с использованием текстуальных замен для маскировки их сути и оправдания своей политики, превращается в геополитический инструмент.

Пример 1. *Indeed, the small size of the Baltics deployment is strategically insignificant on a military level, but appears designed to reassure the NATO allies and serve as a 'tripwire' that assures an immediate U.S. military response to any aggression against the Baltic states* [7].

В примере использовано сочетание *serve as a 'tripwire'* (обеспечивать силы прикрытия) по поводу размещения сил США в Прибалтике, которые можно легко нарастить для немедленной военной реакции в помощь НАТО и союзников в случае агрессии России против балтийских стран. Обращает на себя внимание модальность возможности в предложении (*appears* – кажется, похоже, по-видимому) и метафора в заголовке статьи *at Russia's doorstep*, на которую отреагировал президент В. Путин: «Мы, что ли, ставим ракеты рядом с границами Соединенных Штатов? Нет! Это ж США пришли со своими ракетами к нашему дому, на пороге нашего дома находятся уже» [3].

Пример 2. *Second, the Alliance sees the war games as crucial to deter further aggressive behavior from Russia in the wake of the invasion of Ukraine, annexation of Crimea and ongoing cyber attacks* [8].

В данном примере использован аналог прокси-войны *war games* (военные манёвры), и приводятся доводы о необходимости военных учений, нацеленных против якобы агрессивного поведения России в связи с «аннексией» Крыма и «вторжением» на Украину, а также в связи с обвинениями в «непрерывных кибератаках».

Пример 3. *“Russian troops in Georgia's breakaway region of South Ossetia are carrying out a peace enforcement operation aimed at protecting civilians, President Dmitry Medvedev said on Saturday. “Our peacekeepers and reinforcement units are currently running an operation to force the Georgian side to (agree to) peace,” Russian news agencies quoted Medvedev as saying* [4]. В заявлении Д. Медведева, занимавшего пост президента в те годы, сообщалось о вооружённом конфликте, развязанном в августе 2008 года Грузией против автономной Южной Осетии, в нарушение принятых договорённостей. Данный конфликт в сообщении Reuters для своих читателей представлен как «операция по принуждению Грузии к миру» с целью защиты мирных граждан.

Вышеприведённые примеры из англоязычных источников не только демонстрируют используемые уловки, позволяющие избегать лексемы прокси-война, но и показывают на этом фоне роль языковых средств, создающих портреты «чужих», имеющих ярко выраженный эмоционально-аксиологический характер: «чужой» – это идеологический враг, представляющий высокую степень угрозы; это политический враг, с которым исключается перспектива сотрудничества и партнёрства; это культурно-исторический враг, в отношениях с которым возрастает дистанция отчуждения [2, с. 99]. Не жалеют красок в англоязычных медийных текстах при описании России как своего давнего стратегического врага (*the old-time adversaries*), якобы восстанавливающего прежнюю систему советской империи, обвиняемой в тоталитаризме, экспансии, репрессиях и гонениях, депортациях населения и т.п. В годы жёсткого идеологического противостояния политических систем

преобладали традиционно навешиваемые ярлыки, создающие советские образы (*guided democracy, communist advance, communist party rule, Stalin's forced labor camps, prisoners of conscience, the KGB control system*).

В современной истории язык вражды включает выпады против политического строя, главы государства и руководства, российских компаний, известных личностей, и во всех случаях имеет место передёргивание реальных фактов, их субъективная интерпретация, искажения смыслов вплоть до откровенной лжи. Политическая риторика пополнилась новыми образами в связи с событиями в Восточной Украине. Ниже приводятся лишь некоторые примеры эмоционально-аксиологических коннотативов из языка ненависти по страницам изданий на английском языке:

Russian imperialism, autocratic system, Russian rapists (наильники), *torturers* (истязатели, палачи), *and murderers* (убийцы), *the reconstruction of much of the old Soviet imperial state* (восстановление многих черт бывшей советской империи), *Russia would be even further empowered to meddle in Europe and to expand its influence with unlimited violence* (право на вмешательство в Украину и расширение своего влияния, проявляя неограниченное насилие), *commit slaughter and atrocities with impunity* (совершать безнаказанно убийства и злодеяния); *repressive oligarchical kleptocracy* (репрессивная олигархическая клептократия) [5; 7; 8; 9].

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод, что картины прокси-войны являются современной медийной площадкой борьбы с врагами, отражающей жёсткое противоборство «своих» и «чужих». Характер создаваемых медиаобразов зависит от идеологической позиции издания, места и времени события, опыта и традиций в отношениях конфликтующих сторон, преобладающего формата общения, мотивации втянутых в конфликт сторон и других контекстуально-ситуативных факторов и социально-исторических традиций. Материал англоязычных изданий показывает, что резко изменившаяся тональность публичного общения позволяет использовать богатый арсенал языковых средств политической риторики для создания портретов конфликтующих сторон. Характерной чертой портретирования является насыщение медиаобразов резко отрицательными эмоционально-аксиологическими коннотативами при описании участников прокси-войн из лагеря «чужих».

Литература

1. Бартош А.А. Прокси-война как определяющий фактор военных конфликтов XXI века // Военная мысль. – 2023, № 5. – С. 61–75.
2. Чанышева З.З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации // Язык и текст. Том 3. – 2016, № 3. – С. 96–105.
3. Большая пресс-конференция В. Путина – 2021. URL: <https://ria.ru/20211223/putin-1765097880.html> (дата обращения: 31.07.2023).
4. Balmforth R. Russia runs peace enforcement in S.Ossetia-Medvedev. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL9268068> (дата обращения: 20.06.2023).

5. Cohen E.A. It's Not Enough for Ukraine to Win. Russia Has to Lose. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2023/05/ukraine-victory-russia-defeat/674112/> (дата обращения: 16.06.2023).

6. Deutsch K.W. External Involvement in Internal War // Internal War: Problems and Approaches. New York: NY: Free Press of Glencoe, 1964. URL: <https://catalog.princeton.edu/catalog/9912735303506421> (дата обращения: 12.07.2023)

7. Griffith K. US brings firepower to Latvia: First contingent of 800 American troops arrives at Russia's doorstep in the Baltics as NATO bolsters its eastern flank after Putin's invasion of Ukraine. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10547275/First-contingent-800-American-troops-arrives-Russias-doorstep-Baltics.html> (дата обращения: 02.08.2023)

8. Stavridis J. NATO Is in the Middle of an Expensive and Dangerous Military Exercise. Here's Why Those War Games Are Worth It. URL: <https://time.com/5438453/nato-military-exercises-war-games/> (дата обращения: 04.08.2023).

9. Weisberg J. The Cold War is over. Why do we still treat Russia like the Evil Empire? URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/12/17/russia-united-states-cold-war/> (дата обращения: 23.02.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КОРПУСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена описанию возможностей установления пользовательских настроек в современных лингвистических корпусных технологиях. В работе рассматриваются характеристики ресурсов «Ted Corpus Search Engine», «AntConc», «AntWordProfiler», «Kontext», «VOYANT». Пользователю становится доступным выбирать и изменять разные параметры в настройках. Подчеркивается важность применения корпусов на разных этапах учебного процесса. Корпуса являются ресурсом для создания глоссариев и разнообразных упражнений.

Ключевые слова: корпусные технологии, лингвистический корпус, образовательный процесс, перспектива пользователя

N.A. Shamova
(Saint-Petersburg, Russia)

ANTHROPOCENTRIC CHARACTER OF CORPUS TECHNOLOGIES OF THE XXI CENTURY AND THEIR ROLE IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

The article is devoted to the description of the possibilities of establishing user settings in modern linguistic corpus technologies. Characteristics of «Ted Corpus Search Engine», «AntConc», «AntWordProfiler», «Kontext», «VOYANT» are considered in the work. It becomes possible for the user to select and change different options in settings. The importance of the application of corpora at different stages of the educational process is emphasized. Corpora are resources for the creation of glossaries and different exercises.

Key words: corpus technologies, linguistic corpus, educational process, the user's perspective

Современной лингвистике свойственен антропоцентризм. А.Э. Левицкий считает, что «лингвистика XXI века характеризуется особым вниманием к человеку как объекту и субъекту речемыслительной деятельности» [2, с. 74]. П.И. Костомаров указывает на то, что «антропоцентризм в лингвистике объясняется учеными сменой ракурса исследования, формулированием нового объекта исследования – языковой личности...» [1, с. 199].

Для корпусной лингвистики, сформированной в рамках прикладной лингвистики, так же присуща ориентация на человека, но не только как на объект, воспроизводящий язык, но и как на пользователя корпусных технологий, изучающего язык с их помощью. Таким образом, отличительной особенностью современных корпусных технологий является их

антропоцентрический характер, поскольку они позволяют устанавливать пользовательские настройки, что делает их более ориентированными на нужды и потребности исследователей. В программах становится возможным выбирать размер шрифта, количество предоставляемой информации, например, в опции «конкорданс», а также ряд других параметров. В данной статье акцент сделан на описании корпусных технологий, находящихся в свободном доступе.

Так, корпус «*Ted Corpus Search Engine*» находит все контексты, в которых встречается искомое слово [6]. Корпус является достаточно представительным по объему, поскольку содержит более 4000 записей выступлений конференции «*TED*». По словам разработчика, данный ресурс создан для научных и образовательных целей. Кроме того, корпус может функционировать, в том числе и как параллельный корпус, если выбрать функцию перевод («*translation*»). В настоящее время перевод в корпусе осуществляется более чем на 20 языках, среди которых иврит, хинди, японский, персидский, вьетнамский, сербский и т.д. Вместе с тем, пользователь может получить перевод, интересующего его предложения, сразу на несколько языков. Для этого необходимо ввести в поисковое окошко слово, в результатах поиска выбрать интересующее предложение (строку), после этого в отдельном окне будут отображены варианты перевода нужной строки на все доступные языки. Информация из параллельного корпуса может быть использована преподавателем в учебном процессе, например, для сопоставления исходного и переведенного вариантов, для иллюстрации разнообразных переводческих трансформаций, а также для поиска переводного эквивалента интересующей лексической единицы.

Опция «*Search Talk Info*» предоставляет возможность получить дополнительную информацию о скорости записи и ее уровне сложности. Так, при выборе данной опции рядом с предложением появляются цифры в квадратах разных цветов. Цифра обозначает порядковый номер предложения, а цвет указывает на определенный уровень сложности материала. Соответственно, зеленое цветовое выделение – «*very slow*», «*very easy*»; желтое – «*slow*»; оранжевое – «*difficult*»; красное – «*very difficult*». Описанная функция позволит преподавателю сэкономить время на поиске информации, соответствующей языковому уровню учащихся.

Опция «*keywords of the talk*» показывает ключевые слова, характерные для определенного выступления. Данная информация может быть представлена в двух видах по желанию пользователя. Первый вариант – это когда ключевые слова подчеркнуты в строке. Например, в выступлении John Marshall «*Strategies for effectively talking about climate change*», посвященного изменению климата, автоматически отмечены следующие ключевые слова: «*scientists*», «*pollution*», «*people*», «*climate change*», «*emission*», «*ozone hole*», «*warming*», «*flooding*». Второй вариант расположения ключевых слов, когда составлено, так называемое облако слов («*word cloud*»), состоящее только из ключевых слов. Стоит отметить, что второй вариант представляется более наглядным. В свою

очередь облако слов может служить основой для разработки творческих заданий. Например, учащимся может быть предложено составить свой собственный рассказ на определенную тему на основе ключевых слов.

При выборе опции «*Advanced Search*» можно конкретизировать запрос, добавляя в поисковую строку определенные символы. Например, чтобы узнать производные слова, необходимо написать искомое слово и добавить квадратные скобки. Так, при вводе [*excite*] будут найдены лексические единицы «*excite*», «*excites*», «*excited*», «*exciting*». Если нужно получить примеры, в которых слово будет относиться к определенной части речи, то в квадратных скобках пишется искомое слово, а дальше в фигурных скобках указывается часть речи, например, [*help*] {*noun*}. Важно акцентировать внимание на том, что при работе с текстом выступления доступно изменение размера шрифта (представлено три варианта).

В корпусе «*Ted Corpus Search Engine*» также есть опция «*constructions*», предоставляющая выбор из 1145 разнообразных конструкций, особенности функционирования которых могут быть проиллюстрированы примерами из корпуса. Программа автоматически показывает все контексты, в которых встречается выбранная конструкция. Следует отметить, что конструкции располагаются в алфавитном порядке, что способствует быстрому поиску нужной информации. Работа с функцией «*constructions*» может осуществляться в рамках учебных занятий, когда преподаватель дает учащимся задание объяснить разницу, например, употребления инфинитива и герундия после слова «*forget*», анализируя определенные иллюстративные примеры («*forget to V/forget V-ing*»). Программа находит следующие предложения: «*Do not forget to take your camera with you tomorrow*», «*I will never forget hearing her sing that song for us*». Кроме того, примеры сопровождаются аудиозаписью, что будет особенно полезно для учащихся, имеющих невысокий уровень владения английским языком.

Следующая программа, предоставляющая пользователю право менять настройки, называется «*AntConc*» [3]. В рамках опции «*Global Settings*» можно определить не только цветовое выделение для различной информации (раздел «*colors*»), но и шрифт, его размер (раздел «*fonts*»). Одно из преимуществ данной программы заключается в сохранении установленных параметров (при выборе соответствующих настроек в разделе «*restore settings*»), таким образом, при повторном обращении к ресурсу ранее выбранные настройки будут применены автоматически.

Интересные технические возможности имеет программа «*AntWordProfiler*», позволяющая анализировать лексику по уровням [4]. Данная программа может сохранять и отображать несколькими способами списки слов, относящиеся к каждому уровню: горизонтально (функция «*export level list(s) as rows*») или вертикально (функция «*export level list(s) as tree(s)*»). Разные варианты сохранения информации могут быть использованы преподавателем, например, для формирования глоссариев на основе учебных материалов.

Далее рассмотрим ресурс «*Kontext*», определяемый разработчиками как приложение, имеющее базовый интерфейс и предназначенное для работы с

корпусами [5]. Отметим, что создать свой собственный корпус в рамках данного ресурса нельзя, но можно работать со встроенными корпусами. Программой «*Kontext*» разработаны специальные подсказки для пользователя. Так, рядом с поисковой строкой есть особый блок информации «*tips*», содержащий полезные советы (обычно в корпусных программах справочная информация находится в отдельных разделах «*help*» или «*manual*»). Таким образом, в программе «*Kontext*» при формировании поискового запроса (в случае необходимости) можно воспользоваться советами, не тратя дополнительное время на их поиск. Описанная опция будет полезна для учащихся, еще только начинающих знакомство с корпусными программами.

В отличие от других корпусных технологий, в которых также есть опция «конкорданс», в программе «*Kontext*» доступно установление дополнительных параметров относительно выбранных строк конкорданса. После того как пользователь отметит интересующие его строки, программа автоматически посчитает их количество и в специальном поле «*unsaved line selection*» предложит либо удалить выбранные строки, либо оставить только выбранные строки. Данные технические особенности могут использоваться преподавателем в подготовке к занятиям, например, для формирования списка иллюстративных примеров, логично сгруппированных для объяснения правил или языковых закономерностей. Пользователь может определять способ отображения информации, а также выбирать необходимое количество строк не только в функции конкорданс, но и в рамках других функций. Подчеркнем, что зарегистрированный пользователь может сохранять понравившиеся корпуса в специальном разделе «*my list*», что сэкономит время на их поиске (в случае повторного обращения).

Интересным представляется также ресурс «*VOYANT*» [7]. В данной программе пользователю дается возможность выбора способа представления информации в специальном разделе «инструменты визуализации». Например, в опции «*bubblelines*» ключевые слова отображаются на горизонтальной линии (в виде кругов), местоположение которых соотносится с местоположением слов в частях текста. Размер круга указывает на частоту встречаемости слова в соответствующем сегменте текста, соответственно, чем больше круг, тем выше частотность употребления слова в анализируемом материале. В опции «*termsBerry*» для наглядности также используются круги, но в отличие от предыдущего способа представления информации, на частотность встречаемости слова влияет не размер круга, а размер шрифта, который выбран для слова.

Вместе с тем, программа «*VOYANT*» позволяет конкретизировать результаты поиска. Например, после ввода комбинации *oat будут найдены слова, заканчивающиеся на «*oat*». В свою очередь комбинация "*winter coat*"~0 означает, что в отображенных словосочетаниях порядок слов не будет учитываться, то есть могут быть найдены результаты «*winter coat*» или «*coat winter*».

Данная программа предлагает разные способы представления информации, так можно установить частотность повторения лексической единицы в опции контексты. Кроме того, отличительной особенностью данной программы является то, что по умолчанию экран разделен на пять областей, четыре из которых позволяют работать с корпусом, а в одной области находится непосредственно исследуемый текст. Таким образом, на экране одновременно отображаются результаты нескольких поисковых запросов, которые удобно анализировать и при необходимости сравнивать.

Рассмотрев различные функции современных корпусных технологий, мы приходим к выводу, что данные программы стремятся к установлению определенного типа пользователя и ситуации обращения, предоставляя право выбора количества информации, способа ее представления и сохранения. Рассмотренные ресурсы позволяют выбирать удобные настройки, что может быть полезно не только для ученых, но и для преподавателей и учащихся. Разнообразие корпусных инструментов и возможность изменения параметров в настройках, безусловно, способствуют не только более точным научным результатам, но и более плодотворному образовательному процессу.

Литература

1. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014, № 2 (58). – Т. 1. – С. 198-203.
2. Левицкий А.Э. Антропоцентризм современной функциональной лингвистики // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина. – 2010, № 1. – Т. 5. – С. 74–77.
3. AntCon. URL: <https://laurenceanthony.net/software/antcon/> (дата обращения: 20.06.2023).
4. AntWordProfiler. URL: <https://laurenceanthony.net/software/antwordprofiler/> (дата обращения: 20.06.2023).
5. Kontext. URL: <https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=syn2020> (дата обращения: 20.06.2023).
6. Ted Corpus Search Engine. URL: <https://yohasebe.com/tcse/> (дата обращения: 20.06.2023).
7. VOYANT. URL: <https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 20.06.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

ИНТРОСПЕКЦИЯ И АВТОРЕФЛЕКСИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА СУБЪЕКТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье проанализированы методологически оформленные механизмы переводческих решений в контексте когнитивно-деятельностной теории перевода. Дана краткая характеристика основных методов исследования мыслительных процессов переводчика – интроспекции, авторефлексии, метода ТАР (Think Aloud Protocol). Сопоставлены понятия и определения этих механизмов, выявлены сходства и различия, основные проблемы использования в переводческой практике. Практики применения методов интроспекции и рефлексии рассмотрены на конкретных примерах. Сделаны выводы о необходимости систематизации и разработки упорядоченной классификации имеющихся методов изучения сложных ментальных процессов переводчика.

Ключевые слова: ментальные процессы переводчика, механизмы переводческих решений, интроспекция, авторефлексия, опыт субъективного осмысления

G.O. Shokin, V.A. Milovidov
(Murmansk, Russia)

INTROSPECTION AND SELF-REFLECTION BY A TRANSLATOR OF LITERARY FICTION ON THE EXAMPLE OF THE EXPERIENCE OF SUBJECTIVE COMPREHENSION

The article analyzes methodological mechanisms of translation solutions in the context of cognitive activity theory of translation. A brief description of the main methods of studying the translator's thought processes – such as introspection, autoreflexion, TAR method (Think Aloud Protocol) is given. The concepts and definitions of these mechanisms are compared, similarities and differences are revealed as well as the main problems of use in translation practice. The practices of using introspection and reflection methods are considered on specific examples. The conclusions are made on the need for systematization and development of an ordered classification that will be applicable to existing methods of studying complex mental processes in the mind of the translator.

Key words: mental processes of the translator, mechanisms of translation decisions, introspection, self-reflection, TAR, subjective comprehension

В последние три десятилетия в России наблюдается неуклонный рост доступности и популярности зарубежных, преимущественно англоязычных, писателей для массового читателя, все более существенную долю которого составляют молодые люди в возрасте до 35 лет. Неизбежным следствием этого явления становится влияние, которое оказывает переводная литература на формирование у целых поколений молодых россиян ценностных ориентиров и жизненных установок.

В этих условиях профессионализм переводчиков и качество переводов литературно-художественных произведений зарубежных писателей должны находиться на очень высоком уровне, достижение которого невозможно без развития теории и практических исследований в области переводоведения. На необходимость таких исследований для подготовки будущих лингвистов-переводчиков указывают многие ученые [1 с. 39; 2 с. 45-51; 3, с. 85; 7 с. 124-125; 8 с. 1-11].

Анализ публикаций отечественных и зарубежных исследователей показывает наличие, и неразрешенность до настоящего времени определенного кризиса в теории художественного перевода, что, впрочем, может служить импульсом к ее качественному скачку и развитию в самом ближайшем будущем [2, с. 45-51; 7, с. 121-125; 12, с. 179-204].

Большое внимание в последние годы уделяется развитию методологических подходов к переводческой деятельности, основанных на той или иной форме рефлексии переводчика как субъекта этой деятельности [4]. Анализ научных публикаций, посвященных развитию личностно-ориентированной и когнитивно-деятельностной теории перевода, показывает наличие большого количества противоречий и проблем лингвистической теории перевода, среди которых специалисты выделяют основные [8; 12]:

1. ограниченность и неспособность лингвистической теории перевода отразить рефлексивную природу переводческого процесса в свете новой парадигмы исследования языка, основанной на антропоцентризме, неофункционализме, экспланаторности и экспансионизме;
2. несовместимость лингвистической теории перевода с представлениями о переводе как целостной модели;
3. неспособность лингвистической теории перевода прояснить механизмы выбора и принятия оптимальных переводческих решений.

На разрешение этих проблем направлены методы анализа переводческих решений, развивающиеся в рамках упомянутой выше личностно-ориентированной теории перевода, а именно, методы интроспекции и авторефлексии [5, с. 138-141; 6, с. 10-11; 7, с. 124-125; 13, с. 155-164].

Авторефлексия переводчика определяется как форма субъективного осмысления собственной профессиональной деятельности, которая позволяет переводчику регулировать свои действия в различных ситуациях осуществления двустороннего последовательного перевода [5, с. 139; 6, с. 10].

Похожее определение дано в работе Д.Ш. Гладун, однако у авторефлексии в понимании ученого появляется «экспериментальный компонент в исследовании качества перевода и его позитивного вклада в профессиональную компетентность переводчика» [5, с. 141].

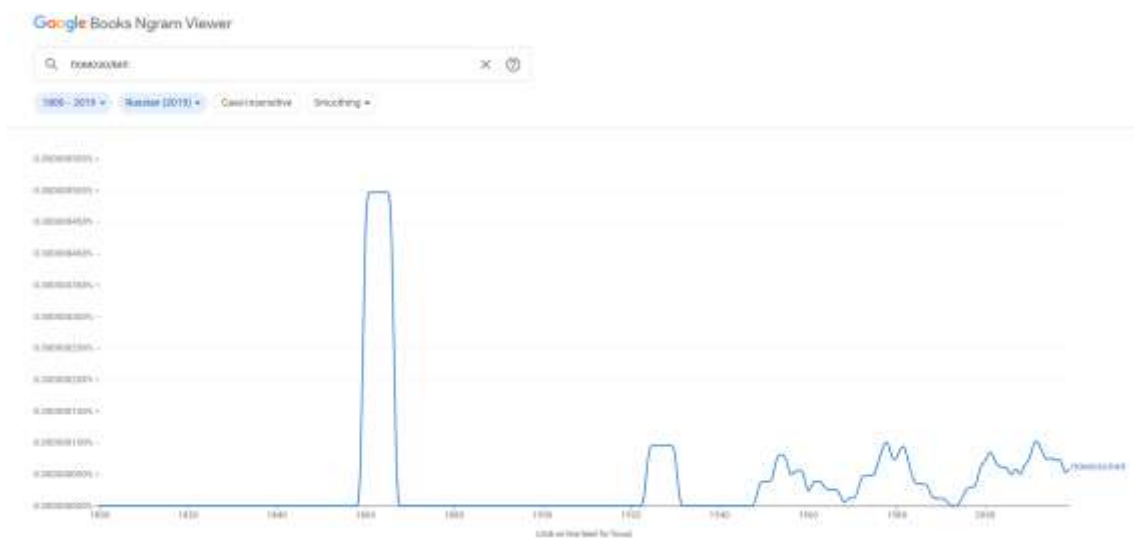
Интроспекция по своей сущности близка к авторефлексии, поскольку большинством ученых трактуется как метод самонаблюдения и сознательной фиксации переводчиком хода своих рассуждений [7, с. 122]. Пожалуй, единственным отличием в определении интроспекции как метода субъективного анализа процесса выбора и принятия переводческих решений от

определения авторефлексии, является чуть более конкретизированная фиксация временных рамок проводимого анализа. В своей работе, посвященной анализу переводческой рефлексии, В.В. Клишин указывает на «фиксирование переводчиком хода своих рассуждений» непосредственно «в процессе выработки переводческого решения». Впрочем, в работе Н.М. Нестеровой и Е.В. Поздеевой такой конкретики не просматривается, более того, допускается «интервьюирование переводчиков с целью узнать, что и как они делают» [13, с. 156], что ставит под сомнение понимание интроспекции как акта внутреннего монолога переводчика, переводя ее в диалог переводчика с интервьюером, очевидно, уже после принятия переводческого решения.

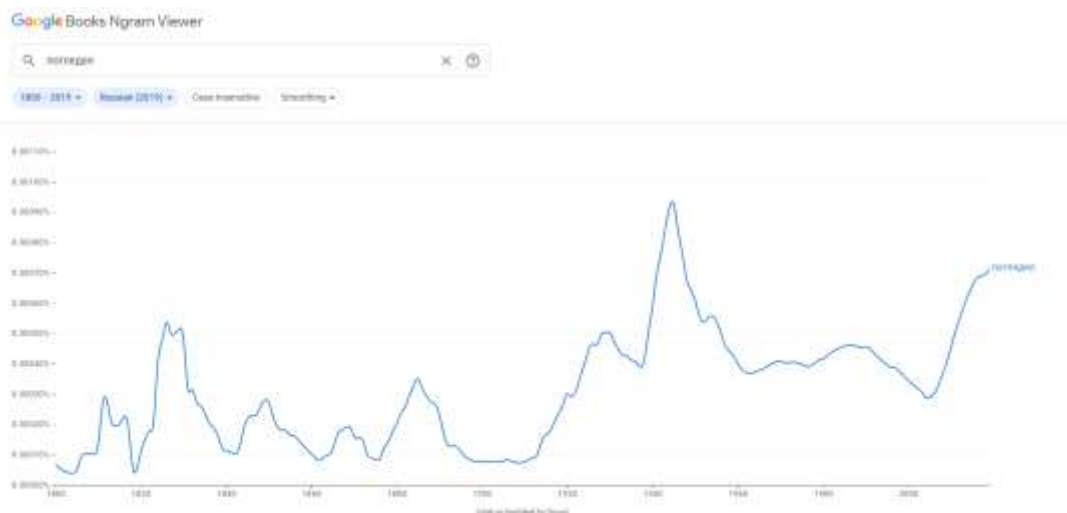
Опишем авторефлексию переводчика – автора статьи на примере выбора оптимального переводческого решения при переводе отрывка текста произведения «The Night Class» Тома Пиккирилли, готовящегося к изданию в 2024 году в издательстве «Феникс» (Ростов-на-Дону). «You didn't even pause to take a gander at the girls», замечает один из персонажей, на что про себя протагонист подмечает: «Gander. He had never said the word gander in his entire life» [16]. В рассматриваемом примере внимание переводчика сосредоточено на передаче средствами русского языка глагола *to gander*. Последовательность внутреннего анализа и рассуждений при этом выглядела следующим образом.

Единственное значение, которое приводит Англо-Русский словарь Мюллера для глагольной формы – «глядеть» (разг. *to take a gander* взглянуть). Микроконтекстные показатели в следующем предложении указывают на то, что перевести на русский язык данный глагол подобным прямым образом не получится – в переводе дальнейшая фраза «Он никогда не говорил «глядеть» за всю свою жизнь» будет звучать бессмысленно, ведь слово «глядеть» очень распространено в русской речи, в то время как жаргонная форма «gander» в английской речи экзотична и достаточно редка. В данном случае даже простая синонимизация не гарантирует успеха, и решить задачу, стоящую перед переводчиком, возможно лишь при помощи введения неологизмов или необычно звучащих жаргонизмов. Такой выбор лексических средств русского языка может быть дополнен за счет фоновых знаний переводчика производной от единицы сниженного разговорного стиля – фразеологизма, используемого в качестве глагольной группы «мозолить глаза». Учитывая все сказанное выше, перевод анализируемого отрезка текста можно представить в следующей форме: «Даже не постоял, об девочек глаза не помозолил. – Помозолил. За всю свою жизнь он ни разу не произнес это слово» [14]. Для подтверждения правильности выбора переводческого решения целесообразно провести небольшой эксперимент с использованием сервиса Google Ngram Viewer, вычисляющего частоту упоминания тех или иных слов, словосочетаний, выражений и терминов, записанных в книгах за определенный период. На рис. 1 приведены диаграммы, полученные с использованием сервиса. Из рисунка видно, что в целом частота употребления глагола «gander» достаточно низка в английском и не достигает даже нижнего порога цифр, отмеченных в графике употребления глагола «поглядел» в русском языке. Временной промежуток для

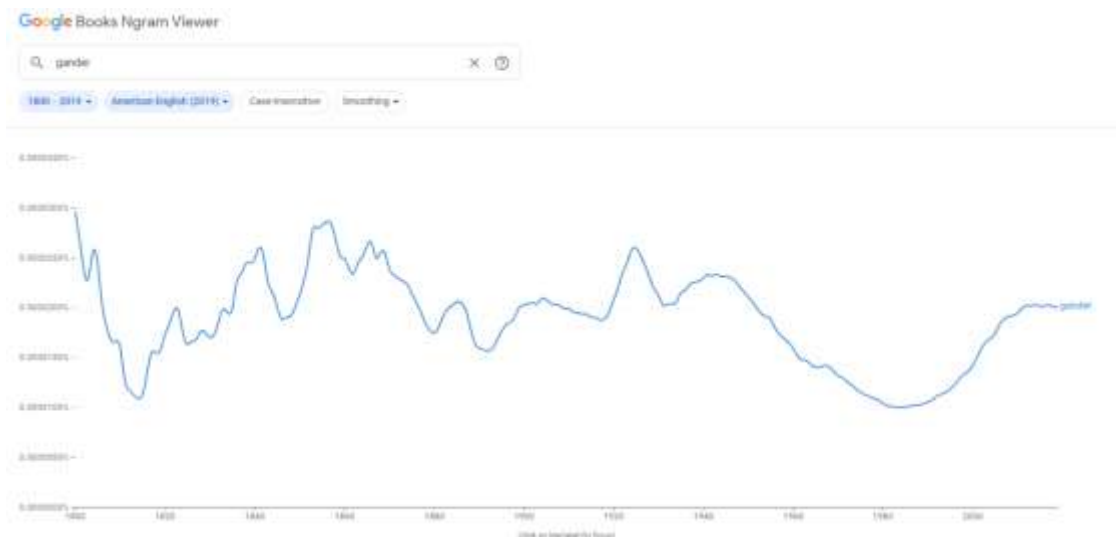
анализа взят с 1800 по 2019 годы. Схожую «редкость» можно отметить и на графике употребления в русском языке за означенный период у глагола «ПОМОЗОЛИЛ».

а)

б)

в)

Рисунок 1. Графики частоты употребления слов «gander» (а), «помозолил» (б) и «поглядел» (в), по данным сервиса Google Ngram Viewer

Выходит, нужный эффект достигнут даже на статистическом уровне, что можно считать состоятельной переводческой компенсацией. В приведенном примере авторефлексия переводчика, представляющая собой анализ возможных решений, дополнена современными и доступными цифровыми средствами. Использование сервиса Google Ngram Viewer предоставило достаточно убедительные и «внешние», по отношению к рефлексирующему переводчику, аргументы в пользу принятого им субъективного выбора.

Далее продемонстрируем интроспекцию переводчика на примере выбора оптимального переводческого решения при адаптации названия рассказа американского писателя Говарда Филлипса Лавкрафта «The Disinterment». Оно создает определенную трудность для русского перевода. Существующие два перевода (анонимный, выложенный переводчиком-любителем в Интернет [9], и выполненный Василием Дорогокуплей, впервые опубликованный в 2010 году издательством «Эксмо» и выдержавший ряд переизданий [10]), адаптируют данное название как «Восставший из могилы» и «Эксгумация». Оба варианта с точки зрения микроконтекста и выбора оптимальной переводческой стратегии не представляются однозначно удачными. Название «Восставший из могилы», пусть и, опираясь в известной степени на сюжетную коллизию, уходит от однословной лаконичности оригинала и звучит слишком «кричаще», в духе типичной локализации названия фильма ужасов. «Эксгумация», пусть и, сохраняя однословность, не передает микроконтекстный «ритуальный» оттенок действия в истории, предпочитая не окрашенный эмоционально медицинский термин (но в английском языке распространено существительное «exhumation», и автор вполне мог прибегнуть именно к нему, но все же предпочел синоним с другой коннотацией).

Автором статьи был предложен вариант перевода «Расхороненный» [11], далее приводится описание рассуждений, приведших к такому решению.

Согласно Толковому словарю В. И. Даля, «расхоронить – распрятать, попрыгать в разных местах»; но также термин «расхоронение» иногда употребляется как синоним слова «эксгумация». Финал истории раскрывает, что тело героя было захоронено на кладбище, в то время как голова – пересажена на тело другого человека. Последняя сюжетная коллизия явно указывает на то, что тело и голова никогда не будут похоронены вместе. Отсюда вариант перевода «The Disinterment» как «Расхороненный» видится вполне отражающим заложенную на уровне оригинала многозначность (вплоть до сохранения значения приставки dis-: «обратное действие, отрицание, убирание, отделение»); герой хоть и был эксгумирован, но не полностью, и в первоизданном целостном виде ему уже никогда не упокоиться.

Анализ приведенных выше примеров реализации механизмов выбора оптимального переводческого решения показывает близкое сущностное сходство интроспекции и авторефлексии и, практически, одинаковую эффективность. Различия в использованных методах имеют место, однако они относятся не столько к сути методов, сколько к их инструментарию. Такой вывод позволяет поставить вопрос о целесообразности объединения методик интроспективного анализа и переводческой авторефлексии в одну методику с расширенным набором экспериментальных и аналитических инструментов. Однако данный вопрос предлагаем рассматривать как дискуссионный и предлагаемый к обсуждению специалистами в области переводоведения.

Литература

1. Абакумова И.В. Интроспекции как дидактический метод, инициирующий смыслообразование в учебном процессе / И. В. Абакумова, Н. А. Ейст. // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2008, № 6/3. – С. 39–44.
2. Алексеева М.Л. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2010, № 1 (7). – С. 45–51.
3. Бударина А.О. Использование принципа рефлексивности в профессиональной подготовке будущего лингвиста-переводчика // Вестник РГУ им. И. Канта. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008, Вып. 5. – С. 82–85.
4. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь: ТГУ, 1997. – 79 с.
5. Гладун Д.Ш. Перевод научных статей: проблема качества // Вестник ВолГУ. Журналистика, лингвистика, переводоведение и филология. – 2016, Сер. 9, Вып. 14. – С. 138–141.
6. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика (на материале русского и английского языков): Автореф. ...канд. филол. наук / А.А. Гуреева; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2014. – 19 с.
7. Клишин А.И. Основной вопрос практики и теории перевода. История и современность // Известия СПбГЭУ. – 2020, №3 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnoy-vopros-praktiki-i-teorii-perevoda-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 08.08.2023).
8. Кушнина Л.В., Погорелая Н.Г., Зубкова Е.В. Рефлексия переводчика vs. метапереводческая деятельность // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020, №2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

9. Лавкрафт Говард Филлипс. Восставший из могилы // CreepyPasta.com.ru – Книги ужасов, хоррор рассказы. – URL: <https://creepypasta.com.ru/story/1683455255> (дата обращения: 09.08.2023).
10. Лавкрафт Г.Ф. Ужас в музее: сб. рассказов. – М.: Эксмо, 2010. – 588 с.
11. Лавкрафт Г.Ф. Шепчущий во тьме: сб. рассказов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2023. – 331 с.
12. Миловидов В.А. Спорные вопросы теории художественного перевода / // Русская литература за рубежом: теория и практика художественного перевода : учебное пособие для студентов магистратуры факультета ИЯ и МК: Направление 035700.68 «Лингвистика», программа специализированной подготовки магистров 45.04.02 «Перевод в сфере профессиональной деятельности»: Электронный образовательный ресурс на 1 CD-R. – Тверь : ТГУ. – 2015, – С. 179–204.
13. Нестерова Н.М., Поздеева Е.В. Об опыте использования методики «Thinking Aloud Protocols» при изучении процесса принятия переводческого решения // Вестник Москов. гос. лингв. ун-та. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия Лингвистика. – 2007, № 541. Ч.2. – С. 155–164.
14. Пиккирилли Т. Академия мрака / Том Пиккирилли. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2024. – 168 с.
15. Lovecraft H. P. The Horror at the Museum and other revisions. – Sauk City: Arkham House, 1989. – 410 p.
16. Piccirilli T. The Night Class / Tom Piccirilli. – New York City: Leisure Books, 2002. – 145 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23
Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В СТРУКТУРЕ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Традиционная структура языковой личности, описанная в трудах Ю.Н. Караулова, проецируется на языковой материал, отражающий ценностные установки современных молодых людей. Тексты, репрезентирующие национальные базовые ценности, запускают механизм аксиологической интерпретации, который, с одной стороны, обусловлен индивидуальным восприятием, с другой стороны, носит типизированный характер.

Ключевые слова: Языковая личность, уровни в структуре языковой личности, национальные базовые ценности, тексты, аксиологические доминанты, аксиологическая интерпретация, способы репрезентации ценностных установок

N.A. Yushkova
(Yekaterinburg, Russia)**AXIOLOGICAL DOMINANTS IN THE STRUCTURE
OF LINGUISTIC PERSONALITY**

The traditional structure of linguistic personality, described in Yu.N. Karaolov's studies, is projected onto language material which reflects the value mindset of modern young people. Texts representing basic national values trigger axiological interpretation, which is conditioned by individual perception, but also follows typical patterns.

Key words: linguistic personality, levels in the structure of linguistic personality, basic national values, texts, axiological dominants, axiological interpretation, representation of value mindset

Лингвистические исследования, связанные с изучением языковой личности, основываются на трудах Ю.Н. Караулова [2], содержащих комплексное описание этого феномена. Инструментарий дальнейших изысканий уточняется в зависимости от типа языковой личности: коллективная / индивидуальная; реальная / виртуальная; элитарная / массовая (стандартизированная) / маргинальная. Генерирующая идея, объединяющая разноаспектные подходы, связана с моделью языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, в которой выделяется три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический.

Вербально-семантический уровень (или, по уточнению Т.В. Матвеевой, вербально-грамматический [5, с. 413]) демонстрирует способность индивидуума использовать лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические ресурсы языка, которые являются основой естественного взаимодействия и базой для восприятия и создания высказываний и текстов. На когнитивном уровне ментальные категории

(понятия, концепты) упорядочиваются и образуют картину мира, обеспечивая через действие языковых механизмов процесс познания и, как следствие, интеллектуальное развитие личности. Прагматический уровень включает в себя мотивационные установки (цели, предпочтения, интересы) и определяет ценностную систему координат личности, что позволяет описать «закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [2, с. 5]. Категория ценности здесь играет ведущую роль, ею обусловлены аксиологические установки личности, выступающие своеобразным социокультурным регулятором. Характер ценностных ориентаций и предпочтений определяется закрепленными в сознании индивида аксиологическими доминантами (далее – АД), отражающими концептуально значимые категории, связанные с существенными для национальной культуры смыслами. Закономерно, что аксиологические доминанты коррелируют с национальными базовыми ценностями, закрепленными в языковой картине мира.

Изучение языковой личности в проекции на уровни в ее структуре возможно прежде всего «на основе произведенных ею текстов» [2, с. 43]. Наиболее сложным для описания остается прагматический уровень, поскольку многие ценностные установки могут быть выражены имплицитно. По замечанию Ю.Н. Караулова, здесь необходимо учитывать «сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»)» [2, с. 42].

Идеи лингводидактического подхода к изучению языковой личности, заявленные в работах Г.И. Богина, подчеркивают действенную природу языкового существования и определяют языковую личность «с точки зрения <...> готовности производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [1, с. 3]. С позиции лингводидактики принципиальным оказывается «положение о конструируемом характере ценностей на основе уже познанного и освоенного, с опорой на уже определенным образом структурируемый в континууме опыт» [7, с. 129].

Эти методологические положения отражаются в современном образовании: задания, ориентированные на подготовку развернутого ответа, предлагаемые в качестве диагностических в школьной практике (итоговое сочинение по литературе, написание сочинения-отклика в рамках ЕГЭ по русскому языку и др.) или конкурсных в вузовской практике (написание эссе, подготовка аргументативных текстов по актуальным социокультурным вопросам и др.), запускают механизмы аксиологической интерпретации, опирающиеся на герменевтические процедуры.

Так, при написании итогового сочинения по литературе, которое выступает допуском к ЕГЭ по русскому языку, актуализируется духовно-нравственная проблематика, предполагающая, что пишущий не только обращается к текстам

художественных произведений, но и демонстрирует аксиологическое преломление их содержания сквозь призму личностного восприятия. Формулировки тем для написания сочинения представлены разработчиками задания в трех разделах [8], содержательное наполнение которых задается подразделами, коррелирующими с аксиологическими доминантами:

Раздел 1. Духовно-нравственные ориентиры в жизни человека: АД 1 «Внутренний мир человека и его личностные качества»; АД 2 «Отношение человека к другому человеку (окружению), нравственные идеалы и выбор между добром и злом»; АД 3 «Познание человеком самого себя», АД 4 «Свобода человека и ее ограничения».

Раздел 2. Семья, общество, Отечество в жизни человека: АД 1 Семья, род; семейные ценности и традиции; АД 2 Человек и общество; АД 3 Родина, государство, гражданская позиция человека.

Раздел 3. Природа и культура в жизни человека: АД 1 «Природа и человек»; АД 2 «Наука и человек»; АД 3 «Искусство и человек»; АД 4 «Язык и языковая личность».

Структурно организованная модель задания создает своеобразную аксиологическую матрицу, которая в дальнейшем получает вербализацию в текстах сочинений школьников.

Иной механизм аксиологической интерпретации реализуется при написании развернутого ответа, включенного в задание ЕГЭ по русскому языку. Сочинение-отклик соотносится с проблемным полем предложенного в контрольно-измерительных материалах опорного текста, относящегося к художественному или публицистическому стилям речи. Авторы текстов – известные русские писатели, публицисты, мыслители XIX-XXI вв. – репрезентируют национальные базовые ценности: *добро, милосердие, сострадание, преданность, верность долгу, мужество, стойкость, честь, трудолюбие, счастье, любовь, любовь к отечеству, красота, культура, образование* и др. При работе с опорным текстом пишущий воспринимает изображенную в нем аксиологическую ситуацию и интерпретирует ее. Аспекты интерпретации указываются в задании: сформулировать проблему, которую заявляет автор текста, прокомментировать ее с привлечением текстового материала, сформулировать позицию автора по проблеме и обосновать свое отношение к этой позиции. Очевидно, что каждый этап работы с текстом предполагает на основе индивидуального восприятия оценивание информации, сопряженное с ценностными установками ученика и коррелирующее с его опытом (личным, социальным, литературным).

Опорный текст реконструирует сложившиеся национально специфические способы «поведенческого реагирования в типичных коммуникативных ситуациях» [6, с. 4]; в процессе аксиологической интерпретации ценностные установки пишущего объективируются. Анализ текстов экзаменационных сочинений позволяет «вычленивать как поверхностную содержательно-ценностную структуру текста, так и глубинную, имплицитную оценочность» [9, с. 123] и выявить аксиологические доминанты в отношении той или иной

аксиологической ситуации. Например, аксиологическая ситуация «Получение высшего образования», представленная в опорном тексте И.В. Ефремова, проявляется в текстах выпускников через АД 1 «Важность своевременного получения образования», АД 2 «Невозможность качественной работы без высшего образования», АД 3 «Преодоление трудностей, развитие воли, стойкости, усердия в процессе получения высшего образования», АД 4 «Роль учителей в профессиональном становлении личности».

Принимая идею полиинтерпретативности содержания текста, «который рассматривается <...> как потенциальный субъект порождения множественности смыслов, воплощаемых в смысловой вариативности ТЕКСТА адресата» (Прим.: выделено автором цитаты) [3, с. 117], отметим, что варьирование интерпретационных моделей в текстах сочинений ограничено типовыми сценариями, которые задаются аксиологическими доминантами, заложенными в опорном тексте.

Подтверждается мысль об ограниченности смысловой вариативности интерпретации и при исследовании массива текстов, подготовленных студентами и магистрантами нефилологических специальностей при написании конкурсных эссе. Так, в работах по направлению «Знать много языков – значит иметь много ключей к одному замку» (Вольтер) выявляются АД 1 «Язык как общественное достояние», АД 2 «Язык как зеркало истории и культуры народа», АД 3 «Язык как возможность личностной реализации».

АД 1 создается ценностными смыслами 'Средство международного сотрудничества' и 'Способ социального взаимодействия'. АД 2 рассматривается в контексте кумулятивной функции языка (отражение в языке опыта народа, его традиций и т.п.). АД 3 «Язык как возможность личностной реализации» наполнена ценностными смыслами 'Качества личности', 'Возможности личностного развития', 'Профессиональные возможности'. Ценностные смыслы, включенные в АД 3, репрезентируют имплицитно или эксплицитно ценностные установки пишущих на уровне лексических единиц (*преимущество, перспективы, открытые возможности, несомненный плюс и др.*) и грамматических форм, усиливающих параметрический компонент коннотации (*важнейшая / жизненно важная роль, огромный плюс и др.*).

Значительным аксиологическим потенциалом обладают и тексты публичных выступлений аргументативного типа, подготовленные студентами по актуальным проблемам, так как ситуация, предполагающая доказывание своей точки зрения, предполагает максимальную «проявленность» аксиологических установок в тексте / дискурсе, поскольку в основе аргументации лежат убеждения, базирующиеся на универсальных ценностных категориях *хорошо / плохо, правильно / неправильно, справедливо / несправедливо, законно / незаконно* и др.» [10, с. 168].

Темы для подготовки аргументативных выступлений соотносятся с базовыми национальными ценностями, которые в результате индивидуальной рефлексивной деятельности распредмечиваются и определяют характер аксиологического реагирования: «в координатах данной онтологической

ситуации жизненного мира человека, переводящей её осознание и осмысление в ситуацию экзистенциальную, происходит прерывание относительно когерентного сбалансированного когнитивного состояния и поиск выхода – решения» [7, с. 128]. Например, в учебном выступлении на тему «Культура или шоу-бизнес: кто кого?» аргументация выстраивается в опоре на две аксиологические доминанты «Отражение в культуре высокого уровня развития духовных достижений», «Несоблюдение в шоу-бизнесе законов морали», причем последняя связана с категорией *антиценности*.

В рассматриваемой аргументации аксиологические установки автора получают эксплицитное выражение через использование оценочной лексики, которая группируется по принципу антонимии (языковой и контекстуальной). Отношение автора получает репрезентацию через тематическое поле «Культура» (*доброта, нравственность, благородство, любовь (к человеку)*) и антонимическое ему поле «Шоу-бизнес» (*жестокость, цинизм, дебилизация, развращение*). Отражаются в аргументации и типовые образы шоу-бизнеса: образ кумира молодежи и образ привлекательной девушки. Кумир молодежи изображен через модель негативного поведенческого сценария (*наркотики, неразборчивость в сексуальных отношениях, депрессивные расстройства*); образ привлекательной девушки получает критическое переосмысление в контексте стандартов, растиражированных в индустрии красоты. Значимым элементом аргументации в выявлении аксиологической позиции выступающего с речью становится и социокультурная характеристика состояния общества в целом, заявляемая через противопоставление: под влиянием шоу-бизнеса общество становится безвольным, годным только для сферы обслуживания, культура позволяет сохранить национальные традиции и оградить общество от влияния шоу-бизнеса.

Таким образом, языковой материал, отражающий ценностные установки современных молодых людей, выпускников средних школ и студентов вузов, позволяет описать механизм аксиологической интерпретации, вектор которой задается национальными базовыми ценностями. Аксиологические доминанты выявляют «осознание констант национальной культуры в контексте аксиологической реальности» [4, с. 238]. Полиинтерпретативность содержания аксиологически нагруженного текста или высказывания приводит к варьированию интерпретационных моделей в создаваемых текстах-откликах, однако это варьирование ограничено типовыми сценариями, описание которых открывает новые возможности в изучении феномена языковой личности.

Литература

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.:ЛКИ. 2010. – 264 с.
3. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. – 312 с.
4. Купина Н. А. Прецедентный фонд русской культуры и языковая личность школьника // Филологический класс. – 2021, № 4. Т. 26. – С. 230-240. doi.org/10.51762/1FK- 2021-26-04-20.

5. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
6. Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга / авторы-составители Данилов С.Ю., Ицкович Т.В., Купина Н.А., Матвеева Т.В., Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н., Пикулева Ю.Б. Шалина И.В. / Отв. редактор И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015. – 60 с.
7. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник МГЛУ. – 2015. – Выпуск 21 (732). – С. 128–137.
8. Структура закрытого банка заданий тем итогового сочинения // URL: <https://fipi.ru/itogovoe-sochinenie> (дата обращения: 09.09.2023).
9. Шалина И.В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И.В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. – 2016, № 11 (59). – С. 121–137.
10. Юшкова Н.А. Потенциал учебных дебатов в становлении аксиологических установок личности // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Москва, 2020 г., Московский педагогический государственный университет / ред.-сост. О.Е. Дроздова. – Москва: Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2020. – С. 166–173.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.23

Дата подписания рукописи в печать: 20.11.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Адылова Л.Э. (<i>Симферополь, Россия</i>) Функционально-стилистическая дифференциация ограничительных адverbативов в современных медиатекстах	7
Арефьева Е.Н. (<i>Ереван, Республика Армения</i>) Нейродидактические приемы активизации психических познавательных процессов при работе с художественным текстом на занятиях РКИ	11
Ахмыловская Л.А. (<i>Владивосток, Россия</i>) Круг чтения как основа самосовершенствования в процессе изучения иностранного языка.....	17
Белоус Н.А. (<i>Москва, Россия</i>) Семантика просодических характеристик вербальных средств выражения в конфликтном дискурсе....	24
Бертякова А.Н. (<i>Москва, Россия</i>) Предлоги в новом дискурсивном пространстве.....	31
Бессонова О.Л., Еременко-Григоренко Ю.Н. (<i>Донецк, Россия</i>) Цветовой код культуры в английской фразеологической картине мира.....	38
Бессонова О.Л., Ососкова А.С. (<i>Донецк, Россия</i>) Диминутивные и аугментативные наименования лица в разных вариантах английского языка: семантика, структура, лингвокультурология	44
Богданова У.В. (<i>Воронеж, Россия</i>) Особенности маркемного состав трудов апостола Иоанна.....	51
Богатырёв А.А. (<i>Москва, Санкт-Петербург, Россия</i>) Текст и «медиатекст» в ожидании перезагрузки: шумы и помехи в канале связи.....	57
Бурмакова Е.А. (<i>Томск, Россия</i>) Риторический вопрос как средство реализации речеповеденческой стратегии дискредитации в политической медиа-журналистике	66
Бынёв А.А. (<i>Тверь, Россия</i>) Мем и регулятив как объекты гуманитарного и научного исследования	71
Ван Юэ (<i>Тяньцзинь, Китайская Народная Республика</i>) Концепт «хитрость» в русскоязычном дискурсе социальных сетей (по данным национального корпуса русского языка)	76
Васильченко М.А. (<i>Москва, Россия</i>) Локусный брендинг в аспекте современной медиакультуры	83
Власова Е.В. (<i>Одинцово, Россия</i>) Языковая личность британцев в современном коммуникативном пространстве	87
Власова Л.Ю., Феденева Ю.Б. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Образ медика в неинституциональном дискурсе (на материале немецкого языка).....	90
Волков В.В., Гладилина И.В. (<i>Тверь, Россия</i>) Лингвистическая аксиология «традиционных ценностей» на службе безопасности российского общества	97

Волкова А.Б., Кобенко Ю.В. (<i>Томск, Россия</i>) Словообразовательные модели псевдоитальянских онимов в немецком литературном языке	103
Выровцева Е.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Дискурсивная практика освоения знания в научно-популярных массмедиа: игра в возражение	107
Гезайли Н. (<i>Алжир, Алжирская Народная Демократическая Республика</i>) Когнитивный аспект перевода фразеологизмов и афоризмов с русского на арабский язык	113
Григорьева В.С. (<i>Тамбов, Россия</i>) Мультимодальная коммуникация: проблемы и перспективы исследования	120
Даренский В.Ю. (<i>Луганск, Россия</i>) С.С. Аверинцев о языке христианской культуры	126
Дединкин А.Л. (<i>Витебск, Республика Беларусь</i>) Принципы производства судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме в Республике Беларусь	131
Демкина Ю.А. (<i>Волгоград, Россия</i>) Концепт «испорченность» в детской англоязычной литературе: на материале повести «Чарли и шоколадная фабрика»	138
Дорофеева И.В. (<i>Тверь, Россия</i>) Обзор систем искусственного интеллекта в лингвистике	143
Дугин Е.Я. (<i>Москва, Россия</i>) От «лингвистического поворота» к коммуникативной медиамодели	151
Зайцева А.С. (<i>Москва, Россия</i>) Современная языковая политика области терминологии робототехники.....	155
Закарян К.А., Кретов А.А. (<i>Воронеж, Россия</i>) Восполняющая экспликация в лингвистической онтогносике	161
Запруднова А.А. (<i>Шанхай, Китайская Народная Республика</i>) К определению границ понятия «интертекстуальность»	167
Иванова Л.А., Лукомская Е.Л. (<i>Москва, Россия</i>) Актуальность формирования основ письменной переводческой деятельности у студентов-нефилологов	174
Ивонина А.С. (<i>Сургут, Россия</i>) Применение коммуникативных стратегий как способ преодоления синтаксических трудностей при понимании иноязычного текста	180
Ильичева Е.Г. (<i>Саратов, Россия</i>) Языковая личность в юридической речи	186
Карасик В.И. (<i>Москва, Россия</i>) Медийно-просветительский дискурс	190
Кобенко Ю.В. (<i>Томск, Россия</i>) Подходы к описанию словарного состава литературного языка	196
Коваль О.И. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Эффективные технологии обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов.....	201
Коньков В.И. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Стиль и коммуникативные статусы текста	206

Краснояров А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Сравнение языковых средств, используемых в конструировании концепта «патриотизм» в публичном дискурсе России и Великобритании	211
Кретов А.А., Артемова О.Г. (<i>Воронеж, Россия</i>) Маркемология как лингвистиколитературоведческая разновидность цифровой гуманитаристики	216
Кузина М.А. (<i>Москва, Россия</i>) Основные сценарии процесса заимствования в современный английский язык (на примере единиц с национально-культурным компонентом значения).....	223
Кузнецова Е.А. (<i>Москва, Россия</i>) «Mindfulness» в языковом образовании	227
Кутимская А.Ю. (<i>Иркутск, Россия</i>) Терминологическая метонимия в экономическом дискурсе немецкого языка	233
Куянцева Е.А. (<i>Луганск, Россия</i>) Влияние блогеров-журналистов на общественное мнение посредством коммуникативных стратегий.....	237
Лавицкий А.А. (<i>Минск, Республика Беларусь</i>) Судебная лингвистическая экспертиза материалов, связанных с распространением ложной информации	242
Лебединская Е.Ю. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Речевые жанры ироничного переосмысления научно-популярной проблематики в сетевом сообществе.....	247
Линник Л.А. (<i>Уфа, Россия</i>) Языковая личность в коммуникативном пространстве медицинского дискурса	252
Малыгин В.Т. (<i>Владимир, Россия</i>) Визуальная поэзия Андрея Вознесенского	257
Малышева Е.В. Васильева Е.Н. (<i>Тверь, Россия</i>) Гендерная специфика невербальной политической коммуникации	267
Маслова В.А. (<i>Витебск, Республика Беларусь</i>) Интегративный подход к тексту должен стать доминирующей теорией XXI века.....	275
Милуд М.Р. (<i>Алжир, Алжирская Народная Демократическая Республика</i>) Заимствование как способ образования терминов в компьютерной терминологии и нанотехнологии.....	281
Мисонжников Б.Я. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Метатекст и метадискурс как феномены когнитивной парадигмы	286
Миронова Н.И. (<i>Москва, Россия</i>) База данных звучащей русской речи как инструмент исследования ошибок иностранцев, изучающих русский язык	293
Морозова О.Н., Ульянич Г.А. (<i>Тверь, Россия</i>) Культурно-духовное направление в изучении мелодийной направленности коммуникативных практик проповеди	299
Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф. (<i>Москва, Россия</i>) К постановке проблемы патогенного текста.....	306

Мурашова Е.П. (<i>Москва, Россия</i>) Мимесис в сетевом гибридном медиатексте (на материале предвыборных «иксов» кандидатов в президенты США 2024 г.)	310
Нагорнов М.И. (<i>Москва, Россия</i>) Экологичность статей британской прессы на тему экологии и защиты окружающей среды.....	316
Никонова Е.А. (<i>Москва, Россия</i>) Освещение вопросов экологии в СМИ как инструмент политической манипуляции.....	324
Новоселова О.В. (<i>Тверь, Россия</i>) Вербальный индекс менасивности российского предвыборного дискурса.....	327
Онал И.О. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Метафора как средство манипулирования в политическом дискурсе (на примере кризисного дискурса турецкой оппозиции)	333
Орлова Л.Г., Корнилова Е.С. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Использование технологии инклюзивного образования при обучении иностранному языку в вузе.....	339
Пономарёва Ю.В., Ищенко Е.А. (<i>Тверь, Россия</i>) Особенности функционирования интернет-мемов в политическом сетевом дискурсе (на материале интернет-мемов о королеве Великобритании).....	345
Резникова А.Р., Бессонова О.Л. (<i>Донецк, Россия</i>) Медиатекст как средство информационной реализации «зеленой повестки».....	351
Романов А.А., Абросимова-Романова Л.А. (<i>Тверь, Россия</i>) Когнитивные мерности функционального потенциала коммуникативно-дискурсивного конструкта “запугивание”	355
Савинова О.Н. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Язык современных СМИ в цифровую эпоху.....	364
Сафина Л.М., Кобенко Ю.В. (<i>Томск, Россия</i>) Перевод реалионимов старинных профессий в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский, французский, татарский языки.....	369
Скаковская Л.Н. (<i>Тверь, Россия</i>) Деятельность Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре в области совершенствования языковой политики..	374
Соколова Е.Г. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Развитие поликультурной языковой личности студентов в лингвистическом вузе.....	379
Соловьева О.Б. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Роль инновационных технологий в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза.....	383
Степанова А.С. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Применение метода сторителлинга в обучении иностранным языкам.....	389
Степанова А.А., Гунина Н.А. (<i>Тамбов, Россия</i>) Словообразовательные средства передачи языковой игры в англоязычном медиадискурсе	394
Тимко Н.В. (<i>Одинцово, Россия</i>) Стратегии культурно-прагматической адаптации. Элиминация и экспликация национально-культурной специфики при переводе	399

Уткина И.В. (<i>Тверь, Россия</i>) Лингвокогнитивная категория «лаудатив» в контексте когнитивной безопасности страны.....	403
Уткин Ю.Ю. (<i>Тверь, Россия</i>) Семантическая диффамация как разновидность менасивной дестабилизации общества.....	409
Чанышева З.З. (<i>Уфа, Россия</i>) Средства создания медиаобразов участников конфликтов в дискурсивных картинах прокси-войн.....	415
Шамова Н.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Антропоцентрический характер корпусных технологий XXI века и их роль в современном образовательном процессе.....	421
Шокин Г.О., Миловидов В.А. (<i>Мурманск, Россия</i>) Интроспекция и авторефлексия переводчика в художественном переводе на примере опыта субъективного осмысления.....	426
Юшкова Н.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Аксиологические доминанты в структуре языковой личности.....	433

**ЛИНГВИСТИКА
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА:
ТЕНДЕНЦИИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы международной
междисциплинарной научной конференции*

Тверь, 12–13 октября 2023 года

Подписано к использованию 24.11.2023.
Электронный образовательный ресурс. Заказ № 274.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.